

Майкл Флинн

В СТРАНЕ СЛЕПЫХ

Майкл Флинн В стране слепых

Майкл Флинн

В стране слепых

Майкл Флинн, один из ведущих современных писателей-фантастов США, начал публиковаться в середине 80-х годов в журнале «Аналог». Его первый роман «В стране слепых» — жесткий фантастический техно-триллер с элементами альтернативной истории — был опубликован в США в 1990 году, мгновенно замечен критиками и сразу же принес автору широкую известность. Сейчас на счету Майкла Флинна уже пять книг.

СЕРИЯ

«СПЕКТР»

Майкл Флинн

В СТРАНЕ СЛЕПЫХ

Перевод с английского
Алексея Иорданского
и Сергея Петухова

«АЛЕКСАНДР КОРЖЕНЕВСКИЙ»

Москва

«РУСИЧ»

Смоленск

1995

ББК 84.7 США
Ф 72
УДК 820(73)-31

Michael Flynn «IN THE COUNTRY OF THE BLIND»
Copyright © 1990 by Michael Flynn

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов
Eleanor Wood/Spectrum Agency (США)
и Игоря Толоконникова (Россия).

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству «Александр Корженевский» (лицензия на издательскую деятельность ЛР N 063156 от 01.12.93.). Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения А.И.Корженевского запрещается.

С предложениями обращаться по адресу:
Москва. 105264, ул. Верхняя Первомайская, 43/24, оф. 31,
А.И.Корженевский.

Переводчики:

Алексей Иорданский, Сергей Петухов

Художник:

Павел Борозинец

Редакторы:

Александр Корженевский, Людмила Птушкина

Флинн М.

Ф72 В стране слепых. Пер. с англ.

М.: «Александр Корженевский», Смоленск: «Русич»,
1995. — 544 с. («Спектр»)

ISBN 5-87917-012-8 (А.И.Корженевский)

ISBN 5-88590-188-0 («Русич»)

ISBN 0-671-69886-9 (США)

«В стране слепых» — Перевод на русский язык

© 1995 А.Д.Иорданский, С.А.Петухов.

Оформление обложки © 1995 П.Борозинец.

Оформление серии © 1994 А.И.Корженевский.

*Деннису Гарри Флинну (1948—1964),
который был бы соавтором этой книги*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГВОЗДИ ОТ ПОДКОВЫ

Тогда

Дождь лил как из ведра; капли, выбивая отрывистую дробь по булыжной мостовой, сливались в целые реки и океаны. Сквозь сплошную водяную завесу проступали лишь смутные очертания предметов. На тротуаре под шипящим газовым фонарем стоял человек. Струи воды сбегали с широких полей его шляпы, текли за шиворот. Ливень был теплый, парной и ничуть не освежал, но человек терпел. Он перехватил поудобнее — наверное, уже в сотый раз — непромокаемый кожаный саквояж, который держал под мышкой. Издалека, с юга, доносились глухие раскаты — то ли гром, то ли артиллерийская канонада.

Послышался стук копыт. Человек нетерпеливо повернулся, но из-за угла показался всего лишь кавалерийский отряд. Лошади высоко поднимали ноги, выбивая подковами искры из мостовой. Кожаная сбруя влажно блестела в тусклом свете фонаря; сабли, шпоры и удила нестройно позвякивали, как побрякушки на арабской плясунье, исполняющей танец живота.

Человек под фонарем прочел на кокардах всадников: «Третий Пенсильванский», и, подняв руку, крикнул «ура!» Капитан пенсильванцев щеголевато отсалютовал ему хлыстом.

Человек провожал взглядом всадников, пока они не исчезли за пеленой дождя, направляясь к мостам через Потомак — навстречу неведомой судьбе.

Когда человек снова повернулся, прямо перед ним стояло

ландо. Ближайшая лошадь, оказавшаяся на расстоянии вытянутой руки, шумно выдохнула и скосила на него глаз. От неожиданности он сделал шаг назад, в лужу. Возница — бесформенная тень на козлах — натянул вожжи, чтобы успокоить лошадь.

Дверца экипажа открылась, и высунулась голова Айзека.

— Эй, Брейди, — сказал он, криво усмехнувшись. Резкий выговор выдавал в нем уроженца Новой Англии. — Будешь садиться или собираешься мокнуть дальше?

Брейди молча поставил ногу на подножку и сел рядом со стариком. Внутри пахло затхлой сыростью, при каждом вдохе ощущался слабый привкус плесени. В Вашингтоне этот запах стоит повсюду. Ужасный город. Как это про него говорят? «Очарование городов Севера и деловитость Юга». Брейди стряхнул воду со шляпы и вытер лицо шейным платком. Экипаж, дернувшись, покатиł вперед.

Брейди заметил, что Айзек украдкой взглянул на саквояж, и хмыкнул.

— Не терпится, Айзек? — Он говорил нараспев, как все жители Индианы. — Мой поезд пришел два часа назад. Мог бы встретить меня на вокзале.

— Да, — согласился Айзек. — Мог бы. Но не встретил.

Брейди что-то проворчал и глянул в окно на проплывающие мимо дома, блекло-серые под дождем. Экипаж направлялся в сторону Джорджтауна. Неожиданно грохот колес по мостовой сменился глухим чавканьем. Копыта громко зашлепали по грязи. Брейди улыбнулся.

— Я вижу, у вас еще не все улицы замостили.

— Ну да. И купол Капитолия тоже не достроили. — Айзек бросил взгляд на Брейди и тут же отвел глаза. — Еще много чего не доделано.

Брейди ничего не ответил, и некоторое время они ехали молча.

— Город весь помешался на шпионах, — заговорил наконец Айзек. — Слишком много народу ездит взад-вперед. Поневоле задумаешься. По-моему, за мной на прошлой неделе тоже следили. Наше Общество тут ни при чем, но Совет решил, что нам с тобой лучше не встречаться на вокзале.

Брейди удивленно взглянул на него — похоже было, что Айзек оправдывается. Брейди вздохнул.

— Ну, неважно, — сказал он.

Айзек подался вперед и постучал указательным пальцем по саквояжу.

— Вот что важно, — произнес он. — То, что ты привез.

Скажи мне прямо, Брейди, без уверток, здесь то, чего мы ждали?

Вместо ответа Брейди погладил рукой саквояж, ощутив ладонью влажность кожи и холод металлических застежек.

— Здесь три недели расчетов, — сказал он. — Три недели, даже на машинах Бэббиджа. Мы работали вшестером, двумя независимыми группами, круглые сутки. Численное интегрирование и кое-что из этой новой теории, которая следует из статей Галуа. Когда закончили, обменялись результатами и проверили все заново. — Брейди покачал головой. — Ошибки быть не может.

— Значит, он должен умереть.

Брейди резко повернулся к Айзеку. Лицо у старика было бледное и изможденное. На коже, напоминавшей пергамент, темнели коричневые старческие пятна. Брейди коротко кивнул, и Айзек прикрыл глаза.

— Ну, эта новость порадует кое-кого в Совете, — произнес он как будто про себя. — Дэйвиса и Мичема. И Финеата тоже. У него фабрики стоят — хлопок не везут с Юга.

Брейди нахмурился.

— Неужели они допускают, чтобы их личные интересы...

— Нет, нет. Они так же подчиняются уравнениям, как и мы с тобой. С рабством надо кончать. Против этого в Обществе никто не возражает, даже южане. Эти уравнения... они показали нам, что будет, если рабство останется. — При этом воспоминании Айзек содрогнулся. — Вот почему мы... приняли меры. — Лицо старика напряглось еще сильнее. — Они поймут, что и это тоже необходимо.

Он открыл глаза и пристально посмотрел на Брейди.

— Они принимают неизбежное с улыбкой, а мы с горечью, — ну и что? Какая разница?

— Проклятье, Айзек! Нельзя было до этого доводить! — Брейди громко шлепнул ладонью по саквояжу. От резкого звука Айзек поморщился.

— Не хочешь замарать руки его кровью? Да у нас они уже по локоть в крови. Эта война...

— Случайность. Ошибка в расчетах. Дуглас* должен был победить. Он мастер уговаривать. Он мог покончить с рабством, да так, что Юг был бы ему только благодарен. Народный суверенитет и закон о гомстедах — вот и все, что требовалось.

* Дуглас, Стивен (1813—1861) — американский политический деятель, соперник А. Линкольна на президентских выборах 1861 года, выступавший против немедленной отмены рабства. (Здесь и далее прим. пер.)

— Может быть, — согласился Айзек. — Но Бьюкенен* назло Дугласу наложил вето на закон о гомстедах, а этого мы никак не могли предвидеть. Мы не знали, что сепаратисты настроены так решительно. После того провала на съезде в Чарльстоне невозможно было предсказать, чем кончатся выборы. А Линкольн со своими республиканцами...

— Ох уж мне этот фигляр из захолюстья! — сердито сказал Брейди. — После того как его избрали, все пошло на смарку! Юг так перепугался, что решил отделиться. Но как мы могли это рассчитать? Что бы он ни затевал, у него никогда ничего не получалось. Дважды разорялся, получил нервное расстройство, не прошел в законодательное собрание штата, провалился на перевыборах, даже должности государственного землемера не смог получить. Два раза пытался попасть в сенаторы и один раз в вице-президенты, и его ни разу даже не выдвинули кандидатом. Черт возьми, Айзек, он ведь и президентские выборы проиграл!

— Но коллегия выборщиков проголосовала за него, — уточнил Айзек. — Относительное большинство он все-таки получил.

— Этот человек — какая-то статистическая аномалия! Айзек усмехнулся.

— Но тебя же на самом деле не это беспокоит, или я ошибаюсь?

Брейди хотел было ответить резкостью, но сдержался. Как ни погоняй загнанную лошадь, быстрее она не побежит. Он угрюмо понурился.

— Ладно, будь что будет. Война была случайностью, но это — совсем иное! — Он снова шлепнул по саквоюжу. — Точно рассчитанное действие, а не просто сознательный риск.

Айзек неторопливо кивнул.

— Хотя покойнику скорее всего будет все равно, умер он случайно или по плану. А за себя не беспокойся. Мы никогда не действуем напрямую. Словечко здесь, намек там. Вашингтонцы всегда были в душе конфедератами. Кто-нибудь обязательно клюнет.

— Правильно. Но грех ляжет на нас.

— Да, на нас! А до сих пор ты этого не знал? Может, ты в этом сомневался, когда давал клятву?

Брейди отвел глаза и стал смотреть в окно.

— Нет.

* Бьюкенен, Джеймс (1791—1868) — президент США в 1857—1861 гг., сменивший на этом посту А. Линкольна.

Они снова замолчали, прислушиваясь к чавканью грязи под колесами и стуку дождя по крыше экипажа.

— А что будет, если он не умрет? — Айзек никак не мог уговориться. Брейди сердито посмотрел на него.

— Что будет, если он не умрет? — настойчиво повторил Айзек.

Брейди вздохнул. Он приподнял саквояж и бросил его на колени Айзеку.

— Прочитай сам. Там все написано. Побочный путь от пятнадцатого рычага. Мы устроили негласное медицинское обследование его и всей семьи. Его старинный деловой партнер Билл Херндон прямо намекает каждому встречному и поперечному, что жена у этого человека безусловно душевнобольная, хотя ни у кого пока не хватает смелости сказать об этом во всеуслышание. По крайней мере двоим из его сыновей болезнь передалась по наследству. Проклятье! — Брейди крепко зажмурился и сжал кулаки. — Мне еще не доставалась работа гнуснее, чем чтение этих отчетов. — Он понемногу успокоился и взглянул на Айзека. — Ошибки быть не может. Он лишится рассудка раньше, чем кончится новый срок его президентства. Уже сейчас его мучают... странные сны.

— А сумасшествие президента дискредитирует всю его программу гражданского примирения.

— Да. Это приведет к победе радикалов и, возможно, к импичменту. Юг навсегда останется оккупированным, в промышленности там наступит застой, среди белого населения будет расти недовольство, начнутся мятежи и расовые погромы, за которыми последуют карательные акции. И в 1905 году вспыхнет новое восстание, которое открыто поддержат по меньшей мере две европейские державы. Это тоже следует из расчетов.

Айзек невесело усмехнулся.

— Значит, нам надо беспокоиться не о том, что мы замажем руки в крови, а о том, чья это будет кровь и сколько ее прольется.

Брейди судорожно кусал костяшки пальцев — кожа на них была уже обкусана почти до крови. Айзек задумчиво посмотрел на него и отвернулся к окну. Молчание затянулось.

— Мрачная ночь, — наконец произнес Айзек, по-прежнему вглядываясь в темноту за окном экипажа. — Вполне соответствует случаю.

— Мы не смогли построить утопию, а?

Старик покачал головой.

— Пока что нет. Не все сразу, мальчик. На это нужно время. Рим тоже строился не за один день. Нашему Обществу еще не под силу заметно изменять мир. Рано или поздно мы станем сильнее, если не отступим. — Повернувшись к Брейди, Айзек бросил на него колющий, пронизывающий взгляд. — Ты только вспомни, Брейди. Голод, мировые войны, оружие страшнее пушек Гатлинга или броненосных кораблей, — все это есть там, в расчетах, ты сам видел. Не пройдет и ста лет, как появятся снаряды со взрывной силой, большей, чем у двадцати тысяч тонн — тонн! — пироксилина или этой новой взрывчатки — динамита. Господи Боже! В той питерсбергской шахте было всего восемь тысяч фунтов — фунтов! — черного пороха. Представь себе, что будет, если взорвать сразу пять тысяч таких шахт! — Айзек потряс головой. — Я сам проверял эти кривые, Брейди. Они растут экспоненциально. Если мы хотим замедлить их рост, мы обязаны действовать, и действовать немедленно!

Для Айзека это была целая длинная речь. Брейди удивленно посмотрел на него, потом неожиданно для самого себя с сочувствием положил ладонь поверх его руки и пожал ее. Старик посмотрел на свою руку и поднял глаза на Брейди. В этот момент возница что-то крикнул лошадям, и ландо остановилось около скромного кирпичного дома. Брейди отпустил руку Айзека, открыл дверцу и уже собирался выйти, но Айзек задержал его.

— Там, в чемодане, есть ведь еще кое-что, не так ли, Брейди Куинн? Я слишком хорошо тебя знаю, так что не пытайся от меня это скрыть.

Ветер задувал капли дождя внутрь экипажа.

— Не заставляй меня говорить об этом, Айзек, — глядя в сторону, сказал Брейди.

Айзек отстранился от него.

— Что это, Брейди? Это имеет отношение к Обществу? — В голосе старика звучали неуверенность и что-то похожее на страх.

— Айзек, ты двадцать лет был мне вместо отца. Пожалуйста, не спрашивай меня.

Айзек расправил плечи.

— Нет. Вся моя жизнь в этой работе. Я создал Общество, Брейди. Финеас, старый Джек Кроуфорд и я. Это мы сумели прочесть то, что у Бэббиджа было написано между строк, и поняли, что можно сделать. Что нужно сделать. Мы довели расчеты до десятого рычага. Если вы обнаружили что-то такое, что... — Неожиданно Айзек потряс головой. — Я должен это знать!

Брейди вздохнул и отвел глаза. Он знал, что рано или поздно этот момент наступит, и страшился его. Он знал, что расскажет Айзеку все. Но от этого ему не становилось легче.

— Молодой Карсон разработал новый алгоритм, — сказал Брейди. — На основе детской игры, между прочим. Этот алгоритм... Ну, в общем, он изменяет все в корне после двадцать девятой развилки.

Айзек в недоумении нахмурился.

— Двадцать девятой? Ничего не понимаю... Если все, что идет после... Нет! Ну, говори же, Брейди!

Выслушав ответ Брейди, старик застыл с открытым ртом. Брейди на мгновение прикрыл глаза от боли, затем вышел из экипажа и направился к дверям дома. Он оглянулся только один раз. Сквозь завесу дождя было видно, что старик плачет.

Теперь

I

Сара окинула взглядом окно и подумала, что оно слишком грязное — ничего через него не разглядишь. Осмотревшись, она увидела в углу пустой комнаты тряпку, наверное, такую же грязную, как и все остальное в этом старом доме. Кругом висела паутина, пол был усыпан мышиним пометом и кусками штукатурки, отвалившимися со стен, оставив дыры, в которых виднелась дранка.

Вздохнув с отвращением, Сара подошла, подняла тряпку и встряхнула ее. Оттуда вывалился паук. Сара проводила его взглядом.

— Сколько времени пустовал этот дом? — спросила она.

— Лет пять-шесть, — ответил Деннис, ее архитектор. Он простукивал стены, пытаясь определить, где проходят несущие балки. Дойдя до двери, он остановился, внимательно осмотрел косяки, пробежал пальцами по скосам углов и одобрительно кивнул.

— Хорошая, основательная работа. Раньше умели строить.

— Старое доброе время, — рассеянно сказала Сара. — Когда женщины знали свое место.

Деннис посмотрел на нее.

— Они и сейчас знают, — сказал он. — Только мест стало больше.

Сара фыркнула. Вернувшись к окну, она стала протирать стекло тряпкой. Слой грязи, скопившейся за долгие годы,

упорно не поддавался. Саре удалось расчистить лишь небольшой кружок посредине окна. Она выглянула сквозь него наружу, на Эмерсон-стрит.

— Сможем ли мы восстановить этот дом? Так, чтобы он соответствовал всем нормам? Я должна знать. В этом районе вот-вот начнется строительный бум, и я хочу быть здесь первой. — В квартале Лаример и Орария Сара опоздала, но здесь непременно будет первой! На этот раз пусть остальные застройщики для разнообразия побегают за ней.

Сквозь протертое стекло были видны окна некоторых этажей домов, стоящих напротив. Все они были выстроены по тому же плану, что и этот, — бывшие особняки, превращенные в меблированные комнаты. В одном из окон стоял голый по пояс мужчина и что-то пил из банки. Он заметил Сару и приветственно помахал ей.

Не обращая на него внимания, она прижалась щекой к стеклу и попыталась заглянуть как можно дальше направо. Там виднелся лишь купол капитолия штата, сверкающий золотом под полуденным солнцем. Вид на горы закрывали небоскребы в центре города. «Не беда, — подумала она. — Их все равно ниоткуда не видно из-за дыма и копоти». Сара перевела взгляд на перекресток и прикинула, сколько автомобилей проезжает здесь в минуту.

Она отошла от окна и отряхнула пыль с ладоней. Денниса в комнате уже не было — слышно было, как он постукивает по стенам где-то в коридоре.

— Ну, как там? — крикнула Сара и, вынув блокнот, быстро набросала несколько строк.

— Коммуникации как будто в неплохом состоянии, — донесся голос Денниса. — Компьютерных входов, разумеется, нет, но мы можем их подвести, когда будем заново прокладывать электропроводку.

Сара пошла на голос и нашла Денниса в одной из спален. Архитектор ковырял пальцем в какой-то дыре в стене.

— Здесь до сих пор остались трубы газового освещения. — Деннис оглянулся на Сару и покачал головой. — Сотню лет назад это, наверное, был шикарный особняк, пока его не запустили. Вон там, в конце коридора, — Деннис неопределенно махнул рукой, — есть даже отдельная лестница для прислуги.

— Знаю. У меня дома в компьютере есть список всех прежних владельцев. Дом построил когда-то один из серебряных баронов, но несколько лет спустя случилась очередная паника на бирже, и пришлось его продать.

— Дешево досталось — легко потерялось.

— Но ты верно говоришь — работа великолепная! Хотела бы я знать, что за сукин сын закрасил паркет на главной лестнице. — Это в самом деле взбесило Сару. Она преклонялась перед любым проявлением мастерства, в чем бы оно ни заключалось. А паркет на лестнице был просто шедевром столярного искусства. Когда-то в этом районе жили представители высшего общества, пусть и не такого аристократического, как на «Островке Гумбольдта», что располагался на фешенебельной стороне Колфакс-авеню напротив Чизмэн-парка. Занятно, что и у жилых кварталов тоже есть свои циклы расцвета и упадка.

Деннис кивнул.

— Я тебя понимаю. Когда особняк переделывали под пансион и делили перегородками на клетушки, стены просто заколотили сверху досками и оштукатурили. Можешь себе представить? Нет, ты только посмотри, какие тут были стеновые панели! Вот, — Деннис потянул за угол штукатурной плиты, и она отвалилась. На пол посыпались куски извести, гипса, какие-то гвозди и клочки бумаги. Открывшаяся их взгляду подлинная стена имела жалкий вид: деревянные панели сохранились лишь местами, в штукатурке зияли дыры, но Сара смогла представить себе, как выглядели эти стены, когда были еще новыми.

Ее внимание привлекли обрывки бумаги на полу. Сара нагнулась и подобрала их. Привычка. Глупость, конечно, — от этого здесь намного чище не станет, но привычка есть привычка, она как компьютерная программа, которая загружается сама. Сара взглянула на бумажки — пожелтевшую газетную вырезку и обрывок писчей бумаги, на котором были от руки написаны столбиком какие-то даты.

— Что это? — Деннис отряхнул руки и подошел к Саре.

— Да так, мусор. Похоже, кто-то приготовил шпаргалку для экзамена по истории. — Сара прочла заголовок газетной вырезки. — Какая-то заметка из «Денвер Экспресс» за 1892 год. — Передав рукописный листок Деннису, она пробежала заметку.

— Перестрелка, — сообщила она. — Два ковбоя на Лаример-стрит. Никого из них даже не задело, но был убит случайный прохожий. Старик по имени Брейди Куинн.

Сара нахмурилась. Куинн? Где-то она встречала это имя, причем совсем недавно. Оно так и вертелось в ее голове. Ладно, ерунда, рано или поздно само всплывет. Часа в три ночи, например.

— Странная шпаргалка.

— М-м? — Сара взглянула на Денниса. Тот, наморщив лоб, изучал листок. — Ты о чем?

— Смотри. Во-первых, записи сделаны двумя разными почерками. Те, что раньше, — в старинной манере.

— Кто-то начал список, — сказала Сара, — а потом кто-то другой его продолжал.

— А это слово, сверху, — что тут написано? «Биологический»? «Диологический»?

Сара взглянула, куда он указывал.

— «Клиологический». И что-то еще. Дальше смазано, не могу разобрать.

— Спасибо за разъяснение. Может, теперь объяснишь еще, что такое «клиологический»?

Сара пожала плечами.

— Сдаюсь. Никогда раньше такого слова не слышала.

— И записи тоже какие-то странные. Известные исторические события и мелкие эпизоды, все в куче. Выдвижение в президенты Франклина Пирса*, избрание Ратерфорда Хейса** или назначения в армии, сделанные генералом Уинфилдом Скоттом***, — как они могли попасть в один список с убийством Авраама Линкольна или потоплением «Лузитании»? Или... Ого!

— Что? — Сара придвинулась к нему и заглянула через плечо. Деннис показал пальцем, и она прочла: «Брейди Куинн убит».

— Ну да, твой приятель Куинн стоит тут же, в одном ряду с Линкольном и Тедди Рузвельтом. А рядом — «маневр фон Клюка»****. Не знаю, что это значит. «1914 год». Должно быть, что-то про первую мировую войну.

— Серьезно? А вот еще: «Фредерик У.Тэйлор — успех примерно в 1900-м». Кто это такой?

Деннис покачал головой.

— Здесь с полдюжины событий, о которых я никогда не слышал.

* Пирс, Франклин (1804—1869) — президент США в 1853—1857 гг. от демократической партии.

** Хейс, Ратерфорд (1822—1869) — президент США в 1877—1881 гг. от республиканской партии.

*** Скотт, Уинфилд (1786—1866) — генерал, до 1861 г. — главнокомандующий армией США.

**** Клюк, фон А. (1846—1934) — германский генерал. В сентября 1914 г., наступая на Париж, совершил стратегическую ошибку — повернул 1-ю армию, которой командовал, на юго-восток, обнажив свой левый фланг. Последовал контрудар французской армии, закончившийся поражением немецких войск в битве на Марне.

— Вот плоды современного образования. Теперь никто не учит тому, что для наших прапрадедов разумелось само собой. Я считаю, все это началось с Томаса Дьюи, когда он выдумал обучать чтению целыми словами. — Сара постучала ногтем по фамилии Дьюи, стоявшей в списке. — Английский — не китайский, его так не выучишь, ничего не выйдет. Неудивительно, что половина детей в стране растут, в сущности, безграмотными. Мои собственные учителя — по крайней мере некоторые — сами были не слишком грамотны.

— Держу пари, что они все-таки имели педагогические дипломы.

Сара фыркнула.

— То есть знали все, что положено, о том, как обучать, кроме одного — самого предмета.

— Когда я был в аспирантуре, один профессор педагогики уверял меня, что это и не обязательно. — Сара недоверчиво взглянула на Денниса, он пожал плечами и добавил: — Честное слово, я это не выдумал.

— Так уж устроены люди. «Если я этого не знаю, значит, это не важно». Спроси любого инженера о правилах стихосложения или любого поэта о сопротивлении материалов, и ты получишь такой же ответ.

В который уже раз Саре подумалось, что у нее-то жизнь сложилась совсем иначе.

Деннис, усмехнувшись, показал на листок.

— Или спроси любого архитектора о факторном анализе. Видишь, здесь внизу, где конец оторван, написано: «Попробовать ортогональный факторный анализ».

— Ортогональный факторный анализ? А, я его проходила в курсе социологии. Это — статистический метод, им выявляют социально-экономические группы в обществе. Каждая группа определяется совокупностью взаимно коррелирующих параметров в n -мерном пространстве. По-моему, этот метод применяют еще и в антропологии.

Деннис посмотрел на нее, подняв бровь.

— Вот как? — Он снова перечитал записи на листке. — Тут против каждого пункта стоит цифра — 1, 2 или 3. Наверное, это и есть три твоих «ортогональных фактора». — Он сложил листок и сунул его в карман рубашки. — Ладно, попробую разобраться на досуге. Может, и выясню, что все это значит.

По черной лестнице они спустились на первый этаж. На лестнице было темно, под ногами хрустели обломки штукатурки.

— Послушай, — спросил Деннис по дороге, — если образование у нас такое плохое, то почему ты такая умная?

Сара остановилась и посмотрела на его смутный силуэт в полумраке.

— Потому что я не позволила себя обмануть! — резко ответила она. — Все, что мне досталось, приходилось вырывать с боем. Из-за того, что я женщина. Из-за цвета кожи. Я не могла позволить себе роскошь остаться недоучкой!

— Видит Бог, Сара, я не хотел тебя обидеть. Ты же меня знаешь. У меня тоже были... нет, конечно, не такие трудности. Но ведь от богатых бездельников и не ожидают, что они будут особенно стараться.

— Знаю, Деннис. Не твоя вина, что ты родился и белым и богатым.

— Ну, я же попросил прощения. Просто мне кажется, что ты обо всем знаешь намного больше всех, с кем я знаком.

— Бралась за все, но ничему не выучилась, — хмыкнула Сара. — Ты прав, извини, что я на тебя накинулась. — Она отвернулась. — Наверное, у меня чересчур развита шишка любопытства, вот и все.

Но она знала, что так было не всегда. Когда-то ей, как и ее подругам, доставляло удовольствие плыть по течению — и на уроках, и в жизни. Она и в школу-то пошла только потому, что этого требовали закон и ее родители.

— Если не ошибаюсь, это случилось в пятом классе, — Сара провела пальцем по грязным перилам. — Нас повели на экскурсию в Музей науки и промышленности. Это было... ну, в общем, ужасно давно.

Она явственно увидела, как бегала тогда от экспоната к экспонату, широко раскрыв глаза от восторга, — негритянская девочка из трущоб Чикаго с тугими косичками, едва умещающая читать. В музее были выставлены всевозможные вычислительные машины — от старинных клавишных арифмометров до новейших настольных компьютеров. Там стояла огромная модель сердца, внутрь которой можно войти. Там лежал камень, доставленный с Луны!

— Это было как ледяной душ, — сказала Сара.

Экскурсия потрясла ее, словно разбудила от спячки. Даже сейчас, столько лет спустя, она ощутила дрожь возбуждения, охватившую ее тогда.

— Передо мной открылся огромный потрясающий мир, о котором учителя мне ничего не говорили! Вот почему... — Сара смущенно пожала плечами. — Вот почему я принялась

изучать этот мир сама. Я убегала с уроков, чтобы посидеть в публичной библиотеке, а потом в библиотеке Чикагского университета.

Чтобы ее туда пускали, приходилось идти на всевозможные хитрости: никто не верил, что негритянская девчонка приходит сюда читать.

А она читала все подряд. Об африканской музыке и о физике, о праве и медицине, об истории Китая и статистике, о немецкой философии и компьютерах — все подряд, без всякого разбора. Некоторые из ее друзей — те, кто знал, чем она занимается, — недоумевали, зачем это ей надо. Какую пользу она собирается из всего этого извлечь? Такие вопросы внушали ей презрение, как и то безразличие, которое за ними крылось. Какую пользу? Просто она хотела стать образованной, а не дрессированной.

Разумеется, она прошла всю школьную программу и сдала все экзамены. У большинства учителей — Сара это чувствовала — ее успехи вызывали возмущение, потому что были достигнуты вопреки им. Правда, нашлись среди них двое... О, это были настоящие наставники!

— Наверное, трудно менять свои привычки?

Услышав голос Денниса, она очнулась.

— М-м? О чем ты?

Они уже спустились на первый этаж, здесь было светло, и Сара увидела на лице Денниса улыбку.

— Интересно, сколько дополнительных курсов и семинаров ты прошла за те несколько лет, что мы знакомы?

— Законодательство о недвижимости. Семинар по литературе. Дюжину курсов по программированию. Больше всего мне нравилось заниматься хакерством*... А сколько всего, не знаю. Давно сбилась со счета.

— Теперь поняла, о чем я? — сказал Деннис. — Я тобой просто восхищаюсь. Ты не остановилась, а по-прежнему держишь себя в форме. Иногда я даже завидую твоей любознательности. У меня дома лежит куча книг, которые я все собираюсь прочесть. Я покупал их с самыми благими намерениями, но, видно, до них у меня руки так никогда и не дойдут. Все свободное время уходит на журналы по специальности и техническую литературу.

— Время всегда можно найти. Надо только решить, что главное.

* «Хакер» на компьютерном жаргоне — программист-фанатик, в совершенстве владеющий техникой программирования и составляющий оригинальные программы.

Деннис погладил карман рубашки.

— Да. Наверное, любознательность, как и все остальное, приходит с тренировкой.

Они задержались на тротуаре у дома, пока Деннис делал наброски в своем альбоме. Сара знала, что лучше ими пока не интересоваться. Деннис всегда десятками браковал вполне приемлемые идеи, прежде чем остановиться на одной-единственной, самой удачной, чтобы продемонстрировать ее Саре. За годы совместной работы она научилась доверять его вкусу.

Сара отряхнула пыль с одежды. По обе стороны улицы тянулись вереницы припаркованных вплотную друг к другу машин. При застройке квартала надо будет позаботиться об автостоянках.

Деннис бросил альбом на заднее сиденье своего «датсуна».

— Пообедаем вместе в пятницу?

Сара рассеянно кивнула, размышляя о том, какую часть квартала ей удастся скупить до того, как кто-нибудь заметит, что происходит, и цены взлетят. Может, стоит это устроить через какие-нибудь подставные акционерные общества.

— Я придумал название.

— М-м? Для чего?

— Для нашей стройки. «Квартал Брейди Куинна». Можно будет привлечь историю. «От рубежа веков до рубежа веков». «1890-е годы возрождаются в 1990-е». «Солидность и изящество прошлого, помноженные на эффективность и технику настоящего».

— Неплохо, — согласилась Сара, подумав.

— Неплохо? Великолепно! Наш город полон ностальгии по тем временам. Ковбои. Бэби Доу Тэйбор. Мэтти Силкс. Шериф Дэйв Кук.

— Я об этом подумаю, — сказала Сара. — Разузнай, кем был этот Брейди Куинн. Вряд ли стоит использовать его имя, если он окажется какой-нибудь дешевкой.

— Пусть даже так, что из этого? Мэтти Силкс содержала публичный дом.

— Ну, женщину легкомыслие только украшает.

Сара вела «вольво» по улицам, пересекавшим центр Денвера, мимо башен из стекла и стали, где размещались телекоммуникационные компании, и думала о том, какая судьба постигнет их, когда каждый сможет, не выходя из дома, подключаться к компьютерным сетям. В квартале, который она собиралась перестраивать, каждый дом будет

иметь выход в сеть «Дэйта-Нет» и коллективные антенны для связи через спутник. Молодым технократам это понравится!

Сначала она хотела ехать домой через центр, по Кол-факс-авеню, чтобы посмотреть, не появилось ли там чего-нибудь новенького на щитах коммерческой рекламы, — но в последний момент передумала и свернула на Шестую авеню. Скоростная трасса почти без светофоров тянулась на запад до самой горы Хогбек, и на всем ее протяжении прямо впереди, перед глазами водителя, открывался вид на Передовой хребет Скалистых гор — вид, которым Сара не уставала любоваться.

Несколько лет назад она прошла спецкурс по выживанию для служащих. Скалолазание, спуск по горным рекам, жизнь среди дикой природы. От современной техники — к образу жизни первобытных предков. Она научилась даже обращаться с ножом и луком. В качестве заключительного испытания ее забросили куда-то далеко в горы в чем была, без всякого снаряжения. За те двое изнурительных суток Сара узнала о себе много нового. И полюбила горы: они стали для нее спасительным убежищем от всех забот и тревог. Сара подумала, что, как только решится дело с Эмерсон-стрит, нужно будет на несколько дней отправиться в горы.

Облака плыли над вершинами так низко, что, казалось, до них можно достать рукой. Сара задумчиво посмотрела в небо, гадая, не пойдет ли дождь, а потом все равно открыла люк в крыше машины. Какого черта! Пусть обдувает ветерок, а если начнется дождь, всегда можно успеть закрыть люк. Сара любила рисковать во всем.

Позже, когда Сара, сидя у своего камина, поднесла к губам рюмку бренди, у нее в памяти неожиданно всплыло имя Куинна. Она вспомнила, где встречала его раньше. Отставив рюмку, она рывком встала с дивана. В камине громко стрельнуло полено, по комнате пронеслась волна смолистого соснового аромата. Мистер Мяу, ее домашний кот бесхвостой породы с острова Мэн, последовал за Сарой, уселся на столе рядом с компьютерным терминалом и стал внимательно наблюдать, как хозяйка вызывает файл и быстро просматривает его. Наконец Сара нашла то, что искала, и удовлетворенно кивнула.

Когда-то, давным-давно, Брейди Куинн был владельцем дома на Эмерсон-стрит. Он купил его у серебряного барона в 1867 году, а в 1876-м продал особняк Рэндаллу Карсону.

С тех пор дом поменял еще несколько хозяев, пока не перешел к ней.

— Получается, что Брейди Куинн вроде как мой предок, — объяснила Сара коту. — Наверное, Деннис прав, можно использовать его как приманку. Если, конечно, не выяснится, что это была единственная его заслуга — угодить под пулю, когда кто-то с кем-то сводил счеты.

Кот одобрительно прищурился.

— Может, я отыщу что-нибудь о нем в старых подшивках «Ньюс» или в «Пост». Как ты полагаешь, Мяс?

Кот зевнул.

— Ты прав. «Экспресс» и «Тайм» давно уже не выходят. Разве что-нибудь найдется в зале истории Запада Денверской публичной библиотеки. Или в архиве налогового ведомства.

Сара сделала несколько заметок для памяти. Когда-то, в свои репортерские дни, она терпеть не могла копаться в архивах. Но на этот раз она с удовольствием думала о предстоящей работе. Хоть какое-то разнообразие. Когда занимаешься такими вещами по обязанности, этого не приносит никакой радости. Сара решила просмотреть самые разные архивы: большую часть сведений, которые ее интересовали, пока еще не ввели в базу данных сети «Дэйта-Нет». Зачем тратить драгоценный объем памяти на акты о владении недвижимостью столетней давности?

II

Когда на следующее утро Сара появилась в отделе городской хроники «Роки Маунтин Ньюс», то застала там Моргана Граймза, склонившегося над своим столом. Сара вышла из лифта, обогнула колонны, миновала конторку секретаря приемной и подошла к Моргану. Комната была отделана в красновато-лилово-серых тонах и поделена низкими перегородками на отсеки — по шесть репортерских столов в каждом. Кроме Моргана в отделе была только выпускающая, которая сидела на своем обычном месте во главе П-образного стола. Она мельком взглянула на Сару и снова погрузилась в работу.

Морган сосредоточенно разговаривал по телефону. Придерживая трубку левым плечом, он одновременно печатал на компьютерном терминале. Увидев Сару, он что-то сказал в трубку и прикрыл ее ладонью.

— Чем могу служить, мадам?

— Да ну тебя, Морган. Я пришла немного поработать в библиотеке. Не возражаешь?

— В библиотеке? — проворчал он. — В морге, черт побери. И мне наплевать, если кто-то называет это иначе. — Он окинул ее взглядом. — И это все? Пришла только порыться в нашем морге? А не желаешь вернуться на старое место?

Сара рассмеялась.

— Ни капельки. Отказаться от первоклассного офиса и «вольво», от сшитых на заказ нарядов и собственных апартаментов на лыжном курорте в Аспене? Ради чего?

— Ради острых ощущений, — ответил Морган. — Ради романтики. Первая полоса! Вся президентская рать! Ну и так далее.

— Как же, помню я эту романтику. Некрологи. Пресс-конференции. «Возможности» прессы! Брехня по заказу. Не говоря уж о нищенской зарплате, ненормированном рабочем дне и о том, что тебя в любую минуту могут послать с заданием в какую-нибудь глухомань. Нет уж, спасибо.

Сара попыталась заглянуть на экран его монитора, но Морган быстро нажал на клавишу, и текст с экрана исчез.

— Ни-ни, — сказал он. — Это табу.

— Над чем работаешь, Морган?

— Зарабатываю Пулитцеровскую премию, разумеется.

Сара взглянула на него, не зная, шутит он или нет. Всегда, когда речь заходила о деле, Морган Граймз принимал необычайно серьезный вид, а искренностью от него разило, как от других мужчин одеколоном. За время их совместной работы Сара так и не научилась понимать, когда он ее разыгрывает, и Морган пользовался этим без всякой жалости.

Интересно, поменял он свой код для входа в компьютер? Сара расшифровала его много лет назад, просто для тренировки, но, разумеется, ни разу не пользовалась этим, чтобы войти в файлы Моргана. А теперь ей подумалось, что не худо бы проникнуть туда через общенациональную компьютерную сеть «Дэйта-Нет» и оставить Моргану какое-нибудь ехидное послание. Чтобы неповадно было морочить ей голову. Сара подумала, что скорее всего, смогла бы это сделать, хотя репортерские терминалы не всегда соединены с общей компьютерной сетью. Есть способы, которые позволяют проникнуть в любой компьютер.

Сара обвела взглядом отдел.

— Все на заданиях?

— Угу. Кроме Кевина. Опять поехал рекламировать свою очередную книгу. Вернется на следующей неделе. Ты, наверное, слышала о его новом бестселлере?

— Да. Продолжение «Молчаливого братства», если не ошибаюсь? Он неплохо устроился. Ладно, скажи всем, что я забегала, и передай привет.

— Они будут вне себя от восторга. Кроме шуток, рад был повидать тебя. Ты была неплохим репортером, если не считать того...

«Не вздумай, Морган!»

— ...что ты женщина. Морг — там же, где и был, только теперь там все на дискетах, а не в микрофильмах. Хотя тебе, наверное, все равно?

— Конечно. Я ведь родилась с микрочипом в голове, — сказала она и удалилась, вызываясь качнув бедрами.

Встреча была назначена на 15.00, и Деннис прибыл на исторический факультет Денверского университета точно в 14.59. Из центральной приемной вело несколько дверей, но в самой приемной никого не было, хотя стоявшая на столе вахтера откупоренная жестянка с газировкой намекала, что он вот-вот вернется. Деннис в растерянности огляделся, но тут одна из дверей открылась, и оттуда выглянула полная круглолицая женщина.

— Мистер Френч? — осведомилась она.

— Да. Вы — профессор Ллуэлин? — Деннис направился к ней. — Спасибо, что согласились встетиться со мной. Я знаю, как все вы заняты.

— Все нет. Семестр уже кончился, и теперь у меня появилось свободное время. Просто это немного неожиданно — обычно ко мне на прием приходят студенты. Проходите и садитесь. — Она проводила его в свой кабинет. — Меня зовут Гвиннет Ллуэлин.

Они обменялись рукопожатием. Рука у Ллуэлин оказалась неожиданно сильной. Деннис присел на старый стул с высокой спинкой, аккуратно подпернув брючины, чтобы не пузырились на коленях. Он сидел прямо, сложив руки на животе.

Ллуэлин уселась за письменный стол и облокотилась на него мясистыми руками. Ее бледная кожа вся была покрыта рыжими веснушками. Толстые круглые щеки делали ее похожей на добрую домохозяйку. Деннис уже ожидал, что сейчас она угостит его какао с кукурузными лепешками, и был несколько обескуражен, когда профессорша вынула трубку из кукурузного початка и раскурила ее. Выпустив

колечко дыма, она с лукавой усмешкой в глазах посмотрела на него.

— Итак, чем я могу помочь вам, мистер Френч?

Деннис сразу взял быка за рога. Лишнего времени у него не было, да и у нее, наверное, тоже.

— Я хотел бы выяснить, что означает этот перечень исторических событий. — Он вынул из жилетного кармана обрывок бумаги, который они с Сарой нашли в доме на Эмерсон-стрит. Два дня подряд — вторник и среду — он читал книги по истории и беседовал с кое-какими своими знакомыми по университету. В общем, пытался наверстать упущенное, как сказала бы Сара. Он был убежден, что все события в перечне как-то связаны между собой. Был некий общий принцип, который определял, что вошло в перечень, а что нет. Денниса раздражало, что он не мог с первого взгляда распознать этот общий принцип, как мог, едва взглянув на здание, сразу понять, какими принципами руководствовался архитектор, когда его проектировал. Он не знал, в чем здесь дело — то ли ему не хватало образования и сообразительности, то ли дело было в самом перечне. Это не давало ему покоя, как камешек в ботинке.

Деннис развернул листок и передал его профессору Ллуэлин. Она достала старомодные бифокальные очки и водрузила их на нос. Взглянув на Денниса с извиняющейся улыбкой, она погрузилась в чтение, слегка откинув голову и наморщив губы.

Закончив читать, она сняла очки и взглянула на Денниса.

— Как я поняла, вас интересуют не сами эти события. О большинстве из них можно прочесть в любом хорошем учебнике истории.

Деннис кивнул.

— И я прочел, сколько успел. Я архитектор-консультант, и боюсь, у меня просто не хватит времени, чтобы влезть в эти дела настолько глубоко, насколько требуется. Люди, с которыми я до сих пор советовался, сообщили мне кое-какие подробности. Очень любопытные, о многих я даже не подозревал. Сейчас у меня такое чувство, будто я лично знаком с некоторыми людьми из этого списка. Вот, например, Томас Б.Рид*. Выдающаяся личность! «Безмятежно-саркастический Будда из Новой Англии» — так его прозвали.

* Рид, Томас Брэкет (1839—1902) — американский государственный деятель, член Конгресса США от республиканской партии в 1876—1899 гг., одно время — спикер палаты представителей.

— Один из самых блестящих политиков своего времени, — сказала Ллуэлин. — Его следовало бы выдвинуть в президенты.

— Но меня интересуют не просто факты. Я хочу... Никак не могу подобрать слово. Ну, понять их взаимосвязь, что ли. Некоторые из этих записей касаются выдающихся людей и событий, другие — совсем неизвестных. Между потоплением линкора «Мэн» и выдвижением кандидатом в президенты Франклина Пирса ни один нормальный человек не увидит связи.

Профессор Ллуэлин улыбнулась.

— Да, конечно. — Она снова просмотрела на листок. — Взаимосвязь — очень точное слово, мистер Френч, оно отражает как раз то, что вы пытаетесь выяснить. Та же самая мысль возникла у меня, когда я читала перечень. Если мы имеем дело с ответами на какую-нибудь викторину или со шпаргалкой для экзамена, то это какой-то очень странный раздел науки. Боюсь, даже я не знаю, о чем идет речь в некоторых пунктах, не говоря уж о том, что они могли бы означать. Разумеется, мне известно, что Амброз Бирс бесследно исчез в Мексике*, но кто такие Брейди Куинн, или Дейвис Белло, или Агата Пенуэзер?

— Жертвы убийств.

Ллуэлин с досадой кивнула.

— Да, я умею читать. Но что они делают здесь, рядом с Тедди Рузвельтом и Линкольном, или с Эдисоном и Дьюи, Фордом и Тэйлором? — Она положила листок на стол и откинулась на спинку вращающегося кресла. Пружины жалобно скрипнули. Пыхтя трубкой, она задумчиво уставилась в потолок. — Кажется, у меня появилась идея, — произнесла она наконец. — Скажите мне вот что, мистер Френч. Кому принадлежат слова: «При нашей системе работнику необходимо знать только то, что он должен делать и как делать. Любая попытка предпринять что-нибудь помимо полученных указаний положит конец его карьере»?

Деннис пожал плечами.

— Не знаю. Ленину? Мао? — Он не понимал, какое отношение к делу имеет ее вопрос.

— Нет, это сказал Фредерик Тэйлор, — и она указала на список.

* Бирс, Амброз (1842—1914) — американский писатель и журналист, участник гражданской войны 1861—1865 гг.; пропал без вести в Мексике, куда отправился в 1913 г.

Деннис вспомнил этот пункт: «Фредерик У.Тэйлор, успех примерно в 1900-м».

— Ах, вот что. А кто был этот Тэйлор?

Она ткнула чубуком трубки в его сторону.

— Инженер, и он жил в конце прошлого века. В те годы американская промышленность столкнулась с наплывом малообразованной рабочей силы — иммигрантов. Тэйлор создал систему повышения производительности труда, отделив планирование работы от ее выполнения. Инженеры и управляющие разрабатывали планы, а техники и рабочие их выполняли. Было покончено со старой системой ремесленничества, когда каждый работник планировал свой собственный труд. И с тех пор это стало основой философии американского предпринимательства.

Деннис рассмеялся.

— Не может быть! А я-то подумал на Ленина или Мао. Замечательно!

Она чуть заметно улыбнулась.

— Не забываете, что Энгельс сам был фабрикант, и не факт, кто в их тандеме с Марксом играл второстепенную роль. Энгельс считал, что целыми народами можно управлять так же эффективно, как и фабриками.

— Мне еще ни разу не приходилось видеть бизнесмена, который бы вел дело рационально, — перебил ее Деннис.

Ллуэлин хмыкнула, но не обратила внимания на его замечание.

— Социализм в конечном счете — не что иное, как кульминация капитализма. Высшая стадия — если так можно выразиться — того, что я назвала бы Управляемым Обществом. Если хотите увидеть государство Ленина в зародыше, изучите историю компании Генри Форда. «Инспекторы» его так называемого социологического отдела могли без предупреждения являться домой к служащим компании и расспрашивать об их семейных делах, о финансовом положении и личной жизни. А громилы из «наружной охраны» Гарри Беннета были просто-напросто доморощенными коричневорубашечниками. О, конечно, у них обоих, и у Форда и у Ленина, были самые лучшие намерения. Они хотели улучшить положение простых людей. Но система менеджмента, которую они создали...

— Минутку! Но ведь Ленин рвался к власти!

— А Форд не рвался?

— Генри Форд никого не казнил, — возразил Деннис.

— Однако головорезы Беннета избивали тогдашних «диссидентов» и измывались над ними. А другие работода-

тели в ходе классовых битв не брезговали убивать профсоюзных лидеров. Иногда они содержали собственные армии, но чаще прибегали к содействию правительственных войск. Разница между Фордом и Лениным — только в масштабах и ни в чем более, мистер Френч. Ленин превратил в один огромный рабочий поселок всю свою страну. Советский Союз, попросту говоря, — величайшая капиталистическая организация на планете. Члены партии — ее акционеры, а Политбюро — совет директоров. Рядовой гражданин, или наемный работник, не имеет никакого влияния на управление этой организацией. Централизованная бюрократия составляет пятилетние планы, которые никогда не выполняются. Критика внутренних порядков запрещена, хотя предложения по усовершенствованию системы поощряются, если они, конечно, не носят по-настоящему революционного характера. Каждый обязан быть «коллективистом», что у них означает не столько думать о подлинных интересах коллектива, сколько выполнять распоряжения начальства. Строптивых ссылают в Сибирь или переводят на какую-нибудь бессмысленную работу. Или устраняют. — Доктор Ллуэлин невесело улыбнулась. — Изящное они подобрали словечко.

— Не забудьте о захвате власти, — сказал Деннис.

Профессор Ллуэлин рассмеялась.

— Вот именно!

— Знаете, я никогда об этом не задумывался, — признался Деннис. — Большими корпорациями действительно управляют точно так же, как социалистическим государством.

— Как раз наоборот. Не забывайте, что появилось раньше.

— Благодаря Фредерику У.Тэйлору.

Ллуэлин кивнула.

— Тэйлор был не единственным предтечей, но он сыграл роль катализатора.

— Значит, вы полагаете, что... — Деннис не закончил фразу.

— Ах, да, ваш перечень. Только имейте в виду, это чистейший экспромт. Но, кажется, те события, какие мне известны, похожи на поворотные пункты истории, пусть и не слишком очевидные. Сами по себе эти события были незначительны — я имею в виду, что в них участвовало не так много людей, — но они имели несоразмерно большие последствия. Вы помните стихотворение Джорджа Герберта? «Не было гвоздя — подкова пропала. Не было подковы — лошадь захромала. Лошадь захромала — ко-

мандир убит...» И так далее, до потери королевства в итоге. Если бы Ричард III не лишился лошади, то битва на Босуортской равнине могла бы закончиться иначе, все к тому шло. И что тогда? Вероятно, не было бы Тюдоров, и вся английская история сложилась бы несколько иначе. Вот и эти ваши события в том же роде. Понимаете, отдельные события обычно почти не влияют на общий ход истории, но из некоторых, подобно снежной лавине, вырастают такие последствия, заметить которые можно лишь задним числом.

— Понимаю. Вроде того, как попытка мистера Тэйлора поднять производительность фабричного труда привела к вашему Управляемому Обществу.

— Это не мое общество, — ответила она слегка раздраженно. — Я выступала против него еще в шестидесятых и продолжаю выступать до сих пор. Мысль о том, что те, кто у власти, знают лучше... Если кто-то утверждает, что правительство должно учиться управлению у бизнесменов, то им следовало бы поинтересоваться, как обстоят дела в Советском Союзе. Или, еще лучше, в кое-каких из наших крупных корпораций.

Деннис усмехнулся.

— Между нами говоря, лично я никогда не испытывал большого уважения к методам больших корпораций. Потому и занимаюсь бизнесом самостоятельно. А что вы скажете о других пунктах перечня?

Он расправил листок на столе, и оба склонились над ним.

— Как насчет... Вот, назначения в армии, произведенные Уинфилдом Скоттом. От какой подковы этот гвоздь?

Ллуэлин взглянула на Денниса и вынула трубку изо рта.

— Гвоздь от подковы? — повторила она с улыбкой. — Неплохо. Пожалуй, я использую это в своих лекциях в следующем семестре, с вашего разрешения.

— С моего разрешения? — изумился Деннис. — Ну конечно.

— Спасибо. Я бы сказала, что назначения, сделанные Скоттом, затянули гражданскую войну на несколько лет. Понимаете, на ключевые посты он ставил преимущественно южан, что неудивительно, ибо сам он был вирджинцем. В результате у конфедератов оказались более опытные офицеры. Разумеется, в то время еще никто не знал, что вскоре разразится гражданская война, а сам Скотт был стойким унионистом. Так что нельзя сказать, что он это планировал заранее.

— В этом перечне как будто немало записей, касающихся гражданской войны. Вот это что значит? «Янв./февр., 1861. Дело Твиггса: задержаны приказы о нем, но не его возвращение».

Ллуэлин покачала головой.

— Не знаю. Я же не ходячая энциклопедия. Имя мне как будто знакомо, но не помню, в связи в чем. Советую вам найти какую-нибудь хорошую книгу по истории гражданской войны и периода, который ей предшествовал.

— Обязательно найду. Если будет время. — Он продолжал изучать список. — Значит, тогда выдвижение Теодора Рузвельта в вице-президенты было тем незначительным событием, которое привело к антитрестовским законам и другим прогрессивным реформам?

Ллуэлин затанулась трубкой и выпустила к потолку облако дыма.

— Возможно, — сказала она неуверенно. — Но если так, то почему вместо этого не включить в перечень его вступление на пост президента? Известно ли вам, что выдвижение его в вице-президенты на самом деле организовали его политические противники? Ведь пост вице-президента, — это тупик для политика, и они пытались таким способом положить конец его карьере.

— Но дело кончилось совсем не так, как они рассчитывали, — заметил Деннис.

— Конечно. «Мы счастья ждем, а на порог валит беда», как однажды написал Бобби Бернс. — Она сложила листок и вернула его Деннису. — Может быть, выдвижение Рузвельта в вице-президенты — это был, так сказать, гвоздь, который пошел вкось?..

— ...Вследствие убийства президента Мак-Кинли. Понимаю. — Деннис всегда считал историю чем-то незыблемым. Чем-то неизбежным. Но после объяснений Ллуэлин история показалась ему не более чем причудливым сочетанием случайных событий, результатом множества маловероятных совпадений, которые легко могли обернуться и так, и эдак. Гвозди от подковы! У него появилось ощущение, будто он долго рассматривал собор, восхищаясь его арками, шпилями и сводами, как вдруг свет упал на здание под другим углом, и оно мгновенно преобразилось. Это было странное, волнующее чувство — по-новому увидеть нечто хорошо знакомое.

Деннис встал.

— Еще раз хочу поблагодарить вас за то, что потратили на меня время. Вы мне очень помогли.

— Что вы, пустяки, — смутилась Ллуэлин, пожимая ему руку.

Он повернулся, чтобы уйти, но остановился.

— Да, и последнее, если вы позволите. То слово в заголовке. «Клиологический». Вы знаете, что оно означает?

— «Клиологический»? — она нахмурилась. — Нет, я никогда... Ах, вот оно что! — она рассмеялась.

— Что это такое?

— Клио была древнегреческой музой истории. По всей видимости, автор перечня или кто-то еще придумал новый термин, по аналогии с названиями «биология» или «социология», подразумевая естественнонаучный подход к истории. Наверное, это был какой-нибудь студент-естественник, решивший заняться историей.

Направляясь домой по Университи-авеню, Деннис размышлял о своей встрече с Ллуэлин. Вот вам и научный подход к истории. Какой же он научный, когда такую огромную роль играет здесь случайность? То, что какой-то студент, живший сто лет назад, считал это возможным, еще ничего не значит. Студенты всегда отличались склонностью к полету фантазии. Даже он сам, когда учился в колледже... Впрочем, теперь это неважно. Тогда он бросил лингвистику и увлекся архитектурой, а его «искусственный язык» пылится где-то в дальнем ящике стола. Сейчас у него появился шанс переключиться еще раз!

Что там написано в конце перечня? «Попробовать ортогональный факторный анализ»? Листок лежал у него в кармане, но руки держали руль, и доставать бумагу он не стал. «Попробовать ортогональный факторный анализ». Да, там было написано именно так. Даже сейчас звучит ужасно научно. Потом он вспомнил, что строки на листке были написаны двумя разными почерками. Два разных «клиолога»? Он вспомнил еще, что один из почерков относился к гораздо более раннему периоду. Что бы это значило?

III

Проработав три года в службе контроля компьютерной сети, Ред Мелоун так и не знал имени своего напарника. Они сыграли бесчисленное множество партий в рамми, обменялись массой выдуманных историй о женщинах, которых знали (а иногда — не знали). Они вместе расследовали десятки тихих кризисов, о которых не пишут в газетах. Но до сих

пор Ред не знал даже того, на какое из агентств работает «Чарли».

А Чарли, разумеется, знал про Реда ничуть не больше.

В некотором отношении это не лишено смысла. Взаимный контроль — они слышали об этом приеме от инженеров по надежности. В смене постоянно дежурят двое, охраняя сеть от «кротов» и компьютерных пиратов, норовящих повернуть какую-нибудь незаконную операцию. Вероятность того, что сразу обоих перевербуют или превратят в агентов-двойников, несравненно меньше, чем если бы они дежурили по одному. В эпоху, когда воюют с помощью информации — или дезинформации, — безопасность таких объектов, как служба контроля компьютерной сети, не менее важна, чем надежная охрана пусковых ракетных шахт.

Так что каждый из них сидел здесь, чтобы контролировать честность другого, а это не способствовало близкому знакомству.

Ред взял рабочий журнал и просмотрел записи обращений к сети за две последние смены. Большинство было сделано шифрованными кодами, знать которые ему не положено. Они принадлежали другим инспекторам из других агентств. Зевая, Ред подумал — любопытно, какие из этих кодов может прочесть Чарли? Каждый инспектор имел собственный код. Ред частенько развлекался, пытаясь их раскрыть. Это было интереснее, чем разгадывать кроссворды. Просматривая записи, он насвистывал «Восточную Вирджинию», немилосердно фальшивя.

Иногда он прикидывал, что будет, если ему понадобится ввести в сеть какую-нибудь дезинформацию. Не то чтобы он мог написать такую программу, но он знал людей, которые могут. В том-то и заключалась его работа — знать тех, кто это умеет. Вот была бы потеха — воспоминание о такой проделке изрядно скрасило бы ему бесконечные часы в Ливенуортской тюрьме.

Ред вздохнул. Скучно все-таки жить по правилам. Иногда он думал о тех, кто превратил всю жизнь в свод правил. Но тут же вспоминал, чем занимается сам, и раздражался смехом, вызывая удивленные взгляды Чарли.

Кондиционер с шипеньем гнал холодный воздух по выкрашенной в серый цвет комнате. На дежурство Ред всегда надевал пиджак. Он не мог понять, как его напарник выдерживает здесь в одной рубашке. Покачав головой, он отложил журнал. Разве трудно было подобрать ему в пару человека, у которого хотя бы обмен веществ был похожий? Он пошарил

в кармане пиджака и вытащил колоду изрядно потрепанных карт. Ред ненавидел субботние дежурства. Он разделил колоду надвое и соединил обе ее половинки, пустив их одну в другую из-под больших пальцев.

Машины тихо гудели, то и дело подмигивая сигнальными лампочками. Время от времени слышалось жужжание дисководов, щелкали реле. Звуки напомнили ему тот ночлег в лесу. (Когда это было? Два года назад. С ним тогда была... Неужели прошло столько времени?) Звуки ночного леса были очень похожи на гул компьютерного зала, только там их издавали насекомые и звери. Когда он говорил об этом сходстве другим любителям вылазок на природу, те лишь с недоумением смотрели на него.

Теперь он сидит здесь. Разбил лагерь в электронных джунглях и прислушивается, не появится ли какой-нибудь хищник. Он перетасовал карты еще раз и постучал колодой по консоли компьютерного стола.

Прозвучал сигнал тревоги и негромкое настойчивое гудение, замигала красная лампочка на консоли. Ред встрепнулся, сразу насторожившись и забыв про карты. Чарли протянул руку и щелкнул выключателем своего монитора.

— Что это? — спросил он.

Ред пробежал пальцами по клавиатуре и взглянул на экран.

— Капкан сработал. Кто-то ищет доступ в файлы, которые наш инспектор пометил как запретные.

— Да? Значит, оставил там наживку и ждет, кто на нее клюнет. Кого мы должны предупредить?

Ред просмотрел список.

— М-м. Какую-то «Борзую».

— Должно быть, кодовое имя.

— Да ну?

Чарли кисло взглянул на него.

— Не морочь мне голову. Что это за пометка и чья она? — Он уже нажимал клавиши, загружая код предупреждения. Компьютер сверит, совпадает ли его команда с командой Реда. Не столько для защиты от преднамеренной дезинформации, сколько на случай ошибки при наборе команды.

Ред перелистал текст на своем экране. Он прочитал вслух сетевой пароль доступа к файлам, а Чарли повторил его. Активная и пассивная проверка.

— Искали слово... э... «Куинн», — сообщил он Чарли. «Куинн? — повторил он про себя. — Ну-ну». И продолжал

вслух: — Здесь сказано, что за последнюю неделю капкан срабатывает на это слово уже в третий раз и вызывает его один и тот же пользователь. Третий раз — это уже занятно, правда? Сигнал тревоги включается трижды подряд на одно и то же ключевое слово. Сдается мне, кто-то собирается пошарить в чужом банке данных.

— Не забывай себе голову чепухой. Какие были коды центрального процессора? Все три.

Ред прочитал их номера, Чарли повторил их.

— Пользователь сейчас в последнем? — спросил Чарли.

— Да. Знаешь, где он находится?

— Нет, и знать не хочу. Тебя это тоже не должно волновать.

— Ага. Так вот, приставка «восемнадцать» означает, что это автономная программа — она хочет проникнуть в сеть, но она ей не родная. Следующие девять цифр — обычный почтовый индекс, а остальные — шифр входного порта, где стоит модем. Не так уж трудно расшифровать, если все это знаешь.

— Прямо Шерлок Холмс! Послушай, все, что нам полагается знать, — кодовый номер входного порта. Эта «Борзая» или ее дрессировщик сами найдут его адрес. Это их забота. Инспектор пометил файл как запретный, значит, у него есть на то причины. Все, что от нас требуется, это следить за сетью и замечать любую попытку проникнуть в этот файл. Мы не знаем, что это за инспектор и кто этот пользователь. Мы не знаем, где находится его терминал и что означает ключевое слово.

Ред усмехнулся.

— А что-нибудь мы вообще знаем?

Чарли развернулся в своем кресле.

— Знаем. Я знаю, как играть в рамми, а ты нет. Ты столько времени их тасуешь, что уже стер картинки. Ну-ка, сдавай.

Ред сдал карты с проворством, говорящим о долгой практике.

— Это самое волнующее событие за две недели нашего дежурства. У меня даже сердцебиение началось.

Чарли хмыкнул.

— Те, кто работает с сетью, обычно не суют нос, куда не надо. Ты уже решил, как проведешь отпуск?

Ред положил остаток колоды на середину стола и перевернул верхнюю карту. Это была дама.

— Да. Пойду в поход.

Чарли взял карты.

— В поход? А мне казалось, ты терпеть не можешь подобные развлечения.

— Так оно и есть. Потому и иду. Самодисциплина. Чтобы воспитать характер, надо делать что-нибудь очень неприятное.

Секунду Чарли озадаченно смотрел на него. Потом грустно покачал головой и сказал:

— Скоро начнешь жарить крыс на завтрак. Чудак ты. Я тебе это когда-нибудь говорил? Ты просто чудак.

Сара сидела в зале истории Запада Денверской публичной библиотеки, когда запищало ее карманное сигнальное устройство. Был понедельник, и весь день она просидела за библиотечным компьютерным терминалом. От непрерывного взглядывания в экран глаза у нее воспалились и слезились. Брейди Куинн никак не давался в руки. В поисках его она безуспешно просматривала один файл за другим. Продав дом на Эмерсон-стрит, он не купил другого, по крайней мере в Денвере. По сути, кроме упоминания вскользь еще в одной газетной заметке, он не оставил никаких следов за все время, начиная с продажи особняка и до самой своей смерти шестнадцать лет спустя.

Впрочем, сто лет назад остаться в тени было гораздо проще, чем теперь. Тогда гражданин мог прожить всю жизнь, не имея почти никаких дел с властями. Это сейчас никто не может даже чихнуть, чтобы об этом не осталось записи в каком-нибудь банке данных.

Впрочем, эта вторая заметка в газете дала Саре ниточку, которая привела ее в Национальный архив, и там она наконец нашла след Куинна. Она как раз читала распечатку оттуда, когда запищал сигнал. Читатели, сидевшие рядом, обернулись. Сара смущенно улыбнулась им и пошла вниз, где стояли телефоны-автоматы, чтобы позвонить к себе на работу.

Звонок был от Денниса. Он просил позвонить ему, если она сейчас в центре города и в настроении: они могли бы пообедать вместе. Он угощает.

Сара не могла устоять, если ее приглашали. Она позвонила Деннису и договорилась о времени. Затем снова поднялась на третий этаж, чтобы собрать свои вещи.

В дверях она застыла. Рядом с ее портфелем стоял какой-то человек и читал ее заметки. В первый момент она была настолько поражена, что только изумленно уставилась на него. Какая наглость!

— Я могу вам помочь? — язвительно осведомилась она.

Человек обернулся и взглянул на нее. Он был высокий и мускулистый, с худым носатым лицом, на котором не появилось и тени смущения или удивления. Глаза, пустые и лишенные всякого выражения, смотрели на нее, как на мебель.

— Нет, — сказал он. — Не можете.

Говорил только его рот, а все лицо оставалось неподвижным. В этом человеке чувствовалось что-то зловещее. В его манере держаться, в чертах его лица сквозила почти нескрываемая угроза. Сара закусила губу. Какой-то сумасшедший забрел с улицы? Может, позвать полицию?

— Я буду благодарна, если вы оставите все это в покое, — сказала она неуверенно — ей показалось, что он вот-вот на нее кинется.

Человек улыбнулся. Улыбка была холодная и безжизненная, только губы на мгновение изогнулись в странной гримасе. Затем улыбка исчезла. Она напугала Сару почище любой угрозы. Нет, он не сумасшедший. Не вполне, по крайней мере.

— Я все это сейчас оставлю в покое, — сказал он. — А вот вы — нет.

И он пошел напрямик к двери, так что Сара поспешно отпрянула в сторону, чтобы не оказаться слишком близко к нему. Но он прошел мимо, не обратив на нее никакого внимания.

Сара смотрела ему вслед, пока он не исчез из вида. Только потом она судорожно перевела дыхание.

— Ушел?

Сара, вздрогнув, обернулась. Рядом стояла одна из соседок по читальному залу. Маленькая женщина неопределенного возраста с дочерня загорелым обветренным лицом, в грубой хлопчатобумажной куртке.

— Я говорила ему, чтобы он не трогал ваши вещи, — сказала она с сильным акцентом жительницы гор. — Но он на меня глянул, как на какую-то козявку.

Сара потрясла головой.

— Кто это был?

В ответ женщина пожала плечами.

— Никогда раньше не видела. По-моему, из Нью-Йорка — там все такие нахалы.

— Он ненормальный?

— Кто его знает. Вот что, мисси, может, это не мое дело, только... Вы заметили, как он на вас посмотрел?

При одном воспоминании об этом Сару бросило в дрожь.

— Как?

— Я такое видела один раз. Объезжала свое ранчо на Баффало-Крик и увидела, как гремучая змея уставилась на птичку. Овсянку. Так вот, змея смотрела на нее точь-в-точь как этот тип на вас.

Сара сглотнула подступивший к горлу ком. Сравнение было точным: этот человек действительно очень напоминал змею.

— Спасибо за сочувствие, — сказала Сара. — Меня ждут обедать, так что если вы не возражаете, я... — Она прошла на свое место, собрала бумаги, сунула их в портфель и застегнула его. Когда она уходила, женщина снова остановила ее.

— Мисси, я все про ту змею. Я ведь ее не остановила. Так уж устроено в природе, даже змее надо что-то есть. Только та птичка...

— Что птичка?

— Та бедная птичка просто сидела и ждала. Даже не пыталась спастись. Сидела на месте и ждала, пока змея ее не схватит. — Она улыбнулась Саре. — Будьте осторожны, мисси, слышите?

Сара думала о человеке из библиотеки все время, пока ехала в автобусе по Шестнадцатой улице. Она продолжала думать о нем, когда вошла в ресторан и увидела, как Деннис из глубины зала машет ей рукой.

Он встал, пока официант усаживал Сару, затем снова опустился на стул.

— Херес «Бристоль» с содовой для мисс Бомонт, — сказал Деннис официанту. — И виски «Джеймсон», чистого, для меня.

Официант удалился. Деннис повернулся к Саре.

— Что случилось? У тебя расстроенный вид.

— Да нет, ничего страшного. Просто одна встреча в библиотеке. — Сара рассказала о незнакомце, и Деннис сочувственно покачал головой.

— Запад все больше становится похожим на Восток, — произнес он. — Ладно, выбрось это из головы. — Он достал свой альбом для набросков. — Я подумал, что тебе, может быть, захочется взглянуть — я тут кое-что придумал по поводу квартала Брейди Куинна.

Квартал Брейди Куинна. Она почти совсем забыла, почему взялась за изучение биографии этого Куинна. «Вместо того чтобы заниматься проектом застройки, — подумала

она, — я потратила целую неделю на эти розыски». Ей стало стыдно, что она развлекалась подобной ерундой, тогда как Деннис трудился в поте лица.

Сара взяла альбом и просмотрела рисунки типового дома. Очень неплохо. Как обычно у Денниса. Особенно ей понравился открытый внутренний дворик на южной стороне с выходящим в него балконом второго этажа.

Они некоторое время обсуждали проект, обмениваясь идеями. Затем, когда официант принял заказ, разговор перешел на Брейди Куинна.

— Я наконец раскопала, кто он такой, — сказала Сара. — Это было нелегко, но в конце концов я его выследила. Несколько лет перед гражданской войной и во время войны он служил статистиком в Министерстве внутренних дел.

— Разве ты не жаловалась мне вчера, что нигде не можешь обнаружить ни малейшего его следа?

— Так и было, пока я не наткнулась на газетную заметку. Нет, не ту, что мы нашли в доме, а другую. Она дала мне нить и натолкнула на мысль, что... Впрочем, сам поймешь. Я ее тебе прочитаю. — Сара расстегнула портфель и вынула фотокопию. — Это «Роки Маунтин Ньюс» за 18 июля 1881 года.

«Дерзкое ограбление поезда неизвестными в ма-сках произошло в субботу, 16 июля, на железной дороге Чикаго — Рок-Айленд — Тихий океан, в Уин-стоне, близ Камерона, штат Миссури. Предполагает-ся, что грабителями, числом шесть человек, предво-дительствовал Джесси Джеймс*. Они сели в поезд в Камероне. После остановки поезда в Уинстоне они вынули револьверы и встали в проходе пассажирско-го вагона. Один из бандитов с револьверами в обеих руках подошел к кондуктору У. Узстфоллу и приказал ему поднять руки. Кондуктор замешкался и получил пулю в сердце. Другой бандит прострелил голову Джону Маккаллогу, каменотесу с разъезда Уилтон, когда тот обернулся в его сторону, сидя на своем месте. Затем тот же человек выстрелил в Брейди Куинна, который был правительственным чиновни-ком во время войны, а ныне находится в отставке, и ранил его. Потом бандиты перешли в почтовый вагон и, угрожая проводнику, заставили его открыть сейф, откуда было похищено 3000 долларов».

* Джеймс, Джесси (1847—1882) — известный американский преступник, грабивший поезда и банки; погиб от пули сообщника.

Сара передала Деннису фотокопию.

— Там есть еще, дальше. Банда Джеймса хотела захватить машиниста, но он привел в действие тормоза, заполз под решетку спереди паровоза и там спрятался.

— Дикий, неотесанный Запад, — сказал Деннис, глядя на фотокопию. — Кое-кто пытался сделать героев из Джесси Джеймса и его братьев. Но тут уж точно никакого героизма не видно.

— Люди становятся легендой только после смерти, когда у творцов легенд развязаны руки, — заметила Сара. — Так вот, тут говорится, что Брейди Куинн был правительственным чиновником во время войны. Я решила, что речь идет о гражданской войне, подключилась из библиотеки к сети «Дэйта-Нет» и проникла в Национальный архив в Вашингтоне.

Деннис отхлебнул виски.

— Разве это не противозаконно? — спросил он, ставя бокал точно на то место, где он стоял, — на влажный кружок на скатерти.

— Конечно, противозаконно, — ответила Сара. — Иначе было бы неинтересно. В эти файлы очень трудно войти, а изменить их или стереть нельзя. — Она подождала, пока официант расставлял еду: жареное мясо по-лондонски для Денниса, омар для нее. — Короче говоря, я нашла файл с послужным списком Брейди Куинна. Министр внутренних дел Мак-Клелланд назначил его статистиком для специальных исследований в 1853 году по рекомендации некоего Айзека Шелтона из Массачусетса. Каждый последующий министр, вплоть до Ашера, подтверждал назначение. После войны Куинн ушел в отставку и уехал сначала в свой родной Манси, а потом в Денвер. Пенсионное управление потеряло его след в 1876 году. Я не нашла ни единого упоминания о нем между 1876 и 1881 годом, когда он был ранен в поезде в Миссури.

Деннис поднял брови.

— Так, а потом в него снова стреляли... Когда это произошло? В 1892-м? Дважды попал под пулю как случайный прохожий? И оба этих случая никак не связаны между собой?

— Правильно. Я подумала о том же. Кто-то хотел убить его, но так, чтобы это выглядело несчастным случаем. Наш мистер Куинн становится весьма загадочной персоной. Совершенно очевидно, что с 1876 года он скрывался. Но от кого? И почему?

— Статистик Министерства внутренних дел, — задумчиво произнес Деннис. — Могу себе представить, где мог

нажить себе массу врагов человек на таком ответственном посту. — Он ухмыльнулся собственной шутке. — Ладно, все это происходило больше ста лет назад. Что было, то прошло.

Сара хмыкнула.

— Конечно, прошло, но ведь мы хотели разыграть этот мотив, а не просто использовать имя как этикетку. Не можем же мы назвать застройку «Кварталом Брейди Куинна», не объяснив людям, почему. С таким же успехом можно поставить любое другое имя. Нет, какая бы там ни была тайна, ее-то мы и должны обыграть.

— Знаю, — сказал Деннис. Он разрезал мясо на аккуратные кусочки, поддел один из них на вилку и переложил вилку в правую руку. Много лет назад Сара приучила себя пользоваться ножом и вилкой на европейский манер и давно пыталась убедить Денниса, что его способ менее эффективен, но успеха не добились. — Если бы мне удалось понять, почему его смерть попала в тот перечень исторических событий, — задумчиво сказал он, — то у нас появилась бы ниточка. А так это не укладывается ни в какие рамки. — Он взглянул на Сару. — Знаешь, у большинства событий в том перечне есть одна общая черта. Все они — гвозди от подков.

— Гвозди от подков? Что ты имеешь в виду?

Он улыбнулся.

— Это я так пошутил. В прошлый четверг я беседовал с одной профессоршей из Денверского университета. О том самом перечне, что мы нашли. Это ее идея. Она сказала, что во всех упомянутых там случаях действия сравнительно небольшой группы людей имели несоразмерно важные последствия: они изменяли ход истории — иногда явно, иногда незаметно.

Деннис коротко поведал ей о встрече с профессором Ллуэлин.

Поняв, что он хотел сказать, Сара кивнула. Про себя она удивилась, услышав, что Деннис тоже потратил время на что-то «сверх программы». Теперь она не чувствовала себя столь виноватой, что потеряла целую неделю.

— Наверное, она знает, что говорит. В конце концов, это ее специальность. Но она действительно считает, что Тэйлор породил коммунизм? По-моему, это чересчур большое достижение для рядового инженера.

— Нет-нет. Она только сказала, что Тэйлор, Форд, Ленин и другие действовали в одном направлении. Это были только ступеньки на пути к Управляемому Обществу, где власть

сосредоточена в руках класса профессиональных администраторов. Ты понимаешь, что я хочу сказать. Делай, что тебе говорят, а остальное запрещается.

Деннис посмотрел на свой кусок мяса, нахмурился и принялся энергично его резать.

— Ох уж мне эти бюрократы! — со злостью воскликнул он и поднял глаза на Сару. — Я тебе когда-нибудь рассказывал? Когда я работал инженером-строителем, еще до того, как получил диплом архитектора, мою компанию проглотила одна большая корпорация. Знаешь, из тех гадов, что пытаются прибрать к рукам все подряд. Новые владельцы прислали своих управляющих, и, представь, ни один из них не был инженером.

— Постой. Могу поспорить, что у них были дипломы менеджеров-администраторов с финансовой подготовкой.

— Угадала. Мой новый начальник ни уха ни рыла не смыслил ни в сопротивлении материалов, ни в методике испытаний. Знаешь, что он заявил? Мол, профессиональный администратор может управлять любым бизнесом или любым процессом, где требуется правильное администрирование. Прямо как в учебнике.

Сара хмыкнула.

— Мне это напоминает того профессора педагогики, о котором ты рассказывал. Того, что говорил, будто учителя должны только знать, как учить предмету, а не сам предмет. Ну, и что случилось дальше?

— А как ты думаешь? Производительность упала, а расходы подскочили. За какой-нибудь год полностью сменился весь персонал. Компания из доходной превратилась в убыточную. И прогорела. Все только ради того, чтобы чиновники, сидя за сотни миль, могли держать в своих потных цепких ручонках бразды правления. — Он покачал головой. — Странно. Кажется, я до сих пор злюсь, хотя прошло столько лет.

— Если бы централизация себя оправдывала, то Россия уже экспортировала пшеницу.

Деннис усмехнулся.

— Хорошо сказано. Кстати, профессор Ллуэлин тоже говорила, что Россия управляется так же, как корпорация. Однако скажи мне вот что. Ты заметила, что общего между учителями и администраторами? И те и другие остались без всякой специальности.

— Не поняла.

— Когда учителя и администраторы стали профессиональными учителями и профессиональными менеджерами,

они разучились быть учителями истории или управляющими на машиностроительном заводе.

Сара рассмеялась.

— Судя по всему, кто-то заинтересован в нашем невежестве и низкой производительности. Похоже, Томас Дьюи и Фредерик Тэйлор были участниками заговора.

— Но есть в том перечне две вещи, которые никак не укладываются у меня в голове. В истории было множество поворотных пунктов, которых в нем нет.

— А Брейди Куинн есть.

— Верно. В этом и есть главная загадка. И она имеет отношение к нам и к нашему проекту застройки. Как это будет звучать, если мы назовем квартал именем Брейди Куинна? Как изменила ход истории его смерть, а также смерть или исчезновение других людей, которых мы тоже не знаем?

— Маленькие события с большими последствиями, — задумчиво произнесла Сара, обмакивая омара в растопленное масло.

— Ну, не все эти события, — заметил Деннис. — Профессор Ллуэлин думает, что одно-два события так и не состоялись. Они могли бы вызвать важные последствия, но случилось что-то непредвиденное, что помешало им осуществиться. По ее выражению, «гвоздь пошел вкось».

Сара осенило. Она направила вилку на Денниса.

— Погоди минутку! Ничего важного не произошло, потому что Куинн был убит.

Деннис озадаченно посмотрел на нее.

— Ну да. Это-то и непонятно.

— Нет, это как раз понятно! Ничего важного не произошло именно потому, что Куинна убили. Наверняка так и было. Возьми... Ну, возьми гибель «Челленджера» во время запуска, помнишь? Там было довольно просто проследить причину и следствие. Все опять сводится к твоим любимым профессиональным администраторам. Помнишь, как тогда вице-президент велел чиновнику, ведавшему запуском, «забыть, что он инженер, и вспомнить, что он администратор»? Представь себе, что послушали бы настоящих инженеров-ракетчиков. Тех, кто предостерегал против запуска. Представь, что запуск был бы отложен. Сейчас все жалеют, что этого не случилось. Позже, при более теплой погоде, запуск прошел бы удачно. Если бы предупреждение услышали, катастрофы не произошло бы. Маленькое событие с большими последствиями.

— Хорошо. Но тогда возникает другой вопрос.

— Какой?

— Как попали те события в перечень? Проще всего сказать, что нечто важное не произошло, потому что Брейди Куинн был убит или потому что Амброз Бирс пропал без вести. Но откуда это стало известно? Как можно узнать об аварии, которая так и не произошла? Ты когда-нибудь пробовала что-то доказать только на том основании, что нет доказательств против?

— Профессиональные администраторы только этим и занимаются. Именно поэтому они и запустили «Челленджер», помнишь? — Сара промокнула губы салфеткой и взглянула на часы. — Послушай, Деннис, я очень не люблю убегать из-за стола, но есть один дом у вокзала Юнион, на который я хотела бы взглянуть.

— У вокзала Юнион? — Деннис в недоумении заморгал глазами: слишком неожиданно она сменила тему.

— Да. Я уже давно присматриваюсь к недвижимости в том районе. Опять начали поговаривать о строительстве там комплекса для конференций, вот я и подумала, а почему бы нет? Заеду-ка я туда по пути домой.

Деннис возвел глаза к потолку.

— Еще один проект! Прекрасно. А то у меня сейчас мало работы.

— Не волнуйся, — рассмеялась Сара. Деннис любил поплакаться, но на самом деле работа доставляла ему только удовольствие. — Я не собираюсь застраивать его прямо сейчас. Может, из этих разговоров о комплексе ничего и не получится. Но просто на всякий случай я хочу застолбить там ключевой участок. — Она снова усмехнулась. — Забавно, ведь это некоторым образом будет продолжением истории с Брейди Куинном.

— Как это?

— Когда-то хозяином здания, которое я собираюсь посмотреть, был Рэндалл Карсон — тот самый, что купил у Куинна особняк на Эмерсон-стрит. В поисках Куинна я рылась в старых актах о купле-продаже недвижимости. Представляешь себе — карточки, заполненные от руки! Наверное, когда еще в восьмидесятых годах окружное управление микрофильмировало свои архивы, то решило, что с этим старьем не стоит возиться. Я искала имя Куинна, но ты знаешь, как это бывает, — в глаза мне бросилось имя Карсона.

Здание находилось возле путей железной дороги «Юнион Пасифик». Оно стояло под виадуком в маленьком переулке, выходившем на Пятнадцатую улицу. Сара поставила машину около багажного отделения и дальше пошла пешком. Под виадуком было уже темно, хотя солнце еще не село. Его лучи пробивались между старыми пакгаузами, опоры и железные фермы отбрасывали причудливую паутину теней. Это напомнило Саре чикагские улицы, над которыми проходит надземная железная дорога. По виадуку проносились машины, сверху слышался шелест их шин. А здесь, внизу, улица была пустынной.

Стук ее каблучков по тротуару эхом отражался от виадука над головой с задержкой на полтакта: цок... ок, цок... ок. Вдруг Сара услышала странное двойное эхо: цок... ок... топ. Она инстинктивно остановилась и обернулась.

«Там кто-то есть», — подумала она, вглядываясь в тень. Бродяга? Пьянчужка? Рядом сортировочная станция — самое удобное место, чтобы залезть зайцем в товарный вагон.

Она повернулась и пошла дальше. В ее мозгу проносились сцены из фильмов, которые обычно показывают после полуночи. Одинокая женщина идет ночью по пустынной улице. Не ходи туда! Все знают, что ее поджидает инопланетянин — чудовище — сумасшедший убийца. Но глупая женщина все равно идет навстречу гибели. Насколько зритель всегда умнее ее!

Наверное, никого позади нет. Просто случайное эхо от виадука. Нет никаких инопланетян — чудовищ — сумасшедших убийц. Да, но вот именно это и говорят всегда в фильмах ужасов... Когда снова прозвучало двойное эхо, Сара с трудом удержалась, чтобы не сорваться с места и не побежать.

Современная мода требует сохранять без изменения внешний вид здания, как бы оно ни было переделано внутри. Охрана памятников старины. Сохранение неповторимого облика района или города. Сара стояла на противоположной стороне улицы и рассматривала фасад. Сolidная постройка из красного кирпича. Три ряда окон, два верхних — темные. Она вспомнила, что, согласно документам на владение недвижимостью, компания «Реставрационные работы Уайднера» занимает только первый этаж старого дома, а два других пустуют. Она удовлетворенно кивнула. Годится.

Она вошла в здание и огляделась в поисках мастера второй смены. Компания Уайднера была небольшим предприятием,

где работали инвалиды. Она скупала старье и подержанные вещи и подновляла их для перепродажи бедноте. Сара стояла в просторном помещении на первом этаже, глядя, как мужчины и женщины красят, паяют, подшивают, скрепляют проволокой. Меньше всего это походило на конвейер: все вещи были разные. Чтобы найти поломку в каждой и починить ее, требовалось недюжинное мастерство.

Сменного мастера она нашла в его конторе. Кругом на полках и на шкафах в беспорядке валялись папки и каталоги. Стол был завален ворохом бумаг. В углах накопились горы грязи и мусора. Мастер, Пол Эббот, восседал посреди этого великолепия, откинувшись на спинку старого деревянного стула и положив ноги на стол, и читал какой-то журнал. Сара сморщила нос.

— Мистер Эббот? Я — Сара Бомонт. Мы вчера говорили с вами по телефону. Об осмотре здания.

Эббот окинул ее взглядом, выждал немного, затем опустил ноги на пол. Он положил журнал на стол обложкой вверх — журнал был порнографический. Мастер перевел глаза с журнала на нее. Он ухмыльнулся, но ничего не сказал, а только шарил по ней оценивающим взглядом. В конце концов, одобрительно хрюкнув, он передвинул зубочистку из одного угла рта в другой и сцепил руки на затылке.

— Да?

— Да, — подтвердила Сара. — Я думаю купить это здание...

— Как, и выкинуть на улицу меня с моими дефективными?

Сара даже слегка удивилась, что это существо обладает даром речи.

— Ничего подобного, уверяю вас. Я только хотела бы осмотреть помещение.

— Осмотреть помещение, — передразнил он. — Бога ради, мадам, сказали бы прямо, что вам надо посмотреть на этот сарай. Любуйтесь сколько угодно. Только зачем напускать столько важности. — Он вытянул ногу, поддел носком ящик стола и рывком выдвинул его. — Вон там фонарь. Он вам пригодится наверху. Мы на верхние этажи не ходим, так что свет там отключен.

Доставать ей фонарь он, по-видимому, не собирался, поэтому Сара нагнулась и выудила его из ящика сама. Это был большой ручной фонарь, каким пользуются рабочие.

— Благодарю, — язвительно сказала она.

— Нет, это я вас благодарю, — ответил Эббот, ослабив-

шись. Тут Сара сообразила, что, наклонившись к ящику стола, предоставила ему возможность заглянуть себе за вырез блузки. Она вспыхнула и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Как говорила всегда ее мать? Есть на свете скверные люди. До сих пор она не понимала толком, что это значит.

— Где лестница наверх?

Эббот нехотя поднялся со стула.

— Пошли, я провожу. — Обойдя Сару, он придержал для нее открытую дверь. Удивленная такой галантностью, она двинулась вперед, как вдруг его рука скользнула по ее ягодицам.

Она развернулась и взмахнула фонарем. Удар пришелся Эбботу чуть повыше локтя, и он взвыл.

— Эй леди, нельзя ли поострожнее!

— Еще чего, подонок. Ты сам будь поосторожнее. В следующий раз я из тебя отбивную сделаю. Понял?

— Да ладно вам, уж и пошутить нельзя. Почему я знаю — может, вы не против. Мало ли что бывает, кое-кто и соглашается. Какого черта! — Он потер локоть.

Когда они подошли к лестнице, которая вела на второй этаж, Сара неожиданно вспомнила, что, по словам Эббота, света там нет. Ей вовсе не улыбалось гулять в потемках наедине с этим гнусным развратником. Она остановилась и, помахивая фонарем у него перед носом, сказала:

— Я думаю, лучше я посмотрю все сама.

Он пожал плечами.

— Как хотите.

Сара пошла вверх по лестнице. Воздух здесь был горячий и спертый. Деревянные ступени скрипели под ногами. Наверху она зажгла фонарь и обвела комнату тусклым, но широким лучом. Перед ней стояли рядами какие-то старые станки, покрытые густой пылью. Она явственно ощутила во рту привкус ржавчины.

Сара подошла к ближайшему станку и внимательно осмотрела его. «Штамповочный пресс», — решила она. Ремень на маховике давно сгнил, металл был изъеден ржавчиной. Медные детали покрывала патина. Большим пальцем она протерла латунную табличку и прочла: «Блисс Компани». Дальше следовал целый парад цифр — номер патента и какие-то даты.

Она прошла по комнате, проверяя состояние пола и несущих балок. В одном углу, где когда-то была калибровочная лаборатория, она обнаружила заплесневелую старую койку. Вернее, бесформенный матрас, брошенный пря-

мо на пол. Рядом лежала стопка журналов с голыми девицами.

Она вернулась к лестнице, поднялась на верхний этаж в комнату, которая очень напоминала нижнюю. Только здесь станки были меньше, разнообразнее и, если это вообще возможно, выглядели еще более запущенными. В комнате стоял тяжелый запах ржавчины и давно засохшего машинного масла. В круге света от фонаря ближайший станок казался рельефным переплетением света и теней, выступов и впадин, похожим на лунный пейзаж. За ним в темноте горбились силуэты других станков. Сара не могла понять, почему они брошены здесь. Ведь все это наверняка стоит денег, даже сейчас.

В дальнем конце комнаты находились туалеты. Она зашла внутрь и осмотрелась. На нее глядели старинные, в потеках ржавчины, унитазы, выстроившиеся в ряд, как идолы с острова Пасхи. Из треснутой трубы капала ржавая вода, образуя лужицу, посередине которой рос сталагмит. Сара уже повернулась, чтобы уйти, как вдруг заметила краем глаза какую-то странную тень в углу.

Она подошла ближе и обнаружила слепой закуток, который заканчивался выломанной дверью. Душевая кабинка? Чулан? Поперек двери были прибиты три доски, а к ним приколоты табличка с поблекшей надписью: «На лестницу хода нет».

Лестница? В уборной? Наверное, черный ход. Она посветила туда фонарем. За дверью действительно виднелись ступеньки. Но вели они не вниз, а вверх. Странно. Снаружи она видела только три ряда окон, и главная лестница на этом этаже заканчивалась.

«Что ж, — подумала она, — чем я рискую?..» На вид ступеньки казались не хуже тех, по которым она только что поднималась. На покрывавшем их толстом ковре пыли не было ни единого следа. Ну, пойдем нехоженой тропой. Сара отодрала доски и шагнула вперед.

Насчет ступенек она ошиблась: они оказались совсем ненадежными. Шестая из них не выдержала, когда Сара наступила на нее всем своим весом. Ее правая нога провалилась сквозь гнилое дерево, а расщепленные края доски оцарапали щиколотку и впились в голень. Ногу пронзила боль. Сара схватилась за перила, чтобы не упасть, но они свободно отошли от стены. Фонарь выскользнул из ее руки и скатился на две ступеньки вниз, оставив ее в полутьме.

— Черт возьми! — Она попыталась вытащить ногу, но ее защемило, как «китайскими наручниками», в которые она

играла в детстве. Она сморщилась от боли и негромко застонала. «Спокойнее», — приказала она самой себе.

Она заставила себя прислушаться. Тишина стояла такая, что ее, казалось, можно пощупать. Словно под толстой периной. Едва слышные в тишине шорохи лишь усиливали это ощущение. Старый дом что-то бормотал и нашептывал. Вздыхал сквозняками, кряхтел перекрытиями. Снаружи едва доносился глухой рокот автомобилей на выезде. Где-то рядом в лужу медленно капала вода. После каждой капли слышалось одинокое, сиротливое эхо. Четко отмеренный ритм: бульк... бульк... Чувство было такое, будто она находится в глубокой пещере.

У нее мелькнула мысль позвать на помощь. Но Эббот двумя этажами ниже и едва ли услышит. А если и придет, то наверняка воспользуется случаем полапать ее, пока будет высвобождать ногу. К тому же она всегда обходилась без посторонней помощи. Из любой беды старалась выпутаться сама.

Нагнувшись, Сара ощупала пальцами края дыры. Щепки торчали вниз, как миниатюрные копыя. Если потянуть ногу прямо вверх, они вонзятся в лодыжку. Она просунула пальцы в дыру и принялась обламывать щепки одну за другой, понемногу расширяя отверстие. Через несколько минут упорного труда дыра увеличилась настолько, что можно было вытащить ногу.

Сара повернулась и села на ступеньку, растирая лодыжку. Нога была ободрана до крови. Чулки, конечно, пропали. Она осторожно попробовала встать на поврежденную ногу. Больно, но терпеть можно. Стиснув зубы, она подобрала фонарь. Он еле мерцал. Сара шлепнула по фонарю ладонью, и он загорелся чуть ярче.

Она посветила вниз по лестнице, потом наверх и упрямо продолжала подниматься, тщательно пробуя каждую ступеньку, прежде чем наступить на нее.

На четвертом этаже окон не было, и тьма стояла, как в преисподней, без малейшего проблеска света. Луч фонаря выхватывал из темноты какую-то непонятную деревянную мебель. Вдоль стены выстроились в ряд дубовые шкафы с выдвижными ящиками, вдоль другой — пять старинных письменных столов-бюро с откатывающимися крышками. В центре комнаты стояли массивные дубовые столы, а на них — какие-то неуклюжие механизмы. Все кругом покрывал толстый слой пыли. На нем виднелись мышиные следы, но ни одного отпечатка человеческой ноги не было видно.

Сара обошла комнату. Ей почему-то стало жутко. То один, то другой предмет вдруг появлялся в луче фонаря, словно актер, дождавшийся своего выхода на сцену. Она была первым человеком, попавшим сюда за бог знает сколько лет. Судя по виду, этот этаж был заброшен намного раньше нижних. Интересно, могут ли жить в мастерской привидения?

Она попыталась открыть крышку одного бюро, но та не поддавалась. Сара налегла посильнее, и крышка чуть приподнялась. Сару вдруг охватил безотчетный страх, она отступила на шаг и затаила дыхание. Она направила луч фонаря в щель, хотя точно знала, что ни за что на свете не сможет туда заглянуть.

«Это все от темноты, — подумала Сара. — Наверное, скоро мне начнет чудиться, что тут есть кто-то еще».

Она подошла к столам посредине комнаты и принялась разглядывать стоявшие на них механизмы. Они состояли из множества кулачков, шестеренок, храповиков и рычажков. Изнутри под самыми разнообразными углами торчали какие-то планки с делениями. Каждая машина имела клавиатуру с клавишами на рычагах, как у старых механических пишущих машинок. В центре клавиатуры — десять рядов клавиш, по десять штук в каждом. Сара стерла пыль и увидела, что на клавишах стоят цифры — от нуля до девяти. Ради любопытства она попыталась нажать одну клавишу, но рычаг давно прижавел намертво.

Очевидно, это были старинные счетные машины. С тех пор как Сара увлеклась компьютерами, ее всегда пленяли подобные механизмы. Она вспомнила выставку первых механических счетных устройств, которую давным-давно видела в Чикаго. В 1885 году появился комптометр Дорра, в 1911-м — машина Берроуза. Судя по исполнению, здешние машины еще старше. Похоже, что кулачки вытачивали каждый отдельно и вручную. Сара посмотрела, нет ли где-нибудь таблички с названием фирмы-изготовителя, но ничего не нашла. «Может, что-нибудь удастся выяснить в бюро патентов», — подумала она.

Она протерла еще несколько клавиш и увидела, что на них стоят символы арифметических действий. На других клавишах были знаки $<$ и $>$. Были и такие значки, каких она никогда не встречала. Что бы могло обозначать \rightarrow ? Или ∇ ? Или \otimes и \oplus ?

Она решила, что нечего попусту ломать голову, и занялась шкафами, выдвигая ящик за ящиком. Но большинство их оказывалось пустыми, лишь в некоторых валялись раз-

розненные листы бумаги, исписанные какими-то математическими расчетами. Свет фонаря упал на обрывок, где можно было прочесть заголовок: «К вопросу о возможной бифуркации динамических комплексов с прочными связями».

Один из ящиков был заперт. Она посильнее потянула за ручку и услышала, как поддается язычок замка и трещит дерево. Еще рывок — и язычок отогнулся. Ящик выехал наружу под протестующий скрип ржавых роликов и покоробленных деревянных направляющих. Внутри лежали две толстые папки. В тусклом свете фонаря Сара попыталась разобрать, что на них написано. Чернила были старые, выцветшие, почерк витиеватый.

«УКАЗАТЕЛЬ».

Она вынула папку из ящика и отнесла на стол. Держа фонарь в левой руке, она открыла папку и стала читать заголовки. «Оптимальная политика закупок предметов потребления с использованием интегральных упрощений». «Разветвленно-граничный подход к проблеме найма рабочей силы». «Об n -мерной структуре графов наследования по женской линии у ирокезов». «Применение функции Грина к очередям в полужакрытых сетях». «Уравнения динамики распространения идеонов».

Что это? Математические исследования? Да нет, не совсем. Некоторые из заголовков касались антропологии или экономики. Значит, прикладная математика. Странная смесь, и место для нее странное! Даты, проставленные после заголовков, кончались 1892 годом. Самая ранняя работа некоего Джедедаи Кроуфорда была датирована 1833 годом — это было нечто совсем непонятное: «Некоторые стохастические процессы с поглощающими барьерами».

Сара еще раз осветила фонарем шкафы. Архив математических исследований за шесть десятилетий? Институт, упрятанный на четвертом этаже какой-то мастерской?

Она вынула из ящика другую папку и посветила на ее обложку. «Эксплуатация и ремонт аналитических машин Бэббиджа».

Она застыла. Чарлз Бэббидж был профессором математики колледжа Св. Луки в Кембридже с 1828 по 1839 год. Про него знает всякий, кто интересуется вычислительной техникой. Он описал счетную машину нового типа, которая намного превосходила механизмы для сложения и вычитания, существовавшие в то время. По его утверждению, такая «аналитическая машина» смогла бы самостоятельно проделывать целые цепочки операций без участия человека, который задавал бы промежуточные действия. Кроме того, она

была наделена способностью выбирать одну из двух альтернативных цепочек в зависимости от результата предшествующих вычислений.

Запоминающее устройство у этой машины было чисто механическое, состоявшее из валиков и перфорированных карточек, но в сущности Бэббидж описал не что иное, как цифровой компьютер. К сожалению, воплотить его идею в виде реальной «аналитической машины» оказалось не под силу технологии середины девятнадцатого века. Ни одного ее экземпляра так и не было построено.

Сара похолодела. Она обернулась и посмотрела в темноту, где стояли машины. Те самые, которые так и не были построены.

Мурлыкая под нос старую песенку из «Зоны сумерек», она отнесла папку на стол и начала ее листать. Страница за страницей шли технические чертежи с подробными спецификациями и детализировкой. Кошмар, похожий на рисунки Руба Голдберга*. Однако машина — вот она, на столе. Дальше начинались рукописные инструкции, написанные вычурным спенсериянским почерком.

Рассматривать это в темноте не имело смысла. Сара решила взять папку с собой и уже закрывала ее, когда ее взгляд упал на пометку, сделанную на полях одного из чертежей.

«Когда был в Менло-Парке, обсуждал с Томасом возможность электрического привода. Пока неосуществимо. Б.Куинн. 21 июля 1881 г.».

Ее брови поползли вверх. «Б.Куинн». Брейди Куинн? Ну и ну! Похоже, Карсон не просто купил особняк Куинна. Не были ли они деловыми партнерами?

И партнерами Эдисона тоже. По крайней мере, Сара не знала, с каким еще Томасом можно было обсуждать «электрический привод» в Менло-Парке в 1881 году.

«Вот теперь это становится похожим на дело», — подумала она. «Квартал Брейди Куинна» — название звучало все лучше и лучше. Куинн не просто здесь жил. Он был с Эдисоном на «ты». И, очевидно, каким-то боком был причастен к первым в мире компьютерам.

Да это может стать сенсацией! Пыль на полу и на столах лежит толстым слоем. В комнату уже много лет никто не заходил. Много десятилетий. «Никто, кроме меня, не знает об этих машинах, — подумала Сара. — А когда я куплю это здание, машины тоже станут моими».

* Голдберг, Руб (1883—1970) — американский карикатурист и скульптор, часто изображал фантастические сложные механизмы.

Фонарь опять стал гаснуть, и она наградила его новым шлепком. Но на этот раз свет не стал ярче. Мысль о том, что обратную дорогу придется искать в полной темноте, не понравилась Саре. Она закрыла папку и вместе с «Указателем» сунула под мышку. «Вернусь сюда позже, с более подходящим освещением».

В дверях она остановилась и напоследок окинула комнату взглядом. Луч пробежал по черным, едва различимым в темноте механизмам. Первые в мире компьютеры. Стоят здесь, заброшенные и забытые. Странно. Имея в руках такое изобретение, они могли бы делать историю.

Когда она возвращала фонарь Эбботу, тот заметил папки у нее под мышкой и схибно ухмыльнулся.

— Трофеи, а? Ободрали бы еще немного латуни с прессов. За нее неплохо заплатят на любом складе металлолома.

Сара понимала, что Эббот не подозревает о заколоченной лестнице. Она надеялась, что он не станет выяснять, где она взяла папки. Пусть лучше беспокоится о другом.

— Уайднер знает, что вы таскаете его имущество на продажу?

— Уайднер? Да он в жизни сюда не показывался. Я да Бэбс — она мастер дневной смены, — только мы здесь всем и пользуемся. Никто из инвалидов не может подняться по ступенькам, так что они даже не знают, какая золотая жила там наверху. А вы ничего не расскажете, леди, иначе я скажу, как вы тоже кое-что с собой прихватили. — Он с самодовольным видом откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

Сара примирительно улыбнулась.

— Боюсь, я попалась.

— Да, черт возьми, — он энергично закивал. — Ничуть вы не лучше, чем я или Бэбс. Я... — Его взгляд скользнул по ее ноге.

— Эй! Вы поранились наверху? С вами все в порядке?

— Как вам сказать...

— Говорил же я вам, что там опасно. Я же предлагал пойти с вами. Надеюсь, вы не собираетесь из-за этого судиться или что-нибудь в этом роде, нет? — От волнения зубочистка у него во рту так и плясала.

Сара было подумала, что он беспокоится за нее. Впрочем, наверное, даже лучше, что все его мысли заняты только собой. Приступ альтруизма нарушил бы цельность характера такого законченного поганца.

— Нет, — сказала она ему. — Я не собираюсь судиться

или что-нибудь в этом роде. — Не хватало еще, чтобы там, наверху, начала шнырять по всем углам целая орава адвокатов и следователей.

Когда она вышла из здания, солнце уже село, и улица погрузилась в абсолютную темноту. Лишь под фонарем на углу Уинкуп-стрит виднелось пятно света, в остальном тьма была такая же густая, как в комнате на четвертом этаже. Неожиданно вспомнив, какой ужас охватил ее наверху, Сара пожалела, что не оставила машину поближе.

Она торопливо пошла к углу улицы, к зданию багажного отделения. И снова ей показалось, что она слышала прозрачные шаги за спиной.

Она попыталась убедить себя, что это лишь акустический обман и никто за ней не идет. Успокаивал и приобретенный за годы здравый смысл. Но тысячелетний инстинкт возобладал. Зло всегда живет в темноте. Сара ускорила шаги.

В тот момент, когда она поворачивала за угол, ворота одного из грузовых подъездов багажного отделения разъехались с металлическим лязгом, заставившим ее вздрогнуть. Бригада рабочих начала выдвигать на погрузочную площадку большие почтовые контейнеры. Они переговаривались между собой и смеялись. Шаги за спиной стихли. («Если действительно были шаги», — подумала Сара, досадуя сама на себя.)

Взглянув в сторону грузчиков, она узнала их бригадира. Они встретились однажды на вечеринке, еще когда она работала в газете. Он был братом одного из репортеров. Тогда он даже прокатил ее на своем «сузуки». Как же его звали?

— Эй, Пат! — крикнула она, неожиданно вспомнив. — Все еще гоняешь на мотоцикле?

Пат удивленно обернулся.

— Кто?.. О! — Он прищелкнул пальцами. — Подожди, не говори мне. Сюю... Нет, Сара, верно? Да, Кевин говорил мне, что ты ушла из газеты. Занялась недвижимостью или чем-то еще. Словом, купи-продай, как он выразился.

— Верно. Я смотрела здание там, за углом. — Она оглянулась в темноту Пятнадцатой улицы. — Может, я и ошибаюсь, но мне показалось, что кто-то за мной шел. Ты не мог бы проводить меня и посмотреть, пока я не сяду в машину? Я оставила ее тут рядом.

— Конечно. Нет проблем.

Она понимала, что все это нелепость, но все же почувствовала облегчение. Теперь кто-то знакомый знал, что

она была там. Остальные грузчики ждали, не проявляя особого интереса к происходящему, но они тоже это запомнят.

Сев в машину, Сара первым делом заперла изнутри все дверцы и только потом перевела дух. «А что, если он уже в машине?» Она резко обернулась. На заднем сиденье никого не было. Она облегченно вздохнула. Теперь она чувствовала себя настоящей душой. Она расслабилась на сиденье, откинув голову на спинку и закрыв глаза. «Я просто перепугалась», — подумала она. Эта атмосфера запустения на верхнем этаже дома, пустынная улица под виадуком, слишком много фильмов ужасов. Скорее всего, на самом деле ее никто не преследовал.

Она выпрямилась, завела мотор и включила передачу. «А что, если это был тот человек из библиотеки?» — пришла ей в голову неожиданная мысль.

Эту ночь она спала плохо. Во сне ее преследовали темнота, шаги и долговязые незнакомцы, похожие на мертвецов. Ей приснилось, будто она открывает крышку бюро в доме Уайднера и видит там человека из библиотеки. Улыбнувшись ей, он издает змеиное шипение, и изо рта у него на мгновение высовывается язык — черный, похожий на веревку и раздвоенный на конце.

Она проснулась, чувствуя удушье. Ночная рубашка была влажной от пота, от нее пахло страхом. Кровь стучала в висках. Она быстро оглядела темную спальню, и ей показалось, что в углах притаились какие-то смутные тени. «Ты дура», — сказала она себе, но все же протянула руку и включила вполнакала ночник. Потом откинулась на подушки и стала терпеливо ждать, когда снова придет сон.

V

Утром, когда она пила черный кофе, размышляя о том, что же теперь делать, ночные кошмары отступили. Кофе был крепкий и горячий, и, выпив полчашки, Сара уже наполовину убедила себя, что тот человек в библиотеке был просто любопытным нахалом. И конечно, никто не шел за ней под виадуком.

Она положила на кухонный стол две папки, которые принесла из дома Уайднера, и стала их просматривать, а кофеин тем временем делал свое дело. «Указатель» с непонятными заголовками она проглядела мельком, отметив

лишь некоторые даты и имена. А вот руководство по машинам Бэббиджа ее действительно заинтересовало.

Она слишком плохо разбиралась в чертежах и в технике, чтобы понять схемы, но назначение машины явственно вырисовывались из описаний. Несомненно, речь шла о механическом компьютере, и выглядел он точно так же, как те три, что она видела на верхнем этаже дома Уайднера. Она вспомнила закутанные в пыльный саван механизмы — машины Бэббиджа, — и ее охватило волнение. Это было открытие огромного значения. Шанс войти в историю. Остаться в памяти людей не просто Сарой Бомонт, перекупщицей недвижимости и бывшей журналисткой.

Брейди Куинн оставил на полях инструкций несколько поправок и замечаний. То же самое сделали Рэндалл Карсон и некто по имени Дейтон Блейк. Сара перенесла папку к своему компьютеру. Сognaв Мистера Мяу с письменного стола, она взяла листок бумаги и ручку и составила список имен, которые нужно разыскать. Немного подумав, она добавила еще несколько ключевых слов: «машины Бэббиджа», «Айзек Шелтон», «Томас Эдисон», «Чарлз Бэббидж», «Денвер», «Менло-Парк», «Джедедая Кроуфорд».

У нее мелькнула мысль, что не стоит тратить на это столько времени. Не так уж важно, как будет называться квартал, который она собиралась застраивать. Она вспомнила, что потратила уже целую неделю неделю на поиски Куинна. У Моргана Граймза в «Ньюс» она побывала ровно неделю назад. «Вместо того чтобы плутать по сети «Дэйта-Нет», мне надо было подсчитать смету на перестройку дома на Эмерсон-стрит», — подумала она. Дел неуворот. Надо составить график работ, договориться с подрядчиками — словом, начинать действовать. Куинн ждал сто лет, может подождать еще немного.

Сара дала себе слово, что отныне вплотную займется скупкой остальной недвижимости в квартале. А для поиска связей между Куинном, Карсоном и другими напишет специальную программу-«мышь». Пусть компьютер сам проделает черную работу. Она сообщит «мышь» ключевые слова и отпустит ее на пару дней побегать по компьютерной сети. Пусть поглядит, что там имеется. Потом можно будет посмотреть, что получилось, и решить, надо ли будет вмешаться в поиски самой.

Она села перед терминалом и размяла пальцы, как пианист перед концертом. Друзья в колледже иногда спрашивали Сару, почему при таком несомненном таланте она не стала программисткой. Она отвечала, что компьютер — по-

лезный инструмент, но она не намерена становиться слесарем-инструментальщиком. Это немало шокировало кое-кого из заядлых программистов. Оказывается, они даже не подозревали, что занимаются таким плебейским делом.

Деннис читал в своем любимом кресле; когда услышал, как кто-то возится с замком входной двери. «Должно быть, Джерри с покупками», — подумал он и, заложив книгу закладкой, пошел открывать.

Перед дверью стоял Джереми Коллингвуд с двумя большими пакетами продуктов в руках, пытаясь попасть ключом в замочную скважину. Деннис взял у него один пакет.

— Мог бы постучать, — сказал он. — Что, если бы ты все рассыпал?

— Виноват.

— Ну, ничего. Ты все купил по списку?

— Разумеется, все. Разве я когда-нибудь что-то забывал? Сегодня Джерри казался раздраженным. Деннис подумал, уж не сцепился ли он опять с кем-нибудь в магазине. Он отнес сумку на кухню и стал выкладывать покупки на полки позади уже стоявших там банок. На их домашнем продовольственном складе Джерри ввел систему строгой очередности по принципу: «Первым пришел — первым ушел». Продукты, купленные раньше, всегда оказывались впереди, и, как только очередная вынутая банка обнажала наклеенную на полке звездочку, Джерри или Деннис отправлялись в магазин и пополняли запас.

— Послушай, Джерри, — сказал Деннис, пока они возились на кухне, — у тебя есть книги о гражданской войне?

Джерри закрыл дверцу морозильника.

— Кажется, есть Брюс Кеттон. А зачем тебе?

Деннис свернул пустые бумажные пакеты и сунул их в контейнер для макулатуры. Он был почти полон — пора ехать в центр приема вторичного сырья и обменять его на пустой. Интересно, какая цена на бумагу на этой неделе. Джерри должен знать. Он же бухгалтер.

— Да понимаешь, на прошлой неделе я немного подзабылся историей.

— В самом деле? Вот уж чего от тебя не ожидал.

Деннис обиделся, но постарался не показывать вида.

— У человека могут быть разные интересы, — сказал он.

Джерри взглянул на него.

— Конечно, могут. Посмотри в третьем шкафу на второй полке. По-моему, ближе к середине.

Книжные шкафы занимали две стены в передней их квартиры.

Деннис поискал там, где сказал Джерри.

— Кеттон, говоришь? Здесь три тома. В каком из них можно будет найти февраль 1861 года?

— Ты что, не знаешь? — В голосе Джерри звучало неподдельное удивление.

— Я же сказал, что решил подзаняться историей. Если бы я все знал, зачем мне это читать, как ты думаешь?

— Ладно, Деннис, не кипятись. Посмотри тот, что называется «Ярость нарастает».

Деннис снял с полки большой белый том и, усевшись в свое любимое кресло, открыл указатель в конце книги.

— Большинство людей начинает с первой страницы.

— Я — исключение. Меня интересует только одно событие. Для этого я не собираюсь читать все... — он заглянул в книгу, — все пятьсот страниц.

— Твое дело, — пожал плечами Джерри.

Деннис не ответил и начал водить пальцем по именному указателю. «...Трамбл. Трескотт. Твиггс». Вот он. Твиггс, Дэвид Эмануэл. Деннис открыл страницу 226 и начал читать.

Глава называлась «Полковник Ли* покидает Техас». В ней упоминался бригадный генерал Твиггс — командующий Техасским округом. Семидесятилетний уроженец Джорджии «с пышными седыми волосами и бородой от уха до уха». Его симпатии были полностью на стороне сепаратистов, в отличие от его заместителя полковника Ли, писавшего, что «раскол страны есть не что иное, как революция».

Приказ, отстранявший Твиггса от командования, был подписан 28 января, но по каким-то необъяснимым причинам его послали обычной почтой, и он пришел в Сан-Антонио только 15 февраля, когда полковник Карлос Уэйт из Первого пехотного полка, который должен был сменить Твиггса, находился в шестидесяти милях от Сан-Антонио, на границе индейской территории. Твиггс уже вел переговоры с уполномоченными штата Техас о передаче всего армейского имущества и сдаче в плен офицеров и всего личного состава.

Техасцы попытались арестовать Ли, который проезжал через Сан-Антонио, направляясь в Вашингтон, куда ему было приказано явиться. Однако Ли заявил, что он уже

* Ли, Роберт Эдуард (1807—1870) — главнокомандующий армией Конфедерации южных рабовладельческих штатов США во время гражданской войны 1861—1865 гг.

выведен из подчинения Твиггса и переведен в Вашингтон, а потому не подлежит включению в список сдающихся в плен офицеров.

«Любопытно», — подумал Деннис. Похоже, это были самые критические месяцы перед нападением на Форт-Самтер*. По-видимому, Скотт предлагал Ли занять пост командующего юнионистскими вооруженными силами в случае начала военных действий. Но Ли уклонился на том основании, что Вирджиния тоже может примкнуть к сепаратистам. Он недолюбливал сепаратистов, однако воевать против родного штата не хотел.

Но каким образом дело Твиггса стало «гвоздем от подковы»? Если бы приказы пришли раньше, должно было случиться что-то очень важное? Или, как сказала Сара вчера за обедом, из-за того, что приказы опоздали, что-то важное не произошло?

Ответ Деннис нашел ниже на той же странице: «Здесь возникает захватывающее «если». Несколькими месяцами раньше, в отсутствие Твиггса, Ли временно исполнял обязанности командующего Техасским округом. Если бы сепаратистский кризис обострился тогда или если бы Твиггс задержался с возвращением до середины зимы, то уполномоченные штата предъявили бы требование о передаче армейского имущества Ли, а не Твиггсу. Вне всякого сомнения, Ли категорически отказал бы. И тогда вполне могло кончиться тем, что именно Ли, а не майор Роберт Андерсон первым принял бы удар сепаратистов и ответил им огнем, и Сан-Антонио, а не Форт-Самтер, стал бы местом сражения, послужившим прологом к великой войне. В результате все дальнейшие события могли пойти существенно иначе».

Если бы Ли оказал сопротивление техасцам, Джефферсон Дэвис никогда не назначил бы его командующим армией конфедератов. Да, вся дальнейшая история могла бы пойти по существенно иному пути.

«Задержаны приказы насчет Твиггса, но не его возвращение», — было написано в той бумаге. Интересно, кем задержаны?

Несколько следующих дней Сара не покладая рук занималась претворением в жизнь своего проекта. Она начала переговоры о покупке полудюжины других домов в том же

* Укрепление на острове в гавани Чарльстона (шт. Южная Каролина), бомбардировка которого войсками конфедератов 12 апреля 1861 года стала началом гражданской войны в США.

квартале, расположенных так, чтобы никто не смог пере-страивать его без ее участия. В торговле недвижимостью самое главное — верно выбрать. Она действовала через сложную систему подставных лиц и посредников. Скрыть размах операции все равно было невозможно, но Сара не хотела, чтобы кто-то пронюхал, что за всем этим стоит она.

Она навела справки о возможной стоимости работ по реконструкции зданий у нескольких знакомых подрядчиков, не сообщая им ничего определенного и взяв за основу дом, который они осмотрели вместе с Деннисом. Она сделала пометку, что надо будет встретиться с ним и уточнить детали предполагаемой реконструкции. Она хотела, чтобы работы обошлись как можно дешевле, но была достаточно опытна и понимала — это вовсе не означает, что нужно гнаться за самой низкой ценой.

Она также сделала заявку на дом Уайднера. Хотя он и не был выставлен на продажу, все знают, что всегда можно купить любую недвижимость. Главное — предложить подходящую цену.

Только в пятницу днем Сара решила устроить передышку. Она отложила в сторону свои бумаги, вставила в проигрыватель компакт-диск с рэгтаймами, прошла на кухню и сварила себе кофе. Потом вернулась к компьютерному терминалу и вызвала свою «мышь»: самое время посмотреть, что та разузнала о Куинне и машинах Бэббиджа. Сара рассказала Деннису о странных примитивных компьютерах. Тот остался очень доволен — интуиция не подвела его. Название «Квартал Брейди Куинна», в честь человека, причастного к ныне забытым первым в мире компьютерам, великолепно подчеркивало суть их замысла, согласно которому информация расценивалась как коммунальное удобство, а подключение квартир к компьютерной сети было таким же обычным делом, как подключение к канализации и электричеству.

В комнате звучала мелодия «Creole belles», а Сара просматривала на экране то, что нашла ее «мышь», тихонько подпевая: «Мои прекрасные креолки...»

Как и ожидалось, основная масса информации касалась Эдисона и Бэббиджа: ведь это были выдающиеся исторические фигуры. Однако ничто не связывало их ни с Куинном, ни с Карсоном, ни с машинами на потайном четвертом этаже. Сара узнала, что Томас Эдисон имел обыкновение регулярно встречаться с Генри Фордом, Харви Файрстоуном и Джоном Берроузом «для обсуждения дел в стране». Они прогуливались на лоне природы в личном заповеднике Форда в Мичи-

гане. Оно и понятно: бизнесмены во все времена брюзжат, что страна катится в тартарары. Берроуз — Сара выяснила это, когда навела о нем справки, — был натуралистом-любителем. Одним из первых экологов.

— Так вот что это за прогулки, — произнесла она вслух и рассмеялась, представив себе, как три промышленных магната гуляют по полю, разглядывая грибы и мотыльков. Форд, наклонившийся понюхать розу, выглядел, должно быть, странно.

Что касается Бэббиджа, то было, конечно, любопытно узнать, что он ненавидел уличных шарманщиков и не раз возглавлял кампании с требованием запретить им появляться на улицах, но к делу это отношения не имело. Гораздо интереснее было то, что он и в самом деле начал строить «дифференцировочную машину» — прототип механического компьютера, но, истратив двадцать три тысячи фунтов, включая шесть тысяч собственных денег, бросил эту затею на полпути.

Бэббидж был одним из учредителей Аналитического Общества и пропагандировал страхование жизни — «бизнес, основанный на том, что непредсказуемые события могут принимать предсказуемые формы». В 1832 году он написал «Экономию машин и машиностроения», предвосхитив многое из того, что сейчас называют исследованием операций и системным анализом. В общем, человек был незаурядный.

В 1833 году Джедедая Кроуфорд напечатал в «Записках Нью-Йоркской Академии наук» любопытную заметку, в которой предлагал устроить открытое обсуждение теоретических воззрений Бэббиджа и создать Общество Бэббиджа для их распространения. Сара вспомнила, что Кроуфорд был автором самой ранней работы в «Указателе» из запертого ящика. «Мышь» выяснила, что он одно время, в 1820-х и 1830-х годах, был профессором математики Йельского университета. Интересно, удалось ли ему основать свое общество? Все совпадало. Такое общество вполне могло попытаться изготовить машины Бэббиджа.

Других упоминаний об Обществе Бэббиджа «мышь» в компьютерной сети «Дэйта-Нет» не обнаружила. Впрочем, сеть была сравнительно новой, и в нее еще не успели внести многие базы данных. Любопытно будет покопаться в других компьютерных сетях, имеющих выход в «Дэйта-Нет», — не удастся ли извлечь что-нибудь оттуда?

Она еще немного посидела за компьютером. Из проигрывателя звучал старинный, 1908 года, «Блэк-энд-уайт рэг»

Ботсфорда, и ее пальцы выступивали ритм в такт музыке. Надо бы вернуться к работе над проектом. Но было уже три часа дня, и к тому же пятница. У нее остались кое-какие дела в городском и окружном управлениях по строительству, и, хотя она могла их решить по телефону или модему, поездка в центр была прекрасным предлогом навеститься в редакцию газеты и в библиотеку. Сара некоторое время боролась с искушением, но в конце концов сдалась. Конечно, работу над проектом откладывать нельзя, но слишком уж увлекательной оказалась охота за Куинном и Обществом Бэббиджа. Она подняла трубку и договорилась о встрече с окружным консультантом по недвижимости.

Сара не очень надеялась обнаружить в редакционном «море» сведения об Обществе Бэббиджа и поэтому не расстроилась. В конце концов, «Ньюс» начала выходить только в 1851 году. Но Морган обещал навести для нее справки. У него был приятель в «Нью-Йорк Таймс». Правда, «Таймс» не намного старше «Ньюс», но эта газета издавалась на восточном побережье, и вполне вероятно, что там могли сохраниться какие-нибудь сведения об Обществе, созданном Кроуфордом.

Закончив свои дела с юристом и выйдя из здания управления, Сара решила пройти до библиотеки напрямик через Центральный парк. Она перебежала под носом у машин через Бэннок-стрит к парку и не спеша пошла в толпе гуляющих, погрузившись в собственные мысли. Кругом лениво бродили молодые люди, некоторые расположились на ступенях Греческого Театра. Над головами гуляющих, как кузнечики над лугом, то и дело поднимались в воздух пластиковые «летающие тарелочки».

«Мне понадобится помощь», — подумала Сара. Она вспомнила заголовки в «Указателе». Тарабарщина. Хотя было понятно, что некоторые из них касаются проблем исследования операций — еще одно связующее звено с Бэббиджем. А чертежи в руководстве к машинам Бэббиджа? Здесь нужен будет по меньшей мере инженер-механик. И математик. А может быть, еще и историк. Саре совсем не нравилось, что придется делиться с кем-то своим открытием. Специалисты перехватят его, а ее вежливо отодвинут в сторонку. «Спасибо, мисс Бомонт, но дальше мы этим займемся сами».

Всю свою жизнь она действовала в одиночку, на свой страх и риск, не прося ни у кого помощи. Мысль, что ее оставят в стороне, не давала покоя. Дело не только в том,

что, используя машины Бэббиджа для рекламы, будет легче распродавать дома в «Квартале Брейди Куинна». Это не зависит от ее личного участия в расследовании тайны первых в мире компьютеров. Нет, черт возьми, дело в другом! Она хотела сама раскрыть тайну! Прославиться как первооткрыватель!

Сара проходила мимо Греческого Театра, когда ее правый каблук попал в трещину на асфальте. Царапины, полученные на лестнице, еще давали себя знать, и Сара оступилась. В этот момент что-то просвистело в воздухе, ударившись о стоявшую рядом колонну, и в щеку ей впились осколки камня.

— Эй! Вы соображаете, что делаете?

Она обернулась на голос. Рослый плотный мужчина в расстегнутой спортивной рубашке широкими шагами направлялся в ее сторону, кого-то окликая. За ним виднелся патрульный полицейский, который взялся за свою кобуру. Несколько детишек с любопытством оглянулись.

Что происходит? Сара повернула голову. На той стороне сверкающего пруда стоял человек с пистолетом. Он держал его обеими руками, широко расставив ноги. Пистолет был направлен на нее. На нее!

Сара не успела ни о чем подумать — сработал инстинкт самосохранения. Она кинулась вбок, между колоннами Греческого Театра, и плашмя упала на землю. «Не может быть!» Последовал еще один хлопок и визг пули, отскочившей от камня. Послышались крики. Она проползла до конца колоннады. Сердце ее отчаянно колотилось. Рискнуть выглянуть? Но, может, он только и ждет, когда она высунет голову. А вдруг он уже бежит сюда! Прятаться или удирать? Она должна это знать.

Сара осторожно выглянула из-за колонны, и увидела, как человек с пистолетом повернулся и выстрелил в подходившего к нему рослого мужчину. Пуля попала ему прямо в рот, из затылка фонтаном брызнули кровь, мозг и осколки костей. Удар отбросил мужчину назад, он упал навзничь, оставившись раскрытыми глазами в небо.

Человек с пистолетом повернулся и взглянул на Сару. Люди вокруг бежали кто куда. Он поднял пистолет. Полицейский окликнул его. Он уже вынул свой револьвер и направил его на убийцу. Тот молниеносно развернулся и выстрелил. Полицейский попятился и быстро нажал на курок два раза подряд. Убийца дернулся и осел на землю. Полицейский упал на колени, схватившись за живот.

Издалека послышался вой приближавшихся сирен. Цеп-

ляясь за колонну, Сара поднялась на ноги и окинула взглядом парк. Вокруг царила паника. Кто-то еще бежал, другие уже остановились. Женщина поддерживала тело первого мужчины, с рыданиями прижимая его к себе. Он, несомненно, был мертв. Возможно, он спас Саре жизнь, когда отвлек внимание убийцы. Как его угораздило напасть на вооруженного человека? По-видимому, он просто не знал, что у того пистолет: звуки выстрелов были совсем слабыми из-за глушителя.

Сара перевела взгляд на убийцу. Он лежал без движения. К нему подошел какой-то молодой человек и устался на тело. Бело-голубая птица спорхнула откуда-то сверху, наклонила головку налево, потом направо и клюнула труп в лицо.

Сара почувствовала, как к горлу подступает ком. Она отвернулась, и ее стошнило. Желудок сжимали нестерпимые, выворачивающие наизнанку спазмы. Когда рвота закончилась, она пошарила в сумке, нашла платок и вытерла рот. На платке осталась кровь со щеки, оцарапанной осколками камня.

Сара словно оцепенела. Чувства ее притупились, яркую картину парка она видела где-то далеко-далеко, как будто смотрела не в тот конец подзорной трубы, и все звуки казались приглушенными. Она повернулась и пошла в сторону Четырнадцатой улицы. Где-то краешком сознания она понимала, что должна остаться и подождать полицию. «У тебя шок, — произнес внутренний голос. — Ты не в себе».

Она уже пересекла Чероки и шла позади Монетного двора, когда сзади подъехала машина и остановилась, взвизгнув тормозами. Сара резко обернулась, все ее тело напряглось, сердце на секунду замерло.

Морган опустил боковое стекло машины.

— Быстро, — сказал он. — Лезь внутрь.

Она удивленно посмотрела на него, потом обошла машину и села с ним рядом. Морган ездил на старом «шевроле» непонятного цвета и неизвестного года выпуска. Захлопнув за собой дверцу, Сара съежилась на сиденье и обхватила себя руками.

Морган потряс ее за плечо.

— Сними жакет. И красный бант тоже.

— Что?..

— Делай, что тебе говорят. — Он включил передачу, не дожидаясь, послушается ли она. Сара молча стянула жакет и развязала бант. Он был ярко-красный, как кровь. Ее затрясло.

Морган сунул ей блокнот.

— Надень темные очки и заткни карандаш за ухо. Чтобы не выглядеть чернокожей деловой женщиной элегантной наружности.

Сара повернулась к нему.

— Зачем?..

— Затем, что про такую женщину только что передавали по полицейскому радио. Сказали, что какой-то маньяк расстреливает на выбор людей в парке, и, судя по описанию, одна из его мишеней очень похожа на некую особу, которая только что побывала у меня.

На Четырнадцатой улице разрешено только одностороннее движение — на восток. Сара увидела, что они направляются обратно к парку. Ее желудок снова сжался, она затрясла головой.

— Я сообразил, что ты себя чувствуешь не лучшим образом, и отправился тебя искать.

— Ох, спасибо.

— Да уж.

Полиция перегородила дорогу и направляла поток машин на Бэннок-стрит. Морган проворчал что-то про себя и повернул. Опустив стекло, он подозвал одного из полицейских.

— Эй, что здесь происходит?

Сара отвернулась в другую сторону. Она чувствовала, что по щеке у нее опять потекла кровь.

— В парке была перестрелка, сэр, — ответил полицейский.

— Кто-нибудь пострадал?

— Не знаю.

— Из «Ньюс» кто-нибудь там есть?

— Да, сэр. Только что подъехали репортер и фотограф.

— Ладно, спасибо. — Морган поднял стекло и поехал дальше по Бэннок.

— Ты ему не сказал, кто я.

— Он не спрашивал.

— Они меня ищут.

— Значит, найдут. Ничего, потерпят до завтра.

— Морган, почему ты поехал меня искать?

Он повернулся к ней и улыбнулся.

— Чтобы не упустить сенсацию, разумеется. Интервью из первых рук: очевидец рассказывает о крупнейшем происшествии года.

— Сенсацию — и все?

На этот раз он даже не посмотрел на нее.

— Конечно все.

— Морган, а что бы ты делал, если бы полицейский сказал, что никого из «Ньюс» там нет?

— Как что? Прицепил бы на шляпу карточку «Пресса», и мы с тобой пошли бы делать материал вместе. Как в старые добрые времена.

— Морган, но если бы мы пошли туда, кто-нибудь мог меня узнать!

Он повернулся к ней, изобразив на лице удивление.

— Да ну? А я-то думал, что все люди похожи друг на друга.

Сара ничего не могла поделать — ей вспомнились первые дни их совместной репортерской работы, когда они все время разыгрывали друг друга без всякой жалости. «Блэк-энд-Уайт Рэг» — черная и белый. Она рассмеялась, но смех тут же перешел в рыдания.

Морган Граймз жил на Капитолийском холме в бестолково построенном старом доходном доме, превращенном в кооперативный еще в семидесятые годы. Морган провел Сару черным ходом. Они поднялись на третий этаж и пошли по коридору, напоминавшему лабиринт. Он впустил ее в квартиру и запер за собой дверь.

Сара дошла до дивана и опустилась на него. На стене перед ней висели японские свитки: длинные узкие картины с непривычной вертикальной перспективой. Хризантемы и пагоды. Горы, неясно вырисовывающиеся сквозь туманные гряды облаков. Волшебные водопады, падающие с уступов крутых скал. На глазах у нее стояли слезы, и водопады, расплываясь, казались совсем настоящими.

Неожиданно перед ней появился стакан: Морган предлагал ей выпить. Она взяла стакан и выпила, не ощутив вкуса. Затем сунула стакан обратно в руку Моргану.

— Еще? — спросил он.

— Да. Пожалуйста.

— Рассказывать будешь? — Он отошел к бару и налил из бутылки чего-то янтарно-желтого.

— Да. Нет. Не сейчас. Меня до сих пор трясет. Морган, этот человек пытался меня убить.

— Маньяк. Он подстрелил трех или четырех человек. Я это слышал по полицейскому радио. Одного насмерть, одного серьезно ранил, двоих легко. Просто ты попала туда не вовремя. Теперь все позади.

— Нет, черт побери! Он стрелял в меня! А остальные — они просто случайные жертвы.

— Я понимаю, тебе, возможно, сейчас так кажется, но...

— Морган, я уверена. Он смотрел прямо на меня. — Она задумалась, вспоминая. Вся сцена прошла перед ней, как в замедленном фильме. Каждое слово, каждое движение навсегда запечатлелись в ее памяти. — Он смотрел прямо на меня. Господи боже, он улыбался!

— Я же говорю, маньяк.

— Маньяки не пользуются глушителями. Они не становятся в стойку, как в тире. — Морган передал ей полный стакан, и Сара выпила его залпом. Она вспомнила, как первая пуля ударилась в каменную колонну рядом с ней. В нескольких сантиметрах. Если бы она не споткнулась, то была бы сейчас мертва. С разнесенным в куски черепом. Невозможно себе представить: только что — запах травы и деревьев, гомон играющей детворы, золотой блеск купола Капитолия под солнцем в конце парка, а в следующий момент — ничего, даже темноты. Нет больше Сары Бомонт. Ее стала бить дрожь.

— Держи, — сказал Морган. Она обернулась. Он протягивал ей длинный купальный халат из фланели и бело-голубой плед.

— Тебя рвало. На одежде остались следы. Иди в мою спальню и переоденься. Я отнесу твои вещи вниз, в прачечную. А потом займусь твоей щекой. Там, в аптечке, есть йод.

Она сделала, как он сказал. Отдав ему запачканный костюм, она села на край кровати, крепко обхватив себя руками, и стала ждать. Время тянулось бесконечно долго. Когда Морган вернулся из прачечной, она встала и подошла к нему.

— Обними меня, Морган, — попросила она.

Он посмотрел на халат и нахмурился.

— Сара, я не думаю...

— Обними меня, — повторила она, позволив полам халата распахнуться.

Он покраснел. Его уши вспыхнули ярко-красным цветом, и он отвернулся.

— Никогда не думал, что смогу такое сказать, но... — Он закусил губу, протянул руку и запахнул на ней халат. — Послушай, Сара, ты только что избежала смерти. Сейчас ты хочешь доказать себе, что жива. Это не ты говоришь. В другой раз, если ты не передумаешь, я всегда готов, клянусь богом. Но не сейчас, не сегодня. У меня все-таки есть какие-то принципы.

— Морган! — Она обвила его руками. — Меня так трясет,

что я должна за что-то держаться. За что-то прочное. Только и всего. Ничего больше.

Он неуклюже обнял ее, и она наконец почувствовала облегчение. Глаза у нее слипались — начал действовать алкоголь. Она заставила себя заснуть, и вместе со сном пришло успокоение.

VI

На следующее утро Сара проснулась в незнакомой постели. В первые секунды она ничего не могла понять и шарила глазами по стенам, не находя привычных вещей. Она села в постели и обнаружила, что на ней какой-то чужой купальный халат, надетый прямо на голое тело. Ее одежда была аккуратно развешана на внутренней стороне двери спальни. Где она?..

И тут она вспомнила. Центральный парк. Выстрелы. Но вчерашние события уже казались далекими. Как теленовости из десятичасового выпуска. «Сработал защитный механизм», — решила Сара. Мозг отстраняется от таких ужасов, иначе можно сойти с ума.

Она встала и оделась. Вспомнила, как Морган обнимал ее, как она поцеловала его и спустя мгновение он вернул поцелуй. Бедный Морган. Должно быть, ему было нелегко. Он ведь никогда не пропускал ни одной юбки. Сара ясно чувствовала, что его охватило желание.

Она нашла его в гостиной. Морган спал в раздвижном кресле, скорчившись в неудобной позе, костюм на нем весь помялся. Сара покачала головой. Морган любил представляться жестким, циничным репортером, но иногда из-под этой маски проглядывал подлинный Морган Граймз. «Странно, — подумала она, — почему мы так и не смогли с ним сработать?»

На кухне она отыскала яйца, красный перец, кое-что еще и принялась готовить яичницу по-мексикански. Она натирала сыр, когда на кухню зашел Морган. Он посмотрел, что она делает, усмехнулся и вышел. Через минуту она услышала, как он зкнутил душ.

Потом Сара стояла перед окном его комнаты и смотрела на город. За домами, далекие, но все же величественные по сравнению с карликами-небоскребами, виднелись сквозь дымку Скалистые горы. Там есть такие места, где можно побыть в одиночестве. И где не встретишь ни единой души

на многие километры вокруг. Поежившись, как от озноба, Сара вспомнила, как две недели назад смотрела через окно дома на Эмерсон-стрит. Это было примерно в то же время дня и совсем близко отсюда. Все как будто осталось прежним, но от того дня ее уже отделяла глухая стена. Там осталась другая Сара, другая жизнь, и ей казалось, что все прежнее случилось не с ней. Она подумала — каждый ли, кто столкнулся лицом к лицу со смертью, тоже испытал это: крещение муками и вслед за ним — второе рождение? Может, потому японцы и превратили самоубийство в священнодействие.

— Значит, ты не сомневаешься, что убийца специально охотился за тобой?

Она обернулась к Моргану. Репортер сидел в раскладном кресле, держа на колене раскрытый блокнот.

— Нет, не сомневаюсь. Уже известно, кто он такой?

— Нет. Утром я звонил в редакцию. У него не нашли удостоверения личности и вообще никаких документов. Они проверяют его по фототеке и показывают по ящику. Кто-нибудь узнает его и позвонит. — Морган прищурился. — Ты-то случайно его не знаешь?

Сара решительно замотала головой.

— Нет, конечно нет.

— Но тогда, если он не сумасшедший, зачем ему понадобилось убивать тебя?

— Не знаю.

— Тебе не кажется, что ты могла бы и знать?

Сара рассмеялась. В первый раз после того, как в нее стреляли, она смеялась от души.

— Если кто-то и должен это знать, так это я. Но он теперь ничего не расскажет.

— Существует только восемь поводов для убийства. Можем пройтись по списку, если желаешь.

— Всего восемь? А я всегда думала, что их столько же, сколько жертв.

— Нет, только восемь. Убийства различаются между собой деталями, но не основными мотивами.

Сара пожала плечами.

— И что это за мотивы?

Морган растопырил пальцы и начал загибать их своей авторучкой:

— Они бывают не связанные с личностью убитого, эмоциональные и рациональные. Что до первых, то убийц-маньяка ты сама исключашь. А как насчет политической демонстрации?

Сара заколебалась.

— Террорист? Но что это была бы за политическая демонстрация, если бы он убил меня?

— Да ведь они убивают кого попало. Не забывай, что он стрелял еще в четверых, одного из которых убил. Полицейский, по-видимому, выживет.

— Нет, это было... Ну, я не знаю, для отвода глаз, что ли. Он же ни в кого больше не стрелял до тех пор, пока я не спряталась за колоннами.

— Значит...

— Значит, он не хотел, чтобы кто-нибудь знал, что настоящей мишенью была я.

— Но ты-то знаешь, что из этого у него ничего не вышло.

— Да. Не вышло. Он должен был действовать иначе.

Морган странно посмотрел на нее, потом пожал плечами.

— Хорошо. Он убийца-профессионал, и ему было важно, чтобы никто не стал слишком глубоко копаться в причинах, которые заставили его стрелять в тебя. Кто его нанял?

— Если бы я знала...

— И почему? Как насчет ненависти или мести? Это два эмоциональных мотива.

Сара покачала головой.

— Нет. Мстить мне — за что? За перехваченную сделку? Глупость. Те, кто торгует недвижимостью, не нанимают из-за этого убийц.

— Ты не выселяла жильцов по суду?

— Морган, я никогда не поступала с людьми так гнусно.

— Ненависть не всегда бывает обоснованной. А часто даже не имеет действительной причины. Достаточно одного — чтобы кто-то возненавидел другого человека. Ладно, что скажешь о ревности?

— У кого сейчас есть время на амурсы? С Эйбом мы разошлись много лет назад...

— Профессиональная зависть?

— Нет, черт побери! Я всегда со всеми прекрасно ладила.

— По крайней мере, так считаешь ты. Тут то же самое, что с местью. Кто знает, что может возбудить в человеке зависть? Ты хорошо зарабатываешь. Кого-то может возмущать, что женщина, и к тому же привлекательная чернокожая женщина, так преуспевает. Или какие-нибудь старые приятели могли позавидовать твоему успеху.

В ее памяти всплыл Старый Город в Чикаго. Гайд-Парк. Лица тех, с кем она играла в детстве, о ком даже не вспоминала целую вечность. Где они теперь? Наверное,

по-прежнему в Старом Городе. Друзья, оставленные где-то далеко позади, на другой планете. Может быть, они возненавидели ее за то, что она их покинула и больше не возвращалась?

— Боже мой, Морган, ты сделаешь из меня параноика.

— Даже у параноиков бывают враги.

Злость накатила на нее волной, и она не смогла сдержаться.

— Это что, вопрос? — Она повернулась к нему спиной и снова уставилась в окно. Но на этот раз она видела там не Денвер, а Чикаго. Она оперлась руками на подоконник.

— По крайней мере, я рад, что ты мне доверяешь.

Она обернулась.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы оба были бедными голодными репортерами, помнишь? Теперь ты богата, а я по-прежнему бедный и голодный. Во всяком случае, сейчас. Тебе прекрасно известно, что я могу быть безумно ревнивым, но ты не боишься стоять ко мне спиной.

Она криво усмехнулась.

— Спасибо, Морган. Ты — настоящий друг. Больше я этого делать не буду.

Лицо Моргана оставалось серьезным.

— Нет, я не шучу. Если только ты не ошибаешься. Если попросту не выдумала все это, то никогда не сиди спиной к комнате. Именно так подловили Хиккока*.

— Хорошо. Прости, что сорвалась. Ты же репортер и делаешь свое дело.

Он пристально посмотрел на нее, потом опустил глаза.

— Ну да. — Он постучал карандашом по блокноту. — Так вот, те, кто имеет эмоциональный мотив для убийства, обычно действуют сами. Значит, остаются рациональные мотивы. Например, желание заполучить нечто, чем владеешь ты. У вас случайно нет мальтийского сокола, а? — Последнюю фразу он произнес с шепелявым акцентом, как Питер Лорр.

— Он же не пытался меня ограбить, Морган. А с сегодняшнего дня я вычеркиваю его из своего завещания. — Она рассмеялась. Морган нахмурился и начал подниматься с кресла. Сара жестом остановила его. — Нет, со мной все в

* Хикок, Джеймс Батлер, по прозвищу Дикий Билл (1837—1876) — житель Дикого Запада, разведчик и борец с преступниками, герой множества полупопулярных историй.

порядке. Господи! Я уже могу шутить на эту тему. Просто не верится, что существует так чертовски много причин для убийства.

Морган невесело улыбнулся.

— Только восемь, вспомни. Номер седьмой: чтобы скрыть другое преступление. Ты случайно не была свидетелем чего-нибудь такого? Я могу себе представить, как детектив, или репортер, или секретный агент, которые что-то разнюхивают, могут оказаться на грани раскрытия какой-нибудь страшной тайны, даже не подозревая об этом. Но торговец недвижимостью? Едва ли.

— Да ты, оказывается, развел вокруг этого целую науку.

— Так что ты в последнее время разнюхивала?

Сара колебалась. Она не хотела, чтобы кто-то раньше времени узнал об ее проекте на Эмерсон-стрит. А тем более чтобы он попал на первую полосу «Ньюс». Правда, она просила Моргана помочь в розысках Общества Бэббиджа, но не сказала зачем.

— Ничего особенного, — ответила Сара. — И наверняка ничего опасного. — А потом, взяв с Моргана обещание, что это не попадет в газету, она рассказала ему об Эмерсон-стрит, о Брейди Куинне и о компьютерах Бэббиджа вековой давности. Он слушал и делал пометки.

— Ты права. За успех не ручаюсь, но попробую навести справки. Кто еще об этом знает? Ты сказала, что мастера, с которым ты разговаривала, звали Пол Эббот? А у Денниса Френча хранится бумага, которую ты нашла? — Морган записал имена. — Я повидаюсь с обоими сегодня же, если успею.

— Эббот ничего не знает о машинах Бэббиджа, и я не хочу, чтобы он узнал. Он разломает их на части и сдаст как металлолом.

Морган улыбнулся.

— Я буду сама осторожна. Может быть, Эббот испугался, что ты обвинишь его в воровстве, и нанял убийцу прикончить тебя. Ладно. Восьмая и последняя причина: стремление защититься от тебя.

— От меня?! Морган, ты шутишь! Я никому не угрожаю. Я даже паука не раздавлю.

— А зря. Некоторые из них ядовиты. Но с самозащитой такая же история, как с остальными мотивами. Это может быть сплошное воображение. Ты об этом даже не будешь подозревать. Ты где-то что-то сделала, а кто-то воспринял это как угрозу.

— Ну, теперь ему не отвертеться, Морган! Пойдем и арестуем этого сукина сына!

— Сара, я пытаюсь помочь.

— Ты пытаешься сделать репортаж!

— Да. Верно.

— Кроме того, почему просто не предупредить меня? Почему понадобилось стрелять в меня средь бела дня?

— Может быть, само предупреждение разоблачило бы их окончательно.

— Ты начитался шпионских триллеров. — Тут Сара вспомнила человека в библиотеке и свое ощущение, будто за ней кто-то идет. Может, это и были предупреждения? А если так, то о чем? Она рассказала все Моргану.

Он кивнул.

— В этом что-то есть. Тот тип из библиотеки, не он стрелял в тебя?

— Нет.

— Хм-м. Тогда, если между этими двумя событиями существует связь, значит, тут действовала организация, а не одиночка, который сам пытался тебя застрелить.

— Не берусь судить, существует ли такая связь. На меня никто никогда не покушался, если не считать Ку-Клукс-Клана и Мусульманских Братьев.

— Организация, — повторил Морган и, откинувшись на спинку кресла, постучал по зубам авторучкой.

— Скажи-ка, — спросил он небрежно, — что тебе известно о Джоне Бентоне или Женевьеве Вейл?

Сара покачала головой.

— Никогда о них не слышала.

— А о Дэниеле Кеннисоне?

— Только то, что читала в газетах. Но какое отношение может иметь «Кеннисон Демографикс» к покушению на меня?

— Может быть, никакого, а может быть, и прямое. Но даже если имеет, то я все равно не знаю какое. Хотя это более подходящий вариант, чем твой Брейди Куинн. Дай мне время на проверку, и потом продолжим разговор.

Она подождала, не скажет ли Морган еще чего-нибудь, но он молчал. У нее возникло смутное подозрение, что он знает больше, чем говорит, и считает дело серьезным. Морган явно связывал все это с той статьей, над которой сейчас работал, но не собирался рассказывать, в чем дело. Морган никогда не любил распространяться заранее о материалах, которые готовил. Может быть, поэтому их репортерский тандем так быстро распался.

Теперь он явно собирался заняться проверкой. Что ж, спасибо и на том.

Сара стояла на балконе своего дома, расположенного высоко на склоне Южной Столовой горы, и смотрела вниз, в ночь, время от времени раскручивая бренди в бокале. Позади нее во всей квартире свет был потушен. Горел только камин — в его тусклых красноватых отблесках по комнате плясали тени. Сара любила вот так постоять ночью одна. Это умиротворяло. Хотя иногда одиночество проникало внутрь, и у нее начинало щемить где-то в горле.

Тьма казалась сплошной, без единой щелочки. Нельзя было сказать, где кончается земля и начинается небо. Огоньки внизу складывались в безупречный геометрический узор, похожий на драгоценные камни на черном бархатном наряде, но чуть дальше строгий городской порядок уступал место сельской безалаберности — огоньки становились все реже и наконец окончательно сливались со звездным хаосом ночного неба.

Торговый центр на углу Тридцать Второй и небоскреб на Янгфилд-стрит можно было принять за созвездия. Некоторые огни быстро двигались, но что это — автомобили или метеоры, — было непонятно. Слева от нее непроницаемой туманностью вырисовывалась гора Лукаут — черная громада с несколькими горящими огоньками на черном фоне.

Сара сделала глоток бренди. Когда от Моргана она зашла в полицию, там ей посочувствовали. Полицейские понимали, почему она не могла явиться сразу. Шок, сказали они. Но версию Сары об умышленном покушении на нее они не приняли — не поверили, что другие жертвы были только маскировкой. Слишком уж привлекательна была версия о маньяке, слишком удобна.

«Улыбнись мне, Скотти, — пропела она про себя слова популярной песенки. — Никто меня не понимает там, внизу».

Хотя нет, это несправедливо. Она так и не смогла вразумительно объяснить, почему именно себя считает главной мишенью, а интуицию к делу не подошьешь. Но она прочла это в глазах убийцы, когда их взгляды встретились. В полиции понимающе кивали. Нет ничего страшнее бессмысленной гибели, как сказал Морган, ужасно стать жертвой убийцы, которому ты безразличен. Шальная пуля террориста лишает человека индивидуальности, неповторимости, и жертва любым путем старается найти причину — любую при-

чину, лишь бы она имела хоть какое-то отношение к ее личности. Но полицейские не испытали на себе взгляда того человека. Они не видели его глаз.

Кто-то обрел ее на смерть, а она не знала за что. Вот в чем состоял настоящий ужас. Тот взгляд, который бросил на нее убийца, невозможно было описать словами, но он не оставлял никаких сомнений. Человек безусловно узнал ее, и в его взгляде появилось смешанное чувство удовлетворения и предвкушения. Вспоминая его взгляд, она теперь понимала, что этот человек испытывал наслаждение от своей работы.

Ее спасли курсы по выживанию. Она нырнула в укрытие автоматически, не раздумывая. Но даже после этого способность думать не вернулась к ней, и это ее тревожило. Всю свою жизнь она сама создавала возможности, из которых потом делала выбор, а не выбирала из тех, что ей представлялись. Но вчера было иначе. Она вспомнила, как просила Моргана обнять ее, и при мысли об этом ее щеки загорелись. Такого она не говорила никогда и никому, насколько себя помнила. Никогда и ни в ком она не нуждалась.

Если ты сам по себе, то у тебя никогда не появится искушение переложить вину на кого-то другого. Сара всегда презирала тех, кто обвиняет в своих неудачах друзей, обстоятельства, невезение, все что угодно, кроме самих себя. Но вчера она как будто стала одной из них: она защищалась, а не наступала, подчинялась обстоятельствам, которые от нее не зависели, она оцепенела от неожиданности, от ужаса, а главное — почувствовала полную беспомощность.

Беспомощность. Вот что может лишить мужества кого угодно. Может быть, у тех, остальных, просто ниже порог психологической уязвимости?

«Решили покопаться в своих переживаниях, мадам?» На губах у Сары появилась слабая улыбка. Внизу по шоссе несся поток автомобилей. Люди направлялись в горы. Они проведут субботний вечер в мотеле «Олд Диллон Инн». За ними никто не охотится. Сара подумала, не последовать ли их примеру — сесть в «вольво» (нет, лучше в «блейзер») и умчаться в горы. Она знала там места, где ее не разыщет никто на свете. Места, которые она могла и сама не найти. До перевала был всего час езды, но она знала места и ближе, в предгорьях.

Бежать, скрыться. Вот что посоветовал ей Морган на прощание. Но бегство никогда не было в ее характере. («Если не считать бегства из Старого Города», — напомнил

ей внутренний голос.) Она не беспомощна. Она может постоять за себя. Чикагские улицы мало напоминали благодатный рай, колорадские горы — тоже. Теперь она готова ко всему.

«Расправиться со мной, как с Брейди Куинном, им не удастся». Однако что за странная мысль! Ведь это давнишнее дело, с тех пор прошло сто лет.

Сара вернулась в квартиру, задвинув за собой стеклянную дверь. Она сделала всего четыре шага по освещенной камином комнате и застыла на месте. Что это? Звук, который уловило ее подсознание? Едва ощутимый запах, оставшийся в воздухе? Тень, неподвижная, как камень, среди остальных теней, колеблющихся в отсветах камина? Бокал выпал из ее руки и разбился о паркет.

В комнате кто-то был!

Ей захотелось свернуться в клубок, чтобы только ее оставили в покое. «Я больше не в силах этого перенести!» Но в то же время ее охватила ярость. «Я больше не намерена это терпеть!»

В два шага она оказалась у камина с тяжелой кованой кочергой, крепко зажатой в руке. Спина она держалась к стене. Так сделал бы «Дикий Билл» Хикок.

— Глупо, — произнес голос из темноты. — Глупо так стоять перед камином. На фоне огня вы как на ладони. — Голос был мужской, и в нем звучала насмешка.

— Кто вы?

— Друг.

— Конечно. Все мои друзья только и делают, что вламываются ко мне в дом без спроса.

Он зажег настольную лампу, и Сара сощурилась от неожиданного света. Когда глаза ее привыкли, она увидела в его руке пистолет. В животе у нее что-то оборвалось, но с места она не двинулась, прикидывая дистанцию. Калибр, кажется, небольшой. Сразу насмерть не убьет. Или убьет?

Он поднял револьвер дулом вверх. Барабан открылся, и патроны выпались на пол.

— Вот, — сказал он. — Теперь я беззащитен.

Сара окинула его взглядом.

— Я в этом не уверена.

Он улыбнулся.

— Вы мне нравитесь. У вас есть чувство юмора. Но если вы думаете, что я пришел убить вас, то ошибаетесь — ваш труп уже час как валялся бы под горой. Получается, что я — не враг. Кто знает, может быть, я как раз друг.

Она немного расслабилась. Незнакомец прав, он пришел сюда не для того, чтобы ее убить. Но кочергу Сара из рук не выпустила и по-прежнему держалась у стены.

Она видела перед собой коренастого мужчину с ежиком рыжих волос. Его короткие пальцы походили на обрубки. На лице играл здоровый румянец. Он непринужденно развалился на ее диване, словно старый знакомый, и улыбался. По морщинкам на его лице Сара решила, что он часто улыбается.

Но это еще ничего не доказывает. Убийцы тоже улыбаются.

— Кто вы такой и что вам нужно? — резко спросила она.

— Я — друг...

— У всякого друга есть имя.

Он посмотрел на нее долгим взглядом, потом кивнул.

— Зовите меня Ред.

— Хорошо, Ред. Давайте взглянем на ваши документы.

Он пожал плечами и вынул бумажник. Порывшись в отделении для визитных карточек, он извлек оттуда какое-то удостоверение и протянул ей.

— Положите на стол, а потом сядьте и подложите руки под себя.

Он с улыбкой подчинился. Сара шагнула вперед и схватила с кофейного столика удостоверение. Это была карточка с фотографией, выданная «Ассоциацией утопических изысканий» на имя Реда Мелоуна, коррективщика по профессии. Фотография совпадала.

— Сколько у вас разных удостоверений в бумажнике? — спросила она, положив карточку обратно на стол.

Он снова улыбнулся.

— Я их не считал.

Сара вздохнула. Она устала стоять. Отойдя в дальний от дивана конец комнаты, она присела на стул лицом к нему.

— Итак, скажите мне, Ред, друг мой, зачем вы вломились в мой дом?

— Чтобы предупредить вас об опасности.

— Вы опоздали. Я уже в курсе.

Он смутился.

— Да, я слышал. Это моя вина. Я не знал, что у них здесь есть человек, и действовал недостаточно быстро. Глубокое программирование подсознания чертовски трудно обнаружить. Тот человек мог сам не знать, что он — один из них, откуда же об этом было догадаться нам? Телефонный звонок с фразой-паролем, приказ о проведении операции — и че-

ловец отправляется на дело прежде, чем кто-то об этом узнает. Но в определенном смысле это неплохая новость.

— Неплохая?

— Конечно. Это означает, что здесь они еще не успели как следует развернуться. Есть более удобные способы избавиться от человека, чем подсылать к нему убийцу. Значит, они запаниковали и использовали первого, кто им подвернулся и кем можно пожертвовать. Вот это с их стороны действительно глупо.

— Значит, они глупые, — повторила Сара. — О, прекрасно. Теперь мне стало намного лучше.

— Вы живы, а он мертв, — заметил Ред. — Вам действительно намного лучше, чем ему.

— Это чистое везение, просто случайность. Если бы я не повредила себе щиколотку...

— Когда человек поддается панике, он всегда делает глупости. Но вы не должны их осуждать. Они перепугались, когда узнали о вашей операции против них. Они давно это чувствовали, но никак не могли выйти на вас. Однако вызывая файл Брейди Куинна, вы допустили ошибку, воспользовавшись своим собственным входным кодом в сеть. — Он погрозил ей пальцем. — Это было неосторожно с вашей стороны.

— Я до сих пор ничего не понимаю, — вспыхнула Сара. — Кто такие «они»? Почему для них так важен этот Брейди Куинн? И причем здесь вы?

Улыбка на лице Реда погасла. Он был явно озадачен.

— Вы меня разыгрываете? — Он пристально смотрел на нее. — Если вы не понимаете, о чем я говорю, тогда зачем вы сунулись в жизнь Брейди Куинна?

— Сунулась?... А что здесь такого? Он когда-то был владельцем дома, который я только что купила. Мы с моим архитектором нашли старую газетную вырезку о том, что его застрелили, и подумали, что для отреставрированного дома имя Брейди Куинна стало бы неплохой рекламой. — Она едва не проговорила о том, что Куинн как-то связан с машинами Бэббиджа, но вовремя остановилась. Хватит и того, что об этом знают Морган и Деннис. Им она могла доверять. А рассказывать о машинах Бэббиджа и о своих планах совершенно незнакомому человеку она не собиралась.

Теперь он выглядел обеспокоенным.

— Так вы не расследовали убийств Кенни Робертсона и Алисы Маколиф? — Произнося последнее имя, он нахмурился.

— Я даже не знаю, кто они такие.

Он закусил губу.

— Мне кажется, произошла ошибка.

— Ошибка? — Это слово разъярило ее. — Ошибка! — закричала она. — Кто-то всего лишь пытался убить меня, мистер! И только ради того, чтобы скрыть это, он стрелял в четырех других людей и убил одного из них. И вы называете это ошибкой?

Ред поднял на нее глаза.

— Ошибки не обязательно должны быть мелкими. Бывало, что по ошибке творили страшные дела. — При этих словах в его глазах промелькнуло странное выражение.

— Вот теперь я чувствую себя прямо великолепно! Меня едва не убили, но все прекрасно, потому что это была глупость и ошибка. А других приятных новостей у вас нет? Вы наконец скажете мне, что происходит, или мы будем продолжать сидеть здесь и заниматься пустой болтовней?

— Лучше бы нам заниматься пустой болтовней. Безопаснее.

— Какая уж тут безопасность!

Он задумался, выпятив губы.

— Кое-что я все-таки могу вам рассказать. Вас это удовлетворит?

— Посмотрим.

— В вашем положении глупо торговаться, и вы это знаете. Я могу уйти прямо сейчас, и вы от этого больше знать не будете.

— Я уже знаю, что вы работаете на ЦРУ.

Ред явно удивился. Она увидела это по его глазам — они на мгновение расширились. Потом они приняли прежнес выражение, и он усмехнулся.

— Почему вы так решили?

— Вас выдает манера разговора. «Проведение операций». «Свой человек». Это жаргон тайных агентов. А тот человек в парке — по вашим словам, жертва промывания мозгов и гипноза. Запрограммированный убить меня и погибнуть. Это прямо-таки из старых триллеров Роберта Ладлэма.

— Так ведь я читал много старых триллеров. Это просто ваши догадки.

— Да, но я угадала?

Он рассердился.

— Могу сказать вам одно: на ЦРУ я не работаю. Если хотите, позвоните в Лэнгли и спросите. Там вам скажут, что слыхом обо мне не слыхивали.

— Не сомневаюсь, что так и скажут, — согласилась она. — Ладно, скажите мне, во что я впуталась. Черт возьми, я имею право это знать.

Ред неожиданно встал и начал прохаживаться по комнате. К Саре он не приближался, но она инстинктивно крепче сжала кочергу. Он остановился и повернулся к ней.

— Послушайте, — сказал он. — Если вы действительно не знаете, что происходит, то вам лучше всего и дальше оставаться в неведении. Если мне удастся убедить их, что вы не представляете опасности, то они оставят вас в покое.

— Не понимаю, почему кто-то хочет меня убить. Я никогда никому не причиняла зла. И при чем тут Брейди Куинн?

Он покачал головой.

— Я не должен был вам ничего говорить, но я думал, что вы уже знаете. Проклятье. — Он снова зашагал по комнате.

Сара наблюдала за ним. Туда и сюда. Взад и вперед.

— Существуют «они» и существуем «мы», — сказал он спустя некоторое время. — Неважно, кто такие «мы» и кто такие «они». У них есть одна маленькая грязная тайна. И у нас — тоже. Они, как и мы, хотят, чтобы тайна осталась тайной. Ради этого они ни перед чем не остановятся.

— А вы?

Он остановился и грустно посмотрел на нее.

— Мы остановимся. Перед некоторыми вещами. — Он снова начал мерить комнату шагами. — Месяца три назад они стали замечать, что кто-то проводит операцию... — Он замолчал, взглянув на нее, и сделал недовольную гримасу. — Мне и в самом деле надо следить за своей речью, — признал он с виноватым видом. — Кто-то вертелся вокруг их операций, — продолжал он. — Кто-то очень осторожный. Назовем его Чужаком. Он интересуется вещами, которых лучше было бы не трогать. Складывает воедино кусочки и связывает вместе ниточки, которые должны оставаться порознь. Шарит по чужим банкам данных, забираясь в такие файлы, которые никогда не должны попасть кому-нибудь на глаза. Они начали очень и очень нервничать. Если бы все вышло наружу, то для них это кончилось бы ближайшим деревом или фонарным столбом. И для нас тоже, раз уж на то пошло. Разумеется, они запросили нас, что происходит, но мы знали не больше, чем они.

Он остановился и посмотрел на нее.

— Затем у них сработал сигнал тревоги — это вы запросили «Дэйта-Нет» по поводу Брейди Куинна. Вот они

и решили, что Чужак вот-вот раскроет все. И ударились в панику.

— Получается, я сама виновата, что меня хотели убить, — едко заметила Сара. — Что же мне теперь делать, попросить прощения?

Он, казалось, не заметил сарказма.

— Нет, вы же сделали это непреднамеренно. Дело в том, что они сами ничего толком не знают. Им просто не пришло в голову, что вы вовсе не тот человек, за которого они вас приняли.

— Значит, если бы они застрелили настоящего Чужака, то это послужило бы им оправданием?

— Оправданием? Смотря по каким законам. Разве загнанная в угол крыса виновата, что кусается? Любая организации — это живой организм. Почувствовав угрозу своему существованию, она защищается. Таков закон природы для живых систем. И абсолютно неважно, крыса это, мафия или бойскауты.

— Бойскауты не убивают своих противников, — возразила Сара.

Он ткнул пальцем в ее сторону.

— Тоже станут убивать, если в противном случае им будет грозить суд Линча! Я пытаюсь вам объяснить, что естественно, а вы продолжаете толковать о том, что нравственно или безнравственно. Мы говорим на разных языках. Когда я говорю, что такая-то ответная реакция естественна, то я только это и подразумеваю. Мне самому это нравится не больше, чем вам. Характер реакции зависит от степени угрозы, вот и все. Для них угроза смертельна.

— А для вас?

Он не ответил. Вместо этого он вернулся к дивану и сел. Потом снова заговорил, как будто сам с собой:

— От угрозы всегда можно убежать. Или дерись, или удирай. Однако иногда и это не помогает. — На его лице появилось странное выражение рассеянности. Затем его взгляд снова остановился на Саре. — Послушайте. Все это вам ни к чему. Оставьте в покое Брейди Куинна. Не так уж он необходим для вашего проекта, верно? Бросьте его. Что вы потеряете? Несколько часов, проведенных в библиотеке и за компьютером, — вот и все. Я поговорю с ними. Попытаюсь убедить их, что вы не тот, кто им нужен.

Встав с дивана, Ред подобрал с пола патроны и вставил их обратно в барабан.

— Сделайте мне одолжение, — сказал он. — И себе

тоже. Держитесь подальше от Брейди Куинна и от всего, что с ним связано. Хорошо? Занимайтесь своей недвижимостью.

— Именно так я и наткнулась на Брейди Куинна, — напомнила ему Сара.

Он холодно взглянул на нее и пошел к двери. Сара последовала за ним.

— Когда вы мне скажете?

Он обернулся в дверях.

— Что скажу?

— Согласились ли они не убивать меня.

Он покачал головой.

— Узнаете.

— Нет, вы сами придете и скажете мне. Уж на это я имею право.

Ред пристально посмотрел на нее.

— Хорошо, — медленно произнес он. — Вы действительно имсете на это право. Но только при одном условии. Пообещайте, что вы не огрете меня своей кочергой.

Сара проследила за его взглядом и с удивлением обнаружила, что по-прежнему крепко сжимает в руке железную кочергу от камина.

— Справедливое требование, — заметила она. — Но только если вы позвоните мне в дверь, как подобает воспитанному человеку.

Он улыбнулся.

— Ну, тогда до встречи.

VII

Проводив его, Сара вернулась к письменному столу и села, положив на стол стиснутые руки. Вокруг стояла тишина. Только из коридора слышалось неустannое, как метроном, тиканье старинных дедовых часов, но оно лишь подчеркивало тишину. Родительский дом всегда был полон звуков.

Тик-так. Интересно, куда запропастился Мистер Мая. Его нигде не видно. Чересчур самостоятельный, паршивец. Вечная история с этими котами — приходят и уходят, когда им захочется.

Тик-так. Забавно. Раньше Сара никогда не замечала, как она одинока. Тик-так. Деловых партнеров у нее многие десятки, но где ее друзья, ее семья? Она всегда гордилась тем, что независима, самостоятельна. Когда же она пере-

шагнула грань, что отделяет независимость от одиночества? Тик-так.

Проклятые часы! Она вскочила, быстро прошла в коридор, открыла дверцу часов и сняла гирьку. Часы как будто задумались, пропустили такт и замолчали.

Сара закрыла дверцу и прислонилась к ней лбом. Стекло холодило кожу. Спустя минуту она отступила назад и посмотрела на свое отражение. На нее смотрело лицо ее матери. Чуть помоложе, покруглее, чем запомнилось Саре, но глаза и подбородок были ее.

Она затаила дыхание, пытаясь вновь услышать звуки родительского дома. Звуки, которые смутно помнила из прошлого. И через мгновение услышала их: посвистывание чайника на старой газовой плите, бабовитый храп отца, вернувшегося из рейса, тихое мурлыканье матери, напевающей свой любимый рэгтайм, вопли братишек, гоняющихся друг за другом по комнатам. «Зачем я вообще решила сбежать от этого?»

Видение погасло, осталось только ее собственное отражение в стекле, и в глазах у себя она увидела только одно — страх.

Она медленно пошла обратно в кабинет. Пора взять себя в руки. «Ты сама хозяйка собственной судьбы, — сказала она себе. — Ты, и никто другой». Ощущение было такое, словно она очутилась посредине минного поля. Каким-то образом, благодаря слепой удаче, она сумела дойти до того места, где стояла сейчас. Но куда двигаться дальше, она не представляла. «Я знаю слишком много, — подумала она. — И в то же время слишком мало».

Мало знать опасно. Эта банальная мысль рассмешила ее, настолько верной она оказалась. А что делать? Забыть то немногое, что знаешь, нельзя; можно только попробовать узнать больше. Столько, сколько нужно для собственной безопасности.

Она вставила компакт-диск в проигрыватель, уменьшила громкость, чтобы музыка была слышна, но не отвлекала. Однако первым на диске оказался «Новоорлеанский лирический танцевальный блюз», и Сара едва не повернулась, чтобы его выключить — так невыносимо печальна была эта мелодия. Но, подумав, она решила оставить ее, потому что фоном в ней звучал непобедимый ритм рэга. Меня можно побить, но меня нельзя победить.

Она села за стол и положила перед собой блокнот. Взяв из подставки авторучку, она посидела немного, размышляя. Ред предупредил ее, что нужно держаться подальше от всего,

что касается Брейди Куинна. Но если она не будет пользоваться базой данных сети «Дэйта-Нет», то откуда они узнают, чем она занимается у себя дома?

Она обвела взглядом кабинет. Панели из светлого дерева. Высокий сводчатый потолок. Цветочные горшки на стенах. Интересно, стоят ли тут «жучки». У Реда была такая возможность. Сколько времени он находился в доме, пока она прохлаждалась на балконе? От этой мысли у нее по спине побежали мурашки. Как он сумел войти, что она даже не слышала? А если бы он пришел, чтобы убить ее? Сейчас она была бы уже мертва, даже не узнав, за что ее убили.

Ее снова охватил гнев. Не от того, что ей грозит смерть, — это вызывало лишь страх. А от того, что она не знает, за что ее хотят убить.

Стены молчали, стояла зловещая тишина, в которой слышались только тихие стоны блюза. Она повернулась спиной ко всему миру и склонилась над столом, сосредоточившись на блокноте, лежащем в круге света от настольной лампы. «Прикинем итог, — сказала она про себя. — Итак, что мне известно?»

«Мне известно, что кто-то пытается меня убить». Она записала эти слова наверху страницы и обвела рамкой. Не сводя с них глаз, она стиснула ручку и закусил губу. Затем глубоко вздохнула и продолжала писать.

«Почему они хотят меня убить? Потому что думают, будто я вот-вот раскрою их тайну. Почему они думают на меня? Потому что считают меня Чужаком. Почему они так считают? Потому что мой интерес к Брейди Куинну пересекается с чем-то, что делает Чужак. Из слов Реда можно понять, что это связано со смертью двух людей, которых звали Кенни Робертсон и Алиса Маколиф». Сара нарисовала двойную стрелку, соединившую Брейди Куинна с этими двумя именами. «Почему смерть этих людей их волнует? Это возможно только в одном случае — если они сами их убили. Может быть, Робертсон и Маколиф тоже случайно натолкнулись на ту же смертоносную тайну?»

Она схематически изобразила ход своих мыслей в виде символического дерева — этому ее много лет назад научил Эйб. В своих рассуждениях люди часто ходят по замкнутому кругу, много упуская из вида и просто забывая. Сара давно обнаружила, что, если изображать свои мысли в виде схемы, это помогает привести их в порядок. Эйб называл такую схему «деревом ошибок», но она придумала свое название — «схема-почемучка», что всегда раздражало Эйба. Ее манеру

пользоваться логическим методом он издевательски называл «рассуждениями придурка».

Странно: она уже давно не вспоминала Эйба. Почему он вдруг всплыл в ее памяти? Интересно, где он сейчас, чего достиг как инженер. Ей всегда казалось, что Эйбу не хватает энергии и деловой хватки, без которых не пробиться наверх. У нее они имелись в избытке. Какое-то время ей было хорошо с Эйбом, но потом он ушел — она так до конца и не поняла, почему.

Она подумала, что сейчас не время ворошить прошлое. Надо было докопаться до сути проблемы, а не предаваться бессмысленным воспоминаниям о том, что больше уже не имеет значения. А может быть, и никогда не имело значения.

Она сделала пометку на полях: «К. Р. и А. М. Выяснить, кто это», — и в задумчивости постучала черенком ручки по зубам. Эта ветвь, похоже, тупиковая. Без дополнительной информации здесь до сути не докопаться. Если только не считать ее собственного предположения, что она — не первая жертва.

Теперь надо разобраться с Куинном. Именно он послужил причиной покушения на нее. Что такого опасного она узнала об этом человеке? Ну, служил в правительстве статистиком «по специальным исследованиям» перед гражданской войной и во время нее, а вскоре после войны подал в отставку. Некоторое время она тешилась мыслью, не стоит ли за этим ЦРУ — как в том старом боевике «Три дня Кондора». Отставку Куинна со «специального» поста не приняли. «От нас можно уйти единственным способом — ногами вперед». Только тогда, к сожалению, и в помине не было ЦРУ. Существовала с грехом пополам секретная служба охраны президента (да и та не очень надежная, как выяснилось). В те годы еще не играли в шпионские игры.

Или играли? Она поймала себя на том, что едва не вычеркнула целую линию рассуждений. Что это были за «специальные исследования»? Что-то такое, о чем лучше было помалкивать? Что правительство хочет держать в секрете даже сто лет спустя? Она покачала головой. За последнее время из шкафов повылезло столько свежих скелетов, что никакой скандал времен гражданской войны не мог таить в себе мало-мальски серьезной угрозы.

Кстати по тому, что Ред говорил о «них» и о «нас», у нее сложилось четкое впечатление, что он имел в виду не правительство.

Но это было только впечатление. Она могла ошибаться, а потому оставила эту ветвь на схеме.

Было еще что-то, что связывало Брейди Куинна с гипотетическим Обществом Бэббиджа. Если за именем Брейди Куинна и стоит какая-то тайна, то Общество и его удивительные машины наверняка имеют к ней отношение. Хотя с тех пор тоже прошла целая вечность. Что общего это могло иметь со вчерашним нападением на нее?

«Стоп!» Она вспомнила о листке бумаги с перечнем «гвоздей от подковы», который хранится у Денниса. Кажется, там говорилось о нескольких убийствах. Кроме Куинна убили еще двоих. До сих пор они ее не интересовали, поскольку не имели отношения к проекту застройки Эмерсон-стрит. Но теперь она подумала, а не были ли эти убийства частью той сети, которая сплелась вокруг нее? Как их там звали? Она на секунду задумалась, жалея, что не оставила себе копию перечня. Дейвис, как дальше? Беллоуз? И Агнес, нет, Агата... Как ее? Пенуэзер. Да, точно. Агата Пенуэзер. И Амброз Бирс. Правда, он пропал без вести, но это мало что меняет.

Она вписала их имена в свою схему. Как ей помнилось, Беллоуз был убит за несколько лет до Куинна. В 1876-м? Ага! А разве не в том же году исчез Брейди Куинн? Может, именно потому он и скрылся! Она в волнении записала эту мысль. Надо будет позвонить Деннису и уточнить дату. Пенуэзер, кажется, была убита позже, около 1915-го или 1916-го. Заглянув в энциклопедию, она выяснила, что Бирс пропал в Мексике в 1913 году. Она сделала еще одну заметку: «Робертсон и Алиса М. — когда?»

Она просмотрела схему с начала до конца — и похолодела. Боже! Неужели за ней охотятся те же люди, которые убили Брейди Куинна? Он прятался шестнадцать лет, но в конце концов они все же его разыскали. Неужели ей придется всю оставшуюся жизнь озираться в страхе? Несмотря на тепло, шедшее от камина, она почувствовала озноб. Беллоуз, Куинн, Пенуэзер, Бирс, Робертсон, Маколиф. А сколько других? Сколько было других?

Вновь охваченная тревогой, она продолжала размышлять. Как связаны убийства с Обществом Бэббиджа? Куинн был его членом? Не исключено. И другие жертвы тоже в нем состояли? За ними кто-то охотился?

Нет. Куинн ушел в подполье, но его партнер Карсон этого не сделал. Очевидно, не считал, что находится в опасности. И Эдисон тоже. Каким-то образом он был связан с ними. Тут Сара вспомнила кое-что из того, что разыскала ее «мышь».

Эдисон регулярно встречался с Фордом и другими. Ячейка Общества? Но на них никто не покушался.

Значит, членство в Обществе было недостаточным условием, чтобы стать жертвой. А не было ли это необходимым условием? Может, жертвы организовали свою фракцию внутри Общества?

Сара выдвинула средний ящик стола и достала папку «Указатель», которую нашла в шкафу на четвертом этаже. Труды Общества Бэббиджа? Кусая кончик авторучки, она просмотрела имена авторов. Джедедая Кроуфорд. Основатель. Финеас Хэммондтон. Айзек Шелтон. Хм-м. Не тот ли это Шелтон, который устроил Куинна на работу в Министерство внутренних дел? Статьи, написанные всеми троими, помечены близкими датами — это 1830-е и 1840-е годы. Основатели организации?

Да, здесь упоминался и Брейди Куинн. Но его работы написаны позже. Значит, он не входил в Общества с самого начала. Сара прошлась по именам снова, на этот раз более внимательно. Вот оно! Дейвис Белло. Оказывается, Белло, а не Беллоуз. Его труды тоже написаны в 1830-е и 1840-е годы. Еще один основатель! Сара в волнении принялась искать имена других жертв.

Нет, Пенуэзер и остальных в списке не оказалось. Значит, либо они не входили в Общество, либо вступили в него после 1892 года — последнего года в «Указателе».

Зато очевидно другое совпадение: именно в 1892 году застрелили Куинна. Не тогда ли была покинута контора в доме Уайднера? Не из-за этого ли ее покинули?

Она припомнила, какой толстый слой пыли лежал там. Как сотню лет молчаливо ржавели машины на тяжелых старинных столах. Как искусно замаскирована лестница на четвертый этаж — мастерская под ним служила явным прикрытием. Как после краткого сообщения об основании Общества о нем больше нигде не упоминалось.

Она сделала еще одну пометку: «Тайна Общества Бэббиджа». Его помещение, его аналитические машины, даже сам факт их существования — а что, если это и есть та самая тайна? Само существование Общества Бэббиджа? Но какое значение это может иметь сегодня?

А что если «они» и есть Общество Бэббиджа, по-прежнему тайное, по-прежнему смертельно боящееся, что его тайна будет раскрыта?

Вот еще один повод для новых вопросов. Например, почему Общество было тайным?

Сара подперла голову ладонями и уставилась в стену.

Такая длинная череда смертей. К тому же нет никаких оснований думать, что ей известны имена всех жертв. Интересно, сколько еще авторов из этого «Указателя» встретили смерть раньше времени? Стоит проверить.

Она рассеянно грызла кончик ручки. А как насчет Рэндалла Карсона, партнера Куинна? Ведь Карсон не ушел в подполье.

Они не знали о Карсоне! Не в этом ли дело? Она снова полистала «Указатель» в поисках его имени, еще не зная точно, что рассчитывает там увидеть. Наверное, какую-то особенность. Что-то такое, что выделяет Рэндалла Карсона среди других. Эйб как-то говорил, что всякая особенность всегда заметна на общем фоне.

Одна странная мысль возникла у нее в подсознании, а потом всплыла на поверхность. Она еще раз внимательно просмотрела «Указатель». В списке не встречалось работ Рэндалла Карсона, датированных ранее чем 1867 годом, когда Куинн приехал на Запад. Больше того — еще через несколько минут она заметила, что за исключением Брейди Куинна имена авторов в «Указателе» распадались на две не перекрывающиеся части — до и после 1867 года. Что бы это значило?

Минутку. Она вынула ручку из рта и уставилась в пространство. «Мы» и «они», говорил ей Ред. Две группы, объединенные одной тайной. И два не перекрывающихся круга авторов. Что если Общество раскололось, и одна его часть стала преследовать другую?

Точно! Куинн порвал с Обществом в 1867 году, когда приехал на Запад. Здесь он организовал свое собственное общество. Вот почему работы, написанные после гражданской войны, принадлежат совсем другим авторам.

Потрясающе. Правда, когда ученые расходятся во взглядах, они обычно не стреляют друг в друга. За исключением одного случая: когда одни боятся, что другие раскроют их смертельную тайну.

Картина прояснялась. В Министерстве внутренних дел Куинн был тайным агентом Общества Бэббиджа. Что он там вынюхивал, один бог знает. Сразу после окончания гражданской войны он неожиданно оттуда уходит, переезжает на Запад и организует собственную группу. Затем убивают Белло, а может быть, и не только его. Куинн уходит в подполье, за ним охотятся. Контора, которую она обнаружила в доме Уайднера, принадлежала Куинну и была тайной по той же причине, по которой скрывался ее хозяин. Карсон, неизве-

стный другим, был прикрытием. Но потом, когда Куинна убили, контора закрылась.

Сара припомнила, как выглядели шкафы, — их опорожняли явно в спешке. Дверь заколотили. Хотя они могли и не закрыться, а просто переехать в другое место.

Все это начинало приобретать зловещий оттенок! Ее пробрала дрожь. В волнении она даже не сразу сообразила, что пока ни на шаг не приблизилась к главному. До сих пор она видела лишь внешние симптомы. Так после сильного землетрясения заметны только трещины в земле, сбросы, развалины домов. Но ей пока не удавалось нащупать линию разлома. Что вызвало все эти события? В чем заключалась страшная тайна?

Общество построило механические компьютеры. Машины Бэббиджа. Ну и что? Зачем держать их в секрете? Особенно в викторианскую эпоху, когда всячески поощряли технический прогресс? Бэббидж открыто начал строить свою машину, но отказался от замысла только потому, что понял его неосуществимость. Или не отказался?

Ответ: Дело не самих машинах, а в том, как их использовали.

Если для чисто научных исследований, то зачем это скрывать?

Стояла уже поздняя ночь. Блокнот Сары был полон заметок, вопросов, предположений. Зевнув, она перевернула страничку и начала новую. Ред намекал на что-то, от чего общественность пришла бы в негодование и расправилась бы с ними без суда и следствия. Значит, это был не обычный маленький секрет.

Ответ: Тайной были не сами научные исследования, а их цель.

Вопрос: Какая цель?

Ответ: А при чем тут перечень событий, которые вызывали важные последствия?

Впрочем, это не ответ. Это следующий вопрос. Она чуть не забыла про перечень, который хранился у Денниса. Ей казалось, что там не было полезной информации, кроме упоминания об убийстве Брейди Куинна. Сейчас она усомнилась в этом.

Нет ли связи между «гвоздями от подков» из этого перечня и исследованиями Общества Бэббиджа? Она записала в блокноте: «Позвонить Деннису» и трижды подчеркнула эти слова.

Она снова просмотрела «Указатель» насквозь, на этот раз обращая внимание не столько на авторов и даты, сколь-

ко на названия работ, и стараясь понять их смысл. Большинство названий звучало для нее полной абракадаброй. Часто встречались слова «рычаг» и «идеон». «К последствиям устранения «Цилиндра» на пятнадцатом рычаге». Это написал Куинн в 1864 году. «Подкрепление комплекса идеонов, относящихся к использованию ламп накаливания». Карсон, 1871.

Она посмотрела в словаре, что значит «идеон», но не нашла такого слова. Хотя там был корень «идео-», берущий начало от «идеи».

На второй странице она нашла еще одно необычное слово, но его она припомнила. Работа Финеаса Хэммондтона называлась «Клиологический анализ чужеземных поселений» (Слово «чужеземные» было для нее не ново. Она еще со школы помнила, что «чужими землями» когда-то называли территорию к западу от Миссисипи.) Но термин «клиологический» она видела в том перечне, что теперь был у Денниса. А его знакомая профессорша говорила, что это слово может означать научный подход к истории.

Ответ: Они пользовались зачатками системного анализа, которые сформулировал Бэббидж, для изучения истории.

Да, в этом что-то есть. Но в чем же состояла их главная цель? Для чего нужна была секретность? Конечно, поиск научных законов, которым подчиняется история, мог вызвать споры. Достаточно вспомнить, какой шум поднялся вокруг теории Дарвина! Но люди викторианской эпохи гордились тем, какого прогресса достигли в науках. Мысль о том, что возможен научный подход к истории общества, вызвала бы у них не больше возмущения, чем применение научных методов в биологии.

Она терпеливо продолжала читать: что-нибудь да выплывет. На заголовки, написанные чисто математическим языком, она не обращала внимания. Понять их она все равно не смогла бы. Но среди них попадались названия работ на вполне доступном языке. «Воздействие зоопраксископа на театр», 1879. «Скорость изменения полномочий федерального правительства по сравнению с полномочиями некоторых штатов и ее значение применительно к 15-му и 16-му рычагу», Мичем Кларк, 1836. «Даты присоединения некоторых мексиканских территорий», Кроуфорд, 1834. «Влияние беспроводного телеграфа на распространение идеонов», Шелтон, 1847. «Геологическая оценка округа Сьерра и ее вероятное влияние на заселение Калифорнии», Дж. С. Фремонт, 1841. «Размышления о нехими-

ческой природе сверхвзрывчатого вещества, основанные на свойствах искусственных бильярдных шаров, изготавливаемых Джоном Хайеттом», Карсон, 1871. «Идеоны, необходимые для поощрения воздухоплавания», 1862. «О замене железных дорог автономно передвигающимися экипажами». «Ожидаемые результаты всеобщей европейской войны (примерно 1910—1915)». Эта последняя работа была написана человеком по имени Ф. П. Хэч в 1882 году. «Желательность третьей субветви на уровне 35-го рычага и идеоны, необходимые для ее реализации», 1853.

Сара читала, и ее все больше и больше охватывало беспокойство. Некоторых названия вызывали удивление. Многие работы были написаны задолго до событий, которым посвящались. «Ну и что, наука ведь для того и существует, чтобы предсказывать события, разве не так?» А если они, пользуясь научными методами, прогнозировали исторические события... И все-таки в этих названиях была и другая странность. Ее литературное чутье безошибочно уловило необычность в самом подборе слов. В них звучало чувство собственного превосходства, некий вызов. Речь шла не просто о наблюдениях, а о действиях. О требованиях, которые необходимо выполнить.

«Они были не учеными — они были инженерами!»

Эта неожиданная мысль мелькнула у нее в голове, и прошло несколько мгновений, прежде чем она ее осознала. И поразилась. Они вовсе не пытались изучать общество — они пытались управлять им!

Сара уронила папку с «Указателем» на стол и уставилась в пространство, приоткрыв рот. Неужели в этом все дело? Неужели Общество Бэббиджа намеревалось из-за кулис направлять ход истории? Она еще раз вспомнила про перечень, который остался у Денниса. «Гвозди от подков», — сказал он. Моменты, когда действия гучки людей могли иметь непропорционально важные последствия. Поворотные пункты истории. И какие-то загадочные люди с огромными лязгающими компьютерами вычисляли их и делали так, чтобы история поворачивала в нужную им сторону. Могло ли быть всему этому другое объяснение?

Теперь понятно, почему они так боялись разоблачения. Рабство, эксплуатация, войны, кризисы. Боже мой, и убийство Линкольна тоже! Она вспомнила, что и оно упоминалось в перечне. История превращалась в длинную череду горестей и трагедий. И если бы люди узнали, что существует группа, как бы ответственная за все... О, да! Не миновать бы им ближайшего фонарного столба.

Она вспомнила то, что так стремилась забыть. Все беды ее семьи. Как трудно было отцу найти работу. Как агент по недвижимости не давал им поселиться в определенных кварталах, заставляя жить среди наркоманов и гангстеров, что в конце концов и погубило ее младшего брата. Как мать умерла совсем еще молодой, потому что не могла позволить себе покупать нужные лекарства. Сара стиснула зубы. «Они» боятся суда Линча, да? Ну, так она сама затянула бы веревку.

Но с другой стороны, если «они» управляли историей, почему не поблагодарить их за то хорошее, что в ней было? За технические изобретения, которые облегчили жизнь, за освободительные движения последних десятилетий, за законы о детском труде, о социальном обеспечении — за целый пакет законов и постановлений, которые защищают беспомощных людей хотя бы от гораздо худшей эксплуатации.

Нет, все это чересчур неправдоподобно. История слишком сложна, чтобы ею управлять.

Но настолько ли она сложна, чтобы не сделать такой попытки? А попытавшись, благодаря сохраненному в тайне научному открытию, не могли ли они преуспеть хотя бы в немногом? А преуспев, не шли ли они на убийства, чтобы сохранить тайну своего успеха? Здесь крылся страшный, ужасающий смысл.

Комната закружилась вокруг нее, и она вцепилась к край стола, чтобы не упасть. «Значит, я хозяйка своей собственной судьбы, да?» — подумала она со злостью. Хотя еще сто пятьдесят лет назад Кроуфорд, Куинн и другие написали сценарий моей жизни? Какое грандиозное заблуждение! Комедия. Потемкинская деревня. История — сказка для простонародья, а ее герои и героини — всего лишь шуты гороховые.

Прошлое внезапно представилось ей в новом свете. Она растерялась, слова утратили привычный смысл. Словно лицо ее матери чуть сдвинулось в сторону, и стало видно, что это маска, а из-под любимых и родных черт вдруг выглянул какой-то чужой человек, совсем незнакомый.

Она сидела в полумраке кабинета, в круге света от настольной лампы, и всю ее била дрожь, а потухающий огонь в камине отбрасывал на стены тени глумливых призраков. Бодрый ритм рэга «Тучи войны» звучал в ее ушах насмешкой. Еще никогда она не чувствовала себя такой одинокой.

«Что бы это могло значить?» Деннис заложил книгу пальцем и задумчиво уставился в пространство. Что бы это могло значить? Он слышал, как Джереми насвистывает в спальне, завязывая галстук.

Деннис еще раз взглянул на газету, лежащую на кофейном столике. «СУМАСШЕДШИЙ УБИЙЦА В ПАРКЕ», — кричал заголовок на первой полосе. И сбоку колонка Моргана Граймза: «НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ». Эксклюзивное интервью с известным риэлтером Сарой Бомонт. Пуля, пролетевшая в нескольких сантиметрах. «Какие чувства вы испытываете, едва разминувшись со смертью?» Старая фотография Сары, до невозможности жизнерадостной.

Денниса передернуло. Он названивал ей весь день, с того самого момента, как услышал ужасную новость, но никто не отвечал. Он оставил ей сообщение на автоответчике.

Из спальни вышел Джереми, подтягивая узел галстука.

— Как я выгляжу?

Деннис бегло оглядел его.

— Прекрасно.

Джереми прищелкнул языком и с досадой поднял глаза к потолку.

— Ты ничего не понимаешь в моде. Кажется, ты собираешься пойти на спектакль прямо так? — Он повернулся, чтобы выйти.

— Джерри, погоди. Я хочу, чтобы ты кое-что послушал. — Деннис раскрыл книгу, которую читал до этого. «Культура и грамотность» Е. Д. Гирша-младшего. Он нашел нужное место и, откашлявшись, начал читать.

— «...Хотя орфографические и толковые словари Ноя Уэбстера пользовались небывалым спросом, они не уникальны ни в каком другом отношении. В сущности... содержание американских школьных учебников девятнадцатого века было таким однотипным и взаимозаменимым, что их авторов можно заподозрить в заговоре с целью навязать всем юным американцам одинаковые взгляды, включая свирепую национальную преданность и гордость».

Он закрыл книгу и взглянул на Джереми.

— Что ты скажешь?

Джереми озадаченно пожал плечами. Деннис вздохнул.

— Ну, неважно.

Джереми, недоуменно покачивая головой, пошел обратно в спальню.

— Ты готов? Мы выходим через несколько минут.

Деннис положил книгу поверх газеты. «Сумасшедший убийца» — как бы не так! Он снова подумал о перечне, который хорошо помнил. Дейвис Белло убит. Брейди Куинн убит. Амброз Бирс пропал без вести. Агата Пенуэзер убита. Нет, никакой это не сумасшедший.

«...Заговор с целью навязать всем юным американцам одинаковые взгляды».

«...Может быть, Тэйлор и Дьюи были участниками заговора».

«Гвозди от подковы...»

«1860-й — избран Линкольн».

«Статистик Министерства внутренних дел... Дважды попал под пулю как случайный прохожий?»

Фрагменты разговоров и отрывки прочитанного всплывали в его памяти, перекликаясь друг с другом и складываясь, подобно стекляшкам в калейдоскопе, в новые и новые пугающие картины.

«Гвозди от подковы...»

«Эдисон, Форд и другие имели обыкновение регулярно встречаться для обсуждения дел в стране».

«1896-й — Томас Б. Рид проигрывает кампанию по выдвижению кандидатом в президенты».

«Поступки горстки людей, которые имели непропорционально важные последствия».

«1865-й — убийство Линкольна».

«...Изменяют ход истории, иногда явно, иногда скрытно».

«1914-й — маневр фон Клюка».

«...Некоторые события, как снежная лавина, приводят к последствиям, которые становятся очевидными только задним числом...»

«1865-й — приказ о Твиггсе задержан»... Кем?

«Может, этот гвоздь пошел вкось».

«1900-й — Теодор Рузвельт становится вице-президентом».

«...Поворотные моменты истории, которые трудно заметить...»

«Фредерик У. Тэйлор — успех примерно в 1900-м».

«...Часть заговора...»

«Клиология... означает научный подход к истории».

Куинн. Карсон. Потайная комната. Машины Бэббиджа.

«...Попробовать ортогональный факторный анализ...»

«Клиология... означает научный подход к истории».

Дейвис Белло убит. Брейди Куинн убит. Амброз Бирс пропал без вести. Агата Пенуэзер убита.

«...Изменить ход истории...»

Что еще это может означать? Перечень больше уже не казался ему интригующей головоломкой. Он обнаружил в нем внутреннюю логику, и логика эта была страшной.

Дейвис Белло убит. Брейди Куинн убит. Амброз Бирс пропал без вести. Агата Пенуэзер убита. Сара Бомонт...

Но почему Сара? Почему только она? Ведь они вместе нашли перечень. Почему же не он?

Действительно, почему? Его начало трясти. Почему не он? Хорошо, он хотел удовлетворить свое любопытство, так? Он трудился над этим всю неделю напролет как проклятый. А любопытство, как известно, до добра не доводит.

Однако должна же быть причина, почему они напали на Сару, а не на него. Они знали о Саре, а о нем нет. Это — одно возможное объяснение. Другое, разумеется, состояло в том, что до него еще не добрались. Пока.

Сара была хакером. Почти всю свою работу она делала с помощью сети «Дэйта-Нет». Может, дело в этом? Сам Деннис мало разбирался в компьютерах. Честно говоря, он им не доверял. Но его познаний хватало, чтобы понимать: за каждой программой может наблюдать другая программа, она может проследить, кто к какой информации ищет доступ. Однако никому не под силу вести наблюдение за всеми публичными библиотеками, книжными магазинами, архивами и частными беседами.

«В таком случае они могли выследить ее, но не меня. Тогда мне ничто не грозит. — Он судорожно перевел дыхание. — Они не могут знать обо мне».

Эта мысль успокоила его, согрела, восстановила душевное равновесие, которое он утратил в тот момент, когда понял, что на самом деле означает список на клочке бумаги. «Я должен предупредить Сару». Он потянулся к телефону, но замер с протянутой рукой. Ведь телефон, возможно, прослушивается. Если он позвонит и предупредит ее, а эти люди, кто бы они ни были, подслушают, то поймут, что он тоже в курсе их дел.

Пуля пролетела в нескольких сантиметрах. «Какие чувства вы испытали, разминувшись со смертью?»

Дерьмовые чувства, Морган Граймз, вот какие.

Чтобы позвонить Саре и предупредить ее, невзирая на опасность, грозящую ему самому, надо иметь мужество.

Но она с утра не отвечала на звонки. Может быть, скрывается, как Брейди Куинн. А может, уже все поняла сама. Тогда, пытаясь предупредить ее, он только подставится без всякой пользы.

Деннис медленно убрал руку с телефона и опустил ее на колени. Рука дрожала, но не от страха. Только что он узнал о себе кое-что новое, и это ему совсем не понравилось.

На следующее утро Сара проснулась сразу, как от толчка. Она спала, уронив голову на стол. Шея и руки у нее затекли. Смутно припоминались какие-то ночные кошмары, теперь, к счастью, забытые. «Значит, я заснула прямо за терминалом. Интересно, до которого часа я работала?» Она потянулась и рывком поднялась из кресла. Пошатываясь, она добрела до окна и, подняв шторы, сощурилась на утреннее солнце.

Потом она прошла на кухню, поставила кофе и тупо смотрела на него, пока вода не начала закипать. По пути к входной двери она заметила, что дедовские часы стоят. «Наверное, забыла их завести». Сара зевнула, открыла дверь и, нагнувшись, подобрала утренний выпуск «Ньюс».

И тут она вспомнила все: что сама остановила часы и полночи размышляла о Брейди Куинне, что пришла к жутким выводам и что кто-то пытается ее убить.

Ночные кошмары вернулись. Она отступила назад, захлопнула дверь и прислонилась к стене, тяжело дыша. «Черт! Это было неосторожно, Сара!» Там мог быть снайпер, который ждал, когда она выйдет за газетой. Она припомнила, что поднимала шторы, стоя на виду у любого, кто мог засесть напротив окна, на склоне горы. Со снайперской винтовкой.

«Стрелять снизу вверх трудно, — напонила она самой себе. — Пули ложатся ниже цели. К тому же снайперу здесь негде спрятаться — разве что на участках соседей». Она выглянула через глазок на аллею, которая вела к дому. Ни души. Однако декоративные кусты по бокам аллеи теперь казались зловещими — за ними могла бы спрятаться целая рота наемных убийц.

Она закрыла глаза и потихоньку выдохнула воздух. Затем боком подкралась к окну и, прижавшись спиной к стене, задернула шторы. В комнате стало темно.

Вернувшись на кухню, она швырнула газету на стол и попыталась налить себе кофе. Ее рука ходила ходуном, и первые капли пролились на блюдце. «Успокойся, Сара, — уговаривала она себя. — Паника до добра не доводит». Она выждала немного, стараясь дышать как можно ровнее, затем налила себе кофе. Потом села и заставила себя не спеша обдумать все сначала.

Тайное общество — Общество Бэббиджа, которое пыта-

ется управлять ходом истории? Безумие. Как такое вообще возможно? И тем не менее, все свидетельствует об этом. Бэббидж и его начатки системного анализа. Механические компьютеры. Названия работ в «Указателе». «Гвозди от подков». Человек в библиотеке. Появление Реда. Если уж на то пошло, то теперь это безумие казалось ей еще более вероятным, чем прошлой ночью.

Ну, и что теперь делать? Ред говорил, что лучше ничего не предпринимать. Сидеть тихо, и он все уладит. Но кто такой Ред, чтобы ему доверять? Он ее не убил, хотя легко мог это сделать. Но едва ли это достаточное основание для доверия и дружбы. «Вы не знакомы с моим добрым другом Редом Мелоуном? Он не стал меня убивать, хотя и имел такую возможность».

И все же — что еще остается делать, как не сидеть тихо? Позвонить Деннису? Она пыталась это сделать ночью, после того как поняла, что собой представляет Общество Бэббиджа, но никто не ответил. Вероятно, они с Джереми куда-то ушли. Они часто где-нибудь бывали по субботам. Деннис не доверял разным техническим усовершенствованиям вроде автоответчика, и гудки телефона продолжались до тех пор, пока она в отчаянии не бросила трубку.

Сейчас, при свете утреннего солнца, эта мысль уже не казалась такой удачной. Неважно, что знал Деннис и чего он не знал, но он не выходил в сеть. А значит, оставался в безопасности, по крайней мере временно. Но если она ему позвонит, а ее телефон прослушивается людьми из Общества — такой вывод напрашивался, — то тем самым она накличет беду и на Денниса.

«Морган!»

Она была у Моргана в пятницу, перед происшествием в парке — попросила его помочь разыскать старые публикации про Общество Бэббиджа. Она провела с ним вечер после покушения на ее жизнь и рассказала все о Куинне. Конечно, тогда она не подозревала, насколько опасны эти сведения, и не связывала их с нападением на нее в парке. Морган пообещал поспрашивать, где можно, об Обществе Бэббиджа. Он собирался наводить справки, даже не подозревая, чем это грозит. Она обязана предупредить его!

Она уже набирала номер редакции «Ньюс», когда послышался сигнал встречного звонка. Сара секунду поколебалась, стоит ли отвечать. Потом подумала, что это могут быть Мелоун или Деннис, и нажала на рычаг телефона, чтобы освободить линию.

- Да?
- Сара! Слава богу!
- Морган? Я только что собиралась звонить тебе. Я...
- Подожди. Я буду у тебя через пару секунд. Никуда не выходи. И никому не открывай дверь, пока я не приеду.
- Морган, что с тобой? Я никогда не слышала, чтобы ты...
- Тебе грозит опасность. Гораздо худшая, чем я предполагал. Ты видела седьмую полосу сегодняшней «Ньюс»?
- Нет.
- Прочти.

Связь прервалась. Секундой позже она услышала гудки отбоя и повесила трубку. Затем она рассмеялась. Она хотела предупредить Моргана об опасности, а он сам звонит, чтобы предостеречь ее. Какой абсурд!

И что там такое напечатано на седьмой полосе? Сара вернулась на кухню и взяла чашку с кофе. Взгляд ее упал на газету, валявшуюся на столе. Ее имя кричало с первой полосы гигантскими буквами, но у нее не было желания заново переживать случившееся, и она стала листать внутренние страницы, мельком просматривая заметки. Обычная ерунда; высосанная из пальца. Ни малейшего содержания. Политика, бизнес, коммерция. Интересно, много ли ежедневных новостей инспирируют «они»?

Ей стало почти весело. Сейчас придет Морган. Хорошо, когда он рядом. Страх не прошел, но уже не давил так сильно. Теперь она не одинока.

Сначала заголовок седьмой полосы никак не затронул ее. «ДВОЕ ЗАСТРЕЛЕНЫ В ЛЮБОВНОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ». Такое случается чуть не каждый день. Человек по имени Джозеф Доусон выследил свою жену Барбару в мотеле на Западной Колфакс-авеню. Там он застрелил ее вместе с любовником Полом Эбботом, работавшим вместе с ней, а потом застрелился сам. Сплетня с трагическим концом. Из разряда тех, что могли бы украсить первую полосу какой-нибудь нью-йоркской бульварной газетенки. Секс и насилие.

Но... Пол Эббот? Мастер у Уайднера? Дрожащей рукой она поставила чашку и перечитала заметку. Грязная история, подобная сотням других. Супружеская измена. Ревность. Озлобление. Убийство и самоубийство. И ничему этому она не поверила ни на секунду.

«Бедная Бэбс, — подумала она. — И бедный ее муж». Она почувствовала жалость даже к Полу Эбботу. Он был грязный развратник, но все же живое существо. Он не за-

служивал того, что с ним сделали. Хотела бы она знать, как «они» уговорили Доусона. А может быть, просто убили всех троих и устроили так, чтобы это выглядело как любовный треугольник.

Должно быть, именно это имел в виду Морган. Он пришел к тем же выводам, что и она. Но почему «они» убили Эббота? И Барбару Доусон, мастера другой смены? С Эбботом Сара едва была знакома, а Барбару не знала вообще. И тем не менее случившееся должно иметь какое-то отношение к Обществу Бэббиджа. Слишком многое совпадает. Взяв свой кофе, она побежала к компьютеру.

Все-таки кто-то шел за ней тогда, под виадуком. В доме Уайднера она пробыла довольно долго. Может быть, «им» пришла в голову нелепая мысль, что между ней и Эбботом что-то есть? Или они сами зашли туда и обнаружили потайную комнату с машинами Бэббиджа? Если так, то «они» убивают каждого, кто мог что-то знать.

Но когда она тайком проникла в файлы полиции, то там даже не упоминалось о каком-либо покушении на хозяина дома Эрнста Уайднера или на кого-то еще из его служащих. Не оказалось там и рапортов о краже со взломом или о каких-нибудь актах вандализма в доме Уайднера. Но ведь совершенно очевидно, что если «они» нашли потайную комнату, то наверняка забрали оттуда машины, чтобы их не обнаружил кто-то еще.

Зачем же тогда убивать Эббота и Доусон? Ее пытались убить из-за того, что она, по их мнению, что-то знала. Но ведь Эббот ни о чем не догадывался.

А они об этом знали? Они могли решить, что она что-то рассказала Эбботу. Хотя почему они могли так подумать, одному богу известно. Но почему они не начали действовать сразу? В доме Уайднера она была в понедельник, а ее никто не трогал до пятницы. Почему они не действовали немедленно — против нее и ее предполагаемого «сообщника»?

Может, сначала они сомневались. В конце концов, есть масса причин, почему любой досужий исследователь вздумал бы между делом поинтересоваться Брейди Куинном. Нет, за это время должно было произойти что-то еще, что убедило их. Но что?

Ее «мышь»! Она бегала по сети, выискивая связи между Куинном, Обществом Бэббиджа, аналитическими машинами и еще полдюжиной других вещей. О господи! Одного интереса к судьбе Брейди Куинна было недостаточно, само по себе это вызвало бы у них только подозрение. Но «мышь» перепугала

их до смерти. Неудивительно, что они даже не сделали попытки предостеречь ее. По их мнению, она уже все знает и предупреждать поздно.

«Мышь» бегала по сети несколько дней, прежде чем они спохватились. Значит, сразу ее не заметили. А это означает, что они не всеведущи. И Мелоун сказал, что они перепугались до потери сознания. Впервые Сара подумала о них, как о живых людях, а не о безликой силе. Они не были непогрешимы. Они совершали ошибки. Смертельные ошибки. Они, возможно, так же не знали, что делать дальше, как и она!

Сара зажгла экран и вызвала «мышь». Думать об осторожности уже поздно. Ред затеял бесполезное дело: Теперь он никогда не сможет убедить их, что она — не Чужак. Больше того, как только Ред узнает про «мышь», и у него, наверное, тоже появятся сомнения.

«Я знаю, что они делают в подобных случаях. Если сомневаешься, убивай». А что делают люди Реда? Ведь он не сказал, что ее не убьют. («К нашему большому сожалению, придется с ней кончать», — так, наверное, он выразится.) С внезапной дрожью она подумала о том, какого рода «корректировкой» занимается Ред.

Сара снова взяла газету и взглянула на заголовок «ДВОЕ ЗАСТРЕЛЕНЫ В ЛЮБОВНОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ». Теперь ясно, что они идут по ее следу, уничтожая каждого, с кем она могла говорить.

Она вскочила так резко, что сдвинула стол, расплескав кофе. Каждого, с кем она могла говорить?! Значит, теперь поздно бояться за Денниса. Она бросилась к телефону и набрала его номер. Он был в памяти аппарата, так что достаточно нажать только две кнопки. Тем не менее в спешке она умудрилась ткнуть пальцем мимо одной из них. Она выругалась, прервала связь и вызвала номер снова.

Послышались гудки. «Ну, подойди же! — молила она сквозь стиснутые зубы. — Ну, подойди...»

Трубку взял Джереми, друг Денниса.

— Джерри, это я, Сара. Деннис дома? Мне надо немедленно с ним поговорить. Это важно.

«Может быть, я ошибаюсь. Наверное, ошибаюсь. Надеюсь, что ошибаюсь».

— Вы хотите сказать, что ничего не слышали? — ответил Джерри. Его голос срывался, как будто он только что плакал. Это в духе Джерри — он был легко возбудим и чувствителен. — О, все ужасно. Просто кошмар.

Ее сердце упало, а рука стиснула трубку.

— Что? Что случилось?

— Деннис... Вчера ночью его сбила машина. Сбила и умчалась. Мы возвращались домой после спектакля и... Его отвезли в Портеровскую больницу и всю ночь оперировали.

— О нет! Он будет... Он сейчас вне опасности?

— Я... не знаю, — сознался Джерри. — Я постоянно туда названиваю. Надоел им ужасно. Они будут знать только к концу дня, а сейчас, говорят, состояние критическое. За ним наблюдают сестры, и к нему присоединены всякие приборы, так что врачи сразу узнают, если что-то изменится.

«Надо поблагодарить Бога за космическую программу, — подумала Сара. — Она продвинула медицинскую технику на целое столетие вперед. Теперь можно спасти человека, который не выжил бы всего несколько десятков лет назад». Она понимала, что старается успокоить себя. Хирурги не волшебники, а медицина не всесильна. Однако «критическое состояние» — все-таки лучше, чем «скончался по пути в больницу». Еще остается шанс. И неплохой шанс.

«Должно быть, у них тут не один «свой» человек», — подумала она. Ночной наезд — куда более тонкий способ, чем сумасшедший с пистолетом в парке. Полиция в таких случаях задает меньше вопросов.

— Кто это сделал, Джерри? Уже известно?

— Кто? Неизвестно. Юнцы, которые накачались «материнскими слезками», или еще кто-нибудь в этом духе. Полиция объявила розыск, но их никогда не поймают.

«Нет, — подумала Сара, — не поймают. Полиция даже не догадывается, где их искать».

— И какая, к дьяволу, разница, если даже поймают?

В душе Сара согласилась с этим. Но она произнесла несколько обычных в таких случаях фраз о том, что не надо терять надежды, что Деннис выкарабкается и все закончится хорошо. Она старалась говорить как можно увереннее, хотя не очень рассчитывала на это сама, да и Джерри, как она полагала, тоже.

Сара удивилась, когда обнаружила, что страдания другого человека могут действовать на нее так же сильно, как и то, что она испытала сама. Ах, Деннис! Она тихонько всхлинула. Если бы она позвонила ему вчера вечером... Тогда он, может быть, никуда бы не пошел. Остался бы дома, и они не добрались бы до него.

Или явились бы к нему на квартиру, и он был бы уже не в «критическом состоянии», а мертв. И Джереми заодно. Не стоит брать на себя ответственность за чужое преступление. Не ее вина, что его сбила машина. Это их вина. Дело в их злобной паранойе, а не в ее расследовании и не в том, что она не дозвонилась.

Когда же придет Морган? Она с нетерпением посмотрела на часы. От центра до Эпплвуда ехать минут двадцать пять. И в воскресенье утром не должно быть большого движения.

Она вздрогнула от неожиданной мысли, как от пощечины. Вчера Морган сказал, что собирается зайти к Полу Эбботу и к Деннису. На обоих совершены покушения. А что, если?..

Ее охватил безотчетный страх. Ред Мелоун намекал, что человека можно запрограммировать помимо его воли или согласия. Наркотики. Гипноз. Тот убийца в парке был запрограммирован, сказал он. Что, если и Морган тоже? Они могли нацелить его на Денниса, на Эббота и запустить, как ракету «Стингер».

А кто может сказать, гипноз ли это? С таким же успехом Морган мог действовать вполне сознательно. Как называют таких людей? «Кроты»?

Нет, только не Морган! В нем этого нет!

И все-таки, откуда ей знать? По-настоящему близкими друзьями они никогда не были. Приятелями, не больше. «Привет, как поживаешь? Рад тебя видеть, знаешь последнюю новость?» В сущности, она не знала Моргана Граймза — она видела только то его лицо, которое он считал нужным ей показывать. Сейчас Морган едет сюда. Чтобы убить ее? Какое безумие!

«Даже параноики имеют врагов».

Но им не дано иметь друзей, не так ли? Морган сказал ей, чтобы она не поворачивалась к нему спиной. Не пытался ли он предупредить ее, несмотря на то что был запрограммирован? Задним числом его слова показались ей еще более зловещими. Он старался выяснить, что она знает. И даже тогда у нее создалось впечатление, что ему известно больше, чем он говорит.

Она заметила, что мигает сигнал ее автоответчика. Давно ли? Когда в последний раз она прослушивала записи звонков? Вчера? Она машинально отмотала пленку назад. Звонил Деннис. Он хотел узнать, как она себя чувствует. Он слышал про стрельбу в парке и беспокоился. На долю секунды ей показалось, что это он сам говорит с ней, и она едва не начала

отвечать, но тут же опомнилась и ткнула пальцем в кнопку выключателя. Несколько мгновений она молча смотрела на аппарат, потом снова перемотала пленку и прослушала ее еще раз, и еще. «О, Деннис, во что мы впутались?»

Беги и прячься.

Здравый совет, что ни говори. Но бегство — дело серьезное, легкомыслия оно не терпит. Куда направиться? Сняв номер в мотеле, исчезнуть невозможно. Скрываться надо в лесу. В горах.

В гараже стоял запах масла и бензина. Гараж был большой, великоватый даже для двух машин. Вдоль стен располагались ярко-красные шкафы с выдвижными ящиками. Забрызганный грязью, старый «блейзер» белого цвета приоткрылся в дальнем конце. Несколько минут она занималась погрузкой. Бежать без хорошего снаряжения не имело смысла. Она почувствовала облегчение от того, что нужно двигаться — неважно зачем, пусть даже удирать. Все лучше, чем ждать неподвижно.

Пуховый спальный мешок. По ночам в горах ох как холодно, даже летом. Карты Геологической службы. Компас. Керосиновый фонарь. Электрический фонарь с запасными лампочками и батареями. Спички — те, что зажигаются в любых условиях. (В крайнем случае, она могла добыть огонь с помощью самодельной смычковой дрели, но зачем зря уродоваться?) Рыболовная леска и крючки. Проволока и кусачки. Охотничий нож и точило.

Она вытащила нож из ножен. Лезвие недобро блеснуло в свете единственной голой лампочки под потолком гаража. Она повернула нож так и эдак, глядя на свое искаженное отражение. Ей вспомнился «выпускной экзамен» в горах после спецкурса по выживанию. Этот нож безупречно уравновешен. Он делает полный оборот на дистанции в десять метров — это полезно знать, в чем убедились, на свое несчастье, несколько кроликов. На кроличьем мясе можно умереть с голода, вспомнила она. Слишком постное, жира не хватает. Но тогда она только играла в выживание. По сравнению с настоящей борьбой за выживание это была детская игра.

Сара повернулась, взмахнула рукой, и нож вонзился в центральную филенку ворот гаража. Она, крихтя, выдернула нож и сунула в рюкзак.

В спальне она переделалась в походную одежду. Длинная куртка с ремнем и накладными карманами. Плотные брюки, защищающие ноги. Прочные башмаки. Смена белья — на

случай, если промокнешь. Зашнуровывая ботинки, она вспомнила слова Реда Мелоуна о том, что всегда можно убежать от угрозы, но бывали случаи, когда это не помогает. Тогда она удивилась его словам.

Она села в «блейзер» и собиралась уже открыть ворота гаража, когда взгляд ее упал на часы на приборном щитке. Без десяти десять. Правильно они идут? Она проверила по наручным часам. Да, все верно. Морган запаздывает.

Или он стоит снаружи и ждет, когда она откроет ворота? Может быть, для этого он и звонил, чтобы подтолкнуть ее к паническому бегству? Она вернулась из гаража к входной двери и снова выглянула через глазок.

По-прежнему никого. А что она собиралась увидеть? Человека с винтовкой? На этот раз они не станут работать так грубо. Второе точно такое же покушение на ту же самую жертву вызовет слишком много вопросов. Даже полиция может заподозрить неладное.

Что делать? Ждать или бежать? Кто меньше рискует: сидящая утка или утка летящая?

Когда она шла обратно через кухню, зазвонил телефон, и Сара уставилась на него, словно он внезапно превратился в живое существо. После трех звонков включился автоответчик. Она услышала записанный на нем собственный голос: «Алло, в данный момент я не могу подойти к телефону...»

Она пошарила рукой под кухонным столом и, выдвинув табуретку, села, не сводя глаз с автоответчика.

— Сара? Это Кевин, из «Ньюс». Перезвони мне сразу же. Это очень срочно.

Она стиснула руки. Кевин? Где-то в глубине души у нее зашевелилось дурное предчувствие. Схватив телефонную трубку, она набрала номер отдела городских новостей и попросила Кевина. «Скажите ему, что звонит Сара Бомонт».

Кевин был на проводе через несколько секунд.

— Сара, мне жаль, что приходится сообщить тебе это, но твоего старого партнера Моргана Граймза полчаса назад зарезали насмерть на автостоянке.

Словно мощный электрический разряд потряс Сару. Морган? Моргана невозможно было даже представить себе мертвым. Он был нерушим, как гора Маунт-Эванс. Вечен. Она вспомнила, как они без конца ругались между собой, когда она была начинающим репортером. Как он делился с ней «халтурой». Как заботился о ней в тот день, когда в нее стреляли.

Она вспомнила, как подозревала его, как боялась, что он

придет сюда, и ей стало стыдно. Глаза у нее защипало. Какая дикая, сумасшедшая мысль!

— Боже, не может быть! — сказала она в трубку. — Известно, кто это сделал?

Она-то знала. Это сделали они. Они проводили обстоятельную чистку. Морган мертв, и это целиком на ее совести. Стоит поддаться страху, и начинаешь делать глупости. Злоба не причиняет и половины того ущерба, как глупость.

— Какой-то торговец наркотиками, — ответил Кевин. — Под его телом нашли пакетик «материнских слезок», а в кармане куртки — толстую пачку денег. Полиция думает, что он покупал наркотики и дошло до драки.

— Кевин, ты же знаешь, что это неправда!

— Эх, я знал Морга не хуже других. И знаю, что это не в его стиле. Но выйдет это погано.

Что она могла ему сказать? Что за последние два дня произошло четыре легко объяснимых убийства, которые не так-то легко объяснить? Сумасшедший стрелок, любовный треугольник, наезд неопознанного автомобиля и темная сделка с наркотиками. Полиция не усмотрит здесь никакой связи. А если она расскажет об этом Кевину, то лишь сделает его следующей жертвой.

— Сара. Я вот почему звоню... Его последние слова предназначались тебе. Он сказал: «Передайте Саре, что Пулитцеровская премия того не стоит». — Кевин подождал, не скажет ли она чего. Не дождавшись, он спросил: — Тебе это что-нибудь говорит?

— Мне... Нет. Нет, ничего. — Она поблагодарила его за звонок и быстро повесила трубку.

Она не могла больше ни о чем думать, перешла к кухонному столу и села. Остатки кофе остыли и выдохлись. Она не стала мыть чашку, просто отодвинула ее в сторону и опустила голову на руки.

«Я навечно перед ним в долгу за то, что он для меня сделал. Я позволила его убить. Могла бы предупредить его, но побоялась. Испугалась и не поверила ему. Я должна была знать его лучше. Я должна была сойтись с ним поближе — еще тогда, когда мы работали вместе. Впрочем, теперь все это неважно. Что случилось с Сарой, которая всегда могла постоять за себя?»

Она перепугалась до смерти, вот что с ней случилось. Она поняла, что уже не может постоять за себя.

«Дерьмо собачье. Ну хорошо, положение не из лучших. Скверное положение. Прекрасно. Ты не можешь его изме-

нить. Три с лишним миллиарда людей в мире тоже не могут изменить положение. Но у тебя есть выбор, как себя в этом положении вести».

Легко сказать. Ее лучший друг лежит в больнице, превращенный в лепешку. Другой — в морге. («Морг — в морге», — пронеслась у нее в мозгу дикая мысль.) И вряд ли они оставят ее в покое.

«Нет, наверняка не оставят. Ну и что делать — сдаться? Единственный абсолютно надежный, гарантированный способ проиграть. Им не надо будет даже стараться: ты все сделаешь сама».

Но что делать?

«Дать сдачи!»

Кому, дуручка? Ты даже не знаешь, кто они такие.

«А зачем тебе это знать?»

Сара выпрямилась. «Нет, знать это необязательно», — сообразила она.

Она стиснула зубы. Теперь она знала, как отдать долг Моргану. Конечно, не весь долг — ей никогда не расплатиться с ним сполна. Но ведь ему понадобится монета, чтобы заплатить паромщику?

Сара села за терминал и принялась за работу.

IX

— Вы уверены, что телефон не прослушивается?

Ред Мелоун сидел в номере мотеля на кровати, подложив под спину подушки. Он звонил по обычному гостиничному телефону, который был подключен через обычный коммутатор к обычной телефонной сети.

— Конечно, — ответил он. — Разве я хоть раз вам со-
врал? — Левой рукой он открыл банку «Севен-ап» и отпил глоток.

— Зачем вы вышли на контакт с нами?

— Соскучился по вашему голосу, кузен Дэниел. — Ред ухмыльнулся в трубку. — А еще захотелось поболтать немного. Как делишки по вашу сторону забора? Сколько невинных женщин и детей вы за последнее время убили? — Подначивать Кеннисона всегда доставляло Реду удовольствие. Мало что в его жизни приносило ему такую чистую радость.

— Невинных — ни одного, — ответил Кеннисон, и в его голосе Ред почувствовал раздражение.

— Что вы имеете в виду?

— Я вам не обязан ничего объяснять. Если уж кто кому обязан, то это вы. Вы должны быть нам благодарны.

— Благодарен? — переспросил Ред сквозь стиснутые зубы.

— Да. Кучка заговорщиков чуть не раскрыла нашу тайну. К счастью, мы раздавили их в зародыше.

— Вы упустили ее. Она уцелела.

— Это временные трудности. Зато мы разделились с ее организацией.

— Вы болван! Нет у нее никакой организации! Она ничего не знает. И к Чужаку не имеет никакого отношения. Она наткнулась на Куинна случайно, когда устраивала какую-то сделку с недвижимостью. Но о его роли она не догадывается. Я велел ей бросить это дело.

— Как это?

— А вот так.

— Значит, вы встречались с ней? Вряд ли это благоразумно.

— Конечно. Но мы предпочитаем сначала задавать вопросы.

— В подобных случаях лучше перестраховаться. Кто колеблется, тот проигрывает.

— Очертя голову действуют только полные идиоты. Слушай, ты... — Ред прикусил язык. Он собирался назвать Кеннисона сукиным сыном, но решил, что собаки слишком симпатичные животные, чтобы обижать их подобным сравнением. — Я с ней разговаривал и верю ей.

— Ах, кузен Мелоун, у вас всегда была эта слабость. Вероятно, она хорошенькая.

Каким же надо быть мерзавцем, чтобы беречь именно эту его рану! Кеннисон заговорил о том, кто кому обязан? Что ж, этот должок пока за ним.

— Даже если бы она была такой же уродиной, как вы, это не меняло бы дела. Вы отзовете ваших псов?

— Поверив вам на слово? Боюсь, что нет. Это было решение Совета.

— Тогда соберите ваш проклятый Совет и сообщите им то, что я сказал вам. Мы договорились делиться информацией по этому делу — вот вам моя информация.

— Информация, которая не подтверждается фактами, мой дорогой друг.

— Фактами? Что вы имеете в виду?

Кеннисон прищелкнул языком, и Ред свирепо уставился на телефон. Кеннисон рассказал ему о программе «мышь». Ред слушал, не проронив ни слова и прикрыв глаза.

— Вы в этом уверены? — спросил он, когда Кеннисон закончил.

— Нам удалось проследить путь программы вплоть до ее домашнего терминала.

— Это какая-то нелепость. Как она могла поступить так неосторожно? Чужак таких ошибок не допускал.

— И на старуху бывает проруха.

Ред посмотрел в окно мотеля. Мимо сплошным потоком проносились автомобили. Стекло дребезжало. Банка с лимонадом на столике у кровати шипела пузырьками. Ред почувствовал себя круглым идиотом.

— Да, полагаю, что бывает.

— Вот вам и карты в руки. Может быть, вы сами покончите с этим делом?

— Я на вас не работаю.

— Верно, но тайна защищает нас обоих. В наших общих интересах ликвидировать утечку информации, пока она не стала всеобщим достоянием.

— Палец о палец не ударю. Это — дело Совета. — Ред почувствовал удовлетворение, обернув против Кеннисона его же слова.

— Но нашим действиям вы мешать не будете, не так ли?

— Я буду делать то, что мне нравится, черт вас возьми. — Он бросил трубку с такой силой, что банка на столике упала и пролилась ему на брюки.

— Проклятье! — Он выскочил из кровати и носовым платком стер брызги. Получилось еще хуже — теперь брюки выглядели так, словно он обмочился. — Проклятье! — повторил он и, схватив банку, швырнул ее через комнату, забрызгав ковер и постель. Он терпеть не мог попадать впросяк и выглядеть дураком. Придется еще разок повидаться с мисс Бомонт.

Сара провела весь день у экрана терминала, сочиняя «червя». Дело оказалось нелегким, даже для нее — двух-уровневая программа, в которой второй уровень зашифрован в первом. Внешне она должна была выглядеть как обычное послание по компьютерной сети — некий хакер желает что-то во всеуслышание остальным хакерам. Такая программа перегружается с терминала на терминал, не вызывая подозрений.

Но в глубине безобидного текста был надежно зашифрован тайный алгоритм — самозагружающийся и запускающий программу второго уровня. Этот второй уровень был анаграммой первого. Построенная подобно сложному крос-

сворду со словами, пересекающимися сразу в нескольких измерениях, программа второго уровня начнет создавать самовоспроизводящегося «червя». Всякий раз, когда база данных из какой-нибудь автономной компьютерной сети соприкоснется с сетью «Дэйта-Нет», «червь» тут же впрыснет свою копию в эту автономную сеть. С этого момента копия начнет выискивать ссылки на Сару Бомонт, Денниса Френча, Пола Эббота, Моргана Граймза, Брейди Куинна, Чарлза Бэббиджа и на все имена из «Указателя» трудов Общества Бэббиджа. Обнаружив хотя бы кого-нибудь из них, копия пошлет обратный сигнал через сложную систему узлов сети «Дэйта-Нет», а потом сотрет эту базу данных. Если же она ничего не обнаружит, то самоликвидируется. Для уничтожения баз данных Сара воспользовалась программой «Джаггернаут». Когда-то она с помощью этой программы играла в «компьютерные войны» — кто быстрее сотрет чужую память. Это была примитивная, но эффективная программа, такой они не ждут.

Может пройти немало времени, но в конечном счете ее «червь» найдет их базы данных. При операции такого размаха, какую проводят они, нельзя обойтись без компьютера. Рано или поздно они обратятся к сети «Дэйта-Нет». И тогда она узнает их адрес и с превеликим удовольствием уничтожит их файлы. Маловероятно, чтобы какая-нибудь другая база данных содержала именно этот набор имен, хотя в тот момент Сара была готова стереть хоть телефонный справочник.

Она почти закончила работу, когда сообразила, какую совершила глупость, и в сердцах обругала себя дурой. Для человека, который оказался единственным обладателем смертельно опасной чужой тайны, есть только одна возможность отвести от себя удар, а она о ней забыла. Проклиная все на свете, она снова взялась за дело и добавила еще одну подпрограмму.

Когда все было кончено, Сара потянулась и взглянула на часы. Было два часа ночи. Она не разгибаясь просидела за терминалом почти шестнадцать часов. И никакой доплаты за сверхурочные. Но несмотря на усталость, Сара чувствовала удовлетворение. Она нанесла ответный удар — тем единственным способом, какой знала. Отныне она перестала быть беззащитной жертвой. Она еще могла проиграть, ее даже еще могли убить, но по крайней мере она погибнет, как настоящий босс, — с оружием в руках. От этой мысли у нее даже поднялось настроение. Рано или поздно все уходят

в небытие. Важно, как уйти — пресмыкаясь, подобно рабу, или несломленным, как Нат Тернер*.

Боже, как она проголодалась! Она даже не представляла, как поздно. Целый день у нее во рту не было ни крошки, если не считать утренней чашки кофе.

Она зевнула и побрела на кухню, где начала сооружать себе бутерброд. В кухне было темно, только из холодильника на нее падал одинокий круг света. Все, кто ее окружал, вышли из строя, но она больше не чувствовала одиночества.

«Передайте Саре, что Пулитцеровская премия не стоит того».

Это были последние слова Моргана. Она вспомнила тот день, когда зашла в «Ньюс» и Морган говорил по телефону. Тот первый день, когда она начала интересоваться жизнью Куинна. Прошло всего двенадцать суток? А ей казалось, что двенадцать жизней. «Над чем ты работаешь, Морган? — Зарабатываю Пулитцеровскую премию, разумеется».

Она прислонилась к дверце холодильника. По всей видимости, Морган имел в виду, что тот удар ножом имеет отношение к истории, которую он расследовал. Он хотел намекнуть на это ей — единственной, кто мог это понять. Морган хотел, чтобы она прочла его материалы.

Сара захлопнула холодильник и побежала к терминалу, позабыв о бутерброде. Обходным путем она проникла в компьютерную систему «Ньюс» и набрала секретный код Моргана, который расколола много лет назад. На экране появился текст:

«Привет, Сара. Я знаю, что это ты, потому что никто другой так и не смог справиться с этим кодом. Надеюсь, что ты не прочтешь эти строки, потому что, если ты их читаешь, значит, я уже мертв и не добрался до твоего дома. Я знаю, что ты не сунешься сюда просто так, ради смеха. Ты честная. Для репортера это недостаток, но в тебе он мне нравится».

— Мне в тебе тоже, Морган, — прошептала она. Почему мы никогда не говорим друзьям подобные вещи, пока они для них что-то значат?

«Файл, который тебе нужен, имеет кодовое имя «Список убитых». Если я когда-нибудь закончу эту историю, она принесет мне Пулитцеровскую премию. Когда я впервые на все это наткнулся, я еще не знал, что передо мной открылось. Это была всего лишь тонкая ниточка. Позже я обнаружил другую нить. Я проследил их и понял, что они

* Тернер, Нат — негр-невольник, в 1831 г. возглавил мятеж рабов в Вирджинии, был пойман и повешен.

как-то связаны. Потом появился еще один, третий след. Я начал догадываться, что это не случайности, и уже эта догадка меня напугала. Теперь о том деле, по которому ты просила меня навести справки. Об Обществе Бэббиджа. Похоже, что это еще одна нить. Я бы этого не сообразил, если бы не увидел перечень Денниса, но теперь все как будто встало на свои места. Сара, в стране действует группа мужчин и женщин, по сравнению с которыми любой преступный синдикат невинен, как Махатма Ганди. У меня не осталось ни малейшего сомнения, что они организовывали убийства в общенациональном масштабе на протяжении многих, многих лет».

То, что обнаружил Морган, — Сара прочла об этом в его файле — было серией внешне не связанных между собой смертей. Почти все они выглядели как результат несчастных случаев или были легко объяснимы. Здесь самоубийство, там ссора в баре. Автокатастрофы. Сумасшедшие снайперы, стреляющие с крыш небоскребов. Похоже было, что весь мир состоит из случайных жертв.

Однако были незначительные, но странные совпадения. Две жертвы, разделенные годами и расстоянием, независимо друг от друга занимались биографией Уильяма Гаррисона Хэча, малоизвестного статистика, работавшего в 1920-х годах. Это необычное совпадение заинтересовало Моргана. Постепенно он раскопал и другие связи между двумя или несколькими жертвами и наконец понял, что имеет дело с целой цепочкой взаимосвязанных смертей.

«Ортогональный факторный анализ», — вспомнила Сара.

Любопытная особенность: процент статистиков, экологов, газетных репортеров, системных аналитиков, полицейских и представителей некоторых других специальностей среди жертв был намного выше, чем среди прочего населения страны. Морган сардонически заметил на полях, что желал бы знать, известно ли это страховым компаниям.

Сначала Морган считал это просто подходящей темой для очерка — необъяснимый синергизм внутри замкнутого мира определенных профессий. Но позже он убедился, что совпадения носят куда более зловещий характер. Какое-то время, как свидетельствовали его заметки, он думал, что наткнулся на убийцу-маньяка, какие еще не встречались в уголовной практике. Но череда убийств тянулась слишком долго. Одиночка не мог совершить их все, разве что начал в самом раннем детстве и продолжал свое страшное дело до глубокой старости. Это явно была работа не одного человека.

Морган продолжал распутывать почти неуловимую паутину

намеков, недомолвок и слухов. Порой след был едва заметен, а временами терялся в клубке вымышленных имен и анонимных телефонных звонков. Но Морган был мастером своего дела. Сару всегда восхищали его феноменальное упорство и врожденная осторожность. Каждый раз Морган вновь находил нить.

В конце концов она вывела его на небольшую группу людей, единственной отличительной чертой которых было то, что, за некоторыми исключениями, они ничем не выделялись среди других. Это были Джон Бентон, Женевиэва Вейл, Дэниел Кеннисон и кое-кто еще. За исключением Кеннисона, который возглавлял известную фирму по изучению общественного мнения, остальные сумели остаться вне поля зрения газет и, казалось, не имели между собой ничего общего. Сара вспомнила, что Морган спрашивал о них в тот вечер, когда она была у него дома.

Все они были богаты, настолько богаты, что ни «Форбс», ни «Форчун», ни «Таун энд Кантри» никогда о них не упоминали. Это было богатство особого рода, которое не любит себя афишировать. Все они получили значительные наследства и преумножили их с помощью успешных операций на фондовой бирже и зарубежных инвестиций. Как выразился в своих заметках Морган: «Они купили «Ксерокс» еще до того, как он стал именем нарицательным».

В том же файле была и запись его беседы с Сарой. В то время он еще не был уверен, что покушение в парке — случай из той же серии, хотя и подозревал это. Если так, то у него появился бы шанс выяснить их мотивы: зачем понадобилось таким состоятельным господам идти на огромный риск ради убийства абсолютно незнакомых им людей? Пока он всего не выяснит, очерк не получится. Неудивительно, что его так интересовали различные поводы для убийства.

В самом конце файла была странная пометка: «Автокопировать в файл «К». Что это означало? Кому еще Морган послал эту информацию?

Сара прочитала его заметки и подождала, пока принтер их распечатает. Теперь ей все стало ясно. Именно Морган Граймз был Чужаком. В его списке из пятидесяти с лишним убитых значились имена Кеннета Робертсона и Алисы Маколиф — тех двоих, о которых упомянул Ред. Настоячивый интерес Моргана к убийствам заставил их нервничать. Больше полусотни убийств! Неудивительно, что они засуетились, когда почуяли, что грозит разоблачение.

Сначала Морган не сообразил, что тайна Брейди Куинна и его серия убийств связаны между собой. Все-таки их разделяло целое столетие. Но потом он увидел перечень Денни-

са. Агата Пенуэзер — последняя в списке — была первой в его собственном. Неудивительно, что Морган был так возбужден, когда позвонил ей. Информация, полученная от Денниса, расширила его список убийств в прошлое вплоть до 1876 года, когда был убит Дейвис Белло.

Но таким образом Морган выдал себя. Не зная о существовании этой связи, он не предпринял своих обычных предосторожностей. Он наводил справки достаточно осмотрительно: даже если бы не существовало иных причин, то повышенный процент репортеров среди жертв заставлял соблюдать осторожность. Но Морган, как и Сара, расспрашивал о Куинне и Обществе Бэббиджа открыто — с помощью компьютерной сети и по телефону. Вероятно, это их и насторожило. Когда же Морган понял, что связь существует, было слишком поздно.

А его дружба с Сарой стала решающей уликой. Они уже не сомневались, что она проводит против них «операцию», что именно она и есть Чужак. По трагической иронии судьбы они сочли Моргана ее сообщником. Сразу после случая в библиотеке Сара встретила и с Деннисом, и с Полом Эбботом. Потом, после покушения в парке, она провела ночь у Моргана, а на следующий день Морган посетил их обоих. Поэтому они решили не рисковать и убрать всех троих «сообщников».

Теперь стало ясно, почему они убили Пола Эббота, который не имел к ней почти никакого отношения. Теперь она поняла, что вызывало у них тревогу. Однако чего Сара не собиралась им простить, так это Доусонов и того человека в парке, которых убили только для отвода глаз.

Сколько крови! И как давно она льется! И все — ради сохранения одной-единственной главной тайны, которая заключалась в том, что на протяжении последних 160 лет они исподтишка направляли ход истории.

Впрочем, пока это только ее предположение — насчет управления ходом истории. Но оно было единственным разумным предположением. Как она радовалась бы, если бы оно вообще не пришло ей в голову. Как она хотела забыть о своем открытии и сделать так, чтобы история снова превратилась в перечень событий и дат!

Но теперь это были пустые мечтания. Она не могла ничего поделаться, как муха, бьющаяся о стекло, потому что неведомая горстка людей поставила вокруг каждого человека невидимую преграду. Интересно, стала бы муха счастливее, если бы поняла, что такое стекло?

«Не бойся того, чего не знаешь», — гласит поговорка. Утешительная формула, которая позволяет ни о чем не задумываться.

Но она неверна. Незнание всегда опасно. Оно может погубить. Сара вспомнила, как однажды на ее глазах воробей с лету врезался в стеклянную стену одного из небоскребов в центре города. Он упал мертвым на тротуар прямо перед ней. Ей до сих пор жалко его. Теперь она легко могла представить себя на месте воробья — несущейся сломя голову (как и многие другие — сколько их еще было?) прямо на невидимую преграду.

Даже если б она каким-то чудом забыла все, что узнала, все равно это была бы лишь видимость свободы. И пусть она даже не билась бы крыльями о стены, но они по-прежнему остались бы на месте — еще прочнее, ибо нельзя разрушить стену, о существовании которой даже не подозреваешь.

Но мысль о том, что стены существуют, что кто-то окружил тебя ими, вызывала боль. Боль и гнев. «Всю свою жизнь я боролась, чтобы не стать чьей-то жертвой. А сейчас обнаружила, что все мы — жертвы». Так заключенный, который сумел наконец вырваться из камеры, вдруг убеждается, что смог попасть лишь в другую камеру, побольше.

Х

Ее разбудил звонок в дверь. Трели настойчиво повторялись одна за одной, как будто заело граммофонную пластинку. Сара зажала уши. «Ну, заткнись же!»

Она всегда просыпалась с трудом. Эйб, давний ее сожитель, вечно над этим подшучивал. Сам он был из тех, кто по утрам бегают трусцой и плотно завтракает. Свиная грудинка (поджаренная на рашпере, а не на сковородке) и яйца (вмятку, разумеется). А она в это время едва могла одолеть чашку кофе. С самого начала ясно было, что из их отношений ничего не выйдет.

Всю ночь Сара провела за терминалом, составляя программу и читая файлы Моргана, и только под утро свалилась на диван. Затуманенным взглядом она посмотрела на часы, стоявшие на каминной полке прямо под портретом доктора Кинга. Двенадцать часов. Полдня уже прошло. Доктор Кинг смотрел вдаль и выглядел невероятно благородным. «Наконец свободен...»* «Свободен» — какая злая ирония судьбы! О какой свободе можно говорить, когда...

* «Наконец свободен...» — слова из старого негритянского спиричуэла, написанные на надгробии Мартина Лютера Кинга (1929—1968), лидера движения за гражданские права негров в США.

Снова прозвенел звонок, и она подумала, стоит ли открывать. Вчера она собрала вещи, чтобы скрыться в горах, — когда ей в голову пришла нелепая мысль, что Морган собирается ее убить. Потом, ночью, она наконец нанесла ответный удар. А сегодня утром (нет, днем) собирается по-прежнему удариться в бега?

Ну, это может зависеть от того, кто сейчас звонит ей в дверь.

Мистер Мяу вспрыгнул на спинку дивана и принялся бесшумно ходить по ней взад и вперед. Глядя на Сару, он зевнул: «Я-а-ау».

Сара протянула к нему руки, и он спрыгнул к ней.

— Как поживаешь, Мяу? — спросила она. — Я тебя не видела целую вечность. Ручаюсь, что бегал по кошкам. Где ты шлялся, когда был мне нужен? — Она явственно вспомнила то чувство одиночества, которое пережила... когда это было? Позапрошлой ночью? Все дни у нее перепутались. В субботу. А сегодня понедельник. Ровно две недели назад — почти час в час — она нашла эти бумаги в доме на Эмерсон-стрит.

Мистер Мяу заглянул ей в глаза.

— Мяу.

— Да, ты прав. Не мне тебя укорять. В конце концов, где шлялась я, когда была нужна тебе, верно?

«Подставилась под выстрелы, а потом в беспамятстве отправилась к Моргану». Она почесала kota в его любимом месте — за ухом. Звонок опять зазвонил. Сара вздохнула.

— Ладно, посмотрим, кому это не терпится.

Она сползла с дивана и поднялась на ноги. Памятуя о том, как неосторожно она открыла дверь вчера утром, Сара сначала подошла к камину и захватила кочергу. Потом направилась к двери и посмотрела в глазок.

Там стоял Ред Мелоун, одетый водопроводчиком. Для полноты картины у дома даже стоял фургон водопроводной компании. В руках Ред держал папку, из которой торчали разлохмаченные бумаги официального вида. Некоторое время он нервно переступал с ноги на ногу, потом потянулся к звонку и снова нажал на кнопку.

Сара открыла дверь. Ред еще секунду постоял неподвижно, потом шагнул в дом.

— Давно пора вам открыть эту чертову... — Он нахмурился. — Что тут смешного?

Она молча показала ему кочергу. Он посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Сару и хмыкнул.

— По крайней мере, я наш уговор выполнил. Позвонил в ваш чертов звонок.

Он прошел мимо нее в гостиную и расположился на том же диване, где сидел в прошлый раз. Сара последовала за ним и остановилась под аркой, отделявшей гостиную от прихожей. Она положила кочергу на край стола и скрестила руки на груди. Ред посмотрел на нее и покачал головой.

— Ах, Сара, Сара, что мне с вами делать? Вы здорово меня подвели. Вы это знаете? Я ведь поверил на слово, что вы — не Чужак. Представляете, как глупо я выглядел, когда мне рассказали о вашей программе-«мыши»? Вы, оказывается, не теряли времени даром. — Он говорил без улыбки. Сара вспомнила, как много он улыбался в прошлый раз, и теперь его серьезность показалась ей зловещей.

— Я могу все объяснить.

Ред мрачно кивнул и заложил руки за голову.

— Ну хорошо. Выкладывайте все.

— Пожалуйста, не хамите, мистер корректировщик! Каждое мое слово было правдой!

Ред подался вперед и наставил на нее палец.

— Правильно. Каждое ваше слово было правдой, но вы сказали мне не все слова, правильно? Вы знали намного больше, чем сказали мне. Благодаря этой своей программе. Не пытайтесь играть со мной в такие игры. Тут слишком большая ставка.

— В игры? Боже! Мой близкий друг мертв, другой при смерти, еще несколько незнакомых мне людей убиты...

Морган мертв. Мысль об этом то и дело мелькала у нее в голове и вытесняла все остальные. Он действительно был ее другом, наверное, самым лучшим из всех, кого она знала. Она решительно прогнала это воспоминание. Сейчас оно не должно ей мешать. Позже, быть может, у нее будет время погоревать.

— Люди убиты, — повторила она. — И вы говорите, что я играю в какие-то игры?

Он наклонился вперед, опершись руками на колени.

— Нет, так не пойдет, — упрямо сказал он. — Ваша программа доказывает, что у вас было что-то на уме. Кто вы такая?

— Я Сара Бомонт. Деловая женщина. Бог мой, неужто это может вызвать какие-то подозрения? Конечно, я не сказала вам всего — просто не хотела, чтобы о моих планах узнали конкуренты. Я интересовалась Брейди Куинном, потому что он мог стать неплохой рекламой для моего проекта застройки. Вот и все.

— Нет, не все. Почему вам пришло в голову связать его с Бэббиджем, Эдисоном и всеми остальными?

— Я...

Видя, что она колеблется, Ред повелительно сказал:

— Ну, давайте же. Сейчас не время скромничать. Речь идет не о вашем чертовом проекте, а о вашей жизни. Я-то знаю, что вы не настолько глупы, чтобы воспользоваться для входа в компьютерную сеть своим собственным кодом, но они в панике. — Он поморщился. — Впрочем, я думаю, это вам уже известно.

Она поджала губы и посмотрела ему прямо в глаза. Можно ли доверять Реду Мелоуну? Конечно, он ведет себя так, как будто старается ей помочь, но может ли она на него положиться? Некоторое время она молча смотрела на него. Ред не отводил глаз. Сара глубоко вздохнула и решилась.

Она достала из ящика компьютерного стола две папки и принесла их в гостиную.

— Вот, — сказала она, бросив их на колени Реду. Он поднял глаза на нее, потом взглянул на папки и снова на нее.

— Валяйте, читайте.

Он нахмурился. Потом прочел надписи на папках и побледнел. Быстро листая страницы, он хмыкал про себя. Потом посмотрел на нее.

— Вы знаете, что это такое?

— Думаю, что да.

Плечи Реда поникли, он откинулся на спинку дивана. Сара рассказала ему все, до чего додумалась прошлой ночью — про Куинна, Карсона, Общество Бэббиджа. Она рассказала, что произошло с Деннисом, с Морганом и со сменными мастерами из дома Уайднера, но почему-то — вероятно, недоверие все еще сидело в ней — ничего не сказала о «черве», которого запустила в отместку. Может быть, Ред и не стал бы пытаться его остановить, но если она промолчит, то он уж точно этого не сделает. В данном случае молчание действительно было золотом.

Ред внимательно ее слушал. Когда она закончила, он долго сидел молча, потирая руки. Тишину нарушало только потрескивание сосновых поленьев в камине. Потом Ред покачал головой и невесело рассмеялся.

— Какая ирония судьбы, — произнес он. — Еще ни одну тайну так тщательно не оберегали, а раскрыл ее суший новичок. — Взглянув на нее, он с кислым видом сказал: — Примите мои поздравления. — Он раскрыл одну из папок и перевернул несколько страниц. — Где вы это нашли?

— В одном старом доме около вокзала. Рядом с Пятнадцатой улицей.

Он уставился в пространство.

— Так вот где они прятались, — тихо произнес он и бросил папки на кофейный столик. — Нам было известно, что Карсон имел штаб-квартиру где-то в старом центре города, но мы не знали где. И не думали, что он мог там что-нибудь оставить, когда переехал. Поэтому никто не удосужился вернуться и проверить. — Он примирительно улыбнулся. — Они перебирались наспех, так, по крайней мере, я слышал. Если бы Карсон получше прибрал за собой, вы бы там ничего не нашли. Вам не повезло, что вы наткнулись на эти машины.

— Рано или поздно их все равно кто-нибудь нашел бы.

— Наверняка, и продал бы в металлолом, даже не подозревая, что это такое. Пожалуй, так было бы лучше для всех.

— И что теперь будет?

Не отвечая на ее вопрос, он сложил пальцы кончиками вместе.

— Где тот листок бумаги, который вы там нашли? С клинологическим анализом.

— Насколько мне известно, бумага была либо у Денниса, когда его сбила машина, либо осталась у него дома, в кабинете.

Ред недобрительно хмыкнул.

— Она вообще не должна была оказаться у него. Рабочие документы ни при каких обстоятельствах выносить нельзя. Даже тогда это знали, задолго до того, как все стали заботиться об охране секретов. — Ред поднялся с дивана, прошел мимо нее на кухню и, взяв телефонную трубку, взглянул на Сару. — Не возражаете, если я позвоню?

— А я могу возразить?

— Да, — сказал он серьезно и остановился в ожидании ее ответа.

Сара махнула рукой.

— Звоните.

Он набрал номер, загородив собой аппарат, чтобы она не увидела цифр. Потом прикрыл ладонью трубку и несколько минут что-то говорил. Некоторое время он слушал, кивая.

— Отлично, — сказал он громко. — Так и сделайте. — Потом повесил трубку и повернулся к Саре.

— Мы пошлем нескольких наших людей охранять вашего друга. Чтобы проникнуть к нему, им потребуется некоторое время, но я не думаю, чтобы с ним попытались сделать что-то в больнице. Кто-то присмотрит и за профессором истории,

о которой вы упомянули, но я сомневаюсь, чтобы ей что-то грозило.

— Спасибо.

— Что? А, пожалуйста. Только мы это делаем в первую очередь ради себя, а уж потом ради вашего друга. — Он улыбнулся. — Пытаемся свести к минимуму ущерб. Может быть, нам удастся найти тот листок и уничтожить его.

Он пошел через арку к выходу. Сара поймала его за руку.

— Я рассказала вам все, что знала, — сказала она. — Теперь ваша очередь. Расскажите, что знаете вы. Насколько я оказалась права? Я имею в виду Общество Бэббиджа.

Он освободил руку из ее пальцев.

— Общества Бэббиджа больше нет, — сказал он. — Оно умерло много лет назад. — Он вернулся на диван и взглянул на часы.

— Вы не ответили на вопрос.

— Знаю. И не собираюсь отвечать. — Он уставился на свои руки, поворачивая их так и эдак. — От старых привычек трудно избавиться. Впрочем, кажется, больше нет смысла скрывать от вас правду. Слишком поздно, а кроме того, это уже ничего не изменит. — Он пожал плечами и жестом пригласил ее сесть рядом. — Присаживайтесь. Я собираюсь рассказать вам самую невероятную историю, какую вы когда-либо слышали.

Сестра с ним рядом она не пожелала, что его, похоже, позабавило. Вместо этого она села в то же кресло, что и в прошлый раз. Стиснув руки на подлокотниках и скрестив ноги, она молча ждала.

Ред провел языком по губам и уставился в пространство.

— Начнем с того, с чего начинали Кроуфорд и другие. Их интересовало поведение масс. Сколько акров засевали пшеницей и кукурузой. Сколько миль железнодорожного полотна было построено. Сколько телеграфных станций. И так далее. Тогда, во второй четверти прошлого века, сбор данных был самым модным занятием. Реформаторы вроде Адольфа Кетле*, бельгийского астронома, пытались создать научную основу для прогрессивной социальной политики. Они собирали всевозможные цифры, касающиеся народонаселения, климата, торговли, бедности, образования, преступности — чего угодно.

Затем появилась книга Бэббиджа с зачатками теории систем. Кроуфорд организовал небольшое философское об-

* Кетле, Адольф (1796—1874) — бельгийский астроном, математик и статистик (подробности о нем — далее в тексте).

щество для обсуждения идей Бэббиджа, а кому-то пришла в голову мысль попробовать применить этот подход к социологическим данным, которые они собирали. Открытие, сделанное основателями Общества Бэббиджа, состояло в том, что эти данные соответствуют кривым, поддающимся математическому расчету. — Ред нарисовал в воздухе кривую. — А найдя решение уравнений, описывающих эти кривые, — с помощью тех машин Бэббиджа, которые вы видели, — можно предсказать дальнейший ход кривых в пределах статистической достоверности. — Он нахмурился и немного помолчал. — Они разработали теории, объясняющие то, что они видели. Их прогнозы не всегда оказывались верными. Иногда они делали просто смехотворные ошибки. В конце концов, это было совершенно новое направление, и данные были не всегда надежными, а их знания — слишком поверхностными. Но они работали настойчиво. Каждый раз, когда предсказание не сбывалось, они возвращались назад и заново изучали свои модели, пытаясь понять, что в них было упущено. Спустя несколько десятков лет их результаты стали куда более точными. Но для этого нужно было время. Даже сегодня мы иногда сталкиваемся с сюрпризами, уж очень сложная проблема.

Сара покачала головой.

— Сложная? Дьявольски сложная, по-моему, просто неразрешимая. С таким же успехом можно предсказать, как будет работать механизм, собранный из миллиона случайных деталей.

Ред снова улыбнулся.

— Да, но на большинство их мы можем не обращать внимания. Здесь вступает в действие принцип Парето*. За восемьдесят процентов того, что происходит, ответственны только двадцать процентов переменных. Если не верите, посмотрите сами, на долю скольких ученых приходится большая часть статей в научных журналах. Или сколько футболистов забивают большую часть мячей. Все дело в том, чтобы упростить систему. Зачем нам знать, какая цифра через пятьдесят лет будет стоять на пятом месте после запятой, если мы знаем общую тенденцию? По мере приближения события у нас будет время вычислить все сотые и тысячные.

— Значит, я не ошиблась. Общество Бэббиджа намеревалось управлять ходом истории, правильно?

Ред наклонился вперед, сцепив руки и уставившись в одну точку где-то посредине комнаты. На Сару он не смотрел.

* Парето, Вильфредо (1848—1923) — итальянский социолог и экономист.

— Да, — сказал он. — И в то же время нет. Вы ставите вопрос слишком категорично. Мы не управляем историей. Мы не можем этого делать. И никто не может. Вы представляете себе, насколько сложно решить такую задачу? Какая масса общественной энергии нужна, чтобы изменить траекторию крупного индустриального общества? Проще повернуть вспять прилив. Нет, для этого потребовались бы тонкие, малозаметные воздействия на протяжении многих поколений, а значит — неизменность цели в течение многих человеческих жизней.

Он повернулся и посмотрел ей в глаза.

— Мы давно от этого отказались.

Сара нахмурилась. Что-то необычное было в рассказе Реда. В том, каким тоном он говорил. Она не могла понять, что именно ее настораживало, но у нее появилось ощущение, будто он разговаривает не столько с ней, сколько с самим собой.

— Значит, отказались. Чем же вы тогда занимаетесь? — спросила она.

Он пожал плечами и отвел глаза.

— Чем же еще? Наживаем деньги.

— Наживаете деньги? — растерянно повторила она.

— Именно. И никаких грандиозных планов править миром или направлять историю. Вы разочарованы?

Она не ответила, но, как ни странно, он угадал ее мысли. Тайный заговор с целью захвата власти над миром, при всем своем безумии, был бы все-таки величественным. А тайный заговор с целью наживы выглядит просто убого.

— Мы не пытаемся повернуть вспять волны истории, мы лишь стараемся прокатиться на их гребне. — Он усмехнулся. — Как бы неблагородно это ни звучало. Мы не пытаемся остановить поток, мы плывем по течению. Гораздо проще слегка подправить уже существующую тенденцию, чем остановить ее или вызвать новую. Поэтому мы производим незаметную корректировку там, где надо, и пополняем свои портфели ценных бумаг. Вот и все. Никакого хирургического вмешательства. Просто знание того, что сулит будущее. На рынке это большое подспорье.

— Не сомневаюсь, — криво усмехнувшись, сказала она. — А не кажется ли вам незаконной такая «торговля» для посвященных?

Он рассмеялся.

— Не думаю, что закон распространяется на нашу ситуацию. Нет, я говорю о более крупном масштабе времени. О планах, которые созревают десятилетиями. Подумайте, на-

пример, как важно было знать наперед, за десятки лет, что политика изоляционизма удержит Соединенные Штаты от преждевременного вступления во вторую мировую войну. Что все остальные промышленно развитые страны будут разорены, и у американских компаний не будет серьезных соперников на протяжении двадцати лет. Перед ними открылись огромные возможности для любых капиталовложений.

— Возможности для капиталовложений? — воскликнула она, потрясенная. — А миллионы смертей для вас ничего не значат?

Он покачал головой.

— А как я должен к ним относиться? Не мы начали войну. И не мы придумали изоляционизм. Так или иначе нечто подобное все равно бы случилось! Мы лишь воспользовались тем, что знали об этом заранее. Почему бы нам не извлечь из этого пользу? Причем здесь безнравственность? — Он умоляющим жестом поднял руки.

— Вы могли остановить это!

Он склонил голову набок и улыбнулся.

— Да? А как?

— Вам лучше знать.

Он фыркнул.

— Послушайте, вам еще многое не известно. А потому подождите с моральными оценками, хорошо? Все не так просто.

— Конечно, не просто. Ну и что? Ведь вы уже пытались повернуть ход истории? Пытались изменить историю. Один раз, много лет назад.

Ред сцепил кисти рук и положил на них подбородок. Его взгляд стал отсутствующим, словно у него перед глазами стояли те давние времена.

— И тем не менее это не входило в намерения Основателей. На первых порах. Но по мере накопления данных они обнаружили, что кривые ведут к катастрофе — к всеобщему краху в мировом масштабе в начале 1940-х годов.

Сара резко повернула голову и пристально посмотрела на него.

— Значит, они ошибались.

— Ошибались ли? — задумчиво произнес Ред. — А может, им как раз удалось скорректировать ход истории? Кто может знать? Я, впрочем, знаю. Однако если вы не верите нашим кривым... — Он пожал плечами. — Они заметили, что в определенный момент пересекутся несколько тенденций. Объединение германских государств приведет к росту их научной и промышленной мощи. Из-за давления, которое

оказывает на ресурсы рост населения, после середины прошлого века процесс пойдет вразнос. Но поскольку свободных заморских колоний к тому времени уже не останется, взрыв будет направлен против просвещенных и хорошо вооруженных европейских наций, а не против... э-э... менее культурных соперников. Тем временем мощность взрывчатых веществ начнет возрастать по экспоненте. Сложите все это вместе и... Ну, предположите, что в 1939 году Германия имела бы атомную бомбу.

Она потрясла головой — в это невозможно поверить.

— Но такого не случилось. Наверное, их уравнения были неверными. Вы же сами говорили, что они иногда ошибались.

Но он даже не посмотрел на нее.

— Как бы вы поступили на их месте? Стояли бы в стороне, потому что прогноз может оказаться ошибочным? Либо начали бы действовать, потому что прогноз может оказаться верным? Экспоненциальную тенденцию невозможно остановить в последний момент. И они сделали то, что должны были делать. Посеяли семена. Маленькие семена, которые, как они надеялись, дадут большие всходы спустя поколения. Общество было небольшим и действовало только в США. Слишком малой была социокINETическая энергия их действий... — Он смущенно улыбнулся, как бы прося прощения за специальную терминологию. — Поэтому они стали искать решающие точки — точки опоры, или «рычаги». Этим термином у них назывались математические операторы, описывающие те моменты, в которые можно оказать существенное воздействие на события большого масштаба. Их целью было превратить Соединенные Штаты в технический противовес Германии, чтобы ослабить давление, нараставшее там. Рабство сдерживало развитие нашей техники, поэтому рабство должно было исчезнуть. Юг оставался бедным, феодальным, аграрным захолустьем в богатой индустриальной стране, но по конституции он фактически имел право наложить вето на любое решение Конгресса. «Нет» — внутриполитическим реформам. «Нет» — Тихоокеанской железной дороге. «Нет» — протекционизму в промышленности. Они сделали то, что должны были сделать, — повторил Ред.

Странное чувство охватило Сару. Они покончили с рабством? Но отнюдь не из благородных побуждений! Не ради свободы и человеческого достоинства, а ради экономического и технического прогресса. Она припомнила, что рассказывал ей дед о своем деде. Будь проклята такая экономика!

— Как они это сделали? — спросила она. — Я имею в

виду, покончили с рабством? Общество Бэббиджа устроило гражданскую войну?

Ред поднялся с дивана и сунул руки в карманы.

— Не намеренно. Здесь кроется одна из его ошибок. Понимаете, рабство уже отмирало — по экономическим причинам. В штате Нью-Мексико рабство было разрешено на протяжении нескольких десятков лет, но туда ввезли лишь около двадцати рабов. Сьюард* давал рабству не больше пятидесят лет — потом оно исчезло бы само собой. Нет, Общество лишь попыталось поторопить его на пути к могиле.

— Как?

— Как? Поощряя экономические силы, которые убивали рабство. Общество не поддерживало и не подстрекало аболиционистов. Оно использовало свою силу и возможности, чтобы всячески проталкивать законы о гомстедах и народном суверенитете. Этим они нанесли рабству больший урон, чем «Хижина дяди Тома». Общество мелких фермеров не нуждалось в рабах и огромных плантациях. Кроуфорд и все остальные никогда не планировали войн.

— Но одну-то они получили.

Ред поморщился и отвел глаза.

— Там все уже готово было-полыхнуть, а они играли с огнем. Теперь мы намного умнее.

— Ну, еще бы.

Он взглянул на нее.

— Да, потому что не пытаемся вмешиваться так часто. Ведь это разумнее, верно? Только когда мы очень и очень хорошо знаем, что делаем, и только после того, как изучим последствия с двадцати разных точек зрения. Только тогда мы пробуем провести корректировку.

Сара хмыкнула.

— А вы и есть «корректировщик».

Ред улыбнулся.

— Он самый. — Он сделал жест, будто крутил ручки настройки.

— Но страна — это вам не телевизор, — возразила Сара. — У людей нет рукояток настройки.

— Нет? Даже у вашего коммуниста-бабника, от которого вы без ума?

Она нахмурилась.

— Что? Вы о ком?

* Сьюард, Уильям Генри (1801—1872) — государственный секретарь США в 1861—1869 гг., соратник А. Линкольна.

— Вон о нем, — Ред указал на портрет над камином. — Об этом сукином сыне, который пытался разрушить страну. Сара вскочила.

— Не смейте так говорить о докторе Кинге!

Мелоун ничего не ответил. Он сидел на диване и улыбался ей. Она медленно опустилась на место.

— Вы подонок. Зачем вы это сказали?

— Чтобы доказать вам, что у людей есть ручки настройки. Для вас одна из них — он.

— Значит, вы не верите в то, что сейчас сказали?

— А мне и не надо было верить. Все, что мне надо, я выяснил. Если мне понадобится привести вас в ярость, я могу нажать на эту кнопку. Конечно, когда вы этого не ждете, — добавил Ред. Он вытянул руки ладонями вверх. — Понимаете, идеи — это ключи ко всему. Идеи — мы их называем «мемы» — управляют сознательным поведением людей точно так же, как гены управляют их инстинктами.

«Мемы». Что-то щелкнуло в ее памяти. Она вспомнила названия статей в «Указателе».

— Раньше вы их называли «идеонами», верно?

Он удивленно моргнул и посмотрел на нее с уважением.

— Да. Это элементарные идеи. По аналогии с элементарными частицами. Протоны, электроны... и идеоны. В те годы все аналогии брали из физики. Позднее, когда стали шире известны работы Дарвина и Менделя, более подходящими показались биологические аналогии. В известном смысле идеи — те же вирусы. Люди заражаются ими друг от друга в процессе общения. Весь процесс очень напоминает эпидемию. Я могу написать вам уравнения, если хотите.

Сара встала, подошла к окну и стала смотреть на соседние дома ниже по склону. У нее не укладывалось в голове, что всего в нескольких сотнях метров отсюда люди продолжают жить своей обычной жизнью.

— Управлять поведением, — сказала она, стоя спиной к Реду. — Управлять? В голове не укладывается. Люди идут на то, чтобы ради этого убивать друг друга! Не могу понять, как такое возможно! — Она сжала кулаки. — Как вы можете говорить, что поведением человека управляет набор уравнений, как... как каким-нибудь дурацким маятником? — Она повернулась и с вызовом посмотрела на него.

Он покачал головой.

— Опять вы поняли все наоборот. Не уравнения управляют поведением. Само поведение рождает эти уравнения. Улавливаете разницу? Нет никакого принуждения. Процесс

не детерминированный, а вероятностный. Как предсказание погоды.

— Вероятность переворотов на территории Южной Америки составляет сегодня восемьдесят процентов. — Жестом телевизионного диктора она обвела рукой воображаемую карту погоды.

Ред усмехнулся.

— Что-то в этом роде.

— Но вы же не можете отчеканить новую идею и вложить ее в головы людям!

— Да неужели? — улыбнулся Ред.

— Люди не роботы, черт возьми. Их нельзя запрограммировать!

— О господи, Сара! Я знал людей, которые были вдвое податливее роботов, и вы таких знаете. В Лас-Вегасе была одна девушка, которая... Впрочем, это неважно. Во всяком случае, клиология возможна только потому, что существует свобода воли.

Она удивленно уставилась на него.

— Что?

— Конечно. Только свободный выбор предсказуем.

— Вы смеетесь надо мной?

— А непредсказуем как раз иррациональный выбор. Вот почему сумасшедшие так опасны. Свободный выбор гораздо чаще подчиняется логике, чем ей противоречит.

— Но откуда вы можете узнать, что кто-то не поступит вопреки логике?

— Да ниоткуда, — с довольным видом ответил он. — Но нам это и не нужно. Потому что все усредняется. Поведение есть действие, а действие вызывает противодействие — других людей и окружающей среды. Здесь играют роль признание, деньги, чувство безопасности, собственного достоинства — все, что есть в иерархии ценностей Маслоу*. Мы называем это «биопсихологическими преимуществами». Такая обратная связь влияет на поведение — либо в положительную, либо в отрицательную сторону. Человек, естественно, стремится повторить те поведенческие акты, которые принесли ему выгоду, либо копировать поведение окружающих, если думает, что оно принесет пользу ему. Таким образом, изучив, как влияет на поведение обратная связь, мы можем предсказать частотное распределение людей, которые поведут себя так, а не иначе.

Сара покачала головой.

* Маслоу, Эйбрахам Х. — американский психолог.

— Вы чересчур упрощаете. Такие сложные проблемы не могут иметь простых решений!

— Да ну? — Он покровительственно улыбнулся. — Кто вам сказал? Между прочим, вот типичный пример мема, процветающего в нашем обществе. Люди передают его друг другу, как грипп. Но вы никогда не задумывались, кто внедрил его и зачем? Не лучший ли это способ помешать людям даже пытаться открыть так называемые исторические законы?

Он самодовольно ухмыльнулся.

Сара нахмурилась и, поджав губы, снова отвернулась. Она видела, куда он клонит. И уже поняла, как они могли направлять общество по любому выгодному для них пути.

— Значит, вы выясняете, какие поступки людей дадут нужные вам результаты, а потом с помощью положительной обратной связи заставляете людей их совершить?

«Запишитесь на курсы основ психологии — и вы сможете править миром».

— Все правильно. Мы вознаграждаем людей, которые ведут себя, как нам надо. Теперь у нас достаточно денег и влияния. И рычагов в сфере массовой информации, чтобы...

Гнев захлестнул Сару. Она повернулась и, тыча в него пальцем, выкрикнула:

— Будьте вы прокляты! Люди не марионетки!

— Разве я это говорю? Вы меня не слушаете. Я только сказал, что мы пропагандируем и вознаграждаем нужное нам поведение. Мы никого не принуждаем. Но люди не дураки. Если они думают, что то или иное поведение принесет им выгоду, то можно предсказать, какой процент из них добровольно поведет себя именно так. Вот почему мы держим столько своих людей в средствах массовой информации — редакторов, спичрайтеров, режиссеров телепрограмм — словом, тех, кто остается за кадром. Чтобы быть уверенными, что будут пропагандироваться нужные мемы. А все остальное — дело свободного выбора. — Он широко улыбнулся. — Статистика работает только тогда, когда люди могут свободно выбирать. А кроме того, — добавил он тоном обвинителя, — разве не для того же самого служит коммерческая реклама? Или проповеди? Разве не тем же занимается любой начальник? Не стараются ли все они поощрить определенную манеру поведения, обещая награду?

Сара прикусила язык. Все верно. Только в какой момент право поощрять превращается в право принуждать? Конечно, такой способ манипулирования людьми помягче, чем голая сила, но результат во многом тот же. А сила имеет

хотя бы то преимущество, что ею пользуются по-честному, в открытую.

Ред немного помолчал, потом бросил быстрый взгляд на часы и вздохнул.

— Нечего ответить, верно? Потому что на Мэдисон-авеню* делают то же самое. Только у нас получается лучше: мы знаем, какое именно поведение нужно поощрять. Понимаете, это далеко не всегда очевидно. И вот здесь на первый план выходит теория Бэббиджа. Она помогает нам определить, на какие кнопки нажимать. Видите ли, каждое действие вызывает непредвиденные побочные последствия. Например, эмансипация образованных белых женщин привела к безработице среди необразованных чернокожих мужчин. И неважно, что этого никто не хотел! — быстро сказал он, видя, что она собирается возразить. — В конце концов, защитники оборонного бюджета совсем не имели в виду отдать весь внутренний рынок бытовой электроники на откуп японцам. Но так случилось, когда сливки наших инженерных талантов перешли в оборонную и космическую промышленность. Одним инженером больше работает над бомбой — значит, одним меньше занимается телевизорами и стереомагнитофонами.

— Ну и каков же вывод? — холодно возразила она. — Значит, зря женщинам дали права? Значит, надо было урезать расходы на оборону?

Ред махнул рукой и презрительно хмыкнул.

— Не городите чушь. Просто, предпринимая желательное вам действие, вы не думаете, что оно может иметь и нежелательные последствия. А если на то пошло, то и плохие поступки могут иметь положительные результаты, которые сказываются со временем. Скажите-ка мне, кто оказался сейчас в лучшем положении — потомки тех негров, которых самым жестоким образом похитили и продали в рабство, или потомки тех, кто остался на родине?

— Работоторговля аморальна! — воскликнула она.

— Разве я об этом говорил? Мораль здесь вообще ни при чем. Смотрите, я родился американцем, и я благодарен судьбе, но я не могу ее благодарить за то, что миллионы людей умерли от голода в Ирландии или в трюмах плавучих гробов, пытаясь добраться сюда. Дело не в том, что хорошо, а что плохо, что справедливо, а что нет. Систему это не интересует. Измените один из ее компонентов, и она непременно прореагирует — возможно, спустя много лет, и так, как вы совсем

* Улица в Нью-Йорке, где сосредоточены крупнейшие рекламные агентства.

не ожидали. И как вам вовсе не понравится. Вот это и есть наша работа. Обычно мы добиваемся именно таких побочных, скрытых последствий, которые на первый взгляд отнюдь не являются целью воздействия. К тому же я говорил, что теперь мы занимаемся только тонкой корректировкой.

— Великолепно. Просто грандиозно. Вы с вашими приятелями изменяете человеческие судьбы, но никто не должен волноваться, потому что вы изменяете их только чуть-чуть!

— Без регулировки даже приборы не работают.

— Нет. Не лезьте в чужие судьбы.

— Ах, laissez faire? Вы мне напоминаете теоретиков бизнеса или «зеленых». У вас тоже укоренился этот мем — «Не нужно вмешиваться».

Саре не понравилось, как он это сказал. Его слова прозвучали так, будто все свои убеждения она подцепила от других, словно заразную болезнь.

— Преднамеренное вмешательство человека делает события противоестественными, — сказала она. — Оно разрушает экономику и экологическое равновесие. Исторический процесс должен течь свободно. Как река. — Она взмахнула рукой.

Ред рассмеялся. Он хохотал, закинув голову и шлепая себя по коленям.

— Что здесь смешного? — спросила она с подозрением.

— То, что люди вроде вас считают поведение человека противоестественным. А что же такое, по-вашему, история, мисс Бомонт? Не что иное, как постоянное вмешательство человека! Люди вечно пытаются либо изменить ход истории, либо воспрепятствовать его изменениям. Наполеон, Иисус Христос, доктор Кинг — все они имели собственное видение будущего и пытались сделать так, чтобы оно наступило. Да вы и сами делаете то, в чем обвиняете нас.

Она почувствовала, как у нее загорелись щеки.

— Не поняла вашей шутки.

Он поманил ее пальцем.

— Ну-ка, расскажите еще раз, что вы там задумали сделать с Эмерсон-стрит? Вы же пытаетесь изменить историю Капитолийского холма, разве нет? Вы покупаете и продаете дома, чтобы изменить характер его заселения. Вы вмешиваетесь в жизнь людей, не спросив их и даже не поставив в известность. А захотят ли местные жители иметь соседями ваших новых господ? Может, им нравится, как они живут сейчас.

— Минуту...

Но он не дал ей выговорить ни слова:

— И вы делаете это втихомолку ради собственной выгоды — в точности как мы, — потому что, узнай кто-то о ваших планах, они не состоятся, и вы не заработаете кучу денег. Единственная разница между тем, что делаете вы и что делаем мы, — в том, что мы работаем лучше! Мы пользуемся статистикой и научными методами. Но подправить историю пытается каждый человек, причем ежедневно. Так что не надо при мне залезать на пьедестал высокой морали. Подумайте, морально ли вмешиваться в историю невежественно и наугад? Лучше ли действовать вслепую?

— Я имела в виду совсем другое, — с трудом выговорила она.

Он скрестил руки на груди.

— В самом деле? Интересно узнать.

— Мы, все остальные, не убиваем людей!

Он застыл неподвижно, потом кивнул.

— Здесь вы правы, — признался он. — Хотя я мог бы возразить, что попытки играть с историей вслепую угробили столько людей, сколько «им» и не снилось. Уже давно дела Общества обстоят неладно, очень неладно. — Он потер руки. — Послушайте, когда Кроуфорд и все остальные основывали Общество Бэббиджа, они вовсе не имели в виду того, что происходит сейчас. Вспомните, ведь они пытались спасти мир.

— Очень мило с их стороны, — едко заметила Сара.

Мелоун был явно задет.

— Да, пытались, — настойчиво повторил он. — Нет, я не говорю, что никто при этом не пострадал. Люди из-за них гибли. Взять хотя бы войну между штатами... Мы до сих пор не разобрались, почему она случилась. Что-то было упущено в уравнениях. Но люди так или иначе умирают. Только в редких случаях Основатели считали нужным устранять отдельных лиц.

— Обратитесь в Ватикан. Может быть, их канонизируют.

Он поджал губы.

— Я их не оправдываю. В любом случае они не были святыми. Они делали то, что считали необходимым, и это нередко причиняло им страдания. Они никогда не санкционировали устранение кого-нибудь просто так или ради самосохранения. Все делалось во имя лучшего будущего. Чтобы предотвратить то, что они предвидели. А Женевьева... она совсем другая.

— Женевьева? Женевьева Вейл?

Он бросил на нее пронзительный взгляд.

— Да. Вижу, вы и о ней слышали. Она — «их» председа-

тель. Честно говоря, мне кажется, она не совсем нормальна. По-моему, угроза разоблачения довела ее до сумасшествия. И виновата ее мать. Эта старая сука никогда ничего не скрывала от дочки, даже когда та была еще ребенком. Женисьевы стали везде чудиться озверелые толпы, которые врываются к ним в дом, чтобы разорвать их на куски, потому что узнали мамочкин секрет. Ее мать была слишком ленива, чтобы пользоваться другими методами воспитания, кроме страха. «Делай так, как я сказала, иначе все расскажу газетчикам, и нас убьют». Представляете себе, каково это слушать шестилетнему ребенку?

— По-вашему, я должна ей сочувствовать из-за ее трудного детства? Простите, не хочу. — Но Сара не могла не представить себе крошечную девочку, которая боится иметь друзей, боится сказать лишнее, которая живет в постоянном страхе разоблачения чего-то такого, чего она не понимает и к чему не имеет отношения. — Ее мать была злая и глупая женщина. Лучше бы она была дочку.

— Сочувствовать? — встрепенулся Ред. — Нет. Понять — может быть, чтобы, если когда-нибудь вам представится случай ее убить, вы бы это сделали без злобы и ненависти. Кеннисон и другие сами ее побаиваются. Но ее семейство так долго занималось вербовкой новых сотрудников, что теперь все они ее послушные слуги. Думаю, что Вейлы сознательно вели искусственный отбор. Еще ее прадед понял, что, владея методами Общества, можно манипулировать самим Обществом. Безжалостный мерзавец. Ума не приложу, как он сам попал в Общество. И все бы сошло ему с рук, если бы не Куинн. Куинн и Карсон предвидели заговор внутри Общества. Конечно, они не могли знать, что его возглавит именно Вейл. Это было на много лет раньше. Гровнор Вейл тогда еще даже не вступил в Общество. Но неизбежность заговора следовала из их расчетов. И они приняли меры, чтобы как-то сохранить остатки Общества. Когда старый Айзек Шелтон узнал об этом от Куинна, у него просто разбилось сердце.

Зазвонил телефон, и оба вздрогнули. Сара перевела взгляд с аппарата на Мслоуна.

— Возьмите трубку, — проговорила она. — Вы же ждали звонка.

Он вопросительно поднял бровь. Она показала на его наручные часы.

— Вы каждую минуту смотрели на часы. Идите от-
ветьте.

Ред прошел на кухню и снял трубку настенного телефона.

Некоторое время он слушал молча. Потом улыбнулся и отвесил ей поклон. Но не успел он выпрямиться, как улыбка на его лице застыла и сменилась удивлением. Он повернулся к ней спиной, и она услышала, как он шепотом сказал:

— Повторите.

Сара не знала, что услышал Ред, но это явно было что-то явно неожиданное для него. Сейчас он на ходу меняет свои планы. Планы, которые касаются ее. Что теперь ей делать? Ред ей симпатичен, и слова его звучали резонно, но поддаваться она не собиралась. Или все-таки позволить ему решать за нее? Она вспомнила, что в гараже ее ждет машина, загруженная всем необходимым и готовая к отъезду.

Ред повесил трубку и с мрачным видом повернулся к ней.

— Ваш друг исчез. В больнице его нет, и в больничном компьютере он не числится. Если верить их записям, он вообще не поступал в приемный покой.

Ес словно обдало холодным душем. Разговор с Редом и злость, которую он у нее вызвал, лишь приглушили боль, как новокаиновая блокада. А теперь она вернулась к реальности, и у нее перехватило дыхание.

— Деннис? Но его же привезли туда! Джерри звонил в больницу! Он лежал в реанимации! — Ей почему-то казалось, что, пока Деннис в больнице, ему ничего не грозит. Во рту у нее появился горький привкус. Несмотря на все заверения Реда, они все-таки добрались до Денниса. Ред бормотал какие-то извинения, но она его не слушала. Слишком много потрясений пришлось на ее долю. Слишком много.

Чья-то рука потрясла ее за плечо, и она подняла голову. Ред стоял перед ней.

— Вставайте, — услышала она его голос. — Планы изменились. Надо уходить.

Внезапно в ней проснулась подозрительность. Мистер Мяу потерял об ее ногу, и она, нагнувшись, взяла его на руки. Кот устроился у нее на согнутой руке, и она машинально погладила его — наверное, слишком сильно, потому что он вывернулся.

— Что вы имеете в виду? Куда "ходить?"

— Куда же еще, разумеется, к нам. Мы встречаемся с Джейни у замка на горе Фалкон. Оттуда она вас проводит.

Куда он ее тащит? Не слишком ли это отдает мелодрамой?

Он поднял руки в примирительном жесте.

— Джейни сама выбрала место. Это недалеко отсюда, и о нем мало кто знает.

— А если я с вами не пойду?

— Как хотите. Мы никогда не препятствуем свободному

выбору. Вы можете пойти с нами, а можете оставаться здесь, пока вас не убьют.

— Что и говорить, свободный выбор, — пробормотала она про себя.

XI

При виде ее хорошо снаряженного «блейзера» Ред рас- смеялся.

— Там, куда мы направляемся, все это барахло вам не понадобится.

— Я еще не решила, поеду ли с вами, — ответила Сара. — Это не единственное место, куда я могу уехать.

Он, насупившись, кивнул.

— Может быть, но я предлагаю самый разумный выход.

— Это вы так говорите.

— Мой фургон водопроводчика вызовет меньше подозрений.

— А мой джип в Колорадо вообще не вызовет подозрений.

— Я не о том. Они наверняка уже знают все ваши машины.

Еще немного, и ее терпение лопнет. Этот Ред ведет себя так, будто все случившееся — какая-то игра.

— Хватит нести этот вздор про вас и про них! — выпалила она. — «Они» — это Общество Бэббиджа, а «вы»... Кто такие «вы»? Ассоциация утопических изысканий?

— Да, — кивнул он. — Но мы никогда не называем их Обществом Бэббиджа. Люди наподобие Кроуфорда, Шелтона и Хэммондтона исповедовали самые высокие идеалы. Гров- нор Вейл испоганил эти идеалы. Сегодня от первоначальных мемов Общества практически ничего не осталось.

«Исповедовали самые высокие идеалы», — повторила про себя Сара. Пытались спасти мир и между делом развязали гражданскую войну. Наверное, этим и плохи самые высокие идеалы. С таких высот судьбы обычных людей кажутся мелкими и незначительными.

— Пусть будет по-вашему, — сказала она. — Но я оставляю за собой право решать самой. — Она села в кабину «блейзера» и захлопнула дверцу. Мистер Мяу вспрыгнул на свое обычное место под лобовым стеклом. Купив машину, Сара сняла верхнюю панель над приборным щитком и устроила там нечто вроде гнезда для кота.

— Может, еще увидимся, — бросила она Реду и нажала на кнопку, открывавшую ворота, потом завела мотор и вклю-

чила заднюю передачу. Но не успела она выехать, как Ред распахнул правую дверцу и на ходу плюхнулся на сиденье рядом с Сарой.

Она резко затормозила и повернулась к нему. Он застегивал привязной ремень.

— Что вы делаете?

— Ну, если вы не желаете ехать со мной, — рассудительно заметил он, — то мне остается ехать с вами. Может быть, мне удастся ответить еще на кое-какие ваши вопросы. А может быть, я все-таки смогу убедить вас отправиться в замок Фалкон. Джейни чертовски обозлится, если мы там не покажемся.

— Как бы мне не умереть от жалости. Кстати, кто такая вообще эта Джейни? Ваша жена?

Ред ошеломленно взглянул на Сару.

— Жена? Моя? Вы шутите? Я предпочитаю свободу и независимость. Нет, Джейн Адамс Хэч — управляющая нашим секретным убежищем в здешних краях. Она убеждена, что вы захотите присоединиться к нашим.

Повернувшись на сиденье и глядя назад, Сара осторожно выезжала задним ходом на Футхилл-роуд по крутому немощеному спуску.

— То, что «они» — не наши, я уже знаю, — сказала она ему через плечо. — Но не уверена, что вы — наши.

— Мы — враги ваших врагов, — ответил Ред.

— Это еще не значит, что вы мои друзья. Вы ведь занимаетесь тем же самым, что и Общество Бэббиджа? Просто вы действуете не так беспощадно.

Выехав на Футхилл-роуд, Сара посмотрела в обе стороны. На всей улице было видно лишь несколько автомобилей, стоявших на обочине возле домов. Она перключила передачу и повернула в сторону Элдридж-стрит.

— Знаете, — сказал Ред после недолгого молчания, — бурные реки кажутся безобидными, только если вы живете не в низовьях.

В первое мгновение она не могла понять, о чем он, но потом вспомнила, как сама сравнила историю с бурной рекой.

— Но если вы перегородите реку плотиной, чтобы уберечь тех, кто живет в низовьях, — возразила она, — вы затопите тех, кто живет выше по течению.

— Когда речь идет о реке истории, выбирать не приходится. Нравится вам это или нет, но все мы вынуждены жить в низовье.

— Не играйте словами. Вы понимаете, о чем я говорю.

Он пожал плечами.

— Конечно понимаю. Но в этом все дело. Если вы перегородите реку, то затопите тех, кто живет в верховье. Если вы ее не перегородите, то утонут живущие в низовье. Что бы вы ни выбрали, все равно кто-то пострадает. Нельзя сделать яичницу, не разбив яиц.

— Вы рассуждаете, как повар. А что, если вы сами окажетесь на месте одного из яиц? Все эти разговоры об интересах общества — а как насчет прав личности? Разве общество имеет право попира́ть их?

Он посмотрел на нее.

— А вы хотели бы пожертвовать безопасностью общества ради прихотей одного человека?

— Это нечестный вопрос!

— Только от таких вопросов и есть толк, — огрызнулся Ред. Закусив губу, он перевел взгляд на пробегающие мимо дома. — Может быть, они заставят вас задуматься.

— Может быть. А вас они не заставляют задуматься?

Он вздохнул.

— Давайте не будем ссориться. У нас с вами общие враги, только мы смотрим на них по-разному. Для вас действия Общества Бэббиджа нарушают права личности, поэтому вы не видите большой разницы между «ними» и «нами». А я вижу множество различий. Они как раз те самые личности, которые разрушают общество ради своих корыстных целей.

От того, как он это сказал, у Сары по спине пробежали мурашки. Она затормозила перед светофором и, повернувшись к нему, спросила:

— Что они задумали?

Он смотрел прямо перед собой сквозь переднее стекло.

— Они выращивают нацию рабов, — произнес он тихим напряженным голосом. — Технорабов. Они поддерживают каждый мем, который лишает человека способности к самостоятельному анализу или, наоборот, поощряет послушание, безволие, единообразие мыслей.

Сара снова посмотрела на него, переключила передачу и проехала перекресток. Ей вспомнилось, как они с Деннисом обсуждали ту же тему. Но сейчас она не хотела думать о Деннисе.

— Черт возьми... Вы, похоже, со мной шутить не собираетесь. Именно против этого я возражала и боролась много лет. Я даже выставляла свою кандидатуру в окружной школьный совет.

— Чтобы заняться там мелкой клиологической коррективкой?

Она поджала губы.

— Чтобы проводить открытую и честную политику.

— Вас избрали?

Она фыркнула.

— А как вы думаете? Мой соперник сыграл на том, что у меня нет своих детей-школьников. Как будто родить ребенка — значит стать хорошим администратором.

— Может быть, так оно и есть. Управиться с домом, полным сорванцов, не легче, чем заправлять в школьном совете. — Он усмехнулся. — Скажите мне, хотите вы помочь нам с этим бороться? Я имею в виду — действительно бороться. Всякие публичные слушания, дебаты и «круглые столы» никогда ни к чему не приведут.

— Что? Вы предлагаете мне работу? — Из всего, что наговорил ей Ред сегодня, это было самым поразительным. И самым пугающим. Ей предлагали возможность бороться с тем, что она всегда ненавидела. Но бороться такими методами, какие она презирала.

— Да. Помогите мне избавить Ассоциацию от ее привычки к невмешательству. Мы обязаны что-то сделать, чтобы разрушить планы наших противников. Единообразное, послушное общество более предсказуемо, прогнозировать его станет проще, и прогнозы будут точнее. Но проживет оно не дольше, чем домашняя овца в глухом лесу. В перспективе это — гарантированное самоубийство. Но сейчас, — продолжал он, — Обществом Бэббиджа впервые в истории руководят люди, которым наплевать на то, что случится после них. Даже Гровнор Вейл — надо отдать должное старому дьяволу — планировал на перспективу. Он хотел, чтобы его дети и внуки тоже жили хорошо. А у Женевьевы нет детей.

Движение по Тридцать Второй улице в восточном направлении было напряженным: только что кончилась дневная смена на заводах. Сара остановилась на перекрестке, поджидая разрыва в потоке машин.

— Вы хотите сказать, что, превращая всех нас в домашних животных, Общество Бэббиджа стремится лишь облегчить себе математические расчеты? Какое свинство.

Все, что творилось вокруг, и без того выглядело достаточно мерзко. В каком еще обществе слова «больно умный» или «ну и мудрец» звучат как оскорбления? Где еще людей призывают «не умничать», а если они не слушаются, обзывают их «умниками»?

Все это достаточно отвратительно. Но знать, что это шокирует и вдохновляет тайная элита, было еще омерзительней. И притом творится такое исключительно ради того,

чтобы упростить их проклятую арифметику! Это уж совсем возмутительно.

Заметив просвет между автомобилями, Сара тронулась и резко свернула направо. Машина, перед носом у которой она проскочила, затормозила и сердито загудела. В зеркале заднего вида она увидела, как водитель грозит ей кулаком.

— Так вы согласны на эту работу?

— Все шутите? Мне противно все, чем вы занимаетесь. Я презираю ваши методы. А все ваши идеи — просто гадость.

Ред расплылся в улыбке.

— А вам не кажется, что вы как раз и есть идеальный новобранец для нашей организации? Меньше всего я хотел бы видеть в Ассоциации людей, которые упиваются властью.

Сара открыла было рот, чтобы возразить, но передумала.

— Я не понимаю вас, Ред. То вы говорите так, словно хотите дать марионеткам свободу, а минуту спустя — так, будто вы и есть кукловод.

— Все мы кукловоды, нравится нам это или нет. Все дело в том, чтобы знать, за какие ниточки тянуть.

— Нет!

— Когда дело касается общества, то можно еще поспорить о том, что в нем естественно, а что происходит в результате вмешательства человека. Девяносто девять процентов из нас постоянно вносят какие-то изменения. Дергают за ниточки. Что пытался сделать Томас Джефферсон? Или Рональд Рейган? Или Национальная ассоциация за просвещение цветных меньшинств? Или Ку-Клукс-Клан, если уж на то пошло? Все они пытались перекроить будущее, чтобы оно немного больше отвечало их сокровенным желаниям. Всякий человек каждый день изменяет будущее. Случайно. Вслепую. Видя перед собой только свою собственную вожаемую цель и не имея ни малейшего представления о взаимном влиянии событий, о побочных эффектах, об отдаленных последствиях. Может быть, кое-кто из рекламных агентов, проповедников и им подобных еще имеют смутное представление о неких принципах, но дальше этого дело не идет. Может, и мы иногда видим вещи недостаточно отчетливо. Но, — он улыбнулся Саре, — в стране слепых и одноглазый — король.

— Да? Ну хорошо, сколько времени вы занимаетесь коррективкой истории? Почти полтора века? Знаете, что меня тревожит больше всего? — Она снова резко свернула направо около церкви и по эстакаде выехала на шоссе I-70 — на ту его полосу, что вела к западу.

— Нет, не знаю. Что?

— Скверное качество вашей работы.

Он обернулся к ней, окинул ее удивленным взглядом, а потом расхохотался.

— Да, наверное, так вам и должно казаться. Но какую новую технологию удавалось внедрить в практику без единой ошибки? Черт возьми, хоть что-то мы, должно быть, делаем правильно — все-таки мы, в конце-концов, зарабатываем на этом деньги.

— Да? Тем лучше для вас, — холодно заметила она.

Он не ответил. Сара искоса взглянула на него. Положив локоть на окно и подперев голову кулаком, Ред смотрел на пронесившиеся мимо дома.

— Вот вам задачка, — неожиданно заявил он. — Допустим, вы видите маленького мальчика, который вот-вот упадет под автобус. Вы попытаетесь спасти его?

Она быстро посмотрела на него, потом на дорогу впереди.

— Что за вопрос? Конечно, если смогу.

— Хорошо. А теперь представьте, что вам при этом известно: если мальчик останется в живых, то из него вырастет новый Гитлер и по его вине погибнут миллионы. Вы по-прежнему попытаетесь спасти его?

Она нахмурилась, стараясь не смотреть на Реда.

— Откуда мне это знать?

— Допустим, знаете. Допустим, вы обладаете даром провидения или чем-нибудь подобным. Как вы поступите?

— Это не выбор, а принуждение.

— Нет, выбор. Никто никогда не обещал вам, что выбор обязательно будет легким или приятным.

Сара стиснула челюсти, не желая отвечать. Она видела, куда он клонит.

— Разумеется, не принимать никакого решения — это тоже решение, — сказал он. — Но вы должны выбрать: либо — либо. Либо спасти его, либо нет. — Ред немного выждал, не отрывая от нее взгляда. — А особенно мучительно, — добавил он, — то, что вы знакомы с мальчиком. Он приносит вам утренние газеты.

Сара напряглась еще больше и не сводила глаз с дороги впереди.

— А теперь сделаем еще один шаг в нашем предположении. Перед вами ребенок, который, вне всякого сомнения, убьет миллионы невинных людей... Что, если он стоит не на пути автобуса? Вы подтолкнете мальчика?

— Боже мой! — хрипло прошептала она. Слова вырвались у нее невольно. Она взглянула на Реда, но на его лице не было даже следа улыбки.

— Не знаю, может ли даже Бог помочь вам. Знание

будущего — сомнительное благо. Например, мы видим, что приближается несчастье. Чтобы избежать его, требуются страшные меры. Пострадают люди, некоторые погибнут. Но если мы ничего не предпримем, то дадим несчастью совершиться. В любом случае мы несем ответственность. Клиология создает для любого, кто принимает решение, новые проблемы.

Она хмыкнула.

— По-моему, это старая проблема. Оправдывает ли цель средства?

Он покачал головой.

— Все не так просто. — Он отвернулся к окну. — Здесь философская ловушка, — сказал он. — Где кончается ответственность? Не важно, действуем мы или нет, страданий не избежать. Просто будут страдать или умрут другие люди, вот и все. В том-то и дело, что мы многое знаем наперед. И нам остается одно — попытаться сделать все, что можно, зная, что и это не самое лучшее.

Они долго ехали молча, слышно было только шуршание шин. Сара выдерживала разрешенную скорость, их то и дело обгоняли, и водители сердито оглядывались. «Идиотская ситуация», — думала Сара. Прятаться в горах вместе с увязавшимся за ней Редом нельзя, держать его в качестве пленника вряд ли удастся. Надо будет поскорее его где-нибудь посадить.

— Вы знаете дорогу к замку Фалкон? — спросил Ред.

— Конечно. От каньона Торки-Крик надо свернуть на дорогу через ущелье Пармали. Я облазила почти все здешние места. Но я туда не поеду.

— Нет, поедете.

Она повернулась к нему и увидела, что на нее направлено дуло револьвера. Она на мгновение встретилась с ним взглядом, затем снова сосредоточила все свое внимание на дороге, как будто его вовсе не существует. Она изо всех сил заставляла себя думать только об управлении машиной. Правильно ли она оценила Реда? Сара чувствовала, как под мышками у нее текут струйки пота.

Потом она услышал, как Ред вздохнул и спрятал пистолет обратно в кобуру.

— Вы видели, что курок не взведен, да?

Конечно не видела. Да и что она понимает в револьверах? Сара улыбнулась про себя. Она знала, что Ред не застрелит ее. По крайней мере, так хладнокровно. Не тот человек.

Краем глаза она видела, что он смотрит в окно автомо-

бия. Вокруг расстилась бесплодная местность, бурая и лишенная зелени. Чахлый кустарник да бизонова трава, и лишь одиночные хвойные деревья выделялись пятнами то тут, то там. Кое-где виднелись редкие домики, далеко справа — стоянка жилых автоприцепов. А слева возвышалась громада Зеленых гор.

— Где вы собираетесь меня посадить? — отрывисто спросил Ред.

Сара взглянула в зеркало и перестроилась в правый ряд.

— От Моррисона навверх идет пешеходная тропа до самого Замка, — сказала она. — Там я вас и высажу. Придется пройти пять километров и подняться на высоту шестьсот метров. Сумеете?

Он пожал плечами.

— Конечно.

Они ехали по искусственной выемке в горе Хогбек, мимо загадочной надписи «Геологический памятник». Когда прокладывали эту автостраду через узкий высокий хребет, идущий параллельно Передовому хребту, здесь обнажились живописные складки доисторического морского дна — диагональные полосы на скалах по обе стороны дороги. В этом месте устроили автостоянку и пешеходную тропу, чтобы, как гласила надпись, «вы могли совершить прогулку в глубь миллионолетья». Ред с любопытством поглядывал на туристов.

— Когда-нибудь бывали здесь? — спросила его Сара.

— Что? Да, пару раз был. Ходил в походы. У Ассоциации есть ранчо к юго-западу отсюда.

Они выехали из недр горы, и Сара свернула влево, на шоссе, ведущее к Моррисону. Автострада шла по насыпи над ними, сворачивая через каньон Маунт-Вернон к Джорджтауну и Силвер-Плюм. Высокогорье. Как бы Сара хотела оказаться сейчас там, на девственной и прекрасной земле, протянувшейся вдоль верхней границы лесов, среди карликовых деревьев и альпийских цветов. В одиночестве, на свободе. Но чтобы оказаться в одиночестве, ей надо было избавиться от Реда. А чтобы оказаться на свободе... Ну, это совсем другое дело. Чтобы стать свободной, надо сокрушить стены, которые возвели Общество Бэббиджа и Ассоциация. А может быть, и те, что построила вокруг себя она сама.

Дорога убегала на юг между хребтом Хогбек и горой Моррисон. Впереди справа виднелся заповедник Долина Красных Скал с его причудливыми фигурами из песчаника, образовавшимися в результате выветривания в течение многих тысяч лет. Снова взглянув в зеркало, Сара решительно свернула туда.

Ред посмотрел на нее.

— Кто-то преследует нас? Вы постоянно смотрите в зеркало.

— Синий седан, — сказала она. — Он выехал на автостраду сразу за нами и все время держался позади, хотя я нарочно ехала медленно. И сейчас свернул за нами, а теперь... — Она еще раз взглянула в зеркало. — А теперь тоже решил посетить Красные Скалы. Если у вас есть другое объяснение, я с удовольствием его выслушаю.

Синий автомобиль немного отстал. «Чтобы вызывать меньше подозрений», — решила Сара. Она поняла, как надо поступить. Она поехала по верхней дороге через заповедник. На нижней дороге она видна как на ладони, а верхняя все время петляет между скалами. Может быть, там удастся оторваться.

В заповеднике было обычное для будней количество отдыхающих. Вдоль обочины стояли машины, а люди гуляли или лазили по скалам. Какой-то бородач брэнчал на гитаре, окруженный группой восторженных слушателей. «Слишком много свидетелей», — подумала она. Кто бы ни преследовал их, здесь он не осмелится ничего сделать. Но она тут же вспомнила о выстрелах в городском парке и испугалась. Кто знает, на что они могут пойти? Она сделала глупость, что поехала через Долину Красных Скал.

Теперь поздно жалеть. Мимо Скалы-Корабля и Амфитеатра она выехала на развилку и посмотрела в зеркало. Синей машины не было видно за скалами. Сара резко повернула направо и вдавила до пола педаль газа. «Блейзер» выбросил из-под колес фонтан гравия, потом его шины нашли опору, и машина пулей понеслась по узкой дороге мимо Скалы Творения. Если им удастся скрыться из поля зрения преследователя, прежде чем тот доедет до развилки, он, может быть, решит, что они поехали прямо. На дороге, которую выбрала Сара, было меньше поворотов. Может, ей удастся выиграть у него некоторое расстояние, а то и оторваться совсем.

Через несколько минут они спустились из Долины Красных Скал вниз, миновали устье каньона Медвежьего ручья и въехали в городок Моррисон. Синего автомобиля не было видно. Интересно, понял ли тот, кто их преследовал, что она его заметила. Она свернула направо на шоссе номер 8 и снова поехала к югу.

Ред повернулся на сиденье и посмотрел назад.

— Вы, кажется, говорили, что собираетесь посадить меня в Моррисоне?

— Мы еще не доехали до начала тропы, — ответила Сара. — Но я передумала. Это слишком опасно. Не знаю, сбросила я нашего приятеля с хвоста или нет, и не хочу, чтобы он догнал меня там на стоянке. Кроме того, первые километра два тропа идет по открытому лугу. Если у нашего приятеля есть пистолет, то мы станем легкой добычей.

— Мы?

Сара глубоко вздохнула. Решение пришло само собой, ничего иного ей не оставалось.

— Мы, — ответила она. — Кажется, мне все-таки не обойтись без вашей помощи.

— Просить помощи никогда не стыдно.

— Только не мне.

Справа, километра в трех, виднелась сквозь дымку гора Фалкон. Как большинство вершин предгорья, она была плоская и сравнительно невысокая — чуть больше 2300 метров на уровне моря, метров 500 над дорогой.

Сара взглянула в зеркало, и все ее надежды развеялись.

— Наш приятель опять позади и мчится на всех парах. Он нас нагоняет.

— Значит, понял, что мы его раскусили.

— Боже! У него пистолет. Ред! Он высунул руку в окно.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Ред. — Стрелять из пистолета с левой руки из машины, которая делает сто километров в час, по другой движущейся машине, и на таком расстоянии? Да ему и вон в ту гору не попасть.

Послышался отрывистый треск, и заднее стекло «блейзера» покрылось матовой сеткой трещин. Что-то просвистело в воздухе между ними и разбило панель магнитофона. Мистер Мяс взвыл и нырнул с головой в свое гнездо.

— Если только, — задумчиво продолжал Ред, — это не Орвид Крейл — там, позади. Он-то стрелять умеет. — Ред расстегнул молнию своего комбинезона, вытащил револьвер, проверил его и отстегнул привязной ремень. — Ладно, мы с Орвидом рано или поздно должны были встретиться на узенькой дорожке. — Он посмотрел на Сару и улыбнулся. — Я и сам неплохо стреляю.

— Еще бы.

Он перелез через спинку сиденья и пробрался в задний конец «блейзера».

— Думаю, вы уже встречались с Орвидом, — сказал он Саре. — Такой высокий, худой. Вроде ожившего скелета.

Сара вспомнила встречу в библиотеке.

— Да, кажется, я его видела. Такой обходительный молодой человек, да?

— Он самый. Орвид Крейл у них — шеф здешнего отделения, в Колорадо. Вы понимаете, что это значит?

— Конечно. Еще одна приятная новость. Начальников посылают самих выполнять черную работу, только если не хватает подчиненных или под рукой вообще никого нет? Не знаю, сколько еще таких хороших новостей я выдержу.

Ред рассмеялся.

— Вы молодец! — Он прислонился спиной к сиденью, уперся ногами в заднюю дверцу и прицелился сквозь разбитое стекло.

— Постарайтесь пока не наезжать на колдобины, — сказал он Саре.

— Хорошо, — пробормотала она в ответ и нажала на педаль газа. Пусть Крейл имеет превосходство в скорости, но не стоит облегчать ему погоню. К сожалению, шоссе номер 8 на этом участке — между горой Хогбек и Передовым хребтом — было почти прямое: ни изгибов, ни поворотов, которые мешали бы целиться. «Хоть бы Ред поскорее со всем этим покончил».

Навстречу по шоссе приближались два автомобиля. Сара взглянула в зеркало и увидела, что Крейл убрал руку из окна. «Не хочет жертвовать собой, — подумала она, — как пожертвовал тем человеком в городском парке». Крейл, видимо, хотел не только выполнить задание, но и скрыться. Он не фанатик и не запрограммирован.

— Эй, — окликнула она Реда. — Нам надо просто схать и схать, пока не повстречаем первую полицейскую машину. Тогда Крейл не осмелится ничего сделать.

— Еще как осмелится, — ответил сзади Ред. — Он пристрелит нас и тут же предъявит документ ЦРУ или что-нибудь в этом роде. Заявит, что мы беглые преступники. Местная полиция, конечно, ничего не скажет: что бы он ни показал, документ будет подлинный.

— А вы не можете сделать то же самое?

— Только если во мне не будет с полдюжины дырок от пуль. — Ред помолчал и задумчиво добавил: — Я уверен, он не станет пользоваться своей «крышей», если сможет обойтись без этого. Может, он и сумеет уйти, убив нас на глазах полиции, но его официальное начальство, услышав о случившемся, поймет, что это была не их операция. Они решат, что он перевербован или занялся уголовщиной.

Бам! Выстрел прозвучал так громко, что Сара невольно дернулась, и «блейзер» вильнул.

— Ведите машину ровно, — скомандовал Ред. Только теперь она поняла, что это выстрелил он.

— Попали? — спросила она. Он не ответил и выстрелил еще дважды, заставив Сару два раза вздрогнуть.

— Попали в него? — спросила она снова с ноткой раздражения.

— И да, и нет, — ответил Ред, перелезая обратно на переднее сиденье. — Я прострелил ему радиатор и передние покрышки. Это мишени покрупнее, чем его змеиная головка. Колеса у него спустили, а радиатор течет. Скоро мотор перегреется и заглохнет.

Она на мгновение прикрыла глаза и с облегчением перевела дыхание. Кажется, им удастся скрыться, и Реду не придется никого убивать. Ей не нравился Крейл, она его ненавидела, но почувствовала облегчение от того, что Ред его не убил.

— Значит, мы от него уйдем, — сказала она.

Послышался еще один выстрел, и «блейзер» бросило в сторону. В панике она пыталась удержать руль, пока машина выписывала зигзаги по шоссе.

— Если только он тоже не прострелит нам колеса, — спокойно заметил Ред.

Она бросила на него сердитый взгляд. Ред покачал головой с невольным восхищением.

— Черт возьми, он прекрасный стрелок.

Ей удалось снизить скорость, не вылетев с шоссе. Обе задние покрышки шлепали по асфальту. Она перевела дух и поразилась собственному спокойствию. «Неопределенность порождает страх», — подумала она. Теперь все стало на свои места.

Позади виднелась машина Крейла, уже остановившаяся на обочине. Из-под ее капота валил пар. Крейл вылез из машины, одетый не по погоде в длинный коричневый плащ. Левую руку он держал в кармане. Пнув ногой свой седан, он смерил взглядом расстояние до «блейзера» и направился вслед за ними на своих двоих. Он не бежал, но шел длинными, быстрыми шагами, какими легко отмеряют многие километры.

— Он еще и настырный, — сказала она Реду.

Крейл понимал, что на спущенных задних колесах они далеко не уедут. Во всяком случае шансов дотянуть до замка Фалкон на противоположном склоне горы у них не было. А когда все они окажутся пешими, то Крейлу будет достаточно приблизиться к ним на расстояние пистолетного выстрела — с его меткостью он их достанет.

Сара попыталась восстановить в памяти карту. В этих местах она уже бывала около года назад. От шоссе номер 8

к подножию горы идет грунтовая дорога. Оттуда они могут подняться на вершину. Это будет нетрудно — придется только ползти на четвереньках. Если они доберутся до тропы на вершине горы и по ней — до назначенного пункта, то Джейн увезет их в безопасное место. Без машины Крейл будет бессилён их остановить. Только бы удалось удержаться от него на безопасном расстоянии.

Внезапно перед Сарой открылся поворот на проселок, и она резко вывернула руль вправо. «Блейзер» завихлял, его занесло. Сара поморщилась — ей стало жалко колеса. Она видела, что позади на дороге валяются ошметки резины. Еще немного — и машина поедет на голых дисках.

— Если вы думаете остановиться, чтобы поменять резину, — сухо заметил Ред, — то я бы не советовал. — Он показал на Крейла, который направлялся напрямик через луг, пытаясь перерезать им путь.

— Да-а. Интересно, где же подмога? Самое время ей появиться, — сказала Сара.

Ред фыркнул.

— И кроме того, — Сара постучала по счетчику горючего, — эта стрелка лезет влево быстрее, чем обычно. Наверное, одна из пуль попала в бак или в бензопровод. — Она прикусила нижнюю губу. Теперь достаточно одной искры, чтобы «блейзер» вспыхнул, как огромная бутылка с «коктейлем Молотова».

Дорога кончилась. Сара затормозила и выключила двигатель. Перегнувшись назад, она вытащила свой рюкзак.

— Конечная остановка, — сказала она Реду, пинком распахнув дверцу. — Отсюда пойдем пешком.

Ред выбрался наружу.

— Туда, вверх? — спросил он, оглядев гору.

— Вы можете предложить что-нибудь лучше? — Она повернулась спиной к «блейзеру», держа карман рюкзака открытым. Мистер Мяу понюхал рюкзак, мяукнул и прыгнул туда. Это был его карман, когда они ходили в походы. Сара потянула носом. В воздухе остро пахло бензином — в баке определенно была течь.

— Вы берете кота с собой? — спросил Ред.

Сара возмутилась.

— Конечно! Мистер Мяу — не просто кот! Он... Мистер Мяу! У нас с ним контракт. Я гарантирую ему еду, жилище и любовь и меняю ему песок, а за это он иногда трется о мою ногу. Если, конечно, захочет.

Ред задумчиво покосился на нее.

— Словом, делает, что ему вздумается и когда вздума-

ется, так? И никого не слушает, кроме самого себя. Среди людей тоже есть такие.

Она уже взвалила рюкзак на спину и зашагала наверх.

— Вы так и собираетесь стоять здесь и болтать языком? Пошли. Ботинки у вас никуда не годятся, но других нет.

XII

Сара уже начала подниматься в гору. Ред оглянулся. Далекая маленькая фигурка Крейла неумолимо приближалась. «Как стихийная сила», — подумал Ред. Он не удержался и помахал преследователю. Крейл остановился и поднял руку в ответ. Реду пришло в голову, что в этой самой руке Крейл, должно быть, держит пистолет. Он усмехнулся и, повернувшись, двинулся вслед за Сарой.

Карабкаясь вверх по ущелью, Ред оказался лицом к лицу с котом. Тот, высунув голову из кармана рюкзака, с безмятежным видом созерцал происходящее. Ред соорудил ему рожу и тут же, поскользнувшись, упал на четвереньки. Он выругался, отряхнулся и злобно покосился на Мистера Мяу.

— Зачем вам нужен этот дурацкий кот? — раздраженно бросил он.

— Не останавливайтесь, — сказала Сара, не оборачиваясь. — И не сбивайте дыхание. А если вы спрашиваете, зачем нужны коты, то вообще не заслуживаете ответа.

Ред ухмыльнулся ей в спину и поспешил вдогонку. Подъем стал круче, склоны ущелья понемногу сближались. Они поросли кустарником и редкими хвойными деревьями. Наверху с обеих сторон виднелись округлые вершины, а между ними, впереди, третья, повыше. В этом направлении подъем казался более пологим. Сара петляла, выбирая самый удобный путь по дну ущелья. Ред следовал за ней, надеясь, что она знает, куда идет.

На одном особенно крутом участке им пришлось ползти на четвереньках, цепляясь за ветки и выступы скал. Ред схватился за куст, и тот вырвался с корнем из сухой, как пыль, почвы. Ред съехал по осыпи, расцарапав кожу на руках и на щеке и ударившись коленом о камень. Он скривился от боли. Сара повернулась и, держась правой рукой за молодое деревце, протянула ему левую. Ред вспыхнул и ухватился за нее.

Он посмотрел на ее спокойное коричневое лицо. «Для тебя это всего-навсего прогулка на свежем воздухе, — поду-

мал он. — Но пусть я городской неженка, а ты опытная туристка, все равно не сдамся».

С ее помощью он поднялся на ноги, и они продолжали подъем. Ред карабкался вверх с новой энергией. Теперь он стал наблюдать за Сарой — куда она ставит ногу, как выбирает путь — и упорно следовал за ней. Дыхание у него стало тяжелым и неровным. Один раз он обернулся и поразился, как высоко они забрались. «Блейзер» исчез из вида за деревьями и скалами, и немудрено — они были по меньшей мере на двести метров футов выше.

Еще раз-другой он поскользнулся на осыпях, но успевал вовремя схватиться за что-нибудь. Сара больше не оборачивалась к нему, и Ред мрачно стиснул зубы.

Лишь спустя некоторое время Ред сообразил, чем он сейчас занят: выбивается из последних сил, только чтобы угодить ей. Это открытие так поразило его, что он на секунду остановился, уставившись ей в спину. Его восхищала уверенность, с которой она двигалась, ее гибкая грация и сила. На рубашке у нее виднелись темные потеки пота — под мышками и на пояснице. Его послали увести Сару ради ее безопасности и безопасности Ассоциации, однако все обернулось иначе. Где-то, в какой-то момент он потерял контроль над ситуацией, но где и когда, он сказать не мог. Сара определенно из тех, кто, однажды избрав путь, не может не повести за собой окружающих.

Ред не был уверен, что это его устраивает. Ему никогда не нравилось подчиняться. Он любил командовать сам. «Может, поэтому мы с Сарой почувствовали взаимную симпатию с первой же встречи, — подумал он. — Хотя я никогда не был одиночкой, как, похоже, она. Мне нравится чувствовать себя членом команды. Люблю, когда все заодно».

Он снова полез вверх. «У Сары есть одна слабость, — подумал он. — Она всегда готова, ни о чем не спрашивая, прийти на помощь, но сама пользоваться ничьей помощью не желает. Это опасно. В критической ситуации всегда лучше иметь друга за спиной. Почему-то нам никогда не удавалось установить такой социальный порядок, при котором были бы уравновешены интересы личности и группы. Одиночек и тех, кто не способен обойтись без других. Маятник раскачивается из стороны в сторону, не задерживаясь посередине. Общественный маятник».

Ред мысленно набросал нужные уравнения. Он смог даже представить себе вариант равновесной системы. Простую складку из теории катастроф или, может быть, «ласточкин хвост». Ничего похожего на те странные аттракторы, с ко-

торами им приходилось иметь дело. Достаточно немного изменить разницу частот между собственными и вынужденными колебаниями, и маятник остановится. Мемы для этого уже есть, они циркулируют в обществе. Сам факт, что он мог представить себе такую возможность, свидетельствовал о том, что эти мемы у него в крови. Нужно только, чтобы Ассоциация поставила перед собой такую цель и настойчиво стремилась к ней на протяжении пяти поколений. Проклятье, целых пяти поколений! Пустые мечтания! Это труднее всего — сохранить преданность идеалу. Как и все остальное в жизни, Ассоциация будет меняться с годами. Ставить новые цели и вырабатывать новые взгляды. Ни одна группа людей не способна сохранять преданность идеалу так долго. Самые искренние идеалы одного поколения превращаются для следующего поколения в заплесневелые предрассудки. Черт возьми! Дети никогда не верят, какой глубокий выпадал снег, когда их родители были маленькими.

— Почему вы так называли кота? — неожиданно для самого себя спросил Ред.

Сара остановилась, обернулась и удивленно посмотрела на него.

— Что?

Он воспользовался остановкой и догнал ее.

— Ну, Мистер Мяу.

— А как же иначе? Он же кот, он мяукает.

Ред вздрогнул. Это было так символично. Если бы вместо кота она завела собаку, то наверняка назвала бы ее Мистер Гав!

Какой-то треск отвлек его внимание. Он повернулся и посмотрел вниз в ущелье.

— Это Крейл, — сказала Сара.

На дне ущелья виднелась фигурка их преследователя. Он стрелял по ним вверх, но пули ложились с большим недолетом, выбивая из земли фонтанчики пыли гораздо ниже их.

— Даже хорошему стрелку трудно попасть, целясь с горы или в гору, — пояснила Сара. — Но мне не хотелось бы дожидаться, пока он пристреляется.

— У него всего-навсего пистолет, — заметил Ред.

— Ну, тогда — пока ему не повезет.

Ред вздохнул. Она права. Он видел, как Крейл перезарядил пистолет, спрятал его в кобуру и полез в гору за ними. Он не сдавался, но теперь у него по крайней мере на крутых участках будут заняты обе руки. Впрочем, когда дело касается Крейла, лучше не строить предположений.

Оставшаяся часть восхождения была легче, чем только

что пройденный участок, и спустя полчаса они оказались на сравнительно плоской площадке у вершины. Главный пик возвышался еще на сотню метров слева от них, а справа проходила удобная туристская тропа из Моррисона.

Голова у Реда кружилась, его подташнивало. Он остановился и присел на корточки рядом с тропой. Сара посмотрела на него.

— Что случилось?

— Не знаю. Кажется, меня сейчас вырвет.

— Горная болезнь, — сказала Сара. — Это бывает от перенапряжения, если вы не привыкли к разреженному воздуху.

— Великолепно. И как же от нее излечиться?

— Переезжайте в Колорадо.

Он бросил на нее раздраженный взгляд. Она, наверное, и над морской болезнью стала бы потешаться.

— Дайте мне минуту отдышаться, — попросил он.

Сара измерила взглядом склон, оставшийся позади.

— В настоящих горах бывает гораздо хуже. Вы что, хотите подарить лишнюю минуту Крейлу?

— Черт возьми, нет. Он здешний. Наверное, так же скачет по горам, как и вы.

— Тогда пошли. Эта тропа рассчитана на туристов. По ней идти будет легче, чем по ущелью.

— Да уж, — Ред огляделся. Они находились на высоком горном хребте. Слева и справа возвышались несколько пиков, разделенных ущельями, по которым талые воды сбегают на высокогорные луга. К западу от них сквозь ели и сосны виднелись развалины каменного здания. «Особняк Уокера, — подумал он. — Замок Фалкон». Значит, вон там, на горе справа, примерно в полутора километрах отсюда, Уокер незадолго до первой мировой войны начал строить «Летний Белый дом». Ред покачал головой. Уокер был мечтатель, sentimentalный в душе человек.

Сара подождала Реда, и теперь они шли по тропе рядом. Она указала на руины особняка.

— Это была яркая личность, — сказала она. — Журналист и торговец недвижимостью, в точности как я.

Ред улыбнулся.

— Вы так же богаты, как он?

Она рассмеялась.

— Пока нет.

— Ко всему прочему он был еще и авантюрист, вы это знаете? Даже служил в китайской армии.

— Да, знаю, — ответила она. — Но я-то им интересова-

лась, потому что наши биографии в чем-то похожи. А вы откуда это знаете?

— Да так, слышал кое-что, — неопределенно сказал он. — Как на своей показательной ферме в Беркли он доказал, что можно обходиться без орошения. Как превратил «Космополитен» в престижный литературный журнал, печатая в нем таких писателей, как Крейн, Уэллс, Толстой и Клеменс. Как купил компанию Стенли, чтобы выпускать паровые «локомотивы».

Они сделали еще с полдюжины шагов, прежде чем Сара спросила:

— Джон Брисбен Уокер был одним из ваших людей?

Ред остановился как вкопанный.

— Что?

Сара продолжала идти вперед, и ему пришлось нагонять ее бегом.

— Как Форд, и Эдисон, и Файрстоун, и Берроуз, и Дьюи, и Тэйлор, и десятки других, кто изменял или пытался изменить ход истории.

Ред улыбнулся.

— Почему вы это спросили?

— Потому что вы подозрительно много знаете про Уокера и... Черт возьми, Ред, почему вы никогда не отвечаете на мои вопросы?

— Привычка. Ладно, я отвечу: и да, и нет.

Она скривила губы.

— То есть некоторые из них были членами Общества, а другие нет. Хорошо. Не будем сейчас об этом. Просто я хотела бы знать, сколько из наших современных проблем были порождены вашими людьми.

Ред уклончиво хмыкнул.

— Сегодняшние проблемы часто бывают следствием вчерашних решений. Наши деды мечтали о том, что мы теперь осуждаем. Не надо винить нас за все, что вам не нравится в жизни. Мы не настолько могущественны. А кроме того, Ассоциация утопических изысканий почти не занималась корректировкой истории.

— Даже тогда не занималась, в начале века? — Сара махнула рукой в сторону особняка.

— Даже тогда, — ответил он. — Куинн ввел такое правило. Он чувствовал, что мы знаем еще слишком мало, чтобы производить крупномасштабные изменения, не рискуя столкнуться с нежелательными побочными последствиями. «Наблюдай и изучай» — таков был его лозунг. Спустя годы лозунг изменился: «Наблюдай, изучай и делай деньги». —

Ред поморщился. — Не всем нравилось это правило. Не все с этим соглашались. Но у Куинна были на то серьезные личные причины, и Ассоциация ни разу не предпринимала никаких согласованных действий. — У Реда мелькнула мысль — не станет ли Сара катализатором, и он усмехнулся. Кэма Бетанкура и других членов Совета ждет большой сюрприз, если они сумеют ее завербовать.

— Гм. Иногда бежать — не выход. Ничего не предпринимать — тоже действие.

Ред с удивлением услышал, как она возражает ему его же собственными словами.

— На что вы намекаете? — спросил он.

— Вы снова хотите начать корректировать историю.

— Исключительно из лучших побуждений, — улыбнулся он.

— Все так думают.

Они дошли до развалин дома. В 1918 году в особняк Уокера ударила молния, дом сгорел, а Уокер, разочарованный, оставшийся без гроша и сломленный смертью жены за два года до этого, его уже не восстановил. Сейчас от дома остались только каменные стены, потрескавшиеся и зияющие дырами, и высокая печная труба, непонятно как стоящая до сих пор. Развалины окружал забор из штакетника.

Особняк был выстроен в виде буквы «П» с внутренним двором, открывавшимся на юго-запад. Печь располагалась в северо-восточном углу. Сара и Ред обогнули южное крыло дома и вошли во двор. Там для туристов висела доска с информацией об Уокере и его «Замке», а так же о «Летнем Белом доме», который он начал строить на монетки, собранные колорадскими школьниками. Не обращая на нее внимания, Ред прошел во двор и окинул взглядом развалины. Неплохая позиция для обороны. Тогда, в Джексонвилле, у него прикрытие было хуже.

— Давайте спрячемся за стеной, — предложил он Саре. — А то мы здесь как на ладони.

Идти дальше не имело смысла. Автостоянка была слишком открытой, там от Крейла не спрятаться.

В стене перед ними зиял дверной проем с окнами по обе стороны. Слева тянулась другая стена, центральная часть которой целиком обвалилась. Они перелезли через забор и вошли в дверь. Ред сразу же направился к левому окну и, стоя сбоку от него, поглядел туда, откуда они пришли. Он расстегнул молнию своего комбинезона, чтобы можно было быстро выхватить пистолет, но не стал его доставать, чтобы ненароком не напугать каких-нибудь случайных туристов.

Он внимательно осмотрел лесную опушку на востоке. За вершинами гор виднелась плоская равнина, которая на горизонте сливалась с небом. Крейла нигде не было видно. Это встревожило Реда гораздо больше, чем если бы он его увидел. Когда имеешь дело с Крейлом, и то, и другое одинаково опасно.

Никаких признаков Джейни тоже не было заметно. Он взглянул на часы — еще рано. Неплохо бы ей поторопиться.

Он огляделся. По остаткам стен, доходившим до пояса, можно было судить о расположении дома. На камнях кое-где сохранились подпалины от старого пожара. Все пришло в запустение. Следов внутренней планировки уже не было видно.

— Почему вы это сказали? Будто мы собираемся корректировать ход истории.

Сара присела на корточки около стены и освободилась от своего рюкзака. Она вынула кота и почесала ему за ухом. Мистер Мяу с довольным видом зажмурился.

— Не знаю. Это по всему видно. По вашему разговору. По вашим движениям. Вы хотите что-то менять. Вы хотите изменить положение. Вам не нравится сидеть сложа руки и наживать на несчастьях других.

— Насчет того, чтобы наживать, — в этом нет ничего плохого, а люди все равно так или иначе будут несчастны. Но вы правы. Ассоциации давно пора перестать пугаться выстрелов.

Сара покачала головой.

— Мне это по-прежнему не нравится.

Он подавил приступ раздражения. Ну почему она не может этого понять? Если они ничего не предпримут, чтобы разрушить планы Общества сейчас, то их внуки будут страдать от нищеты и рабства. Неужели она так глупа? Или у него слишком слабые аргументы? Он повернулся к ней спиной и стал наблюдать. Черт, сейчас бы не помешал бинокль. Он спросил у Сары, нет ли у нее бинокля в рюкзаке.

— Остался в «блейзере».

— Жаль, сейчас бы он пригодился. Что же вы захватили с собой, кроме этого глупого кота?

— Глупого мужчину.

Ред хмыкнул. Она была права. Кто он такой, чтобы жаловаться? В конце концов, он сам ничего с собой не взял.

Оставаться слишком долго на одном месте было опасно, и Ред, пригнувшись, перебрался на другой наблюдательный пункт.

— Его все еще не видно? — спросила Сара.

— Нет. И это плохо.
— Где же ваша приятельница Джейни?
— Будет здесь, как только доберется. — Ред взглянул на часы. Джейни уже опаздывала. А ведь она тоже знала, что Крейл вышел на охоту. Может быть, они перехватили ее? Нет, едва ли. Раз уж Крейл сам погнался за ними, значит, у него больше никого под рукой не было. Если, конечно, это не просто вызов на дуэль. Мапо а мапо*. Ред похлопал по пистолету под комбинезоном. Может, удастся расквитаться с Крейлом за Джексонвилл.

Сара, усевшись поудобнее, выводила пальцем на земле какие-то узоры.

— Тепер я отвечу на ваш вопрос, — сказала она.

Он удивленно посмотрел на нее.

— На какой?

— О мальчике и автобусе. Для меня ответ прост. Надо спасти ребенка. Не ради него, а ради самой себя! Вы это понимаете? Нельзя наказывать людей за то, чего они еще не совершили, а может быть, и никогда не совершат. Если я не попытаюсь спасти его, я потеряю себя.

Ред кивнул.

— Отличный новобранец из вас бы вышел, — сказал он.

— Ага. Ред, что случилось с Деннисом? — Ред взглянул на нее, и она замолчала, проглотив ком в горле. — Боже, мне кажется, что все произошло на какой-то другой планете! Как вы думаете, его уже нет в живых?

Ред внимательно всмотрелся в ее лицо и увидел на нем выражение боли. Он напомнил себе, что в этой игре она теряла не пешки, а друзей. И ему как никогда захотелось увидеть Крейла на мушке своего пистолета. В этой игре есть четкие правила. Если ты сам не игрок, то не должен стать мишенью.

— Вы в этом не виноваты, — сказал он. — Никто не виноват.

— Виноваты они.

— Не уверен. Мне сообщили, что он исчез бесследно, даже записей в больнице не осталось. — Он нахмурился. — Я этого не понимаю. К чему лишние трудности? Если они хотели его убить, проще было отключить ему аппаратуру жизнеобеспечения. Или, в конце концов, устроить пожар в больнице.

Сару передернуло.

* Один на один (исп.).

— Они на все способны, — сказала она. — Для них нет ничего святого.

— Именно поэтому мы обязаны их остановить. Начать распространять противоположные мемы.

— Тушить пожар огнем?

— Не изображайте из себя циника. Вам когда-нибудь приходилось видеть, как борются с лесным пожаром? Иногда остается только один выход — пустить встречный пал.

Она отчаянно замотала головой.

— Нет! Вы говорите, что они управляют нами, как марионетками, но дергают не за те ниточки. И единственный выход, по-вашему, — поменять ниточки!

— А вы что предлагаете?

— Перерезать нитки. Все до единой!

Ред усмехнулся.

— Вы когда-нибудь видели марионетку без ниточек?

— Да. Буратино.

Он заморгал, озадаченный ее ответом. Метафоры всегда приблизительны, но бывает, что они помогают по-новому взглянуть на вещи. Он, кажется, понял, что Сара имела в виду и как это можно сделать.

— Может быть, они не хотят его смерти, — сказала она. — Смерти Денниса. Может, они узнали о перечне, который был у него. Допустим, Деннис понял, что он означает, и спрятал его. Тогда он нужен им живым, правда ведь?

«Похоже, что все сводится к самым простым побуждениям», — подумал Ред.

— Может быть, так оно и есть, — сказал он.

— Ну конечно. До тех пор пока они не найдут перечень, он будет жить. Им необходимо узнать результаты факторного анализа, который Карсон и Брейди провели на основе этого списка, правда?

— Разумеется. Наверное, так и есть.

Ред снова посмотрел в сторону леса. Крейл так и не появлялся. Плохо дело — по времени он уже должен быть здесь. Где же Крейл? Ред вынул револьвер из кобуры. Вряд ли сюда забредут какие-нибудь случайные туристы.

— Управляемое поведение оставляет следы, — произнес он только ради того, чтобы что-то сказать. — Оно создает статистические аномалии в данных. — Реду как будто почудилось какое-то движение на восточном краю плато. Или это деревья качнулись от ветра? Он переменял позицию и выглянул в оконный проем.

— Ну конечно, — отозвалась Сара, ничего не заметив. —

А по их взаимным корреляциям, как по осям координат, можно определить действующие факторы. Против каждого пункта в списке стояли цифры — один, два или три, и мы с Деннисом решили...

Ред почти не слушал ее, поэтому прошло некоторое время, прежде чем до него дошел смысл ее слов. Он резко повернул голову к Саре.

— Что вы сказали? Три? Вы уверены?

— Да. А в чем дело? Разве это важно?

Ред открыл рот, чтобы ответить ей, но сказать ничего не успел.

XIII

Сара с ужасом увидела, что Реда отбросило назад, на каменную стену. Он ударился о нее и упал ничком. На камнях за его спиной осталось кровавое пятно. Он не шевелился. В развалинах еще звучало эхо приглушенного выстрела.

Сара прижалась к земле за низкой полуразрушенной стеной, примыкавшей под прямым углом к стене с дверным проемом. В ноздри ей ударил сильный запах пыли. Судя по тому, как упал Ред, выстрел был сделан с северо-запада. Очевидно, Крейл под прикрытием деревьев обошел их, пока они ждали его с востока.

Она оказалась в ловушке. Револьвер был только у Реда и теперь лежал под ним. Кроме того, тело Реда почти наверняка на прицеле у Крейла. Сара оглянулась. Нельзя ли незаметно уползти отсюда? Не через дверь, разумеется, она на самом виду, а через какой-нибудь пролом. Или удастся, или нет. Но в любом случае это лучше, чем лежать здесь и дожидаться пули. Она потихоньку поползла назад, пока не коснулась подошвами стены, и начала шарить ногой, пытаясь нащупать какую-нибудь дыру.

Все верно, пролом есть. Отверстие было узким, но Сара решилась. Она просунула туда ноги, таща за собой рюкзак. На нем восседал Мистер Мяу с видом короля, с рождения привыкшего к подобным торжественным выездам. «Интересно, что он думает о моем странном поведении», — мелькнуло в голове у Сары. Ее куртка и рубашка задрались, и камни царапали живот и ребра. О том, что она может застрять в дыре, Сара старалась не думать.

Больше всего неприятностей доставили бедра. Был момент, когда ей показалось, что она не может двинуться

дальше. Сара закусил губу и изо всех сил дернулась. Камень содрал ей кожу на левом боку, и она еле сдержала крик боли.

В конце концов Сара выбралась наружу. Она перевела дыхание, перекатилась набок и села спиной к стене. Потом пощупала расцарапанный бок. Ее рука стала мокрой от крови. Но расслабляться было нельзя. Крейл находился где-то поблизости.

Справа через дверной проем наполовину виднелся лежащий Ред. Сара не знала, мертв он или только без сознания. Хотя все произошло очень быстро, ей показалось, что пуля попала ему в плечо. Сара присмотрелась. На курсах живописи ее учили, как выглядит тело при жизни и после смерти. Мертвец никогда не лежит так же, как спящий или потерявший сознание. Все противоположные группы мышц у него должны быть одинаково расслаблены. И сфинктеры должны быть расслаблены. Отсюда брюк Реда не было видно. Она потянула носом воздух, но никакого запаха не ощутила.

Сара открыла рюкзак и, покопавшись в нем, достала зеркальце и охотничий нож.

— За мной, Мяс, — шепнула она и, пригнув голову, добежала до угла развалин, стараясь, чтобы стена загоразживала ее от того места, где, по ее расчетам, находился Крейл. Здесь Сара снова легла на землю и осторожно высунула зеркало из-за угла, стараясь держать его в тени от стены, чтобы оно не блеснуло в лучах заходящего солнца. Она наклоняла зеркало так и эдак, пытаясь заглянуть внутрь развалин.

Она увидела низкую стенку, за которой только что пряталась. По другую сторону ее лежал Ред, так что его видно не было.

Вот он! В зеркале мелькнуло отражение человека, который приближался к развалинам. Сара отползла немного назад, не сводя глаз с зеркала. Это был Крейл, точно такой же, как тогда в библиотеке. Дойдя до стенки, он повел перед собой пистолетом, держа его в обеих руках. Потом, увидев, что за стенкой никого нет, он, пригнувшись, отступил, шаря глазами по сторонам.

Она видела, как Крейл обогнул дом сзади, и усмехнулась: ей стало ясно, что следопыт он никудышный. След в пыли ясно показывал, куда она отползла. Сара обогнула угол дома, но зеркальце оставила на месте, только повернула его так, чтобы теперь была видна наружная сторона стены, где она только что находилась.

Из-за противоположного угла выскочил Крейл с пистолетом, направленным вдоль стены. И снова он на мгновение

растерялся, никого не увидев. Он опустил пистолет и огляделся.

— Я знаю, что вы где-то здесь, маленькая леди, — слышался его голос. — Не осложняйте себе жизнь. Мы только хотим задать вам несколько вопросов.

Неожиданно для себя самой Сара чуть не хихикнула. Неужели он и впрямь считает ее такой дурой?

В зеркало она видела, как он идет вдоль стены в ее сторону. «Как только дойдет до дверного проема, — подумала она, — то сразу же перескочит на эту сторону стены». Это было очевидно, и она приготовилась прыгнуть одновременно с ним, чтобы оказаться по другую сторону стены. «А что, если он этого не сделает?» Она проглотила слюну и внимательно посмотрела на его ноги. Человек, который готовится к прыжку, держит их определенным образом.

Так и есть. Он прыгнул, и в тот же момент прыгнула Сара. От этой игры в кошки-мышки ее сердце отчаянно билось, но в то же время она ощущала странное веселье, прилив жизненных сил. Все ее чувства были обострены до предела. Она слышала, как поскрипывает песок под подошвами Крейла.

«Так не может продолжаться до бесконечности. Надо что-то сделать. Сколько времени осталось до захода солнца?»

Она хорошо знала эти горы и в темноте, возможно, сумела бы скрыться. А Крейл горожанин.

Она не отрываясь наблюдала за ним в зеркало, не рискуя даже мельком взглянуть, высоко ли стоит солнце. Ей было не по себе: она знала, что на самом деле все время находится спиной к Крейлу. Сзади к ней подкрался Мистер Мяу и потерял об ее ногу. Может быть, он поможет? И у нее тут же вчерне сложился план.

— Бесполезно, маленькая леди. Вы здесь одна, и рано или поздно я до вас доберусь. Точно так же, как добрался до ваших друзей. Слышали бы вы, как он умолял сохранить ему жизнь.

Наверное, он про Эббота. Она не могла себе представить Моргана или Денниса, умоляющих о пощаде.

План был довольно отчаянный. Крейл — профессионал, и обмануть его будет нелегко. Но он считает, что имеет дело с дилетанткой — свидетельством тому были его попытки вызвать ее на разговор и таким способом определить, где она прячется. Это давало ей шанс. Сара вынула из ножен свой охотничий нож и, глубоко вздохнув, взяла на руки Мистера Мяу.

— Прости меня, Мяу, — шепнула она.

— А когда я с вами управлюсь, — продолжал Крейл, — то вернусь в Денвер и окончательно разберусь с вашим голубым дружком.

Повернувшись спиной к зеркалу, она из-под руки швырнула Мяу как можно дальше вдоль наружной стороны стены. От изумления и испуга кот пронзительно взвизгнул и, с шумом плюхнувшись на землю, ринулся в лес так, что листья и сухие ветки полетели во все стороны.

Сара прыгнула вправо, отведя руку с ножом. В десяти метрах перед собой она увидела Крейла, который смотрел в оконный проем вслед коту. Он целился из пистолета в окно, но, вероятно, краем глаза заметил ее движение, потому что повернулся к Саре в тот самый момент, когда она метнула нож.

Лезвие мелькнуло в воздухе и по рукоятку погрузилось ему в горло. Крейл пошатнулся, из раны брызнула струя артериальной крови. Его правая рука потянулась было к ручке ножа, а левая судорожно сжала пистолет. Раздался выстрел, и пуля, выбив искры, отрикошетила от камней. На лице Крейла появилось выражение крайнего изумления. Он выронил пистолет и опустился на землю, словно был резиновый и из него выпустили весь воздух.

Сара бросилась к нему, но тут же остановилась. Даже сейчас Крейлу нельзя доверять. Она стала медленно приближаться, готовая в любой момент нырнуть под защиту стены.

Крейл лежал на земле рядом с Редом, ноги его судорожно подергивались. Он повел в ее сторону глазами, в которых застыло удивление, потом они подернулись пленкой, тело его осело, и он затих.

Сару начала бить дрожь, ноги ее подкашивались. Она опустилась на колени и закрыла лицо руками. Все кончено. Она всхлипнула, и слезы потекли по ее щекам, оставляя грязные дорожки на покрывавшей его пыли.

Откуда берутся такие люди, как Крейл, бездушные и порочные? Ведь и он когда-то был ребенком, по-детски невинным, и его родители, конечно же, никогда не думали, что он дойдет до такой жизни. Он сосал материнскую грудь и играл с погремушкой, умилял родителей своими первыми неуверенными шажками. И вот он мертв. Где, в какой момент на пути от ползунка до трупа Крейл лишился души?

Сара на четвереньках проползла мимо него к Реду. Она потрогала его шею в поисках пульса, но не могла понять, нащупала его или ей это только кажется.

— О, Ред, — печально вздохнула она.

Сзади кто-то щелкнул языком, и Сара резко обернулась.

Там стояла худенькая пожилая женщина в грубой бумажной куртке со снайперской винтовкой, лежащей на сгибе левой руки.

— Отличная работа, мисси, — сказала женщина.

В ее обветренном лице было что-то знакомое. В первое мгновение Сара не могла ее узнать, а потом вспомнила.

— Это вы! Вы были тогда в библиотеке с Крейлом!

— Угу, — женщина подошла и посмотрела на лицо Крейла. — А он, видать, и впрямь здорово удивился. Да как тут не удивиться? Такой всегда думает, что уж с ним-то ничего не случится. У него и в мыслях не было, что и ему когда-нибудь перепадет. — Она взглянула на Сару. — Особенно от такой, как вы, мисси. Я и сама сил нет как удивилась.

— Вы... — Сара поднялась на ноги и уставилась на нее. — Вы — Джейн Хэч!

Женщина кивнула, по-прежнему глядя на Крейла.

— А как Мелоун? Не помер?

— Вы давно здесь?

Джейн пожала плечами и сплюнула табачную жвачку.

— Порядочно. А ты, я вижу, не промах. Другая бы с места не сдвинулась от страха. — Она отложила винтовку в сторону, опустилась на колени около Реда и привычно ощупала его.

— Рннен в плечо, — сказала она. — И сотрясение. Должно быть, здорово трахнулся головой о стену. Хорошо еще, что черепушка у него такая крепкая.

— Вы давно здесь?!

Джейни обернулась и посмотрела на нее. Саре показалось, что в ее спокойном взгляде было что-то от Крейла. Та же отчужденность. Отстраненность от всего, что ее окружает.

— Зачем вам это знать, мисси?

Сара указала на винтовку с телескопическим прицелом.

— Вы могли бы застрелить его, верно? Но вы позволили ему охотиться за мной, как за зверем! Вы что, ненормальная?

Джейни покачала головой.

— Так уж устроена жизнь, мисси. Мы не вмешиваемся. Когда птичка повстречала змею, это уж ее дело — сможет она улететь или нет.

Во всех своих спорах с Редом Сара исходила из того, что пытаться изменить ход истории — верх самонадеянности. Теперь она поняла, что и противоположное утверждение столь же верно. Оказывается, стоять рядом, наблюдать и ничего не делать — это даже не просто самонадеянность, а высокомерие.

Она повернулась спиной к Джейни, опустив руки, креп-

ко сжав кулаки и зажмурившись. Слезы жгли ее щеки. Так дальше не может продолжаться. Этому надо положить конец. И Обществу Бэббиджа, и Ассоциации — обоим. Она ненавидела их. Ненавидела их скрытность, их бездушие. Что-то бессердечное было даже в самых добрых их намерениях.

Ничего, ее «червь» — это только начало. Когда у них полетят все банки данных, и тех, и других охватит паника. У нее, может быть, появится время придумать что-нибудь еще. К тому же у ее «червя» есть еще и ядовитое жало. Незаметный довесок к программе, который, как она надеялась, разнесет вдребезги их маленький спесивый мирок и покончит с ним навсегда.

Если ты раскрыл чью-то смертельно опасную тайну, ты можешь обеспечить себе безопасность только одним способом. Рассказать эту тайну всем. Не будет тайны — не будет и смысла гоняться за тобой дальше. Вот почему она запрограммировала своего «червя» так, чтобы он копировал все, что обнаружит, и анонимно загружал это в память всех телевизионных, газетных, полицейских и правительственных компьютерных систем, какие только ему попадутся. Это касалось и файлов Моргана.

Сара знала, что обе организации глубоко проникли в самые разные информационные органы и службы безопасности. Они богаты, могущественны и сделают все возможное, чтобы исказить или замолчать правду. Может быть, это им на сей раз удастся, хотя Сара и сомневалась. Факты получают слишком широкую огласку, слишком многие из них можно будет проверить, и, наконец, оба общества не могут быть настолько многочисленны, чтобы перекрыть все пути. Иначе они не могли бы хранить свою тайну так долго. Наверное, миллионы людей лишь отмахнутся, но миллионы поверят.

И наступят, выражаясь словами Реда, занятные времена.

Но в каждом деле есть и обратная сторона — Ред тоже об этом говорил. Разрушив их корыстные махинации, она не даст им совершить и то хорошее, что они могли бы сделать. Их Основатели уничтожили рабство, предотвратили атомную войну. Ред собирался воспрепятствовать попыткам Общества Бэббиджа превратить людей в послушных рабов. Все это — благородные цели. Имеет ли она право им помешать?

На этот вопрос Сара пока не могла ответить. Завтра будет время еще раз все обдумать.

Она склонилась над Крейлом и посмотрела на него. Затем, подавив отвращение, опустила на одно колено и выдернула

нож из его горла. Невидящие глаза смотрели прямо на нее, и Сара невольно отвела взгляд. «Во второй раз будет легче», — ясно слышался голос в ее ушах. Призрак Крейла? «Второго раза не будет», — поклялась она себе. По крайней мере, если у нее будет выбор.

Она посмотрела на небо. Уже смеркалось. Джейни подобрала свою винтовку.

— Я пошла к пикапу, возьму алтечку. Пойдем-ка со мной. Посидишь в машине, пока я буду тут с ним возиться, чтобы можно было его отвезти.

Сара воткнула нож в землю, чтобы очистить лезвие от крови. Ред выживет. Это радовало ее. Она не соглашалась с ним, по крайней мере в некоторых вещах, но она рада, что они смогут продолжить спор. У этого человека очень много общего с Морганом.

— Нет, спасибо, — сказала она и, встав на ноги, сунула нож за пояс. — Мне надо еще кое-что сделать.

Через разрушенный дверной проем она вышла наружу, перелезла через штакетник и взглядела в сгустившиеся сумерки. Вокруг стояли высокие черные деревья. Их шелест на ветру напоминал шум отдаленной толпы.

«Я не могла поступить иначе, — подумала Сара. — Он поймет».

Она повернулась лицом к опушке и присела на корточки.
— Мяу! — позвала она. — Мяу! Вернись. Ты мне нужен!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

Тогда

День Дейвиса Белло начался как обычно — с утренней чашки кофе, которую он неторопливо смаковал в постели. Отчасти виновата была лень — он вырос в Луизиане и привык, чтобы все шло не спеша, своим чередом, — отчасти возраст: кости у него стали хрупкими, а суставы протестовали против любого движения. Он знал, что попозже, днем, двигаться станет легче, но утро всегда было мучительным.

Иногда он тосковал по ушедшей молодости, по тем временам, когда он был сильным и проворным. Самый шустрый парень в трех приходах — так про него говорили, подразумевая не только быстроту ног. Порой воспоминания были такими яркими, что он почти наяву ощущал их запахи. (Странно, что из всех ощущений запахи вызывают в памяти самые яркие картины прошлого.) Верховая охота с гончими на отцовской плантации — это щиплющий ноздри едкий запах лошадиного пота; прогулки на плоскодонках по зарастающим речным протокам — это аромат магнолий и кипарисов, густой, как туман. А вот он крадется сквозь заросли, чтобы выследить старую черную колдунью, живущую на болоте. Листья папоротника задевают его по лицу, а черный ил дельты с хлопаньем выдавливается между пальцами ног. Кругом стоит запах затхлой болотной воды. Мальчишки постарше говорили, будто старуха умеет видеть будущее. Она гадала по коlobку из грязи и по куриным костям, пахнувшим кладбищем, а Дейву Белло не давало покоя непреодолимое желание увидеть будущее.

Теперь, конечно, оставалось только жалеть, что он смог его увидеть: будущее — это и есть грязь, кости и кладбища.

Ему нередко приходило на ум, что мир его молодости ушел в прошлое безвозвратно и теперь он живет в чужой стране. Не только потому, что он постарел, — просто умер сам тот мир, в котором он жил. Он захлебнулся в крови у деревушки Питтсбург-Лэндинг и при Геттисберге, принес себя в жертву на костре горящей Атланты*.

Новый, исправленный мир был ему совсем чужд, в нем Белло чувствовал себя гостем из далекой страны — в каком-то смысле так оно и было. Он действительно стал чужим на собственной родине. Превратился в пережиток прошлого, наподобие тех окаменевших огромных скелетов странного вида, которые недавно раскопали на Западе. Новый мир лучше — это доказывали расчеты. Нынешнее настоящее лучше, чем то будущее, которое могло бы наступить. И тем не менее Дейвис Белло чувствовал себя в нем неуютно.

Дело было не в новой технике, какой бы причудливой и удивительной она ни казалась. Пусть теперь рельсы опоясывают весь континент, а железные кони пришли на смену плоскодонным баржам его юности. Все это сводится лишь к тому, что человек получил большую власть над природой. Нет, изменилась сама внутренняя жизнь людей, и он не поспел за ее изменениями. Из всех побуждений, которые когда-то заставляли людей и самого Белло действовать и возбуждали в нем гнев или слезы, теперь ни одно не вызовет и тени эмоций. Вдохновляющие призывы прошлого затихли, и люди толпами устремились под знамена новых идеалов. Идеалов, которые представлялись ему ничтожными. Введение серебряной монеты? Железнодорожные тарифы? Что значат такие мелочи по сравнению с правом штатов не признавать федеральные законы, или с борьбой вокруг налогов, или с уничтожением рабства? Но все эти великие задачи уже были решены. Порой Белло казалось, что он просто пережил свой век. Кто-то взял ножницы и отрезал все, что осталось в прошлом. Даже тот факт, что рука Белло тоже держала эти ножницы, ничего не менял. «Да, — напоминал он себе, — мы знали, что изменим будущее. Но не догадывались, что при этом сами утратим прошлое».

Его спальня пропахла старостью. Тяжелые пыльные портьеры, похожие на саван, не пропускали солнечные лучи, и здесь всегда царил сумрак. Белло отставил чашку с кофе и,

* Места наиболее кровопролитных сражений гражданской войны 1861—1865 гг.

закрыв глаза, откинулся на подушки. Перед ним всплыли уравнения — те самые, с которых все началось, которые превратили безобидный кружок натурфилософов в...

В кого? В спасителей человечества? В его хозяев? Уравнения были простыми и жестокими. В них был приговор миру. Он снова услышал забытые голоса, ожесточенно спорящие об этих абстрактных математических символах. Голос Илая, доказывающий, что они знают слишком мало, чтобы действовать. Голос Джедедаи, возражающий, что промедление приведет к катастрофе. А Айзек помалкивает, но не отрываясь смотрит на меловые строчки на доске, словно пытаясь усилием воли заставить эти значки расположиться так, как ему хочется.

Боже, как они все были молоды!

— Наш долг — ни во что не вмешиваться, — настаивал Финеас. Его рука взметнулась вверх, и мелок прочертил кривую на грифельной доске. — Вот данные за несколько последних десятилетий. Я пропустил их через машины и получил уравнение. Вот их экстраполяция. — Мелок снова зашкрябнул, и кривая пошла вверх. — Рабство умирает. Скоро оно отомрет совсем. В пограничных штатах уже поговаривают о предоставлении рабам вольной. В 1790 году в Вирджинии было триста тысяч рабов, сейчас — всего четыреста тысяч, хотя в силу естественного прироста должно бы быть полтора миллиона. Только в глубинке на Юге их число возросло из-за хлопкового бума. В Миссисипи численность рабов вдвое превысила уровень, предсказанный по данным переписи. В 1820 году там их было тридцать тысяч, а к 1850-му будет сто пятьдесят тысяч. Все предприимчивые молодые люди стремятся сделать состояние на хлопке, но скоро бум кончится, лопнет как мыльный пузырь, и хлопковое рабство постигнет судьба табачного. Даже если мы не ударим палец о палец, все равно в ближайшие пятьдесят лет этому постыдному явлению будет положен конец. Разве я не прав, брат Илай?

Илай повернулся к нему и пожал плечами.

— Разве мы знаем все это наверняка? А насколько мы уверены в собственных уравнениях? В наших данных? Ведь они могут оказаться совсем неверными. Достаточно ли мы знаем, чтобы выбрать правильный курс, если решим действовать?

Джедедая Кроуфорд стукнул палкой в пол, как судья по столу своим молотком.

— Мы знаем столько, что бездействовать было бы последней трусостью. И безответственностью. Каждый год сохранения рабства на год приближает катастрофу. — Он поднял-

ся с места и заковылял к доске. Поверх кривой исчезновения рабства он одним движением прочертил S-образную кривую роста. — Рабство, может быть, и умирает — туда ему и дорога. Но покойник еще жив. Он мешает развитию нашей техники. Заметьте, кривая роста вначале идет полого. Если рост начнется слишком поздно, то к нужному времени Соединенные Штаты не успеют набрать достаточную мощь, и объединенная Германия взорвет свое сверхоружие.

— Сверхоружие... — скептически проворчал Илай. — Этой экстраполяции я не верю. В лучшем случае она маловероятна. Сила взрыва, которую вы предсказываете, абсолютно неправдоподобна. Разве может вообще существовать такая взрывчатка?

Тут в первый раз заговорил Айзек:

— То же самое мог сказать твой отец про пироксилин. Кто тогда мог представить себе взрывчатое вещество сильнее пороха? — В его тоне звучала насмешка, и Илай вспыхнул. Айзек снова перевел взгляд на доску. — Нет, брат Дая прав. Мы можем предсказать мощь сверхоружия, пусть она и кажется фантастической. Мы можем предсказать его мощь, но что касается его природы... — Айзек пожал плечами. — Кто знает? Оно может быть даже не химическим.

Мичем фыркнул.

— Не химическим, да? Каким же?

Айзек вздохнул.

— Не знаю. И не хочу знать. Я превращусь в прах задолго до того, как его изобретут, и я навечно благодарен Богу за эту маленькую милость. Иногда... — Он снова уставился на уравнения, как правоверный папист на своих идолов. — Иной раз от таких расчетов получаешь что-то вроде утешения.

Дейвис Белло увидел рядом с ним самого себя в молодости. Тогда он только покачал головой. Нет, не сомнения Илая и Финеаса и не мрачные пророчества Айзека и Джедедаи смущали его, а совсем другое чувство. В тот день в той комнате он был единственный, кто прозревал грядущее.

— Мы не можем ждать, пока рабство умрет естественной смертью, мы должны ускорить ее. — Это снова был брат Джедедая, неистовый вермонтец, блестящий и язвительный мечтатель. Калека, хромой от рождения, Кроуфорд был первым, кто увидел в работе Бэббиджа зародыш новой науки — науки, которая сможет рассматривать и промышленность, и экономику, и политику, да и все общество как огромной, сложный механизм. Кто увидел здесь научную головоломку, которую предстояло разгадать. Он построил первую, еще несовершенную счетную машину и придумал эти замеча-

тельные деревянные таблички с отверстиями, просверленными в определенных местах, что позволяло машинам хранить в памяти числа и команды. Короче говоря, Джедеда пользовался огромным уважением всех своих товарищей.

А сейчас он говорил им, что нужна не наука, а техника, что они должны стать инженерами. Что их уравнения — не просто интеллектуальная абстракция, ибо в них таится угроза катастрофы, ожидающей их внуков и правнуков.

— Сэр, я не отрицаю, что это необходимо, — ответил ему Мичем. — Вспомните, ведь первые общества аболиционистов возникли на Юге, а не на Севере. Рабство разорило мою родину. Хлопок вытесняет остальные культуры, но лишь меньше двух процентов его мы перерабатываем на собственных прядильных фабриках. На нашу долю приходится менее четверти федеральных железных дорог. В наших банках лежит меньше десяти миллионов долларов. В одном лишь Нью-Йорке ликвидные капиталы вдвое больше, чем на всем Юге. Я боюсь за наше будущее. — Он указал на кривые, начерченные на доске. — У нас нет даже самых необходимых производств. Наших младенцев укачивают в колыбелях, привезенных с Севера, могилы нашим старикам копают лопатами, сделанными в северных штатах.

— Мы отстаем не только в промышленности, — вставил Дейвис. — Неграмотность среди белого населения у нас в три раза выше, чем на Севере. Мы имеем восемнадцать тысяч государственных школ против ваших шестидесяти тысяч. У нас сто общественных библиотек и семьдесят ежедневных газет, а у вас тысяча библиотек и сто семьдесят газет. И этот разрыв с годами будет увеличиваться.

— Но! — продолжал Мичем. — Мы не можем силой навязать нашим соотечественникам отмену рабства. Если мы попытаемся это сделать, Юг тут же отколетя!

— Юг будет лишь говорить об этом, — сказал Финеас. — Нытье об отделении Юга мы слышим с тем пор, как возникло дело об отказе штатов признавать федеральные законы. Ну и что? До сих пор из этого ничего не вышло. Кроме того, сколько южан из пяти с лишним миллионов пойдут воевать за рабство? На всем Юге едва наберется триста пятьдесят тысяч рабовладельцев, и у доброй половины из них меньше пяти рабов! Какой смысл пяти миллионам издольщиков и мелких фермеров проливать кровь за привилегии богатых плантаторов? Где здесь логика?

Айзек оторвался от блокнота, где что-то быстро писал, и посмотрел на спорящих.

— А даже если Юг все-таки отделится? — сказал он. —

Туда ему и дорога, не так ли? — Он указал на кривую технического роста. — Разве без этого нищего, отсталого края, который висит у нас как камень на шее, мы не добьемся нужного нам ускорения?

Мичем побагровел, и Дейвис почувствовал, что даже в нем нарастает гнев.

— Осторожнее, сэр, — подчеркнуто вежливо произнес он. — Вы задеваете нашу честь.

— Если Юг отделится, — сказал Илай Айзеку, — то Север будет воевать. А может быть, и Запад тоже. Не за отмену рабства, а за сохранение Соединенных Штатов. Ничего хорошего из этого не получится.

— Воевать? — рассмеялся Мичем. — Если Юг отделится, северяне не посмеют ничего сделать. У нас джентльмены учатся военному делу с рождения. Как сможет им противостоять нация лавочников и ремесленников?

— Как? — переспросил Айзек с удивлением в голосе. Он встал и подошел к доске. Взяв мел, он написал систему уравнений и отступил в сторону.

Дейвис посмотрел на уравнения, и сердце у него упало.

Мичем фыркнул, подобрал мелок и добавил в уравнение еще один член. Решение изменилось на противоположное — побеждали южане.

Айзек покачал головой.

— Ни Англия, ни Франция в драку вмешиваться не станут.

— Еще как станут, сэр. Им нужны поставки хлопка с Юга. Хлопок — это почти половина всего экспорта Соединенных Штатов в развитые страны. Либо они вмешаются, либо будут ходить с голой задницей. — Финеас и сам Мичем рассмеялись, и Дейвис удивился, как близко иногда сходятся во взглядах Миссисипи и Массачусетс.

— Боюсь, в этом пункте вы ошибаетесь, брат Мичем, — сказал Илай. — Есть сведения, что хлопок успешно разводят в Египте и Индии. Юг не так уж незаменим, как вы полагаете.

— Джентльмены! — Джедедая снова стукнул палкой в пол. — Мы напрасно тратим время, обсуждая отдаленные возможности. Война возможна только в том случае, если Юг отделится. Юг отделится только в том случае, если будет считать, что отмена рабства навязана ему федеральным правительством. А это может случиться только при условии, что выборщики проголосуют за президента-аболициониста, а законодательные собрания штатов выберут аболиционистов в сенат. Но поскольку ни демократам, ни вигам не грозит опасность попасть под влияние аболиционистов, то вряд ли

это случится. Перемножьте вероятности сами, если хотите. Результат окажется исчезающе мал.

«Но не равен нулю!» Даже теперь, спустя десятилетия, Дейвис Белло вспомнил мелькнувшую тогда у него мысль.

— Сэр?

Белло вздрогнул и, открыв глаза, вернулся в настоящее.

— Мы не стали действовать напрямую, — сказал он стоящему перед ним. — Мы ни словом не упоминали об отмене рабства. Но что-то не сработало.

— Сэр? — Перед ним стоял слуга, на лице его застыло выражение вежливого недоумения.

— Они упустили самое главное. Все они. Мичем так и не понял, почему я голосовал так, как голосовал. Но я видел, куда ведет рабство, — оно вело напрямик в ад. Причем не рабов, ибо со страданием приходит спасение, а рабовладельцев. Превратиться в развращенных аристократов — еще худших, чем в Старом Свете. Быть проклятыми на вечные времена и даже не знать об этом. Джон Рэндолф был прав. Ужаснейшее из проклятий — родиться владельцем рабов.

— Сэр!

— Что такое, Жорж? — раздраженно спросил он.

— Вам письмо, сэр. От банковской конторы Гормэна и Стаута. Посыльному приказано передать его вам лично в руки.

Белло вздохнул и откинул простыни. Он сел в кровати, в ночной рубашке и колпаке, и отыскал ногами шлепанцы. Движения его были медленными и осторожными.

— Хорошо. Я приму его в комнате для утренних присмов. Пришли Мартина меня одеть. Посыльный пусть подождет на кухне. Мисс Лоретта может предложить ему чая со льдом.

Когда он вскрыл пакет, у него затряслись руки. Отпустив посыльного, он остался в комнате один, рядом на буфете стоял поднос с завтраком. Внутри пакета был конверт и сопроводительное письмо от банкиров. А на конверте...

Белло повернул его к свету и поднес поближе к глазам. Он узнал почерк! Этого не может быть, ведь прошло столько лет! Он потянулся и отвернул кран газового светильника. Зашипело пламя, и в комнате стало светлее. Он еще раз взглянул на почерк.

Да, это Брейди Куинн.

Сколько времени минуло с тех пор, как Брейди сложил с себя полномочия и исчез? Лет десять? Гораздо больше, чем хотелось бы Белло. Брейди Куинн... Умнейший человек! Один из лучших в Обществе. Но Брейди было не по душе

то, что делало Общество. Жаль. Белло это тоже было не по душе, но он не смог уклониться. А Брейди смог.

Линкольн... Все дело было в Линкольне. Теперь он вспомнил, что из-за этого Брейди и ушел. Да, об этой акции можно было только сожалеть, но она была необходима. Это вытекало из расчетов. Даже в Писании сказано, что бывают случаи, когда один человек должен умереть во спасение всех остальных.

Вместе с Брейди исчезли некоторые таблички с отверстиями. Белло помнил, как обнаружил пропажу и сказал о ней Айзеку. А брат Айзек, который на памяти Дейвиса никогда не проявлял никаких других эмоций, кроме непреклонной решимости, вдруг уронил голову и беззвучно заплакал. Поразительно, какими свежими оставались столь давние воспоминания, в то время как события вчерашнего дня казались смутными, как в тумане. Айзек был наставником Брейди, но Белло всегда подозревал, что за горем старика скрывалось нечто большее, чем бегство ученика и кража табличек. Похоже, Айзек тайл в своем сердце какую-то ужасную тайну.

Белло взвесил конверт в руке. Послание с того света.

А может, с этого? Никто не знал, жив брат Брейди или умер. Было известно, что он уехал на Запад, вот и все. Если только Айзек не знал еще чего-то.

Он вспомнил о сопроводительном письме и вынул очки из кармана жилета. «Почтенному Дейвису Белло, эсквайру». Обычные приветствия и т.д. и т.п. Он пропустил эту многословную чепуху и перешел к сути послания.

Все оказалось так, как он и думал. Брейди оставил прилагаемый конверт на хранение в сейфе Гормэна и Стаута в 1866 году с распоряжением доставить его 16 мая 1876 года или в один из ближайших к этой дате дней «любому из нижеперечисленных джентльменов, кто по состоянию здоровья сможет его получить». Далее шел список имен: д-р Джедедая Кроуфорд, д-р философии; преподобный м-р Айзек Шелтон; д-р Илайс Кент, д-р медицины; полковник Мичем Кларк...

Глаза Белло наполнились слезами. Братья, все до единого. Как ему их не хватает! Как не хватает того чувства товарищества, ощущения общей цели, даже ожесточенных споров. Никого из них уже нет, кроме брата Айзека, да и тот впал в старческий маразм. Слеза скатилась по щеке Белло, чернила на сопроводительном письме расплылись.

Членов нынешнего Совета он едва знал и уже много лет не посещал его заседаний. Он давно отошел от дел Общества. Почетный член Совета...

Резким движением он провел ножом для резки бумаги по сгибу конверта. Внутри лежали две густо исписанные странички. Белло мгновение поколебался, потом вынул их и прочел.

И перечитал снова.

«Мои дорогие друзья,

я не знаю, останется ли кто-нибудь из вас в живых, когда придет это письмо, как не знаю того, буду ли жив сам. Однако я знаю, что вы, мои товарищи, имеете право знать, что я намерен сделать, и если Господь будет милостив, то хотя бы один из вас прочтет эти строки и поймет меня.

Братья, Общество совершило слишком много ошибок. Слишком часто наши действия вызывали последствия, не предсказанные уравнениями. Брат Илай был прав, когда предупреждал, что наши знания недостаточны для того, на что мы замахнулись. Тем не менее я не смог отговорить вас встать на тот путь, куда вас увлек брат Кроуфорд. Пусть так. Я понимаю настойчивость и искренность, с которой вы преследуете нашу цель. Сверхоружие никогда не должно взорваться. Но путь к этой цели меня тревожит.

Мой ученик — имя его не имеет значения — натолкнулся на одну проблему, и мы с ним вместе, кажется, нашли ее решение. Но чтобы провести это решение в жизнь, я должен действовать вне Общества. Если наши вычисления верны, то сейчас, когда вы читаете эти строки, предсказанное нами событие уже надвинулось вплотную. Назначая срок доставки этого послания, мы сделали поправку на возможную ошибку, чтобы вы были предупреждены заранее, хотя существует небольшая вероятность — порядка 5%, — что событие уже произошло.

Наше предупреждение состоит в следующем. Общество Бэббиджа само подчиняется тем же клиологическим законам, которые мы открыли. Под этим я подразумеваю не то, что и мы разделяем идеалы и убеждения своего времени — это само собой понятно, — а то, что Общество есть «комплекс идеонов» в понимании Бэббиджа и, таким образом, само подвержено эволюционному изменению. Мы начали — пусть не всегда удачно — вмешиваться в ход истории, преследуя благородную цель, но эта цель не останется неизменной, и в будущем усилия Общества могут оказаться обращенными к менее возвышенным целям.

Вспомните — в известной детской игре мальчик рассказывает какую-то историю на ухо соседу, тот шепотом передает ее следующему и так далее по кругу. Когда последний

в цепочке рассказывает ее вслух, она мало чем напоминает исходную. Назовем это «вырождением идеонов». При каждой передаче теряется примерно 25% содержащихся в рассказе идеонов, которые заменяются идеонами, создаваемыми каждым новым слушателем. (Впрочем, более «активные» идеи могут вырождаться с большей скоростью.)

Точно так Джедедая Кроуфорд передал шепотом комплекс идеонов Айзеку и Финеасу, а они, в свою очередь, передали их остальным, в том числе и мне. Достаточно быстро подлинные идеоны Общества испарятся. Мы подсчитали, что при идеальных условиях в шестом звене цепочки учеников от исходных идеонов брата Джедедаи останется лишь 25%. Это означает, что новые члены общества шестого «набора» будут считать свои собственные идеи равноценными тем, что они унаследуют от Основателей, а потому проложат новый курс для Общества. Мы полагаем, что такое изменившееся Общество попытается реконструировать нашу нацию не ради всеобщего процветания, а в собственных интересах. Один из наших будущих — то есть один из ваших нынешних, брат мой, — членов Общества решится руководить им сам, используя против нас наши собственные клиологические инструменты.

Я уже предпринял некоторые шаги, чтобы воспрепятствовать этому. Я втайне от вас, мои братья, основал дочернее общество. Мы сохранили Клятву и обряды, но изменили правила таким образом, чтобы их, как мы надеемся, труднее было извратить. Я молю Бога лишь об одном — чтобы нам это удалось. Наше новое Общество не будет предпринимать никаких действий. Слишком много ошибок было совершено, слишком много крови пролито. Мы вернемся к первоначальной цели — научным исследованиям — в надежде, что с течением времени сумеем накопить достаточно знаний, чтобы исправить ошибки прошлого.

Многие из нас ранее были членами Общества, но я изъясил все наши следы из картотеки. Простите меня за это, но от этого зависит наша жизнь.

Остаюсь навсегда вашим покорным слугой

Брейди Темплтон Куинн»

Белло положил исписанные листки на стол. Чтобы Общество изменило принципам, которые заложил брат Дая? Нет, такого не может быть!

И все же... И все же он мог себе это представить. Теперь, когда такая возможность сформулирована, механизм ее осуществления — и уравнения, описывающие его, — стали ему

ясны. Рано или поздно должен наступить критический момент... Он проделал в уме расчеты, проклиная медлительность своего мозга. Слишком долго он пользовался машинами Бэббиджа, вот и утратил навыки, приобретенные в юности. Некоторые цифры он округлял — нужна была только приблизительная оценка.

Да, критический момент должен наступить. И скоро!

Он вцепился в ручки кресла и сжал их так, что костяшки пальцев побелели. Необходимо предупредить Совет. Проклятый Брейди! Почему он ничего не сказал десять лет назад? Почему ждал сегодняшнего дня, чтобы заговорить с ними из прошлого?

Дейвис Белло поднялся и доковылял до письменного стола. Его пальцы пробежали по календарю. Точно. В следующий четверг заседание Совета. Как почетный член Совета он имеет право на нем присутствовать. Вот он и придет. Хотя предупреждение поступило так поздно, может быть, Гровнор Вейл все-таки сумеет предупредить переворот, который предсказал Брейди.

Но он забыл несколько важных фактов, касавшихся Гровнора Вейла. И прежде всего он забыл, сколько звеньев цепочки отделяло Вейла от Джедедаи Кроуфорда.

Теперь

I

(Истон, шт. Пенсильвания)

До капитана Райли постепенно дошло, что в компьютерной комнате началась какая-то суматоха. Он положил авто-ручку на стол, подошел к двери своего кабинета и выглянул наружу. Капитан был высок и крепко сбит, он все еще сохранял форму и не растолстел, потому что каждое утро бегал трусцой по Саут-Сайду. Он увидел, что полицейские и штатские сотрудники сгрудились вокруг принтера и возбужденно переговариваются. Принтер частил, как пулемет. Капитан распахнул дверь и вошел.

— Что здесь происходит? — спросил он, глядя на бумажную ленту, сбегавшую из принтера в корзину. Печатающий диск вращался так быстро, что его очертания казались размытыми. — Это что такое?

Кто-то из детективов одну за другой читал страницы, выползавшие из принтера.

— Сам не пойму, капитан, — сказал он. — Большая часть, по-моему, сплошная абракадабра, но мне кажется... — Он порылся в ворохе распечатки, нашел нужную страницу и оторвал ее по линиям перфорации. — Кажется, мы напали на след того неизвестного, чей труп обнаружили три года назад в парке Риверсайд.

Райли взял у него страницу и пробежал ее глазами. В городке происходило не так уж много событий, и тот неопознанный труп целых девять дней не сходил со страниц местной «Экспресс». С тех пор у Райли не проходила досада, что преступление так и осталось нераскрытым. Что-то было в нем не так, но что, он понять не мог. Несмотря на то, что газеты объявили жертву бродягой, покойник отнюдь не был похож на бездомного нищего.

«960709.01. Т. Крейл — Совету. Б.Симпсон устранен в Истоне, шт. Пенс. Закрыть файл».

— Это не все, капитан.

Райли поднял глаза. Это была старшая по компьютерам — коротенькая полная женщина в старушечьих очках, никогда не пользовавшаяся косметикой. Она всегда казалась ему такой же частью компьютера, как принтер или монитор.

— Что у вас?

— Знаете... — Она держала целую стопку листов. — Вам надо связаться с кем-нибудь, только не знаю, с кем лучше — то ли с ФБР, то ли с «Нэшнл Инкуайрер».

(Нью-Йорк, шт. Нью-Йорк)

— Хорошо, хорошо, но откуда это поступает? — Грег Гуванис обвел взглядом остальных репортеров, столпившихся вокруг терминала в отделе городской хроники «Нью-Йорк Таймс».

— Кто его знает, — сказал один, махнув рукой. — Должно быть, какой-то хакер шутки шутит.

— И верно. Помните Капитана Полночь? Пожалуй, прошло уже лет десять. А еще году в восемьдесят девятом была та эпидемия компьютерного вируса.

— Ну да, — согласился другой. — Каждый программист, который чувствует, что ему вот-вот дадут коленом под зад, норовит оставить в базе данных своей фирмы мину замедленного действия.

Гуванис просматривал листы распечатки.

— Ничего себе шутка. Похоже, тут целиком распечатываются чьи-то файлы.

— Ага, я же говорил...

— Дорогу! Дайте пройти! — Главный редактор разрезал толпу репортеров, как «Куин Элизабет» морские волны. В кильватере у него с растерянным видом семенил редактор отдела новостей, нервно заламывая руки.

— Что за сборище? — осведомился главный и, выхватив страницу распечатки из рук одного из репортеров, пробежал ее. Затем он скомкал страницу и приказал:

— Отключите эту чертову штуку!

— Но...

— Отключите, я сказал! Я не желаю, чтобы вы потратили месячную норму бумаги из-за того, что какой-то спятивший хакер вздумал заблокировать наш терминал.

Кто-то дотянулся до выключателя, и стрекотанье принтера смолкло.

— Бен! — Главный подозвал редакционного рассыльного и сунул ему в руки скомканную страницу. — Отнеси это и остальной мусор вниз, в дезинтегратор. Да проследи лично, чтобы все сожгли. А что касается вас, — он повернулся к репортерам, — то вы, кажется, забыли, что у вас график?

Вместе с остальными Грег вернулся на рабочее место. Он зажег экран своего монитора и листал текст, пока не нашел абзац, который переписывал, когда начался переполох. Несколько минут он тыкал пальцем в клавиши, как вдруг почувствовал, что рядом кто-то стоит. Он поднял голову и увидел Ору Харрис. Она была новенькая, Грег ее почти не знал.

— Да, Ора. Что у тебя?

Она бросила взгляд налево, направо и тайком сунула ему страницу, оторванную от компьютерной распечатки.

— Смотрите, чтобы не увидел главный. Вы, кажется, говорили, что Морган Граймз был вашим другом?

Он взял у Оры листок, заметив при этом, что рука у нее дрожит.

— Да.

Они с Морганом не виделись уже несколько месяцев, а потом, пару недель назад, Морган позвонил и попросил его поискать кое-что в море «Таймс». Теперь Морган сам в море, хотя нет, уже похоронен. Занятная штука жизнь. Он взглянул на листок, который дала ему Харрис.

«990620.34. О. Крейл — Совету. М. Граймз устранен в Денвере, шт. Колорадо. Закрывать субфайл».

— Что это такое?

— Не здесь, — сказала Ора. — Заберите домой и прочтите. Там немного, всего одна страничка. Я читала как раз ее, когда нагрянул главный, и вспомнила, что вы говорили о смерти вашего друга. И вот еще что... Мистер Гуванис!

— Что?

— Подумайте-ка, почему это наш главный так поспешно выключил принтер.

(Монреаль, провинция Квебек)

Он нахмурился, глядя на компьютер. Что могло остановить ответ на запрос? Не хватает памяти? *C'est impossible**! Он нажал несколько клавиш, вызвал каталог и стал его листать. *Voilà***! Неопознанный запрос. Пиратская программа.

— *Merde****, — шепотом выругался он.

Что делает вирус в его системе? Как он сюда попал? Он набрал еще несколько команд и посмотрел на экран. Только через несколько секунд до него дошло то, что он прочел. Он подскочил на стуле и ударил по клавише аварийного отключения.

— *Merde!* — снова выругался он, на этот раз с гораздо большим чувством.

(Лэнгли, шт. Вирджиния)

Принтер неожиданно ожил, и Джен Сэмюелс вздрогнула от неожиданности. Она отложила книгу и повернулась вместе с креслом к экрану монитора. Сняв телефонную трубку, она прочла первую строчку первого абзаца, чтобы узнать, с каким агентством надо связаться.

— О, черт! — произнесла она и бросила трубку. Мгновенно пробежав глазами следующие несколько страниц, она повторила:

— О, черт!

Джен протянула руку и нажала кнопку аварийного выключения. Терминал тихо вздохнул, и экран погас. Принтер замер на половине строки.

Она поспешно оторвала уже напечатанные страницы от рулона и сунула их в дезинтегратор. Машина недовольно зажужжала и замолкла как раз в тот момент, когда из туалета появилась Лесли.

— Что случилось? — спросила та, увидев, что Джен снимает заднюю панель компьютера.

— Наверное, замыкание или что-то еще в этом роде, — ответила ей Джен, незаметно оторвав один из проводов.

* Это невозможно (*франц.*).

** Вот! (*франц.*).

*** Проклятье (*франц.*).

(Сан-Франциско, шт. Калифорния)

- Да, Пруденс, какие новости?
- Боюсь, они вам не понравятся, мистер Кеннисон.
- Алло?
- Вы видели?
- Что видел?
- Боже, да это распечатывается на каждом терминале по всей стране!
- Что распечатывается?
- Созывайте Шестерку, Брэдфорд. Нам надо посоветоваться.
- Что-то серьезное?
- Серьезное? Все перевернулось. Мой бог, все полетело вверх тормашками!

(Остин, шт. Техас)

«Продолжаем обзор утренних новостей. Неизвестным компьютерным хулиганом выведены из строя терминалы по всей стране. Его выходка, напоминающая нашумевшее дело Капитана Полночь...»

(Сент-Пол, шт. Миннесота)

— Эй, Фред, налей-ка еще по одной мне и моим приятелям. — Он повернулся к соседям за стойкой бара. — Так вот, она, моя начальница, и говорит, что не стоит обращать внимания на это дело. Мол, интерес к нему только подогреет других шутников. Но я-то прочел кое-какие из этих распечаток и думаю...

(Сиэтл, шт. Вашингтон)

«Резидентура «Кинг» выяснила из конфиденциальных источников имя компьютерного хакера, ответственного за диверсию, совершенную на прошлой неделе в национальной компьютерной сети «Дэйта-Нет»...»

(Вашингтон, округ Колумбия)

- Что вы думаете обо всем этом, Винс?
- О, тревожиться здесь не о чем, сенатор. Как сообщили по телевидению, это обычное хакерство. Какая-то женщина, которая повредила в рассудке после гибели своего любовника в поножовщине, связанной с наркотиками.

Сенатор нахмурился и выпятил подбородок.

— Стоит вынести это на обсуждение сената?

Его помощник замолчал, лихорадочно соображая. Он весь обливался холодным потом и молил Бога, чтобы сенатор этого не заметил. У него не было времени позвонить брату Ульману и получить инструкции, и приходилось импровизировать. Позже надо будет встретиться с помощниками нескольких других конгрессменов. Даже с теми, кто работает на противника. Выработать общую стратегию. Это поистине «двухпартийное» дело.

— Мне кажется, нам не стоит придавать этому слишком большое значение, — рассудительно сказал помощник. — Такого рода скандалисты жаждут известности. Если мы поднимем это дело на общенациональный уровень, на следующей неделе мы будем иметь дюжину подобных инцидентов.

«Пожалуй, это наилучший вариант, — подумал он про себя. — Запустить в систему целый букет бессмысленных распечаток и явной дезинформации. В конце концов, труп легче всего спрятать на поле боя. Но тем не менее пока нельзя допустить, чтобы политиканы прочли то, что уже просочилось».

— Я думаю, стоит поставить на обсуждение законопроект, который застрял в подкомитете по средствам информации. Он предусматривает ужесточение наказаний за компьютерные преступления.

— Гм-м. — Сенатор кивнул. — Гарри слишком долго сидит на нем. Я знаю, ему не нравятся некоторые статьи, он их называет «словесным мусором». Но теперь-то он должен понять, что лучше принять закон вовремя, пусть даже сырой. Суды потом исправят все двусмысленности. Мы должны что-то делать с пиратскими вторжениями в чужие базы данных.

Винс согласно кивнул. Придется заняться «сенатором Гарри», причем в ближайшие дни. Чересчур он принципиален. Винс вздохнул. Он знал, что на эту операцию «двухпартийного» одобрения не получит.

(Сан-Хосе, шт. Калифорния, Ассошиэтед Пресс)

«Центр контроля компьютерных вирусов рекомендовал сегодня всем университетам и исследовательским центрам поставить свои компьютеры на карантин и очистить их от вируса, свирепствовавшего в общенациональной сети «Дэйта-Нет» в прошлые среду и четверг и выводившего на терминалы по всей стране ложную и клеветническую информацию. ФБР начало расследование с целью установить, не

нарушен ли в данном случае федеральный закон. Оно трактуется случившееся как покушение на неприкосновенность компьютерной сети».

Человск, которого он знал под фамилией Бернштейн, посмеиваясь, читал газету.

— Что там такое? — спросил он.

Бернштейн развернул газету на одной из внутренних полос и потряс ее, чтобы расправить страницы. Шелест бумаги был похож на звук шагов по сухим листьям.

— Это ваша подружка, — ответил Бернштейн. — Полюбуйтесь, что она натворила.

(Кейп-Жирардо, шт. Монтана)

— Да, я знаю, Вашингтон это засекретил, но я думал...

Мистер Коппел: Но допустим на минуту, доктор Вейн, что бомонтовская распечатка — это правда. Разве тот факт, что отдельные личности разбогатели, предвидя будущее, не убеждает вас, что такая наука по меньшей мере возможна?

Доктор Вейн: Ничуть, Тед. Успех не требует метода. В стране хватает людей, которые разбогатели, успешно предвидя будущее. На фондовой бирже. На рынке недвижимости. Но мы упускаем из вида, сколько людей разорились, прогнозируя будущее... неудачно. (Смех среди гостей.) По теории вероятности какие-то из множества прогнозов всегда окажутся правильными.

М-р Коппел: Не могли бы вы пояснить...

Д-р Вейн: Пожалуйста. Допустим, я берусь предсказывать пол еще не родившихся детей. За это я беру один доллар, причем в случае ошибки возвращаю его. Все, что от меня требуется, это каждый раз предсказывать мальчика. Мой средний доход составит полдоллара с каждого ребенка, но это не значит, что я буду пользоваться научным методом.

М-р Коппел: Понимаю.

Д-р Вейн: А вот другой, не столь очевидный пример. Во время второй мировой войны Энрико Ферми беседовал с генералом Гровсом о военной истории и разговор зашел о великих полководцах. Доктор Ферми спросил, какой процент генералов можно считать великими полководцами. «Примерно трое из ста», — ответил Гровс. «А как стать великим полководцем?» — «Выиграть пять крупных сражений под-

ряд». — «Хорошо, — сказал Ферми, — допустим, что в большинстве случаев силы противников примерно равны. Вероятность выиграть битву составляет 50%. Две битвы подряд — 25%. Три — 12%. Четыре — 6%. Пять битв подряд — 3%. Так что вы правы, генерал, три из ста. Только это теория вероятности, а не их военные заслуги».

(Литтлтон, шт. Колорадо)

— Я видел ее, — сказал Пат, передавая картофельное пюре. — По-моему, это было за неделю до того, как она исчезла. Я тогда работал в ночную смену на сортировочной рядом с вокзалом Юнион. Она вышла из-под виадука. Не бежала, но шла очень быстро. Она сказала нам, что осматривала дом поблизости и ей показалось, будто за ней кто-то следит.

— Кто-то следит? — Кевин нахмурился и, положив вилку на тарелку, взглянул на брата. — Это было перед тем, как убили Моргана, да?

— Да. И перед тем случаем в парке. Ну, помнишь, со стрельбой.

Кевин задумчиво погладил усы.

— Значит, ты думаешь, у нее крыша поехала еще до этого? У нас в «Ньюс» все говорят, что она свихнулась, потому что Морга убили сразу после того, как он оказал ей какую-то услугу.

Пат пожал плечами.

— Не знаю. Только занятно это — встретишь кого-то, тогда я даже не сразу вспомнил ее имя, а спустя пару недель оказывается, что это знаменитость.

— Знаменитая преступница, — поправил его Кевин. Он снова взял вилку, но ссть не стал и покачал головой.

— Концы с концами тут никак не сходятся, — сказал он. — Я, правда, не виделся с ней с тех пор, как она ушла из газеты, но я знал ее. И Моргана знал. Вся эта история совсем не в их духе. А Морган перед самой смертью просил передать Саре очень странные слова.

— Все перемываете косточки бедной Саре? — спросила вошедшая Кэти.

— Ты сказал, что она осматривала дом? Какой именно? Пат пожал плечами.

— Убей, не знаю. Она не сказала.

Кевин задумался.

— О чем это вы? — повторила его жена.

— О Пулитцеровской премии, — сказал Кевин.

— Но я не желаю становиться кем-то другим!

Ред Мелоун сидел на верхней перекладине изгороди и, глядя на пасущихся в загоне лошадей, с наслаждением вдыхал горный воздух. Его левое плечо было туго перебинтовано, а рука висела на перевязи. Чтобы не свалиться, он зацепился носками туфель за нижнюю перекладину. Ласковый ветер с гор трепал его рубашку и волнами раскачивал траву на пастбище. Табунок кобылиц пасся у самой изгороди в дальнем конце загона. Неподалеку от них держался жеребец, который подозрительно поглядывал на Реда.

Услышав слова Сары Бомонт, подошедшей сзади, он не обернулся.

— Никто не желает, — ответил он.

— Но никому из вас и не приходится, — резко сказала она.

Ред наконец обернулся и посмотрел на нее, удивленный, как она может быть настолько слепа. Сара была одета по-ковбойски — джинсы в обтяжку и клетчатая рубашка. Белая соломенная стетсоновская шляпа резко оттеняла ее темную кожу. Сам Ред был по-прежнему в городской одежде. Он снова повернулся к лошадям.

— Иногда приходится, — сказал он. — Время от времени.

Сара облокотилась на изгородь рядом с ним, подперев подбородок руками. Ред взглянул на нее сверху вниз. Она с мрачным видом смотрела на лошадей.

— Черт возьми, Ред, — сказала она. — Я потратила годы, чтобы стать тем, кто я есть. Я вкалывала, как проклятая. Поверьте, это было нелегко, но меня вполне устраивает, какой я стала!

— Значит, вам повезло. Большинство из нас не отказалось бы коренным образом изменить свою жизнь, если бы это было возможно. Чем вы недовольны? В вашем новом обличье вы будете богаты, вам не о чем будет беспокоиться. Мы своих не бросаем. Конечно, придется сделать небольшую пластическую операцию. Может быть, слегка осветлить кожу. Вас собственная мать не узнает.

Глаза Сары потухли, она опустила голову.

— Она и сейчас бы меня не узнала, — тихо сказала Сара.

Ред хотел было сказать: «Ну, тогда тем более», — но почувствовал, что говорить этого не следует. Он увидел, что жеребец неожиданно встрепенулся и запрядал ушами, как сдвоенной радарной антенной. Потом он пробежал рысью несколько шагов, поднялся на пригорок в дальнем конце

загона и застыл как статуя, глядя в сторону гор. Через некоторое время он успокоился и вернулся на свое место рядом с табуном кобыл. «Интересно, что это он учуял там, в горах? — подумал Ред.

— Это будет вам же на благо, Сара, — сказал он, помолчав. — Разве вы не смотрели последние новости? Не успели вы разнести по всему свету тайну Общества Бэббиджа, как дикторы теленовостей принялись рвать вас в клочья. «Паранойя» и «психическая неустойчивость» — самые ласковые слова в их устах. Так почему бы вам не стать кем-то другим? Остаться Сарой Бомонт в наши дни не сулит большой радости.

— Да, это грязная работа, — холодно заметила Сара, — но кто-то должен ее делать. — Она повернулась и посмотрела ему в глаза. — А как бы вы поступили на моем месте?

Ред взглянул на нее, отвел глаза и пожал плечами.

— Так же, наверное.

— Кто-то пытался меня убить, — продолжала она, как будто рассуждая вслух. — Я и понятия не имела, за что. Поэтому я начала разбираться, пока все не выяснила. И знаете, что самое смешное?

— Нет, и что же?

— Если бы они оставили меня в покое, я никогда бы не натолкнулась на их гнусную маленькую тайну.

В этом Ред сомневался.

— Может, да, а может, нет. Женевьева Вейл не слишком умна и легко впадает в истерику. Но скажите мне вот что. Что бы вы сделали с Сарой Бомонт, окажись вы на их месте?

Она нахмурилась.

— Я никогда не оказалась бы на их месте.

— Это нечестный ответ.

— И вопрос нечестный! Скорее я могу представить себя членом Ку-Клукс-Клана.

— Вы должны согласиться, что у них были основания опасаться.

— Что? У ваших людей тоже. Но вы-то не пытались меня убить.

Ред поморщился и, опустив глаза, принялся рассеянно потирать раненую руку.

— Нет, но мы поступили еще более жестоко.

— Да, вы втоптали в грязь мое доброе имя. Кто сообщил всему миру, что это я устроила распечатку? Те файлы распечатывались анонимно, значит, кто-то навел на меня газетчиков. Теперь они поливают грязью того, кто принес дурную весть, чтобы никто не прислушался к самой вести. Старый прием.

— Зато надежный. Как вы думаете, почему мы им до сих пор пользуемся? Черт побери, это же в наших интересах! Я не больше, чем они, стремлюсь попасть в лапы разъяренной толпы. Почему бы нам не постараться замолчать эту вашу весть?

— Потому что это правда!

Он молча пожал плечами, не затрудняя себя ответом.

— И еще потому, что это все равно бесполезно! — продолжала настаивать Сара. — Мне наплевать, сколько «котов» вы насажали в газетные редакции и в полицию. Вам все равно не удастся закрыть глаза и заткнуть уши всем людям. Моя программа будет постоянно распечатывать ваши и их файлы до тех пор, пока не кто-нибудь не догадается, как ее убить. Слишком много людей получают возможность их прочесть. На каждую сотню человек, которые будут над этим смеяться, найдется один, кто задумается. И не забывайте про бизнесменов и политиков.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Почему именно о них?

— Подумайте об их уязвленной гордости. Подумайте, как долго они верили, что это они тянут за ниточки! Им не понравится, если они окажутся всего лишь переменными в ваших клиологических уравнениях.

Ред едва заметно улыбнулся.

— Переменные — это чересчур громко сказано. Так, эпифеномены промежуточных структур. Разве вы не ходите на подготовительные курсы?

Увидев, какое выражение появилось на лице Сары, Ред расхохотался.

— Аарон большой оригинал, я с вами согласен. Он на тысячу лет старше всех остальных. Он все видел и все испытал дважды. Помню, еще когда меня принимали в Ассоциацию... — Он заметил, что Сара насторожилась, и напомнил себе, что она пока еще не завербована окончательно. — Когда принимали меня, он уже тогда был стар, как Мафусаил. — Ред усмехнулся. — Ходят слухи, что он — один из Основателей, который решил задержаться, чтобы проконтролировать, выполняется ли их замысел.

— Вы делаете вид, будто не поняли, что я хотела сказать.

— А вы что-то хотели сказать? — У него на лице появилась деланно добродушная улыбка.

— Да. Даже если один человек из ста заинтересуется тем, что раскрыл мой «червь», то это уже тысячи людей по всей стране. Пытаться растоптать меня бесполезно. Это абсолютно ничего не изменит!

— Может быть. Но если вы истекаете кровью от смертельной раны, разве вы не попытаетесь все равно остановить кровотечение? Живые системы всегда защищают себя. Разве я как-то вам об этом не говорил? Это автоматическая реакция, ни ненависти, ни мстительности тут нет. По крайней мере с нашей стороны. Когда вы писали эту программу, вы не знали о нас. Вам было известно лишь то, что они пытались вас убить. Что они убили других, включая кое-кого из ваших друзей. Вы тоже живая система...

— Спасибо.

— ...И мы не виним вас за то, что вы защищали себя. Да, мы дискредитировали вашу распечатку. Мы погубили ваше доброе имя. Прошу за это прощения. Но в качестве компенсации мы предлагаем вам новое имя.

— Хорошенькая сделка.

— Неплохая. Гораздо лучшая, чем предлагают большинству людей. Послушайте, чего вы хотите больше всего, вот прямо сейчас?

— Вернуться в свою старую жизнь.

Ред чуть не растерялся — такая тоска прозвучала в ее голосе. Он почувствовал, что не может смотреть ей в глаза.

— Это невозможно. Вы отказались от нее в тот момент, когда решили запустить своего «червя». Попросите о чем-нибудь еще.

— Хорошо. Я хочу уничтожить их. Я хочу найти Денниса и сделать им больно за то, что они сделали с нами.

Ред кивнул.

— Прекрасно. Я тоже этого хочу. Вы это знаете. Почему же вы не хотите присоединиться к нам?

Она покачала головой.

— Мне не нравятся ваши методы.

— Вы же знаете, что они собираются сделать с людьми? Я ведь говорил вам, верно?

— О, конечно. Они пытаются превратить нас в домашних животных. Сделать более примитивными. Превратить в послушных техноробов. Достаточно сообразительных, чтобы понимать приказы, и достаточно образованных, чтобы их выполнять.

Он почувствовал озлобление в ее голосе и удивился — как же она не может определить собственную позицию.

— Неужели вы не хотите бороться с этим? Я хочу. Вот почему я создал собственную группу в рамках Ассоциации. Мы должны начать сражение с ними. Забыть правило Куинна.

— Цель оправдывает средства, да?

— А разве нет? Вы хотите, чтобы людей превратили в домашних животных?

— Нет, черт возьми! Но разве вы не понимаете, Ред? Средства становятся целью! Зачем они хотят одомашнить нас? Чтобы мы стали более предсказуемыми, легче укладывались в их уравнения. Чтобы их проклятая арифметика стала проще! Если вы с вашей группой встанете на тот же путь, то через сколько времени вы начнете преследовать такие же цели?

— Через сто двадцать лет, — ответил он. — Плюс-минус восемь лет.

Сара пристально посмотрела на него.

— Я вас совсем не знаю, — сказала она.

«Мы сами себя не знаем, — подумал он. — Не надо бы мне столько болтать. Особенно с ней и особенно об этом. Но она права насчет средств, которые становятся целью. Именно поэтому она так мне нужна. У нее есть чутье».

— Прошу прощения, — сказал он. — Не подумайте, что это просто легкомыслие. Я имел в виду, что мы должны начать бой с ними прямо сейчас, не откладывая. Опасность, которую вы заметили, действительно существует, но только в будущем. У нас есть время заняться ею потом.

Сара снова покачала головой.

— Нет, все не так просто. Сама мысль о том, чтобы пытаться манипулировать людьми...

— Опять вы за свое? Вы ведь знаете, я тут же соглашусь с вами, если вы покажете мне, чем клиология отличается от того, что люди делают каждый день, полагаясь лишь на смекалку и интуицию. Или вы хотите поставить нам в вину наш успех? Скажите, чем мы отличаемся от правительства, или рекламного агентства, или общества защиты животных? Разве каждый не пропагандирует взгляды, в которые верит? Разве это преступление — дальше видеть и правильное оценивать последствия? — Ред не мог понять, говорит ли в Сару упрямство, или она действительно этого не видит. — Будущее — не что иное, как разветвленное дерево возможных вариантов, и решение, принятое сегодня, подрезает многие его ветви на годы вперед, аннулируя одни варианты и создавая другие. Иногда действие, казавшееся в свое время самым мудрейшим, задним числом оказывается грандиознейшей глупостью. Знать, какие ветви могут пострадать по недосмотру, более чем важно, это жизненно необходимо. И те, кто способен видеть дальше, обязан предостерегать остальных от неверных шагов. Разве не так?

Сара молчала, угрюмо разглядывая лошадей. Наконец она вздохнула.

— Если я решу присоединиться к вам, — сказала она, не глядя на него, — вы поможете мне разыскать Денниса?

«Нет, она просто невозможная женщина. Могла бы и спасибо сказать за то, что вышла из этой передраги целой и невредимой. Чего нельзя сказать обо мне». Ред потрогал пальцами повязку, почувствовав под ними воспаленную плоть и укол боли в мышцах. Он вспомнил, как выстрел отбросил его на развалины стены. Ему повезло. Помимо своей воли он подумал о Джексонвилле. Только там дело кончилось иначе. А здесь Сара спасла ему жизнь. Он перед ней в долгу. Китаец сказал бы, что теперь он ее раб.

— Нет, — ответил он, и она удивленно вскинула на него глаза. — Нет, — повторил он. — Я помогу вам разыскать Денниса независимо от того, присоединитесь вы к нам или нет. — Он подождал, не скажет ли она чего-нибудь, чувствуя себя все неуютнее под ее взглядом. — Я не допущу, чтобы кто-то вступил в наше братство по принуждению, — пояснил он. — Я хочу, чтобы вы это сделали по собственной доброй воле. Вы можете принять новое обличье или не принимать. Вы можете присоединиться к нам или нет. В обоих случаях вы должны решить сами. Но я помогу вам найти Денниса. Это касается только нас двоих.

Ред отвел глаза. «Похоже, я вещаю, как напыщенный идиот». Он надеялся, что Сара не станет над ним смеяться.

Смеяться она не стала, только удивленно покачала головой.

— Я совсем вас не знаю, — снова сказала она.

— С вами хорошо обращаются? — спросил он после паузы.

Сара пожала плечами.

— Пожаловаться не могу.

— Да нет, можете. Только это ничего не изменит.

Она молчала, а Ред гадал, о чем она сейчас думает. Потом она вздохнула.

— Нет, не изменит. — Она осторожно дотронулась до его руки. — Как плечо?

— Спасибо, лучше. Только онемело немного. — Он попробовал подвигать рукой. — Гипс скоро снимут. Но я больше никогда не смогу играть на скрипке. — Сара бросила на него удивленный взгляд. — Впрочем, я и раньше не мог, — добавил он с серьезным видом.

Сара фыркнула. Они молча наблюдали за лошадьми. Одна из кобыл отбежала от табуна и понеслась галопом по холмистому лугу. Ред любовался ее красотой, изящными

движениями ее ног, игрой мышц под кожей. Жеребец пустился вслед за беглянкой, и, покусывая ее за бока, погнал обратно к табуну. Ред взглянул сверху вниз на Сару, и ему вдруг захотелось сбить с нее шляпу и взъерошить ей волосы. «Интересно, что бы она сделала?» Он прищурился и посмотрел в небо. Над ними кружил орел. «Черт, так недолго потерять равновесие и свалиться с забора. Хорош я тогда буду».

Сара показала на лошадей.

— Как вы думаете, почему они это делают?

Ред посмотрел на нее, потом на лошадей.

— Что делают?

— Почему, имея перед собой целый луг, они тянутся сквозь изгородь, чтобы пощипать траву на той стороне?

Он пожал плечами.

— Может, там она и в самом деле сочнее. Почему я знаю? Я вообще не разбираюсь, что делается на этих фермах.

— На ранчо, — поправила его Сара. — Я тоже не разбираюсь, но думаю, что знаю причину.

— Да? И в чем же она?

— Наверное, они просто не любят изгородей.

Вернувшись в свою квартиру, Джереми Коллингвуд меньше чем через час убедился, что здесь был обыск, а вскоре понял, что приходили дважды.

Он остановился в передней, чтобы снять шляпу и перчатки и поставить зонтик в подставку. Не успел он этого сделать, как его охватило тревожное чувство, как будто что-то не так. Нахмурившись, он прошелся по квартире и не заметил ничего необычного. Он приписал это ощущение нервному состоянию, в котором находился после несчастного случая с Деннисом.

Несчастный случай.

Бедный Деннис. И ведь он, Джереми, был там, когда это произошло. За всю свою жизнь он ни разу не был свидетелем чего-нибудь подобного. И уж во всяком случае смерти или увечья. Его потрясло то, как это внезапно и неожиданно случилось. Они шли по тротуару, обсуждая только что увиденную пьесу, как вдруг Денниса подбросило в воздух, а машина унеслась прочь по Арапахо-стрит. И эта бессильная, расслабленная поза, в которой лежал Деннис... При этом воспоминании Джереми содрогнулся. Шум автомобильного мотора и визг автомобильных покрышек по асфальту до сих пор заставляли его резко оборачиваться с замирающим сердцем.

На кухне он смешал себе мартини с водкой, пять к одному.

Взбалтывая в кувшине водку и сухой вермут со льдом, он рассеянно мурлыкал себе под нос и наполнил до краев два стакана прежде, чем сообразил, что делает.

Некоторое время он остолбенело смотрел на стаканы. Ему стало страшно — как срабатывает привычка, как прошлое напоминает о себе, словно неожиданной пощечиной! Ведь он хотел налить только один стакан. Для Денниса теперь единственный способ выпить — это внутривенно, если вообще ему дают выпить, в чем Джереми сомневался.

Он поставил кувшин на стол. В нем звякнули льдышки. Джереми посмотрел на свою руку и вцепился в край стола, чтобы унять дрожь. Деннис обязательно поправится. Никто из докторов в этом не сомневается. Правда, был один неприятный момент, когда в больнице обнаружилась путаница в записях, и ему сказали, что Денниса там нет, что он к ним вообще не поступал. Сначала Джереми подумал — это значит, что Деннис умер. И действительно, палата, куда он бросился бегом по коридору, оказалась пустой. Но вчера его заверили по телефону, что случилось недоразумение и что Деннис получает необходимое лечение, но никаких посетителей к нему еще не пускают.

А пока незачем наливать по два стакана. Джереми аккуратно перелил содержимое второго обратно в кувшин. Но тут он сообразил, что к тому времени, когда ему захочется выпить еще, если это случится, лед растает и безбожно разбавит коктейль. Пришлось вылить весь кувшин в раковину. Жаль, конечно, но что поделаешь.

Прежде чем заняться остальными делами, он вымыл и вытер кувшин и лишний стакан, потом убрал их на место. Они с Деннисом снимали эту квартиру на двоих, а Деннис отличался исключительной аккуратностью и в одежде, и в манерах. У всякой вещи свое место. Сам Джереми был бухгалтер-ревизор, аккуратист по натуре, и его привычки имели много общего с привычками Денниса.

Он прошел со стаканом в гостиную, собираясь включить кабельный канал, постоянно передающий новости, но посредине комнаты к нему вернулось чувство, как будто он попал не в свою квартиру. Он нахмурился и оглядел комнату более внимательно, чем в первый раз, когда только пришел. Его взгляд скользил по буфету, секретеру, креслам, дивану...

Диванные подушки лежали не так! Он нашел подставку для стакана и поставил его на сервант. Желтая подушка оказалась здесь, а оранжевая там.

Он переложил их на свои места. Но после того, как первое проявление беспорядка он заметил случайно, остальное само

бросилось в глаза. Из ящика секретера торчал уголок бумаги. Джереми открыл ящик и увидел, что канцелярские принадлежности разложены в полном порядке, но в другом порядке. Боже, и картина Мондриана висит на стене вверх ногами! И кресла стоят не на своих местах. Он опустился на четвереньки и пальцами стал ощупывать ворс ковра. Да, вот они — прежние вмятины от ножек.

Его обдало холодом, который зародился где-то в желудке и растекался по конечностям. Ведь не сам же он переставил все в своих собственных комнатах! Здесь кто-то был. Кто-то тщательно и методично обыскал квартиру, а потом постарался придать всему прежний вид.

Но почему? На подгибающихся ногах Джереми шагнул к своему любимому креслу и повалился в него. Обычный вор или взломщик едва ли стал бы заботиться о том, чтобы уничтожить следы своего пребывания. Почему было так необходимо не только обыскать квартиру, но и скрыть сам факт обыска? Что они здесь искали? Что-нибудь пропало?

Повинуясь безотчетному чувству, он поднялся и осмотрел картину Мондриана. Да, это подлинник. Но если даже этого не взяли, неужели вор унес что-то менее ценное? Не исключено. Картина висела вверх ногами, значит вор неспособен оценить геометрический стиль Мондриана, а возможно, просто не знал ее ценности.

Он внимательно осмотрел всю квартиру. Серебро на месте, драгоценности тоже. И наличность, не слишком хитро спрятанная в нижнем ящике.

Успокоившись, что ничего ценного не пропало, он вернулся в кресло. Сложив ладони, как на молитве, он оперся подбородком на кончики пальцев. Взлом без ограбления.

Надо ли сообщить в полицию? Джереми закусил губу. Он даже не сумеет доказать, что в квартире кто-то побывал. Ему не поверят. «Подушки лежали не в том месте дивана? Полноте, мистер Коллингвуд». Никто не знает, насколько аккуратен был Деннис. Никто. Ответом будут только сальные ухмылки и прозрачные намеки.

И все-таки он должен с кем-нибудь поделиться. С кем-нибудь, кто помог бы ему понять, в чем дело. Сам он в таких делах профан. Если бы ему дали колонки цифр или гроссбук со счетами, он мигом бы разобрался, что к чему. Но, читая детективные книжки, что, впрочем, случалось редко, он вплоть до последней страницы никогда не мог вычислить преступника. А теперь настоящая детективная история приключилась прямо у него в гостиной. К кому обратиться за помощью? Деннис отпадает, к нему пока не пускают.

Есть еще эта Бомонт, с которой Деннис иногда работал. Для женщины она действительно довольно сносная особа, не кривляка, как большинство из них. Деннис ее очень уважал.

Но Бомонт скрылась, исчезла без следа, и по телевизору о ней говорят ужасные вещи. Что именно она натворила, телевизионщики толком не сообщают, но явно убеждены, что это нечто отвратительное. Недозволенное проникновение в чужие базы данных или что-то в этом роде.

Все это слишком сложно. Зачем кому-то понадобилось обыскивать его квартиру, а потом тратить силы, чтобы снова навести прежний порядок, и притом испортить все дело, расставив вещи неправильно? Внимательному человеку не составило бы труда вернуть все на свои места. Если только...

«Здесь были двое. Конечно двое!» Джереми поднял голову и уставился в стену. Тот, кто наводил порядок, расставил вещи неправильно, потому что застал комнату уже в беспорядке. Неудивительно, что он наделал ошибок. Большинство людей не запоминает, как у них лежат канцелярские принадлежности в ящике или подушки на диване. Самое страшное — то, как много вещей они расставили правильно!

Это вообще не укладывалось у него в голове. Взломщика, заматающего следы, Джереми еще мог себе представить. Но почему второй взломщик постарался уничтожить следы первого? И почему они ничего не взяли? По крайней мере, насколько ему известно.

Могло ли это иметь какое-то отношение к Деннису? И к несчастному случаю? Чем больше он думал, тем меньше все, что произошло, казалось ему случайностью. Услышав, как взвизгнули покрышки, Джереми обернулся, и в тот момент у него возникло смутное впечатление, что мгновением раньше автомобиль специально свернул в их сторону. Не был ли Деннис втянут во что-то незаконное?

А если подумать, то разве не исчезла Бомонт в тот же день, когда сбили Денниса? Когда это было? Почти две недели назад. Она позвонила, спросила Денниса, и Джереми рассказал ей, что случилось, но ее, похоже, это не очень удивило.

Чушь! Он просто фантазирует без всяких оснований.

А чем занимался Деннис всю ту неделю перед несчастным случаем? Джереми залез во внутренний карман пиджака, достал оттуда записную книжку и перелистал ее. Они с Деннисом часто записывали друг для друга напоминания о деловых свиданиях. Джереми даже почувствовал легкое удовлетворение от того, как ловко он это придумал. Может быть, у него все-таки есть задатки детектива. Вот! День, когда случилось несчастье.

Они с Деннисом были в городском культурном центре на новой постановке «Веера леди Уиндермир». Мысль пойти в театр принадлежала Джереми, так что в известном смысле вина за несчастье лежит на нем. Если бы они...

«Нет! Я не позволю себе попасться в эту ловушку!» Джереми заставил себя успокоиться и снова занялся записной книжкой.

Ага, вот оно что: в тот самый день Деннис должен был встетиться за ленчем с человеком по имени Морган Граймз. Граймз? Имя казалось странно знакомым. Джереми недавно его слышал. По телевизору? Или встречал в газете? В газете, точно! Граймз — тот журналист, которого убили из-за наркотиков.

Словно ледяная рука стиснула его сердце. Деннис и этот Граймз виделись за ленчем, а на следующий день один из них был зарезан, а другой сбит машиной. Чуть позже звонит Бомонт, явно не в себе, реагирует странно, а затем исчезает. Джереми неожиданно вспомнил, что еще раньше в нее стрелял какой-то сумасшедший в городском парке. Деннис очень разволновался, когда Джереми показал ему в газете репортаж об этом. А не Граймз ли случаем написал его?

Внезапно ему представилось, что его всюду подстерегает невидимая опасность. Вокруг погибают люди, порой едва ему знакомые, а сегодня кто-то добрался и до него, перетряхнул его собственную квартиру. Вне себя от волнения, с дрожью где-то в глубине груди, он листал блокнот в поисках еще каких-нибудь намеков на то, чем занимался Деннис.

Дэниел Кеннисон сидел, развалившись в кожаном кресле с высокой спинкой, положив руки на подлокотники. Он сложил ладони вместе и обвел взглядом всех сидевших за длинным столом красного дерева. «Ничего себе компания», — с отвращением подумал он. Остальные члены Совета встревоженно щебетали, трепыхались, вертели во все стороны головами, как птички вокруг потревоженного гнезда. Идиоты! Кеннисон стиснул зубы, сдерживаясь. Он еще раз бегло обвел глазами стол и встретился взглядом с Гретхен Пейдж, смотревшей на него в упор. Она одарила его ледяной улыбкой, он ответил такой же, только температура ее была еще на несколько градусов ниже.

«Сборище проклятых кретинов. Нашли время пререкаться и интриговать, когда все, ради чего мы трудились, вот-вот пойдет прахом. На тонущем «Титанике» тоже пытались откачать воду из трюма ведрами. Основатели умерли бы от стыда».

У него не было сомнений, что дело Бомонт Женестьева Вейл провалила от начала и до конца. Ударилась в панику — ее обычная первая реакция на любые трудности — и заразила паникой остальных членов Совета. Конечно, Чужак был близок к раскрытию тайны, но нельзя было сразу делать вывод, что Бомонт и есть Чужак. Он пытался убедить их, что она просто из случайных любопытных. Может быть, он тоже ошибался, но теперь, задним числом, ясно, что он был гораздо ближе к истине, чем госпожа председательница.

«Поспешись — людей насмешишь, мадам председательница», — подумал он. Однако не он, а она сидит во главе стола, расфуфыренная и накрашенная, как голливудская статистка, и с невозмутимым видом распределяет вину на всех, кроме самой себя. Ни тени раскаяния на ее костистом лице фотомодели. Сказала бы: «Это я виновата. Я все испортила», — чтобы остальные перестали указывать друг на друга пальцем и занялись спасением Общества. Но до этого, как он подозревал, никогда не дойдет.

Во всяком случае, если он не вмешается.

Однажды он переспал с Женестьевой. Одного раза вполне хватило. Она настаивала, а он не осмелился отказать. Это его навсегда отрезвило. Согласно последней моде, она была такой тощей, что в постели ему казалось, будто он обнимает грудку вешалок для платьев. Она произнесла все нужные слова и проделала все необходимые телодвижения. Она корчилась, стонала и прижимала его к себе, изображая страсть. Техническая сноровка у нее безусловно есть, но Кеннисон чувствовал, что все это притворство, — так актриса играет в двухтысячный раз роль в скучной пьесе. Сюжет давно всем надоед, реплики никого не волнуют, но она требует повторять представление каждый вечер.

Кеннисон знал, что она в разное время переспала со всеми до единого членами Совета — и с мужчинами, и с женщинами. «А может быть, — подумал он со злорадством, — не пропустила и их домашних животных». На тот случай, если это правда, Кеннисон держал дома в террариуме боа-конструктора.

— Мы ничего не слышали об этой Бомонт с тех пор, как отправили на задание брата Крейла. Из этого следует, что Крейл успешно устранил ее из уравнений.

Кеннисон покосился на нее.

— О брате Крейле мы тоже ничего не слышали, — холодно заметил он. — А что следует из этого?

Что Бомонт одержала верх над Крейлом? Невероятно! Однако имелись данные, что ею заинтересовались еще и люди

Бетанкура. Ред Мелоун звонил ему тогда и пытался убедить, что Бомонт — не Чужак.

Не взял ли ее Мелоун под защиту Ассоциации? Возможно, даже очень возможно. Не означает ли это, что действия Бомонт были частью операции, которую проводит Ассоциация? Неужели они действительно думают, что могут разоблачить Общество, сами оставшись в тени? Нет, Бетанкур не так глуп. И Мелоун как будто вполне искренне удивился, когда Кеннисон сказал ему, что интересовало Бомонт, — те ключевые слова, по которым она вела поиск, и файлы, к которым она обращалась. К тому же эта чертова бомонтовская программа выбросила в редакционные и полицейские компьютеры файлы не только Общества, но и Ассоциации тоже.

Он закурил длинную тонкую сигару и выпустил к потолку облако едкого дыма. Мадам председательница сделала глупость, созвав Совет, и двойную глупость, что, созвав его, не сумела добиться никакого толка. Пора подбросить им несколько мемов.

— Сколько еще мы будем сидеть здесь и продолжать толочь воду в ступе? — спросил он.

Разговоры разом стихли, и все посмотрели на него. Жесткие темные глаза Женевьевы повернулись к нему, как радарные прицелы орудийной башни, а ее губы приоткрылись, как крышки орудийных портов перед залпом.

— Черт возьми, брат Кеннисон прав! Мы сидим здесь уже четыре часа и ничего не высидели. Пусть мертвые хоронят мертвых. Вчерашний день не вернешь, надо думать о завтрашнем. — К некоторому удивлению Кеннисона, этой тирадой разразилась Гретхен Пейдж.

Он посмотрел на нее, и она ответила ему взглядом, который означал: «С вас причитается». Интересно, какую игру она затеяла. Ту же, что и он? Возможно, вполне возможно.

В технике манипулирования с мемами на микроуровне есть одна любопытная особенность. Стоит обронить в ходе разговора несколько избитых пословиц, и они подействуют подобно кристаллам-затравкам, опущенным в пересыщенный раствор. Глубинные ассоциации, содержащиеся в пословицах, культурная нагрузка, которую они несут, тут же вызывают определенные мысли, иногда подсознательно. Тот факт, что каждый из сидящих за столом владеет этой техникой и сам ею пользуется, отнюдь не лишает ее силы. Толочь воду. Хоронить мертвых. Вчерашний день не вернешь. Мадам председательница впустую тратит наше время. Давайте двигаться дальше. Сидящие вокруг стола кивали головами, как марионетки.

На лице Женевьевы была написана неподдельная ярость. Если бы взгляд мог убивать... Этот мем мелькнул в голове у Кеннисона, и он вспомнил, что они, в конце концов, находятся в доме Женевьевы и окружены ее телохранителями. Пора было немного ослабить напряжение.

— Господа и дамы! — сказал Кеннисон. — Госпожа председательница в этой сложной и быстро меняющейся ситуации сделала все, что было в ее силах. Она заслуживает нашей благодарности за то, что прекрасно с ней справилась, насколько это было возможно. Мы все в тот момент одобряли ее действия. И если результаты не вполне нас устраивают... — Он криво улыбнулся и пожал плечами. — ...То достаточно вспомнить историю Общества, чтобы посмотреть на вещи здраво. Все мы знаем, какими неожиданными оказываются сцепления мемов, особенно когда мы имеем дело с горсткой людей, слишком малочисленной для статистического анализа. Не следует валить всю вину на госпожу председательницу.

Поскольку мадам председательница явно не собиралась брать на себя вообще никакой вины, это в лучшем случае выглядело довольно сомнительной похвалой. Но он увидел, как Женевьева удовлетворенно улыбнулась и выпрямилась в кресле. Непроходимая дура! Тупая тощая корова. Вроде тех зебу с костями, торчащими сквозь облезлую шкуру, что бродят по улицам Индии, не принося никакой пользы, но тем не менее оставаясь священными животными, до которых нельзя даже дотронуться. Ну ничего, он, Кеннисон, не индуст!

Он заметил, что его слова, во всяком случае, не оставили равнодушными других членов Совета. Ульман поднял бровь, а Льюис откровенно ухмылялся. На этот раз ассоциации были более тонкими и глубокими, чем в случае с пословицами. Они действовали на подсознание, но все же действовали: «в тот момент одобряли», «сделала все, что в было в ее силах», «справилась, насколько это было возможно», «результаты не вполне нас устраивают». Все это вместе сводилось к одному: «Мадам председательница — бездарная неумеха».

— Да, — поддержала его сестра Пейдж. — Давайте отметим в протоколе, что все мы одобряем решения, принятые нашей председательницей.

Все подняли руки — одни со скрытой насмешкой, но кое-кто — от Кеннисона это не укрылось — с искренним убеждением! Он заметил этих, последних. У него в Совете их не будет, когда он станет председателем. И если станет.

Если. Он подсчитал голоса. Может быть, устранить мадам

Вейл из уравнений? На кого, кроме Соренсона и Монфор, он может рассчитывать? Разумеется, не на Ульмана и не на Руиса. Хуанг, как обычно, оставался загадкой. Льюис? Кто знает, что творится в этой вечно улыбающейся, стриженной ежиком круглой голове? Остаются Бентон, Туи и Вестфилд. Нет, пока это рискованно. Слишком рискованно. Надо будет еще позондировать почву.

— Перед нами стоит задача... — начала Пейдж, и Кеннисон решил предоставить ей инициативу. Если после этого обсуждения у мадам председательницы разразится один из ее знаменитых припадков гнева, то пусть он выльется на Пейдж.

— Перед нами стоит задача сохранить нашу тайну. Это самый серьезный провал со времени измены Брейди Куинна. То, что враги сумели проникнуть в наши базы данных и предъявить их всему миру, подсказывает нам два направления действий. Во-первых, необходимо закрыть эту настежь распахнутую дверь и сделать так, чтобы ее не могли открыть снова. Во-вторых, продумать, как заблокировать и перенацелить поток нежелательных мемов среди населения.

Слишком поздно Кеннисон заметил свою ошибку. Не слишком тонкие намеки Пейдж на его упущения в работе с базами данных отвлекли подсознание членов Совета от некомпетентности Вейл и привлекли внимание к его собственным ошибкам. Образ распахнутой настежь двери ассоциируется с легкомыслием и небрежностью. Он почувствовал, что у него загорелись уши, и порадовался, что носит длинные волосы. Возможно, его настоящий враг — Пейдж, а не Вейл. Надо защищаться. Контратаковать. Он лихорадочно искал выход.

Но прежде чем он успел открыть рот, раздался стук в дверь и вошел дворецкий Женеьевы Вейл. Это был согбенный старик, похожий на воскрешенный труп, и к тому же воскрешенный не слишком удачно.

Джед, конечно, член Общества. «Давно пора отправить на свалку эту старую перечницу», — как всегда подумал про него Кеннисон. Но Джед служил Вейлам еще до того, как Женеьева появилась на свет. Кеннисон давно задавал себе вопрос, на чью сторону встанет старик, если до этого дойдет, — на сторону Общества или своей госпожи. Возможно, это зависит от того, спит ли с ней старикан. Кеннисон подавил смехок, сумев сохранить невозмутимый вид. Любопытно, не развлекается ли Женеьева и со стариком Джедом тоже? Может, поэтому он всегда выглядит таким изможденным?

Джед нагнулся и что-то прошептал на ухо Женевьеве. Мадам председательница побледнела и обвела взглядом сидящих за столом.

— Джед говорит, что у парадного входа околачиваются два репортера из «Сан-Таймс». Он попросил их удалиться, но они отказались. Говорят, у них сломалась машина, и они якобы ждут техпомощь.

— Возможно, хотят видеть, кто входит и выходит из вашего дома, мадам председательница, — ядовито заметил Фредерик Ульман.

«Отлично!» — подумал Кеннисон. Значит, такая мысль пришла еще кому-то в голову. При сложившихся обстоятельствах собирать очное заседание Совета было идиотизмом. Одно из средств дискредитировать Бомонт — распространение комплекса мемов, согласно которым члены Совета вообще незнакомы друг с другом, а ее рассказы о тайном заговоре — не более чем плод воспаленного воображения. Если их увидят всех вместе у Вейл, то этот комплекс мемов будет уничтожен, а вся программа противодействия Бомонт окажется под ударом.

Но кто мог натравить репортеров? Кто? Или они сами до этого додумались и только по чистой случайности прикатили сюда во время заседания Совета? Но в такие совпадения Кеннисон не верил.

— Не будем слишком строги к госпоже председательнице, — сказала Гретхен Пейдж. — Она, несомненно, полагала, что совещаться по нашей компьютерной сети было бы еще опаснее, чем лично. — Пейдж улыбнулась Кеннисону. — Я не сомневаюсь, что брат Кеннисон не покладая рук трудится, чтобы залатать пробоины, которыми мы обязаны этой Бомонт, но сейчас мы не можем пойти на риск совещаться по сети.

— О да, — любезно отозвался Кеннисон. — Я стараюсь обезопасить все наши слабые места. — И он улыбнулся всем как только мог широко.

III

— Девять часов, брат Мелоун. Тебе не кажется, что пора закругляться? — Ред оторвался от чтения и увидел, что рядом стоит Джейни Хэч. Он сделал пометку флюоресцентным карандашом на компьютерной распечатке, аккуратно сложил страницу пополам, надел на карандаш колпачок и отложил его в сторону.

— Уже девять? Как летит время, когда занимаешься чем-то интересным.

Джейни засопела и, выдвинув из-под соседнего стола стул, повернула его и уселась верхом.

— Библиотека закрывается, — объявила она.

— Я только хотел дочитать один файл. — Ред указал на распечатку, размышляя, что у Джейни на уме. Зачем ее занесло в библиотеку?

— Ты же знаешь, не ты один копаешься в бомонтовской распечатке. Каждому отвели по куску для проверки.

— Знаю.

— Тогда какого дьявола ты смотришь все подряд?

Ред улыбнулся.

— Развлекательное чтение, — сказал он. — После него лучше спится.

Джейни снова засопела.

— Разве что тебе одному. Я-то вовсе не могу заснуть, как подумаю, что твоя маленькая подружка разнесла по всему свету.

— Она не знала, что делает, когда писала ту программу. Она не знала, что подвергает нас риску.

— Или ей наплевать было на нас. Нечего ее защищать, Мелоун. Я ее не виню. Дело не в этом, а в том, чтобы читать ее распечатку повнимательнее. Смотреть, что из секретной информации туда попало. Будешь читать слишком много — устанешь. А устанешь — что-нибудь пропустишь.

— Я ничего не пропущу.

— Ты упрямый осел, Ред. Откуда ты узнаешь, пропустил что-то или нет?

— Ты права, — согласился он. — Пожалуй, пора кончать.

Он хотел было встать из-за стола, но Джейни остановила его рукой.

— Дело в этой Бомонт, да? Ты что-то для нее делаешь?

Ред посмотрел на нее. За годы, проведенные на открытом воздухе, на ярком солнце и ветру, ее глаза превратились в узкие щелочки, в которых Ред не смог ничего прочесть. В них не было ни малейшего волнения, ни любопытства — ни единого намека на то, почему она это спросила.

— Ну и что? — сказал он. — Правила Куинна допускают частные расследования. Сара хотела узнать, нет ли в распечатке чего-нибудь о ее друге-архитекторе.

— О том, что исчез из больницы?

— О том самом.

Некоторое время Джейни молча его разглядывала.

— Хорошо. Я скажу Тексу, он передаст всем, чтобы каждый смотрел в своей части распечатки. Как его фамилия, Френч?

Ред удивился.

— Да. Деннис Френч. Он лежал в мемориальной больнице Портера. — Он повертел в пальцах карандаш. — Почему ты это делаешь?

— Что делаю?

— Помогаешь мне в ее деле.

Управляющая ранчо пожала плечами.

— Все, что мы узнаем про них, может нам пригодиться. Зачем им понадобилось похищать его после того, как они пытались его убить? Чепуха какая-то. Видел бы ты, на что была похожа его квартира в тот день, когда я туда наведалась. Они все перевернули вверх тормашками. — Джейни внимательно посмотрела ему в глаза. — Как будто искали что-то.

Ред выдержал ее взгляд.

— Интересно, что.

Она еще мгновение смотрела на него, потом отвела глаза и проворчала чуть слышно:

— Только горы стоят вечно.

Ред понял, что пора уходить, и поднялся на ноги. Он запихнул компьютерные распечатки в портфель, положив сверху аккуратно сложенный пополам листок, закрыл портфель и защелкнул замки. Все это время он ощущал на себе взгляд Джейни.

— Ты знаешь Марка Лопеса?

Ред обернулся, удивленный неожиданной сменой темы.

— Кого?

— Шефа нашего отделения в Сан-Диего. Он недавно прислал новенькую — Говард.

Ред покачал головой.

— Я знаю, о ком ты говоришь, но никогда с ним не встречался.

— Может быть, никогда и не встретишься. Текс обнаружил его имя и адрес в своем куске бомонтовской распечатки. Открытым текстом. Совет пытался связаться с Лопесом, предупредить его, но пока ничего не выходит.

Поспине Реда пробежал холодок. Неужели уже началось? Реакция озлобленной черни. Бессмысленная месть. Чьи еще имена есть в распечатке? Какая еще смертоносная информация?

— В новостях ничего не передавали?

— О расправах, что ли? — Она покачала головой. — Они

изо всех сил стараются отвести публике глаза от распечатки. Только все это зря. Кстати, не исключено, что его спрятали куда-нибудь ЦРУ.

Ред почувствовал беспокойство. Не хочет ли Джейни попросить его о помощи?

— Я мог бы слетать в Вашингтон и посмотреть, что там удастся разведать, — предложил он. — Если его прихватила какая-то их служба, я, пожалуй, смог бы это выяснить.

— Никуда ты не полетишь, Ред. Пока мы не будем точно знать, что и твоего имени нет в распечатке.

Все в нем перевернулось. Конечно, он знал, что такое возможно. Упоминание о своем официальном прикрытии он искал так же усердно, как имя Денниса Френча или кого-нибудь еще из своих. В первую встречу с Сарой он еще шутил по этому поводу — мол, вздернут на ближайшем фонаре. Но это было лишь детским лепетом, жалкой пародией на то, что могло случиться на самом деле. На самом деле будет выстрел из-за угла. Либо кулаки или бейсбольные биты в руках разъяренной толпы, опьяненной радостью, что наконец-то нашелся козел отпущения за все их беды. Либо бесследное исчезновение, как в случае с Лопесом, и допросы с наркотиками и лошадиными шприцами в лапах профессионально натасканных параноиков. На самом деле предстояло валяться окровавленным мешком в каком-нибудь темном переулке, зная, что боль покинет тебя только вместе с сознанием. Реда передернуло. Он только сейчас до конца понял, чего так страшилась Женестьева Вейл.

Он посмотрел на Джейни Хэч.

— А что наше ранчо? Мы здесь в безопасности?

Джейни протянула руку и постучала костяшками пальцев по его портфелю.

— Затем мы и читаем каждую строчку в распечатке.

Ред пристально посмотрел ей в глаза. Ему хотелось увидеть в них страх, такой же страх, какой испытывал он сам. Он хотел увидеть в ее глазах нечто большее, чем теоретический интерес. Но Джейни спокойно встретила его испытующий взгляд.

— Я только хотела, чтобы ты знал, Ред, — сказала она. — Если хочешь с ней подружиться, ты должен точно знать, что она нам устроила.

— Может ли кто-нибудь привести пример таких непредвиденных последствий?

Аарон Гевирц развернул свое кресло на колесах и резко затормозил. Его взгляд остановился на Норрисе Босуорте,

которого Сара прозвала про себя Умником. Босуорт, запинаясь, что-то забормотал в ответ.

Так Аарон действовал на большинство своих учеников. Сара прекрасно понимала, что он точно знал заранее, кого собирается спросить, еще до того, как повернет свое кресло, и все равно взгляд этих невидящих глаз, устремленный прямо на тебя, неизменно заставлял теряться. Сара уже несколько раз на это попалась.

— Э-э... Ну, например, влияние производства автомобилей на всплеск детской рождаемости?

— Вы меня спрашиваете или отвечаете мне?

— Э... Я отвечаю вам. Распространение автомобилей вызвало значительные изменения в ритуалах ухаживания. Заднее сиденье «шевроле» оказалось... гм... удобным местом для... гм... зачатия. — Босуорт отчаянно и искренне покраснел. Его, по-юношески нескладного и все еще отчаянно (и безуспешно) воюющего с прыщами, привел в Ассоциацию его дядя.

— Такой поворот событий был совершенной неожиданностью для изобретателей автомобилей, — закончил он.

— Хорошо. Вы делаете смелые заключения, пусть даже они могут оказаться неверными. Кто-нибудь хочет... Да, мисс Говард.

Это было что-то сверхъестественное. Ведь Морин Говард подняла руку молча — она продолжала упрямо гнуть свою линию, не прекращая попыток обмануть слепого старика. Эта толстуха из южной Калифорнии постоянно носила просторные цветастые платья и деревянные сандалии. Саре она напоминала Мать-Землю — символ плодородия. Время от времени Сара ловила на себе ее враждебный взгляд.

— Босуорт ошибается, — сказала Мать-Земля. — Может быть, автомобиль и изменил практику половых отношений, но я не думаю, чтобы сколько-нибудь значительное число зачатий совершалось подобным образом. Всплеск рождаемости пришел на смену предшествовавшему ее снижению. У предыдущего поколения уровень рождаемости был низким из-за Великой депрессии. Маятник всего лишь качнулся из одного крайнего положения в другое.

Доктор Гевирц сокрушенно покачал головой.

— По-видимому, мне пора уходить на пенсию. Я вел занятия, наверное, с десятью тысячами подготовительных групп будущих членов Ассоциации, и каждая следующая группа оказывается ленивее и глупее предыдущей. Неужели я теряю контакт с учениками? Неужели мои слова — это семена, падающие на камни? Неужели их склевывают птицы

небесные? Поведение людей, мисс Говард, является результатом их решений. Мы не роботы. Никто не изучает статистические отчеты перед совокуплением и не кричит при этом: «Мы должны плодиться вовсю, чтобы компенсировать упущения наших родителей!»

Все захихикали, и он обвел их строгим взглядом. В подготовительной группе было пять новичков. Плюс Сара.

— Очень хорошо. Мистер Босуорт настаивает, что изменения в сексуальном поведении вследствие распространения автомобилей вызвали всплеск деторождения в пятидесятых и начале шестидесятых годов. Мисс Говард считает, что эти изменения не имели столь масштабных последствий. Кто из них прав, а кто ошибается?

— Оба ошибаются, — неожиданно вырвалось у Сары.

— А, мисс Бомонт! Наконец-то сфинкс заговорил. Ну-ка, просветите нас — ведь вы так редко балуете нас плодами своей учености.

— А изменил ли автомобиль сексуальное поведение подростков?

— Так, очень хорошо! Вы отвечаете мне вопросом, но — простите меня за каламбур. Этот вопрос чреват. Я старый человек. Мой отец ездил в бричке. Вы, конечно, все представляете себе, что такое бричка. Или надо кому-то пояснить? Отлично. Отец рассказывал, как они с друзьями «ухаживали» за девушками в задке своих бричек и сколько от этого получалось ранних браков или внебрачных детишек.

Он сделал паузу, и по его лицу промелькнула улыбка.

— Вероятно, я должен объяснить, что в менее просвещенные времена внебрачный ребенок считался позором. Довольно часто матушка уезжала с непутевой дочкой в длительное путешествие, а по возвращении выдавала родившегося ребенка за своего. — Он небрежно взмахнул рукой. — Никого это не вводило в заблуждение, но приличия были соблюдены. Бричка к тому же имела одно преимущество перед автомобилем. Поскольку ее везло животное более интеллигентное, чем те, кто сидел в бричке, то не надо было останавливаться, чтобы осуществить свои намерения. Заглядывая еще дальше в прошлое, мы, например, обнаружим в приходских книгах рейнских княжеств восемнадцатого века отпечатанные типографским способом колонки: «законнорожденные» и «незаконнорожденные» — чтобы легче было записывать шалости подростков. Таким образом, получается, что подобное сексуальное поведение скорее стало не столько более распространенным, сколько более очевидным. Я такую тенденцию не одобряю, прежде всего с точки зрения хорошего вкуса.

Как бы то ни было... — Он повернулся вместе с креслом к демонстрационному экрану. — Давайте вернемся к моему исходному вопросу. Написанные мной уравнения предполагают, что цепные реакции в обществе могут вызвать результаты, непредвиденные для тех, кто инициировал то или иное действие. Особенно в случае, когда между последовательными стадиями проходит значительное время. Когда система, как мы выражаемся, имеет высокую вязкость. Спрашиваю еще раз: может кто-нибудь привести пример таких непредвиденных последствий? Давайте усложним задачу, ведь таких примеров множество, нужно лишь уметь их видеть. Может кто-нибудь привести пример, касающийся всплеска рождаемости по мистеру Босуорту?

Сара вздохнула, закрыла глаза и подняла руку.

— Мисс Бомонт?

Она открыла глаза и увидела, что доктор Гевирц даже не удосужился обернуться. Как он чувствует, кто вызывается ответить?

— Всплеск рождаемости, — услышала она собственный голос, — действительно был непредвиденным следствием, но не автомобилизации, а Закона о ветеранах.

Гевирц повернулся, и его невидящие глаза уставились на Сару.

— Поясните.

Она выпятила подбородок и уверенно ответила:

— Когда люди совокупляются, им не до тенденций рождаемости, но о своем кошельке они при этом не забывают.

— О своем кошельке? Ах, вы имеете в виду их средства. Вам надо научиться выражать мысли более четко. Поясните, пожалуйста.

Сара вспыхнула. Аарон Гевирц был щедр на саркастические замечания, но, хотя всем доставалось поровну, ей казалось, что все его колкости адресованы исключительно ей. Она собралась с духом и начала:

— Стратегия размножения человека состоит в том, чтобы вырастить максимальное число детей, какое семья в состоянии себе позволить. В первом приближении мы можем сказать, что это частное от деления валового дохода родителей — за вычетом того, что им необходимо для поддержания собственного уровня жизни, — на стоимость воспитания одного ребенка в данной социальной нише. — Сара замолчала и терпеливо ждала. Ей казалось, что ее позиция неуязвима, поскольку она просто процитировала учебник. Она не была уверена, что сама с этим согласна, такой подход казался ей упрощенным, но, повторяя как попугай зазубренное, намного не ошибешься.

Гевирц демонстративно содрогнулся.

— Ваш ответ, мисс Бомонт, мне показался сухим и бездушным. Разве люди определяют размеры семьи, исходя только из своих финансовых возможностей? Всегда? Сознательно? А как же любовь, страсть, романтика? Неужели в вашем мире нет места человеческим чувствам?

Сара удивилась, как это учебник превратился в «ее мир». Но отступить было поздно.

— Нет, сэр. Не всегда. И не всегда сознательно. И любовь, и страсть в этом участвуют, по крайней мере пока люди молоды. Тем не менее у тех, кто богаче, обычно меньше детей, чем у тех, кто беднее, хотя бывают и исключения. Статистическая предсказуемость — свойство системы, но не отдельных личностей внутри этой системы. Можно провести параллель с курением и раком легкого. То, что несомненно выступает как причинно-следственная связь для всего населения в целом, представляет собой лишь вероятность для отдельно взятой личности.

Доктор Гевирц изобразил на лице удивление.

— Что? Семьи у богатых меньше? Вы уверены, что согласно вашей теории, мисс Бомонт, это должно быть так? Если бы размеры семьи определялись деньгами и возможностями, то у бедняков было бы меньше детей.

На это она могла ответить по собственному опыту.

— Нет, сэр, — сказала она. — Потому что это зависит не от общего достатка семьи, а от его соотношения со стоимостью воспитания одного ребенка. Просто-напросто вырастить ребенка в бедности стоит дешевле, — горько закончила она. «Нет, Сара, мы не можем купить тебе новое платье. Мама надставит старое, и оно послужит тебе еще не один месяц».

— А какое отношение к этому имеет закон о ветеранах? — Лицо доктора Гевирца было непроницаемо, по нему нельзя было понять, на правильном она пути или нет.

Теперь она вышла за рамки учебника. Речь шла о том, чтобы применить принцип к конкретной ситуации и посмотреть, будет ли он работать.

— Ну... Вырастить ребенка в городе стоит — и по деньгам, и по затраченному на это времени — дороже, чем в деревне. Поэтому при прочих равных условиях рождаемость в деревне всегда выше, чем в городе. Лишний ребенок на ферме может приносить доход, участвуя в севе и уборке урожая, но городской ребенок не имеет возможности помогать папе и маме в их конторе или на фабрике. Поэтому по мере урбанизации страны рождаемость падала, и началось это еще в двадцатых

годах прошлого века. Потом, после второй мировой войны, по Закону о ветеранах значительная часть населения получила субсидии, которые облегчили городскую жизнь. Ветераны имели льготы при покупке жилья, гарантированную работу и образование. Все это снизило траты родителей на себя и увеличило остаток, который и шел на воспитание детей.

— Очень хорошо, мисс Бомонт. Кос-кто, я вижу, прочел то, что было задано, и как следует над этим подумал. — Он слегка поклонился Саре. — Если вы будете столь любезны и переведете ваши соображения на бедный и неуклюжий язык математики, то ваши товарищи по учебе и я лично будем вам искренне признательны. Судя по всему, вы имеете достаточную математическую подготовку. Не забудьте только при формализации расходов и доходов учесть и отвлеченные понятия. Какова, например, цена улыбки младенца? Многие матери — да и отцы тоже — готовы пойти ради нее на большие жертвы. Заодно покажите — графически, в виде частотного распределения ожидаемых величин согласно вашим уравнениям, — какое место в процессе остается для свободного выбора. А потом с помощью ваших уравнений предскажите задним числом рождаемость за каждый прошедший год со стандартной ошибкой в пределах 0,5%. Мы ждем от вас доклада, скажем, через две недели.

Сара со вздохом кивнула.

— Хорошо, сэр.

Правильно ты отвечаешь или неправильно, это не играло никакой роли. Доктор Гевирц раздавал задания с рыцарской беспристрастностью.

— Если коротко суммировать суть нашего сегодняшнего обсуждения, — обратился доктор Гевирц к группе, — то она сведется к цитате из наших мудрых философов Гильберта и Салливана*:

*На первый взгляд различить нелегко
Сливки и кислое молоко.*

Когда доктор Гевирц отпустил группу, Сара обнаружила, что за дверью ее поджидает Ред Мелоун. Он стоял, прислонившись к стене, и, положив здоровую руку на повязку, нахвистывал какой-то неопределенный мотив.

— Давайте понесу ваши книжки, — предложил он.

* Гильберт, Уильям — английский драматург; автор либретто к комическим операм, созданным в содружестве с композитором Артуром Салливаном в период 1871—1896 гг. и до сих пор пользующихся в Англии и США большой популярностью.

Сара сделал гримасу.

— Что, с перевязанной рукой? Не болтайте ерунду.

Он явно расстроился.

— Я не инвалид. Давайте пополам.

— Ну, тогда ладно. — Она вручила ему одну из толстых папок, заменявших им учебники. Ред зажал ее под мышкой здоровой рукой и пошел с Сарой по коридору.

— Вы что, решили за мной проухаживать? — неожиданно спросила она.

— Что? — озадаченно уставился он на нее. — Поухаживать?

— Ничего, неважно.

— Гм. Вам нравится в подготовительной группе?

Она искоса взглянула на него.

— Боже милостивый, Ред. Клянусь, я никогда не учила так много, с таким трудом и за такое короткое время, как на этих занятиях. Это всегда так?

— Нет, я думаю, Аарон жалеет вас, потому что вы поздно начали.

Она фыркнула. От избытка серьезности Ред не умрет. И тем не менее она подумала, что чтение огромного множества книг по смежным дисциплинам, которые были ей заданы за последние несколько недель, отнимало все время, и это отвлекало ее от собственных проблем. Не для того ли ее вообще записали в группу? Ведь, строго говоря, она пока не считалась новобранцем. Но так или иначе, независимо от того, почему ей предложили посещать занятия, они ей будут только полезны. Познай своего врага. Она встречала «антикоммунистов», никогда не читавших Карла Маркса, и людей, выступающих против «алчных корпораций», но не знакомых с финансами.

К счастью, она с детства любила учиться. Ее мозг впитывал знания легко и свободно — в школе и потом. Школьные друзья Сары тяготились занятиями. Но тут положительная обратная связь — спираль, которая неуклонно ведет вниз, к безразличию и отупению. Чем меньше ты знаешь, тем скучнее жить. А учиться — это всегда радость.

Ну, может быть, не всегда. То, что она узнала в последнее время, радости не вызывало. Но и скучно ей не было. Нет, скучно ей определенно не было.

— Текс Боудин и кое-кто из ребят, — сказал ей Ред, — побывали на прошлой неделе в доме Уайднера, чтобы вывести все оттуда. Вы ни в жизни не догадаетесь, что они там обнаружили.

— Правильно, в жизни не догадаюсь. Почему бы вам просто мне не рассказать?

Он лукаво посмотрел на нее, наклонив голову набок.

— В одном из столов.

— Школьные учебники. Хрестоматию Мак-Гаффи. Фотографические открытки, принадлежавшие Рэндаллу Карсону? Можно я больше не буду гадать?

— Труп.

У нее пробежал мороз по коже, и она остановилась как вкопанная.

— Труп? Чей? — Мысль, что это мог быть Деннис, на мгновение парализовала ее.

— Чей. Хотели бы мы знать. От него остался один скелет. Очень старый, ему не меньше века. Вот здесь у него была аккуратная круглая дырочка. — Ред дотронулся до лба. — А тут, — он похлопал себя по затылку, — дырка побольше с неровными краями.

Сара содрогнулась и обхватила себя руками.

— Как это случилось? — Она вспомнила жуткое чувство, которое испытала в тот вечер в потайной комнате. Ужасное ощущение, что кроме нее в комнате есть еще кто-то, невидимый за пятном света от ее фонаря.

— Как? — Ред пожал плечами. — Карсон ликвидировал свою контору в большой спешке. Была страшная неразбериха. Головорезы Вейла шли по пятам. Может быть, скелет принадлежит кому-то из них — тому, кто обнаружил комнату, а может, это был один из наших, кто ее защищал. Какое это теперь имеет значение? Все, кто там был, давно умерли.

Дальше они шли молча, пока не подошли к лифту. Ранчо служило убежищем, которое Ассоциация использовала как учебный центр и для того, чтобы прятать там тех, кто в этом нуждался. Со стороны ранчо выглядело незатейливым деревянным домом, но земля под ним была пронизана целой сетью тоннелей и потайных комнат. Сару разместили в номере люкс на третьем подземном этаже. По пути к лифту Саре и Реду повстречались несколько человек, которые скользнули по ней безразличным взглядом.

— Меня здесь не любят, да? — спросила она, когда дверь лифта за ними закрылась. Последние несколько недель она чувствовала себя неловко в окружении людей, которые если не были ее врагами, то особенного дружелюбия тоже не проявляли.

— За что им вас любить? Ведь вы разрушили их уютный маленький мир. Последние сто лет мы занимались только тем, что богатели, пользуясь умением предсказывать ход

исторических процессов. В отличие от «них», мы никому не причиняли зла. И вот благодаря вам мы стоим перед всемогущей чернью голенькие. Как вы думаете, почему я не вернулся на свою работу в Вашингтон? По официальной версии я сломал руку, упав с лошади, и в компьютере городской больницы Денвера имеется подложный файл, который это подтверждает. Но подлинная причина — в том, что у некоторых из моих сослуживцев могут появиться кое-какие подозрения, если они видели в вашей распечатке фамилию, под которой меня знают.

— Может быть, Ассоциация и не причинила никому вреда, — сказала Сара, — но ничего хорошего она тоже никому не сделала.

— «Но как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих», — процитировал Ред Апокалипсис.

— Да, нечто в этом роде.

Звякнул звонок, и лифт остановился на третьем этаже. Они вышли, и двери лифта за ними закрылись.

— Вы тоже ненавидите меня? — внезапно спросила Сара. — За то, что я выдала Общество и Ассоциацию.

Ред задумался.

— Ненавижу? Нет. Вы сделали то, что считали нужным сделать для самосохранения. Я не могу ненавидеть живую систему за то, что она выполняет свою естественную функцию.

Саре захотелось стукнуть его как следует. Живая система! Она ему покажет «живую систему, выполняющую свою естественную функцию»!

— Однако, не забывайте — продолжал Ред, — что, когда они пытались уничтожить вас, они тоже были живой системой, тоже действующей, по их мнению, в интересах самосохранения. Нет, мне просто досадно.

— Досадно?

— Да. Понимаете, прежде чем что-то предпринять, я привык думать о побочных эффектах. Любое действие может иметь неожиданные последствия. Разве не об этом вам сегодня читал лекцию Аарон? Так вот, вы об этом не подумали. О побочных эффектах. В конце концов, когда вы писали свою программу, чтобы расквитаться с Обществом, то наверняка не хотели, чтобы начали громить синагоги.

Она остановилась как вкопанная, вытаращив на него глаза. Ред по инерции сделал еще несколько шагов, прежде чем это заметил. Он повернулся и посмотрел на Сару.

— Что вы несете? — спросила она.

— Вы замечали, как какая-нибудь новость или слух ис-

кажутся при передаче от человека к человеку? Это меметический дрейф, вызываемый мутациями мемов.

— Ближе к делу!

— Своей распечаткой вы пустили в свет такой слух. Множество людей получили распечатку и прочли. Множество других людей кое-что слышали о том, что в ней было, а остальные слышали то, что те о ней слышали. Понимаете? Сейчас уже наберется огромное количество людей, до которых дошли только смутные слухи о тайном заговоре с целью управлять ходом истории. А кто эти заговорщики? Да конечно же евреи. Или масоны. Или Ватикан. Или розенкрейцеры. Можете выбрать козла отпущения по своему вкусу. Сегодня в новостях передали, что неонацисты и куклуксклановцы разгромили несколько синагог на северо-западе и на юге. Телефонные звонки на телевидение подтвердили, что это было сделано «в ответ на тайный заговор».

— Нет! Это неправда! Я никогда этого не говорила! Посмотрите на меня. Что-то, а науськивать правых экстремистов...

— Я-то знаю. Но это все те же наши старые знакомые — побочные эффекты. Вот почему сто лет назад Брейди Куинн ввел свое правило: «Изучай, но не предпринимай прямых действий». Даже когда хочешь сделать добро: в конечном итоге ты можешь причинить вред.

— Но тогда почему вы...

Они подошли к двери ее номера. Ред вернул ей книги. Затем неожиданно обнял ее здоровой рукой, прижал к себе, приблизил губами к ее щеке, но вместо того, чтобы поцеловать, прошептал:

— Встретимся вечером. В девять. У лошадиного загона. — Потом отпустил ее и зашагал прочь по коридору.

Сара смотрела ему вслед, пока он не исчез в лифте. Потом подняла руку и дотронулась до щеки, куда ее чуть не поцеловал Ред.

IV

Джереми смотрел, как низенькая толстая преподавательница истории пыхтит своей трубкой из кукурузного початка, пуская к потолку колечки дыма. Через окно за ее спиной был виден студенческий городок Денверского университета. По дорожкам между корпусами уныло брели несколько одиноких студентов с книгами под мышкой. Был разгар лета, и большинство учащихся проходило курс загара на пляжах Калифорнии и Флориды.

— Да, мистер Коллингвуд, я помню визит вашего друга. Это было, знаете ли, довольно необычно, когда о консультации попросил не студент. И вопросы у него были довольно странные.

Джереми нетерпеливо подался вперед.

— Я уже рассказал вам, что с ним случилось и что потом произошло в нашей квартире. Я уверен, он был замешан во что-то... Ну, во что-то опасное. Я просмотрел его записи о встречах за прошлый месяц, и только свидание с вами показалось мне примечательным. Вот я и подумал, что, может быть, здесь ключ к разгадке.

— Ключ к разгадке? — Профессор Гвиннет Ллуэлин подняла брови. — Дорогой мой, я не думаю, что людей дают машинами за их интерес к истории! Боюсь, вы взяли неверный след, мистер Коллингвуд. Мистера Френча интересовала лишь информация о нескольких исторических событиях. Я ему помогла, как сумела, и он распрощался. Я уверена, что с ним произошел несчастный случай и ничего более.

Джереми почему-то почувствовал разочарование. Конечно, он понимал, что ждать многого от этой встречи бессмысленно. И тем не менее все это выглядело довольно странно. Ведь Деннис никогда не проявлял ни малейшего интереса к истории. По крайней мере, если не считать чтения бестселлеров на исторические темы, эта область была ему совершенно чужда. Кроме того, слишком точно совпадало время: несчастье случилось сразу после этой встречи. Джереми надеялся, что, возможно...

Он неохотно кивнул.

— Что ж, тогда прошу прощения, что побеспокоил вас, нагрянув без предварительного звонка. Не буду больше мешать вашим... — Он замаялся: а что делают преподаватели во время каникул? — ...вашим занятиям.

Джереми попрощался, попятился к выходу и закрыл за собой дверь. В коридоре он остановился на секунду, устало прикрыв глаза. Кого он из себя изображает? Джереми Коллингвуд в роли частного детектива! Смешно. Хуже того, нелепо! И все-таки он должен был выяснить — о Деннисе и об обыске в их квартире. Он сунул руки в карманы и поплелся по коридору.

Однако не успел он подойти к выходу на улицу, как услышал, что его окликают. Джереми обернулся и увидел, что к нему спешит Ллуэлин, делая рукой знак вернуться. Ее полнота, к его удивлению, не мешала этой женщине двигаться очень грациозно.

— Я что-то забыл? — спросил он, подойдя.

— Нет, — ответила она. — Давайте вернемся ко мне в кабинет, я вам все объясню.

Когда они снова вошли в кабинет, Джереми увидел, что телефонная трубка снята и разобрана. Рядом лежал включенный магнитофон, его выход был присоединен к микрофону, вынутому из трубки, проводом с зажимами. Джереми перевел взгляд с этой самодельной конструкции на преподавательницу. У Ллуэлин был встревоженный и хмурый вид.

— Вы знаете, что это такое, мистер Коллингвуд? — Она указала на телефонную трубку.

Джереми покорно осмотрел трубку, но увидел только какие-то железные штуки и провода. Он покачал головой.

— Я не разбираюсь в технике. Никогда раньше даже не видел, что у телефона внутри.

— Я видела, мистер Коллингвуд, но дело не в этом. Вот эта штука здесь лишняя. Это «жучок». Он подслушивает и передает каждое слово, произнесенное в этой комнате. Если не присоединить к нему магнитофон. Кто бы сейчас ни подслушивал на другом конце, он слышит обычный рабочий день в кабинете историка: как я читаю, печатаю на машинке, раскуриваю трубку и так далее. — Она вынула трубку из рта и улыбнулась. — Немудреная штука, но мне нравится.

Джереми вопросительно поднял бровь.

— Когда-то в молодости я примыкала к студентам-радикалам, — пояснила преподавательница. — Наверное, я и сейчас ближе к радикалам, и это может кое-кому очень не нравится. Но как бы то ни было, я давным-давно научилась узнавать, когда мой телефон подслушивают. — Она бросила взгляд на «жучок». — Хотела бы я знать, кто посадил его и почему. Я обнаружила его с месяц назад, вскоре после встречи с вашим другом. Тогда мне и в голову не пришло связать эти события, пока не появились вы и не рассказали об обыске в вашей квартире. Слишком много совпадений, а я никогда не любила совпадений. — Она пожала плечами и села за стол. Подавшись вперед, она ткнула в сторону Джереми чубуком трубки. — Итак, мистер Коллингвуд, давайте немного побеседуем.

Два часа спустя Джереми шагал взад и вперед по комнате, а Ллуэлин делала пометки в желтом блокноте, каким обычно пользуются юристы.

— Давайте посмотрим, что у нас вышло, — сказала она, листая блокнот. — Ваш друг показал мне клочок бумаги, который он где-то нашел. На листке был перечень дат и событий. Он случайно не говорил вам, откуда его взял? Нет? Мне тоже. Или говорил, но я не запомнила. Я ему сказала,

что, по-моему, там были перечислены поворотные точки истории... То есть не совсем поворотные точки, а как это называется у физиков? — Она неопределенно помахала рукой в воздухе. — Точка приложения сил? Да, точки приложения сил. Такие моменты, когда усилия сравнительно небольшого числа людей непропорционально сильно повлияли на последующие события.

— «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир», — процитировал Джереми.

— Да, Архимед. — Она рассеянно постучала ручкой по блокноту. — В тот раз я не придавала этому особого значения. Понимаете, между историками не прекращается спор по поводу роли личности и роли масс. И я приняла этот перечень за чью-то попытку доказать влияние личностей на ход истории. — Она поджала губы и продолжила: — А теперь я узнала от вас, что мистер Френч работал с той самой Сарой Бомонт, без которой в последнее время не обходится ни один выпуск новостей. Боюсь, что я не уделяю много внимания телевидению. Как историка последние новости меня не интересуют. Подлинную историю нельзя втиснуть в лихие заголовки. Конечно, я слышала, что она утверждает. Эта история о тайном заговоре... — Ллуэлин замолчала и лукаво усмехнулась. — Как будто заговоры бывают явными. Как шутят у нас на факультете, раскрытие тайных заговоров превратилось в процветающий бизнес. Не проходит и дня, чтобы кто-то не объявил об очередном заговоре — заговор против Кеннеди, заговор против Линкольна, заговор между-народных банкиров. Чаше всего это, конечно, чушь, на которую со временем просто перестанут обращать внимание. Но в данном случае, если есть какая-то связь с перечнем вашего друга...

— Да, возможно, все так и было. И в данном случае заговор действительно существует. Я, правда, не знаю подробностей, но, насколько я понял, какая бы там ни была информация, она попала в редакции всех газет и во все полицейские участки страны.

— Гм-м. Хотела бы я это почитать. Наверное, раздобыть копию распечатки нетрудно. А ее содержание подскажет нам, насколько все серьезно. — Ллуэлин, нахмурившись, забарабанила пальцами по столу. — У меня есть кое-какие деньги, полученные по гранту, — сказала она, скорее размышляя вслух, чем обращаясь к Джереми. — Я планировала истратить их на другие исследования, но... — Она положила ручку на стол. — Надо будет поговорить с деканом, — объявила она. — Думаю, что нам удастся собрать рабочую группу.

Привлечь самых крупных специалистов со всей страны. И либо подтвердить то, что говорится в бомонтовской распечатке, либо окончательно ее похоронить.

Джереми старался сделать вид, что это ему интересно. Преподавательницу увело далеко в сторону. Ее интересует перечень Денниса, а не то, что с ним случилось. Деннис для нее мелочь, то ли дело наука история! Джереми пришла в голову мысль: можно ли вообще заниматься историей, не интересуясь людьми, для которых это сама жизнь? Подумав, он решил, что можно. Слишком легко представить себе прошлое как некую абстракцию. Германия сделала то-то, Франция то-то. Как будто страны обладают свободой воли. Впрочем, что бы Ллуэлин ни выяснила по поводу предполагаемого заговора, это, возможно, как-то прояснит случившееся с Деннисом. Может быть, стоит принять участие в этой работе, разумеется, неофициально. Ллуэлин наверняка не откажется передавать ему информацию, которая будет касаться Денниса.

Как будто прочитав его мысли, профессор Ллуэлин нацелилась в него чубуком трубки.

— Вот что я вам скажу. Я хочу сделать вас администратором этой исследовательской программы. Кажется, вы бухгалтер-ревизор, не так ли? Вот и взяли бы на себя финансовую часть, пока академики будут парить в облаках, размышляя о мировых проблемах. Согласны?

— Ну, я...

— Послушайте, мистер Коллингвуд, если с вашим другом действительно произошло нечто большее, чем несчастный случай, то только из-за того, что он связан с делом Бомонт. Так что единственный способ разрешить ваши сомнения — это решить всю проблему в целом.

«Пожалуйста, братец Лис, делай со мной что хочешь, только не бросай в терновый куст».

— Хорошо, я думаю, что смогу найти для вас время. Сейчас у налоговой службы мертвый сезон. Работа с декларациями завершена, конец квартала далеко. И к тому же... — Джереми замолчал, пораженный: он и не догадывался, что принимает все это так близко к сердцу.

— Что «к тому же»? — переспросила Ллуэлин.

— К тому же то, что случилось с Деннисом, куда важнее всего, чем я обычно занимаюсь. Если кто-то пытался убить его один раз, можно ли считать его в безопасности сейчас?

— Гм-м. Нет, полагаю, что нет. — На лице Ллуэлин неожиданно появилась растерянность. — Знаете, похоже, что копаться в этом деле будет не совсем безопасно.

В голосе ее звучало удивление и, пожалуй, некоторое удовольствие.

— Да, — рассудительно сказал Джереми. — Денниса сбила машина, в Бомонт стреляли в самом центре города...

— А теперь она исчезла.

Джереми кивнул.

— Либо убита, либо прячется. И еще один ее приятель, этот репортер.

— Граймз. По-моему, его имя тоже упоминали в связи с этим делом о заговоре. Говорили о каких-то его файлах. Знаете... — Ллуэлин взяла со стола ручку и принялась вертеть ее в пальцах. — Насколько я помню, в перечне вашего друга было три или четыре убийства. Не знаю, как они связаны с другими событиями из перечня, но...

У Джереми перехватило дыхание.

— Это тоже люди, которые узнали о заговоре?

— Возможно. Я не помню подробностей, только один-два пункта из перечня. Я ведь видела его только однажды, в тот раз. Но мне кажется, что даты убийств относятся к прошлому веку. — Она вздрогнула. — Если это заговор, то бог знает, как долго он существует.

Ллуэлин взглянула на Джереми, вдруг остановившегося посредине комнаты:

— Что с вами?

— Перечень! Вот что, может быть, похитили. Я его специально не искал, но не помню, чтобы он мне попадался на глаза, когда я осматривал квартиру. — Он беспомощно развел руками. — Деннис может знать, куда он его спрятал, но пока к нему не пускают посетителей.

— Ну, с этим можно что-то сделать, — сказала профессор Ллуэлин. Она немного подумала, потом встала из-за стола и выколотила пепел из трубки. — Что ж, давайте возьмемся за дело.

— Возьмемся за дело? За какое дело?

— Я сказала, что пару пунктов из перечня вашего друга я помню. Это, может быть, и немного, но это пока все, что у нас есть. Сейчас мы зайдем к одному моему знакомому с филологического факультета. Он может нам помочь.

— Филолог? Каким образом?

— О, он специалист по Амброзу Бирсу. У него самое большое в стране собрание литературы о нем. Меня это интересует, разумеется, только потому, что я сию минуту решила написать статью о Бирсе в связи с мексиканской революцией. Вас-то Бирс должен интересовать, поскольку о

его исчезновении говорится в перечне мистера Френча, но упоминать об этом вам необязательно.

Она помолчала и, прежде чем отсоединить магнитофон от телефонной трубки, добавила:

— Да, еще одно. Когда вернетесь домой, проверьте ваши телефонные аппараты. Мне кажется, если первый грабитель хотел что-то унести — скорее всего, перечень, — то второй мог кое-что оставить.

До своего офиса Кеннисон добрался почти в полдень и был вынужден пройти сквозь строй репортеров. Едва открылась дверь лифта, как на него обрушилась одновременно дюжина вопросов, слившихся в невнятный говор, и фейерверком замелькали фотовспышки. Кеннисон с неприступным видом шагнул в коридор, где репортеры окружили его со всех сторон. «Как загонщики вокруг дичи», — подумал Кеннисон. На секунду у него мелькнула дикая мысль, что они вот-вот столкнут его в шахту лифта, — точно так предки теснили мамонтов к краю обрыва. Он невольно обернулся и почувствовал странное облегчение при виде закрытых дверей лифта.

Снова повернувшись к журналистам, он одернул жилет и поправил галстук.

— Прошу прощения, — произнес он, — но я по-прежнему ничего не могу сказать по поводу обвинений, выдвинутых этой сумасшедшей. Более того, я удивлен, что некоторые из вас воспринимают ее серьезно. — Он слегка улыбнулся. — Мне кажется, вам следовало бы обратиться за интервью к психиатрам, а не в компанию, изучающую общественное мнение. — С противоположного конца коридора на него смотрела дверь «Кеннисон Демографикс». Как бы он хотел оказаться сейчас за ней, подальше от этой толпы!

— Как прошло заседание в пятницу?

Вопрос его неприятно поразил, но вида он не подал. Черт бы побрал Вейл — приспичило ей собрать Совет! Он повернулся к корреспонденту «Кроникл».

— Простите, какое заседание?

— «Чикаго Сан-Таймс» взяла под наблюдение особняк Женевиевы Вейл. Ну, той женщины, которая, как считают, возглавляет это тайное общество. Долгое время вообще ничего не происходило, а потом появилась полиция и прогнала их.

— Весьма сенсационное событие, я полагаю.

— Правильно полагаете. Так вот, зачем приехала полиция и почему их прогнала? Кто-то в верхах потянул за ниточку, верно? Ладно, они уехали, но не совсем, а сделали круг и вернулись обратно, и знаете, что они увидели? Около

десяток лимузинов, которые отъехали от дома. Стекла у машин были такие же черные, как душа налогового инспектора. А их номера...

Кеннисон не смог удержаться:

— Ну, и что номера?

— Занятная получилась штука. Репортеры были слишком далеко и сумели записать только три номера. Но эти три автомобиля они выследили.

— Ну и?..

— Один зарегистрирован за агентством по прокату, но там клянутся, что эту машину в тот день никто не нанимал, и кроме того, это малолитражка, а не лимузин. А два других номера, согласно компьютерным данным, не существуют в природе.

Кеннисон презрительно фыркнул.

— Очевидно, ваши коллеги неправильно записали номера.

— Ну да. Так вот, очень любопытно, что все эти богачи встречаются подобным образом. Как будто действительно существует тайное общество и все остальное.

— Господа, я не знаком с этой Женеьевой Вейл. Я даже никогда о ней не слышал, пока та психически ненормальная женщина не выдвинула свои ничем не подтвержденные, безответственные обвинения. Однако я не сомневаюсь, что если мисс Вейл так богата, как о ней говорят, то она несомненно знакома с другими богатыми людьми и даже может пригласить их к себе на обед. Она также может настолько высоко ценить свое право на личную жизнь, чтобы не позволять незнакомым людям болтаться около своих ворот. Все это едва ли говорит о существовании тайного общества.

— А где вы были в выходные? — спросил репортер «Пчелы».

— В своем рыбацком домике в Мэне, если вы считаете, что это вас касается.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

Кеннисон сделал вид, что не слышал этого вопроса.

— Это ваше официальное заявление, мистер Кеннисон? — Вопрос задал корреспондент «Таймс» по Западному побережью.

Кеннисон отрицательно покачал головой.

— Я не делаю никаких официальных заявлений. Я не придаю значения всему этому грязному делу и призываю вас поступить так же. Я удивлен, — презрительно добавил он, — что такая респектабельная газета, как «Таймс», копается в истории, более подходящей для первой полосы «Нэшнл Ин-куайер».

Репортеры принялись выкрикивать новые вопросы, но он

растолкал их и, рванув дверь своего офиса, проскользнул в спасительное укрытие. Дверь за ним захлопнулась, заглушив шум снаружи. На мгновение он прислонился к двери. На лбу у него выступила испарина, и он вынул из кармана платок, чтобы ее стереть. «Этим дело не кончится, — подумал он. — Нет, не кончится. Они будут копать и копать. Здесь какой-нибудь сыщик, там какой-нибудь репортеришко. А может быть, и агенты правительственных служб. Любые очевидные меры защиты — вроде порчи всех национальных баз данных, чтобы ликвидировать всякое упоминание о Брейди Куинне, — принесут не больше пользы, чем приносили до сих пор. Слишком много существует записей. И слишком много их хранится вне национальной сети, а даже те, что в сети, — всего лишь копии бумажных архивов, которые хранятся где-то еще. К тому же попытка испортить все базы данных выдаст нас с головой. Похоже, единственная возможная тактика — это то, что предложил Винсент Торино. Но и это требует тщательной проработки. Затопить сеть заведомо ложными данными — это может показаться слишком явной попыткой замаскироваться. Никто так не бросается в глаза, как человек, который спешит в укрытие. Так получилось с этими номерами машин, черт бы их взял! Пришлось воспользоваться поддельными номерами, чтобы нельзя было выследить, чьи это машины. Но в такой ситуации сам факт, что номера были поддельные, выглядел еще подозрительнее. Хотела этого Бомонт или нет, но она поставила нас в такое положение, что единственный возможный курс действий — ничего не предпринимать. Любое активное действие в конечном итоге только подтвердит ее обвинения».

Кеннисон почувствовал, что все глядят на него с удивлением, и выпрямился.

— Проклятые газетчики, — пробормотал он в оправдание.

Клерки и операторы молча сочувственно закивали. С тех пор как разразился скандал, ко всем им уже приставали с расспросами. Кеннисон знал, что никто из них не выдал ничего важного по той простой причине, что никто ничего не знал. Все они работали только на «Кеннисон Демографикс», а не на Общество. Все, за исключением его помощницы, Пруденс Бейкер. И Ночной Смены, разумеется.

Ключ к анализу и управлению ходом истории — «траекторией системы» — надежная информация о состоянии этой системы. Не располагая ею, действовать нельзя — по крайней мере успешно. Вот зачем понадобилась его фирма. Никто не станет расспрашивать, зачем фирмы по выяснению обще-

ственного мнения задают странные вопросы. Проще всего предположить, что они действуют по заказу какой-нибудь компании или политической партии. И «Кеннисон Демографикс» действительно выполняла массу такой работы «на стороне». Но любая обзорная информация, для кого бы ее ни собирали, становилась ценным сырьем, которое перерабатывало в своих целях Общество. Кеннисон любил сравнивать свою фирму с мельницей. Подобно старинным водяным мельницам, которые размалывали зерно в муку, она превращала сырые данные в полезную информацию.

На протяжении целого столетия Общество с трудом добывало информацию, извлекая ее по крохам из официальных отчетов и получая от своих «кротов», внедренных в правительственные и деловые круги. Затем, пятьдесят лет назад, отец Кеннисона основал фирму как дочернее предприятие Общества, и тогда сбор и обработка информации приобрели более систематический характер. Впервые стало возможно собирать серьезные статистические данные в национальном масштабе по ключевым переменным. Старик оказал неоценимые услуги Гэлбрейту и Военно-промышленному совету и помог им наладить централизованное планирование экономики в годы войны, а попутно наладил прямые связи Общества с правительственным аппаратом. С тех пор надежность и точность прогнозов Общества возросли в четыре раза. Это сделало его отца, а потом и его самого, весьма важными персонами в Обществе.

Теперь все это оказалось под угрозой. Все, о чем мечтал и что в поте лица создал его отец, все, что продолжал строить он, теперь рассыпается, как карточный домик. И во всем виноваты Бомонт и Вейл!

Врسمенами он мечтал, чтобы Общества вообще не существовало или чтобы «К.Д.» от него не зависела. Эти чертовы братья и сестры нуждаются в нем гораздо больше, чем он — в них!

Теперь об этом оставалось только мечтать. Никакой возможности последовать примеру Куинна не было. Нет, конечно, он мог исчезнуть — на этот случай он специально обзавелся маской некоего Флетчера Окса, — но захватить с собой «К.Д.» невозможно, а своей властью он был обязан именно «К.Д.». Уже не в первый раз ему пришлось в голову, что это связывает его по рукам и ногам. Власть — палка о двух концах.

Кеннисон сел за стол. Положив руки ладонями вниз и растопырив пальцы, он несколько секунд изо всех сил давил на поверхность стола. Потом расслабился и позволил себе

минуту-другую полюбоваться видом из окна на панораму города от башни Койт-Тауэр до Испанского форта. Через пролив Голден-Гейт полз с океана туман, и Кеннисону на мгновение захотелось очутиться на своей яхте, ловить крупную рыбу и позабыть обо всех заботах. Он со вздохом повернулся и взял верхнюю из стопки входящих бумаг. Секретарша принесла ему кофе в крошечной фарфоровой чашечке. Кеннисон поблагодарил и поинтересовался бейсбольными успехами ее сына. Она ответила, что все прекрасно, и вышла, а он стал просматривать заключительную часть отчета, заставляя себя сосредоточиться на текущей работе.

Его кабинет был обставлен без затей. Простой деревянный стол и вращающееся кресло. Этажерка, где были разбросаны бумаги и журналы с торчащими закладками. Небольшой круглый стол для совещаний. Из оборудования — телекомпьютерный центр «EPIC», простой и функциональный, дорогой, но не вызывающий. Кабинет производил на каждого, кто сюда входил, определенное впечатление: здесь занимаются делом, честно и всерьез. На подсознание можно воздействовать не только словами, но и зрительными стимулами.

Отчет касался результатов опроса общественного мнения об исходе будущих президентских выборов. Взгляд Кеннисона выхватывал из текста основные данные. Численность выборки. Ее состав. Стандартная ошибка. С учетом предыдущих опросов вырисовывалась довольно четкая картина. Важно не то, кто именно через год победит на выборах. Важно знать это заранее — тогда члены Общества смогут удачно вложить свои средства и влияние. Кеннисон пометил отчет в углу условным значком, чтобы Пруденс передала копию Ночной Смене. Имея надежные данные о том, сколько приверженцев у каждого кандидата, и зная, какими деньгами и каким влиянием на средства массовой информации он располагает, Ночная Смена может смоделировать выборы и предсказать соотношение голосов, которые подадут за кандидатов. Кеннисон и сам мог бы это сделать. Он даже помнил уравнение, которое выучил еще в юности:

$$d\psi/dt = A(X-Y) + A_x X_0 - A_y Y_0 - a\psi,$$

где X и Y — число голосов за каждого из двух кандидатов. Нехитрое уравнение, основанное исключительно на теории психологических стимулов и реакций, но тем не менее исключительно мощное. При условии, что кто-нибудь сумеет очень точно измерить переменные и коэффициенты. Кто-нибудь вроде «К.Д.»

Неожиданно Кеннисон почувствовал на себе чей-то взгляд. Он поднял голову и вздрогнул, увидев Алана Селкирка, который, глядя на него в упор, стоял в дверях кабинета.

— Да, Алан?

— Могу я поговорить с вами, мистер Кеннисон?

— Конечно. Проходите и садитесь.

Селкирк так и сделал, прикрыв за собой дверь кабинета. Кеннисон ждал, что он скажет.

Алан Селкирк был британец — точнее, шотландец, — и молодой талантливый статистик. Пять лет назад он приехал в США, чтобы изучать в «Кеннисон Демографикс» новую теорию статистики. Когда диверсия Бомонт разрушила компьютерную систему «К.Д.», все программисты и операторы фирмы растерялись, один лишь Селкирк воспринял это как личное оскорбление. Потребовалось несколько недель работы с последней автоматически сохраненной памятью, чтобы частично восстановить функционирование системы, но даже таким путем они не сумели спасти данные некоторых текущих исследований и были вынуждены заплатить неустойку тем клиентам, которые так и не получают заказанных обзоров рынка.

Селкирк объявил, что намерен лично выследить и уничтожить «червя», запущенного Бомонт. Кеннисона это встревожило. Ему не очень хотелось, чтобы рядовые сотрудники знали слишком много о системе «К.Д.» Но и разумного повода запретить Селкирку этот крестовый поход он не видел. Что бы там ни клеветала Бомонт, все-таки «червь» проник в базу данных «К.Д.» и серьезно ее повредил.

— Ну? — сказал Кеннисон. — Что вы обнаружили? Только не говорите мне, что сумели убить вирус.

— Нет, мистер Кеннисон, пока нет. Но я расшифровал его строение. — В голосе Селкирка едва слышался шотландский акцент: за пять лет жизни в Штатах его речь совсем американизировалась.

— Да? И как же он устроен? — Кеннисон отхлебнул кофе, прислушиваясь к тому, как кофеин начинает оказывать на него бодрящее действие.

Селкирк расчесал пятерней свою бородку соломенного цвета.

— Ну, в головной части у него обычные хакерские фокусы. У «червя», то есть. Хорошо подогнанные друг к другу, если учесть, что они запрятаны в другую программу. Я мог бы разобраться лучше, если бы было побольше времени, но... — Он старательно пожал плечами. — Эта головка лишь позволяет «червью» проникать сквозь обычные защитные блокировки. Он неспецифичен — влезал в каждую систему, которая обращалась к сети. Вероятно, он болтался там не один день, а возможно, и несколько недель, прежде чем

заполз в нашу систему. К сегодняшнему дню он, должно быть, проник во все базы данных в стране.

— Но он же не уничтожил их все подряд, — это прозвучало не вопросом, а утверждением.

— Нет. Третий от головы сегмент «червя» представляет собой старый «Джаггернаут». Простая истребительная программа, которую игроки в компьютерные войны написали еще в семидесятые годы. Она перегружается из адреса в адрес, заменяя информацию случайными битами. Насколько мне известно, за пределами университетов ею никто никогда не пользовался, и против нее есть простая защита, например программа «CLONE», если, конечно, вам заранее известно, что ожидается вторжение «Джаггернаута». Между прочим, теперь наша система надежно защищена на будущее от подобных атак.

— Благодарю вас, Алан. Одним этим вы оправдали свою зарплату на пять лет вперед.

— Но самым интересным оказался сегмент номер два. Головка «червя» открывала двери, и старый «Джаггернаут» вытапывал все, что оказывалось внутри. Но уничтожать базу данных или пощадить ее решал сегмент номер два.

«Вот оно, — подумал Кеннисон. — Приближается. Селкирк все время к этому вел. Он обнаружил то, что обнаружить ему не следовало». На лбу у Кеннисона выступил холодный пот, но он усилием воли заставил себя спросить спокойным тоном:

— И как он это делал?

— Он имел список имен, которые сравнивал с базой данных. Если имена там встречались, она уничтожалась, если нет, команда отменялась.

— Какие это были имена? — спросил Кеннисон, уже зная ответ.

— Бомонт, Граймз, Френч. Какой-то Эббот. Куинн. Белло. Кроуфорд. Пенуэзер. Маколиф. Мне продолжать?

— Гм, нет. Я думаю, это не обязательно. — Несмотря на свой невозмутимый вид, Кеннисон внутри весь кипел. «Если это выйдет наружу, — лихорадочно думал он, — Вейл и Ульман покончат со мной. Подумать только, мой собственный сотрудник! Совет мне этого никогда не простит». Кеннисон проглотил слюну и посмотрел Селкирку в глаза. Шотландец выдержал его взгляд. На его губах играла едва заметная усмешка. Что это, самодовольство? Презрение? Кеннисон присмотрелся внимательнее и заметил, что глаза Селкирка слегка прищурены, а губы чуть дрожат. Нервничает. Боится. Ведь он держит тигра за хвост и понимает это.

Кеннисон вздохнул про себя. Еще никогда он не отдавал распоряжения убить человека, которого знал лично. Можно сейчас связаться с Тайлером Крейлом или тот отправился на поиски брата?

— Откуда взялись эти имена в нашей базе данных? Может, это был один из наших заказов? — Надо запутать его. Притвориться дурачком. Выиграть время.

— Нет, сэр. Случилась очень странная вещь. Эти имена запускали в действие «Джаггернаут», но их в нашей системе не было. И тем не менее она подверглась атаке. Очень странно, по-моему.

— Действительно, странно. Может быть, «червь» ошибся.

— Исключено, мистер Кеннисон. Может быть, вы до сих пор этого не поняли, но эта Бомонт очень умна. Нет, отсюда со всей очевидностью вытекал вывод о том, что в нашей системе есть секретная часть. — Он широко улыбнулся. — Вам известно, что такое «дыра духовника», мистер Кеннисон?

— «Дыра духовника»? Нет.

— В прошлом в Англии и Шотландии, когда католическая церковь была запрещена, некоторые благородные семьи, которые оставались верны прежней вере, устраивали в своих домах тайники и секретные ходы, чтобы прятать священников. Так вот, я обнаружил такой же потайной ход в архитектуре нашей системы. Кто бы его ни придумал, он молодец, я перед ним преклоняюсь. Под прикрытием системы «Кеннисон Демографикс» существует вторая, потайная система. Как параллельный мир в научной фантастике.

Кеннисон изобразил на лице ярость.

— Вы хотите сказать, что кто-то без нашего ведома паразитирует на нашей системе? Это просто возмутительно!

Селкирк, по-прежнему улыбаясь, укоризненно покачал головой.

— Не надо, мистер Кеннисон. Я заглянул в эту вторую систему. Пошуровал там и сям. Перевернул несколько камешков, чтобы посмотреть, что из-под них выползет. И узнал много нового. — Он нарочно растягивал слова, наслаждаясь произведенным эффектом. В его речи снова зазвучал шотландский акцент.

Кеннисон сдался. Он закрыл глаза и провел ладонью по лицу.

— Хорошо, Алан. Переходите к сути дела. Хватит ходить вокруг да около.

Селкирк пожал плечами.

— Все, что говорит Бомонт, правда. Тайное общество,

которое пытается управлять историей, существует. И вы — один из его руководителей. — Он улыбнулся, продемонстрировав безукоризненные зубы.

— Вы должны понимать, Алан, — устало произнес Кеннисон, — что я не могу позволить вам обратиться с этим в газету или в полицию.

Впервые за все время Селкирк как будто удивился. Он выпрямился в кресле.

— О нет, мистер Кеннисон, вы меня совсем не поняли. Я не собираюсь вас выдавать. Я хочу к вам присоединиться.

V

Сара нашла Реда у загона для лошадей. Летнее солнце только что село, и западная часть небосвода за спиной Реда пылала пожаром. Облака плыли одно за другим так низко, что, казалось, задевали вершины гор, окружавших ранчо. Макушки облаков были темно-серыми, под стать наступающей ночи, а снизу окрашены в оранжевый цвет от солнца, уже зашедшего за горизонт. Стайка птиц — Сара не разобрала каких — пролетела мимо.

Она с удивлением отметила, что Ред наконец-то отказался от своего городского гардероба в пользу более практичного наряда ковбоя. Хотя, честно сказать, стетсоновская шляпа шла ему, как корове седло.

— Привет, приятель, — сказала она.

— Какой уж там приятель, — хмыкнул Ред. — Это вы чувствуете себя здесь как рыба в воде. Дикий Запад, ковбои, мустанги, горы и все такое.

— А вы нет? Хотя, конечно, нет. Вы даже не чувствуете, что повернулись спиной к закату.

Ред нехотя взглянул через плечо на облака.

— Неплохо.

Сара покачала головой.

— Неплохо? Вы ограниченный обыватель, Ред. Да на Востоке вы никогда в жизни не увидите такого. В детстве я не видела ничего подобного.

Сумерки уже спустились, и она не могла разглядеть лица Реда, но в его голосе ей почудилось удивление.

— Я думал, вы выросли в Чикаго.

— Да.

— Но ведь Чикаго не на Востоке.

— Неужели? В какой стороне? Покажите.

Ред вытянул руку.

— Ну, и куда вы показываете?

— На восток.

— Вопросов больше нет.

Ред тяжело вздохнул.

— Хорошо. Но я все-таки не понимаю. Вы же родом не отсюда. Вы — горожанка. Как получилось, что вы чувствуете себя здесь как дома?

— Я по-прежнему большую часть времени остаюсь горожанкой. Денвер не такой уж маленький город. Просто он не расплылся в стороны, как почти все города в восточных штатах. Все верно, я выросла в Чикаго. В Южном Чикаго мне известна каждая дыра, каждый закоулок. Но теперь мой дом — здесь. Я сразу это поняла, когда впервые попала сюда.

Ред взглянул на часы. Сара заметила, что часы у него старомодные — со светящимися стрелками и циферблатом.

— Расскажите мне, как это было, — попросил он.

Сара пожала плечами и засунула руки в карманы джинсов.

— В сущности, рассказывать не о чем. В один прекрасный день я пришла в «Чикаго Трибюн», где тогда работала, и заявила, что увольняюсь. Совсем увольняюсь. У меня не было никаких планов, никто мне не предлагал новой работы. Просто я была сыта Чикаго по горло. Я хотела... Да я сама не знала тогда, чего хочу. Наверное, чего-то нового. Может быть, увидеть более широкие горизонты. Порвать с прошлым.

— Обычно в таких случаях девушки отправляются в Нью-Йорк.

— На Бродвей. Да, я знаю. Но меня интересовала суть, а не блестящая упаковка. Нью-Йорк — тот же Чикаго, только побольше. Калькутта для среднего класса. Грязный, запущенный, совершенно первобытный город. Представьте себе, там действительно выбрасывают мусор на тротуары. — Сара покачала головой. — Нет. Я сложила пакеты в свой старенький «шевроле» и выехала на автостраду. Клянусь, я даже не знала, куда направляюсь. Я просто вырвалась из Чикаго. Я поехала к югу, а когда доехала до первого перекрестка, свернула не на восток, а на запад. И потом, на каждой развилке сворачивала к западу, пока не очутилась на шоссе номер 80, которое вело бог знает куда...

Сара умолкла и пристроилась на нижней перекладине изгороди, пригнувшись и прижав колени к груди. Она наклонилась и, выдернув из земли травинку, стала мять ее пальцами.

— Я проехала Иллинойс, Айову и равнины Небраски, практически не заметив ничего вокруг. Все это время я думала

о том, правильно ли поступила, и убеждала себя, что делаю глупость. Сама не знаю почему, я свернула на шоссе номер 76, ведущее к Денверу. И в один прекрасный день — я думаю, это было ближе к вечеру, где-то между Джулисбергом и Стерлингом, — я впервые увидела эту потрясающую картину — стену снежных вершин, выстроившихся над горизонтом. «Пурпурных гор спокойное величие». До того момента я не знала, что это значит, а тут поняла — вот это про что. И мне стало ясно, что я впервые в жизни нашла свой дом.

Ред молча кивнул.

— Каждому свое, — сказал он через некоторое время. — Я, например, не мыслю себе жизни без ярких огней и шума, без круговерти и суматохи реальной жизни.

— Ред, а если сравнить Бродвей и горы Сангре-де-Кристо, — что из них, по-вашему, реальная жизнь, а что — фантазия?

Он спрыгнул с верхней перекладины изгороди.

— На этот вопрос я отвечать не стану. В конце концов, я никогда не говорил, что у меня не бывает фантазий. — Он выпрямился. — Что ж, похоже, сегодня неплохой вечерок для прогулки. — И добавил шепотом: — За сараем. Остальные уже там.

Сара вопросительно взглянула на него, но Ред уже не спеша удалялся. Остальные? Что он задумал? Зачем вызвал ее сюда? К чему такая таинственность?

«И почему я пришла?»

За сараем их было трое: Умник и двое мужчин, которых она не знала. Они с любопытством посмотрели на нее — три смутных силуэта в сумерках. Один из мужчин был среднего возраста, с брюшком и широким задом, словно полжизни провел за письменным столом. Другой, подтянутый и молодой, прислонился к стене с независимым видом. Он был одет по-ковбойски.

— Ну, и у кого тут самогонка? — спросила Сара тихо.

Мужчина постарше усмехнулся, двое остальных только озадаченно взглянули на нее.

Сара присела на корточки около стены и, выдернув травинку, начала завязывать ее в узлы.

— Вы друзья Реда?

Ответа не последовало, и она, про себя послав их к черту, предалась собственным мыслям.

Ред появился спустя несколько минут и тихим голосом быстро представил их друг другу. Старшего из мужчин звали Уолтер Половски, молодого — Текс Боудин. Он был заместителем Джейни Хэч по ранчо. Сара покачала головой —

ей с трудом верилось, что кого-то в наше время могли окрестить Тексом*.

Текс с Уолтером были знакомы, но с Умником никогда не встречались. О Саре они, разумеется, слышали, но то, что они слышали, не слишком их радовало.

— Я знаю, что вы сделали, — сказал Боудин. — На вашем месте я, должно быть, сделал бы то же самое. Только не думайте, что я в восторге.

— Сейчас это неважно, — заступился за нее Ред. — Слушайте. В старом особняке Карсона в Денвере Сара нашла очень интересную бумагу. Расскажите им, Сара, то, что рассказывали мне. О том перечне, что был у Денниса.

Перечень Денниса? Сара мысленно вернулась в тот день на горе Фалкон, когда их преследовал Орвид Крейл. В ожидании Джейни они болтали с Редом о том о сем, пока в разговоре не всплыл этот перечень. С тех пор Сара не вспоминала о нем, потому что ей не хотелось думать ни о чем, что было связано с Деннисом и с тем ужасным днем в горах. И с ее котом, с ее Мистером Мяу. В тот день она лишилась Мяу и страшно скучала без него.

«Значит, не надо об этом думать. Только о перечне».

Она рассказала, как они с Деннисом нашли рукописный перечень исторических событий и как преподавательница из Денверского университета сказала Деннису, что это были поворотные пункты истории.

— В одном из пунктов шла речь об убийстве Линкольна, — прервал ее Ред.

Уолтер кивнул с таким видом, как будто теперь ему все стало ясно. Умник жадно слушал. Текс с непроницаемым лицом ожидал продолжения.

Как бы направляя Сару, Ред сказал:

— Что еще было в этом перечне?

— Всего я не помню, с тех пор много чего случилось. Погодите-ка... Был Фредерик Тэйлор со своей системой управления производством. Дьюи и его методы обучения. Генри Форд. Этих я запомнила, потому что мы с Деннисом о них говорили. Да, там упоминалось о смерти Брейди Куинна и еще кого-то...

— Дейвиса Белло? Агаты Пенуэзер? — это спросил Уолтер.

Сара подтвердила, и он снова кивнул, вопросительно взглянув на Реда.

* Уменьшительная форма от мужского имени Тексас (Техас), некогда распространенного в глухих сельских местностях американского Юга.

— Похоже на одну из ранних работ Куинна и Карсона, когда они пытались выяснить, что на уме у прежнего Общества. Примерно так же мы догадались о плане приручения нации, который придумали «они». Ну и что? Мы это и так знаем. Черт возьми, да ведь сам Куинн с Шелтоном планировали убийство Линкольна еще до раскола Общества.

— Скажите им, Сара, что там было еще, — вместо ответа сказал Ред.

— Ну-у... — Она напрягла память, пытаясь восстановить их беседы с Деннисом. — О том, как Тедди Рузвельта сделали вице-президентом. Хм-м... О назначениях, произведенных в армии Уинфилдом Скоттом. — Сара увидела, как Уолтер насторожился, а Текс оттолкнулся от стены амбара и выпрямился. — Да, и о том, как Линкольна выбрали президентом. И еще...

— Довольно. Что это было, Ред? — перебил ее Текс. — Ведь это из другой оперы!

— И маневр фон Клюка тоже, и потопление «Лузитании», — сказал Ред.

— Да ну тебя к черту, это же происходило в Европе, а туда ни те, ни другие... — Текс осекся и уставился на Реда. — Ты хочешь сказать, что...

— А внизу листа, по словам Сары, было примечание: «Попробовать ортогональный факторный анализ». — Ред сделал паузу и обвел взглядом собравшихся. — Каждый пункт в перечне на этом листке был пронумерован цифрами «1», «2» и «3».

— Задави тебя Господь на мотоцикле, — выговорил Текс, и это прозвучало скорее как молитва, а не ругательство.

— Вот именно, — сказал Ред. — Все мы знаем, что такое номер один и номер два. Это — прежнее Общество и то, что из него сделал Гровнор Вейл. Но, черт меня побери, кто скрывается под номером три?

Сара уже поняла, что имел в виду Ред. Она рассмеялась, и все посмотрели на нее.

— Все только об одном и думали, — сказала она. — Из кожи вон лезли, чтобы их великая тайна не вышла наружу. А в это время о ней знал кто-то еще. Это великолепно! Это просто грандиозно!

Уолтер нахмурился.

— Не вижу здесь ничего смешного, мисс. Как будто у нас мало забот: воевать с «ними», отводить глаза Кэму...

Текс попытался его остановить, но Сара расхохоталась снова.

— Не беспокойтесь, Текс. Мне уже все известно о разногласиях между Редом и Кэмом Бетанкуром. Я знаю, что все вы заговорщики внутри тайного общества. — Она обернулась и, увидев в глазах Реда безмолвную просьбу, решила не высказывать собственных сомнений по этому поводу. Можно ли бороться со злом порочными методами? Можно ли это делать, не становясь таким же, как те, против кого ты борешься?

— Это еще не все, — сказал Ред. — Кто-нибудь из вас умеет читать по-французски?

Сара сказала, что знает французский. Ред вынул из кармана рубашки листок бумаги.

— Переведите-ка, что там написано. Это — из квебекского узла сети «Дэйта-Нет».

Сара взглянула на него, потом развернула бумагу. Это была машинная распечатка — копия служебной записки.

— Здесь написано, — сказала она, — что обнаружена цепочка убийств, которой стоит поинтересоваться. Дальше идет список имен и дат. Боже мой, но ведь это похоже на файл Моргана!

Ред кивнул.

— Я узнал имена.

Уолт протянул руку и, взяв у Сары листок, стал его изучать, а Текс и Умник глядели ему через плечо.

Сара взглянула на Реда.

— Квебек?

Уолт поднял голову.

— У нас нет резидентуры в Квебеке, но у *них* есть.

— В провинции Квебек. В Монреале, — напомнил ему Текс, — а не в городе Квебек.

Уолт пожал плечами.

— Отделение их монреальской резидентуры?

— С каких это пор они ведут дела на французском? — спросил Ред.

— Там это государственный язык. Закон не допускает никаких официальных документов на английском.

— А зачем бы *им* расследовать убийства, которые они совершили сами? — спросила Сара. — Не спорьте, Уолт. Похоже, мой «червь» подцепил один из файлов номера третьего.

— Я просмотрел всю распечатку Сары насквозь в поисках чужих следов, — пояснил Ред, — которые нельзя было бы приписать ни нам, ни им. Вот это, — он постучал пальцем по листку, — единственное, что я нашел. Написано по-французски, поэтому и бросилось мне в глаза.

Наступило молчание. Все обеспокоенно переглянулись. «О чем они сейчас думают?» — мелькнуло в голове у Сары.

— Сейчас вопрос стоит так, — сказал Ред. — Что нам с этим делать? Надо ли поставить в известность Кэма и остальных? Стоит ли сообщить об этом им? Либо сначала самим попробовать разнюхать, в чем дело, а потом решать?

— Брат Бетанкур и сам выяснит это довольно скоро, — заметил Текс. — Тот, кому попадется кусок распечатки с этим чужим следом, заметит его и сообщит наверх.

— Вполне возможно, — признал Ред. — Но сейчас все заняты латанием наших собственных дыр. Тот, кто наткнется на след, кто бы он ни был, увидит, что это не наше, и не придаст этому значения.

— В любом случае, — сказал Уолт, — мы должны помалкивать. И выяснить, как это может повлиять на наши планы. Узнать, кто скрывается под номером третьим — друг или враг.

— У меня есть вопрос, — произнес Умник, и все повернулись к нему. — Эта третья организация — мы о них знаем, а знают ли они о нас?

Уолт посмотрел на распечатку и поднял глаза на Сару.

— Уж теперь-то точно знают.

Умник потер нос и осторожно потрогал красовавшийся на нем прыщ.

— Тогда у нас не так уж много времени.

Ред проводил ее обратно до ранчо. Он шел, сунув руки в карманы джинсов. Остальные разошлись поодиночке.

— Пять заговорщиков? — спросила Сара. — Это и есть ваше собственное тайное общество?

Ред разозлился.

— Не болтайте глупостей. У меня в распоряжении по меньшей мере двадцать пять человек. Разумеется, не все они здесь.

— И все же, мне кажется, у вас маловато своих людей, чтобы раскрыть организацию, которая оставалась никому не известной не меньше времени, чем ваша.

— Я не для того создал свою группу, и вы это знаете. Но... — Он пожал плечами. — Конечно, нам надо было предусмотреть и такую возможность. Природа не терпит тайн. То, что узнал один человек, может узнать другой. Кроуфорд был не единственным, кто читал книгу Бэббиджа.

Когда они подошли к домику ранчо, здесь уже царила ночная тишина. Сара остановилась на крыльце и посмотрела

на небо. Почему-то всегда получалось так, что при взгляде на звездное небо она прежде всего видела там Большую Медведицу. Она вспомнила, как однажды во время похода, высоко в горах, вот так же смотрела в медленно вращающееся небо и почувствовала — буквально почувствовала, какое невероятное расстояние отсюда до звезд.

Она оперлась на деревянные перила крыльца, ощущая прохладный ночной бриз. Издали доносились смутные ночные звуки, приглушенные окружающим ранчо еловым лесом. Ред кашлянул. Сара обернулась и вопросительно взглянула на него.

— Вы все равно узнаете об этом завтра, но я решил, что вам лучше услышать это от меня.

— О чем вы?

Ред смущенно переминался с ноги на ногу.

— О вашем доме в Эпплвуде. Кто-то вломился туда и устроил погром. Все переломали, стены расписали баллончиком с краской и подогли занавески.

А она-то думала, что ничто в этом мире уже не может задеть ее за живое! Бесконечные потрясения обожгли кончики ее нервов, лишили их восприимчивости, притупили ее чувства. Дыхание пронесшейся мимо смерти, потеря друзей, бегство из мира, который она знала и любила... Она изо всех сил зажмурилась, но не смогла удержать слез.

— Что-что? — Как будто что-то могло измениться, если Ред повторит свои слова. — Но почему?

Она знала, почему.

Открыв глаза, она посмотрела на Реда. В глазах у нее все плыло.

— Это они, да?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет. Под шумок постарался кто-то из местных. По надписям на стенах можно понять, что погромщики считают вас одной из тех, кто управляет историей.

— Какая нелепость! Это ведь я их разоблачила, вы же знаете!

— Я-то знаю, и вы знаете, но вам известно и то, как информация искажается при передаче.

— Все поломано? — пробормотала она. — И пианино?

— Разбито в щепки. Но поломано не все. Один из наших два раза наведалься туда в выходные и забрал, что смог. Что-то в этом роде легко было предвидеть.

— Легко пред... — Она повернулась к нему, стиснув кулаки. — Тогда почему вы это не предотвратили?

— Каким образом? Поставив круглосуточную вооруженную охрану? Мы ничего не могли сделать.

— Будь все проклято, Ред, — воскликнула она, сдерживая слезы. — Я так любила свой дом. Для меня это было лучшее место на земле. Каждую мелочь там я подбирала сама.

— У нас здесь есть пианино. Целая музыкальная комната.

— Не в этом дело, Ред. Там было *мое* пианино!

Ред переступил с ноги на ногу.

— Простите. Мы сделали, что могли. Пойдемте, — он взял ее за руку и повел в дом. — Я покажу, что мы сумели спасти.

Все еще ошеломленная тем, что услышала, она последовала за ним, злясь на себя, что это так на нее подействовало. «Я-то думала, что теперь мне ничего не страшно». Впрочем, всему есть предел, в том числе потрясениям, которые человек может перенести.

Когда они подошли к двери номера, где жила Сара, она попыталась открыть ее, но никак не могла попасть ключом в замок. Ред отобрал у нее ключ и отпер дверь.

И она шагнула в прошлое. Шагнула и застыла, осматриваясь вокруг и не веря своим глазам. Здесь было все. Вся обстановка ее старого дома. Нет, не пианино, не диван, не портьеры. Но здесь были картины на стенах, и фотографии, и светильники, и даже большое мягкое кресло, где она иногда засыпала за книгой, — все было по-старому. Вот картина, которую она сама написала пятнадцать лет назад, когда подумывала, не заняться ли живописью. Она вспомнила чувство, с каким накладывала мазки на холст. И книги! Конрад и Тревор, Блок и Хайнлайн. Потрепанные, с загнутыми страницами — ее верные друзья. Мелодичный перезвон заставил ее обернуться — там, за дверью, стояли ее старинные дедовские часы. Она вцепилась в них обеими руками, как в давным-давно пропавшего друга, и, глядя на свое отражение в стекле, вспомнила, что видела в нем в прошлый раз. А сзади нее, на кухонном столе, стояла миска Мистера Мяу — она видела в стекле ее отражение.

Это была единственная вещь, которую она не хотела бы снова видеть. На глазах у нее выступили слезы. Она воспользовалась своим любимцем, чтобы тогда, в тот ужасный вечер в горах, отвлечь внимание Крейла. Она швырнула Мяу в кусты, чтобы выиграть доли секунды. Этим она спасла себе жизнь и навсегда лишилась Мистера Мяу.

«Кого я обманываю? — подумала она. — Ведь на самом деле все эти вещи для меня ничего не значат. Я бы никогда

не стала лить слезы о доме и мебели. Я плакала о своих радостях и страданиях, которые были в них воплощены. Обо всем, что сделало меня такой, какая я есть. И что я теперь потеряла навсегда». Сара подумала, что видеть эту кошачью миску свыше ее сил.

— А в последний раз там нашли еще кое-что, — сказал Ред, открывая дверь спальни.

И оттуда не спеша вышел Мистер Мяу, по-королевски надменный и самодовольный. Он вспрыгнул на стол и занялся своей миской.

— Мистер Мяу! — Сара бросилась к коту и схватила его на руки. Тот терпеливо сносил ее ласки. — Мяу! Я облазила всю гору, но ты сбежал. Нет, ты не виноват, ты имел на это полное право после того, как я с тобой так обошлась. — Она подняла глаза на Реда. — Где вы его нашли?

— Наши люди обнаружили его в вашем доме. А перед этим три дня прочесывали, как идиоты, гору Фалкон вдоль и поперек. Он вернулся в дом через свою кошачью дверцу, и боже мой, на кого он был похож! И на что была похожа его подстилка! — Ред покачал головой. — Как-то умудрился найти дорогу домой. Я знал, что собаки способны на это, но о котах слышу в первый раз. — Он попятился к двери. — Оставляю вас наедине, вам надо снова познакомиться.

— Ред Мелоун! Стойте, где стоите, негодяй вы этакий! — Ред застыл в дверях под указующим перстом Сары. — Мой дом наверняка был под неусыпным наблюдением. Если никто иной, то уж мои соседи должны были попытаться, не я ли это вернулась. Тот, кто ходил туда за моими вещами, подвергал себя страшному риску. Особенно если побывал там не один раз. Кто бы то ни был, он редкостный идиот, потому что вся эта ерунда не стоит его дурацкой башки. Кроме Мяу, конечно. — Она погладила кота и услышала в ответ знакомое урчание. — Ради него я готова простить этому человеку все глупости, которые он наделал. — Она посмотрела на Реда. — Вы случайно не знаете, как его зовут?

Ред вспыхнул. Это было самое удивительное зрелище, какое Сара видела. Ярко-красным стало не только его лицо, но и шея, и грудь в вырезе рубашки. Вот почему так легко иметь дело с белыми — их выдает кожа.

— Ну да, так я и думала. Почему вы это сделали, Ред? Он уставился на ковер под ногами.

— Потому что мы обязаны вам.

— Неубедительно. Попробуйте еще разок.

— Потому что нам казалось, что так будет правильно.

— Уже лучше. У вас еще одна попытка.

— Ладно! Потому что я так захотел! Я сам! У меня были на это причины!

Она взяла Мяу на руки и прижала к груди.

— А теперь скажите, почему вы вздумали сделать такую глупость.

— Потому что мне хотелось хоть раз увидеть, как вы улыбаетесь, пока я еще жив.

Она приоткрыла рот от изумления и перестала гладить кота, который вынул голову у нее из-под мышки поглядеть, что случилось.

— Ред, вы...

— А помимо всего прочего, там оставался мой фургон.

На следующий день Сара решила проехаться верхом в горы. Она направлялась по подземному коридору к лифту, спеша на занятие подготовительной группы, как вдруг ей показалось, что кто-то произнес ее имя. Она остановилась и обернулась, но вокруг никого не было. Нахмурившись, она пошла дальше. Но тут из короткого бокового коридора до нее донеслись приглушенные голоса.

Заинтригованная, она свернула туда и увидела справа дверь. Дверь была закрыта, но рядом с ней Сара разглядела застекленную панель, сквозь которую увидела группу мужчин и женщин, сидящих вокруг широкого стола красного дерева. Среди них она узнала Реду (он единственный сидел не за столом, а примостился на стойке, которая тянулась вдоль дальней стены комнаты) и Джейн Хэч — ту пожилую женщину, которая командовала на ранчо. Остальные были ей незнакомы.

Она отступила назад, прежде чем ее заметили. А потом осторожно наклонилась вперед, к самой двери, и услышала:

— ...Пока она не перестанет упираться, как ослица!

— Дайте ей время. Это нелегкое решение. — Голос принадлежал Реду. — Мы ведь хотим, чтобы она отказалась от своего «я». Превратилась в другого человека. Я не знаю, как бы повел себя сам на ее месте.

— И это говорит человек, у которого не меньше дюжины своих «я»! Брат Мелуун...

— Это совсем другое дело, брат Бетанкур. Конечно, у меня есть несколько разных масок, но у меня есть и собственное лицо! Я могу скрываться под чужой маской во время какой-то операции. Но когда операция закончена, я имею возможность стать самим собой. Мы же говорим Саре Бомонт, что она никогда больше не станет Сарой Бомонт. Никогда.

Услышав это, Сара закрыла глаза и опустила голову. В

груди ее образовалась какая-то пустота. Словно она потеряла что-то жизненно важное. До сих пор Ред не слишком настаивал, чтобы она решилась принять чужое обличье, но вопрос, оказывается, стоял по-прежнему.

Она снова прислушалась.

— ...Знаем, что случится, стоит кому-то узнать, кто она такая. Да не только *им*, даже обычным людям. Вокруг нее заварилась такая кутерьма, что прорва народу считает ее во всем виноватой. Ей же будет лучше, если она поменяет имя.

— Старый довод, сестра Хэч. Делай, как мы говорим, потому что мы знаем лучше.

— Так мы и знаем лучше!

— Ну и что? Если свобода выбора вообще существует, то это свобода делать любые глупости. Вести себя неразумно и даже опасно. Упрямиться, скандалить, упираться, как осел. И плевать с высокой горы на неумолимый ход истории.

— Как ведет себя кое-кто в этой комнате, — заметил Бетанкур.

Послышались смешки, но Ред продолжал:

— Мы с вами знаем, что если она останется Сарой Бо-монт, то будет убита. Может быть, кем-то из *них*, может, каким-нибудь психом, возмущенным тем, что она якобы сделала или не сделала, а может быть, Тайлером Крейлом, если он узнает, что это она прикончила его братца. Кем именно, не имеет значения, разве что для нее. Самое логичное для нее — сменить внешность и имя. Но кто мы такие, чтобы говорить ей, что она должна это сделать?

— Мы — те, кто ее вытащил. Кто помог ей спасти свою задницу.

— Нет, сестра Хэч, — сказал новый голос. — Брат Мелоун прав. Мы помогли ей спасти свою задницу, но не приобрели ее задницу в собственность.

— Я бы не отказался, — заметил другой голос, мужской. Вновь послышался смех. Уши у Сары вспыхнули. Хотела бы она знать, кто это сказал.

— Не торопись, Эл. Тебе придется встать в очередь за братом Ме...

— А ты, брат Холлистер, лучше придержи язык.

— Вспомните статью девятнадцатую! — Это вызвало новый приступ смеха.

Кто-то стукнул кулаком по столу.

— Довольно, джентльмены, если вас можно так называть. Брат Мелоун — профессионал. Я уверен, он поможет нашей подопечной принять правильное решение. Не так ли?

Ред долго молчал, прежде чем ответил:

— Да, это так. Я помогу ей принять правильное решение.

— Тогда, если наша повестка исчерпана...

Послышался звук отодвигаемых стульев, и Сара поспешно отпрянула от двери. Вернувшись в главный коридор, она бегом кинулась к лифту. Она нажала на кнопку, пританцовывая от нетерпения, потом нажала еще несколько раз, как будто лифт от этого приедет быстрее.

Подслушанный разговор не выходил у нее из головы на всем протяжении урока. Что же ей делать? До сих пор она думала, что порвала все связи с прошлым много лет назад, когда в последний раз увидела Чикаго позади в зеркале своего автомобиля. Но теперь, когда наступил момент перерезать последние нити, она почувствовала, что ножницы дрожат в ее руках. Стереть с лица земли «Сару Бомонт» и превратиться... в кого? В какую-нибудь Мэри Джонс? Это слишком походило на смерть. Неожиданно она поняла, что сейчас ей надо побыть одной в горах, наедине с небом. Обдумать все в одиночестве. В окно ей были видны снежные вершины Передового хребта, она представила себе альпийские луга, горные цветы, криволестье и...

— Мы ждем, мисс Бомонт.

Вздрогнув, она опомнилась.

— Простите, я задумалась.

Гевирц уперся в нее своими слезящимися белыми глазами.

— Неужели? А я думал, что вы медитируете в астральном пространстве.

— Я сказала «простите». Не могли бы вы повторить вопрос?

— Первое правило, если не возражаете.

Она вздохнула и набрала полную грудь воздуха.

— Первое правило клиологии гласит: оценивай действие, а не действующих лиц. Другими словами, суди по результатам, а не по намерениям.

— Очень хорошо. Кто объяснит суть этого правила? — Он обвел глазами класс, словно мог видеть, и протянул костистый палец.

— Мистер Босуорт.

Умник, пытавшийся сползти по стулу как можно ниже, дернулся и беспомощно огляделся.

— А... суть в том, что... э... прямое действие редко достигает поставленной цели. А иногда результат получается прямо противоположный.

— Гм-м. Разве результат бывает «криво» противополож-

ный, мистер Босуорт? Впрочем, неважно. Кто приведет пример того, как результат действий или политики оказался «прямо» противоположным ожидаемому? Мисс Бомонт?

— Попытки Общества Бэббиджа сохранить свою тайну непосредственно привели к ее раскрытию.

На мгновение в комнате воцарилось неловкое молчание. Умник сидел с удивленным и обеспокоенным видом. Мать-Земля не скрывала негодования. Остальные сердито смотрели на Сару.

По лицу Аарона Гевирца медленно разлилась улыбка. Он кивнул.

— Поистине творческий ответ, мисс Бомонт. Правда, слегка вызывающий, если учесть ситуацию. Он, так сказать, затрагивает всех нас. Увлечшись поиском соломинок в чужих глазах, мы и в самом деле проглядели бревно в своем собственном. Увы, чтобы достичь цели, одних благих намерений недостаточно. У кого есть еще примеры?

Мать-Земля заговорила:

— Поддержка американским правительством антикоммунистических диктаторов в восьмидесяти процентах случаев привела к установлению коммунистических или по меньшей мере антиамериканских режимов. Примеры: Куба, Иран, Никарагуа, Чили, Южная Африка, Гаити, Филиппины. Только один из этих послереволюционных режимов можно считать дружественным Америке.

— Благодарю вас, мисс Говард. А как по-вашему, почему это произошло? Из-за обычных просчетов? Или, быть может, в госдепартаменте кто-то питает тайные симпатии к коммунистам?

— Все зависело от величины и степени влияния среднего класса в этих странах.

— Правильно, мисс Говард. — Гевирц отъехал от нее в своем кресле и сказал, обращаясь ко всей группе:

— У прямого действия есть один недостаток: нередко оно приводит к противоположному результату. Для примера я отсылаю вас к Эзоповой басне о собаке и кости. Любый инженер расскажет вам сколько угодно печальных историй о многообещающих изобретениях, которые так и не были реализованы. Социальная инженерия, сознательная или нет, как минимум гораздо сложнее, чем конструирование механических и электрических устройств. Я мог бы назвать вам прогрессивные педагогические методы, благодаря которым ученики почему-то становились менее образованными. Или возьмите пример, приведенный мисс Говард, когда гладили каждую шавку, лишь бы она лаяла на коммунистов.

Как правило, такой злосчастный противоположный эффект получают ненамеренно. Это результат слепого взаимодействия противоречивых желаний миллионов людей, каждый из которых стремится к лучшему для себя и устремления которых, сшибаясь и отталкиваясь друг от друга, сплетаются в замысловатом статистическом танце. Однако иногда это происходит преднамеренно — благодаря тонким махинациям наших друзей по ту сторону забора. Что у вас, мистер Рейнолдс?

Рейнолдс был одним из двух других мужчин в группе. До сих пор Сара его практически не замечала, таким сереньким и невзрачным он был.

— Я не понимаю, какое отношение имеет средний класс к тому, придет страна к коммунизму или нет.

Аарон поджал губы.

— Знаете ли вы, что такое средний класс, мистер Рейнолдс?

— Конечно. Это обычные люди, как мы с вами. Ну, не богачи, но и не бедные.

— Неточное определение, мистер Рейнолдс! Типичный случай скрытых допущений. Я лично вовсе не уверен, что мы с вами относимся к одному и тому же классу. А богатство почти не влияет на принадлежность человека к среднему классу. Некоторые представители этого класса весьма состоятельны, другие бедны. Мистер Босуорт?

— Э... Средний класс — это коммерсанты, банкиры, юристы...

Гевирц скривился, как от боли.

— Вы намерены дать нам развернутое определение среднего класса путем перечисления бесконечного списка профессий? Я немного вам подскажу. В аграрном обществе существуют только два класса. Какие?

— Э... Землевладельцы и землепашцы. Помещики и крепостные.

— Вы очень проницательны, мистер Босуорт. Вы подготовите нам доклад с использованием диффузионного исчисления, где будет показано, как возникают эти классы. Подсказка: нужные вам уравнения близки к уравнениям, описывающим расселение популяции по территории. Начальное условие — поселения равноправных земледельцев; граничное условие — средние показатели плодородия почв и климата, а также минимальный уровень калорий, необходимый для поддержания жизни. Покажите, как развитие классов определяется случайными вариациями урожайности и естественной сортировкой населения при наличии социобиоло-

гической тенденции к альтруизму. — Гевирц развернулся вместе с креслом к Рейнолдсу.

— Я не забыл и про вас, мистер Рейнолдс. Вам дается такое задание: проанализировать возникновение средних классов — обратите внимание, что я использовал множественное число! — и показать его неизбежность в ходе развития индустриального общества. С помощью алгебры аналогий сравните средние классы индустриального общества с их предшественниками в земледельческом обществе. Проанализируйте ход современных революций в следующих группах стран. Первая группа: Англия, Франция и Соединенные Штаты. Вторая группа: Германия и Италия. Третья группа: Россия и Китай. Внутри каждой группы сравните последствия революций с относительной численностью и степенью влияния средних классов, а также аристократии.

— Подождите минуту! В нашей стране никогда не было ни аристократов, ни крепостных.

— Да ну? Я уверен, что предкам мисс Бомонт это было бы приятно и утешительно услышать. Однако, смею обратить ваше внимание, что кульминацией революции в нашей стране был Аппоматокс, а не Йорктаун*. Все верно, плантаторы с Юга не носили громких титулов. Их не величали «герцогами Роанокскими» или «баронами Сельмскими». К ним обращались просто «масса». Но они и не нуждались в других титулах. Составляя менее четырех процентов белого населения Юга, они контролировали практически все его богатство. Они ничем не отличались от европейских лендлордов или помещиков.

Сара почти не слушала. Ответы следовали прямо из текста учебника. Средний класс в странах первой группы был достаточно силен, чтобы силой оружия победить высшие классы, создав предпринимательский капитализм и парламентскую демократию. Там, где средний класс был не так силен, аристократия позволяла ему влиться в свои ряды и проводила революции сверху, создав убудочные парламенты и в конечном итоге фашистские государства. В третьей группе стран средний класс был очень слаб или вообще не существовал. Стремясь провести прогрессивные реформы, аристократия создала суррогат буржуазии, которому царь Петр дал название «интеллигенция». Однако такая искусс-

* 19 октября 1781 года командующий английскими войсками генерал Чарлз Корнуоллис сдался Джорджу Вашингтону в деревне Йорктаун на юго-востоке шт. Вирджиния. 9 апреля 1865 года в городе Аппоматоксе, шт. Вирджиния, командующий армией северян принял капитуляцию генерала Ли.

венная буржуазия никогда не могла сравниться с настоящей. В конечном итоге стремление к обновлению прорвалось из низших классов, оно исходило от рабочих и крестьян и привело к коммунистическим диктатурам. Вот почему поддержка феодальной аристократии в банановых республиках всегда приводила к обратным результатам.

Сквозь монотонное жужжание класса Саре почудился какой-то новый звук. Едва слышный, тоненький, он доносился из вентиляционного отверстия. Сара нахмурилась, пытаясь понять, что это такое. Звук что-то ей напоминал, но очень смутно. Он становился то выше, то ниже, потом вдруг оборвался, а после паузы послышался снова. Так повторилось несколько раз.

И вдруг ее осенило. Это было соло на кларнете из «Хай Сосайети». Кто-то снова и снова упражнялся, проигрывая один и тот же пассаж и каждый раз спотыкаясь на синкопированных верхних нотах. Кто бы то ни был, он отличался терпением и настойчивостью. Только сейчас Сара сообразила, что слышит эти звуки уже довольно давно, но до сих пор не обращала на них внимания.

— Мисс Бомонт!

Сара вздрогнула, как ребенок, который залез рукой в банку с вареньем и застигнут на месте преступления. Аарон Гевирц развернул свое кресло к ней.

— Я еще раз задал вам вопрос, на который вы не изволили ответить. Если не знаете, так и скажите, чтобы я мог доставить удовольствие ответить на него кому-нибудь другому.

— О, простите, пожалуйста, доктор. Не могли бы вы повторить вопрос?

— Конечно, мог бы, но не стану. Вместо этого вы подготовите и представите нам всем реферат, в котором покажете, что мелкобуржуазное происхождение вождей и теоретиков революции есть результат непрерывного роста численности населения. В качестве иллюстрации можете использовать любые примеры, только не отмечайте те, которые могут показаться вам противоречащими вашим выводам.

Она подтянула подпругу. Ред стоял рядом, наблюдая за ней с расстроенным видом.

— Вы ведь вернетесь, да?

— Конечно, вернусь. Просто мне необходимо побыть одной. В таком месте, где можно спокойно подумать. Ведь теперь вся моя жизнь будет совершенно другой. Вот я и должна понять, насколько другой и что именно изменится.

Ред подал ей свернутый спальный мешок и седельные сумки.

— Имейте в виду, у меня из-за этого могут быть крупные неприятности.

Она привязала поклажу к седлу.

— Едва ли. Конечно, вашим новобранцам запрещено общаться с внешним миром, но все мы время от времени устраиваем прогулки в горы.

— Но ведь вы задумали не просто прогулку.

— Не просто. Но я не желаю принимать решение под давлением — вашим или чьим-нибудь еще. И спешить с решением тоже не хочу.

Ред поковырял носком ботинка усыпанный сеном земляной пол конюшни.

— С вами там все будет в порядке? Я хочу сказать, у вас есть все, что нужно?

Сара похлопала лошадь по шее, и та коротко заржала в ответ. Это была голенастая лошадка мышиной масти, на которую можно положиться в горах. Сара влюбилась в нее с первого взгляда, как только заглянула в конюшню.

— Не беспокойтесь обо мне. Все, что мне надо, у меня здесь. — Она постучала себя по голове. — А то барахло, что мы забрали с собой, когда вернулись за моей машиной, — это уже роскошь.

— Разве вам не нужна еда?

— Нет. Там вокруг еды достаточно. Просто надо знать, как ее достать. Я взяла в собой только немного вяленого мяса и кофе.

— Джейни сказала — вы можете взять, что захотите, с кухни.

Сара отрицательно покачала головой. Сейчас Ред напоминал заботливую несущку.

— Что говорит Джейни о моей экскурсии в горы?

— Говорит, что вы спятили. Что для вас есть только один разумный выход.

— Ей легко говорить. Ведь не ее же личность вы собираетесь уничтожить.

Ред что-то буркнул в ответ. Сара вывела лошадь из конюшни в загон. День был прохладный. Солнце спряталось за облака, с запада дул свежий ветер. Сара постояла, перебирая поводья в руке и глядя на Реда.

— Ладно, — наконец сказала она. — Пожелайте мне удачи.

Ред протянул ей руку.

— Желаю удачи, — повторил он.

Сара немного поколебалась, потом пожала его руку. — Спасибо.

Она вдела носок в стремя и села в седло. У сапог, какие носят на Западе, острые носки, чтобы легко было попасть в стремя, а высокие каблуки не дают ноге проскочить. В такой обуви можно удержаться в седле даже в самые опасные моменты.

— Знаете, сам Куинн однажды это сделал?

Она посмотрела на него сверху вниз.

— Что?

— Уехал в горы, чтобы побыть одному. Сразу после того, как переехал на Запад. Ему тоже понадобилось покопаться в собственной душе. Он бродил по горам несколько месяцев. От Сентрал-Сити до хребта Сан-Хуан. Говорят, что где-то здесь он своими руками построил бревенчатую хижину и жил в ней. — Он пристально посмотрел на Сару. — Вы ведь не собираетесь пробыть в горах так долго?

Она коротко засмеялась.

— Нет, сейчас на дворе двадцатый век, а не девятнадцатый. Теперь все совершается скорее. Даже копание в собственной душе.

Она прищепила лошадь и подобрала поводья. Лошадка пошла вперед крупной рысью. В воротах загона Сара повернулась в седле и взглянула на Реда. Он помахал рукой, она в ответ тоже подняла руку.

Когда она исчезла из виду, Джсйн Адамс Хэч вышла из кухни и остановилась на заднем крыльце, глядя на Реда. Волосы у нее были совсем седые, лицо — морщинистое и дочерна загорелое. Ред обернулся, увидел ее, подошел и остановился рядом.

— Уехала, — сказал он.

— Вижу, — ответила маленькая пожилая женщина. — Додумается она до чего-нибудь дельного?

— Думаю, что да.

Джейни что-то проворчала про себя.

— А ты?

Ред посмотрел ей прямо в глаза.

— Что я?

Она фыркнула.

— Ты пожал ей руку, Ред. Будь я на ее месте, я бы за это вlepила тебе как следует. Почему ты ее не поцеловал?

Ред повернулся и посмотрел туда, где за деревьями исчезла девушка на лошади.

— Она ничего такого не сказала.

— Ред Мелоун, ты круглый дурак! Она никогда ничего не скажет. Она не из таких. Она, может, и сама не знает, чего хочет.

— Погоди, Джейн Хэч. Не собираешься ли ты вмешаться в естественный ход истории?

Маленькая пожилая женщина презрительно хмыкнула.

— Я просто убираю камни, что мешают течению. Вот и все. В этом нет ничего плохого.

VI

— Поймите, прошу вас, — говорил Джереми сестре приемного отделения. — Мистер Френч — мой очень близкий друг. Я точно знаю, что в ту же ночь, после несчастного случая, его привезли сюда, в вашу больницу.

Он переступил с ноги на ногу и огляделся. Мимо шли мужчины и женщины в белых халатах, занятые либо собственными мыслями, либо разговором. Некоторые, проходя, с любопытством посматривали в сторону дежурной сестры — о чем это она спорит с посетителем? В воздухе стоял едва ощутимый запах лекарств и антисептиков. Позади Джереми, в комнате ожидания, спокойно сидела Гвиннет Ллуэлин, делая вид, что читает старый номер журнала «Нэшнл Джигрогрэфик», а на самом деле внимательно прислушиваясь к их разговору. Время от времени она даже переворачивала страницы.

Сестра поджала губы.

— Возможно, полиция ошиблась. Вы уверены, что его повезли не в Шведскую больницу, или в Денверскую городскую, или в больницу Святого Иосифа? А может быть, даже в больницу Генерала Роуза или в больницу штата Колорадо, в Ист-Сайде?

— Нет, как вы не понимаете? — Он вцепился в край ее стола. — Я сам приехал сюда на «скорой помощи». Я видел, как он здесь лежал! А сейчас на его кровати лежит кто-то другой, а у вас он вообще не зарегистрирован!

— Я уверена, что это какая-то ошибка.

«Еще бы, конечно, ошибка, поганка ты этакая!» — пронеслось у него в голове, но он отогнал эту мысль раньше, чем успел ее высказать. Кроме того, он вообще уже не был уверен, что это ошибка. Видимо, исчезновение Денниса не случайно. Как и обыск в его квартире. Как и сам несчастный случай. Как и подслушивающее устройство, которое он об-

наружил в своем телефонном аппарате после того, как побывал у профессора Ллуэлин.

— Мне только на прошлой неделе звонили из вашей больницы и сообщили, что состояние Денниса стабилизировалось. Но что посещать его нельзя. Тот, кто звонил, так и сказал, что мистер Френч пока еще не может принимать посетителей.

Сестра покачала головой.

— Нет, отсюда никто не звонил.

Джереми вдруг пришло в голову, что он, возможно, видел своего друга в последний раз. Что больше его никогда не увидит. Деннис бесследно исчез, оставив после себя в жизни Джереми невосполнимую пустоту, как исчезают диссиденты в тоталитарных странах.

Но эту пустоту Джереми воспринимал только рассудком, а не сердцем. Как будто ему вырвали зуб или ампутировали конечность — у него все еще было такое чувство, словно Деннис где-то рядом. Словно он куда-то вышел по делу и вот-вот вернется.

Теперь Джереми окончательно убедился, что Деннис — вместе с Сарой Бомонт — впутался в какую-то опасную историю. Что кто-то взял и выхватил их из жизни. И все из-за того клочка бумаги.

Он обшарил всю квартиру в поисках этого листка, но и следов его не нашел. Одно из двух: либо его выкрали (не за ним ли приходил первый грабитель?), либо он тщательно спрятан. Но если Деннис так тщательно его спрятал, значит, он тоже понимал, какое значение имеет эта бумажка.

Джереми с Ллуэлин и в больницу отправились только для того, чтобы выяснить — выкраден листок или спрятан. Они надеялись, что им удастся уговорить сестер и проникнуть к Деннису. Деннис должен помнить, куда положил этот листок.

Видимо, сестра что-то прочла на его лице: она в нерешительности закусила губу, потом кивнула.

— Погодите. Что-нибудь может знать врач, который дежурил в ту ночь. Когда это было, говорите? Девятнадцатого июня?

Она нажала несколько клавиш своего терминала. Ожидая ответа, Джереми оглянулся.

Ллуэлин куда-то исчезла!

Его охватил панический страх. Он попытался взять себя в руки, но почувствовал, что весь дрожит. Неужели ее похитили, пока он стоял к ней спиной? И теперь ждут только

подходящего момента, чтобы похитить и его? Он оглядел зал — нет ли поблизости подозрительных лиц. Что делать?

Тут он увидел, что она возвращается из вестибюля, и на мгновение облегченно прикрыл глаза. Ллуэлин, не говоря ни слова, взглянула на него и снова углубилась в журнал. Джереми вздохнул про себя. Ну вот, уже начинают мерещиться всякие ужасы.

— Нашла, — сказала сестра, запнулась и добавила: — Ах, вот оно что!

— А что такое?

Джереми повернулся к ней и подался вперед.

— В ту ночь дежурил доктор Венн. И сестра Килбрайт. Она хмыкнула.

— Как я могу с ними поговорить?

— Никак. Они оба сбежали в следующий понедельник. Сейчас они где-то на Багамах. — На ее лице выразилось неодобрение. — Доктор Венн вечно приставал к сестрам, но никто не подозревал, что у него что-то с Джейн Килбрайт. Она была замужем. Мы и подумать не могли, что она на такое способна. Хотя, надо сказать, муж перенес это довольно спокойно...

Она сообразила, что говорит лишнее, и снова поджала губы.

— Боюсь, больше ничем вам помочь не могу.

Джереми кивнул, поблагодарил ее, вышел на улицу и остановился на автомобильной стоянке. День клонился к вечеру, но на солнце было еще жарко. Волны горячего воздуха поднимались над капотами машин зыбкой, переливающейся завесой. Над асфальтом стояли зеркальные пятна миражей. Джереми вынул платок и вытер пот со лба. Ну, и что дальше?

Он подумал, что в машине, наверное, жарко, как в печке, достал ключи и открыл настежь все четыре дверцы. Из машины пахло жаром. Он протянул руку, запустил мотор и включил на полную мощность кондиционер.

Ллуэлин подошла в тот момент, когда Джереми заносил в записную книжку суть своего разговора с сестрой. Он начал было рассказывать, что произошло, но она остановила его.

— Я все слышала, — сказала она. — Во всяком случае, все самое существенное. Пока вы там болтали, я попросила кое-кого просмотреть регистрационные записи в компьютере.

— Что? Как? И зачем? Там нет никаких следов Денниса. По крайней мере... — Ему пришла в голову новая мысль. — По крайней мере, так мне сказали.

— Это правда. Деннис Френч там не зарегистрирован. Тогда я проверила, кого в тот день привозила сюда «скорая». А потом посмотрела еще на несколько дней вперед и назад. — Она умолкла и взглянула на него. — Одного неопознанного мужчину, сбитого машиной, положили сюда восемнадцатого — днем раньше, чем вашего друга.

Он испытал острое разочарование. До сих пор у него почему-то еще оставалась надежда.

— Ах, вот как... Значит, это был не он.

Ллуэлин улыбнулась.

— Почему-то мы всегда принимаем за чистую монету все, что зарегистрировано в компьютере. Пока нас не ткнут носом, нам и в голову не приходит усомниться.

— Что вы хотите сказать?

— Смотрите. Предположим, вам надо кого-то «потерять», но он находится в больнице и нетранспортабелен. Что бы вы сделали?

Он начал понимать, к чему она клонит. Почему она всегда видит такие вещи раньше, чем он? Неужели он такой тупой? Или просто слишком долго вел тихую, спокойную, размеренную жизнь?

— Я бы подделал записи.

— Правильно. Правда, те, кто его принимал, знают, как обстояло дело, но их можно подкупить. Дать им отступного. Например, навсегда отправить на Багамы. После этого вы пережидаете несколько дней и потом запутываете регистрационные записи — немного сдвигаете даты приема и выписки, одни вперед, другие назад. Тогда все будут думать, что им изменила память. Если вообще обратят на это внимание.

Джереми охватило волнение.

— Значит, вы думаете, что это был он? Что тот неопознанный мужчина — Деннис? — Он обернулся и бросил взгляд на здание больницы. — Вы хотите сказать, что он там так и лежит все это время, только вычеркнутый из компьютерных записей?

— Не совсем вычеркнутый. Скорее переименованный. Ведь он был серьезно ранен, верно? Таким способом вполне можно было его спрятать, никуда на самом деле не перемещая. Если подумывать, то это вселяет некоторую надежду.

— Почему?

— Очевидно, они не хотели причинять ему вреда.

Джереми просиял, но Ллуэлин добавила:

— По крайней мере до тех пор, пока не узнают, что ему известно и кому он об этом рассказывал.

Джереми сделал шаг к дверям больницы.

— Так чего же мы ждем? В какой палате лежит этот неопознанный мужчина?

— Лежал. Его выписали на прошлой неделе. Судя по записям, выписал его этот ваш доктор Венн.

— Но... Ведь Венн уехал! Его тогда уже не было! Он сбежал с любовницей двадцать первого! Он не мог никого выписать на прошлой неделе!

Ллуэлин пожала плечами.

— Все записи в полном порядке. И если бы никто не начал разыскивать того неопознанного мужчину и сопоставлять даты, никто ничего бы и не заметил. Через некоторое время они, возможно, и это подправят. До сих пор, судя по всему, они действовали наспех.

Джереми почувствовал, что появившаяся было у него надежда исчезла. Деннис все это время был здесь, но теперь его нет. Джереми стукнул кулаком по крыше машины. Ллуэлин выжидательно молчала.

— Черт возьми! Что же дальше?

Он тяжело вздохнул, обошел машину, сел на место водителя и задумался. Ллуэлин уселась рядом.

— Погодите-ка, — сказал он через некоторое время. — Почему вам разрешили просмотреть записи, а мне нет?

Ллуэлин улыбнулась, отчего ее лицо стало похоже на румяный пончик.

— Я нашла тут, в отделе регистрации, одну девочку из тех, что добровольно помогают сестрам, и предложила ей сто долларов.

— Вы дали ей взятку?

— Взятка — не самое страшное, с чем нам приходится иметь дело, — серьезно ответила Ллуэлин. — Сразу после того, как вы ушли, случилась одна странная вещь. Я выждала несколько минут, чтобы нельзя было догадаться, что мы пришли вместе. Пока я ждала, я видела, как сестра приемного отделения вдруг вся напряглась, словно ее током ударило, и глаза у нее остекленели. Она взяла трубку, набрала какой-то номер, произнесла несколько слов и снова положила трубку. Что она сказала, я не слышала. Потом глаза у нее ожили, она встрепенулась и огляделась, как будто не совсем поняла, что произошло. Кажется, больше никто на это не обратил внимания. Все было почти незаметно, я видела это только потому, что на нее смотрела.

Джереми нахмурился.

— Как по-вашему, кому она звонила?

— Не знаю. Возможно, она и сама не знает. Я думаю, это было постгипнотическое внушение. Я думаю, те, кто подде-

дал записи и подкупил врача и сестру, чтобы они сбежали на Багамы, позаботились о том, чтобы им дали сигнал, если кто-то начнет любопытствовать. — Она захлопнула дверцу машины. — Поехали.

— Куда?

Ллуэлин вытащила из-под блузки клочок бумаги.

— Прежде чем уйти, я еще раз заглянула к этой девочке из отдела регистрации и узнала адреса того доктора и сестры.

— Но ведь он уехал. И она тоже.

— Но муж-то ее здесь?

Джереми нажал на газ, и машина, завизжав покрывками, рванулась с места.

Покинутый дом всегда навевает какое-то особое ощущение заброшенности. Джереми стоял у кожаного дивана в гостиной Килбрайтов и чувствовал, как пуст их дом. Он провел пальцами по абажуру торшера — пыль здесь не вытирали по меньшей мере две недели. Его больше не смущало то, что они с Ллуэлин вломились в чужой дом. Сюда никто уже не вернется.

Послышался скрип ступенек. Он поднял голову и увидел, что сверху спускается Ллуэлин.

— В шкафах пусто, — объявила она.

Джереми кивнул. Ничего другого он и не ожидал. Похоже, это мертвое дело. И, может быть, в буквальном смысле слова тоже. Он подозревал, что романтический треугольник и бегство любовников — всего лишь ширма для какой-то кровавой истории. Все, что он до сих пор узнал о тайном обществе, говорило о том, что вряд ли оно занимается организацией безобидных курортных туров.

— Может быть, мы сумеем разыскать их где-нибудь на Багамах? — предположила Ллуэлин.

Джереми покачал головой. Никто уже не вернется.

Телефон зазвонил в тот момент, когда Кеннисон садился обедать. Карин подала обед точно по расписанию. Телячья отбивная под соусом «бешамель» с мускатным орехом. Кеннисон только успел поднести первый кусочек ко рту, как его прервала Беттина.

— Вас к телефону, сэр, — сказала она с легким поклоном. Она была стройна, изящна, и черный фракный костюм дворецкого ей очень шел.

Кеннисон с сожалением взглянул на свою тарелку. Рут-Энн, его повариха, не имела себе равных во всей стране, от ее шедевров просто невозможно оторваться. Он поспорил с

ней, что она не сможет каждый день в течение года готовить новое блюдо, но прошло уже больше полугода, а она еще ни разу не повторилась. Он вздохнул.

— А они не могут подождать? Я только что сел обедать.

— Говорят, это срочно, сэр.

— Хорошо, мадам дворецкий. Я буду говорить из кабинета. Передайте Рут-Энн, пусть держит все на огне, я только на минуту.

Его кабинет был отделан темным дубом, в шкафах стояли книги — не слишком мало и не слишком много. Письменный стол в тон стенным панелям был обширен и совершенно пуст, если не считать маленькой таблички с надписью каллиграфическим почерком: «Чистый стол — свидетельство грязных мыслей». Легкий юмористический штрих, который, как и исключительно женская прислуга в доме, должен был создавать у посетителей определенный образ. Бонвиван Кеннисон, человек огромных возможностей — и финансовых, и сексуальных. Конечно, на самом деле все было не совсем так. Его подлинная финансовая мощь оставалась скрытой — он демонстрировал лишь часть ее, достаточную, чтобы производить впечатление и чтобы перед ним открывались двери, которые иначе остались бы запертыми, но недостаточную, чтобы наводить людей на мысль — а откуда у него все это? Но зато если эта сторона была сильно преуменьшена, то другая настолько же сильно преувеличена, так что равновесие в конечном счете сохранялось.

В кабинете, обставленном под старину, были только два предмета современного вида — телефон и лампа для чтения. И здесь крылся тонкий расчет — намек на то, что он идет в ногу с временем. Лампа была с программным управлением, она отзывалась на звук и движение благодаря разбросанным повсюду датчикам: стоило ему войти в кабинет, как она «узнавала» об этом и загоралась с нужной яркостью и так, чтобы никогда не светить в глаза. Телефон тоже был весьма совершенный, оборудованный множеством разных вспомогательных устройств, в том числе и разрешенных законом.

Он подошел к столу и снял трубку.

— Да, я буду говорить.

Лампочка, означавшая, что снята параллельная трубка у дворцового, погасла. Кеннисон увидел, что звонят по специальной линии, о существовании которой телефонная компания даже не подозревала.

— Лев слушает.

— Номер седьмой.

Кеннисон поднял брови. Гретхен Пейдж? И хочет гово-

ритель со скрэмблером, шифрующим слова, чтобы их нельзя было подслушать? Значит, не уверена, что эта линия не прослушивается? Он выругался про себя. Как она не понимает, что сейчас самая надежная мера безопасности — вообще не поддерживать контактов друг с другом? Его пальцы забегали по клавишам, настраивая скрэмблер на код номер семь. Он знал, что Пейдж на том конце провода делает то же самое.

— Да? — сказал он.

— Посмотри вечернюю программу новостей из Вашингтона. Я узнала об этом из местных новостей, они идут здесь на час раньше. Ты как раз успеешь. Я еще позвоню.

Трубка умолкла. Гудка эта линия не давала — вместо него Кеннисон слышал только бесконечную мертвую тишину. Потом где-то в бесконечности ему послышался слабый щелчок.

Дрожащей рукой он положил трубку. Щелчок. Неужели кто-то обнаружил частную линию, которая соединяет его с Пейдж и кое с кем еще, и теперь ее прослушивает? Может быть, Вейл? Великая Гарпия? Подозревает, что он что-то замышляет? Наверное, пора действовать. Хватит осторожного прощупывания и двусмысленных разговоров. Надо им все сказать прямо. Даже Пейдж. Особенно Пейдж, пока она не вздумала действовать по собственному усмотрению. Все они его соперники, но что из этого? Он вспомнил, что Линкольн сформировал кабинет министров из самых ярких своих соперников. Он подчинил их своей воле, сделал своими покорными орудиями, а в конце концов заставил полюбить его. Вот Сьюард, например. Сьюард рассчитывал сделать этого невежественного провинциала своей марионеткой, а кончил тем, что стал его самым верным поклонником.

Или, может быть, это Бетанкур? Неужели Кэмерон Бетанкур наконец перешел к решительным действиям? По сведениям Кеннисона, кое-кто из советников Бетанкура убеждал его отказаться от правила Куинна. Если Ассоциация очнется от своего долгого сна, она может стать серьезным противником.

А может быть, никто и не подслушивал. Может, у него просто разгулялись нервы после этой истории с Селкирком. И теперь мерещатся всякие страхи.

Он вдруг вспомнил, что ему говорила Пейдж, взглянул на часы и нажал кнопку на столе. Один из книжных шкафов повернулся вокруг оси — за ним стоял телевизор. Кеннисон нажал другую кнопку, экран загорелся, и на нем появилось лицо известного теледиктора. Диктор сидел за столом с серь-

езным, озабоченным видом, а позади него на стене висели экран и карта мира. «Интересно, много ли стран этот человек может показать на карте?» — мелькнуло в голове у Кенни-сона.

Кеннисон скрестил руки на груди и присел на край стола. Что там просила его Пейдж посмотреть? Если это уже прошло у нее в местных новостях, значит, речь идет о восточном побережье.

Он терпеливо прослушал с полдюжины сюжетов — почти все они сводились, по существу, всего лишь к заголовкам новостей. Время от времени их сопровождал одной-двумя фразами комментария кто-нибудь из официальных лиц — из тех немногих, кому доверено комментировать новости. Примерно каждый двадцатый из этих политических деятелей, постоянно выступавших с интервью, был членом Общества или контролировался членами Общества. Примерно столько же, несомненно, принадлежали к Ассоциации, хотя кто они, Кеннисон не знал. Все остальные не имели ни малейшего представления о том, о чем говорят.

Он снова подумал, почему никто до сих пор не обратил внимания на то, что постоянно показывают, упоминают и интервьюируют одну и ту же горсточку политиков и знаменитостей, а других, которые могли бы сказать не меньше интересного, держат в тени или без особого шума убирают со сцены под явно надуманными предложениями.

Сами «новости» никакого интереса не представляли. Многозначительные разглагольствования политиков и бизнесменов, которые в самом деле думают, что это они принимают ответственные решения, да всякая дребедень: пожары, автомобильные аварии, войны, кинозвезды, научные открытия. Кеннисон покачал головой. Хорошо, что телевизор для него не единственный источник информации, и развлечения.

Самое главное сообщение оказалось последним или одним из последних. Диктор взял со стола очередную страницу текста и изобразил на лице скорбь. «Трагическая смерть в Нью-Джерси. Поместье бизнесмена Джона Бентона в округе Сассекс было разгромлено и сожжено сегодня группой экстремистов, называющих себя «Свободными американцами». Мистер Бентон, семидесяти пяти лет, давно отошедший от дел, погиб в пламени вместе с двумя своими служащими. Один из экстремистов, безработный литейщик, отказавшийся сообщить свое имя, был задержан уцелевшими служащими на территории поместья. Он заявил следующее....» (Крупный план — небритый человек в растерзанной одежде. Лицо вымазано копотью. На голове бейсболка с названием мест-

ного универмага.) «Мы еще покажем всем этим... (би-и-ип), которые норовят нами командовать. Я сижу, как... (би-и-ип), без работы уже два с половиной года из-за этой... (би-и-ип) автомобильной промышленности. Слава богу, что у этой Бомонт хватило духа вывести на чистую воду этих... (би-и-ип)!» (Общий план — диктор в студии.) «Бомонт, о которой только что было упомянуто, — это...»

Кеннисон выключил телевизор прежде, чем диктор, делая прекрасно ухоженными руками красивые жесты, понесет всякую чушь о том, «что все это означает», и устало оперся на стол. Значит, они добрались до старины Бентона. Он достал тонкую сигару и закурил, сломав две или три спички. Бентон. Какая ирония судьбы! Из всех членов Совета Бентон, наверное, заслужил это меньше всех. Не то чтобы на руках у него совсем не было крови, но он всегда был очень скуп на устранения. А что до того человека, который сидит без работы два с половиной года, то кто ему сказал, что он может работать только на автозаводе? Впрочем, мир полон людей, которые только и думают, как бы переложить ответственность за свою собственную жизнь на кого-нибудь другого. Неважно, кого они при этом винят — богов или дьяволов, важно, что во всем виноват кто-то еще. Жаль, что Общество на самом деле не так всеильно, как думает этот человек. Что ему недоступны микроманипуляции, без которых нельзя урегулировать жизнь до последней мелочи и сгладить все острые углы. Будь у него такая возможность и попади оно в хорошие руки, хаосу истории был бы положен конец. Все слои населения смогли бы работать гладко, без сучка и задоринки, без всяких конфликтов, без всех этих войн, забастовок, конкуренции, преступности.

Смерть Бентона была бессмысленной. В этом есть что-то бесконечно печальное. Бессмысленная смерть. Бесцельная смерть. Всякая смерть должна иметь какой-то смысл.

Кеннисон вынул сигару изо рта и ткнул ее в пепельницу. Может быть, удастся извлечь пользу из смерти Бентона. Воспользоваться ею в своих целях. Это самое меньшее, что он может сделать для брата Бентона.

Он взял трубку и набрал номер. Услышав щелчок, он сказал:

— Это Лев. Номер третий.

Как только скрэмблер был включен, Пейдж спросила, видел ли он новости.

— Да. Ты думаешь, теперь чернь возьмется за всех нас?

— Откуда я знаю?

— Мне кажется, вряд ли.

— Как по-твоему, сколько еще членов Совета мы должны потерять, чтобы это можно было назвать определившейся тенденцией? — спросила она ехидно. Но Кеннисону показалось, что в ее голосе прозвучала нотка сдерживаемого страха.

— Троиш, — не задумываясь, ответил он. — Трое — это будет статистически значимо.

— А ты хладнокровный мерзавец.

— Послушай, если мы все сейчас ударимся в бега, это только докажет, что обвинения справедливы. Нужно держаться.

— И ждать, пока нас не перебьют поодиночке?

— Попроси защиты у полиции. — Эта мысль осенила его совершенно неожиданно. — После сегодняшнего случая всякий, кто упоминается в бомонтовской распечатке, имеет полные основания это сделать, и полиция не станет задавать никаких вопросов.

— Как же мы сможем вести дела, если полиция будет ходить за нами по пятам? Нельзя же рассчитывать, что к нам приставят только тех, кто работает на нас?

— Ну, те из полиции, кто работает на нас, все равно патрулированием не занимаются. Я бы предложил на это время прекратить всякую деятельность.

— Это невозможно!

— Это необходимо! Если мы пригласим полицию и предложим репортерам не отходить от нас ни на шаг — и при этом не будем пытаться поддерживать контакты между собой или что-нибудь предпринимать, — им очень скоро надоест. Они разойдутся по домам и объявят, что это была ложная тревога.

На другом конце провода воцарилось глубокое молчание.

— Потемкинская деревня? — Она, видимо, размышляла. — Нет, ничего не выйдет, — заявила она наконец. — Нас всех повесят поодиночке.

«Она считает, что лучше, если нас всех повесят вместе?»

— В конце концов, — продолжала она, — наша мадам председательница только об этом и хнычет я уж не знаю сколько времени. Поэтому она и устранила столько народу за все эти годы.

— Разве ты была против? Что-то я такого не припомню.

— Так спокойнее, — ответила она. — По-моему, все голосовали единогласно.

«Так спокойнее, — подумал Кеннисон. — Это значит, что голосовать против того, что предложила Великая Гарпия, слишком опасно. Куда опаснее, чем если кто-нибудь из не-

посвященных случайно наткнется на то, чего ему знать не надо».

— Нет, мадам председательница никогда не согласится, чтобы полиция и газетчики ходили за ней по пятам. И Ульман не согласится, и Руис, а уж Льюис — и подавно.

— Может, и согласятся. Если определится тенденция.

Снова наступило молчание — на этот раз оно было еще дольше и глубже. Наконец Пейдж заговорила:

— Тенденция может определиться. При некоторых условиях.

— Может быть, ты об этом позаботишься? Если подумать, я полагаю, что даже еще один такой случай уже будет статистически значимым. А если он случится с кем нужно, это заодно решит для нас множество других проблем.

— Я поговорю кое с кем из членов Совета о твоем предложении. То есть о потемкинских деревнях. И о том, что нужно отдать приказ всем ячейкам прекратить всякую деятельность впредь до уведомления. — Она помолчала. — Как ты думаешь, сможем мы это повернуть?

Он не понял, какой именно из его планов она имеет в виду.

— Наверняка. Я в тебе не сомневаюсь.

И он положил трубку.

Он действительно в ней не сомневался. Из нее получится прекрасный Сьюард при нем, Линкольне. Эта мысль доставила ему некоторое удовольствие, но потом он вспомнил, чем кончил Линкольн, и выкинул ее из головы.

— А если ничего не получится, — произнес он вслух, — я всегда могу призвать на помощь Флетчера Окса.

Он вернулся в столовую. Карин терпеливо ждала у сервировочного столика, на котором под портативным инфракрасным обогревателем стояла его тарелка. Карин была женщина плотного сложения, с округлыми мышцами под гладкой кожей. В ней не было ни грамма лишнего — лишь аппетитная мягкая прокладка во всех нужных местах. Он позволил себе с восхищением задержать взгляд на ее фигуре под форменной одеждой французской горничной, на ее ногах в черных ажурных чулках и туфлях на высоком каблуке. Он представил себе, как она выглядит без формы (для чего не нужно было чересчур сильного воображения) и какие разнообразные штуки они могли бы проделать вместе (что открывало для воображения большой простор).

Он сел за стол и положил на колени салфетку. К его огорчению, она легла совершенно ровно.

— Я готов, — сказал он.

Карин принесла ему тарелку, которая стояла на сервировочном столике. При этом, повернувшись к нему спиной, она низко нагнулась над столиком и потом так же низко склонилась, когда ставила тарелку перед Кеннисоном. Она прекрасно знала, что это ему нравится. Знала и то, что почти все это ни к чему.

«Мне грозит опасность, — подумал он, — и моим людям тоже». Он вспомнил, что двое слуг Бентона погибли вместе с ним. Здесь не должно случиться ничего подобного. Не отослать ли их в какое-нибудь безопасное место? Он не мог допустить, чтобы кто-то причинил вред прекрасной Карин, или умнице Беттине, или веселой Рут-Энн, или скромной горничной Грете. Он представил себе, как они вместе с ним заперты в горящем доме, как кричат от страха, прижимаясь к нему, а языки пламени подкрадываются все ближе. Или как разъяренная толпа гонится за ними, как их избивают, как забавляются с ними неумытые, грубые рабочие.

Что-то в нем шевельнулось. Он бросил взгляд на салфетку, лежавшую на коленях. «Отлично, — подумал он. — Отлично».

Спустя некоторое время, снова взявшись за свою отбивную, он обнаружил, что она несколько пересохла.

VII

Сара сидела, прислонившись спиной к стволу огромной ели, и задумчиво жевала полоску вяленого мяса. Вокруг стояла тишина. Лучи утреннего солнца пронизывали листву и косыми столбами падали на землю. Немного левее, в осиннике, она развела костер, чтобы сварить кофе: под осинами всегда много сухих веток.

«Это не настоящая тишина», — подумала она. Деревья всегда шумят от ветра. Особенно осина — листья у нее начинают дрожать при малейшем дуновении. Ель и пихта тоже издают свои звуки. Шум ветра в их хвое похож на отдаленный гул толпы. Как будто звучит множество голосов — если вслушаться повнимательнее (или, наоборот, совсем не прислушиваться), то, может быть, удастся понять, что они говорят.

«Это называется арбомантия, — подумала она. — Гадание по шепоту деревьев. Интересно, что бы мне посоветовали деревья? Что может сказать лес про Ассоциацию, про клиологию, про смену личности?»

Ветерок усилился, и ветки у нее над головой пришли в движение. «С-с-с-а-р-а-а-а», — шептали они.

Метрах в тридцати от места, где сидела Сара, с пронзительным криком перелетела с дерева на дерево сойка. Немного дальше через кусты с шорохом пробирался кто-то покрупнее. Наверное, белка. Или дикобраз. Сара взяла кружку с кофе обеими руками, чтобы получше ощутить идущее от нее тепло, и отхлебнула глоток. Потом прикинула, под каким углом падают солнечные лучи.

Пора двигаться дальше.

Она вылила остатки кофе в костер и тщательно затоптала его. Подойдя к привязанной лошади, она достала из седельной сумки складную лопату и закопала в землю все головешки.

Убедившись, что никакая опасность лесу не грозит, она собрала котелок и вяленое мясо, скатала спальный мешок и привязала к седлу. Когда она затягивала подпругу, раздался громкий треск, похожий на выстрел. Сара вздрогнула. Лошадь почувствовала, что она испугалась, и дернула поводья.

Сара прыгнула за сосну и притаилась. Поглаживая лошадь и успокаивая ее, она пристально смотрела в ту сторону, откуда донесся выстрел, и прислушивалась, затаив дыхание.

Звук повторился, на этот раз ближе, и она от облегчения чуть не расхохоталась. Никакой не выстрел — это просто лопнул стручок. Какой-то цветок, заранее готовясь к будущей весне, перед смертью старается рассыпать свои семена как можно дальше.

— Нет, мне действительно нужен был этот отпуск, — сказала она своей лошади, и та в знак согласия покивала головой. Сара вскочила в седло и поехала вверх по склону.

Позже в тот же день она выехала из ельника на обширный альпийский луг. Голые вершины водораздельного хребта подпирали горизонт, как каменная волна, надвигающаяся на сушу. Скелет планеты, прорвавшийся наружу после катаклизмов, которые происходили здесь в невообразимо глубокой древности. Кое-где на склонах виднелись пятна вечных снегов. «Горы-Без-Лета» — так называли их индейцы племени юта. Чернохвостый олень, пивший воду из небольшого пруда невдалеке, поднял голову и стоял неподвижно, глядя на Сару. Она натянула поводья и тоже остановилась, ожидая, что олень будет делать.

Пруд появился здесь благодаря семейству бобров, которое перегородило небольшой ручеек плотиной из древесных стволов и земли. Запруженный ручей затопил уже большую часть

луга. У индейцев арапахо есть легенда, будто мир создали бобры. Хитрые индейцы своими глазами видели, как бобры возведенными ими плотинами превращают луга в болота. Из всех животных только бобр и человек создают свою собственную окружающую среду.

А в чем разница между бобровой плотиной и человеческой? Она вспомнила свой разговор с Редом в день той ужасной поездки на гору Фалкон. Почему одна плотина — естественная, а другая — искусственная? В чем разница — в размерах? В целях? И та и другая изменяют окружающую среду, и необязательно к лучшему. Разве что для бобра. Или для человека.

Может быть, разница только в способности предвидеть последствия.

Но разве это не тот самый довод, который приводил Ред? Что ты станешь делать, если окажешься в состоянии предвидеть последствия, которых больше никто предвидеть не может? Будешь сидеть в сторонке и загребать выигрыш, подобно Ассоциации, потому что знаешь, куда покатится шарик рулетки? Или попытаешься заставить шарик катиться туда, куда ты захочешь, подобно Обществу? Или...

Или что? А как насчет той третьей силы, о существовании которой они догадались по перечню Денниса и по чужому файлу в распечатке? Какой философии придерживается она? Той же, что Общество, или той же, что Ассоциация, или еще какой-нибудь?

«Сколько глубокомысленных рассуждений по поводу бобровой плотины», — подумала она. Но что можно ответить Реду? Он утверждал, что вмешиваться в ход истории допустимо — при условии, что намерения у тебя благие. Что все равно каждый это делает, только вслепую и наугад. Что история — не что иное, как сумма ошибок миллионов бредущих на ощупь дилетантов. Что на это можно ответить? Пойти в профессионалы? Сара дернула за повод и повернула на север. Олень, испугнутый ее движением, кинулся в лес.

Долины простирались под ней, как гигантские борозды, проложенные огромным плугом. Некоторые народы, глядя на звезды Большой Медведицы, называли ее Плугом. Может быть, они представляли себе как раз такие борозды — расщелины с острыми краями, которые прорезают в горах ручьи, текущие в низины. Сара присмотрелась к растительности, чтобы определить стороны света. На этой высоте пихта Дугласа занимает северные склоны, а сосна-пондероза — южные: на них падает больше солнечного света, а значит, они суше. Каждое растение приспособлено к своей нише. В мес-

тах, расположенных не так высоко, пондероза переходит на северные склоны, а на южных появляются травы, кустарники и колючая опунция.

Когда она пересекла границу лесов и выехала в альпийскую тундру, порыв ветра чуть не сбил с ног лошадь, и Сара остановила ее, чтобы вытащить из седельной сумки свое пончо. Оно захлопало на ветру, как знамя. Сара натянула его на голову и закуталась поплотнее. Ветер дует здесь постоянно, достигая временами скорости в полтора-два километра в час. Потому здесь и не растут высокие деревья — все стелется по земле, чтобы выжить в этих местах, где круглый год по ночам заморозки и в любой момент может выпасть снег. Облака были такие низкие, что до них, казалось, можно дотянуться рукой, и неслись они так, будто за ними гонятся демоны.

Здесь шла старинная тропа, проложенная индейцами — судя по высоте, должно быть, племенем юта. Сара держалась тропы, не забывая о правиле «Не оставляй следов!» Растения, обитающие в тундре, невероятно живучи, но постоянно балансируют на грани жизни и смерти, и малейшая лишняя нагрузка нарушает это неустойчивое равновесие. По тропе никто не ездил, наверное, лет сто, и тем не менее она до сих пор не заросла. Сара подышала на руки, чтобы хоть немного их согреть.

Тундра вся переливалась яркими цветами. Пурпур и белизна болотных бархатцев и первоцветов, золотые блюдца альпийского подсолнуха, который, как правоверный мусульманин, всегда смотрит на восток и может служить путнику надежным компасом... Как там говорят — в горах бывает только два времени года: зима и июль. Сара была рада, что попала сюда в июле.

Там и сям среди скал прятались заросли кедрового стланника — его называют «krumholz», криволесье. Искривленные и скрученные ветрами деревца самых причудливых очертаний напоминали природный сад бонсаи. И все это было похоже на инопланетный пейзаж: холодный, разреженный воздух, постоянный ветер, непривычная, причудливая растительность, изломанные очертания скал на горизонте.

Сара представила себе, что она — звездный скиталец, заброшенный далеко от Земли и совершивший посадку на чужой планете. Она даже придумала для нее имя — Альтафлора. Планета обращается вокруг светила типа G, как и Солнце, но только более горячего. На Альтафлоре можно замерзнуть и получить солнечный ожог в одно и то же время.

Среди цветов стоял столбиком желтобрюхий сурок, и она помахала ему рукой. «Отведи меня к вашему предводителю», — потребовала она. Сурок продолжал разглядывать ее, не делая никаких попыток двинуться с места. «Ну и ладно», — подумала она. Сурки — в душе анархисты, никаких предводителей у них все равно нет.

Конечно, на Альтафлоре есть цивилизация. Подземная цивилизация, прячущаяся от сурового климата. Где-то под ногами, в вечной мерзлоте, лежат сказочные города — волшебные пещеры, стены которых усыпаны сверкающими ледяными кристаллами.

Позади послышался какой-то гул. Она обернулась в седле и увидела, что на юго-востоке над горами клубятся темные тучи. Под ними тянулись вниз расплывчатые полосы дождя. Сверкнула молния, ударившая в скалистую вершину, и Сара почувствовала, как волоски у нее на шее поднялись дыбом, заряженные статическим электричеством, которое принес оттуда влажный ветер. Пора было спускаться вниз, туда, где климат посуше.

Она увидела неподалеку неширокую каменистую долину, уходящую вниз, и распрощалась со своей Альтафлорой.

Хижина, сложенная из сосновых бревен, давно уже наполовину превратилась в развалины. Крыши на ней не было, разломанная дверь валялась среди мусора. Сара медленно объехала вокруг. Видно было, что хижине уже очень много лет. Не та ли это, что построил Брейди Куинн? Ред говорил, что она где-то здесь.

Впрочем, в начале прошлого века в этих местах повсюду жили горцы, и многие из них тоже могли оставить после себя хижины. Эта вряд ли такая уж древняя, иначе она бы давно сгнила. Сара вспомнила города-призраки, которые видела когда-то, — дома, превратившиеся в безжизненные мумии, доски, высушенные солнцем и выбеленные дождями до того, что стали похожи на окаменелости.

Сара спешила, вбила в землю колышек, чтобы лошадь могла пастись вокруг него, и заглянула в дверь хижины. Посреди нее росла молодая сосенка, а немного дальше, за исчезнувшей задней стеной, стояла изумительная калифорнийская сосна. Перебравшись через кучу мусора, Сара остановилась рядом с ней и погладила шершавую кору. Сколько ей лет? Сто? Пятьсот? Немного севернее, на горе Ивэнс, такие же деревья стоят на самой границе лесов, и некоторым из них по две тысячи лет.

Решено — вот где она разобьет лагерь, чтобы углубить-

ся в себя. Сосна станет ей надежной опорой, якорем, брошенным в глубины истории. Когда сидишь под таким деревом, тебе не грозит опасность растеряться и утратить ориентиры.

Она повернулась к двери, увидела рядом с ней на стене зарубки и потрогала их рукой. Кто-то когда-то вел здесь счет дням. Ее пальцы нащупали что-то твердое, торчащее над поверхностью стены. Она вытащила из ножен, висевших на поясе, нож и начала ковырять стену. Вскоре твердый предмет упал ей на ладонь.

Это был каменный наконечник стрелы. Какому племени она принадлежала — юта или арапахо? В кино любой разведчик или горец сказал бы сразу. Сара долго разглядывала наконечник, но определить так и не смогла.

Она вертела наконечник в руках, пытаясь представить себе, что здесь произошло, и на мгновение вся погрузилась в историю. Лишь тонкая пелена прошедших лет отделяла ее от случившегося. Одиноким путник или траппер, уверенный, что вокруг глушь и безлюдье. Индейцы, опасаящиеся, что кто-то вторгнется на их охотничьи земли, которые и без того перенаселены. Нападение. Бой. Свист стрел в воздухе. Ружейные выстрелы в ответ. Из кремневого ружья? Возможно. Чем же все кончилось? Отступлением индейцев или гибелью белого?

А кто сказал, что это был белый? Джим Бекворт, горец, был чернокожий — а ведь это он основал здесь, в Колорадо, город Пуэбло! А позже был Билл Пикетт, которого называли «величайшим из всех настоящих ковбоев». С самого начала на Западе было немало чернокожих мужчин и женщин. И раз уж воображать, что здесь произошло, то пусть тот, кто защищал когда-то эту хижину, будет чернокожим.

Она устроила лагерь в развалинах хижины, на почтительном расстоянии от старой сосны. Расчистив мусор, она сложила из камней очаг. Целыми днями она бродила по окружающим скалам и ущельям. Она нашла поблизости узкий каньон, который пробил себе горный ручей с ледяной водой. Сейчас ручей тек спокойно: весеннее половодье давно миновало. Она обнаружила двух часовых — скалы, на протяжении тысячелетий обточенные ветром и похожие на человеческие фигуры. Она нашла каменистую площадку над обрывом, нависшую над необозримыми нетронутыми лесами, простиравшимися вниз, и много часов провела там, размышляя над своей судьбой.

Во время одной из прогулок она столкнулась лицом к лицу с диким котом. Кот попятился и злобно зарычал. Сара замерла на месте и стояла не шевелясь, пока кот ее разглядывал. В конце концов он решил, что на обед она великовата, еще раз рыкнул на прощанье и исчез в кустах. Только после этого Сара расслабила мышцы и заметила, что рука ее судорожно сжимала рукоятку ножа. Надо бы не забывать, что природа не похожа на диснеевский мультфильм — здесь животные и растения поедают друг друга.

К вечеру Сара возвращалась в хижину, устраивалась в тени старой сосны и смотрела, как садится солнце. Нет ничего лучше заката в горах. Вершины гор остаются освещенными еще долго после того, как солнце скроется за горизонтом. На высоте все еще стоит день, хотя склоны и ущелья уже окутаны сумерками. Сияющие белизной пики, оранжевое небо, черные леса. Индейцы называли эти места «Горы-Которые-Светятся», и были правы в этом, как и во многом другом. А в небе беззвучно парили ястребы, и один раз ей показалось, что она заметила орла.

По ночам, когда россыпи звезд придают небосводу такое великолепие, какого не знают обитатели залитых огнями мегаполисов восточного побережья, она сидела у потрескивающего костра, прихлебывая крепкий кофе из жестяной кружки. Если кофе правильно заварить, как это делают на Западе, ложечка в нем должна стоять. Среди знакомых Сары горожан было немало таких, кто и представления не имеет, как много звезд на небе, как огромна Вселенная. Лишь немногие, самые яркие светила могут пронзить неоновый мрак их ночного неба.

В общем, место было самое подходящее, чтобы поглубже заглянуть в собственную душу. Еще никогда она не оказывалась в таком уединении. Вокруг неизвестно на сколько миль не было ни единого человека. Здесь она могла сколько угодно беседовать сама с собой, задавать себе вопросы и пытаться на них ответить. «Что ты все-таки думаешь об Ассоциации? А о Ред и его группе? А о том, что тебе никогда больше не быть снова Сарой Бомонт?»

Этот последний вопрос был для нее самым мучительным. Настоящее — всего лишь краткий миг, и всякий человек есть то, чем он был. Всякий человек — не что иное, как итог многих лет роста и развития, начиная с детства и кончая (если повезет) зрелостью. И отсекая свое прошлое, вместе с ним отсекаешь часть самого себя.

Или нет? Кое-кому удастся этого избежать. Они меняют

имена и биографии, как другие меняют белье. Они способны оставить позади свое прошлое и даже ни разу не оглянуться. Может быть, такие люди сильнее ее? Или слабее?

Однажды к вечеру она вернулась в хижину, поставила кофе на огонь и уселась по-турецки спиной к старой сосне, поглядывая на дверь. Через несколько минут в дверном проеме должно было появиться садящееся солнце. Она сидела, держа обеими руками кружку с кофе и время от времени прихлебывая из нее. Кофе был какой-то сладковатый, хотя сахара она не клала. Ощувив неясное беспокойство, она поглядела на земляной пол хижины. Но на земле не было никаких следов, кроме ее собственных, которые она только что оставила, входя.

Она пожалала плечами и еще раз взглянула в сторону двери. Там кто-то стоял!

Сердце у нее бешено забилося. Она начала было подниматься, но ноги почему-то не держали, и она снова опустилась на землю. Ее охватило какое-то безразличие, как во сне. Темная фигура по-прежнему стояла в двери, на фоне заката, и разглядеть, кто это, она не могла.

Потом фигура села на землю рядом с ней, и она облегченно вздохнула.

Это была она сама.

На ней был голубой костюм — тот, с красным бантом, в котором она была, когда в нее стреляли в парке. Сара внимательно оглядела себя — ту, другую — с ног до головы. Уверена в себе, независима, прекрасно знает, что собой представляет и чего хочет. Может быть, немного самодовольна. Не имеет друзей — во всяком случае, никого к себе не подпускает настолько близко, чтобы можно было подружиться. Живет в отчуждении от остального мира? Да, но зато никому не дает собой командовать. Внушает уважение. Даже восхищение. О ней пишут в журналах.

— Пожалуй, ты кое-что потеряла, — сказала она самой себе.

В ответ та пожалала плечами.

— Ну нет. Я-то такая же, как всегда. Не замедляя хода — вперед, на самый верх. А вот тебе, похоже, не повезло.

— Разве?

— Конечно. Ты уже не знаешь, чего хочешь. За тобой гоняются, пытаются убить, весь мир тебя ненавидит. По-твоему, это везение?

— Я думала...

— Что ты думала?

— После той истории на горе. С Крейлом... — («Когда убила человека».) — Я думала, тем все и кончится.

— Что все счета сведены? — В голосе ее двойника прозвучал сарказм.

— И что потом все будут жить долго и счастливо.

— Счета сводят только один раз, сестренка. И долго жить удастся мало кому, а уж счастливо — и подавно.

На это Сара ничего не ответила.

— Зачем ты здесь?

— Тебе надо с кем-то поговорить. Кто же может быть лучше? Кто лучше знает тебя, чем я?

Саре показалось, что одновременно с этими словами она слышит еще какой-то голос. Как будто тут же звучат и совсем другие вопросы и ответы, едва слышные, словно самый низкий регистр органа. Она попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть, откуда доносятся звуки, но обнаружила, что у нее нет на это сил.

Она взглянула на лощеную деловую женщину, сидевшую рядом с ней.

— А почему ты думаешь, что знаешь меня? Ты — та, кем я была раньше. И кем больше никогда не стану. Даже если все это кончится. Я никогда не смогу снова стать такой, какой была.

— Ну, поплачь, поплачь, сестренка! Накину-ка я плащ, чтобы не промокнуть. А кто тебе сказал, что ты могла бы оставаться такой, какой была? Разве когда-нибудь, во всей истории человечества, мог кто-нибудь навечно оставаться таким, каким был? Ни ты этого не могла бы, ни я, никто. Посмотри-ка на меня получше — заметны во мне следы чикагских трущоб? Там тоже была одна девчонка, которой я больше никогда не смогу стать.

Сара отвела глаза и стала смотреть на закат за дверью хижины.

— Это было очень давно. Ее больше нет. И тебя нет. У меня галлюцинации.

Где-то в глубине сознания мелькнула мысль: различие между галлюцинацией и реальностью — в их содержании. Галлюцинация никогда не может сообщить тебе того, чего ты не знаешь.

— Ну и что, если я галлюцинация? — спросила ее та, другая. — Какая разница? Если ты скажешь мне, что еще ни разу не становилась другим человеком, я скажу, что ты врешь. Когда ты в последний раз видела Лулу или Джеральдину? Или Большую Марту?

Имена из далекого прошлого. Имена, не вызывающие

никаких ассоциаций. Детские лица на игровой площадке. Мрачный силуэт Чикаго на заднем плане. Представить их себе взрослыми она не могла.

— Или отца? — настаивала та. — Ты хоть знаешь, жив он или нет?

Сара нахмурилась.

— Он бросил нас. Когда мама умерла. Оделся, ушел и больше не возвращался.

— Может быть, ему просто слишком тяжело было вернуться после того, как мама умерла. Мы к тому времени уже все подросли, даже маленький Фрэнки. Он ни разу не уходил тогда, когда это было бы легче всего, когда многие отцы так делали. Когда оставаться — означало еле сводить концы с концами, питаться крохами, не иметь самого необходимого. Мама прошла через все это плечом к плечу с ним. А когда самое трудное было позади, когда все мы уже встали на ноги, когда они могли немного пожить своей собственной жизнью, она умерла. Нет, не думаю, чтобы он мог остаться.

— Может быть, поэтому и я ушла.

Та насмешливо фыркнула.

— Чтобы разыскать его где-нибудь на большой дороге? А ты хоть раз приезжала положить цветы на мамину могилу?

— Нет! — Сара закрыла лицо руками. — И если я соглашусь на то, чего от меня хотят, я никогда не смогу это сделать!

— Ах, так вот в чем проблема? Не в том, что ты так и не побывала на могиле, а в том, что и не сможешь побывать! Этот спасательный конец всегда был у тебя под рукой, только ты ни разу за него не потянула. То же самое со старой сосной, корни которой так глубоко сидят в матери-земле: под ней приятно посидеть, но хорошо даже просто знать, что она тут стоит.

Сара подняла голову и посмотрела на себя — ту, другую.

— Скажи мне, что делать.

— Нет, детка. Этого тебе никто не скажет.

Сара заморгала глазами и еще раз взглянула на себя. Но перед ней была уже не она, а мама. Такая, какой она ее помнила до болезни, — с открытым лицом и озорными глазами.

— Ты всегда была с характером. И никогда не была слишком ручной. Но, клянусь богом, и дикой ты тоже не стала. У тебя в голове всегда был компас, который показывал правильную дорогу. Так сказал мне как-то ночью твой папа. Он сказал, что ты можешь свалиться в выгребную яму и вылезти оттуда с золотым кольцом на пальце, которое кто-то туда уронил. Делай то, что считаешь нужным, и ты сделаешь то, что надо.

— Но я не хочу потерять тебя, мама.

— Ну, не говори глупостей, малышка. Не может так быть, чтобы ты меня потеряла. Потому что я у тебя вот где... — Она протянула руку и дотронулась до ее головы. — И вот где. — Она дотронулась до ее сердца.

Сара крепко обняла ее и расплакалась.

Проснувшись утром, Сара вздрогнула и огляделась. Она лежала прямо на земле, а не в спальном мешке, и промерзла до костей. С трудом она поднялась на ноги — все мышцы затекли и болели. Для разминки она сделала несколько приседаний и растяжек и только после этого почувствовала себя не забальзамированным трупом, а нормальным человеком.

Она подошла к очагу налить себе кофе и застыла. Костер погас, но кофейник с кружкой были аккуратно отставлены в сторонку. Она взяла кофейник и увидела, что он тщательно отмыт. Она не могла припомнить, когда это сделала.

Она явственно помнила, что было вечером. Помнила, как разговаривала с самой собой, какой была раньше, и со своей матерью. В тот момент это казалось совершенно естественным, но теперь ей стало не по себе. Что это с ней вчера случилось?

Она огляделась. Хижина и старая сосна выглядели так же, как вчера. Может быть, это такое заколдованное место?

Она принялась собирать вещи. Пора ехать. Как индейцы в старину, она ушла от людей, уединилась, и ее посетило видение, которое объяснило ей, кем она теперь станет. Так индейцы узнавали имя, которое будут носить, став взрослыми. Задерживаться в таком месте не стоит.

Она оглядела земляной пол — а что, если ее ночные гости оставили там свои следы?

Никаких следов не было.

А должны были быть! Ее собственные! И тут она вспомнила, что еще вечером это показалось ей странным. Тогда на полу были видны только те следы, которая она оставила, входя. Но там должны были быть и те, что она оставила, выходя! Она же несколько раз входила и выходила. Теперь и эти следы исчезли.

А это значит...

Это значит, что кто-то неизвестный побывал в хижине, пока она бродила по каньонам. Что он тщательно стер свои — и ее — следы. Что он, вероятно, подсыпал что-то ей в кофе. На всякий случай она понюхала кофейник, но не ощутила ничего, кроме запаха металла.

Она встала на четвереньки и принялась разглядывать пол.

Теперь она кое-что увидела. Следы заметены веткой. Она прошла по их остаткам до старой индейской тропы, где они исчезли, но зато нашла сломанную ветку — очевидно, ту самую, которой их заматали. Она посмотрела вверх по тропе, потом вниз. В какую сторону отправился гость?

Кто бы это ни был, он наверняка был верхом и потому мог ехать только по тропе. Ехать в этих местах без дороги — верный способ заблудиться среди скал и ущелий или застрять в какой-нибудь непроходимой чащобе, так что приходится следовать по тропам, оставленным индейцами или лесными зверями. Она отправилась на поиски следов, медленно описывая расширяющиеся круги вокруг хижины и не отрывая глаз от земли.

В полутораэта метрах ниже по тропе она обнаружила небольшую ямку в земле и объединенную траву вокруг. Здесь он, наверное, оставлял ночью свою лошадь. Отпечатков копыт она не нашла, но вспомнила, что есть такой старый прием — обертывать лошадиные ноги овечьей шкурой, чтобы они не оставляли следов.

Но лошадь с ногами, обернутыми шкурой, не могла уйти далеко!

Сара бегом вернулась к своей лошади, быстро навьючила ее, вскочила в седло и поехала по тропе в том же направлении, в каком скрылся ее гость.

Проехав километра два, она заметила отпечаток подковы. Очевидно, гость решил, что он уже на достаточном расстоянии от хижины и можно снять чехлы с копыт. Сара тщательно разглядела отпечаток и заметила, что в подкове, вдоль левого края, была трещина. Теперь она наверняка узнает эту подкову, если ее увидит. Она осторожно поехала дальше по тропе.

Несколько часов спустя, когда солнце уже клонилось к западу, Сара начала подумывать, не хватит ли на сегодня. Она натянула поводья и огляделась в поисках места для ночлега.

Вон там справа как будто подходящее место. Небольшой осинник и полянка. Она слезла с лошади и пешком направилась туда.

И сразу же поняла, что здесь что-то не так. Место было в самом деле подходящее для ночлега — такое подходящее, что им часто пользовались. И в последний раз — совсем недавно. Сара опустилась на колени и потрогала землю. Она была еще теплая — здесь кто-то закопал головешки от костра. А вон трава примята — там кто-то спал. А вот хорошо протоптанная тропинка, которая ведет отсюда... куда?

Она привязала лошадь к дереву и пошла по тропинке, стараясь шагать бесшумно и вытащив из-за пояса нож. Поблизости никого не видно, но лучше быть начеку.

Тропинка огибала скалу, которая показалась Саре почему-то знакомой. На вершине скалы была выемка, окруженная каменным барьером. Сара поднялась на скалу и заглянула через барьер.

Внизу она увидела ранчо. Убежище Ассоциации.

Прямо под ней в загоне стояли лошади. Немного подальше находился дом — она разглядела даже две фигуры, сидящие на заднем крыльце. С помощью мало-мальски приличного бинокля она могла бы даже их опознать. А с помощью параболического микрофона — услышать каждое слово их разговора. Одна из фигур бросила что-то на землю, встала и потянулась.

Жеребец, который пасся внизу, остановился и поглядел в ее сторону. Она вспомнила, как он сделал то же самое не так давно, когда они с Редом болтали, сидя на загородке.

«Кто-то за нами шпионит!» — подумала она.

«За нами?»

Так она стала членом Ассоциации.

VIII

— Да нет, мистер Коллингвуд, такой вещи, как исторический факт, вообще не существует!

Джереми вздохнул. Из всей группы ему труднее всего было общаться с Херкимером Вейном. Это был человек невысокого роста с крючковатым носом, в вечно мятой одежде, из карманов которой торчали исписанные листки бумаги. У него была неприятная привычка махать пальцем перед носом у собеседника, чтобы подчеркнуть свои слова.

Как, например, сейчас.

Джереми на мгновение захотелось вцепиться зубами в этот надоедливый палец. Он переложил бокал с коктейлем из правой руки в левую и в отчаянии оглядел комнату, где шел прием, — не придет ли кто-нибудь ему на помощь. Но все остальные члены группы были заняты своими разговорами.

Гвинн утверждала, что привлекла к работе над проектом «Бомонт» самых лучших историков. Ни об одном из них Джереми никогда не слышал, но в этом не было ничего удивительного. Удивительно было другое — как они себя ведут. Джереми привык к тому, как препираются между

с собой бухгалтеры: налоговое законодательство — вещь запутанная и нередко вызывает споры. Но он всегда считал, что уж в истории все абсолютно ясно и что те, кто этой наукой занимается, люди достойные и щепетильные. Во всяком случае, он никак не ожидал, что даже самые очевидные факты могут становиться предметом ожесточенных споров. Что-то в этом роде он и имел неосторожность сказать Херкимеру Вейну.

«Помогите! — взмолился он про себя. — Я попал в лапы начетчика от истории!» А вслух спросил:

— Как же вы говорите, что исторических фактов не существует? А чему нас тогда учили в школе — вымыслам?

Ему показалось, что он очень удачно ответил, и он чуть не пролил свой коктейль от неожиданности, когда Вейн согласился.

— Да, именно так.

— Прошу прощения! Так это все была ложь? Вы шутите! Вейн нимало не смутился.

— Ложь? О нет. По-моему, я этого не говорил.

Джереми совсем растерялся.

— Но тогда...

— Мне кажется, вы неправильно понимаете слово «факт», — сказал Вейн, снова водя пальцем у него перед носом. — Вы считаете, что это какая-то истина в последней инстанции, но это не так. Оскар Уайльд как-то сказал, что англичане вечно оскверняют истины, низводя их до уровня фактов. Люди искусства часто наделены замечательной интуицией.

Джереми потряс головой.

— Не понимаю. Факт есть факт. Это кирпичик, из которого строится все остальное. Если у вас нет фактов, вам не из чего строить.

— Нет, нет, мистер Коллингвуд. — Палец снова закачался у него перед носом. — Ваша метафора хромает. Вы считаете, что существует некое изначальное сырье — первичные данные. Но первичных данных не бывает, данные всегда подтасованы.

Джереми невольно рассмеялся.

— Прекрасно сказано, профессор. Но что это должно означать?

— Это означает, что не может быть фактов без теории. Без того, чтобы иметь какое-то представление, во-первых, о том, какие факты искать, и, во-вторых, какой в них может быть смысл.

— Смысл факта в том, что это — факт. Он или есть, или

его нет. — Джереми красноречиво взмахнул руками. — Если он есть, он всем виден.

— Нет, мистер Коллингвуд. «Факт» — это не предмет, не существительное, это прошедшее время глагола. Factum est*. Это слово динамичное, а не статичное. Facto — я делаю. Я творю. Слово «факт» начали употреблять как существительное только в конце средневековья, и тогда оно означало нечто «свершенное», «сделанное». Как французское слово fait или мадьярское te'ny. Или английское feat. И это значение слово «факт» сохраняло до самого начала девятнадцатого века.

— Ну, это вопрос семантики, — возразил Джереми.

— Значит, вы, по крайней мере, признаете, насколько все это важно.

— Прошу прощения?

— Семантика — это наука о значении слов, а ведь слова для нас — средство общения. Что может быть важнее семантики?

Джереми раскрыл было рот, чтобы возразить, но передумал. Вейн прав. Джереми отхлебнул из бокала. Этот маленький историк раздражает, но говорить с ним интересно. Если подойти с этой стороны, семантика — действительно вещь очень важная. Но почему, когда говорят: «Это вопрос семантики», подобные слова обычно имеют неодобрительный оттенок?

— И все же, — сказал Джереми, — вы не можете отрицать, что сейчас слово «факт» в этом смысле уже не употребляется.

— Верно, — согласился Вейн с таким видом, словно эта деградация языка его глубоко огорчает, хотя Джереми пришло в голову, что это всего лишь кокетство. — Я предпочитаю слово «событие». Лукач как-то сказал, что оно гораздо красивее, чем слово «факт», — оно не такое сухое, определенное, статичное, в нем слышится жизнь, движение. «Событие в сравнении с фактом», — писал он, — то же самое, что любовь в сравнении с сексом».

Джереми почувствовал, что совсем сбит с толку. Ему казалось, что Вейн просто играет в слова, пользуясь их давно забытыми значениями.

— Мне все равно, факты или события. Какое это имеет отношение к тому, что в школе нам преподносили вымыслы?

— Нет, нет, нет. Событие — это не факт. Событие — это факт в движении. События полны энергии, а факты инертны.

* Сделал, сотворил (лат.).

Ни один факт не существует в отдельности, он всегда связан с другими фактами. Например, мы не можем ничего сказать о том, какой высоты Эверест, если не сравним его с другими горами. Мы не можем измерить температуру тела, не думая о том, какой должна быть эта температура. А слово «вымысел» происходит от слова «мысль». Факт не может быть отделен от своих связей, а эти связи мы познаем мыслью. Значит, вымысел не просто выше факта. Каждый факт в каком-то смысле — вымысел, продукт мысли. Вот что я имел в виду, когда сказал, что в школе вас учили вымыслам. Всякая попытка реконструировать историю требует участия мысли и, следовательно, есть «вымысел».

Джереми подумал, что Вейн отчасти прав. «Вымысел» — не значит «ложь». В сущности, всякий вымысел содержит немалую долю правды. Ему пришло в голову, что Вейн нарочно придает своим заявлениям такую парадоксальную форму. Он просто стремится привлечь внимание слушателей.

— Херкимер! Что вы там мучаете бедного Джереми?

Джереми вздохнул с облегчением, когда Гвиннет Ллуэлин всплыла между ними, как портовый буксир, расталкивающий океанские суда. Она взяла Вейна под руку.

— Вы уже со всеми перезнакомились, Херкимер?

— Нет, погодите, Гвинн, — сказал Джереми. — У нас с профессором Вейном очень интересный, хотя и несколько странный разговор. Он утверждает, что исторических фактов не существует.

Ллуэлин взглянула на Вейна с озорной улыбкой.

— Херкимер! Зачем вы морочите ему голову? Вы должны понять, Джереми, — добавила она через плечо, — что история — совсем не такая простая и ясная вещь, как бухгалтерия. История — это то, что мы из нее делаем.

— *Historia facta est**, — торжественно произнес Херкимер.

Джереми рассмеялся, и оба историка взглянули на него с удивлением, не понимая, что его рассмешило. Джереми сам этого как следует не понимал. Дело было не в том, что Вейн сказал каламбур по-латыни (во всяком случае, Джереми так показалось), а в том, что Джереми сам только что подумал, какое запутанное дело бухгалтерия по сравнению с четкой и ясной историей, а теперь историки утверждали как раз обратное. Наверное, собственная профессия всегда кажется сложнее, чем чужая. «У тебя-то работа простенькая, то ли дело у меня».

* Буквально — «история сотворена» (лат.).

— Ну ладно, шутки шутками, — сказал он, — но все это, в конце концов, игра в слова. Вы рассуждаете о том, что есть факт, но не отвечаете на вопрос, существуют ли вообще факты.

Вейн поджал губы и как будто призадумался.

— Возможно. А почему бы нам не поступить так, как подобает ученым, и не устроить эксперимент? Возьмем какой-нибудь факт. Что-нибудь элементарное — скажем, простейшую хронологию...

— Нет, погодите! Я знаю, иногда точная дата события неизвестна...

— Нет, нет, мистер Коллингвуд, к таким грубым уловкам я прибегать не стану. То, что факт пока не обнаружен, еще не означает, что он не существует. Давайте возьмем факт, существование которого бесспорно. Скажите мне, когда и где началась вторая мировая война. Я не говорю о причинах войны — это тонкая материя, корни ее уходят в средние века. Я имею в виду начало самих военных действий.

Джереми немного растерялся. Только начини разговаривать с профессором — обязательно кончится тем, что тебе устроят экзамен.

— По-моему, она началась... в тридцать девятом. Когда Германия напала на Польшу.

— В сентябре тридцать девятого, — уточнил Вейн. — Вы утверждаете, что это было так. А не началась ли она в Бельгии летом 1701 года?

— Что?

— Ну, разумеется! — самодовольно подтвердил Вейн. — Французы и англичане вели между 1689 и 1763 годами четыре мировых войны. Последняя из них, которую называют по-разному — Семилетней, Французской или Индийской войной, — велась в Индии, Европе и Северной Америке. Если учесть такой географический размах, они, конечно же, заслуживают того, чтобы называть их мировыми.

— Но это жульничество! — возмутился Джереми. В поисках поддержки он повернулся к Гвинн, но та только усмехнулась.

— Вечный студенческий подход, — сказала она. — Вы всегда считаете, что ответы важнее, чем вопросы. Как вы не можете понять — если мы хотим, чтобы слова были не просто ярлычками, они должны что-то означать! А что означают слова «вторая мировая война»? В этих трех словах запечатлена масса предрассудков. Была ли она на самом деле второй? А может быть, просто продолжением первой? Некоторые ученые считают, что ее нужно было бы называть

второй германской войной. Кроме того, как только что указал Херкимер, всегда предполагается, что мировые войны — явление, характерное лишь для двадцатого века. И если обо всем этом задуматься, окажется, что никакого жульничества тут нет.

— Просто для того, чтобы заставить студентов думать, всегда приходится прибегать к какому-нибудь жульничеству, — сказал Херкимер Вейн. — Но я боюсь, Гвинн, дорогая, что этот вопрос на самом деле еще хитрее. Я мог бы доказать, что «вторая мировая война» вообще представляла собой не одну мировую войну, а два отдельных региональных конфликта — один в Европе, а другой на Тихом океане, и только случайно некоторые воюющие стороны участвовали в обоих сразу. В конце концов, Германия и Япония никогда не согласовывали своей стратегии. И если Гитлер честно выполнил условия своего договора с Японией и объявил войну США, то Япония не последовала его примеру и не объявила войну Советам. Можно высказать любопытное предположение: если бы Гитлер помалкивал, то США воевали бы только на Тихом океане и вообще не ввязались бы в европейскую войну. Однако, если даже оставить все это в стороне, мы можем с полным правом спросить — а не началась ли мировая война в Маньчжурии в сентябре 1931 года, или на Гавайях в декабре 1941 года? Эти две даты во всяком случае не менее законны, чем та европоцентрическая, о которой говорили вы.

Джереми хотел что-то ответить, но осекся и потом сказал:

— Хорошо, профессор, я понимаю, к чему вы клоните. Была европейская война, и была тихоокеанская война. У каждой из них было свое начало. И вы можете доказать, что мировая война как таковая не началась, пока Япония не напала на американские и британские колонии и не вовлекла эти страны в оба конфликта. Однако это отнюдь не лишает смысла само понятие исторического факта. Просто нужно тщательнее формулировать сами факты.

Вейн пожал плечами.

— Я ведь уже говорил, что ценность фактов зависит не столько от их точности, сколько от их взаимосвязей. Может быть, важнее задуматься о том, были это две войны или одна, чем выбрать один из ответов. Может быть, оба они в том или ином смысле правильны. Поймите, я не хочу сказать, что точность фактов не имеет значения. Но я хочу сказать, что чем «точнее» факт, тем дальше от истины он может оказаться. Например, я могу утверждать, что численность населения Денвера на 1 апреля 1999 года составляла... ну, скажем, 657

232 человека. Это будет точная цифра. Но если я вместо этого скажу, что численность населения Денвера в начале 1999 года составляла от 650 000 до 660 000 человек, это будет ближе к истине, хотя и не так точно. Потому что вторая оценка будет динамичной, а истина всегда динамична и относительна. Кто был и кто не был жителем Денвера в данный момент — это абстракция, и к тому же статичная. Что означает «численность населения Денвера»? Люди непрерывно приезжают и уезжают. Входят ли в это число бродяги на железнодорожном вокзале? Или туристы в гостиницах? Включает ли оно студентов и служащих, которые живут здесь несколько лет, а потом переезжают куда-то еще? А что сказать о тех, кто живет в двух местах — в Денвере и еще где-нибудь? Если вы примете во внимание динамику, окажется, что назвать сколько-нибудь точную цифру просто невозможно.

— Принцип неопределенности Гейзенберга применительно к истории, — вставила Ллуэлин.

— А? — Вейн повернулся к ней. — Что вы этим хотели сказать?

— Гейзенберг доказал, что, если определить скорость частицы, останется неопределенным ее местоположение, и наоборот. Если бы вы действительно хорошо знали труды Джона Лукача, а не просто делали вид, что знаете, то вы поняли бы, что он вполне сознательно стремился применить подход Гейзенберга к истории.

— Ах, вот что, — Вейн пренебрежительно махнул рукой. — Только ведь, знаете, Гейзенберг был не один. Такое же мироощущение в ту эпоху мы видим у многих. В произведениях Пастернака и Ортеги, например, или у Гвардини и Хантша. Что такое импрессионизм, если не квантовая теория применительно к живописи? Или наоборот. И вспомните, что писал Лукач: к точным наукам можно подойти с позиций истории, но к истории нельзя подойти с позиций точных наук.

Ллуэлин задумчиво посмотрела на него.

— Не для того ли мы здесь собрались, чтобы решить именно эту проблему?

— Дорогая моя, — ответил Вейн, похлопывая ее по руке, — она уже решена. Представление о том, что механизм истории работает так же, как часовой механизм, давно отброшено. Бокль ошибался. Наша задача состоит в том, чтобы обнаружить в подобных представлениях слабые места. А пока... — Он пожал плечами и поставил свой пустой бокал на поднос проходившему мимо официанту. —

Пока из этого может получиться несколько любопытных публикаций.

Он потянулся и взглянул на часы.

— Что ж, было весьма интересно с вами побеседовать, мистер Коллингвуд. Как-нибудь поговорим еще. А сейчас я чувствую себя после перелета, как сонная муха, и, если вы не возражаете, пойду к себе в гостиницу.

Джереми проводил его глазами.

— «Было весьма интересно со мной побеседовать», — сказал он Гвинн. — Он хотел сказать — было интересно прочесть мне лекцию.

— О, не сердитесь на него. Он хороший человек, только никак не может удержаться от того, чтобы читать лекции. Даже своим коллегам.

— Он говорил серьезно? Насчет фактов и вымысла?

Джереми допил свой martini и озирался, не зная, куда девать бокал.

— Ну конечно. Я понимаю, это может показаться немного странным непрофессионалу... Я сказала что-нибудь смешное?

— Нет. Просто у нас «непрофессионал» — это всякий, у кого нет диплома бухгалтера-аудитора.

Ллуэлин усмехнулась.

— Ну да. Всякая группа людей делит человечество на две части. Эллины и варвары, евреи и гои, кельты и галлы. Мы, профессионалы, и вы, непрофессионалы. Но, как я и сказала, в том, что Херкимер говорил о «вымысле» и «факте», действительно есть смысл с точки зрения теории Гейзенберга. Он утверждает, что нельзя наблюдать за ходом истории так, чтобы не повлиять на то, что видишь, самим фактом наблюдения. Что мы «творим» историю, устанавливая связи между фактами.

— Но тогда как можно прогнозировать историю? Два человека могут видеть одни и те же события и представлять их себе по-разному. А если так, то как узнать, сбылся ли прогноз? Черт возьми, как вообще можно знать, что происходило в прошлом?

— Вот именно это Херкимер и хотел сказать.

— А если он не верит в то, что историю можно изучать методами точных наук, то зачем вы пригласили его участвовать в работе вашей группы?

Ллуэлин многозначительно покосилась на него.

— А он сам на этом настоял. Когда прошел слух, что я собираю такую группу, он позвонил мне и попросил его включить. Но дело не в этом. Никто из нас не верит, что

какая-то кучка заговорщиков могла превратить историю в точную науку. И уж подавно — в то, что они могли направлять ход истории на протяжении последней сотни с лишним лет. Нет, это совершенно немыслимо.

— Но...

— Нет, я столь же твердо убеждена, что существует группа, которая пыталась это делать. Может быть, они даже верят, что добились успеха. Мы намерены проверить их утверждения без всякой предвзятости. И выяснить, какими мотивами может руководствоваться это так называемое Общество Бэббиджа.

— Зачем, например, они похищают людей или пытаются их убить, — сказал Джереми с большим жаром, чем хотел бы.

— Ах, да. Простите. Ведь вас это интересует не только с научной точки зрения, я совсем забыла. Согласна, нечто загадочное действительно происходит. Но поймите, существование такого тайного общества еще не доказывает, что их убеждения — не самообман, на какие бы жестокости их эти убеждения ни толкали. Слишком легко реконструировать события таким образом, чтобы доказать самому себе, что твое предсказание сбылось.

Джереми и Гвинн ушли с приема последними. В каком-то смысле они были на нем хозяевами. После того как ушел Вейн, Джереми удалось даже получить от приема удовольствие. Члены группы оказались по большей части интересными людьми. Джеф Хэмблтон, Генри Бэндмейстер, Пенни Куик — беседовать с ними было любопытно, если только не обращать внимания на их непреодолимую склонность то и дело ссылаться на авторитеты, о которых Джереми и не слыхивал. Он вынужден был признать про себя, что после разговора с Вейном обсуждать исторические события оказалось гораздо интереснее. О чем бы ни шла речь, он начинал думать, нельзя ли реконструировать события совершенно иначе и может ли одно их истолкование быть, по Вейну, истиннее другого. Если бы иногда его мысли не возвращались к самому главному — к исчезновению Денниса, Джереми мог бы сказать, что прекрасно провел вечер. Но время от времени его охватывало желание закричать во весь голос: «Мы же теряем время!»

Во всякой ужасной ситуации самое ужасное то, что рано или поздно к ней привыкаешь. Джереми не мог припомнить, кто это сказал. Должно быть, кто-то из Авторитетов. Но он обнаружил, что не в состоянии постоянно думать о Деннисе.

(Или о себе? Что больше волновало его — судьба Денниса или собственные переживания от разлуки с ним?) Жизнь шла своим чередом, и он был готов принимать ее такой, какова она есть. Прежнее ощущение лихорадочной спешки ослабло, сменившись каким-то другим чувством. Что это — фаталистическое смирение или надежда?

Когда Джереми и Гвинн вышли из зала, где проходил прием, их остановил какой-то незнакомый человек. Он сидел развалившись в одном из чересчур мягких кресел, стоявших в холле, но, увидев их, вскочил. Это был низкорослый, худой человечек явно восточного происхождения в рубашке с закатанными рукавами. Очки в темной оправе казались на его лице слишком большими. За ухом у него торчал фломастер, в нагрудном кармане — еще несколько фломастеров и блокнот.

— Доктор Ллуэлин? — спросил он.

Гвинн посмотрела на него.

— Да, я Ллуэлин.

— Меня зовут Джим Тран Донг, я с математического факультета. Могу я с вами поговорить?

Ллуэлин взглянула на часы.

— Сейчас уже поздно. Нельзя ли отложить на завтра?

Донг сморщился, между бровей у него пролегла глубокая складка.

— Наверное, можно. Но сейчас вы здесь, и я здесь, и оба мы сейчас пойдем к автостоянке. Глупо будет идти рядом и молчать.

Гвинн бросила взгляд в сторону Джереми, он в ответ пожал плечами.

— Хорошо, мистер Донг. Что вам угодно?

И она действительно, как он и сказал, быстрым шагом направилась к лестнице. Джереми и Тран Донг с трудом поспевали за ней.

— Можно называть меня «доктор Донг», — сказал человек. — Я преподаю на кафедре системного анализа.

— Это, несомненно, очень интересная область науки.

Ллуэлин всегда старалась пользоваться лестницей, а не лифтом. «Способствует кровообращению, — говорила она Джереми. — К тому же тут не так уж много этажей». Несколько раз, когда сам Джереми ехал на лифте, оказывалось, что Гвинн уже поджидает его на нужном этаже, и он тоже стал ходить по лестнице. «Время ожидания тоже нужно учитывать, — говорила Гвинн. — Если подниматься невысоко, по лестнице получается быстрее, потому что ее не надо вызывать».

— Я надеялся, что это вас может заинтересовать, доктор Ллуэлин.

— Меня? Системный анализ? С какой статьи?

Джереми шел сзади них. Гвинн держалась прямо и поднималась, не касаясь перил. На математика она почти не смотрела. Донг семенил рядом, заглядывая ей в лицо и в то же время пытаясь смотреть под ноги.

— Выслушайте меня, доктор Ллуэлин! Вы совсем не то делаете в этой истории с Бомонт!

Его голос отозвался на лестничной клетке гулким эхом. Ллуэлин остановилась как вкопанная на площадке, и Донг чуть не налетел на нее. Джереми закусил губу, чтобы не рассмеяться.

Ллуэлин уставилась на Донга.

— Я не уверена, что то, как я считаю нужным вести свою работу, может вас касаться.

Маленький человек, озадаченный ее несприязненным тоном, стоял и смотрел то на Ллуэлин, то на Джереми.

— Пусть говорит, Гвинн, — сказал Джереми, и Донг с благодарностью взглянул на него.

— Спасибо.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Ллуэлин нетерпеливо ждала.

— Насколько я понимаю, доктор, вы собрали группу исследователей для изучения информации, которая содержится в бомонтовской распечатке.

— Это не секрет. В Чикаго и Стэнфорде сделали то же самое.

— Верно. И у вас, как и у них, в эту группу вошли только историки.

— Но речь здесь идет об истории, доктор Донг. Поэтому я и собрала историков.

— Но ведь... — Донг бросил взгляд на Джереми. — Насколько я слышал, эта Бомонт утверждает, что тайное общество, которое она обнаружила, пользуется для предсказания хода истории математическими моделями. В распечатке есть информация о структуре этих моделей. Может быть, и немного — я слышал, что распечатка оборвалась на середине. Полагаю, что владельцы этой базы данных обнаружили, что происходит, и отключили свою систему от сети. Но я о тех данных, что в ней есть: кто в вашей группе может квалифицированно их оценить?

Ллуэлин смотрела на математика, склонив голову набок. Джереми видел, что она что-то обдумывает.

— А вы считаете, что достаточно квалифицированы для этого?

— Могу показать вам оттиски своих научных публикаций.

— Не надо. Все равно я в них ничего не пойму. — Она взглянула на Джереми. — А что вы по этому поводу думаете?

— Думаю, это не повредит. Вероятно, нам следует поинтересоваться методологией, которой пользуется это Общество. Достаточно ли она обоснована математически и так далее. Если все это какой-то обман, то доктор Донг, несомненно, сможет обнаружить математические неточности.

— Хм-м-м. Математические неточности там обязательно будут. Свести историю к отвлеченным цифрам просто невозможно.

— Прошу прощения, доктор Ллуэлин, но есть историки, и весьма почтенные, которые с вами не согласятся. Но дело не в этом. Меня интересует только математическая сторона. Моделировать социо-политико-экономические явления пытались многие исследователи — например, Рашевски или Хэмблин. Некоторые экономические школы разработали довольно сложные системы для прогнозирования экономики.

— Которые обычно дают ошибочные результаты, — сухо заметила Ллуэлин.

— Возможно, не столь ошибочные, как нас уверяют газетчики. Прогнозы погоды имеют фантастическую точность, однако у всех остаются в памяти лишь редкие грубые ошибки. Насмехаться легче всего. К тому же экономические прогнозы могут оказываться неточными из-за того, что моделируется только экономика и не принимаются во внимание другие социальные подсистемы, которые на нее влияют. Это предполагаемое тайное общество разрабатывало свои модели больше ста лет. Такого срока достаточно, чтобы достигнуть немалого совершенства.

— Предполагаемое общество? — переспросил Джереми резко. — Предполагаемое? Может быть, мы только предполагаем, что в Бомонт стреляли, что Граймза убили, что Денниса сбили машиной? Будьте уверены, доктор Донг, дыма без огня не бывает.

Донг поглядел на него.

— Нет, мистер Коллингвуд. Если есть дым, то это всего только дым. Может быть, есть и огонь, а может быть, просто испаряется сухой лед. Или дым — не дым, а облако. Задача в том и состоит, чтобы выяснить, что это такое. Это и есть научный метод.

— Хорошо, доктор Донг, — сказала Ллуэлин. — Вероятно, вы правы. Нам придется выяснить, обоснованны их модели или нет. Если нет, то все это, возможно, обман. Тем не

менее и такой обман заслуживает изучения. Но даже если они обоснованы математически, это не значит, что они обоснованы исторически. Хорошо, доктор Донг... черт возьми, терпеть не могу всякую официальность. Как вас называть — Джим или Тран?

— Джим.

— А вас никто не зовет «Динь-Дон»? — спросил Джереми.

Донг пристально посмотрел на него.

— Во второй раз — никто, — отрезал он и взмахнул рукой в воздухе, как ножом. Джереми проглотил слюну.

— Меня зовут Джереми.

— А меня можете называть Гвинн, — сказала Ллуэлин. — Группа собирается завтра утром в конференц-зале исторического факультета.

— Если вам все равно, я бы предпочел не сидеть на заседаниях. Я могу работать независимо, а слушать, как обсуждают исторические проблемы, мне, наверное, будет так же скучно, как вам — присутствовать при решении дифференциальных уравнений. — Донг не сказал, что и то и другое одинаково простительно, и по выражению его лица можно было понять, что всякого, кому неинтересны дифференциальные уравнения, он считает не вполне нормальным. — И кроме того...

Донг в нерешительности умолк.

— Кроме того? — повторила Ллуэлин.

— Если верить слухам, все, кто слишком тесно связан с этой историей, или умирают, или исчезают. Конечно, вашу комиссию эти люди могут и не рассматривать как угрозу для себя. Особенно если ваши историки склонны отрицать саму возможность подхода к истории как к точной науке — да, я подслушал, о чем вы там говорили. Но, боюсь, стоит им узнать, что в этом участвуют настоящие ученые, как они могут действительно переполошиться.

Ллуэлин криво улыбнулась.

— Настоящие ученые? А вы о себе, кажется, довольно высокого мнения.

— Конечно. А вы разве нет? Но дело не в этом. Дело в том, какую стратегию нам логичнее всего избрать. Это элементарная теория игр. Прав я или нет, моя стратегия минимизирует риск. Для всех нас.

Донг слегка поклонился, пожал им руки и пошел прочь. Джереми и Гвинн все еще стояли на лестничной площадке.

— Риск, — повторила Ллуэлин.

Джереми поджал губы. Прием прошел весело, — но Донг

напомнил им, что они вступили на путь, где на каждом шагу может подстерегать опасность. Вопрос о том, обоснованны ли предсказания так называемого Общества Бэббиджа или нет, касался только науки. А вот вопрос о том, пойдет ли оно на убийство, чтобы сохранить свою тайну, касался каждого из них лично.

IX

Посетитель, к некоторому удивлению Кеннисона, оказался Бенедиктом Руисом. Беттина провела его в кабинет и вышла, закрыв за собой дверь.

— Брат Руис! — воскликнул Кеннисон, вставая из-за стола. — Что это вы тут делаете? Вы же знаете — нам опасно встречаться друг с другом!

«Руис это прекрасно знает — так зачем его сюда занесло?»

Худощавый, жилистый Руис уселся в кресло для посетителей, вытащил из нагрудного кармана платок и принялся утирать пот со лба. В левой руке он крепко сжимал ротанговую трость. Кеннисон заметил, что костяшки пальцев у него побелели от напряжения и резко выделялись на фоне темного дерева.

— Значит, вы ничего не слышали?

— А что? Не хотите ли чего-нибудь выпить? — Он потянулся к кнопке, чтобы вызвать Карин, но Руис сделал отрицательный жест рукой.

— Нет, не надо, amigo. Gracias*. Я пришел к вам...

— За вами никто не следил?

Руис стукнул тростью в пол.

— Черт возьми, брат Кеннисон! Я хочу предостеречь вас ради вашей же безопасности! Я ведь не идиот, и никто за мной не следил.

Руис вызывающе выпятил подбородок.

Кеннисон медленно опустился в свое кресло за столом. Что-то неладно. Руис действительно чем-то обеспокоен. Кеннисон облокотился на стол, сжав кулаки.

— Предостеречь меня? — повторил он. — Но почему? Что случилось?

— Женевьсва. Ей в машину подложили бомбу. Она мертва.

Кеннисон так и подскочил на месте. По спине у него побежали мурашки от волнения. Великая Гарпия — мер-

* ...друг. Спасибо (исп.).

тва? Он не ожидал, что Пейдж так решительно возьмется за дело.

— Вы знаете подробности?

— Подробности? — Руис с раздражением махнул рукой, в которой все еще держал платок — как будто помахал белым флагом. — Зачем нам подробности? Толпа уже напала на след. Теперь они расправятся с нами поодиночке. — Он снова принялся утирать пот с лица. — Санта-Мария, в какую же историю мы впутались!

— Вы хотите сказать — в какую историю впутало нас семейство Вейлов?

Руис поднял на него глаза, потом опасливо оглядел комнату и с досадой усмехнулся.

— Вот видите? Ее дух все еще следит за нами. Мы по-прежнему боимся о ней говорить.

«В самом деле, — подумал Кеннисон. — Три поколения Вейлов не могли не оставить неизгладимого следа на образе мыслей членов Общества. Их представления внедрили в наш комплекс мемов, сплошь и рядом внедрили насильственно. И все же... Кажется, я где-то читал, что, когда умер Сталин, русские плакали. Может быть, не так уж сильно они его любили и не так уж искренне печалились, но они понимали, что с ним ушла большая и невозвратимая часть их жизни. Может быть, и я, услышав эту новость, должен был испытать еще какое-нибудь чувство, кроме бурной радости?»

Он заговорил, стараясь, чтобы радость не прозвучала в его голосе.

— Вы знаете, как это произошло?

Руис коротко кивнул.

— Да. Знаю. Сестра Пейдж отправилась к госпоже председательнице. У нее — то есть у сестры Пейдж — возник план, как нам защитить себя в эти тревожные дни. Она уже побывала с ним у меня. Но госпожа председательница — это я слышал от самого Джеда — отказалась ее принять. Она сказала Джеду, что собирается прокатиться на машине по берегу озера. И тут Джек услышал в гараже взрыв. Такой, что весь дом тряхнуло. Он побежал туда и увидел, что его любимый «мерседес» весь в огне. Вокруг стоял страшный жар — вы ведь знаете, каким горячим пламенем горит бензин. Но он успел увидеть свою хозяйку...

Голос Руиса прервался, он сделал судорожный глоток и опустил глаза, как будто не хотел встретиться взглядом с Кеннисоном. Конец его палки выводил на ковре бессмысленные узоры.

— Он увидел свою хозяйку. Ее обугленные останки. Руки

пригорели к рулю, голова откинута назад, рот широко раскрыт — она хотела крикнуть, но не успела.

Руис поднял на Кеннисона глаза — как два входа в тоннель, ведущий в черную бесконечность.

— Так он и сказал. Я никогда этих слов не забуду.

Кеннисон содрогнулся. Это был не просто театральный жест. Жуткая смерть. Сестра Пейдж слишком привержена к крайностям, слишком легко поддается эмоциям. Его целей можно было достигнуть и не таким драматическим способом. Но тут он вспомнил, что сестре Пейдж трижды наплевать на его цели, — у нее есть свои собственные. Он подумал, что впредь нужно быть с ней поосторожнее. Брак по расчету хорош только до тех пор, пока расчет не перестает оправдывать себя. Он произнес вслух:

— Так он и сказал?

Руис кивнул, и Кеннисон задумался. Должно быть, старик тайл к своей хозяйке изрядную ненависть, если мог рассказывать о ее смерти с таким любовным вниманием к подробностям. Никогда не знаешь, что у человека на душе. Интересно, не сам ли Джед подложил бомбу, поддавшись на уговоры Пейдж?

— Они знают, кто это сделал? — спросил он Руиса.

В ответ тот, как истый испанец, выразительно пожал плечами.

— Кто? Может быть, ФБР. Или КГБ. Или Каморра. Или Ассоциация. Или республиканская партия. *Quien sabe**? В стране полным-полно людей, которые не прочь отомстить нам за то, что мы сделали.

— Которые думают, будто мы сделали то, за что нам следует мстить, — уточнил Кеннисон.

Руис жестом остановил его.

— Не надо играть словами, сенор, — произнес он сквозь стиснутые зубы. — Я ведь не ребенок. Этот мем невинности, может быть, и хорош для публики, но нам-то самим зачем себя обманывать? Мы направляли судьбы этой нации ради своего собственного обогащения и не щадили никого, кто вставал у нас на пути. Вы же не будете с этим спорить?

— Это все Гровнор Вейл и его...

— Ну конечно, — перебил его Руис. — А нас принуждали насильно, и мы подчинялись скрепя сердце. — Он невесело усмехнулся. — Боюсь, что, когда нам предъявят столь тяжкие обвинения, такая линия защиты нам мало поможет. Нет, всех нас повесят, не знаю только, вместе или порознь. Аме-

* Кто знает? (исп.)

риканское правительство сочтет это подрывной деятельностью, а нас — ирредентистами-конфедератами, которые уничтожили всю их общественную систему. Геноцид культуры — так, кажется, сейчас называют подобные вещи? Черные решат, что это из-за нас они лишены своих прирожденных прав. Зеленые сочтут, что это мы поощряли демона технологии. Да что говорить, список наших врагов окажется изрядным.

— И никому не придет в голову нас хоть за что-нибудь поблагодарить, — сказал Кеннисон с недовольной гримасой. — Мы же не можем отвечать за каждый каприз истории. Назовите хоть одного политика или социального реформатора, бизнесмена или революционера, который не пытался бы сделать то, что сделали мы? Да, наши возможности и даже наши замыслы не могли не быть ограниченными. И все же мы добились большего, чем все остальные, потому что наши методы эффективнее.

— Вы никого не сможете переубедить, брат Кеннисон. Кто возьмет на себя труд как следует вдуматься, тщательно изучить вопрос? Нет, мы просто обогащали себя за счет остальных. Вот и все, что о нас будут думать.

— Я ни разу не слышал, чтобы вы отрекались от плодов наших трудов.

Руис снова пожал плечами.

— Но я никогда не говорил, что руки у меня чисты.

Он поднес руки к глазам и вгляделся в них, как будто ожидал увидеть на них кровь. Потом со вздохом спросил:

— Что вы намерены предпринять теперь? Действовать по плану, который придумала сестра Пейдж? Втереть очки публике? Устроить потемкинские деревни?

Кеннисон на мгновение ощутил досаду: его план теперь уже назывался планом сестры Пейдж. Однако он не дал воли своим чувствам. Когда-нибудь настанет время свести счета, но не сейчас и не с Руисом — он всего-навсего посредник. А когда это время настанет, все будет тщательно взвешено. Никаких поспешных решений, порожденных минутной досадой.

— Мы с Пейдж говорили об этом с неделю назад, — сказал он. — Мне показалось, что придумано неплохо.

Руис скривился.

— Лучше встретить смерть на людях, чем быть убитым из-за угла, а, amigo? — Он покачал головой. — Нет, меня это не прельщает. Это не для меня.

— А что намерены предпринять вы, *senor*? — спросил Кеннисон, прищурившись.

Руис поджал губы и принялся разглядывать тяжелый резной перстень на пальце левой руки.

— Senor, — ответил он после долгой паузы, — мой род живет в этой стране уже триста лет. Мы были *gancheros** на просторах Аризоны и Нью-Мексико задолго до того, как пришли англичане. Позже мы поддерживали американцев, потому что от *caudillos*** из Мехико не видели ничего хорошего, а всю торговлю вели с пришельцами с Востока, которые так же, как и мы, осваивали эти места. Мы даже смогли удержать большую часть своих владений во время земельных междоусобиц, потому что наши *vaqueros**** лучше умели стрелять, чем наемники англичан. Мы глубоко привязаны к этим местам. К этим бесплодным пустыням, к этим *mesas* и *salops*****. Я слишком давно там не был. Может быть, пора мне бросить все дела и удалиться к себе на ранчо.

Кеннисон покачал головой.

— На своем ранчо вы будете не в большей безопасности, чем была сестра Вейл у себя в особняке.

Руис улыбнулся.

— Нет, в большей, Дэн! — Кеннисон вздрогнул: он не ожидал, что Руис может назвать его по имени. — В большей! Потому что меня зовут не Бенедикт Руис. Я никогда не носил такого имени. Видите ли, когда я вступил в Общество, я не был таким оптимистом, как все вы, и не верил, что наша тайна может быть сохранена. Мое подлинное имя не было занесено в нашу базу данных, оно так и осталось нераскрытым после того, что сделала Сара Бомонт. — Он широко развел руками. — Так что я в безопасности. Я могу вернуться домой, чтобы доживать там остаток жизни. — Лицо его потемнело. — И познавать самого себя.

Кеннисон не знал, сердиться или радоваться. С одной стороны, ясно, что в Совете у него станет одним противником меньше. С другой, Руис окажется вне пределов досягаемости Общества. Как в свое время Куинн.

«Интересно, много ли еще членов Общества проявило такую же предусмотрительность, как брат Руис, не введя в базу данных свое подлинное имя? В каком-то смысле мне будет не хватать этого старого прохвоста. Вот такие предус-

* Ранчero, владельцы ранчо (исп.).

** Местные главари (исп.).

*** Вакеpo, пастухи (исп.).

**** Плоскогорьям и каньонам (исп.).

моторительные люди и нужны будут мне в Совете. Но что, если слишком многие из нас исчезнут так же внезапно, как Руис? Не вызовет ли это подозрений?»

— Бенедикт... — начал он.

Руис уже встал с кресла, собираясь уходить, но остановился.

— Да?

— Наш корабль дал течь, но он еще не тонет. Большинство из нас не станет спасаться бегством, а постарается сделать все, что можно. И чтобы не подвергать опасности тех, кто останется, «Бенедикт Руис» должен исчезнуть, не вызвав никаких вопросов. Вы меня понимаете? Для публики «Руис» должен умереть. Вы обязаны это сделать ради братьев и сестер, которых вы покидаете.

Руис некоторое время пристально смотрел на него, закусив губу. По-видимому, скрытый смысл слов Кеннисона его не смутил.

— Да, пожалуй, — согласился он нехотя. — Я понимаю. Что вы предлагаете?

Кеннисон секунду подумал. Не надо ничего слишком мудреного. Чем сложнее план, тем больше шансов, что он окажется неудачным.

— Когда соберетесь покинуть Сан-Диего, отправьтесь на яхте и упадите за борт где-нибудь в открытом море. Утоните. Вы можете это устроить?

Руис, подумав, кивнул.

— Да. Есть люди, которым я доверяю. Люди, тесно связанные корнями с моим родом. Они могут устроить все как надо и потом вернуться. Я... — Он осекся и наклонил голову набок, прислушиваясь. Потом быстро подошел к двери и распахнул ее. Там никого не было. — Кто еще сейчас в доме? — резко спросил он.

— Только мои служащие. А что?

— Мне показалось, что я слышал какой-то шорох за дверью. Как будто кто-то подслушивал. Вы им доверяете? Вашим служащим?

Кеннисон обиженно кивнул.

— Я готов доверить им свою жизнь.

Руис тоже кивнул и улыбнулся.

— Может быть, и придется, брат. Может быть, и придется.

— Тайная Шестерка, — сказал Норрис Босуорт.

Ред Мелоун, подняв брови, посмотрел сначала на Умника, потом на Уолтера Половски. Он заложил пальцем книгу, которую читал, и спросил:

— О чем он говорит, Уолт?

Половски пожал плечами.

— Пойдем пройдемся.

Ред захлопнул книгу.

— Хорошо.

Он встал и протянул книгу библиотекарю. Половски взглянул на обложку.

— Освежаешь в памяти устав, брат Мелоун?

— Время от времени полезно окунуться в ту первобытную грязь, из которой все мы произошли.

Половски фыркнул. Они вышли из библиотеки. Босуорт тащился за ними, как приبلудный щенок. Войдя в лифт, Ред нажал кнопку этажа, где находился выход на поверхность. Лифт двинулся вверх. Босуорт хотел что-то сказать, но Ред жестом остановил его.

Когда они вышли на поверхность, Половски усмехнулся.

— Ты в самом деле думаешь, что Кэм везде натыкал «жучки»?

Ред сунул руки в карманы.

— Это просто следует из теории игр, — ответил он.

Они пересекли двор и подошли к загону для лошадей.

— Из теории игр? — переспросил Босуорт.

— Конечно, — сказал Ред. — У нас две возможности: или мы распускаем там язык, или помалкиваем. Если помалкиваем, то не имеет значения, одолела Кэма мания преследования или нет. А если позволяем себе болтать, то это имеет очень большое значение. Ну, и при какой стратегии вероятность проигрыша меньше?

«Интересно, заметил ли Уолт, что на его вопрос я так и не ответил?» — подумал он.

Приближался вечер. Солнце, хотя еще и жаркое, стояло уже над самыми вершинами гор. Ред прикинул, что через час-другой уже стемнеет. Они облокотились на изгородь, окружавшую загон, и Ред ткнул пальцем в сторону пасшихся там лошадей, как будто разговор шел о них.

— Ну хорошо, и что вы там обнаружили?

— Этот парень прирожденный хакер, — сказал Половски. — Я еще никого не видел, кто мог бы лучше его шарить в базах данных.

«Знал бы ты Сару», — подумал Ред, а вслух сказал:

— Расхваливать его будешь на банкете, когда ему присудят премию. А сейчас скажи мне, в чем дело.

— В Тайной Шестерке, — снова сказал Босуорт.

Ред посмотрел на него, потом на Уолтера Половски.

— Ну, допустим. А что такое эта Тайная Шестерка? Или кто такие?

— Мы полагаем, что это наши соперники, — ответил Половски.

Ред кивнул и потер руки.

— Третья сила? Быстро сработано. Как вы на них вышли?

— Вопрос был в том, чтобы вычленить исторические аномалии, — ответил Босуорт. — Мистер... то есть брат Половски сделал расчеты. Пути, рычаги и прочее... Я еще не очень силен в этой математике.

— Я просмотрел всю историю, от Бэббиджа до наших дней, — объяснил Половски. — Вот этот парень написал программу, которая помечала все узлы с малой вероятностью. Мы отбросили те, про которые знаем, что там поработали либо мы, либо они. Хотя... — Половски остановился: ему пришла в голову новая мысль. — Теперь, наверное, уже нельзя говорить просто «мы» и «они»? «Они» теперь не одни.

— Неважно, — сказал Ред. — Рассказывай про эту вашу Тайную Шестерку.

— Так вот, мы посмотрели все узлы с малой вероятностью, какие остались. Мы предположили, что некоторые такие узлы — их работа, просто мы об этом пока еще ничего не знаем, а другие — просто случайность. И мы занялись вплотную теми, которые имели самые важные последствия.

— Прямо Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Ну и что вы обнаружили?

— Мы обнаружили его преподобие Томаса Уэнтворта Хиггинсона.

— Замечательно. Это еще кто такой?

— Один аболиционист. Он писал статьи, в которых призывал устраивать вооруженные вылазки на Юг, чтобы освободить рабов. — Половски продолжал, внимательно разглядывая свои ногти: — Идея была в том, чтобы организовать в горах Западной Вирджинии партизанскую армию и время от времени устраивать набеги на плантации.

— Он переписывался с Джоном Брауном*, — добавил Босуорт.

Ред насторожился.

— Ага!

* Браун, Джон (1800—1859) — один из руководителей крайнего левого крыла аболиционистов. В 1859 г. с отрядом из 18 человек захватил правительственный арсенал в Харперс-Ферри (шт. Вирджиния); отряд был почти полностью уничтожен, Браун взят в плен и по приговору суда повешен.

— Вот именно что «ага», — сказал Половски. — Похоже, этот преподобный отец был либо членом, либо орудием группы, которая называла себя Тайной Шестеркой.

— Их было шесть человек, — пояснил Босуорт.

Ред взглянул на него.

— Да не может быть!

— Эти шесть человек, — продолжал Половски, — были бизнесмены и служащие с Севера, которые хотели положить конец рабству. Мы не можем точно всех перечислить, но несколько имен попадают снова и снова. Джейбез Хэммонд, Геррит Смит, Лайсэндер Спунер. Похоже, что они, как и Хиггинсон, тоже как-то связаны с Шестеркой.

— Лайсэндер Спунер?

Половски пожал плечами.

— Как ты думаешь, мог я сам выдумать такое имя? По некоторым данным, они пытались втянуть в это и Дугласа. В набег Джона Брауна.

— Стивена Дугласа? Соперника Линкольна? Что за чепуха!

— Да нет, Фредерика Дугласа. Это был раб, который сбежал на Север и стал рупором движения abolitionистов. Он имел изрядный вес среди белых abolitionистов, потому что мог ссылаться на собственный опыт. Прекрасный оратор, талантливый писатель...

— Ладно, все ясно, — прервал его Ред. — Я знаю, кто это. Давай дальше.

— Так вот, Тайная Шестерка устроила встречу Брауна и Дугласа. По-моему, это случилось в Роучестере, штат Нью-Йорк. Браун пытался уговорить Дугласа идти вместе с ним на Харперс-Ферри, но Дуглас отказался. Впоследствии аполгеты Брауна пытались изобразить дело так, будто Дуглас трусил. Но этого не было. Дуглас решил, что Браун совсем спятил. Что он фанатик вроде Чарли Мэнсона*. Что если Браун приведет в действие свой план, это нанесет ущерб делу. Что это вызовет симпатию к рабовладельцам и заставит их уйти в глухую защиту, отвергать даже самые умеренные планы освобождения рабов. Дуглас стоял за расширение «подземной железной дороги»**. Лучше пусть рабы убегают, чем похищать их. Он считал, что рабы должны освобождать себя сами, как сделал он.

* Маньяк-убийца, герой сенсационного судебного процесса в США в 1980-х гг.

** Организованная abolitionистами в 1830—1860-х гг. система содействия рабам-неграм, бегущим из южных штатов США на Север.

— Значит, это Шестерка стояла за Брауном!

Ред удовлетворенно кивнул. Теперь все понятно. Такие закулисные маневры были в те времена сильной стороной Общества. Когда еще не изобрели других способов и более совершенных средств связи. Гражданская война началась в такой момент, когда это не следовало ни из каких расчетов. Ни единой ошибки в расчетах так никто и не нашел, а ведь Куинн проверял их очень старательно. Значит, просто работали две группы с противоположными целями. Нет, точнее — с противоположными методами. Очень может быть, что этим все и объясняется. Эффект взаимодействия. Когда каждая группа ничего не знает о том, что предпринимает другая. А решающую роль сыграл Браун — и в Канзассе, и в Харперс-Ферри. И разве не Роберт Э. Ли командовал морскими пехотинцами, которые штурмовали арсенал? Определенно это был узел с малой вероятностью и очень важными последствиями.

— А вы еще не пробовали все это смоделировать, введя в расчеты Шестерку?

Половски взглянул на него.

— Конечно, мне больше делать нечего, как переписывать всю Главную программу.

— Ладно, Уолтер, понимаю.

«Хотел бы я знать, когда вернется Сара, — подумал Ред. — Это дело как раз по ней».

— Одно только странно, — сказал Босуорт.

Ред поднял на него глаза. Умник стоял нахмурившись.

— Что?

— Понимаете, мы взяли за основу то, что узнали об их тогдашних действиях, и попробовали поискать следы Шестерки в более позднее время, вплоть до наших дней. Факторный анализ, понимаете? Так вот, они оставили вполне явственный след — цепочку исторических аномалий, которая тянется примерно до 1890-х годов. А дальше обрывается.

— Группа развалилась?

— Дальше встречаются еще аномалии, которые не поддаются объяснению. Опять-таки кое-какие из них могут быть случайными, но потом появляются по меньшей мере два следа.

— Два следа? — переспросил Ред.

— Да. Если считать следом группу аномалий, направленных на достижение одной и той же цели.

— Это, конечно, нелегко доказать, — заметил Половски. — Даже если мы будем знать — или предполагать, —

кто были эти деятели, и иметь хотя бы некоторое представление об их мотивах. Ведь в каждом узле последствия могли оказаться совсем не такими, каких они хотели. Бывали случаи, когда и Общество, и Ассоциация делали ошибки в расчетах.

— Я знаю, — сказал Босуорт. — Там есть два узла, связанные с Уинфилдом Скоттом и Робертом Ли, которые никак не соответствуют ни целям Общества, ни целям Шестерки, насколько мы их понимаем. Может, это и были осечки. А Сара говорила, что и в Европе есть два таких узла, по поводу которых мы пока ничего не можем сказать. Возможно, Шестерка пыталась проникнуть и туда. Но я почти убежден, что есть по меньшей мере два вполне определенных комплекса аномалий, которые не имеют отношения ни к нам, ни к ним. Плюс разрозненные одиночные случайности.

— Похоже, что Шестерка тоже раскололась, — сказал Половски.

— Только второй след просуществовал недолго, — добавил Босуорт. — Он сходит на нет где-то в начале века.

Ред кивнул.

— Не сомневаюсь, что для них тоже должна была возникнуть дилемма Карсона.

«Как и для Ассоциации, — подумал он, и эта мысль поразила его. — Ведь и мы разыгрываем ту же самую пьесу! Впрочем, я пытаюсь наложить собственные мемы на действия Ассоциации — похоже, комплекс мемов, унаследованный от Куинна, с годами потерял силу». Тем не менее эта мысль его сильно беспокоила. Пусть даже неверная, уж очень она отдает детерминизмом. Словно он всего лишь марионетка в руках неведомых исторических сил, которые вынудили его организовать свой маленький заговор.

Все это, конечно, чепуха. Расчеты говорят только одно — что это должно случиться. Они не говорят, кто и как это должен сделать. Тем не менее ему было не по себе. Как будто заглянул в микроскоп и видишь, что сам себе машешь оттуда рукой.

— Эй! — сказал вдруг Умник. — А это еще кто?

Он показал рукой вверх по склону. Ред заслонил глаза от солнца, стоявшего над самым гребнем гор, и взгляделся. Там, на краю скалы, кто-то стоял, размахивая руками и что-то крича. Ред прищурился, пытаясь разглядеть, кто это. Потом он удовлетворенно улыбнулся про себя.

— Сара вернулась, — сказал он.

— Что это вы читаете, Джерми?

Джерми поднял глаза от книги и увидел, что к нему за столик подседа Гвинн. Он сидел в университетском кафе, попивая джин с тоником, на столе перед ним лежала открытая книга большого формата в сафьяновом переплете, а рядом аккуратная стопка картонных папок. В зубах у Гвинн была крепко зажата трубка из кукурузного початка — к счастью, не зажженная. Рядом с Гвинн присела на краешек стула Пенни Куик.

— Привет, Джерри, — сказала она с улыбкой.

Он посмотрел на Пенни, потом на Гвинн.

— Что, заседание уже кончилось?

— Джерми, уже десять часов! — Гвинн взяла в руки книгу и взглянула на корешок. — Генри Томас Бокль? О господи! — Она удивленно подняла брови. — Боюсь, в наше время он немного вышел из моды. Кто сейчас читает Бокля? Этот старомодный цветистый стиль...

Джерми пожал плечами.

— Херкимер что-то о нем говорил на вечере знакомства месяц назад, и я заинтересовался. Он говорил, что Бокль оказался не прав. А кто такой этот чертов Бокль и в чем он оказался не прав? Очевидно, это имеет какое-то отношение к тому, чем занимается наша группа, иначе Вейн не стал бы об этом говорить. И вот... — Неопределенным жестом он показал в сторону книги и папок. Он чувствовал себя немного неуверенно, как любитель, который пытается что-то объяснить профессионалам. — И вот я разыскал его в библиотеке.

Гвинн взглянула на картонные папки.

— И, я вижу, взялись за дело всерьез. — Она дотронулась до руки Пенни. — Мы еще сделаем из Джерри историка, вот увидишь. Дай только срок.

— О, только не поддавайтесь, Джерри, — сказала Пенни, всплеснув руками. — Вам предстоит ужасная жизнь. Портишь себе зрение, получаешь гроши, а знакомые не могут понять, на что ты тратишь время.

Что бы ни говорила и ни делала эта стройная женщина с тонкими чертами лица, было видно, что она говорит и делает это с искренним увлечением. Джерми подумал, что она куда симпатичнее остальных ученых.

Подошел официант и принял у них заказ. Гвинн поудобнее пристроила свое массивное тело на сиденье из искусственной кожи.

— И давно вы здесь сидите, Джереми? Странно, вы как будто совсем не окосели.

— Это первый, — показал Джереми на свой бокал.

— Ах, вот как? Тогда странно, что официант до сих пор вас отсюда не выставил.

— Да нет, я знаю великую тайну. Просто нужно каждые полчаса или около этого не скупясь давать ему на чай. Тогда он не пристаёт, и можно спокойно заниматься. Шум меня не отвлекает — вы себе не представляете, в каких шумных местах мне приходилось проводить ревизии. А здесь я чувствую себя не таким... ну, изолированным от мира, что ли, как у себя дома.

«Не говоря уж о том, — добавил он про себя, — что в последнее время приходится думать, чем можно заниматься дома, а чем — не стоит». Гвинн посоветовала ему не трогать подслушивающее устройство в телефоне, но не говорить дома вслух ничего такого, что могло бы кого-то заинтересовать. Если вынуть «жучок», это только насторожит тех, кто его установил.

Официант принес женщинам напитки.

— Ну и что же вы выяснили про Бокля? — спросила Куик. У нее в бокале было что-то розовое и пенистое, с огромным количеством фруктов, — Джереми не мог понять, как можно такое пить.

— Ну, он был безусловно оригинал, — ответил он. — В детстве много болел, получил домашнее образование под присмотром матери, а потом, когда уже стал взрослым, не расставался с ней пятнадцать лет, разъезжая в ее обществе по всему континенту. В наши дни ему порекомендовали бы обратиться к психоаналитику.

— Все это время он писал свой труд, — сказала Гвинн, постучав пальцем по книге, лежавшей на столе. — «История цивилизации в Англии». Издана... кажется, в 1857-м. — Она заглянула на титульную страницу. — Правильно, в 57-м. Бокль — типичный историк девятнадцатого столетия. Он видел в истории непрерывный прогресс — от первобытных времен до самых вершин цивилизации, то есть, конечно, до Англии девятнадцатого века. Как большинство людей викторианской эпохи, он свято верил в Прогресс.

Гвинн и Куик обменялись понимающими улыбками.

«Конечно, в наши дни это считается наивностью, — подумал Джереми. — Сейчас больше никто не верит в прогресс. Во всяком случае, в Прогресс с большой буквы. Куда чаще его ругают почему зря. Интересно, стали люди за эти годы умнее или просто разочаровались? Почему вообще цинизм

надо предпочитать оптимизму? То же самое и в литературе: если вещь недостаточно «иронична», это не «литература». По этому поводу в «Нью-Йорк Ревью оф Букс» то и дело начинаются перепалки, но общепринятое мнение по-прежнему не сдает своих позиций. Реализм? Пусть так, но ведь иногда герой все-таки выходит победителем!»

— Может быть, вы тогда знаете про него и еще кое-что? — спросил он язвительно. — Что Бокль, кроме всего прочего, был твердо убежден: историю можно превратить в точную науку.

Он открыл одну из папок и достал оттуда фотокопию страницы из книги.

— Послушайте, что он писал в 1856 году: «Что касается природы, то здесь события, на первый взгляд самые неожиданные и причудливые, нашли себе объяснение, и было доказано, что они соответствуют неким вполне определенным общим законам. Это произошло благодаря тому, что люди талантливые и, что еще важнее, терпеливо и неустанно работающие тщательно изучали эти события в природе, пытаясь найти такое объяснение. Если подойти с тех же позиций к событиям истории человечества, то и здесь есть все основания ожидать таких же результатов».

Он поднял глаза на женщин, чтобы посмотреть, как они к этому отнеслись, но увидел лишь вежливый интерес. Наверное, видно было, как он разочарован, потому что Гвинн, потянувшись к нему, сжала ему руку выше локтя.

— Ну, не огорчайтесь, Джереми. Просто мы эту цитату не в первый раз слышим. Может быть, Бокль и вышел из моды, но он не совсем еще забыт.

— И кроме того, — добавила Куик, — он ведь ошибался. Разве вы не видите? В истории не может быть таких «законов», как в физике. История — процесс эволюционный, как биология. Каждое событие в ней зависит от того, что ему предшествовало.

— В биологии тоже есть законы, — возразил Джереми.

— Да, конечно, но это другие законы. Конечно, существует теория эволюции; однако она не такая, как теория тяготения. Астрономы могут на основании своей теории рассчитать будущее положение планет, но биологи не могут вычислить, какие новые виды появятся в будущем.

«По крайней мере, пока не могут», — сделал про себя оговорку Джереми. Профессиональный бухгалтер, он всегда старался не делать категорических выводов, пока у него в руках не окажутся все данные. И уж во всяком случае, не собирался дать Пенни перевести разговор в такую область,

где оба они одинаково невежественны. Впрочем, однажды кто-то говорил ему... Когда это было? А, в прошлом году, когда они с Деннисом были у кого-то в гостях. Что-то насчет создания полной генетической карты каждого вида. Кажется, это называется «Проект Пан-Геном». «Когда мы будем знать, что делает каждый ген, — говорил тот молодой человек, — мы сможем предвидеть, что произойдет, если в нем случится мутация».

— Значит, вы считаете, что я зря потратил время? — спросил он, глядя по очереди то на Гвинн, то на Пенни. — Что незачем было копаться в этой напыщенной писанине... — он приподнял книгу и снова бросил ее на стол, — и вместо этого я мог просто спросить вас, и вы объяснили бы, что имел в виду Херкимер?

Куик протянула руку и дотронулась до его локтя.

— Нет, нет, Джерри. Я считаю, вы поступили совершенно правильно. В конце концов, это и есть суть обучения — все нужно выяснять самостоятельно. Во что превратился бы мир, если б каждый сидел и ждал, когда ему все объяснят?

— В нашем управляемом обществе слишком многие так и делают, — сказала Гвинн.

Джерми отстранил свою руку и покраснел. Конечно, она права. Тем не менее он чувствовал некоторую обиду — оказывается, то, что он открыл для себя, всем давно известно. Словно он взобрался на Эверест и обнаружил там киоск с лимонадом. Что бы они сейчас ни говорили, они наверняка считают, что он занимался чепухой.

— Не унывайте, Джерми, — сказала Гуинн. — Кроме специалистов, о Бокле вообще мало кто даже слышал.

— Просто мы давно отказались от этого наивного представления об истории, — добавила Куик и улыбнулась ему. — Наверное, это и можно считать Прогрессом.

— Погодите, — не унимался он. — Я знаю, что Херкимер все это отмечает — он говорит, что история не часовой механизм. Но разве не на этом постулате было построено все Общество Бэббиджа? Он не может нас не интересовать. Независимо от того, верен он или нет.

Последнюю фразу он добавил только потому, что иначе это сказали бы за него Гвинн или Пенни. Сам он не мог бы сказать, верит ли он, что историю можно превратить в точную науку. Это не слишком его касалось. Но его близко касалось другое. Люди из Общества Бэббиджа в это верили, и это они похитили Денниса, чтобы он не раскрыл их тайну. Вот что самое главное — Деннис. А все остальное — ученая схоластика.

Он показал на книгу.

— Ну хорошо, но Бокль имел по этому поводу свое мнение, а он когда-то был авторитетным историком. Вы считаете себя современными учеными и посмеиваетесь над викторианским оптимизмом, но ведь не исключено, что когда-нибудь другие будут посмеиваться над вашим пессимизмом. Кроме того, не один только Бокль верил, что можно создать подлинную науку об обществе. Был еще Адольф Кетле.

На этот раз они только посмотрели на него в недоумении.

— Кто?

Джереми порадовался про себя, что ему все-таки удалось узнать что-то им неизвестное. Он постарался сдержать улыбку.

— Адольф Кетле — был такой довольно известный бельгийский астроном, — сообщил он. — Современник Бокля.

— Астроном? — переспросила Гвинн.

— Ах, астроном... — сказала Куик.

— Да, астроном. В те времена интеллектуалы не так строго делились на категории. Может быть, этому нам стоило бы и поучиться у викторианцев. Кетле и Бокль вели между собой обширную переписку.

Куик взглянула на Гвинн.

— Я об этом никогда не слышала. Правда, Бокль — не моя специальность.

— Я читал собрание писем Бокля, — сказал Джерри. — Оно есть в коллекции редких книг университета.

Это был тронутый плесенью, истрепанный том с треснувшим корешком и изорванными по краям страницами, издававший острый сухой запах. Ему разрешили читать эту книгу только в специальной комнате с искусственным климатом, под непрерывным строгим присмотром архивиста из отдела редких книг. Из-за всего этого Джереми чувствовал себя настоящим ученым-исследователем. Архивист держался так, будто оскорблен тем, что кто-то осмелился дотронуться до драгоценного тома.

— В нескольких письмах Бокль мельком упоминает о «моей переписке с месье Кетле».

Гвинн переглянулась с Пенни и вынула изо рта трубку.

— Зачем Генри Томасу Боклю вздумалось переписываться с каким-то астрономом?

— Готова спорить, что он переписывался и с Дарвином, — сказала Куик. — Он был, по-моему, только чуть-чуть его моложе. — Она повернулась к Джереми. — Я права? Ну конечно! Готова спорить, что Бокль всерьез интересовался эволюционными теориями Дарвина. Тогда они были в боль-

шой моде. — Она наклонилась к нему через стол. — Это становится любопытно. Расскажите нам еще. Я даже не знала, что переписка Бокля издана.

Джереми вдруг пришло в голову, что Пенни Куик делает ему авансы. Она словно вывесила плакат: «Я не прочь, чтобы вы произвели на меня впечатление». На мгновение он растерялся. Он никогда не знал, как вести себя в таких ситуациях. Объяснить, что ее старания бессмысленны? Но это только поставит всех в неловкое положение. Не обращать внимания? Это будет равносильно грубому отказу. Она, наверное, и в самом деле мила. По крайней мере, по меркам бульварной прессы, у нее есть все, что требуется от женщины, чтобы считаться привлекательной. Правда, Джереми все это не интересовало. Не то чтобы Пенни ему не нравилась — просто он был к ней совершенно равнодушен. Но она неплохой человек, он не хотел ее обидеть.

— Ну, я тоже заинтересовался, — продолжал он. — Потому что в этом собрании не оказалось ни одного письма к Кетле. В примечании редактора говорилось, что ни у того, ни у другого в бумагах эти письма не обнаружены.

Ему вдруг пришло в голову, что он делает как раз то, что делал Деннис перед тем, как его похитили: занимается историей. Тогда он заметил Деннису, что такой внезапный интерес к истории выглядит странно. Теперь он понял, что это снисходительное замечание, высказанное без всякой задней мысли, могло показаться Деннису обидным. И теперь, когда он сам занялся тем же самым, Деннис стал ему еще ближе, хоть и неизвестно, где он, а может, и вовсе мертв.

Мертв. Теперь Джереми мог думать об этом спокойно. Сумасшедшее напряжение тех дней, паническое ощущение, что нужно немедленно что-то делать, остались в прошлом, хотя временами ему даже хотелось их вернуть. До сих пор группе Ллуэлин так и не удалось установить ничего нового в деле Денниса, и он ощущал что-то вроде стыда при мысли, что смирился с таким положением. Но что было делать — залезть на крышу и кричать на весь Денвер? Обшаривать все углы и закоулки? Кое-кто из друзей говорил, что он «легко возбудимая натура». Может быть, и так. Может быть, он всегда реагировал на события немного преувеличенно и слишком эмоционально. Может быть, только теперь он учится в критические моменты вести себя иначе. Огромное сдерживающее влияние на него оказывала Гвинн с ее спокойным, уравновешенным отношением к жизни. Может быть, она могла бы подсказать ему, как обращаться с Пенни?

Он перебрал надписанные аккуратным почерком папки,

лежавшие на столе, и вытащил ту, на которой стояло «Кетле». Открыв ее, он начал перелистывать копии журнальных публикаций, газетных заметок и статей из энциклопедий. Их было не так уж много: имя Кетле не пользовалось шумной известностью. Он отыскал статью из «Нью-Йорк Ревью оф Букс» и протянул ее Пенни.

— Это статья не столько о самом Кетле, сколько об истории статистики, — сказал он. — Но я подчеркнул те места, которые нужны.

Пенни кивнула и провела пальцем по странице в поисках упоминания об астрономе.

«...Кетле показал, что вариации роста человека соответствуют этому «закону ошибок», и его мысль о возможности более широкого применения «закона ошибок» легла в основу многих важных исследований конца XIX века в области статистики. Его вклад в науку состоял в том, что он ввел понятие о статистических законах — представление о том, что можно установить истинные факты о множестве людей даже в тех случаях, когда не может быть получена информация об отдельных составляющих этого множества...»

Она подняла глаза от страницы.

— Это поразительно! Мне всегда было интересно, кто виноват в том, что статистика внедрилась в социологию. Но кто эти... — она еще раз заглянула в статью, — Максвелл и Больцман?

— Я и их разыскал. Эти ученые ввели представления Кетле о статистических законах в физику. Но читайте дальше.

Он чуть не ерзал на стуле от нетерпения. Улыбнувшись ему, Пенни прочитала еще абзац.

«...Начиная со второй четверти того столетия сбор статистических данных стал всеобщим увлечением. Мотивы его нередко были связаны с реформистскими настроениями: многие полагали, что статистика позволит создать научную основу прогрессивной социальной политики. Адольф Кетле разделял увлечения реформистов, но считал, что для этого нужны не одни только факты. Он стремился создать количественную науку об обществе, которая внесла бы порядок в социальный хаос...»

Джерemi развел руками.

— Вот. Видите, в те дни было не так уж мало людей, которые задумывались над тем, нельзя ли создать науку об обществе. По словам «Британской Энциклопедии», Кетле изучал «количественные законы произвольных действий».

Например, преступлений. — Он показал им копию статьи из энциклопедии. — Это вызвало к жизни множество исследований, посвященных тому, что тогда называли «нравственной статистикой», и широкую дискуссию о свободе воли, с одной стороны, и социальном детерминизме человеческого поведения, с другой.

Гвинн вынула изо рта трубку.

— Могу себе представить, — сказала она.

— Кетле даже написал книгу на эту тему — «Социальная физика», она вышла в 1835 году. Неудивительно, что он поддерживал с Боклем такую активную переписку. Они оказались единомышленниками. Очень жаль, что их письма не сохранились. Нашу группу они могли бы очень заинтересовать.

— Заинтересовать — не то слово, — заметила Гвинн, взглянула на Куик и хитро усмехнулась. — Давайте расскажем обо всем этом Херкимеру на следующем заседании.

— Нет уж, дорогая Гвинн, рассказывай сама. Я лучше спрячусь под стол, — отозвалась Пенни.

Только поздно вечером, когда Джереми собирался ложиться спать, ему пришла в голову мысль, от которой у него по спине побежали мурашки.

Было ли исчезновение переписки Бокля с Кетле всего лишь несчастной случайностью — или за этим стоит что-то большее? Он застыл на месте, просунув ногу в штанину пижамы. Ему представилась некая таинственная туманная фигура, которая одну за другой берет аккуратно перевязанные пачки писем, рвет их на мелкие клочки и швыряет в огонь. Он вспомнил, как неожиданно умер в Дамаске Бокль. Конечно, у него всегда было слабое здоровье, но не могло ли быть?..

Джереми снова вспомнил подброшенное в воздух тело Денниса. А кто-то стрелял в Бомонт, и того репортера — как его фамилия? — тоже убили... И еще этот Брейди Куинн, о котором он читал в бомонтовской распечатке. Общество Бэббиджа убивало всех, кто близко подходил к его тайне. Бокль был современником Куинна, только немного его моложе, ведь так? Может быть, Бокля отравили?

Он швырнул пижамную куртку на кровать и большими шагами прошел в гостиную, где оставил свои материалы. Повозившись с замками кейса, он достал составленный Генри Бэндмейстером перечень людей, мест и предметов, которые упоминались в бомонтовской распечатке. Он присел на диван, держа перечень на коленях, и принялся листать его —

сначала на букву «Б», потом на «К». В конце концов он перевел дух и опустил перечень на колени.

Нет, конечно, это была глупость. Случайное совпадение. Ни Бокль, ни Кетле в бомонтовской распечатке не упоминались. Ничего удивительного — в те дни Америка и Европа были как отдельные миры. Бокль, правда, много путешествовал с матерью, но только по Европе и Ближнему Востоку. Не было никаких намеков на то, что он мог быть как-то связан с Обществом Бэббиджа, и даже на то, что Общество могло что-то знать о нем. Или о Кетле. Нет, просто мысль о возможности создать «науку об обществе» в середине девятнадцатого века висела в воздухе. Неудивительно, что на эту тему размышляли несколько ученых.

И все-таки ему по-прежнему было не по себе.

XI

Так бывает, когда падаешь с обрыва. Как только решение было принято, все остальное произошло быстро и неотвратимо. Ассоциация всегда действовала только так — энергично, скрытно, избегая ненужных осложнений. Прилетевший хирург предложил несколько вариантов на выбор, Сара высказала свои пожелания, и вот она уже лежала с головой, сплошь замотанной бинтами, и размышляла, правильно ли сделала.

Следующие несколько недель она провела в постели на самом нижнем этаже подземного убежища. Время от времени к ней в лазарет наведывались Умник, Текс и даже Джейн Хэч. Она говорила им, что все прекрасно и что она ждет не дождется, когда можно будет снять повязки. Но она ни разу не спросила, где остальные и почему больше никто к ней не заходит.

После ожидания, которое, казалось, тянулось целую вечность, бинты сняли.

И тут работа началась всерьез.

Сара изо всех сил старалась не глядеться в зеркало. С тех пор, как сняли повязки, это превратилось у нее почти в привычку. Проходя по коридору мимо окон или каких-нибудь других гладких поверхностей, где можно было увидеть свое отражение, она отворачивалась, а умываясь по утрам, избегала поднимать глаза. Не то чтобы ее обезобразили или изуродовали, — отнюдь нет. Просто женщина, которую она видела в зеркале, была ей совершенно незнакома.

Когда сняли бинты, она долго разглядывала свое новое лицо, поворачивая зеркало то так, то этак и пытаясь увидеть его под всеми возможными углами. Кожа стала темнее, чем была, лоб сделался выше, нос чуть шире. Ей даже как-то ухитрились изменить форму рта — теперь она улыбалась шире, чем раньше. В общем и целом, не такое уж плохое лицо, мужчины еще будут на нее оглядываться. Но как ни старалась Сара, она не могла увидеть в нем никакого сходства со своей матерью.

Сара закрыла брошюрку, облокотилась на стол и устало провела рукой по лицу. День выдался долгий. Слишком долгий. Она еще раз взглянула на брошюрку — несколько страниц в желтой обложке, скрепленной тремя колечками. «ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ГЛОРИИ БЕННЕТ».

«Теперь это я, — подумала она. — Глория Беннет». Она повторила про себя это имя, словно пробуя его на вкус. Глория Беннет.

На мгновение она ощутила сожаление о том, что сделала, но тут же подавила его. В конце концов, она знала, на что идет. Позади остались многие часы мучительных раздумий в горном уединении. Она сама приняла это решение, черт возьми, и что толку теперь размышлять о том, чему уже не бывать? Об этом постоянно твердила ей левая половина мозга. Она действительно приняла самое верное, единственно верное решение. Что бы она теперь ни чувствовала, пути назад нет. Но хотя доводы, твердо усвоенные этой левой половиной, были логичны и неопровержимы, в правой половине время от времени мелькало грустное воспоминание о себе, какой она была раньше, и проносилась мысль: как было бы хорошо, если бы ничего этого не случилось...

«Ладно, что теперь поделаешь? Были бы у бабушки усы, так была бы она дедушкой».

По крайней мере, в Глорию Беннет она превращалась только тогда, когда покидала Убежище. На этом она настояла с самого начала, перед тем, как дать согласие. Среди членов Ассоциации, с Редом и всеми остальными, она все еще могла оставаться Сарой Бомонт. Тут был последний островок ее прежней жизни, за который еще можно было цепляться. Может быть, этот решающий довод, хоть и не высказанный вслух, и побудил ее вступить в Ассоциацию. Она понимала, что теперь единственный способ оставить себе хотя бы маленький кусочек прошлого, — жить, как прежде, здесь, среди членов тайной организации, которую она презирала.

Сара снова взяла брошюру и взглянула на обложку. Что и говорить, прятать концы в воду Ассоциация умеет прекрасно, этого она отрицать не могла. Созданная для нее легенда не имела ни единого слабого места. Глория Беннет действительно существовала, есть люди, которые ее знали. Однако возражать против того, чтобы Сара пользовалась ее именем, Глория не станет: пять лет назад маленький самолет, на котором она летела, разбился в Скалистых горах, в Британской Колумбии, и земные заботы для нее закончились.

Катастрофа оказалась очень кстати — если не для пассажиров «сессны», то, по крайней мере, для Ассоциации. По случайному стечению обстоятельств ей удалось подменить своими людьми всех троих находившихся на борту, чтобы держать эти маски про запас для собственных нужд. Катастрофа случилась в глуши, дежурный авиадиспетчер оказался членом Ассоциации и ухитрился уничтожить в официальных документах все ее следы. Трое других членов Ассоциации, на время заменив погибших, «завершили» злополучный полет, потом уволились с работы и сменили место жительства, переехав в самые отдаленные места, где им вряд ли могли когда-нибудь повстречаться прежние знакомые.

Было что-то жестокое в этом внезапном, никак не объясненном разрыве всех связей, и семейных, и дружеских. Близкие люди, неожиданно оказавшиеся брошенными, недоумевали, в чем дело. В десятках любящих сердец осталась пустота, которую они даже не могли хотя бы отчасти заполнить, оплакивая погибших. Гораздо гуманнее сообщить человеку, что он овдовел, чем заставлять его думать, что его бросили без всяких объяснений. Однако к бесцеремонности и бессердечности, которыми отличались действия Ассоциации, Сара уже привыкла, хотя их и не одобряла. Что значат судьбы каких-то нескольких человек для тех, кто привык иметь дело с абстракциями метаистории?

Сначала Сара беспокоилась, что может случайно столкнуться с кем-нибудь из старых знакомых Глории. Однако Текс Боудин, заглянувший к ней в лазарет, сказал, что волноваться нечего. Те, кто знал подлинную Глорию настолько хорошо, что их можно было опасаться, уже много лет не имели о ней никаких известий, а пластическая операция сделала Сару настолько похожей на Глорию, насколько это вообще возможно. То один, то другой из членов Ассоциации время от времени уже действовали под маской Глории, но они не заводили никаких близких друзей, а для

малознакомых выглядели почти одинаковыми. В брошюре содержались все подробности этих контактов.

С одной стороны, это была хорошая новость: она означала, что случайное разоблачение маловероятно. Однако, с другой стороны, Саре стало немного грустно. Если бы Глория была живым человеком, а не призраком, она оказалась бы невероятно одинокой женщиной, не имеющей ни друзей, ни родных. Конечно, это диктовалось необходимостью: в окружении близких родственников и друзей детства тайна была бы очень скоро раскрыта. Но маска, которой наделили Сару, слишком напоминала ей о той жизни, которую сама она вела прежде. Надев эту маску, она как будто накинула хорошо знакомое, привычное платье. Удобное и хорошо сидящее, оно тем не менее казалось ей скучным и выцветшим. Ей даже пришло в голову, не прожила ли она сама свою прежнюю жизнь под такой же искусственной маской. Под маской, которая скрывала ее от всех. Под маской, которая скрывала ее даже от самой себя...

Еще одна хорошая новость состояла в том, что Глория была богата. Сара сначала не поверила, когда ей это сказали, но потом сама пошарила по базам данных и убедилась в этом собственными глазами. В качестве «Глории» она располагала немалыми деньгами, запрятанными в разных укромных местах, — их ей вполне хватило бы, чтобы прожить всю жизнь без всяких забот. Ассоциация могла себе это позволить: она скопила себе такие богатства, что подобная щедрость ничего для нее не значила.

Сара припомнила, что Морган писал в своих заметках: «Они купили «Ксерокс» еще до того, как это слово стало нарицательным». На протяжении сотни лет Ассоциация, точно зная, куда подует ветер, заранее поворачивала паруса, чтобы его поймать. Правда, прогнозы оправдывались не всегда. Далеко не всегда. Часто ветер менялся из-за случайных или никому не известных причин. Например, в свое время Ассоциация вложила немалые деньги в паровые автомобили. Тем не менее даже незначительное преимущество перед всеми остальными помогло за прошедшее столетие скопить огромное состояние.

На мгновение у Сары мелькнула мысль — а что происходит там, в мире, лежащем за стенами Убежища? С тех пор, как она переехала сюда, ей остро не хватало информации. Она, как Алиса в кроличьей норе, жила в нереальном мире, полном странных событий, и каждый день, проведенный здесь, все больше отдалял ее от той жизни, какую она знала.

Возможно, Ассоциация позаботилась об этом намеренно. Промывание мозгов — чтобы потом, вновь появившись на свет из этой подземной утробы, она почти в буквальном смысле слова оказалась рожденной заново, уже в качестве Глории Беннет.

Она встала из-за стола и принялась ходить по библиотеке, потягиваясь и разминая мышцы. Они совсем затекли — она провела за работой почти целый день. Прогуливаясь вдоль полок, она поглядывала на корешки книг, время от времени доставала какую-нибудь из них и начинала листать. Ей давно уже надоело изо дня в день изучать жизнь Глории Беннет. Надоело спать в наушниках — просыпаясь после этого, она не чувствовала себя отдохнувшей.

В библиотеке был прекрасный выбор книг по антропологии, системному анализу, статистике, психологии, экономике, топологии — по всем наукам, которыми должен в совершенстве владеть хороший инженер-культуролог. Большая часть книг, как убедилась Сара, была написана и отпечатана частным образом членами Ассоциации для членов Ассоциации. Она знала также — как-то ей пришло в голову об этом спросить, — что на самом деле библиотека гораздо обширнее: почти все «книги» хранились в виде гипертекста. Это была техника будущего — как в двадцать первом веке», говорил Текс. И все-таки запах старой бумаги и типографской краски, тяжесть переплетенного в сафьян тома в руке создавали странное ощущение уюта. С тех пор, как первый египтянин впервые обмакнул стило в ягодный сок и провел черту на папирусе, в душе человека прибавилась какая-то новая струна. Без этих выстроившихся рядами книг библиотека не была бы библиотекой.

А это что такое — неужели научная фантастика?

Она остановилась у полки с несколькими десятками книг и брошюр и провела пальцем по корешкам. Действительно, научная фантастика — так было написано и на табличке. Романы, повести, рассказы, скопированные из разных изданий и переплетенные вопреки всем законам об авторском праве.

«Зачем понадобилось Ассоциации хранить это скромное собрание фантастики?» — подумала Сара. Кое-что из этих книг она когда-то читала, некоторые были ей неизвестны, и она наскоро перелистала их. Потом усмехнулась про себя. Ну, еще бы! Во всех них речь идет о попытках управлять ходом истории. Психоистория, сублиминальное внушение, Великое Искусство, формула Кирстена... Только клиологией назвать это, очевидно, никто не догадался.

Сара решила, что фантастикой нужно будет как-нибудь заняться, и не спеша продолжала прогуливаться вдоль полок. Библиотексарь, толстяк с бритой головой и прядью волос на макушке, как у монгола, время от времени поднимал голову от своих каталогов и поглядывал на нее без особого интереса. «Любопытно, в какой роли он выступает там, снаружи?» — подумала Сара. Ассоциация всегда старалась пристроить своих людей в самые важные узлы информационных сетей. Правда, библиотексарь был похож больше на рокера, чем на властелина умов. Что ж, всякий человек на что-нибудь да пригодится.

На верхней полке самого дальнего стеллажа у стены она обнаружила несколько тощих книжек, у которых на корешках даже не хватило места для названия. Она вытащила одну и прочитала на обложке: «ЗАКОНЫ И УСТАВ АССОЦИАЦИИ УТОПИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ».

Шрифт был примитивный, буквы прыгали — Саре вспомнились старинные механические пишущие машинки с литерами на конце длинных, замысловато изогнутых рычагов. На титульном листе выцветшими бурыми чернилами было написано: «Брейди Куинн».

«Привет, Брейди! — подумала она. — Давненько не виделись!» Теперь Куинн был для нее чем-то вроде старого друга. Она перелистала наугад несколько страниц. «Наверное, придется мне как-нибудь заучить это наизусть».

Статья 24. Те из членов Ассоциации, кто пользуется клиологическими данными и экстраполяциями в собственных интересах, обязаны регулярно уведомлять братьев и Совет о своих действиях.

В примечании к этой статье говорилось, что ею отменяется статья 4. Кроме того, там была еще довольно длинная «Декларация о намерениях» и две поправки, согласно одной из которых, датированной 1887 годом, слово «братьев» заменялось словами «братьев и сестер».

Сара подумала, что всякая организация, наверное, должна иметь свои законы и свой устав. Одно странно — зачем людям, которые собираются править миром, тратить время на такие банальности?

«Вспомните девятнадцатую статью». Кто-то сказал это на том заседании, которое она подслушала. Когда это было? Месяц назад? Она не могла вспомнить, кто говорил, но у нее остался в памяти дружный смех, которым были встречены эти слова. И объектами веселья были она и Ред.

Ей стало любопытно, и она снова открыла книжку на первой странице.

Книжка начиналась со статьи 21.

«Где же статья 19? И кому может прийти в голову начинать устав со статьи 21? Ответ: Никому».

— Прошу прощения, — обратилась она к библиотекарю. Тот покосился на нее, вопросительно подняв бровь.

— Где я могу найти девятнадцатую статью?

— Девятнадцатую? — Он полгадил свой двойной подбородок и почесал в затылке. — Погодите, это не вы приятельница Реда Мелоуна? Того самого, которого только что отравили на переделку?

«Отравили на переделку»? Что ж, можно назвать это и так».

— Да, это я.

Человек усмехнулся, как будто вспомнил что-то смешное.

— Тогда девятнадцатая статья вас и вправду касается.

— Вы мне скажете, как ее найти, или нет?

— Не сердитесь. Она в томе первом.

Он сделал неопределенное движение рукой в сторону стеллажа за ее спиной.

«Ну, естественно». Сара почувствовала, что у нее горят уши. Там, рядом с этой книжницей, стояло еще несколько таких же тощих. Она начала вынимать их одну за другой в поисках первого тома. «ПИСЬМА ДЖЕДЕДАЙ КРОУФОРДА, ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ». «ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПРОЕКТИРОВАНИЮ И ПРОИЗВОДСТВУ АНАЛИТИЧЕСКИХ МАШИН БЭББИДЖА». «КОНСТИТУЦИЯ И УСТАВ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА БЭББИДЖА».

Ну да, конечно. Положив начало своей отколовшейся группе, Куинн, наверное, оставил в силе большую часть первоначальных правил. А во второй том вошли только новые.

Она раскрыла книжицу и принялась ее листать. Эта книжка явно намного старше, текст в ней был написан от руки изящным почерком с завитушками, похожим на готический. В те времена каллиграфия еще почиталась искусством, и «отменный почерк» свидетельствовал о принадлежности к хорошему обществу. Чернила были совсем бурые, хрупкая бумага потрескалась по краям, и пахло от нее столетней пылью. На титульном листе стояли подписи Дж. Кроуфорда, А. Шелтона и Ф. Хэммондтона. Основатели. Интересно, что это были за люди?

Она перелистала несколько страниц и нашла статью 4 — ту, что была отменена статьей 24.

Статья 4. Бескорыстие и общее благо должны быть главным побуждением каждого из Братьев.

Статья запрещала членам Общества пользоваться результатами своих исследований в целях личной наживы. Сара вспомнила, как Ред говорил, что эта статья была первой и главной ошибкой Общества. Что она противоречит природе человека.

(«Но корыстолюбие — тоже не главное в природе человека», — пыталась она возразить. «Нет, — ответил он с усмешкой, которая всегда так ее раздражала. — Главное — это личная заинтересованность».)

Она подумала о том, почему Ред ни разу не зашел к ней, пока она поправлялась. Она ждала его прихода, ждала каждый день, но он так и не появился. Может быть, он там, снаружи, на какой-нибудь операции? Она вообще не видела его с того дня, как вернулась с гор и сказала ему, что собирается вступить в Ассоциацию. На следующий день она легла в лазарет, не успев передумать, и с тех пор больше его не видела. Не означало ли это, что, как только она приняла решение, его задача была выполнена? Может быть, то, что происходит с ней, — всего лишь часть задуманной операции?

Она тряхнула головой и решительно углубилась в книжку.

Все трое Основателей были искренни в своем альтруизме. Однако вновь вступающие члены Общества уже не разделяли его в полной мере, а до тех, кого вербовали они, он доходил в еще более разбавленном виде. К 70-м годам XIX века Общество состояло по преимуществу из людей, для которых их собственные личные интересы были по меньшей мере так же важны, как интересы Основателей. И статье 4 пришел конец.

Так где же статья 19? Если Куинн начал со статьи 21, то она должна быть где-то в самом конце книжки. Сара осторожно перевернула еще несколько ломких страниц. Да, вот она.

Статья 19. Дабы обеспечить нашим Братьям законные права на долю в имеющем наступить всеобщем благосостоянии, необходимо, чтобы каждый из Братьев вступил в брак и произвел на свет детей, за чье благополучие и содержание Общество принимает на себя всю полноту ответственности.

Сара захлопнула книжку. Услышав позади себя какой-то непонятный звук, она обернулась и увидела, что библиотекарь старается скрыть улыбку. Щеки ее загорелись, но она с каменным лицом пристально смотрела на него, пока он, смущенно кашлянув, не углубился в свои каталоги.

Она снова раскрыла книжку и перечитала статью 19. «Вот сукин сын! Неудивительно, что эти подонки чуть не лопнули со смеху. Я и Ред? Что за чепуха! Это же нелепость!»

Она осторожно закрыла книжку и поставила ее на место, потом вернулась к столу, собрала вещи и вышла. Библиотекарь проводил ее взглядом, все еще ухмыляясь, но стараясь, чтобы это было не слишком заметно.

— Желаю счастья, — сказал он ей вслед.

Она не ответила. Ей очень хотелось изо всех сил хлопнуть дверью, но дверь была устроена так, что открывалась в любую сторону, и из этого мог получиться только порыв ветра.

Она зашагала по коридору. Все они, до единого, заражены мужским шовинизмом. Даже Джейни Хэч и остальные женщины, которых она видела на том заседании. Наверное, на Реда нажимают, чтобы он выполнил статью 19. Одна из поправок к ней предусматривала определенный срок, и для него этот срок, наверное, близится к концу. Но это не дает им никакого права говорить о ней так, словно она какая-нибудь яловая телка! А о Ред — как о быке-производителе!

Черт бы их всех взял!

Выйдя из библиотеки, она свернула не в ту сторону и теперь оказалась в незнакомой ей части подземного убежища. Стены здесь были покрашены в мягкий розовый цвет с крупными зелеными абстрактно-геометрическими узорами. Кое-где стояли цветы, — искусственные, правда, но благодаря им коридор казался просторнее. По обе стороны шли двери — одни комнаты пустовали, в других сидели люди, занятые чем-то непонятным. Дальше по коридору располагалась столовая, где три человека сидели за столом и пили кофе.

Обычная контора, точь-в-точь такая же, как в тысячах деловых корпораций по всей стране, только подземная. Ну и что, ведь управление миром — тоже разновидность большого бизнеса, ведь так?

Сара решила пройти еще немного дальше. Рано или поздно где-нибудь попадется лифт, и она сможет вернуться на свой этаж. А пока ей хотелось посмотреть, что тут еще есть.

Коридор упирался в другой, шедший под прямым углом. Она наугад свернула налево и оказалась в комнате для игр с шахматными столиками и досками для го. Кое-где партии были не закончены, а над одним шахматным столиком висела табличка: «Ход черных, кто хочет, может играть». Сара заглянула на обратную сторону таблички и обнаружила, что там предлагалось делать ход белыми. Присмотревшись, она

увидела, что черные разыгрывают классическую защиту Филидора, и позиция у них оставляет желать лучшего. Что ж, тем интереснее. Она протянула руку и сделала ход, потом перевернула табличку обратной стороной. За соседним столиком две женщины были погружены в какой-то сложный гамбит. Одна из них улыбалась, другая сидела нахмурившись. Они увидели Сару, и та, что улыбалась, рассеянно помахала ей рукой. Ее противница что-то недовольно проворчала.

Сара вышла в коридор и двинулась дальше. Она знала, что Убежище вовсе не так велико, как представляется. Но в нем было столько этажей, коридоров и переходов, что изнутри оно казалось громадным. Так и было задумано с самого начала. В этом Убежище и в четырех других, разбросанных по стране, должна была проходить вся деятельность Ассоциации. Работы хватало — даже тайные общества должны где-то хранить бумаги и заниматься перепиской, — но выполняться все это должно в строгом секрете. Сара знала, что кое-что делается в безымянных конторах, расположенных в административных небоскребах каждого большого города, — нередко на закрытых этажах, попасть на которые можно только на специальном лифте, куда посторонних не пускали. Вот почему во многих таких зданиях нет этажей под тринадцатым номером. Однако самая секретная работа шла в тайных Убежищах. Людям приходилось жить там месяцами, и нужно было создать для них ощущение простора.

Впереди, на очередном пересечении коридоров, она увидела лифт и поспешила к нему. Из одного коридора доносилась какая-то музыка — слабый, высокий звук кларнета. Она остановилась и вслушалась. Это была та самая вещь, которую она слышала месяц назад во время занятия, — соло из «Хай Сосайети». Кто бы ни был этот таинственный музыкант, он наконец научился справляться с синкопами и теперь играл бегло и ритмично.

Она определила, что звуки несутся из комнаты, которая находится метрах в десяти дальше по коридору. Дверь была приоткрыта, она заглянула и увидела, что в маленькой комнатке, почти спиной к двери, сидит на металлическом складном стуле человек в джинсах и майке темно-красного цвета с какой-то надписью на спине. Человек был темноволосый, с длинным носом и короткими пальцами, крепко сложенный. А лицо его...

Его лицо! Она шагнула в комнату.

— Никогда не сиди спиной к двери, — сказала она. — Как раз так прикончили Хикока.

Человек вздрогнул и обернулся. Она посмотрела прямо ему в глаза и неуверенно спросила:

— Ред? Ты же Ред Мелоун, да?

— Я мог бы, конечно, сказать, что я теперь Джимми Кальдеро, только какой смысл?

— Ты же Ред! Что ты с собой сделал?

— Уж ты-то могла бы сразу догадаться. Эй, присядь-ка, а то упадешь!

Она опустилась на такой же складной стул. В комнате стояло множество складных стульев и пюпитров для нот. Она почувствовала спиной холод металла. Ред, чуть склонив голову набок, всмотрелся в ее лицо, как будто прочел в нем что-то, отвернулся и принялся перебирать клапаны кларнета.

А Сара не могла оторвать взгляда от его лица. Оно чем-то отличалось от того, какое она помнила. Немного изменилась форма носа, другими стали очертания подбородка и ушных раковин. Но она видела, что это все тот же Ред, — его глаза смотрели на нее, как смотрят заключенные из-за тюремной решетки.

— Ред, зачем ты это сделал?

Вопрос был глупый, она это понимала, но у нее появилось такое чувство, словно она лишилась старого друга. Всегда так получается: только узнаешь человека поближе и тут же его теряешь. Или он умирает, или исчезает куда-то, или превращается в кого-нибудь совсем другого.

— Зачем? А как ты думаешь, зачем? Затем же, зачем и ты. И еще человек двадцать из Ассоциации. Или, по-твоему, тебе одной понадобилось изменить внешность?

— Ты ничего об этом не говорил.

— У тебя хватало собственных забот.

Сара сообразила, что об этой стороне дела в самом деле почти не задумывалась. Поглощенная своими переживаниями, она совсем забыла, что и с другими может происходить то же самое.

— Это разные вещи, — сказала она. — Для тебя это дело привычное.

Ред потер рукой нос и подбородок.

— Ну, только не это. Все лицо болит не меньше, чем у тебя. Конечно, имя и биографию мне изменять приходилось. А кому не приходилось? Но собственную физиономию мне до сих пор удавалось сохранить. — Он повернулся в профиль. — Как ты думаешь, я стал красивее? Мне-то всегда казалось, что тут улучшать нечего.

— Ред, прости меня. Это я виновата.

Ред пожал плечами.

— А, брось. Надо — значит, надо. Я только рад, что у нас система оказалась лучше защищена, чем у них. Почти вся твоя распечатка шла из файлов Общества. Со стороны Кеннисона это непростительная халатность. Если бы он работал у меня, я бы его уволил. Ты даже и близко не подошла к моей собственной... — Он внезапно умолк. — Ну, ты знаешь, о чем я говорю.

Сара поняла, что речь идет о тайной базе данных, которую создал Ред со своей группой заговорщиков. Он уже говорил ей, что, когда работал ее вирус, эта база данных была отключена от системы. Случайность, но она их спасла. Сара подумала, что сделал бы Кэм Бетанкур, если бы увидел среди распечаток тайные файлы Реда. Как поступает Ассоциация с изменниками?

— Ну и что ты делаешь сейчас?

— До нас дошло, что мое прежнее начальство...

— ЦРУ?

— Да нет, — недовольно ответил он. — Не пытайся делать вид, будто ты все на свете знаешь. На самом деле я работал в ОРУ. В Оборонном разведывательном управлении. Не под именем Реда Мелоуна, конечно. Меня звали... Впрочем, сейчас это уже неважно.

Он снова провел рукой по лицу.

— Так получилось, что в пресловутой «бомонтовской распечатке» кому-то в Управлении попала на глаза моя «крыша». От одного из тех, кто там еще работает, до нас дошло, что Управление начало расследование. Они взялись за мою «крышу» и раскололи ее. — Он опустил глаза и снова принялся перебирать клапаны кларнета. — Знала бы ты, как трудно было вообще проникнуть к этим сукиным детям под липовым именем. — Он пожал плечами. — В общем, с этим теперь покончено. Мое лицо было им известно, вот и пришлось его изменить. А отпечатки пальцев поменять нельзя — во всяком случае, настолько, чтобы эти черти не догадались. И вот я тут. — Он сыграл короткую гамму. — В отпуске.

— Значит, не все думают, что распечатка была розыгрышем?

— Нет, не все. Кое-кто там считает своим долгом рассматривать всерьез любую версию. Может быть, там таких даже слишком много.

— Ты как будто не слишком огорчен.

— Огорчен? Нет. Я получаю пособие по безработице. И не забудь, я богат. Нет, пойми меня правильно, работать в

Управлении было интересно. И важно. Нам нужен доступ во все эти закрытые базы данных, и мне нравилось то, чем я там занимался. А то, что я угодил бы в военную тюрьму Ливенуорт, если бы попался, только добавляло остроты. — Он приложил мундштук к губам и смочил его слюной. — Я там пристрастился к картам, этого мне будет не хватать. И все-таки... — Он пожал плечами. — То, что я с этим покончил, тоже хорошо. Можно будет попробовать что-нибудь новенькое. Может быть, снова пойти в корректировщики.

Он сыграл до-мажорную гамму.

— Или обзавестись семьей? — спросила Сара.

Кларнет издал пронзительное верхнее *фа*. Ред опустил инструмент и принялся разглядывать мундштук.

— Значит, ты про это знаешь.

Это был не вопрос, а констатация факта.

— Статья девятнадцатая, — сказала она.

— Ну да, — проворчал он.

— И как ты собираешься... ну, ее исполнить?

— Я же тебе говорил — я строптив и непокорен. Не люблю чувствовать себя связанным.

Он покосился на потолок.

— Интересно было бы знать, нет ли у меня где-нибудь незаконных детишек. Может, это их удовлетворит.

Он посмотрел на нее.

— Между прочим, статья девятнадцатая относится и к тебе. Ты теперь одна из наших Сестер.

— Угу. Босоногая и вечно беременная. Всю жизнь только об этом и мечтала. Машина по производству детишек для Утопии.

— Да перестань, что за цинизм? — Он помолчал, потом начал совсем другим тоном: — Скажи мне вот что. Представь себе, что ты взялась организовать группу для конструирования будущего. Как бы ты добивалась, чтобы все действовали осторожно и ответственно?

— Ну, я вербовала бы только таких, у кого есть чувство ответственности перед обществом.

Ред покачал головой.

— Нет, не проходит. Как это измерить? Как твои вербовщики смогут таких людей отбирать? Как обеспечить, чтобы это передавалось из поколения в поколение? Нет, тут должен быть какой-то простой механизм — надежный и действующий автоматически. Что-нибудь такое, что само собой заставляет чувствовать ответственность.

— «У каждого Брата и у каждой Сестры должен быть

некто, кого они любят, чтобы он стал заложником будущего», — процитировала она.

Ред криво улыбнулся.

— Вот именно. Эта статья — не о том, чтобы рожать детей. Она о том, чтобы брать на себя ответственность и обеспечить неизменность цели. Для этого Куинн и Карсон и встроили в систему личную заинтересованность. Не альтруизм. На альтруиста нельзя положиться, он в любой момент продаст тебя в рабство, если того потребует высшая справедливость. Чувство ответственности будет работать само по себе только тогда, когда есть отрицательная обратная связь: Это то же самое, что обязать домовладельцев жить в тех самых домах, которые они сдают в наем, или директоров заводов — устраивать водозаборы ниже по течению, чем их же сточные трубы, или авиамехаников — летать на тех самых самолетах, которые они чинили. Понимаешь? Во всех таких случаях добиться выполнения правил очень легко, а это и будет означать, что домовладелец, или директор завода, или авиамеханик будет чувствовать свою ответственность. Не может быть прав помимо ответственности. А ключ ко всему — личная заинтересованность. Альтруизм — это как плотина, он не может действовать вечно. Рано или поздно река истории прорвет плотину, и это кончится катастрофой. А личная заинтересованность как будто плывет по течению, но в то же время направляет его, заставляет его производить работу. Основатели полагали, что самый лучший способ не допустить безответственного вмешательства в будущее — сделать так, чтобы те, кто будет в него вмешиваться, были заинтересованы в результатах. Тогда они будут тщательнее продумывать свои планы.

— В теории это очень хорошо, — сказала Сара. — Но я вижу тут два слабых места.

— Только два? — проворчал Ред.

— Как добиться того, чтобы члены Общества не ограничивались одной видимостью действий? Можно родить ребенка, заплатить за его содержание, но совершенно о нем не думать. Я знаю множество родителей, которые ни на что иное не способны. А если они о нем и будут думать, то для кого они будут строить лучшее будущее — для всех или только для собственных детей?

— Не спорю, система не идеальная. Идеала вообще не существует.

Его самоуверенность начала ее раздражать. Как будто говоришь с чужим человеком.

— Существует, — возразила она.

— Да? Например?

— Трио из «Мейпл-Лиф Рэг».

Он озадаченно взглянул на нее, потом засмеялся.

— Ну, ладно.

Кивнув на пианино, стоявшее у стены, он сказал:

— Попробуй, докажи.

— Что?..

— Или тебя заставить насильно? Давай, давай.

Он встал и потянул ее за руку.

Очевидно, Ред был согласен говорить о чем угодно, но только не о статье девятнадцатой применительно к собственной персоне. Сара позволила ему усадить себя за старенькое пианино. Сыграв на пробу несколько пассажей, она почувствовала, что пальцы у нее стали какими-то толстыми и неуклюжими.

— Я очень давно не играла, — возразила она. — В последнее время как-то не до того было.

Ред мотнул головой.

— Нужно, чтобы всегда было до того.

Она сыграла первую фразу, ошиблась и начала снова. Сначала она играла осторожно и неуверенно, но потом взяла нужный темп. Рэгтайм никогда не надо играть слишком быстро, говорил Джоппин*. Левой рукой она поддерживала четкий ритм в басах, а правой вела синкопированную мелодию. Классический рэг пишется по строгой схеме — *ля-ля-си-си-ля-до-до-ре*, но она не стала повторять первые две темы, чтобы поскорее добраться до трио. Струны легко звучали под ее пальцами, порхавшими по всей клавиатуре. В музыке Джоппина всегда слышится сладостная горечь и торжество, что-то грустное и то же время величественное — как будто это гимн по случаю некоей одержанной втайне победы. А «Мэйпл-Лиф» — вершина его музыки, не зря эту вещь называли «королем рэгтаймов». Каждая нота в ней звучит в точности так, как надо.

Кончив играть, она почувствовала, что настроение у нее почему-то улучшилось — давно уже ей не было так хорошо. Как будто тяжкий груз свалился с плеч. Пальцы ее сами собой начали наигрывать еще какой-то рэг — ей вспомнились мелодии, составлявшие музыкальное сопровождение ее детских лет.

* Джоппин, Скотт (1868—1917) — американский музыкант, один из первых джазовых исполнителей и композиторов, автор многих классических произведений, особенно в жанре рэгтайма.

— Хочешь, попробуем вместе? — спросила она Реда. Он покачал головой.

— Мне так не суметь.

— «Хай Сосайети» у тебя получалось неплохо. Я слышала из коридора. Соло, которое ты играл, — пробный камень для всех джазовых кларнетистов.

— Не в том дело, — ответил он. — Не в технике. Дело... в слухе, наверное. Я не могу играть со слуха, мне нужно видеть перед собой ноты. И выучить их. — К ее большому удивлению, он покраснел и смущенно отвел глаза. — Я играю ноты, а не музыку.

— Ты сказал это таким тоном, будто сознался в гомосексуализме.

— Поиграй еще, а? Знаешь, я люблю эти старинные мелодии.

Она сыграла «Панаму», потом «Оклахома Рэг». Этот рэг был написан белым — одним из тех немногих, кто по-настоящему понимал такую музыку. Сара чувствовала, что Ред не сводит с нее глаз. Такое сосредоточенное внимание как будто должно было ей мешать, но почему-то казалось вполне естественным. Она закрыла глаза и позволила музыке увлечь себя куда-то далеко-далеко. Пальцы сами находили нужные клавиши, нужно было только о них не думать. Это все равно что езда на велосипеде — раз уж научился, никогда не забудешь.

Но когда она снова открыла глаза и взглянула на него, то увидела, что он смотрит вовсе не на ее руки. Она потупилась и опустила глаза на клавиатуру.

— Я не в форме, — снова сказала она.

— Пожалуйста, не извиняйся. У тебя очень здорово получалось. Знаешь, тут есть небольшая джазовая группа. Я с ними несколько раз играл, когда приезжал сюда. Чикагский стиль и немного дикси. Может быть, тебе тоже с ними поиграть? По-моему, это было бы хорошо.

Она обернулась и посмотрела ему прямо в лицо. В новое, незнакомое лицо. На нем она уже ничего не могла прочитать. А раньше могла? Она внезапно поняла, что почти ничего не знает о том, что за человек Ред Мелоун.

— Я хочу сказать, хорошо для группы. У них нет постоянного пианиста.

Она покачала головой.

— Я не могу играть в группе. Я играю только для себя.

— А ты попробуй. В самом деле, попробуй. Когда играешь в группе, в этом что-то есть. — Он снова сел и смочил слюной мундштук. — Не могу описать что. Когда все играют в лад

и рождается гармония, появляется такое ощущение... Помню, как-то однажды, — давным-давно, еще в колледже — наш оркестр репетировал в перерыве между лекциями. Играли самую обычную вещь, ее всегда играют такие оркестры, — попури из Чайковского. И вот мы пиликаем кто во что горазд, и вдруг, совсем неожиданно, все сложилось как надо. Ноты, тембр, фразировка. Все-все в точности как надо. Чувство было такое, будто все мы превратились в один инструмент и кто-то на нем играет. У меня даже мурашки по спине побежали. Мы сыграли тему из «Славянского марша» — ту, где такие раскатистые басы, — а потом перешли на куйкстеп из «Увертюры 1812 года», и ни единого такта не смазали. Мистер Прайс, наш дирижер, махал палочкой, как сумасшедший. Как раз в это время студенты шли на занятия. Они остановились послушать и стояли целой толпой в коридоре. А когда мы закончили, все начали кричать и хлопать. — Он покачал головой. — Видно было, что это не просто вежливые аплодисменты, как бывает на концертах, а настоящая овация. Потому что они тоже это почувствовали.

Сара подумала, что Ред действительно рожден играть в ансамбле, а не соло. И в то же время ей еще не встречался человек с такой яркой индивидуальностью. Еще одно противоречие, вдобавок ко всем остальным.

— Ну что ж, — сказал Ред, — наверное, пора собираться.

И он совсем не склонен откровенничать. Как флэшер* в каком-нибудь переулке — на мгновение скинет одежду, тут же застегнется наглухо, и нет его.

— Да. Пианино закрыть?

— Что? Да нет, не стоит. Сюда постоянно кто-нибудь заходит отдохнуть и поразвлечься.

— Ну конечно. — Она встала и взяла свои книги. — Думаю, что найду дорогу к себе.

Она постояла в нерешительности, ожидая, не пойдет ли он ее проводить.

— Я загляну к тебе завтра, — сказал он, вертя в руках футляр от кларнета.

— А, ну конечно. Увидимся.

Выйдя из комнаты, она не сразу пошла к лифту, а осталась в коридоре за дверью, прислонившись к стене. Через некоторое время она услышала, что он снова заиграл. На этот раз не «Хай Сосайети», а первую часть моцартовского

* В 70-е гг. среди части американской студенческой молодежи был распространен флэшинг — развлечение, состоявшее в том, чтобы показаться публике в обнаженном виде и тут же убежать.

концерта для кларнета. Гортанные звуки нижнего регистра и яркие, хрустальные ноты верхнего лились одинаково свободно и непринужденно, изящно и четко. Она закрыла глаза и погрузилась в музыку. Моцарт — это тоже совершенство. Как и Джоппин.

Звякнул звонок, двери лифта раскрылись, и из него вышли два человека. Не дав им времени удивиться, увидев ее стоящей в коридоре у музыкальной комнаты, она проскочила в кабину, двери за ней закрылись, и наступила тишина.

XII

Кеннисон частенько засиживался на работе допоздна, когда все уже расходились по домам. Всегда оставалось множество мелких дел, которые никак не успеваешь сделать за день. Большинство служащих уходило домой в пять, кое-кто начинал собираться уже в полпятого. Что поделаешь — наемная рабочая сила... Кеннисон не мог понять, как можно работать, то и дело поглядывая на часы — не пора ли кончать. Если есть дело, нельзя уходить, пока его не сделал, вот и все. А эту новую породу служащих он никогда не понимал, и они, по его мнению, заслуживали только презрения.

Ему было не легче от сознания того, что часть вины лежит на Обществе. Конечно, такими технорабами легче манипулировать; зато им не хватает преданности делу, которую Кеннисон считал абсолютно необходимой. Впрочем, вся идея и состояла в том, чтобы вывести новую породу людей — ручных, домашних, с простыми запросами, реакцию которых на любые внешние раздражители всегда можно предвидеть.

Вот и оказалось, что люди этой породы уходят с работы ровно в пять часов, а то и раньше. Кеннисон скорчил гримасу. «Кто посеял ветер...» — подумал он с горечью. Те, кого приучили ворчать: «А это-то нам зачем знать?», чтобы добиться от них слепого подчинения, непременно станут негодовать, если попробовать задержать их на работе. «Интересно, нельзя ли придумать такой способ их приручить, чтобы при этом они не впадали в апатию? — подумал Кеннисон. — Любопытная тема для исследований — и теоретических, и прикладных».

Он потянулся за чашкой кофе и обнаружил, что она пуста. Ничего не поделаешь, теперь, когда Ночная Смена практически вся распушена в бессрочный отпуск, некому даже позаботиться о человеке после конца рабочего дня. Может быть, позвать Карин? Он устало поднялся из-за стола и

подошел к двери кабинета. В рабочем зале стоял полумрак, горело лишь несколько дежурных лампочек. Ярко освещен был только один отсек — там сидел приставленный к Кеннисону полицейский и читал журнал. Какой журнал, Кеннисон разглядеть не мог. Кажется, что-то из этих популярных изданий для умелых рук. «Как построить межпланетный корабль у себя в подвале».

Полицейский был совсем молодой — вообще говоря, в этом возрасте ему следовало бы иметь куда более ограниченные интересы. Музыка, женщины, автомобили, спорт — вот комплекс мемов, который Общество насаждало среди молодежи мужского пола. Вполне безопасный комплекс; музыка в нем создавала некое внешнее подобие свободы и служила предохранительным клапаном на случай недовольства. А технический журнал свидетельствовал об излишней любознательности, о стремлении понять, как что устроено. Впрочем, полное единообразие — вещь недостижимая. Всегда неизбежны отклонения и в ту, и в другую сторону. В прирученном обществе обязательно найдутся и прирученные техники-любители.

— Не хотите еще чашку кофе, Билл? — спросил он. Всегда полезно показывать массам, что у тебя есть с ними что-то общее. Проявляй щедрость в мелочах, и будешь вознагражден сторицей.

— Нет, спасибо, сэр, — ответил полицейский.

Кеннисон кивнул ему и подошел к кофейному автомату. Тот уже не работал, и пришлось налить растворимого. Отхлебнув кофе, Кеннисон взглянул на стенные часы. Наверное, полицейскому давно уже надоело сидеть тут без всякого толка. Можно ему посочувствовать. Таскаться повсюду за Кеннисоном — занятие совсем не увлекательное. Местные репортеры от него уже отстали — он не делал ничего такого, что интересно было бы снять или записать на пленку. Они сообщили своим слушателям, что все это была ложная тревога, и переключились на более важные события вроде пожаров и автомобильных аварий.

Гибель Бентона и Вейл и исчезновение Бенедикта Руиса возымели нужное действие. Местные власти повсюду с радостью предоставили богатым и влиятельным гражданам необходимую охрану. Неважно, что об этом их просило множество людей, не имевших никакого отношения к Обществу. Разъяренные толпы не слишком склонны разбираться в тонкостях, слухи ходили самые разнообразные, немало группировок решило воспользоваться ситуацией для достижения своих целей, и угрозы прозвучали в адрес

многих, что отвлекало внимание от Общества. Это тоже придумал Торино. Где лучше всего спрятать лист? В лесу. Умница этот Торино. Надо за ним как следует присматривать. Кеннисон решил, что теперь не будет спускать с него глаз, хоть он и человек Ульмана. Особенно потому, что он человек Ульмана.

А тем временем вот сидит одна из овец и стережет одного из волков. Эта мысль позабавила Кеннисона.

— Я уже закончила, мистер Кеннисон. Вы сами все запрете на ночь?

Не успев поднести чашку к губам, он обернулся. Это была Пруденс Бейкер, вице-президент компании «Кеннисон Демографикс» и старшая по Ночной Смене — невысокого роста, круглолицая, с гладкой прической на старинный манер, прихваченной пластиковой заколкой.

— Да, мисс Бейкер, можете идти. — Вполголоса он добавил: — Сегодня увидимся?

— Внизу, — шепнула она. — Через пятнадцать минут.

— Заблудившаяся девочка?

Она кивнула и посмотрела на него широко раскрытыми глазами, сделавшись похожей на кролика из детской книжки.

— Все материалы здесь, — сказала она громко, похлопав по портфелю, который держала в руках.

— Очень хорошо, мисс Бейкер, — сказал он обычным голосом. — Мы вернемся к этому вопросу в понедельник.

Кеннисон проводил ее до двери. Полицейский бросил на них взгляд, в котором чувствовался не только профессиональный, но и мужской интерес. Кеннисону это показалось забавным. Ведь Пруденс намного старше этого полицейского. Правда, одевается она не по годам и вполне могла бы сойти за студентку. Это в ней и было самое соблазнительное и возбуждало Кеннисона. Он часто рисовал в своем воображении разнообразные ситуации, в которых они могли бы с ней оказаться.

Некоторое время Кеннисон занимался перекладыванием бумаг на своем столе. Когда пятнадцать минут прошли, он высунулся из кабинета и сказал полицейскому, что ненадолго заглянет в туалетную комнату. Тот кивнул и снова углубился в журнал.

Туалетная комната для руководства компании «Кеннисон Демографикс» располагала самыми разнообразными удобствами. Но самым полезным из них была одна маленькая душевая кабинка. Кеннисон запер за собой дверь, вошел в нее, задвинул стеклянную перегородку и повернул в нужной

последовательности несколько рукояток. Раздался щелчок, зашипел сжатый воздух, и пол кабинки начал медленно опускаться. Кеннисон стоял, напевая что-то про себя.

Туалетная комната этажом ниже ничем не отличалась от той, в которой он был только что. Она принадлежала импортно-экспортной фирме «Джонсон и Ченг». Фирма была более или менее процветающая, торговала понемногу бамбуковой и ротанговой мебелью и аккуратно платила налоги.

В то же самое время это была штаб-квартира Ночной Смены.

Кеннисон на секунду задержался у зеркала, поправил галстук, прошелся расческой по волосам и стряхнул с рукава несколько пылинок.

В помещении фирмы было полутемно, только слабо горела одна настольная лампа. У стола стояла Пруденс, уже переодетая маленькой девочкой — в гольфах и зеленом джемпере. На изгибах ее тела играли тени.

Пруденс не была его постоянной привязанностью. У нее были какие-то странные представления о наслаждении, которые Кеннисон находил по большей части неинтересными, а иногда даже унижительными. Он не раз задумывался о том, сознательно ли Пруденс стремится унижить себя, если да, то почему и какое она может получать от этого удовольствие. Разделять ее утехы было нелегким бременем, но Кеннисон всегда считал своим долгом помогать ближнему обрести счастье.

Настолько, насколько простирались его возможности.

Ему вспомнились некоторые подробности их прошлых встреч, он слегка покраснел и решил про себя, что правила игры надо чуть-чуть изменить.

— О, мистер Кеннисон, — сказала она высоким, чуть визгливым голосом «маленькой девочки», увидев, как он выходит из туалетной комнаты. — Я заблудилась.

— Минутку, Пруденс, — остановил он ее. — Сегодня я хотел бы попробовать кое-что другое.

Он протянул руку к лампе и выключил ее. Комната погрузилась в красноватый полумрак — теперь ее освещали только огоньки над аварийными выходами. Пруденс превратилась в неясную тень рядом с ним. На лице у нее появилась капризная гримаса. Игра выходила из привычной колеи.

— Ты не просто заблудилась, — сказал он. — За тобой кто-то идет. — Он махнул рукой в глубину комнаты, которая была тесно уставлена шкафами и разделена перегородками

на кабинки-отсеки. — Там какой-то нехороший человек. Он за тобой гонится.

Она широко раскрытыми глазами оглядела комнату, радостно кивнула и убежала.

Кеннисон нетерпеливо ждал. Он был недоволен собой. Все равно ничего не выйдет. Раньше, с Карин, это был просто приятный каприз. Теперь он уже опустился до уровня Пруденс. В конце концов, это просто недостойно, черт возьми! Не узнали бы только Пэйдж и Вейл! Тут он вспомнил, что Вейл нет в живых, и у него немного отлегло от сердца. По крайней мере, Великая Гарпия уже никому не расскажет о его «подвигах».

Он повертел в руках стаканчик для карандашей, стоявший на столе, вытащил несколько карандашей, снова поставил их на место. Взял пресс-папье в форме полушария, закрутил его волчком. Взглянул на часы. Нельзя же ему до бесконечности сидеть в своей туалетной комнате. Где же Пруденс?

Он прислушался. В комнате стояла тишина, лишь из недр здания слышались какие-то едва различимые звуки и время от времени снаружи доносился шум уличного движения.

— Пруденс! — позвал он громким шепотом и подождал. Ответа не было.

— Пруденс! — позвал он снова. Что за время для шуток! И тут он услышал сдавленный крик и шум от падения на пол чего-то тяжелого.

Кеннисон застыл на месте, держа в руке пресс-папье. Что-то случилось. Здесь кто-то есть? Может быть, грабитель? Неужели из-за его невинного предложения она оказалась в опасности?

Он напряженно вглядывался в багровый полумрак. В какую сторону она побегала? В нерешительности он сделал несколько шагов. Если в темноте прячется грабитель, глупо бродить здесь вслепую. Он вспомнил о потайном лифте в туалетной комнате и оглянулся через плечо.

Звук бегущих шагов заставил его резко обернуться. Он услышал, как полетел на пол стул, потом послышалось сдавленное рыдание и треск рвущейся ткани. Кеннисон отшвырнул пресс-папье, схватил со стола нож для открывания конвертов и медленно, вслушиваясь в тишину, двинулся в ту сторону, откуда донеслось рыдание.

«Идиот! — подумал он. — Найди выключатель и зажги свет!»

Нет, тогда вся игра будет испорчена.

Если это еще игра.

А если нет, то сразу станет видно, где он и где Пруденс, а не только где грабитель.

Он обещал себе, что проверит только первый ряд кабинок, а тогда уж, если ее там не окажется, зажжет свет.

Неподалеку послышался шепот, но в какой стороне, он понять не мог. «Что если он... что-то с ней делает?» Он представил себе, как этот человек — грубый, плохо одетый, наверное, грязный и со зловонным дыханием, — ласкает его маленькую девочку, и ему стало не по себе. Она нуждается в его помощи, в защите. Будь на его месте какой-нибудь трус, он сбежал бы, спасая свою шкуру, но Кеннисон не такой. Он крепко стиснул в руке нож для открывания конвертов.

Подойдя к первой кабинке, он быстро и бесшумно шагнул внутрь, держа наготове нож, и обшарил кабинку взглядом. Там никого не было.

Он беззвучно двинулся дальше по проходу. Вторая и третья кабинки тоже были пусты.

А в четвертой...

Она сидела, скорчившись под столом. Блузка на ней была порвана, колени прижаты к груди. Увидев его, она негромко вскрикнула.

— О, мистер Кеннисон! — сказала она голосом «маленькой девочки». — Я совсем заблудилась, а тут был какой-то нехороший человек, он шел за мной, и он хотел...

Кеннисон сделал глубокий выдох, положил на стол нож и присел перед ней на корточки. Он протянул к ней руки, она бросилась ему в объятия и крепко прижалась к его груди. Он начал гладить ее по голове.

— Мистер Кеннисон, — сказала она, — смотрите, что он хотел сделать.

Она показала на свою порванную блузку. Не переставая гладить ее, Кеннисон посмотрел и согласился, что это был очень нехороший человек. Но теперь он уже ушел.

— Теперь все будет хорошо, — сказал он.

Немного спустя, сидя за столом в своем кабинете этажом выше, он подумал, что вообще-то Пруденс, конечно, сексуальная дегенератка. Он только намекнул ей, что за ней кто-то будет гнаться, а она вошла в роль и все разыграла всерьез. Он представил себе, как она бежит в темноте между столов и шкафов, опрокидывая стулья и со страхом оглядываясь на воображаемого преследователя. На некоторое время ей удалось заставить себя поверить, что все это взаправду.

Ну, Кеннисона она, конечно, не смогла одурачить ни на

секунду. Однако даже этой инсценировки оказалось достаточно — ему удалось дать ей нечто такое, на что он уже давно был не способен. Он остался очень доволен собой. Получилось даже лучше, чем с Карин. И Пруденс, конечно, была в восторге. Если бы только это могло... ну, продолжаться чуть дольше. Впрочем, он ведь знал, что опасность была вымышленной.

«А если бы она была не вымышленной?» — подумал он.

Кеннисон решил, что пора закрывать контору на ночь. Отперев ящик стола, он достал дискету и вставил ее в дискковод, рассеянно напевая что-то про себя. Полицейский взглянул на него вскользь и снова уткнулся в журнал.

На дискете была новая программа — детектор вируса, — доставленная только утром фирмой-разработчиком из Метачена, штат Нью-Джерси. Он сам сделал заказ через подставную компанию, о связи которой с «Кеннисон Демографикс» никто не догадывался. Кеннисон понимал, что от имени его фирмы делать это нельзя. Не так уж сложно вписать вирус в коммерческую программу, а вокруг полным-полно хакеров, которые спят и видят, как бы повторить подвиг Сары Бомонт и запустить таким способом свой вирус в систему.

За несколько лет до того компания «Ай-Би-Эм» чуть не потерпела крах из-за простой рождественской открытки. Как рассказывали Кеннисону, кто-то из программистов «Ай-Би-Эм» разослал по внутренней сети компании всем, кто числился в его личном списке для поздравлений, электронную открытку — программу, которая рисовала на экранах мониторов новогоднюю елочку. В нее была вмонтирована команда скопировать рисунок и переслать его всем, кто числится в личном списке адресата. Вирус распространился по всей системе, пожирая новые и новые объемы памяти, пока система не оказалась практически парализованной.

А история с фирмой «Арпа-Нет» в 88-м, когда один студент чуть не парализовал оборонные компьютеры, работавшие по системе «UNIX», из чистого любопытства? Ему просто захотелось попробовать, получится у него или нет. А тот английский студент — кажется, Сингх? — который расколол 250 секретных оборонных, коммерческих и научных систем во всем мире, потому что взял на себя миссию заботиться о повышении бдительности? Конечно, правительства постарались, чтобы им это с рук не сошло. Нет большего греха для неумытых, чем сунуть нос в официальные секреты. Впрочем, чиновники всегда заботились не столько о безопасности, сколько о том, чтобы не выглядеть дураками.

Все это делалось, насколько знал Кеннисон, без всякого

злого умысла, а то и вообще ненамеренно. А что может натворить злоумышленник? Израильское правительство как-то обнаружило в своих базах данных вирусную мину замедленного действия всего за несколько часов до того, как она должна была взорваться и стереть все, что в них было. Наткнулись на нее только благодаря одному изъязу: вирус имел команду постоянно вписывать себя в одни и те же программы, и из-за этого заметно увеличивался занятый ими объем памяти.

Детектор вирусов, который только что приобрел Кенни-сон, мог обнаружить куда менее значительные увеличения объема памяти. Он сравнивал размер каждой программы с тем, каким он был у нее раньше, и помечал ее, когда она оказывалась длиннее, чем была. Если в систему проник вирус и встроился в какую-то программу, она займет больше места, чем раньше. Простая, но эффективная контрмера — таким путем нельзя предотвратить проникновение в систему вируса, но можно его обнаружить. Кеннисон потратил весь вчерашний день на то, чтобы записать размеры всех программ, хранившихся в главной директории. Пришлось заниматься этим самому — такую работу нельзя поручать никому другому.

Поцелкав клавишами, он загрузил программу, откинулся на спинку операторского кресла и стал смотреть на экран.

(ИДЕТ ПРОВЕРКА СИСТЕМЫ. ЭТО МОЖЕТ ЗАНЯТЬ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ)

Да неужто? Кеннисон не любил, когда программа делает вид, будто ведет беседу. Это называется «дружественный интерфейс». Он засопел, борясь с желанием напечатать команду: «Пошевеливайся, черт тебя возьми!»

Прошло несколько минут. Время от времени экран мигал, и надпись появлялась снова. «Компьютеры отняли у нас ощущение времени, — подумал он. — Сколько раз я видел, как оператор нетерпеливо ерзает, глядя на экран, даже когда ждать приходится несколько секунд. Мы так привыкли к мгновенному, что просто быстрое нас уже не устраивает». Он знал — на то, чтобы проверить вручную всю базу данных системы и сравнить ее с главной директорией, ушло бы много человеко-дней, да еще не исключены ошибки операторов. Так что вполне можно подождать пятнадцать минут. Или даже полчаса.

Он отошел от компьютера, отнес свою чашку к кофейному автомату, сполоснул ее и оставил там — утром секретарша уберет. Засунув руки в карманы, он прошелся по комнате,

останавливаясь у столов и перебирая бумаги, оставшиеся на них после рабочего дня. Чего там только не было — даже Наполеон, отступая из Москвы, столько после себя не оставил. Кеннисон обнаружил одно личное письмо, которое было отправлено через служебную сеть, и забытую на столе секретную папку. Он подумал, что завтра надо будет издать строгий приказ о повышении бдительности.

Из кабинета донесся звуковой сигнал. Программа сработала? Он взглянул на часы. Двадцать минут. Теперь надо будет каждый день отводить на это по двадцать минут. Ничего не поделаешь, безопасность стоит того. Теперь они ежедневно заново перекопировали все файлы, и к тому же Селкирк разработал буферную систему, так что их базы данных никогда не подключались напрямую к общенациональной сети. Кеннисон еще раз выругал себя за то, что до сих пор уделял этому непростительно мало внимания. Можно сколько угодно слышать о неприятностях, которые случаются с чужими системами, и упустить из виду, что следующим на очереди можешь быть ты.

Он вернулся в кабинет, бросил беглый взгляд на экран и, не поверив собственным глазам, всмотрелся внимательнее. Программа все еще работала — значит, звуковой сигнал означал, что обнаружен вирус. В этот момент сигнал прозвучал еще раз, и на экране появилось название второго каталога.

Два вируса!

У Кеннисона мороз пробежал по коже. Он протянул руку к телефону и заметил, что пальцы у него дрожат. Судорожно удерживая руку, он сжал кулаки и медленно опустил ее в кресло.

(БИ-И-ИП!)

На дисплей выползло имя третьего каталога. Кеннисон почувствовал, что внутри у него что-то оборвалось. Его охватила паника. «Кто же это нам устроил? Сара Бомонт мертва. Или нет? Крейл еще ни разу меня не подводил. Но где он сейчас? Почему не явился доложить об исполнении? Впрочем, вирус мог ввести и кто-нибудь еще. ЦРУ или КГБ — противники посерьезнее газетчиков. А может быть, этот кто-нибудь — не один?»

Он схватил телефонную трубку и набрал номер.

— Алло?

— Алан? Это Дэн. Я у себя. Зайдите-ка ко мне немедленно. У нас неприятности.

— Неприятности? — отозвался встревоженный голос. — Что за неприятности?

- В системе полно вирусов. Нужна дезинфекция.
Голос немного помолчал, потом в трубке послышалось:
— Иду.

Кеннисон положил трубку и снова взглянул на дисплей. Может быть, дело не так уж плохо? Судя по названиям каталогов, все три вируса сидят в программах компании «Кеннисон Демографикс». Ни один из них не проник сквозь буфер в сеть Общества. Прекрасно. Кто бы там этим ни занимался, пусть сколько угодно копаются в демографических сводках и статистических данных.

А что если это мины замедленного действия? Трудно сказать. Кеннисон разбирался в компьютерах, но не настолько, чтобы доверять самому себе в таком деликатном деле. Если это мины замедленного действия, то они могут взорваться в тот самый момент, как он начнет их обезвреживать. Тогда он навсегда лишится всякого авторитета в Обществе. Стоит кому-то еще раз проникнуть в их базы данных, и ему останется только собрать вещи и исчезнуть, как это сделал Руис. Скорее бы пришел Селкирк!

Кеннисон загрузил одну из зараженных программ и просмотрел ее. Пусть его квалификации не хватает на то, чтобы заниматься хирургией, но, может быть, он сумеет хотя бы нащупать опухоль? Что-то обнаружить он в действительности не надеялся, а просто убивал время в ожидании Селкирка. «Черт возьми, надо было заняться этим, когда Селкирк был еще на работе!»

Зазвонил телефон. Кеннисон рассеянно взял трубку — наверное, это Селкирк.

— Кеннисон?

Это был не Селкирк. Голос был женский, высокий, и в нем звучала какая-то лукавая усмешка.

— Кто говорит?

— Неважно. Я вижу, вы нашли нашего «червя»?

— Кто говорит?! — Кеннисон изо всех сил ткнул кнопку записи на телефоне и отчаянно замахал рукой полицейскому, сидевшему в общем зале. Тот поднял голову, и Кеннисон выразительно показал ему пальцем на трубку. Полицейский понял, повернулся к своему телефону и принялся выяснять, с кем соединен Кеннисон. Все телефоны компании были оборудованы автоматическими определителями — понадобятся считанные секунды на то, чтобы установить, с какого номера звонят, и лишь немногим больше времени на то, чтобы узнать, где этот абонент находится.

— Поздравляю, — сказал голос в трубке. — Не думала, что вам это так быстро удастся. Вы, конечно, понимаете —

вирус запрограммирован на то, чтобы немедленно сообщить, как только его обнаружат.

— Неглупо придумано.

— Верно. А мы вообще не дураки. Вы, конечно, понимаете, что теперь вам крышка? Вам и всей вашей банде?

Кеннисон почувствовал, что на лбу у него выступил обильный пот, а сердце болезненно сжалось.

— О какой банде вы говорите?

— Ну, не надо, Кеннисон. Оставьте это для публики. Мы-то знаем.

— Кто вы? — К глазам Кеннисона подступили слезы, внутри у него все еще сильнее сжалось от страха. Он похолодел.

— Повторяетесь, Кеннисон. Вы меня уже два раза об этом спросили, и я не ответила. Почему вы решили, что я отвечу в третий раз?

— Тогда зачем вы это делаете?

— Только чтобы сообщить, что вам крышка. Мы решили, что вам будет интересно это узнать.

Страх, охвативший Кеннисона, внезапно сменился гневом. Он почувствовал, что уши у него налились кровью, ему стало жарко.

— Очень любезно с вашей стороны, — прорычал он.

— Да, мы очень любезны, правда? Ну, мне пора. Может быть, у нас с вами еще будет случай поболтать.

— Погодите!

Но в трубке раздался гудок.

Кеннисон швырнул трубку с такой силой, что в ней что-то задребезжало. Он поднял глаза на полицейского и увидел, что тот тоже бросил свою трубку.

— В чем дело?

— Мы не смогли засечь номер, — недовольно ответил полицейский.

— Что значит — не смогли засечь номер? Определитель работает автоматически. Я за это каждый месяц плачу телефонной компании немалые деньги.

— Нет, дело не в этом, сэр. Это старый фокус. Тот, кто вам звонил, подключился к кабелю — физически подключился, где-то там, под землей. Вскрыл кабель и подключил к нему портативный аппарат. Он может вызвать любой номер, а его не может вызвать никто. Система не считает его аппарат законным адресом, и мы не можем узнать его номер.

— Черт возьми! И обнаружить его никак нельзя?

— Ну, там была небольшая утечка тока, можно ее проследить. Мы знаем, что звонили откуда-то из района Тен-

дерлойн. Но это не поможет: он уже исчезнет к тому времени, как мы до него доберемся.

— Черт возьми!

— Он не угрожал вам смертью, сэр? Если так, то мы должны сообщить в полицию.

Кеннисон махнул рукой в сторону магнитофона.

— Нет, просто очередной псих. Обвинил меня в том, что я хочу править миром. Позвонил, чтобы сообщить, что запустил вирус в мою компьютерную систему.

— Вирус? Это серьезно?

— Не исключено. Я вызвал сюда своего помощника, чтобы он попробовал его обезвредить.

Не «его», а «их», — напомнил он себе. Вирусов было три. Женщина, которая ему звонила, говорила так, будто она член какой-то организации. Но какой? Ассоциации? Немыслимо: они сами в таком же положении. Хотя, может быть, Бетанкур просто спятил. Надо будет связаться с Мелоуном и выяснить, что там у них происходит.

Кеннисон тяжело вздохнул, подпер голову руками и снова уставился на экран. И тут он ощутил прилив мрачной решимости. Вы говорите, нам крышка? Ну, мы еще посмотрим. Он достал с полки печатную копию программы и принялся тщательно проверять каждую команду, сравнивая то, что находилось в системе, с тем, что там должно было быть.

Полчаса спустя, как раз в тот момент, когда вошел Селкирк, он обнаружил чужую команду.

«АВТОМАТИЧЕСКИ СКОПИРОВАТЬ В ФАЙЛ К».

Что еще за чертовщина?

Секретарша, которая обслуживала конференц-зал, сидела за столом в глубине приемной, как в джунглях, — со всех сторон ее окружало множество горшков с торчащими вверх и ниспадающими вниз растениями. Когда Джереми и Гвинн вошли, она сделала какую-то пометку в своем журнале.

— Вас уже ждут, доктор Ллуэлин, — сказала она, показав на дверь конференц-зала, где должна была собраться группа.

— Спасибо, Бренда. Сегодня будет еще один человек. Некий доктор Донг с математического факультета.

— Доктор Гамильтон и доктор Куик только что пришли, — сказала Бренда. — Доктор Вейн звонил и сказал, что на несколько минут опоздает.

— Я подожду здесь и представлю Джима, когда он придет, — сказал Джереми.

Ллуэлин улыбнулась, вынула изо рта трубку и ткнула в него чубуком, словно дулом пистолета.

— Когда вы на прошлой неделе сказали им, что Джим занялся математическим анализом бомонтовской распечатки, все изрядно всполошились. Половина группы до смерти перепугалась, что они будут иметь дурацкий вид, когда он начнет сыпать формулами и говорить непонятные слова. А другая половина вообще недовольна, что в дело впутался математик.

Джереми пожал плечами.

— Он и сам не слишком рвался на это заседание. На прошлой неделе он мне сказал, что лично его результаты вполне удовлетворяют, а согласится группа с ними или нет, его не волнует.

Ллуэлин усмехнулась.

— Он не очень высокого о нас мнения, да?

— Он говорит, что философы препираются между собой уже больше четырех тысячелетий, но до сих пор не дали ответа ни на один действительно серьезный вопрос.

— Хм-м. Если так, то он не знает, что такое философия. Дело ведь не в ответах, а в вопросах.

Джереми тоже усмехнулся. И Джим, и Гвиннет ему нравились, хотя трудно было отыскать двух настолько разных людей. Чуть ли не весь прошлый месяц он потратил на попытки объяснить каждому из них, что представляет собой другой.

— Я думаю, для Джима существует только то, что можно измерить и описать формулами. А вопрос, на который не может быть ответа, для него вообще не имеет смысла.

— В таком случае он лишает себя половины удовольствия, какое можно получить от жизни.

— Возможно. Однако я, как бухгалтер, с ним отчасти согласен. О том, чего нельзя пощупать, нельзя сказать ничего определенного. Ревизия может показать, выполнялись ли должным образом обычные бухгалтерские процедуры, но ни один ревизор не угадает, что при этом думал тот, кого он ревизует.

Ллуэлин хлопнула его по плечу.

— На вашем месте я не слишком полагалась бы и на данные ревизий. Как сказал бы Херкимер, самое неуловимое на свете — это факты. — Оба рассмеялись. — Приведите доктора Донга сразу, как он придет, ладно, Джереми? Пора начинать представление.

Она вошла в конференц-зал, прикрыв за собой высокую, массивную дверь. Секретарша на мгновение подняла на нее

глаза и снова уткнулась в модный журнал. Джереми вздохнул, уселся на диван и раскрыл принесенную с собой книгу про Кетле. Он знал, что толстые стены и глухие двери конференц-зала почти не пропускают звуков и можно будет немного поработать спокойно, без всяких помех.

Вскоре появился Джим Тран Донг и остановился в дверях, озираясь вокруг. Он был одет, как всегда, — другим его Джереми ни разу не видел: в рубашке с закатанными рукавами и расстегнутым воротничком. Джереми не был уверен, есть ли у него вообще хоть какой-нибудь пиджак. Джим всегда выглядел так, словно его только что оторвали от работы. Очень может быть, что обычно так и случалось.

Джереми закрыл книгу и помахал ему рукой. Донг кивнул и подошел к дивану. Опустившись на подушки, он положил на колени портфель, откинулся на спинку, закрыл глаза и вздохнул.

— Вас ждут, — сказал Джереми, защелкнув замок своего портфеля. — Заседание уже началось.

— Пусть подождут, — ответил Донг, не открывая глаз. — Пусть поболтают там о всякой ерунде в полное свое удовольствие. Разрушить все их карточные домики я могу и немного погоды.

Джереми взглянул на портфель, лежавший у Донга на коленях, и заметил, что математик машинально поглаживает рукой его гладкую кожаную поверхность, как будто массируя ее легкими круговыми движениями пальцев. Похоже, он немного волновался. Джереми дотронулся до портфеля.

— Говорите прямо, Джим. Это то, что мы думали?

Донг приподнял веки и взглянул на Джереми. Глаза у него были как два черных уголька, как тоннели, ведущие в бездонную пропасть.

— Вы все равно не разберетесь в расчетах, — сказал он.

— А зачем мне разбираться? Скажите мне просто, что в конце концов получается.

— Получается смерть, — сказал Донг и снова закрыл глаза.

В его словах прозвучало такое отчаяние, что Джереми вздрогнул. Он потряс Донга за плечо.

— Что вы хотите этим сказать?

Донг уставился на руку Джереми и отвел глаза только после того, как тот ее убрал.

— По-моему, это вполне понятно. А что вам еще надо — чтобы я сказал, кто победит на следующих президентских выборах? Или когда будет построен первый город на Луне? Или когда случится очередной крах на бирже?

— Вы хотите сказать, что математические модели, найденные в бомонтовской распечатке...

— Что они верны? — Донг вертел в руках ручку портфеля. — Да. Да, они верны. Нет, не те обрывки, что были в распечатке. Там было не все. Система, в которой они работают, отключилась от сети прежде, чем бомонтовский «червь» кончил их загружать. Но восстановить то, чего там не хватало, было не так уж сложно. Путем дедукции. Или по аналогии. Некоторые уравнения похожи на те модели, которыми мы пользуемся в математической биологии. Возбуждение нерва внешним раздражителем, распространение эпидемий и так далее. Все это детские задачки. Кухонная арифметика. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Трудность была в том, чтобы определить, какие параметры реального мира стоят за всеми переменными.

— Ну, и что они...

Донг поднял свой портфель и положил его на колени Джереми.

— Почитайте сам. Там все есть.

Джереми почувствовал, что краснеет.

— Не стройте из себя гения, — сказал он тихо.

Донг покачал головой и ударил себя кулаком по ладони.

— Вы правы. Извините. Просто... — Он снова покачал головой. — Мне казалось, что я объективен. Беспристрастен. Как и подобает истинному ученому. Мне приятно было сознавать, что могут быть созданы такие изящные и эффективные модели. — Он печально улыбнулся. — Но когда я в них разобрался, когда окончательно понял их смысл, я... Я разозлился и испугался. И растерялся. Я начал проверять их, подставляя данные из прошлого. Я попытался предсказать прошлое. Точнее — «послесказать». И представьте себе, всякий раз ответ сходился. Модели, конечно, дают упрощенную, неполную, не совсем точную картину, но с учетом всех ограничений получают ответы, которые совпадают с историческими фактами, со статистическими и экономическими данными. А там, где они не совпадают, — не исключено, что дело не в ошибках модели, а в липовых данных.

— Значит, у вас все получилось? И то, что сделали эти люди из Общества Бэббиджа, в самом деле настоящая наука?

Джереми снова подумал о Бокле, Кетле, Бэббидже. Они мечтали превратить историю в точную науку. На протяжении целого столетия никто не знал, что это им удалось. Забытое открытие, не оцененное никем, кроме маленькой горстки людей. Хранимая как зеница ока тайна крохотной кучки избранных. Тайна, ради сохранения которой они не

останавливались перед убийством. И вот теперь мы знаем эту тайну. Он почуствовал, как у него по спине побежали мурашки. Не от страха и не от радости — наверное, это было скорее предчувствие. Интуитивное предчувствие, что вот-вот произойдет нечто важное. Как дрожь, которая охватывает скаковую лошадь перед тем, как прозвучит стартовый колокол. Мы знаем их тайну. Но знают ли они, что мы ее знаем? Сейчас Джим доложит свои результаты, и путь к отступлению будет отрезан.

— У вас не слишком счастливый вид, — заметил он вслух. Еще бы! Ведь Джим только что сказал, что из его расчетов следует смерть. — Во всяком случае, теперь мы знаем правду.

Донг, не поднимая глаз на Джереми, снова взял в руки портфель.

— «Ты познаешь истину, и истина сделает тебя свободным», — процитировал он и сердито кашлянул. — Сделает ли? Или навеки превратит тебя в раба?

Джереми нахмурился и пристально посмотрел на сидевшего с мрачным видом маленького математика.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что жизнь — сплошное жульничество. — Донг развел руки, охватив этим жестом и свой портфель, и конференц-зал, и весь мир. — Я хочу сказать, что, какие бы планы мы ни строили, на что бы ни надеялись, все равно случится то, что должно случиться. Я хочу сказать, что мы всего лишь вслепую бредем по жизни, произнося слова из предписанной нам роли, пытаюсь что-то сделать. А ради чего?

Он стиснул кулаки и прижал их к портфелю.

— Ну, все не так уж плохо, — сказал Джереми. — Теперь мы знаем, что они делают, и можем принять меры. Можем уничтожить это их Общество...

Донг откинул голову назад и разразился хриплым смехом, в котором звучало не веселье, а одно только отчаяние.

— Вы так ничего и не поняли? — сказал он. — Дело не в Обществе Бэббиджа. Они такие же рабы, как и мы. Дело в самих формулах. Неужели вы не понимаете? Даже если бы никакого Общества Бэббиджа никогда не существовало, все равно мы были бы такими же рабами, как и сейчас. Как и всегда.

Так вот оно что! Нет, не Общество Бэббиджа беспокоило Джима Донга, а неотвратимость Судьбы. Древнегреческий Рок. Скандинавские Норны. Сознание того, что твоя собственная жизнь — всего лишь жалкая нить, навечно вплетен-

ная в невидимую ткань, которая соткана кем-то, кто неизмеримо выше тебя. Джереми поразило, как глубоко переживает это Джим. Ему самому предмет казался слишком абстрактным, чтобы вызывать такие сильные эмоции. Страх перед насилием, перед гибелью — это реально, настолько реально, что при мысли об этом Джереми чувствовал, как у него начинает сосать под ложечкой. Но страх перед бессмысленностью бытия?

— Черт возьми, Джим, нельзя допускать, чтобы это так на вас действовало.

Донг искоса посмотрел на него.

— Нельзя, говорите? А вы, значит, настолько умеете владеть собой, что можете этого не допустить? — Он поднялся с дивана, одернул рубашку и пригладил волосы. — Ну что, пошли, вправим им мозги? — Он взглянул на дверь и усмехнулся. — Только, скорее всего, до них это не дойдет. В математике они ничего не понимают, а не зная, каким путем достигнут результат, просто ему не поверят. — Он оглянулся через плечо, и Джереми увидел, что глаза его полны страдания. — Хорошо быть невеждой: можно сохранить чувство собственного достоинства. Не исключено, что наши предки, которые верили в рок, были мудрее нас.

— Хорошо сказано, доктор Донг. Только вам не кажется, что все это слишком отдает мелодрамой?

Джереми обернулся и увидел, что рядом, ссутулившись и сунув руки в карманы пиджака, стоит Херкимер Вейн с кривой улыбкой, придающей ему необыкновенное сходство со старым лысым гномом.

— А, Херкимер, — сказал Джереми. — Вы, по-моему, не знакомы. Это Джим Донг.

Вейн протянул руку.

— Наш консультант по части математики? Нет, мы не знакомы, но я догадался, кто он. — Он улыбнулся Джереми. — Методом дедукции — это, кажется, вполне научно?

— Вообще-то наука чаще имеет дело со строгими умозаключениями, чем с дедукцией, — заметил Донг. Вейн пристально взглянул на него, но ничего не сказал.

— Вы, кажется, слышали, что говорил мне Джим?

Вейн пожал плечами.

— Кос-что.

— Это не заставляет вас изменить свое мнение? Я имею в виду — об истории как точной науке?

— О, конечно же нет. Доктор Донг не сказал ничего такого, что заставило бы меня его изменить.

— Но ведь...

— Неужели вы не понимаете? Ну конечно нет. И наш достойный математик тоже не понимает. Дело в том, что прогностических моделей дальнего действия не может быть, даже для такой простой системы, как Солнечная, где приходится принимать во внимание всего несколько тел и одну-единственную силу — тяготение. Как же можно прогнозировать траектории развития социальных систем, где намного больше взаимодействующих тел и такое множество сил?

Джереми взглянул на Донга, который внимательно слушал историка, но тот молчал, и Джерсми ответил:

— Погодите, Херкимер. Может быть, я и не так уж хорошо разбираюсь в науке, но я знаю, что положение планет можно предсказать с большой точностью. Разве кто-то там не предсказал существование Нептуна, просто выведя его из формул тяготения?

— Это был или Адамс, или Леверье, смотря по тому, какой нации вы больше симпатизируете. Но разве вы не знаете, что оба они ошиблись?

— Как? Но ведь потом Нептун обнаружили, разве нет?

— Конечно, только не там, где они предсказывали. Адамс и Леверье вычислили для неизвестной планеты две разные орбиты. На это им понадобилось не то год, не то два. Тратить столько же времени на то, чтобы проверить их расчеты, никто просто не собирался! Леверье предсказал планету с массой в 32 раза больше массы Земли, расположенную на расстоянии от 35 до 38 астрономических единиц от Солнца и имеющую период обращения от 207 до 233 лет. А на самом деле масса Нептуна только в 17 раз больше массы Земли, расстояние от Солнца всего 30 астрономических единиц, а период обращения — каких-то 164 года. У Адамса ошибка была еще больше. А если бы Леверье занялся своими расчетами на сорок лет раньше или на сорок лет позже, он вообще не обнаружил бы Нептуна!

— Ваша осведомленность просто поразительна, — медленно произнес Донг.

— Для историка? Но имейте в виду, что я занимаюсь историей науки и философией науки. И к тому же очень люблю протыкать чрезмерно раздутые воздушные шарики. — Вейн весело посмотрел на них. — Нет, друзья мои, предсказательную силу уравнений Ньютона сильно преувеличивают. Пуанкаре прекрасно это видел.

— И тем не менее, — возразил Джереми, — эти уравнения оказались достаточно хороши, чтобы высадить человека на Луну. Корабль был нацелен в то место, где должна была

оказаться Луна, и они подошли в это место в одно и то же время.

— Да, но тут есть две заковыки. Первая — это проблема п тел.

— Проблема п тел?

— Попросите своего друга, пусть он вам объяснит.

Джереми повернулся к Донгу.

— О чем это он?

Донг помедлил, потом сказал:

— Уравнение Ньютона в принципе несложно, но оно имеет решение только в одном частном случае — для одного тела с ничтожно малой массой, которое обращается вокруг другого тела с большой массой. На долю Солнца приходится такая большая часть массы всей Солнечной системы, что практически можно считать планеты не имеющими массы.

— Не понимаю. Тогда в чем проблема?

— Проблема в том, — сказал Вейн, — что во Вселенной есть еще и другие тела. Верно, доктор Донг?

— Да, — ответил Донг после паузы. — Например, после того, как учтено влияние Солнца, астрономы прибавляют влияние Юпитера. Оно вносит пертурбации в идеальную Кеплерову орбиту в зависимости от взаимного положения обеих планет. Потом добавляют влияние Сатурна и так далее, пока не будет достигнуто приемлемое приближение.

— Но это еще не конец, — продолжал Вейн. — Гравитационное воздействие на Землю оказывают все тела, какие только есть во Вселенной. Влияние каждого из них может быть ничтожным, но они складываются. В результате орбиту планеты можно предсказать с более или менее приемлемой точностью не больше чем на несколько тысячелетий вперед.

— Лично для меня этого вполне достаточно, — заметил Джереми.

И Вейн и Донг усмехнулись.

— Да, срок прогноза связан с его точностью, — сказал Вейн. — Как правило, чем больше срок, на который дается прогноз, тем точность меньше. Когда предсказываешь орбиту планеты на несколько тысячелетий вперед, не страшно и ошибиться на пару часов. Но если речь идет о космическом корабле, который летит на Луну, то ошибка в несколько часов недопустима, тут нужна точность гораздо большая. А если нужно повысить точность вдесятеро, объем расчетов возрастает в тысячу раз! При этом очень быстро достигается точка, в которой даже при наличии самых быстродействующих вычислительных машин расчет просто опаздывает. К тому времени, как вы точно определите местоположение

космического корабля в пространстве, он окажется уже в другом месте.

Джереми почувствовал, что его охватывает раздражение.

— Если все так, как вы объясняете, Херкимер, то получается, что любой прогноз вообще бесполезен.

Вейн поднял палец.

— Именно это я и хочу сказать. Долгосрочные прогнозы невозможны. В любой системе. В этом и состоит Теория Хаоса. Когда бильярдист целится в шар, он может не принимать во внимание положение зрителей, стоящих вокруг бильярда, — их гравитационный потенциал ничтожен. Однако то, что я говорил о планетах, применимо и здесь. Ничтожные воздействия суммируются. Если игрок решит сделать удар с семикратным рикошетом, то гравитационное воздействие зрителей окажется существенным для определения окончательной траектории шара. Я прав, доктор Донг?

— Если уж бильярдист способен сделать удар с семикратным рикошетом, то ему ничего не стоит и рассчитать все в уме.

Вейн засмеялся, закинув голову назад.

— Это верно. А теперь представьте себе, сколько столкновений и рикошетов происходит в обществе, состоящем из миллионов людей! К тому же, в отличие от тяготения и скорости, мы даже не понимаем, какие здесь участвуют силы и как они действуют. Даже если бы существовали точные исторические законы, они не годились бы для прогнозирования. При таком количестве тел, участвующих во взаимодействии, решения становятся неопределенными слишком быстро.

Вейн взглянул на часы.

— Ну что ж, не пора ли нам туда?

Он повернулся и направился к двери конференц-зала.

Донг схватил Джереми за локоть.

— Я знаю то, что я видел, — упрямо прошептал он. — Я все просчитал. Уравнения сработали.

— Но они же приблизительны, — ответил Джереми. — Вы сами говорили. Точность получается недостаточная. Подставьте мне баскетбольное кольцо пошире, и даже я наверняка закину в него мяч. Вы должны на что-то решиться. Несколько минут назад вы были в панике, потому что думали, что уравнения верны. Теперь вы в панике, потому что думаете, что они могут быть неверны.

— А вы как думаете?

— Я? Я бухгалтер. Я думаю, что вы не настолько правы, как вам кажется. И Вейн тоже.

Донг отпустил его руку.

— Доктор Вейн!

Вейн, уже взявшийся за ручку двери, которая вела в конференц-зал, обернулся. Секретарша подняла голову от своего журнала.

— Да, доктор Донг? — сказал историк.

— Я могу сделать один прогноз на будущее.

— А именно?

— Могу предсказать, что через несколько минут я переполошу всю вашу группу.

Вейн пожал плечами.

— Слишком краткосрочный прогноз. И никудышная точность. Может быть, вы и правы.

И вдруг как будто кто-то ударил в огромный барабан под самым ухом у Джереми. Комната вздрогнула, в глазах у него все поплыло. Вьющиеся растения над столом Бренды резко качнулись в сторону, а горшки с цветами, стоявшие на столе, полетели на пол. На стенах потрескалась штукатурка, картины попадали с гвоздей. Массивные, толстые двери конференц-зала вспучились, треснули и слетели с петель, словно какой-то великан высадил их ногой изнутри.

Одна из створок двери обрушилась на Вейна сзади, как гигантская мухобойка. Это было все, что успел увидеть Джереми: комната внезапно встала дыбом, у него перед глазами оказался сначала потолок, потом входная дверь, а потом пол, который прыгнул вверх и ударил его в лицо.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВРАГ МОЕГО ВРАГА

Тогда

Бородатый человек опустился на колени у могилы, на траву, еще не просохшую после дождя. Брюки его сразу намокли, и в воздухе запахло влажной шерстью. Колени немедленно заныли от холода. Он поставил перед надгробным камнем вазу со свежими цветами, слегка вдавив ее в землю, чтобы не упала. Потом поднялся и перекрестился. Порыв ветра с шумом распахнул его незастегнутый макинтош. Человек поплотнее надвинул шляпу — по ее фасону видно было, что он с Запада.

Всякий, кто мог за ним наблюдать, — а он полагал, что кто-то за ним обязательно наблюдает, — подумал бы, что это друг покойного, похороненного в этой могиле, который по чистой случайности оказался на кладбище в этот день. Во всяком случае, что его появление здесь никак не связано с церемонией похорон, которая начиналась рядом, в какой-нибудь дюжине ярдов. Он надеялся, что именно так подумает тот, кто за ним наблюдает. Правда, когда церемония началась, бородатый человек с любопытством поглядел на похоронный кортеж, но это сделал бы на его месте всякий.

Вокруг открытой могилы стояла небольшая группа людей. Все они были в плащах на случай, если дождь начнется снова. Кое-где над ними уже выросли, как грибы, раскрытые зонтики. На пасмурном небе бледным пятном просвечивало солнце, тщетно пытавшееся рассеять тучи.

Рядом с могильной ямой был поставлен скромный дере-

вянный гроб. Два человека в рабочей одежде стояли рядом с грудой свежевыкопанной глинистой земли. Она была мокрая и тяжелая на вид — землекопам, наверное, пришлось нелегко. Опершись на лопаты, они равнодушно следили за происходящим.

Бородатый человек снова повернулся к надгробию, сложил руки на груди и склонил голову, как будто молясь за дорогого усопшего. Он действительно молился. Беззвучно шевеля губами и не пытаясь утереть слезы, катившиеся по щекам, он вслушивался в слова, которые произносил священник у соседней могилы.

— Из праха мы встали и в прах возвращаемся. Но что ждет нас по ту сторону могилы, братья мои и сестры? Нас ждет иная, лучшая жизнь. На всем своем земном пути мы копим добродетель, чтобы встретить этот день славы и праведного искупления. Айзек Шелтон был достойный человек. Если можно положиться на милосердие Божие, то мы можем смело сказать, что Айзеку уготовано место среди ангелов. Ибо все, кто его знал, подтвердят, что это был человек праведный и добродетельный, который все свои дни провел в страхе Божиим. Аминь.

— Аминь, — произнес Брейди Куинн, не поднимая глаз от могилы, которая служила оправданием его присутствия на кладбище. Рюбен Джадж говорил ему, что показаться на похоронах Айзека — безумие. Этого только и ждут Гровнор Вейл или его агенты. Они будут следить за кладбищем. Пойти переодетым? Борода, покрашенная в черный цвет, притворная хромота благодаря камешку в левом ботинке — жалкая попытка маскировки, раскрыть которую легче легкого. Стоило ли столько лет скрываться, чтобы разоблачить себя как раз тогда, когда они этого ждут?

Но годы разлуки лежали невыносимой тяжестью на плечах Брейди. Айзек Шелтон был его другом. Айзек Шелтон вырастил его, обучил, не оставлял советами, — он дал ему все, что мог дать. А кончилось тем, что Брейди покинул его и ушел не оглядываясь. Он порвал с ним все связи, разбил старику сердце, швырнул ему в лицо все труды его жизни. «Как я могу не пойти?» — сказал он Рэндаллу.

«Поздно, — говорили ему. — Что это может дать?»

Но они не поняли самого главного. Что это может дать? Да все! Может быть, не Айзеку — хотя и с этим можно спорить, если припомнить все, во что ты верил в детстве, — но уж во всяком случае Брейди Куинну.

Из ближайших друзей Брейди это понимал один только

Старый Билл. В прежние времена, еще до того, как вся Америка двинулась на Запад, Уильям Гаррисон Хэч вел одинокую жизнь горца. Он-то знал, что даже долгая разлука не может ослабить сердечных уз. «Иди», — сказал ему Билл Хэч и, хотя все остальные в недоумении посмотрели на него, не стал ничего объяснять.

Брейди поднял глаза к небу и увидел, что тучи собираются снова. Сейчас начнется дождь. Не настоящий честный ливень с бурей, какой бывает в горах Запада, а гнусная мелкая морось. Он ненавидел Бостон. Его отвратительный климат, его подленьких людей, его тесноту и скученность. Он всей душой хотел вернуться на Запад — туда, где важно не то, кем были твои родители, а то, кто есть ты сам.

А Айзек любил этот город и ни разу надолго отсюда не уезжал. Не мешает помнить, что у всякого свои вкусы и пристрастия. Одни выше всего ценят семью и традиции, другим дороже свобода и новые горизонты. Как-то Айзек сказал, что корни его глубоко сидят в каменистой почве Новой Англии. И только в ней может лежать тело Айзека Шелтона — иное представить себе просто невозможно.

Отрадно было вспомнить, что когда-то эти обжитые, ухоженные и даже респектабельные места тоже были диким пограничьем. И не так уж давно, между прочим. Не очень далекие предки Айзека вспахивали тощие склоны здешних холмов, держа одну руку на рукоятке плуга, а другую — на кремневом ружье. Впереди у них простирались полные опасностей, враждебные леса, а позади лежал холодный серый океан, в котором они навсегда утопили свое прошлое.

Ничего, Бостон еще переменится, напомнил себе Брейди. Все меняется. Из трущоб и пивных южной окраины уже прокладывают себе дорогу наверх толпы безродных ирландцев-иммигрантов, а в скором времени тот же самый океан начнут пересекать крестьяне из Европы, которые могучей волной обрушатся на головы незадачливых патрициев-янки. Новый Бостон будет совсем не таким, как Старый.

Брейди вдруг сообразил, что слишком задержался у этой могилы. Он еще раз перекрестился, круто повернулся и зашагал к выходу с кладбища, где у коновязи стояла, помахивая хвостом, его лошадь. Паршивая кляча, подумал Брейди. Городская лошадь, взятая напрокат. Он привык к коням получше.

«Прощай, Айзек. *Vaya con Dios**, как говорят у нас на Западе».

* Иди с Богом (исп.).

Странно — он ожидал, что будет переживать сильнее. Сейчас у него было только ноющее ощущение потери — как будто у него отняли ногу или руку. Значит, это и есть скорбь? Печаль, ощущение потери, и ничего больше? И сознание вины, которую теперь уже не загладить? Если так, то оплакивать покойных важнее для тех, кто их оплакивает, чем для самих покойных. И, может быть, это к лучшему — по крайней мере, они еще могут стать иными.

Айзек прожил долгую жизнь. Долгую и насыщенную. И успел сделать много хорошего. Пусть даже все дело его жизни... Каким же злом могут обернуться самые благие наши побуждения! Какие тесные шоры мы готовы надеть себе на глаза! Что ж, с этим Брейди уже покончил раз и навсегда. А теперь и Айзек тоже. Правда, Айзек продолжал свое дело, хотя и знал, что оно обречено. Он заложил свою душу за возможность построить лучшее будущее — и даже сейчас, много лет спустя, Брейди никак не мог решить, была все-таки жизнь Айзека трагедией или нет.

Да, пророчества Карсона сбылись, и глубокая тень легла на страну Основателей. Он припомнил, как предостерегал Айзека в ту дождливую ночь в Джорджтауне столько лет назад. Беспринципные люди, не разделяющие идеалов Основателей, придут к власти в Обществе. Высокие идеи, толкавшие Основателей на ужасные дела, поблекнут, и останутся только сами ужасные дела. На что он надеялся, говоря это Айзеку после того, как Рэндалл умолял его сохранить все в тайне? Что его учитель откажется от дела своей жизни? Нет. Теперь он видел, что надеяться на это было глупо. Разве капитан не должен оставаться на тонущем корабле и биться до последней возможности, чтобы его спасти? Биться до конца, даже если дело проиграно. Разве не становится великим тот, кто выступает против всесильного рока? У викингов были легенды об обреченных богам.

Знал ли Айзек, что представляет собой Гровнор Вейл, до того как окончательно впал в дряхлость? Знал ли, что Дело давно проиграно, что оно пало жертвой их собственных неумолимых формул? Куинн от всей души надеялся, что ум Айзека померк прежде, чем его постиг этот последний удар в сердце.

Погруженный в размышления, Брейди подошел к своей лошади, но внезапно у него на пути выросли два человека — массивные, наглые, в клетчатых куртках и котелках. Тот, что стоял слева, остановил его жестом руки размером чуть не в половину говяжьей туши.

— Ну-ка, стой, — сказал он. — С тобой хочет поговорить мистер Вейл.

Брейди окинул их взглядом.

— Вейл? Я такого не знаю, и никаких дел с ним у меня нет.

Он попробовал их обойти, но они преградили ему дорогу.

— Ты не понял, Куинн, — настойчиво сказал человек. — С тобой хочет поговорить мистер Вейл, а когда мистер Вейл чего-то хочет, значит, так тому и быть.

Брейди вздохнул и отступил на шаг назад.

— Ах, вот что?

Рэндалл предупреждал его, что этим кончится. Но он не мог не прийти — это был его долг перед Айзском. Теперь, похоже, проблема уже не в том, как попасть на похороны, а как с них уйти.

Длинный, почти до пят макинтош Брейди был расстегнут, и полы его свободно болтались.

— Ладно, даю вам последний шанс, — сказал он обоим громилам. — Пропустите меня.

Они обменялись насмешливыми взглядами.

— Даешь нам последний шанс? — переспросил тот, что стоял справа. — По-моему, ты не в таком положении, чтобы чего-нибудь давать.

Брейди сделал молниеносное движение обеими руками.

— Разве?

На каждого из громил глядело по кольцу. Это произошло так быстро, что полы макинтоша почти не шевельнулись. Громилы в растерянности озирались. Только что перед ними стояла жертва, теперь им в лицо глядела смерть. Им и в голову не приходило, что этот человек может быть вооружен.

Перебравшись на Запад, Брейди многому научился у Рэндалла и Билла. В том числе — тому, как мгновенно выхватить пистолет. И еще — тому, что всегда нужно оставить противнику путь для отступления, хотя слишком церемониться с ним тоже не следует. «Когда приходит время действовать, — говорили они ему, — действуй, и действуй быстро, не задумываясь. Тот, кто так ведет себя в стычке, всегда имеет перевес над тем, кто слишком много размышляет».

— Место тут довольно удобное, как вам кажется? — сказал он.

Громилы стояли неподвижно, держа руки вверх и не сводя глаз с пистолетов. По лицу того, что справа, стекали капли пота.

— Удобное? — хмуро переспросил второй.

— Ну, тут же кладбище. Потом не придется вас далеко тащить.

Он сделал движение пистолетами, и оба медленно попятись. Брейди боком прошел мимо них, сунул один пистолет в кобуру и начал левой рукой отвязывать лошадь.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал он, держа их под прицелом второго пистолета. — Вы думаете, я не успею выстрелить два раза подряд и уложить вас обоих. Все может быть — возможно, и не успею. Но уж одного-то обязательно уложу, так что лучше подумайте, кто из вас двоих это будет. Кто согласен умереть, чтобы другой попробовал со мной справиться?

Он сел на лошадь и посмотрел на них сверху вниз.

— Я уезжаю, — объявил он. — Передайте мистеру Вейлу, что он может обо мне не беспокоиться. Я вышел из игры. Пусть это его не волнует. А пока что мне будет спокойнее ехать, если вы оба ляжете на землю лицом вниз.

Первый громила нервно усмехнулся, опустил на колени прямо в грязь и улегся ничком. Второй посмотрел на него, потом на Брейди.

— Нет такого человека, чтобы заставил меня ползать в грязи.

Брейди пожал плечами.

— Или ложись в грязь лицом вниз, или будешь лежать лицом вверх, а грязью тебя засыплют другие. Можешь выбирать.

Немного подумав, второй громила тоже распростерся на земле.

— Ну погоди, ты мне за это заплатишь.

— Страна большая — не думаю, чтобы мы когда-нибудь еще встретились. Но мечтать никому не запрещено.

— У всякого должна быть цель в жизни, — сказал громила.

Брейди удивленно посмотрел на него и ухмыльнулся.

— Да, наверное. Тогда ты обязан мне вдвойне. Ведь я подарил тебе и цель жизни, и саму жизнь.

Он натянул поводья, тронул лошадь шпорами и двинулся в сторону большой дороги, держа пистолет наготове на случай, если громилы вздумают пуститься вдогонку. Но вряд ли они решатся. Самонадеянные юнцы, а он, Брейди, стреляный воробей. Он подумал, что скажет им Гровнор Вейл, когда они явятся к нему с докладом.

Повинуясь внезапному импульсу, он свернул с дороги и заставил лошадь перепрыгнуть через изгородь, отделявшую

ее от выгона. Вейл вполне мог поставить на пути от кладбища до станции еще несколько своих ребят. Насколько он слышал, Гровнор Вейл — человек аккуратный, дотошный и любит порядок. Вряд ли он ограничится одной этой попыткой взять Брейди Куинна. Тем более что Куинн сам так подставился.

Пустив лошадь в галоп через луг, он усмехнулся. Много лет он не испытывал такого чувства полноты жизни. Риск, на который он пошел, приехав сюда, как будто пробудил его от сна. Кровь в нем бурлила — он словно помолодел и, казалось, как прежде, готов на большие дела. В конце концов, не так уж важно, избежит он этой ловушки или нет. Важно, что он приехал.

Все дело, конечно, в письме, которое он оставил в конторе фирмы «Гормэн и Стаут». Теперь, задним числом, он понимал, что это была большая глупость, необдуманый и опрометчивый поступок. Письмо и навлекло на него гнев Гровнора Вейла. Но разве мог он знать, что так случится? А позволить себе бросить товарищей, никого не предупредив, было нельзя.

Похоже, он ищет себе оправданий. Мог ли он предвидеть, что письмо попадет в руки того самого Иуды, о котором говорили расчеты? Что рассудок Айзека будет уже затуманен и он письма так и не увидит? И что Дэвис Белло так опрометчиво разгласит, о чем в нем говорилось?

Вейл устроил свой переворот раньше, чем предсказывали расчеты. И оказался при этом куда решительнее, чем ожидали они с Рэндаллом. Когда Дэвис свалился с лестницы своего дома в Вашингтоне, они впервые начали понимать, насколько жесток и беспощаден Вейл. Начали догадываться, что Вейл приписал Ассоциации свои собственные страхи и намерения.

«Mea culpa»*, — подумал он. Нельзя разгласить содержание письма, если оно не написано.

Все мы дураки. Айзек, Дэвис, я. Даже старый Джедедая. Слепцы. Видим только то, что хотим видеть. Да и Вейл тоже. Как могли столь неразумные, склонные к заблуждениям люди счесть себя настолько мудрыми, чтобы управлять будущим? Иногда ему приходила в голову мысль, не был ли самым мудрым из Основателей Илай Кент.

Снова начал моросить мелкий дождь, когда впереди показалась ферма. Хозяин сидел на крыльце в плетеной качалке, на коленях у него лежала раскрытая Библия. День был воскресный.

* Моя вина (лат.).

— Простите, сэр, — сказал ему Брейди, остановив лошадь. — Как проехать в Провидение?

Брейди мог сколько угодно называть себя дураком, но он был не настолько глуп, чтобы ехать в Бостон, когда вокруг шныряют ищейки Вейла.

Фермер окинул пристальным взглядом Брейди, его взмыленную лошадь, кольт, который уже покоился в кобуре. Потерев рукой щетину на подбородке, он ответил:

— Знаешь, незнакомец, какой путь к Провиденцию самый верный? Вот, — и он указал на Библию.

Брейди Куинн рассмеялся.

Теперь

I

Рано утром Ред постучал к ней в дверь. Стук был негромкий и частый, Сара сразу поняла, что это он. Улыбнувшись про себя, она поставила чашку кофе на блюдце, поправила халат и подошла к двери своей подземной комнаты. Ей пришлось в голову, что она с радостью отдала бы все, что угодно, даже свое новое обличье, за такое жилье, где были бы окна и куда могло бы заглянуть утреннее солнце. Мистер Мяс шел за ней, путаясь в ногах.

Она открыла дверь и увидела, что Ред стоит, опираясь одной рукой о косяк. Новое, исправленное издание Реда Мелоуна. Отдаленно похожий на кого-то незнакомец с глазами друга.

— Привет! — сказал он.

— И тебе того же. Что это тебя принесло в такую рань?

Кот, выгнув спину и ошетилившись, ходил кругами у ног Реда и внимательно изучал его сапоги и джинсы. Он недолюбливал Реда — и в старом издании, и в новом. Считая Сару своей собственностью, он не допускал никаких соперников. Ред с улыбкой посмотрел на него.

— Не хочешь прогуляться и поесть пиццы? — спросил он. — Я собрался в пиццерию к Тони.

— Пиццу на завтрак?

— Нет, есть будем позже, но я еду сейчас.

— Ну что ж, пожалуй... Почему бы и нет?

— Хорошо, — сказал он и посмотрел на часы. — У тебя как раз есть время одеться и собрать вещи.

Она остановилась как вкопанная.

— Собрать вещи?

— Ну конечно, — ответил он с невинным видом. — Немного — чтобы пробыть до завтра.

— До завтра? Ред, где эта пиццерия Тони?

— В Саут-Плейнфилде, штат Нью-Джерси.

— Ты едешь за три тысячи километров поесть пиццы? Ред даже не улыбнулся.

— Пицца там уж очень хороша, — заверил он.

Они забросили свои сумки в кузов старого ободранного пикапчика и втиснулись в кабину рядом с Джейни Хэч. Та включила первую передачу, и машина, трясаясь и дергаясь, выползла на проселочную дорогу, которая вела к шоссе. Саре досталось место у дверцы. Она высунулась в окно и сквозь тучу пыли поглядела назад, на уплывавшие вдаль постройки ранчо. Прохладный горный ветерок шевелил ее волосы. Она снова повернулась вперед, но стекло поднимать не стала и положила локоть на край дверцы. Затылком она чувствовала холод металла — там, на задней стенке кабины, были закреплены ружья.

— Вы позаботитесь о Мяу, пока меня не будет?

— Незачем о котах заботиться, мисси, они сами о себе заботятся. Ладно, присмотрю.

— Спасибо.

Джейни ничего не ответила, да Сара и не ждала ответа. Джейни не тратила лишнего слова там, где можно просто пожать плечами, и не делала даже этого тогда, когда можно просто промолчать. До сих пор она оставалась для Сары загадкой. Замкнутая, ко всему безразличная, всегда сама по себе, она держалась как случайный свидетель. Она всегда была готова оказать услугу, но, насколько Сара могла предположить, отнюдь не из доброты. Наверное, ее суровая, стоическая внешность скрывала какие-то чувства, но какие, догадаться было невозможно. Даже прожив столько времени в подземном Убежище, Сара так и не могла понять, как Джейни к ней относится.

Сама Сара, покидая ранчо, испытывала смешанные чувства. С одной стороны, она была рада, что наконец оставляет Убежище. Она жила здесь, как в могиле или в тюрьме, как Рип ван Винкль* среди эльфов. Ей то и дело казалось, что за то время, пока она скрывалась в этой подземной стране фей, в настоящем мире должно было пройти лет пятьдесят.

С другой стороны, ей почему-то было грустно. Являясь в

* Рип ван Винкль — герой одного из рассказов американского писателя Вашингтона Ирвинга, заснувший в лесу и проснувшийся через 20 лет.

мир в обличье Глории Беннет, она оставляла позади всю свою прежнюю жизнь, и не в переносном, а в самом прямом смысле. Сара Бомонт отступала в полузабытое, отчасти мифическое прошлое, превращалась в выцветший, едва узнаваемый фотоснимок, хранящийся где-то в альбоме ее памяти. И от того, что виновата в этом она сама, легче не становилось.

Иногда Сара забывала обо всех драматических событиях, преступлениях и заговорах, в которые оказалась замешана, и жалела только об одном: что им с Деннисом так и не удастся построить Квартал Брейди Куинна. Со временем эта мечта увянет и поблекнет, но забыть о ней невозможно. Она останется лежать на чердаке ее памяти, обрастая пылью и паутиной, но время от времени будет попадаться на глаза и напоминать обо всем, чего Сара так и не успела сделать, а теперь уже никогда не сделает.

А с третьей стороны, если можно так сказать, ее одолевали предчувствия. Сара Бомонт — известная персона, за ней охотится множество людей: кто из мстительности, кто из тщеславия, кто просто из любопытства, — и вот она едет к ним. Все они поджидают ее там: и правительство, и Тайная Шестерка, о которой говорил Ред, и телерепортеры, и газетчики. Человеческое стадо, которое всегда привлекает слава. Подлипалы, преследующие знаменитостей. Как тот человек — как его звали? Кажется, Боб Форд? — который застрелил Джесси Джеймса только ради того, чтобы прославиться.

Она поделилась этими мыслями с Редом, но он сказал ей, что беспокоиться нечего: теперь она Глория Беннет, а за Глорией Беннет никто не охотится.

— И все-таки, — сказала она ему, пока Джейни пробивалась сквозь утренний поток машин, — я не чувствую себя в безопасности. Я теперь... какая-то прозрачная. Как будто каждый может видеть меня насквозь. Чернокожая женщина со следами пластической операции. А вдруг кто-то догадается, что я и есть Сара Бомонт?..

— Таких догадливых не бывает, — заметила Джейни.

— Я думаю, есть много причин, почему тебе надо было со мной сейчас поехать, — серьезно сказал Ред. — Следы операции вовсе не так заметны. Ты легко скроешь их под прической или под косметикой. А через четыре-пять месяцев швы совсем сгладятся. Вот со мной дело другое, — он провел рукой по подбородку. — У меня такой вид, будто я только что из драки. — Он дотронулся до сине-багрового шрама, оставшегося после операции. — Тебе лучше, на тебе синяки не видны.

— Я не говорила, что есть основания бояться. Но все-таки кто-нибудь может догадаться.

— И догадаются, если будешь болтать лишнее, Глория.

Сара резко повернулась к Джейни.

— Не называй меня Глорией! Пока не надо. Только там, снаружи.

Джейни Хэч ничего не ответила. Пожав плечами, она продолжала смотреть на дорогу перед собой.

Сара взглянула на Реда, но он только шевельнул бровью. Тогда Сара уселась вполоборота, чтобы видеть Джейни. Та не сводила пристального взгляда с идущих впереди машин, как будто целилась в них. Однажды Сара видела, как Джейни стреляет в цель. Из винтовки с телескопическим прицелом она с добрых пятисот метров укладывала в яблочко четыре пули из пяти. И тут же Сара вспомнила, как Джейни стояла с той же самой винтовкой и ничего не предпринимала — только наблюдала, как Орвил Крейл крадется за Сарой в развалинах замка на горе Фалкон.

— Джейни, а почему у вас здесь с собой три ружья?

— Охотиться.

— Я знаю, но почему три?

Джейни молча взглянула на нее, потом снова устремила взгляд вперед и сказала:

— Ну, верхнее для прерии. Большая скорость пули, отлогая траектория. В лесу редко стреляешь издалека, там нужна картечь покрупнее.

— Ах, вот что. — Похоже, Джейни Хэч вооружена не хуже, чем какая-нибудь малая страна. — Ну, а третье? Оно для чего?

Джейни снова бросила на нее холодный, бесстрастный взгляд.

— Для всякой нечисти.

В аэропорту их ждал частный реактивный самолет. Пилот стоял рядом, разговаривая о чем-то с аэродромными механиками и пытаясь перекрычать шум двигателей. Ред подвез их сумки на тележке к трапу, один из механиков погрузил их в носовой отсек. Пилот отдал честь Реду и обменялся с ним рукопожатием. Невдалеке по взлетной дорожке с ревом пронесся лайнер.

Сара повернулась к Джейни, чтобы попрощаться, но та положила ей руку на локоть.

— Держи ухо остро, мисси. Поняла?

Точно такое же предупреждение она слышала от Джейни в денверской библиотеке, когда Крейл рылся в ее заметках

про Брейди Куинна. Держи ухо остро, но на мою помощь не надейся. Сара сбросила ее руку.

— Я могу за себя постоять.

— Знаю. Я не про тебя.

— Тогда про кого... — Сара проследила за взглядом Джейни. — Про Реда? Не глупи. Он тоже может за себя постоять.

Джейни сердито посмотрела на Сару.

— Он тебе не рассказывал про Джексонвилл?

Сара покачала головой.

— Нет, он ничего про это не говорил.

Джейни передвинула языком табачную жвачку из-за одной щеки за другую и сплюнула на землю.

— Так вот, я тоже ничего не говорила, ясно? И не вздумай его спрашивать. Захочет рассказать — расскажет.

Джейни села в машину и захлопнула дверцу. Возмущенно заскрежетали шестерни передач, и пикап влился в поток автомобилей на шоссе. Ред махал Саре рукой — пора на посадку. Она пошла к самолету. Джексонвилл? Что же случилось с Редом в Джексонвилле, если это так беспокоит Джейни? И почему из этого следует, что она должна держать ухо остро?

Полет длился недолго. В Ньюарке их ждал лимузин с темными стеклами и шофером в ливрее. Она ехидно взглянула на Реда, и тот сказал:

— Что толку быть богатым, если нельзя хоть иногда этим пользоваться?

Шофер отвез их в обширное поместье в лесистой части штата, где прислуга обращалась к ним «мистер Джеймс» и «мисс Глория». Сара едва успела привести себя в порядок и переодеться, как Ред подогнал из гаража новенький автомобиль и повез ее куда-то по запутанным, извилистым, узким лесным проселкам. Сара подумала о том, сможет ли найти в случае чего обратную дорогу в таком лабиринте, и, поняв, что нет, выбросила эту мысль из головы.

Пиццерия Тони помещалась в небольшом старомодном торговом центре между пекарней и лавкой сувениров. Дальше шли магазин уцененных товаров и супермаркет. Автостоянка была заполнена только наполовину. Ред поставил машину, и они вышли.

Внезапно откуда-то сверху раздался пронзительный крик. Сара мгновенно вскинула голову и увидела, что на фонарный столб, трепеща крыльями, усаживается чайка.

Было еще довольно светло, и фонарь никак не мог решить, зажегся ему или нет. Сумерки понемногу сгущались. Эта поездка отняла у Сары два часа времени и душевный покой. Она ни минуты не верила, что Ред везет ее сюда только ради пиццы.

Они вошли внутрь, и ее окутал аромат свежеевыпеченного теста. За прилавком стояли два человека, которые, переговариваясь по-итальянски, посыпали готовые пиццы тертым сыром — сноровка, с которой они выполняли все операции, свидетельствовала о долгой практике. Сара глубоко вдохнула аппетитный запах лука, перца и острого томатного соуса.

Комната была узкая и длинная. У правой стены, за прилавком, стояли духовки, где запекалась пицца. Дальше шли разгороженные кабинки для посетителей. Одну из них занимала шумная компания молодежи.

— Он нас уже ждет, — спокойно сказал Ред.

— Ждет? Кто?

Ред кивнул в сторону самой дальней кабинки справа, где сидели рядом два человека. У того, что помоложе, бросалась в глаза окладистая борода соломенного цвета. Тот, что постарше, был хорошо одет, с худым лицом и сединой на висках.

— Кеннисон, — сказал Ред.

— Кеннисон? — Глаза ее сузились. — Ты хочешь сказать...

Ред сделал ей знак говорить тише. Понизив голос, она продолжала:

— Ред, если бы я устроила вечеринку и пригласила на нее весь мир, его бы в списке гостей все равно не было!

— Никогда не вредно поговорить даже с врагом. Пожалуй, особенно с врагом.

— Мне нечего ему сказать, Ред... то есть Джим. Он убил моего друга! Он пытался убить меня!

— Тогда, мне кажется, у тебя есть много чего ему сказать.

Ред осторожно взял ее под руку и повел по проходу к кабинке. Она неохотно подчинилась.

— Не нравится мне это, — сказала она.

— А необязательно, чтобы нравилось, — ответил он.

При виде их Кеннисон встал и протянул Реду руку через стол.

— Рад снова вас видеть, Джеймс. Берегите манжеты.

Он кивнул на пиццу, стоявшую посредине стола.

Ред сел напротив бородатого человека.

— Ну, не так уж давно мы не виделись.

Кеннисон улыбнулся.

— Да, пожалуй.

Он посмотрел на Сару.

— А это, должно быть...

— Глория Беннет, — сказал Ред.

— А, конечно. — Улыбка у него стала еще шире, он взял ее руку и слегка потянул вверх. Его прикосновение было неожиданно бережным. Сара подумала, что он хочет поцеловать ей руку, и отдернула ее, как будто обжегшись. Кеннисон не обиделся.

— Прекрасно понимаю ваши чувства, моя дорогая, — промурлыкал он. — На вашем месте я бы чувствовал то же самое.

Сара перевела взгляд с Кеннисона на Реда и поняла, что выхода нет. Она подобрала юбку и села за стол. Кеннисон дождался, пока она усядется, сел сам и аккуратно положил на колени салфетку.

Бородатый человек смотрел на нее с явным любопытством. Он уже отрезал себе ломоть пиццы и держал его в руках.

— Я слышал о вас, — сказал он и откусил кусок. — Вы неплохой программист.

— А для Алана это высочайшая похвала, — заметил Кеннисон и добавил, обращаясь к Реду: — Это Алан Селкирк, он недавно у меня работает. Алан, это мисс Глория Беннет и мистер Джеймс Кальдеро. — Селкирк небрежно помахал им рукой — он был поглощен тем, что пытался подхватить вывалившийся кусочек сыра. — Вам положить?

Ред взгляделся в пиццу.

— Какую вы заказывали? Со сладким перцем и анчоусами? Не люблю анчоусы.

Кеннисон пожал плечами.

— Их всегда можно вынуть и отложить в сторону.

Он отрезал себе ломоть, положил на картонную тарелочку, взял пластиковый нож и вилку и принялся есть.

«Чистюля, — подумала Сара. — Ну кто же ест пиццу ножом и вилкой?»

Кеннисон заметил ее взгляд, остановился, поднеся вилку ко рту, и улыбнулся ей через стол:

— Настоящий джентльмен никогда не ест руками.

Ред протянул ей тарелочку с куском пиццы.

— Вот, возьми. — Он взглянул на Кеннисона. — Ну как, начнем?

— Что вы, мой милый! — возразил Кеннисон, отрицательно помахав вилкой. — За обедом?

— А что, разве потом в кабинете нам подадут портвейн?

Кеннисон вздохнул и положил нож и вилку на стол.

— Хорошо. Насколько я понимаю, у вас есть для меня какая-то информация.

-- В обмен.

— Да, конечно. — Оставив церемонии, Кеннисон заговорил деловым тоном. Вид у него при этом был такой, словно он сосет лимон. — Я вижу, ваша дама мне как будто не слишком доверяет, поэтому мне, наверное, лучше первому выложить карты на стол.

Ред сделал рукой приглашающий жест.

— Вы дали мне слово. Товар в обмен на товар.

— Верно. А джентльмен свое слово всегда держит. Я не швыряюсь им на ветер. — Он промокнул губы салфеткой, быстро оглядел пиццерию и сложил руки на столе. — Хорошо. Вот моя информация: на нас ведут наступление.

Ред кивнул.

— Вы потеряли нескольких членов Совета. Бентона, Вейл, Руиса. Нам повезло больше — почти все наши остались неизвестны публике. Марк Лопес исчез, у Луизы Востин разгромили дом, мне пришлось бросить работу. Но наша система оказалась не такой уязвимой.

— Да, — грустно согласился Кеннисон. — Это моя вина. Я был неосторожен. Но я говорю не о случайных нападениях невежественной толпы. Здесь происходит нечто более опасное.

Понизив голос почти до шепота, он наскоро рассказал о появлении в его системе вирусов и о таинственном телефонном звонке.

Сара слушала, не испытывая ни малейшего сочувствия. Она не понимала, что ей до того, что Кеннисон стал жертвой преследования. Ведь это он приказал убить Моргана. И Пола Эббота. И еще одну пару — она забыла, как их звали. А тот человек в парке, которому прострелили голову? Кеннисон пытался убить и ее, и Денниса. Когда Сара писала ту свою программу-«червя», она не хотела ничьей смерти — она хотела только отдать своих врагов в руки правосудия. Да, в тот момент она забыла, что в руках у правосудия меч; но при всем том она не могла найти в себе ни капли сочувствия. Если Кеннисону кто-то угрожает, он это заслужил.

И все-таки сидеть за одним столом с этим человеком и смотреть ему в лицо — дело совсем другое. Черт возьми, у негодая должно быть на лице написано, что он негодай. Он не должен быть вежливым и благовоспитанным. Он не должен смотреть на тебя глазами, полными страха и растерянности.

Ред потер подбородок.

— Вы говорите, вирусы? И их было три?

— Три мы обнаружили.

Ред взглянул на Сару.

— Вы ничего такого не делали сверх программы, а, Глория?

Сара покачала головой. Пусть даже вся система Кеннисона кишмя кишит бактериями — ей на это наплевать. Но она здесь ни при чем. А что до того, кто это сделал... Что ж, в Библии написано: «Враг моего врага — мой друг».

— Я не слышал, чтобы наша система подверглась чему-нибудь в этом роде, — сказал Ред. — А я бы обязательно знал. Я присутствовал на нескольких последних заседаниях Совета, и никто ничего такого не говорил. А другим членам вашего Совета тоже были такие звонки?

Кеннисон сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Я не имел никаких контактов с братьями и сестрами. Разве вы не знаете, что мы друг с другом перестали общаться? За последний месяц я с ними дела не имел — репортеры и полиция могут следить за нами сколько угодно. Только так можно подорвать доверие к информации, которая содержалась в бомонтовской распечатке. Я думал позвонить сестре Пейдж, но... Тот, кто мне звонил, мог рассчитывать толкнуть меня как раз на это. И если бы об этом стало известно, весь наш план потерял бы всякий смысл. Я не намерен оказаться тем козлом, который ведет за собой быков на бойне. И я решил посоветоваться с вами — *in cogroga* и *in samega**.

— А то, что вы подвергаете нас опасности, вас не волнует?

Кеннисон улыбнулся и развел руками.

— Я прошу вас о помощи.

— Мне кажется, это ФБР, — внезапно сказал Селкирк. Все повернулись к нему. — Правительство, вероятно, обеспокоено тем, что прочло в распечатке. Я убежден, что они пытались проникнуть и в вашу систему, а не только в нашу.

— Возможно, Алан. Но ведь вирусов было три.

— ФБР, ЦРУ, КГБ. — Селкирк поднял три пальца. — Удивительно, что их не оказалось еще больше.

— Тогда зачем было звонить? Что за болтливость? Правительственная спецслужба не позволила бы себе такой ду-

* Со всеми сразу и тайно (*лат.*).

рацкой выходки. Она бы тихо выяснила все, что надо, и больше ничего.

— Звонили только для того, чтобы вас напугать, — сказал Ред.

— В таком случае должен их поздравить — это им удалось, — отозвался Кеннисон без улыбки.

— Вирусы — это утечки, — сказал Селкирк. — Это не бомбы вроде той, что написала «Глория». Они ни во что не вмешивались, они не проникли через барьер, который я построил в... хм... главную систему. Там есть физические преграды, преодолеть которые может только сам мистер Кеннисон. Все, что они сделали, — это скопировали несколько файлов и куда-то их переписали.

— В какой-то «файл К», — сказал Кеннисон. — Во всяком случае, один из вирусов имел такую команду. Про остальные мы пока не знаем.

— «К» — это «Куинн»? — спросил Ред.

Кеннисон пожал плечами.

— Должно быть.

— Неважно. Вот почему я думаю, что это было обычное прослушивание и занималось им правительство, — закончил Селкирк.

Кеннисон взглянул на него.

— А звонок, Алан? Что значит тогда этот звонок?

Селкирк нахмурился, опустил глаза, внимательно поглядел на свою пиццу и покачал головой.

— Не знаю.

В голосе его прозвучало беспокойство.

— Те, кто звонил, хотят вас уничтожить, — сказала Сара злобно. — Они проникли в вашу систему не для того, чтобы подтвердить свои подозрения или проверить то, что нашли в распечатке. Они все знают. Можете не сомневаться — все. И они хотят, чтобы вы знали, что они знают.

В глазах у Кеннисона появилось отчаяние.

— Но кто это был? Правительство? Торговая палата? Лига женщин-избирательниц? Знай мы, кто это, мы могли бы ответить ударом на удар. Как-то защититься.

Ред откинулся на спинку стула и постучал ногтем по зубам. Некоторое время он смотрел в пространство, потом повернулся к Саре.

— Я должен им сказать. Я дал слово.

«Хочет, чтобы я это одобрила?» — подумала Сара и ответила:

— Ну что ж, валяй.

Ред пристально посмотрел на Кеннисона.

— Хорошо. Есть еще одно общество. Третье.

Кеннисон озадаченно взглянул на него. Потом его глаза широко раскрылись.

— Третье...

— Да. Не дочернее общество, которое откололось от прежних, — и мы, и вы приняли меры, чтобы этого не произошло. Нет, оно совершенно независимо. И оно ничуть не моложе наших.

Селкирк подался вперед.

— Нет, этого не может быть! — сказал он, широко раскрыв глаза.

Кеннисон взглянул на него, сморщился, приложил указательный палец к носу и некоторое время сидел неподвижно. Потом достал из кармана ручку и начал что-то быстро писать на бумажной салфетке. Сара видела, как на бумаге выстраиваются дифференциальные уравнения в частных производных. Чернила расплывались на мягкой бумаге, и греческие буквы получались неразборчивыми. Она узнала уравнения конденсации, которые проходила у доктора Гевирца. Идеи, висающие в воздухе, конденсируются на подходящих частицах — в умах с сильно развитой поверхностью — и выпадают в осадок, проникая в культуру. Кеннисон углубился в решение своих уравнений, отсчитывая точки равновесия. Сара поняла, что недооценивала его способности.

Наконец Кеннисон окинул взглядом все написанное, закрутил колпачок на ручке и убрал ее в карман.

— Да, Алан. Боюсь, что это возможно.

Он протянул салфетку Селкирку, и молодой шотландец взял ее дрожащей рукой.

— Черт возьми их всех! — произнес Кеннисон, ни к кому не обращаясь. — Мы обязаны были предвидеть эту возможность.

Он нетерпеливо повернулся и ткнул пальцем в расплывшиеся цифры на салфетке.

— Вот здесь, Алан. И здесь. Я знаю, обычные корни — ноль и единица. Большинство идей или вообще не прививается, или имеет одного первооткрывателя каждая. Но при определенных, очень ограниченных условиях открытия могут делаться многократно и независимо.

Он повернулся к Реду.

— Вы уверены, что во времена Основателей существовали подходящие условия?

— Они называют себя Тайной Шестеркой, — сказал Ред. Кеннисон нахмурился.

— Тайной Шестеркой?

Селкирк закрыл глаза, опустил голову на руки и тяжело вздохнул. Кеннисон горестно потряс головой.

— Боюсь, что Основатели были настроены слишком оптимистично. Они считали себя единственными обладателями тайны, им и в голову не приходило оглядеться вокруг.

— Гордыня человеческая, — заметила Сара. — Древние греки считали ее причиной трагедий.

Кеннисон задумался.

— Да. Гордыня губит человека.

Ред вкратце рассказал о том, что было им известно. О перечне, который Деннис и Сара нашли в старом особняке Куинна. О чужом файле, который обнаружили в распечатке. О проделанном Босуортом анализе аномалий. О незнакомце, который наблюдал за Убежищем и, очевидно, допросил Сару, усыпив ее. Кеннисон делал заметки в маленьком блокноте, который достал из кармана. Сара видела, что он пишет стенографическими значками, и подумала, что это, наверное, его личный шифр.

— И вот еще что, — добавила Сара, ткнув пальцем в Кеннисона. — Скажите прямо — это ваши люди похитили Денниса Френча из денверской больницы?

Кеннисон молитвенным жестом поднес сложенные ладони к подбородку и отрицательно покачал головой.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому что ваш человек Крейл, по-видимому, об этом ничего не знал.

— Ах, вот что. А где брат Крейл?

— Здесь я, — коротко ответила она. — А его нет.

Кеннисон медленно кивнул.

— То-то я думал... Вы просто выдающаяся молодая дама — проявить такую изобретательность в таких обстоятельствах... — Глаза его сверкнули. — Вероятно, вам грозила серьезная опасность. Вы были напуганы. — Он быстро провел языком по влажным губам.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Кеннисон заморгал.

— Ах, да. Его исчезновение было для меня полной неожиданностью. Видите ли, мы считали, что это ваши люди его вызволили.

Сара закрыла глаза и провела руками по лицу. Вот почему поиски Реда в распечатке ничего не дали. Деннис исчез. Исчез бесследно. И очень может быть, что враг ее врага — тоже враг. Она посмотрела на Реда.

— Джим?

— Если он в руках у этой третьей группы, — мрачно произнес тот, — мы его найдем.

— Безусловно, — подтвердил Кеннисон. — И я с радостью окажу вам любую помощь, какая будет в моих силах. — Он на мгновение умолк и задумался. — Вам, может быть, интересно будет узнать, что мистера Френча разыскивала еще одна группа, тоже не из робких. Во всяком случае, один человек действовал по ее поручению. Его... хм... сожитель, насколько я понимаю.

— Джереми Коллингвуд и группа из Денверского университета. Да. Джим мне говорил.

Джереми в качестве человека действия? Саре трудно было в это поверить. Сожитель Денниса всегда казался ей довольно-таки бестолковым. Хотя никогда неизвестно, как поведет себя человек в критической ситуации. Один, пройдя через огонь, становится хрупким, а другому это только придает твердости.

— Еще вам, может быть, будет интересно узнать, — продолжал Кеннисон небрежным тоном, — что сегодня днем он и эта группа стерты с лица земли взрывом.

Сара резко подняла голову. Сердце ее забилося сильнее. И Джереми тоже? Она стукнула обоими кулаками по столу; подростки, сидевшие в другом конце зала, оглянулись на шум.

— Как вы смаете сидеть напротив меня и...

— Спокойно, девушка! — Кеннисон выпрямился. — Это был не я.

— В новостях сказали, что взрыв произошел по небрежности, — вмешался Селкирк. — Репортер местной телекомпании обнаружил в хозяйственном отделе университета заявку двухмесячной давности на ремонт газовых труб — там была утечка газа. Начальник хозяйственного отдела утверждает, что в глаза не видел этой заявки, но он в любом случае будет это утверждать.

— Двухмесячной давности?

— Да. Это еще до того, как была создана группа. Правда, в новостях упоминалось и про распечатку, но они пришли к выводу, что взрыв — всего лишь совпадение.

— А вы хотите верить, хотите не верить, — сказал Кеннисон.

Ред внимательно посмотрел на него.

— Это были не вы?

— Но в совпадения я не верю.

Ред снова постучал ногтем по зубам, потом взглянул на Сару.

— Я думаю, он говорит правду. — И, обращаясь к Кеннисону, продолжил: — А не мог это быть кто-нибудь еще из вашей организации?

Тот мотнул головой.

— Возможно, но маловероятно. Особенно теперь, когда репортеры не сводят с нас глаз.

— Но вы же сидите здесь, — заметил Ред, — а репортеров не видно.

— Х-м-м... Да. Я понимаю, что вы хотите сказать. В моей квартире в Нью-Йорке есть потайной лифт. Полицейский, который дежурит у моих дверей, думает, что я сейчас отдыхаю после долгого перелета.

— Значит, кто-нибудь из ваших братьев или сестер мог это устроить.

Кеннисон сморщился и снова сложил руки, как для молитвы. «Каким богам может молиться такой человек?» — подумала Сара.

— Это возможно, — признал Кеннисон наконец. — Денвер — часть владений брата Ульмана. Но... — он покачал головой. — Это была колоссальная глупость, а у брата Ульмана хоть и много недостатков, но глупость среди них не числится. Только вот...

— Что?

— Только вот один из тех, кто оказался в числе убитых, был математик. Если денверская группа активно изучала этот аспект распечатки... Все остальные университеты отбросили такую идею *prima facie**, сочтя ее нелепой. Не исключено, что брат Ульман счел нужным действовать на свой страх и риск. И все же... Я знаю, кто из его людей проник в группу, и сомневаюсь, чтобы он решился пожертвовать столь ценным агентом. — Он перевел дух и взглянул на Сару. — Таким образом, получается, что мы с вами вынуждены хотя бы временно стать союзниками. Я сделаю все возможное, чтобы помочь вам разыскать вашего друга.

Сара посмотрела на него. У нее не было ни малейшего желания иметь с ним дело, а тем более получать от него помощь. Но похоже было, что он говорит серьезно, и лицо его казалось открытым и искренним. В конце концов, какого черта? Она готова была принять помощь даже от самого дьявола, если бы только он помог ей найти Денниса.

— А почему? — спросила она его. — Зачем вам мне помогать?

* Сразу же, с первого взгляда (*лат.*).

— Ну, просто ради удовольствия. Всегда приятно помочь другому в беде. — Кеннисон с невинным видом развел руками. — И еще потому, что люди, которые похитили вашего друга, угрожают и мне тоже. Так что на некоторое время наши пути совпадают. Когда-нибудь потом, может быть, мы снова станем противниками, но сейчас... — Он многозначительно пожал плечами. — Кто знает, вдруг окажется, что у нас с вами больше общего, чем вы думаете?

Сара хотела ответить, но Кеннисон жестом остановил ее.

— Я все прекрасно понимаю, моя милая. Если это послужит вам утешением, знайте, что я голосовал против той операции, объектом которой стали вы. Я говорил им, что улик против вас недостаточно, и не исключено, что мы гонимся не за той дичью. Но увы, мадам Вейл была непреклонна. Очень трудная дама. Она... Впрочем, *nil nisi bonum**. Впоследствии ваше поведение начало становиться более опасным, и боюсь, что я дал себя уговорить. Надеюсь, вы понимаете, что лично к вам у меня нет вражды. Как показали позднейшие события — и в поместье мистера Бентона, и в особняке мадам Вейл, — страх разоблачения, который мы испытывали, был вполне обоснован.

Он бросил быстрый взгляд на часы.

— Боюсь, нам пора идти. А пока... — Он повернулся к Саре и серьезно сказал: — Если вы когда-нибудь окажетесь в опасности — из-за этой истории или по какой бы то ни было другой причине, — вы всегда можете обратиться ко мне за защитой и получите ее без всяких оговорок.

Сара всмотрелась в его лицо, пытаясь понять, что у него на уме. Но она не увидела ничего, кроме искренности и открытости. И даже нечто вроде готовности. Неужели он пытается с ней подружиться? Или как-то загладить свою вину за те муки, через которые она прошла по его милости? Ей было странно думать об этом человеке как о своем возможном защитнике. Однако или Кеннисон чертовски хороший актер, или он говорил искренне.

Она покосилась на Реда и с удивлением заметила на его лице выражение почти неприкрытой враждебности. Реду, который ни к чему не относился серьезно, предложение Кеннисона защитить ее не понравилось. Не ревнует ли он? Вот это мысль!

После того, как Кеннисон и Селкирк ушли, Ред и Сара еще некоторое время оставались в пиццерии. Ред заявил, что

* (О покойниках) ничего, кроме хорошего (*лат.*).

хочет доесть пиццу, а Сара тихо сидела рядом и ждала. Опершись локтями на стол, она сцепила пальцы и начала разглядывать гладкую черную кожу на запястьях. Потом прикрыла глаза и остро ощутила все свое тело — положение рук и ног, натяжение блузки и юбки, обтягивающих фигуру. Она ощутила даже присутствие Реда, сидящего в нескольких сантиметрах от нее. Что это, его аура?

Наконец Ред заговорил.

— Похоже, Тайной Шестерке не терпится добраться до брата Дэниела. Я думаю, не их ли был и тот загадочный согладотай в Убежище?

Сара открыла глаза.

— Не забудь, — сказала она, — что Шестерка раскололась, как и Общество Бэббиджа.

— Помню.

— Я заметила, что братцу Дэниелу ты об этом ничего не сказал.

— Забыл, должно быть.

— Забыл?

— Ничего, он малый сообразительный, догадается. Ведь дилемма Карсона входит в обязательную программу.

— Неужели он говорил серьезно? О том, что будет меня защищать?

Ред швырнул на поднос последний кусок пиццы.

— Терпеть не могу анчоусов, — сказал он и вытер руки салфеткой. — Да, он говорил серьезно. Дэн — коварная змея и скользкий сукин сын, но он честный сукин сын. Он может солгать только в одном случае.

— В каком?

— Когда он лжет и самому себе тоже.

На улице уже наступила ночь. Выходя из пиццерии, они на секунду задержались в дверях. По автостоянке взад-вперед гоняли машины, не обращая внимания на разметку. Время от времени они проносились мимо витрин со скоростью, которая показалась Саре опасной. Справа, в дальнем конце стоянки, кучка юнцов, что-то возбужденно выкрикивая, толпилась вокруг двух пикапов, стоявших перед входом в «Макдональдс». Слепящие ртутные фонари освещали все вокруг каким-то странным мертвенным светом, словно в старом черно-белом фильме.

— Ну что? — спросил Ред, застегивая молнию на куртке: стоял сентябрь, и было прохладно. — Встреча с Кеннисоном в самом деле оказалась такой ужасной, как ты думала?

Сара покачала головой.

— Еще хуже.

— Хуже?

— Да, черт возьми! Уж очень он был обаятелен.

Ред бросил на нее быстрый взгляд.

— Да, это довольно противно.

— По-моему, я была готова ко всему, кроме этого. Джим, он же попросил у меня прощения за то, что навел убийц на меня и на моих друзей. И от всей души!

— Очень похоже на Дэна. Искренность так и сочится из него, как слизь из улитки.

Она посмотрела на Реда.

— Ты его не любишь, правда?

— Я не думал, что это так заметно, — проворчал он.

Они сошли с тротуара и направились к своей машине. В этот момент слева раздался визг покрышек. Сара повернулась и увидела, что какой-то автомобиль, набирая скорость, мчится прямо на них от универсама «Брэдли». Свет его фар пронзил тьму, приковав ее к месту. Ред обеими руками изо всех сил толкнул ее, и оба упали позади стоявшей рядом машины. Сара прижалась к земле, вдыхая запах асфальта и машинного масла. Колени и ладони у нее были ободраны о гравий, мелкие камешки больно врезались в кожу. «Вот оно, — подумала она. — Эта сволочь Кенни-сон...»

Она услышала три негромких хлопка, прозвучавшие с одинаковыми интервалами: раз — два — три. Машина, за которой они лежали, качнулась, и послышалось шипение воздуха, выходящего из пробитого колеса, — словно зрители освистывают плохую пьесу.

Снова раздался визг покрышек — тот, другой автомобиль развернулся на сто восемьдесят градусов и вылетел по эстакаде на Октри-стрит. Круто свернув налево, он оказался на пути какого-то мини-фургона и загнал его на тротуар. Перепуганный водитель отчаянно надавил на сигнал, провозжая быстро удаляющегося психа долгим сердитым гудком. Сара услышала, как хлопнула дверца, потом последовал поток брани. С дальнего конца стоянки к ним бежали мальчишки.

Она почувствовала, что Ред крепко прижимает ее к себе, прикрывая своим горячим телом. Потом он не спеша ослабил хватку. Она лежала неподвижно. Он сел и принялся отряхиваться.

— Это мне начинает надоедать, — сказал он.

Она тоже села и с удивлением обнаружила, что даже не дрожит от испуга.

— Что тебе начинает надоедать?

Он бросил на нее многозначительный взгляд.

— Стоит нам с тобой куда-нибудь пойти, как по мне начинают стрелять. — Он встал и начал чистить брюки, потом взглянул в ту сторону, куда скрылся автомобиль, и сказал: — Все удовольствие портят.

II

Текс Боудин нашел Сару в музыкальной комнате — она тихо наигрывала на пианино какой-то блюз. Сара почувствовала, что он стоит сзади, но продолжала играть. Глаза ее были закрыты, голова откинута назад. Печальная мелодия, которая лилась у нее из-под пальцев, была как плач — плач по друзьям, по себе, по Моргану, Деннису, Джереми. «Я иду по долгой дороге один, я иду...»

— Нашел? — спросила она, не отрываясь от клавиш. «Я иду туда, гда вода, как вино, я иду...»

— Угу. — Она услышала, как он шарит в мешке, где звякнуло что-то металлическое. — В конюшне. Я бы раньше нашел, только она валялась в стороне, в мусоре. Наверное, лошадь копытом отпихнула.

«Я иду по дороге, и горек мой путь, о Боже мой, Боже...»

Уголком глаза она увидела, что он пристроил на открытую крышку пианино подкову.

— Это к несчастью, — сказала она. — Надо перевернуть — открытым концом вверх. А так удача уходит.

«Я иду, где еще никогда не бывал, я иду...»

Она закончила блюз затухающим минорным аккордом и несколько секунд сидела, держа пальцы над клавишами. Потом вздохнула, протянула руку и взяла подкову.

— Джимми говорил мне, что ты играешь, — сказал Текс.

Она провела пальцем по левому краю подковы. Там была едва заметная трещинка. Точь-в-точь как на следах, которые она обнаружила в тот день на горе. «Кто-то отсюда, — подумала она с горечью. — Это был кто-то отсюда».

— Я сам играю немного, — сказал Текс. — На тромбоне.

— Да?

Кто-то следил за ней, шпионил. И подсыпал ей что-то в питье.

— Угу. — Он сдвинул на затылок свою ковбойскую шляпу и прислонился к пианино, сунув большие пальцы под ремень. — Ты, я слышал, прошла в новом обличье полевые испытания?

— Быстро до тебя дошло.

— И как, ничего?

— Ну, я же здесь, верно?

Текс кивнул.

— Я говорил, нечего было беспокоиться. Тех, кто приходит с жалобами, фараоны обычно не проверяют. А даже и проверили бы, — у тебя отпечатки пальцев точно такие же, как у них в картотеке на Глорию Беннет. Мы стараемся ничего не упускать.

Сара никак не могла раскусить Текса Боудина. Он был общительнее, чем Уолт и большинство остальных обитателей Убежища. Он постоянно улыбался и, казалось, получал от жизни не меньшее удовольствие, чем Ред. И все же с ним она не могла чувствовать себя вполне свободно. Не только из-за его небрежной, холодной самоуверенности, граничившей с наглостью. При нем у нее всегда появлялось такое ощущение, словно ее выставили напоказ. Словно он все время присматривается, ждет, что она сделает дальше. Может быть, в этом все дело. Если Ред был похож на актера, плохо знающего роль, то Текс — на зрителя, который ухмыляется про себя при всякой его ошибке. Занимая в Убежище пост заместителя Джейни, он, казалось, перенял от нее частичку ее устрашающей отстраненности.

— Ред считает, что это нападение устраивал не Кенни-сон, — сказала она.

Текс подумал.

— Угу. Возможно. А ты как думаешь?

— Не знаю, — помедлив, ответила Сара. Если не Кенни-сон, то, может быть, кто-то из его коллег? Они с Редом пришли к выводу, что члены Общества Бэббиджа в этой критической ситуации начинают действовать кто во что горазд.

— Может, это было вообще не нападение. Может, они просто хотели подставить вас обоих, чтобы вами занялись фараоны.

Сара покачала головой.

— Нет, они хотели нас убить. — «Боже, как я могу разговаривать об этом так спокойно? Или уже привыкла?» — Они хотели устроить наезд, чтобы фараоны решили, что это несчастный случай. Мальчишки постоянно гоняют ночью на машинах по этой стоянке. Когда ничего не вышло, они стрельнули три раза, но тут же смотались, потому что не хотели попасться сами.

На лице у Текса появилась волчья ухмылка.

— Да кто это — они? Приятели Кеннисона? Тайная Шестерка? Дочернее общество Тайной Шестерки — то самое, которое вроде бы исчезло? Или... кто там еще? Джимми сейчас докладывает на Совете. Отделение в Атланта нашло чужой файл, так что он решил рассказать все Кэму.

Она протянула ему подкову.

— Ты можешь сказать, с какой это лошади?

Текс осмотрел подкову со всех сторон.

— Та самая? — спросил он.

— С какой лошади?

— Сдается мне, с гнедой. За последний месяц только ее перековывали.

— А кто на ней ездил?

— Конюх дал мне список. Имена и даты. — Он полез левой рукой в карман рубашки, вытащил сложенный в несколько раз листок бумаги и протянул Саре. Она взяла его и начала читать, разыскивая единственную дату, которая ее интересовала.

Она нашла ее и грустно усмехнулась.

— Не было гвоздя...

— Что-что? — переспросил Текс, нахмурившись.

Она отобрала у него подкову и взвесила на руке, держа открытым концом вверх.

— Вот так — к счастью, — сказала она.

— Как вы это делаете? — спросил Умник.

Уолтер Половски вздохнул.

— Пусти меня, малец, я тебе покажу.

Вместе со стулом он подъехал к клавиатуре. Сара стояла сзади и смотрела ему через плечо, прихлебывая из банки диетический лимонад. На экране монитора была видна сложная фигура, похожая на дерево — это называлось у них «взвешенный диграф» — и заполненная крохотными кружочками, стрелками и логическими блоками. «А, старая знакомая — «схема-почемучка», только тут она с высшим образованием».

— Что-то неладно? — спросила она.

Половски мотнул головой.

— Не-а.

— Мне всегда не по себе, — сказал Умник, — когда кто-нибудь вот так стоит и смотрит через плечо.

Пальцы Половски забегали по клавиатуре.

— Видишь? Надо, чтобы параметры гамма и каппа обошли полный круг. По полному обороту гаммы на каждое при-

ращение каппы. — Половски решительно ткнул пальцем в клавишу возврата и откинулся на спинку стула, сложив руки на груди и глядя на экран. — Понял, Босуорт?

Умник кивнул.

— А она? — показал он пальцем на Сару.

Половски взглянул в ее сторону.

— Она обойдется и без моей помощи.

Сара улыбнулась ему, но он не ответил улыбкой. «Ну и черт с ним», — подумала Сара и снова взглядела в экран. Босуорт выделил один из кружочков, и на экране открылось окно, где он был показан во всех подробностях. «15.05.07. Потопление «Лузитании»».

— То самое, — сказала она. — Это было у Денниса в перечне.

Босуорт кивнул, перевел курсор на соседний кружок и развернул в окно и его. В окне было написано: «Германское посольство обзванивает пассажиров «Лузитании», рекомендуя им сдать билеты, и публикует в нью-йоркских газетах объявление о своем намерении потопить судно».

Он перешел в меню и отыскал команду «Изменение фактов». Потом выделил «Лузитанию» и перевел часть логических блоков в режим отрицания. Фигура на экране замигала, одни кружочки погасли, другие поменялись местами, вместо них появились новые. Само собой открылось окно с надписью: «Выделенные события после изменения фактов».

Сара присела на стул и стала читать список, появившийся в окне. Даты и события в нем шли двумя параллельными колонками, которые как будто почти не отличались друг от друга, за исключением одного: теперь, когда факты подверглись изменению, аналоги реальных событий происходили позже, чем в действительности. Войска США прибыли на подкрепление союзников только в мае 1918 года, почти на год позже, чем на самом деле, и уже после того, как всюду развернулось наступление Гинденбурга. А из условий перемирия, заключенного в марте 1919 года, явствовало, что война закончилась «вничью».

Половски оглянулся на Сару через плечо.

— Это то, что тебе было нужно?

— Я сама не знаю, что мне было нужно. Ничего не могу понять. Зачем немцам понадобилось топить пассажирский лайнер, пусть даже он вез военное снаряжение? Глупость какая-то. Ведь из-за этого мы раньше вступили в войну.

— А им было все равно, вступим мы в войну или нет, —

сказал Половски. — Немцы считали нашу армию немногим сильнее румынской, а Гинденбург собирался довести дело до конца еще до того, как на фронте появятся американцы.

Сара показала на список в окне.

— Им бы это и удалось, если бы они не потопили «Лузитанию».

Половски раздраженно взмахнул рукой.

— Ну конечно, мы-то это знаем, но ведь у них не было клиологов, которые могли бы это им подсказать.

Сара ничего не ответила, и наступило долгое молчание. Наконец Половски повернулся к экрану и сморщился от досады.

— Чушь какая-то, — сказал он.

Умник не сводил глаз то с него, то с нее.

— А что?

Половски взглянул на него.

— Подумай сам, парень!

Рот у Умника сам собой раскрылся и стал похож на букву «О».

— Ну конечно! — сказала Сара. — В Европе ученые не глупее, чем в Америке. Даже здесь Кроуфорд был не единственным.

Половски вздохнул.

— Да. Да, я знаю. А вот этот малец в самом деле нашел документы, которые относятся к Шестерке. Во всяком случае, к самому ее началу. — Он снова с гримасой досады взглянул на экран. — Только это не больше чем предположение. Даже если какое-то событие стало поворотной точкой, это не значит, что именно так и было запланировано. Каждое действие влечет за собой определенные последствия, но это не значит, что оно было намеренным.

— Мои действия, как правило, намеренны, — сухо заметила Сара.

Половски недовольно хмыкнул.

— Ты знаешь, о чем я говорю. Всегда есть какие-нибудь необъяснимые аномалии. — Он ткнул пальцем в экран с кружочками и логическими блоками. — В этой диаграмме миллионы единичных событий. Некоторые из них с неизбежностью должны быть маловероятными. Это как игра в дарты. Какова вероятность, что дротик случайно попадет в данную точку? На мишени бесконечное число точек, верно? Так что вероятность равна единице, деленной на бесконечность, то есть нулю. Априори ее вообще не существует. И все же... — он направил палец на Сару, чтобы подчеркнуть

свою мысль. — И все же куда-то дротик должен попасть! В этом все дело. Потом мы смотрим, куда он попал, удивляемся, как мала была вероятность, и делаем вывод, что в эту точку целились намеренно.

— Но когда мы видим, что дротики раз за разом ложатся вокруг одной и той же точки, то не исключено, что они все-таки были нацелены в нее намеренно. Может быть, тот, кто их бросает, хорошо набил руку.

Сару охватило раздражение. А не нарочно Половски валяет дурака? Логические рассуждения нравятся нам только тогда, когда нам нравится результат. А если он нам не нравится, мы начинаем ко всему придирааться. Когда католическая церковь канонизирует своих святых, она всегда назначает «адвоката Дьявола», чтобы тот приводил аргументы против канонизации. Может быть, Уолтер тоже возражает нарочно?

— Представим себе, что некая группа хочет поражения Германии. Возможно, та самая, которая убедила фон Клюка в 1914-м повернуть свои армии, не дойдя до Парижа. Но тогда не обойтись без американских войск. И поэтому они каким-то образом уговорили командование потопить пассажирский лайнер. — «И вместе с ним тысячу штатских — мужчин, женщин и детей». Она зло стиснула зубы. — А тем временем... — она ткнула пальцем в соседний кружок. — Тем временем какая-то другая группа хочет обеспечить победу Германии, пытаясь удержать американских граждан от поездки на «Лузитании».

Половски посмотрел на нее.

— И сколько групп ты считаешь обнаружить?

— Столько, сколько их было, — ответила она.

— Не забудьте про Жоффра и Вивиани*, — вмешался Босуорт, прочитав то, что было написано в окне, в которое он развернул еще один кружок. — Тут говорится, что Вильсон не собирался посылать войска раньше весны восемнадцатого года. Он хотел использовать кадровых военных, чтобы обучить национальную гвардию и только что созданную национальную армию. Но французы уговорили его послать экспедиционный корпус сразу же.

Половски скривился.

* Жоффр, Жозеф (1852—1931) — французский военачальник, в 1914—1916 гг. главнокомандующий французской армией, в 1917—1918 глава французской военной миссии в США. Вивиани, Рене (1863—1925) — французский государственный деятель, в 1914—1915 гг. премьер-министр, затем министр юстиции в кабинете Бриана.

— У тебя получается, что Жоффри и Вивиани состояли в тайном клиологическом обществе.

Сара покачала головой.

— Всякое целенаправленное поведение порождает определенные ряды событий, а факторный анализ позволяет нам их распознать. Но ведь поведение каждого человека всегда целенаправленно. Если бы мы могли проанализировать события достаточно детально, то обнаружили бы, что каждый человек, живший когда-либо на Земле, представлял собой клиологический фактор. — Перед глазами Сары вдруг появилась ее комната — та, прежняя, которой ей больше никогда не увидеть, — и Ред, сидящий на диване и убеждающий ее, что и она и все остальные «играют с историей». Тогда она ему не поверила, а теперь поняла, что он был прав. Где-то в глубине ее мозга билась какая-то неясная мысль, но она никак не могла ее уловить. — Следы Общества Бэббиджа и Тайной Шестерки отличаются от остальных только одним — они проявляются не в прямых последствиях, а в косвенных.

— Да разве последствия всех наших действий всегда такие, как мы хотим? — Половски покачал головой. — Три миллиарда клиологических обществ? Джимми будет в восторге. — Он провел рукой по лицу и взглянул на Умника. — А ты что об этом думаешь?

— А почему вы меня спрашиваете? Я ведь тут дурачок.

— И все-таки?

Юноша пожал плечами.

— Ну ладно. Я думаю, что она права.

— Ты думаешь, что она права. Прекрасно. — Половски снова покачал головой. — Они будут просто в восторге.

Дверь компьютерной комнаты открылась, и Сара обернулась, думая, что это Ред. Но это был всего лишь Текс Боудин. Войдя в комнату, он остановился, обвел всех ленивым взглядом, сдвинул на затылок ковбойскую шляпу и прислонился к стене, сунув большие пальцы за ремень.

— Так вот вы где, — сказал он.

— Вот мы где, — ответил Половски. — Мы с утра тут. А в чем дело?

— Совещание. Как только кончат Ред с Кэмом.

— Что за совещание? — спросил Половски. — Почему мне ничего не сказали?

Текс посмотрел на него.

— Вот я тебе и говорю.

«Как же Ред ухитрился это проверить?» — подумала Сара. Даже она, человек здесь новый, видела, что Уолт и

Текс друг друга недолюбливают, что Норриса Уолт считает психом-недоумком, а тот думает, что все это только компьютерные игры.

Ей пришло в голову, что извне, наверное, всякая группа представляется неразрывным целым, наделенным единой волей. Тайная Шестерка хочет того-то, Общество Бэббиджа сделало то-то. Такое впечатление только усиливается, если группа получает собственное имя. Например, «рабочий класс». Или «Англия». Но изнутри видно, какая это сущая чепуха. Всякая группа — это котел, где кипят личные эмоции, соперничество, амбиции. Люди могут объединиться вокруг одного общего дела — скажем, свергнуть царя или Бурбонов; но что дальше? Их единство неизменно разбивается о жестокую реальность личных распри.

Ред хочет добиться отмены правила Куинна. Он хочет, чтобы Ассоциация отказалась от пассивного выжидания, выступила против попыток Общества создать послушную нацию техноравов. Текс и Уолт — и другие, кого она еще не знала, — встали на его сторону, но действительно ли у них общая цель? Они единодушны в том, что больше нельзя плыть по течению; но единодушны ли они в том, куда проложить курс? Сама она так близка к Реду, насколько это вообще возможно. Они спасли друг другу жизнь, это сблизило их сильнее, чем сближает любовь. Но даже она не разделяет его цель. Нельзя выступать против манипулирования людьми, противопоставляя ему такое же манипулирование. Нужно отказаться от всякого манипулирования вообще.

Она посмотрела на Уолта, потом на Текса. Если даже она так настроена, то что говорить о других? Какие личные амбиции они скрывают? После революций всегда происходят перевороты. Ред — мечтатель; но мечтателей в конце концов всегда оттирают в сторону, и их место занимают обыкновенные честолубы. Спросите Троцкого. Спросите Робеспьера или Че Гевару. Спросите Сун Ятсена или Бисмарка. Спросите, в конце концов, Брейди Куинна.

Текс кивнул в сторону Сары.

— Нашла, что искала?

Сара бросила взгляд на экран с новой диаграммой.

— Да. Боюсь, что да. В Европе по меньшей мере пять подков, которые навсрянка выковало не Общество Бэббиджа. И на Шестерку это не похоже, судя по всему, что мы о ней знаем.

— Вот не хватало забот, — буркнул Текс и потряс головой. — Такая была простая жизнь, и вот на тебе — теперь, похоже, не обойтись без целой программы.

— Немного похоже на фарс, правда? — заметила Сара. На фарс? Нет, на театр абсурда! Как будто все это выдумал Сартр. Каждый скрывает от остальных один и тот же секрет.

Никакого манипулирования! Она дала такую клятву, когда искала в лесу Мистера Мая в тот страшный вечер на горе Фалкон. Больше никакого манипулирования! Пора покончить и с Обществом, и с Ассоциацией. А теперь еще и с Шестеркой, и с ее отродьем, и кто знает, с кем еще?

Решение, конечно, благородное. Но ведь клиология и ее методы все равно существуют. Ящик Пандоры уже открыт. Можно ли сделать так, чтобы больше никто не воспользовался инструментом, который в ходу уже не одно поколение? Можно ли хотя бы узнать, не пользуется ли им кто-нибудь сейчас? Методы клиологии могут использоваться исподволь, на протяжении десятилетий. «Мы слишком привыкли к быстрым переменам, — подумала она. — Мы торжественно отмечаем эфемерные капризы моды, но не видим тенденций, которые проявятся только в следующих поколениях. Клиологи не спешат: результаты их действий подступают незаметно, как морской прилив. И к тому же клиологов слишком много.

Она попыталась расправить плечи. А в самом ли деле их так много? И тут она вспомнила, что на дне ящика Пандоры все-таки осталась Надежда.

III

В бесконечной ночи зазвучал голос, похожий на далекий звон колокола. Он плыл во тьме, медленно кувыркаясь, а в беззвездном небе с хохотом гримасничали красно-оранжевые дьявольские маски. Одна из них, ослепительно яркая, начала раздуваться, пока не заняла собой все небо, от горизонта до горизонта. Позади нее всплыла и раскрылась, как цветок, другая. И еще одна. Бесконечная вереница их уходила вдаль, превращаясь в точку. И все они пытались что-то сказать ему громохочущим басом, но он никак не мог понять, что.

— Джерри, Джерри, вы меня слышите?

Его веки дрогнули, ударил ослепительный свет, и он снова со стоном зажмурил глаза.

— По-моему, пришел в себя, — сказал голос.

Хорошо бы этот голос оставил его в покое! Так тихо и

спокойно было в этой тьме, так приятно было плыть по течению... Но дьявольская маска то сжималась, то снова раздувалась в такт ударам огромного молота у него в ушах. Он через силу заставил себя раскрыть глаза.

Свет все еще был слишком ярким. Он отвернулся и уткнулся лицом в мягкую, прохладную подушку.

— Где я?

— В Мемориальной больнице Портера.

Джереми чуть приоткрыл глаза и увидел, что над ним парит лицо Джима Донга. Голова Джима была перевязана, лицо в синяках.

Джереми с трудом сел в постели. В комнате пахло антисептиками и свежими простынями. Все вокруг медленно плыло по кругу. Голова болела, в ушах стоял шум. Он увидел, что у кровати сидит Херкимер Вейн с забинтованной грудью под пиджаком и повязкой на левой руке.

На стуле у стены сидела Гвинн Ллуэлин, стиснув руки на коленях. На щеках у нее блеснули слезы. Джереми ткнул пальцем в ее сторону.

— Вы умерли.

Вейн заморгал глазами.

— Надеюсь, что нет.

— Но... Взрыв... Конференц-зал...

Вейн покачал головой.

— Нет. Погибли все остальные.

— Все остальные, — повторил за ним Джереми. Все до единого. Разорваны в клочья, как тряпичные куклы. Он попытался с грустью подумать о Джеффе, Пенни, Генри, о других, но не почувствовал ничего, кроме огромной радости от того, что не оказался в их числе. Он снова взглянул на Гвинн.

— Все, кроме вас, — сказал он.

Она смутилась.

— Я вышла помыть руки.

— Это был взрыв газа, — осторожно сказал Донг. — В теленовостях говорили, что из-за халатности.

— Утечка? — Он вспомнил грохот взрыва, сильнейший удар, подбросивший его в воздух, качнувшиеся стены и расщепленные двери. Будь они немного тоньше...

— Сегодня утром допрашивали Бренду, — сказала Ллуэлин. — Она смутно помнит, что как будто когда-то говорила хозяйственникам про запах газа. И что давала заявку на ремонт.

— Значит, Бренда уцелела?

— Мелкие ушибы и царапины, — сказал Донг. — Она

свалилась под стол, это ее спасло. Ей повезло. Нам всем повезло.

— Да, — сказал Джереми. — Ведь мы все должны были находиться в той комнате.

Он обвел всех глазами и понял, что они это прекрасно знают. Вейн медленно потер руки. Ллуэлин смотрела на Донга, который отошел от кровати и тоже уселся у стены, откинув назад голову и закрыв глаза.

— Кто-нибудь из вас верит, что это был несчастный случай? — спросил Джереми.

Ллуэлин медленно покачала головой. Вейн мрачно взглянул на него.

— В новостях упоминалось Общество Бэббиджа. Они сказали, что мы занимались изучением бомонтовской распечатки, но что газ подтекал еще до того, как была образована группа.

Джереми обменялся взглядом с Ллуэлин.

— Если это подтверждают документы, значит, так оно и есть.

Он почувствовал, что в его голосе прозвучала горечь.

— На группы в Стэнфорде и Чикаго никто не покушался, — добавил Вейн.

— Никто, — сказал Донг. Он открыл глаза и вызывающе посмотрел на них. — Но там не было Джима Тран Донга, который занимался математической стороной дела, верно? Как и положено гуманитариям, они не подумали о математике. — Он отвел глаза в сторону. — И, как выяснилось, правильно сделали.

— Это была глупость, — задумчиво произнес Вейн. — Подложить бомбу. Большая глупость. Как бы ни объясняли это официально, обязательно возникнут подозрения. — Он потряс головой. — Как могло так долго просуществовать Общество, которое делает такие глупости?

— Я бы не стал называть это просто глупостью, — парировал Джереми.

Вейн взглянул на него.

— Глупость и злоба не исключают друг друга, — сказал он. — Часто они связаны.

— Что, Вейн, продолжаем умные рассуждения? — саркастически заметил Донг.

— А никому из вас не пришло в голову, — вмешалась Ллуэлин, — что мы четверо, кто уцелел после первого покушения, неминуемо становимся мишенью для следующей попытки? И что это та самая больница, из которой исчез Деннис Френч?

Она нервно сжимала и разжимала кулаки.

— Я почти ни о чем другом и не думал с тех пор, как пришел в себя, — сказал Донг.

Сердце у Джереми забилося чаще. Они придут за ним сюда. Он знал это. Стоит только подождать, и они придут и уташат его туда же, куда утащили Денниса.

— Они знают, где мы, — сказал он.

Вейн встал и принялся ходить взад и вперед по комнате. Джереми видел, что на лбу у него выступили капельки пота. Он то и дело опасливо озирался по сторонам. Правой рукой он растирал пальцы левой, торчавшие из-под повязки.

— Мы должны что-то сделать, — сказала Ллуэлин.

Вейн остановился недалеко от двери и провел здоровой рукой по металлической дверной раме.

— Вас не найдут, — сказал он наконец.

Донг бесстрастно смотрел на него. Ллуэлин поджала губы.

— Как вы можете это говорить, Херкимер? Мы тут просто живая мишень.

— Я хочу сказать, что *вас* здесь не найдут. — Он повернулся к ней. — В больничных документах написано, что вы погибли при взрыве.

Наступило молчание — каждый пытался осмыслить его слова.

— Хитро придумано, — сказал наконец Джереми. — А вы не боитесь слишком часто прибегать к этому способу?

Вейн со слабой улыбкой взглянул на него и смущенно сказал:

— Не судите нас слишком строго. Мы к таким вещам не очень привыкли.

Ллуэлин удивленно посмотрела на них и спросила:

— О чем вы говорите?

Джереми кивнул в сторону Херкимера Вейна.

— Я полагаю, что ваш приятель — агент Общества Бэббиджа.

Вейн поднял брови.

— О боже мой, конечно нет!

Казалось, он шокирован.

— Джереми, на что вы намекаете?

— Он намекает на то, — жестко сказал Донг, — что доктор Вейн знает больше, чем говорит. — Он повернулся к историку. — Он намекает на то, что доктор Вейн чертовски удачно устроил так, чтобы задержаться и не войти в ту комнату.

Вейн нахмурился.

— А я с таким же успехом мог бы указать на то, что и вы, и мистер Коллингвуд тоже задержались и не вошли в ту комнату. И что доктор Ллуэлин удачно вышла из нее как

раз вовремя. Если бы у меня был более подозрительный характер...

Гвинн резко поднялась со стула.

— Прекратите, Херкимер! — В голосе ее прозвучало раздражение. — Это оскорбительно. Мы все здесь друзья. — Она отвернулась к стене, делая вид, что разглядывает циферблаты приборов, и продолжала: — Когда взрыв потряс здание, я бросилась назад и... и там просто бойня была. — Она снова повернулась к ним, и Джереми увидел, что ее раскрасневшееся лицо залито слезами. — Херкимер, вас ударило дверью. Хотите, я вам расскажу, как выглядела другая сторона этой двери? Чем она была намазана, как бутерброд маслом? Я говорю «чем», потому что разобрать, кем это было раньше, не мог бы уже никто.

Вейн побелел и отвернулся.

— Не надо.

Донг, сидевший с опущенной головой, сказал:

— Примите мои извинения, доктор Вейн. Мне не следовало так легко бросаться обвинением в массовом убийстве.

Джереми заметил, что от самого обвинения Джим не отказался. Он с трудом сел прямо.

— Тем не менее мы знаем, как безжалостно Общество Бэббиджа. Они убивают всех, кто близко подходит к их тайне. На прошлой неделе я объявил, что доктор Донг сделает сообщение о результатах своего математического анализа сегодня...

— Вчера, — перебила его Гвинн.

— Ну, вчера. И вскоре после того, как мы должны были войти в эту комнату, там происходит взрыв. Мне представляется очевидным, что кто-то не хотел, чтобы мы слышали сообщение доктора Донга.

— Кто-то из тех, кто был в комнате?

Вейн посмотрел на нее.

— Да, Гвинн. Кто-то из тех, кто был в комнате. Кто еще мог знать о сообщении доктора Дон... Джима? И, очевидно, кто-то из тех, кто остался в живых. Не думаю, чтобы кто-нибудь по собственной воле вздумал таким способом лишить себя жизни.

Джереми почувствовал, что у него закружилась голова и к горлу подступила тошнота. Наверное, от контузии. Или от одной мысли о том, что кто-то может пожертвовать жизнью ради абстракции. Как те террористы на Ближнем Востоке, которые разгоняются на автомобиле, набитом взрывчаткой, и направляют его в цель. Или как тот человек в парке, который стрелял в Сару Бомонт. Джереми никогда не пони-

мал фанатиков. Фанатизм заставляет людей вести себя иррационально, а иррациональное поведение непредсказуемо и опасно.

— Ты понимаешь, что говоришь, Херкимер? Ты говоришь, что один из нас — член Общества Бэббиджа. Что один из нас подложил эту бомбу или помог ее подложить. Что один из нас убил наших друзей.

— Это были мои и ваши друзья, Гвинн. Давние сослуживцы. Коллеги. Но Джереми был с ними почти незнаком. А доктор Донг вообще незнаком.

Донг вскочил с места, опрокинув стул.

— Если бы я не хотел, чтобы до вас дошла суть этих математических моделей, я мог бы в своем сообщении просто ее утаить. Или совсем не делать никакого сообщения. Если бы я не пришел к Гвинн с этим предложением, вообще ничего бы не произошло.

Наступило молчание.

— Вообще ничего бы не произошло... — шепотом повторил Донг, нащупал стул и снова сел.

— Нет, Джим, это все же могли быть вы, — не унимался Вейн. — Чтобы выяснить, что мы знаем или о чем догадываемся, вы должны были так или иначе принять участие в работе группы. Но вы математик, и у вас был только один благовидный предлог.

Донг сердито взглянул на него, но промолчал.

Джереми рассмеялся. Все повернулись к нему.

— А как насчет меня, Херкимер? Как вы можете изобразить злодеем меня? Люди из Общества Бэббиджа совершили нападение на моего ближайшего друга, а потом похитили его. Ну-ка, сделайте из меня главного героя вашего сценария. Попробуйте!

Вейн с улыбкой развел руками.

— Я просто пытаюсь реконструировать историю. Те же факты, но другие объяснения. Вы хотите, чтобы я сделал вас главным героем? Пожалуйста. Этот Деннис Френч никогда не был вашим другом, а только удобным прикрытием. — Он жестом остановил Джереми, который хотел возразить. — Вы можете утверждать иное, вы можете изобразить обиду, но откуда мы знаем, что вы говорите правду? Мы видим только ваши действия, а не мотивы. Как только вы поняли, что на уме у Сары Бомонт и у вашего сожителя, вы приняли меры, чтобы устранить их и всех других, с кем они могли общаться. А к Гвинн вы пришли для того, чтобы выяснить, что сказал ей мистер Френч.

Джереми стало не по себе. Это выглядело вполне прав-

доподобно. Все могло быть именно так, и только он знал, как было на самом деле. Он видел, что Гвинн смотрит на него с тревогой. Как легко перетолковать факты!

— А как насчет группы? — спросил он. — Зачем бы я допустил, чтобы она ее создала?

Вейн пожал плечами.

— Ну, скажем, для того, чтобы узнать, кто еще из историков принял бомонтовскую распечатку всерьез. Как по-вашему, почему я так старался показать, что сам не придаю ей такого значения? Я уверен, что и в Стэнфорде, и в Чикаго тоже есть ваши агенты.

— Херкимер, — сказала Ллуэлин, — вы сами верите в то, что говорите?

— Нет. Конечно нет. Но я стараюсь быть объективным. Хотите услышать сценарий, где главным героем будете вы? Ллуэлин пристально посмотрела на него.

— Нет.

— Ага. Вот видите? Каждый из нас может подозревать всех других. Каждый может не спать ночи, размышляя, кто из остальных убийца. — Он потряс головой. — Банда братьев.

— Но ведь вы позаботились о том, чтобы скрыть, что мы находимся здесь, в больнице, — напомнил Джереми.

— Элементарная предосторожность. В конце концов, из этого может ничего и не выйти. Те врачи, кто в этом участвовал, получили солидные взятки, а кое-кто из них, возможно, и сам понимает, что это нужно хранить в тайне. И все же... — он пожал плечами. — Рано или поздно кто-нибудь может проговориться. Но пока тех, кто погиб, не ищут.

— Пока, — повторил Джереми. — Но что нам теперь делать? Куда направиться? Очевидно, домой вернуться никто из нас не может. — Он мельком подумал о своих вещах — о книгах, Мондриане, хрустале. Что будет с ними? Кому они достанутся? Ему и в голову не приходило писать завещание, а родственников у него не было. Ну что ж, все это уже в прошлом. Тот, кто в таких обстоятельствах не готов без всякой жалости расстаться со своим имуществом, не готов продолжать жить. Будем живы, появится и имущество, но имущество не вернет жизни. Он вспомнил старую комическую сценку: «Кошелек или жизнь», — говорит грабитель; «Погоди, я подумаю!» — отвечает комик. Джереми решил, что тут на самом деле нет ничего смешного. — Если мы официально погибли, то кто мы теперь?

При мысли о том, что с прошлым покончено, он почему-то

почувствовал странное оживление, у него появилось непривычное ощущение свободы.

Вейн оглядел всех, сунул здоровую руку в карман и опустил голову.

— За последние два дня в этой больнице умерло четыре человека. Ни у кого из них нет близких родственников — все приезжие. Нужные исправления в документах сделаны. Теперь вы — это они, а они — это вы.

— Когда мои братья и сестры придут за моим телом, — возразил Донг, — они увидят, что это не я.

Джереми покачал головой. За его телом никто не придет. Нужно ли считать, что ему повезло? Или наоборот?

Вейн ссутулился.

— Это временная мера, всего лишь уловка, чтобы нам благополучно покинуть больницу. Умершие были того же пола, но не того же возраста и, в одном случае, не той же расы. — Он пожал плечами. — Теперь, когда Джереми пришел в себя, нужно действовать быстро. Все устроено.

— Все устроено? — переспросил Джереми. — Кем?

Вейн взглянул на него, но ничего не ответил.

— Если, как вы говорите, вы не из Общества Бэббиджа, — настаивал Джереми, — то откуда вы? В распечатке упоминалось еще одно общество. То, которое откололось.

Вейн покачал головой.

— Ассоциация утопических изысканий — так они себя называют. Боюсь, что я не оттуда, мистер Коллингвуд. — Он медленно прошелся по палате, беря в руки то один, то другой предмет и снова кладя их на место. Потом провел здоровой рукой по металлической спинке кровати. В конце концов он, казалось, принял решение и повернулся к Джереми. — Я младший партнер фирмы «Детвейлер, Бэррон и Стоун».

— Той, что занимается инвестициями? — удивленно спросил Джереми.

— Той самой.

— Что это за «Детвейлер, Бэррон и Стоун»? — спросила Ллуэлин.

— Старая бостонская инвестиционная компания, ответил Джереми. — Основана в...

— В 1848-м Эдрианом Детвейлером, — подсказал Вейн.

— Спасибо. На Уолл-стрит считают, что она как царь Мидас — все, к чему она притронется, превращается в золото. У нее необыкновенное чутье на новые, перспективные отрасли. Я рекомендовал ее кое-кому из моих клиентов.

— Но какое отношение вы, Херкимер, имете к Детвей-

леру? — спросила Ллуэлин. — И с какой стати они помогают нам скрываться от Общества Бэббиджа?

Джереми понял все мгновением раньше остальных и рассмеялся. От этого головная боль возобновилась, и он откинулся на подушку.

— И вы тоже! — сказал он, ткнув пальцем в Вейна. — Верно? Еще одна группа, которая пытается направлять ход истории!

Теперь все стало ясно. Разве Гвинн не говорила, что Вейн сам напросился в группу? Разве Вейн не прилагал столько усилий, стараясь убедить их в нелепости самой идеи превратить историю в точную науку? Простая профилактика: иметь своего человека в любой группе, которая попытается проникнуть в тайну, и саботировать их работу. И...

— Вы тоже пытались выйти на Общество Бэббиджа, верно? Вейн повернулся к ним.

— У нас есть еще несколько минут, прежде чем приедет машина, — объявил он. — Поэтому я сообщу вам то, что вам следует знать.

Голос его стал жестким и повелительным. Он постоял, потирая руки, потом сунул их в карманы пиджака.

— Наша фирма всегда инвестировала капитал с большим успехом. С гораздо большим успехом, чем все думают. Дело в том, что, как и предположил мистер Коллингвуд, мы используем некоторые законы природы, проявляющиеся в деятельности человека.

— Законы, существование которых вы всегда старательно отрицали, — заметил Джереми.

Вейн развел руками.

— Разве можно отдавать такое оружие в руки конкурентов? Разумеется, мы всегда старались, чтобы другие не узнали то, что знаем мы. Как еще это можно сделать?

— «Применение методов точных наук ведет к дегуманизации культуры», — процитировал Джереми. — «Человечество нельзя свести к цифрам».

— Вот именно, — кивнул Вейн.

— Негодяй! — сказал Донг, и Джереми с некоторым удивлением взглянул на рассерженного математика.

— Прошу прощения? — переспросил Вейн.

— Я сказал «негодяй», — повторил Донг. — Если уж нам суждено быть всю жизнь скованными этими вашими законами, то нужно было хотя бы дать нам возможность видеть свои оковы.

Вейн пожал плечами.

— Я полагал, что человек с вашими способностями мог

бы смотреть на вещи шире. Неужели ваш дух скован законом тяготения? Неужели вас тяготит термодинамика?

— Значит, ваша организация не связана с Обществом Бэббиджа? — спросила Ллуэлин.

Вейн повернулся к ней.

— Боже мой, конечно нет, Гвинн. Они варвары; во всяком случае, превратились в варваров. Мы только недавно догадались об их существовании. И, смею сказать, они — о нашем. Я напросился в вашу группу, Гвинн, не только для того, чтобы защищать наши интересы, но и для того, чтобы получить представление о потенциальной опасности. — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Мы всегда считали, что аномалии в наших данных объясняются сложностью культурных процессов и недостатком наших знаний. Боюсь, что наша фирма работала чисто эмпирически. У нас не было ни вычислительных машин, ни теоретической базы, как у Общества Бэббиджа. По сути дела, наши интересы ограничивались лишь областью финансов. Если не считать противодействия попыткам подлинно научного подхода к подобным проблемам, мы вообще не предпринимали никаких прямых действий. Мы удовлетворялись тем, что использовали финансовые тенденции и циклы. — Он слегка улыбнулся. — Мы считали движущие силы истории столь же неизменными, как океанские приливы. Мы можем изучать их, анализировать, даже предсказывать с той или иной точностью на определенный срок вперед, но не воздействовать на них.

— Но Общество Бэббиджа всегда было другого мнения, — заметил Джереми. Вейн поджал губы и задумался.

— Да, это верно. Но они считали, что выполняют великую миссию. Они вынуждены были верить, что могут повлиять на Судьбу.

— Вы хотите сказать, что это не так? — Джереми не мог понять, почему такая возможность его встревожила. Может быть, потому, что убивать, защищая заблуждение, еще хуже, чем убивать, защищая истину?

Вейн снова пожал плечами.

— Не могу вам ответить. Нельзя отрицать, что в данных есть аномалии. Но не могли ли они возникнуть независимо ни от чего? Не знаю. Информация, которой мы располагаем, свидетельствует о том, что усилия Общества часто приводили к непредвиденным результатам. Может быть, они просто обманывают себя, преувеличивают собственное значение. Если учесть, как обманчивы «факты» культуры, впасть в такой самообман очень легко.

— Вы как-то сказали: «Факты — это конструкции», — медленно произнес Джереми. Вейн кивнул.

— Я вижу, та моя импровизированная лекция возымела действие. Да, факты — это конструкции, это фикции, которые мы строим на основе наших данных. Одни и те же факты могут быть истолкованы по-разному. Выиграл ли битву при Ватерлоо Веллингтон? Или Блюхер? И проиграл ли ее Наполеон — что не совсем то же самое? Не сказал ли как-то поэт: «Человек слышит то, что хочет, и пропускает мимо ушей все остальное»? Каждый реконструирует факты по-своему. Что означает «совокупный национальный продукт», если при его оценке коктейль, который клерк выпивает в обеденный перерыв, суммируется с выплавленной сталью? Я не хочу сказать, что подобные цифры бессмысленны; но их смысл может быть совсем не таким, каким кажется нам. Любая группа людей с легкостью конструирует тот смысл, какой кажется ей предпочтительным. И с такой же легкостью убеждает себя в его истинности. Вы ведь слышали, как любой президент уверяет, что та или иная экономическая случайность — его собственная заслуга.

— Тем не менее, — сказала Ллуэлин, — между бессилием и всемогуществом есть множество промежуточных ступеней.

— Верно. Именно поэтому нам так важно выяснить, что известно Обществу Бэббиджа. Не исключено, что наша фирма, не предприняв за время своего существования никаких действий, не вызвала никаких аномалий и поэтому не оставила никаких улик, по которым ее можно было бы выследить. Нам очень хотелось бы в этом убедиться.

Джереми чувствовал растущую тревогу. Вейн говорил мягко и обстоятельно. Даже с увлечением. Вот они сидят в больничной палате, скрываясь после покушения на их жизнь, и рассуждают о философии истории. Его тревога была вызвана ощущением, что Вейн сообщает им слишком многое. Значит, он убежден: то, что он им говорит, останется в тайне, раскрыть которую им просто не представится случая. У него в голове мелькнула мысль о Железной Маске. В конце концов, Вейн считает, что бомбу, уничтожившую группу, подложил кто-то из них. И если уж на то пошло, Джереми мог подозревать и самого Вейна. Вейн ждет, пока кто-то придет и заберет их отсюда. Куда? И вернутся ли они?

Бежать? Но Джереми знал, что далеко ему не уйти. Он чувствовал слабость и головокружение. И куда бежать? Домой? Вряд ли.

Да, бегство отпадает. «ДБС» доставит их туда, куда сочтет нужным. А это значит, что, если они собираются когда-ни-

будь выйти на свободу, надо оставаться на чеку. Быть готовыми воспользоваться любой возможностью.

Все это Джереми сообразил за какое-то мгновение. Слушая рассуждения Вейна, он в то же время восхищался сам собой. Оказывается, он способен принимать решения, брать в руки собственную судьбу. То чувство испуга и беспомощности, какое он испытал в первые дни после несчастного случая (несчастного случая!) с Деннисом, как будто пережил совсем другой человек — теперь он чувствовал к нему смутное презрение.

В дверь постучали. Должно быть, это был условный стук, потому что Вейн внимательно вслушался и только после этого открыл дверь, впустив какого-то худощавого парня. Он шепнул что-то Вейну, который, выслушав, кивнул. Потом парень вышел, а Вейн объявил:

— Машина пришла. Это мистер Андерсон, он сейчас вернется и вывезет вас. На каталках, как положено. Покидать палату будем по одному, чтобы никто не догадался, что мы вместе.

— Херкимер!

— Да, Гвинн?

— Мы можем вам верить?

— Гвинн, что вы говорите!

— Я хочу, чтобы вы мне ответили.

— Хорошо. — Он обвел всех глазами. — Я обещаю, что ни с кем из вас ничего не случится. Мы не чудовища. Мы хотим только одного — чтобы никто не нарушил наших интересов. Все, что мы предприняли за последние несколько месяцев, было вызвано только нашими опасениями, касающимися Общества Бэббиджа.

— А вы знаете, — заметил Джереми, — очень может быть, что этих ребят из Общества Бэббиджа можно считать вашими учениками.

Вейн заморгал глазами и удивленно посмотрел на него.

— Почему?

— Вы все время говорили, что «факты — это конструкции». А они сделали следующий шаг. Они решили сами стать конструкторами.

«Мистер Андерсон» доставил их на лифте в вестибюль. Джереми опасался, что они привлекут внимание, но никто на них и не взглянул. Обычная выписка больных.

Когда очередь на выписку дошла до Джереми, он вздрогнул: за конторкой сидела та же самая сестра, с которой он говорил, когда пришел сюда с Гвинн в поисках Денниса. Однако если она его и узнала, то не подала виду, и Джереми промолчал.

Машина стояла на дорожке перед главным входом. Это был фургон с распахнутыми боковыми дверцами. Джим уже ждал внутри, Джереми влез к нему и уселся рядом на заднем сиденье. Несколько минут спустя на каталке выкатили Ллуэлин и помогли ей подняться в машину. Она села посередине, а Андерсон отправился за Вейном.

— Не угнать ли нам машину? — спросил Джереми только наполовину в шутку. Что из сказанного Вейном правда? Он перегнулся через плечо Гвинн и взглянул на приборную доску. Ключей не было. — Кто-нибудь умест заводить мотор без ключа?

— Джереми, не говорите глупостей. Я давно знаю Херкимера. Не может быть, чтобы он хотел причинить нам какой-нибудь вред. Кроме того, у нас есть проблема поважнее.

Джереми снова сел.

— Какая?

— Ваша приятельница — дежурная сестра.

— Она меня не узнала.

— Вы полагаете? Я шла сразу за вами. Как только вы отошли, она опять превратилась в зомби и куда-то позвонила.

Джереми нахмурился и закусил губу.

— Да?

— Да. И это означает две вещи. Первая: она вас узнала.

— А вторая?

— Неплохо будет посматривать время от времени в заднее стекло.

Джереми взглянул на двери больницы. Там появился на каталке Херкимер Вейн.

— Вы скажете об этом Вейну?

— Решать вам, Джереми.

— Мне? Почему?

— Потому что, кому бы ни звонила дежурная сестра, это, несомненно, те же, кто похитил Денниса. Если они погонятся за нами, очень может быть, что они нас захватят. А в таком случае они доставят вас туда, где находится ваш друг.

IV

— Да, Алан? — Кеннисон поднял голову от бумаг и отложил ручку. Селкирк вывалил на его стол пачку компьютерных распечаток.

— Я закончил анализ, о котором вы просили.

— Спасибо, Алан. — Кеннисон полистал страницы, и

цифры заплясали у него перед глазами, как в мультфильме. — Я возьму это домой и посмотрю.

Это означало, что Селкирк может идти. Кеннисон снова взял ручку и углубился в бумаги. Через несколько секунд он поднял глаза и увидел, что Селкирк все еще стоит у стола.

— У вас что-то еще, Алан? Охота за вирусами идет нормально?

— Да, там проблем нет. Мисс Бейкер весьма способная программистка — хотя я вам и говорил, что смог бы справиться и сам. Мы уничтожили все вирусы, какие были в системе. Но... — Он показал на распечатку, которую только что принес. — Вы мне не скажете, в чем дело?

Кеннисон поднял бровь.

— Просто еще одно задание, Алан. Еще одно задание. «Кеннисон Демографикс» — хорошо известная, заслуженная фирма, у нее много клиентов, и кое-кто из них иногда обращается к нам с довольно странными просьбами.

Селкирк перегнулся через стол, опираясь на него руками.

— Бросьте! На этот раз клиент — вы! Что у вас на уме?

Кеннисон пристально смотрел на руки шотландца, пока тот не убрал их и не отступил от стола. «Так-то лучше. Алан определенно превращается в трудное дитя, — подумал Кеннисон. — Слишком много о себе воображает. Забывает, кто здесь главный. Не проявляет должного уважения. Уважение к начальнику — *sine qua non** цивилизации. Всякому свое место, и всякий на своем месте. Придется указать этому молодому человеку его место. Люди, которые знают свое место, лучше работают. Это понимали средневековые ремесленники и потому создали цехи. Так устраняются трения и зависть, гарантируется, что любую работу выполняют только те, кто достаточно компетентен. Правда, чем-то Алан мне симпатичен. Может быть, он всего-навсего напоминает мне о собственной молодости? Что и говорить, на покорную овечку он не похож. Ну, покорным овечкам нужны сторожевые собаки. А королям — наследные принцы. Выйдет из Алана подходящий наследный принц? Возможно, возможно».

— Да, это я, — сказал он. — Но то, что я сказал, остается в силе. Некоторые наши клиенты обращаются с не совсем обычными просьбами. Эта моя работа очень важна для... ну, скажем, для нашей будущей безопасности и спокойствия.

* Необходимое условие, требование (лат.).

Селкирк мотнул головой.

— Не понимаю. Какое отношение к нашему спокойствию имеют земельные участки, которые когда-то предоставляли испанцы на юго-западе?

— Это нити, — ответил Кеннисон. — Нити. Вы обнаружили те участки, которые почти не затронула война и которые с тех пор остались в руках тех же семейств?

— Да. Но не лучше ли нам заняться...

Кеннисон предостерегающе поднял руку и кивнул в сторону общего рабочего зала, где пил кофе и болтал с секретаршами полицейский.

— Завтра все снова будет по-старому, Алан. Вот завтра и расспросите меня о моих планах. Пруденс тоже выясняла кое-что по моему поручению. Она отнюдь не сидела сложа руки.

Отнюдь. Больше того, подумал Кеннисон, она проявляет изрядную энергию. С тех пор как он вернулся после свидания с Мелуном, они с Пруденс «совещались» почти каждый вечер, и это уже начало ему приедаться. Пусть она и хороша собой, — Кеннисон нередко ловил себя на том, что снова и снова об этом задумывается в свободные минуты, — но исполнять ее желания становится все труднее. Может быть, эта игра в «заблудившуюся девочку» стала чересчур прозрачной, потеряла прелесть новизны и поэтому уже не так его волнует?

Он вздохнул и посмотрел на часы. Вот-вот она опять позвонит и начнет его домогаться. Эта женщина не знает меры.

— Так вот, Алан, всему свое время. Всему свое время. А пока уже пять ноль-ноль. Не пора заняться ежедневной охотой на вирусов?

Зажужжал зуммер внутреннего телефона. Кеннисон поднял трубку.

— Да?

— Дэнни? — услышал он испуганный голос. — У меня беда. Приходи сюда поскорее, пожалуйста!

Кеннисон прикрыл трубку рукой.

— Это все, Алан, — сказал он подчеркнуто ровно. Служащие должны помнить, кто начальник. — И закройте за собой дверь, когда выйдете.

Оставшись один, Кеннисон убрал руку и сказал в трубку:

— Послушай...

— Дэнни, пожалуйста! Обещаю, что больше никогда не буду тебя просить! Тут совсем другое. Ты мне нужен!

В ее голосе слышались слезы.

— Дорогая моя, — промурлыкал он. — у тебя слишком пресная жизнь.

Он задумался над собственными словами. Может быть, какая-нибудь новая игра... Пруденс не может жить без своих жалких игр, как наркоман не может без «колес». Фантазия у нее, как выгребная яма. Каждый раз, уходя от нее, Кеннисон чувствовал себя так, словно окунулся в грязь. Он тер себя жесткой губкой под душем до тех пор, пока кожа не начинала гореть.

Так почему тогда он непременно идет к ней? Может быть, слишком уж бережет ее чувства? У него всегда был чересчур мягкий характер. Она хнычет, начинает упрашивать и в конце концов склоняет его принять участие в этих нелепых играх. Но ведь нельзя обижать ближнего, верно? С его стороны было бы жестоко отказать в удовлетворении ее потребностей. Тем более что она на его стороне. К тому же Кеннисон считал, что немного поразвлечься невредно. Делу время, потехе час.

— Хорошо, скоро буду. — Он положил трубку прежде, чем она успела пролепетать слова благодарности. Потом встал, поправил брюки, немного съехавшие на сторону, и направился к секретному лифту в туалетной комнате. *Noblesse oblige**. Он вздохнул. Кто сказал, что так легко быть начальником?

В помещении фирмы «Джонсон и Ченг», было темно. «Завтра все снова будет по-старому», — подумал он. Придет: конец и этим ночным встречам. Снимут полицейские посты. Ночная Смена заработает снова, и в этих комнатах опять воцарится привычная суета. Вполне естественно, что «Джонсон и Ченг» работает в ночную смену: ведь в это время в Китае день. (Между прочим, Ночная Смена занималась и обычными коммерческими операциями, чтобы непосвященные из дневной смены не удивлялись, почему ночью никогда не заключаются никакие сделки.)

Он дошел до середины рабочего зала, с трудом находя дорогу среди багровых теней. Скорее бы покончить с этим малоприятным делом. Он остановился и прислушался.

Ничего не слышно.

Какой-то едва слышный шорох — не то кто-то дышит, не то работает кондиционер.

— Пруденс?

Тишина.

А что, если и в самом деле здесь появился грабитель? Что,

* Положение обязывает (франц.).

если Пруденс мужественно пыталась остановить его? Что, если сейчас она лежит вся избитая, в крови, а он теряет драгоценные минуты?

Кеннисон быстро зашагал по проходу, заглядывая в каждый отсек. Он припомнил, как когда-то она притаилась в одном из них под столом. А что, если и тогда здесь был настоящий грабитель, а теперь он вернулся на место преступления, которое тогда ему не дали совершить? Кеннисон нашел на одном из столов ножницы, вооружился ими и продолжал тихо красться дальше. Если грабитель все еще здесь, даже малейший шум опасен.

Кеннисон прошел последний ряд отсеков, но так и не нашел Пруденс. Сердце его лихорадочно билось. Он подумал, не изнасиловал ли ее грабитель. Грабители — как правило, выходцы из низших классов, а у этой публики подобные вещи всегда на уме. Пруденс, конечно, должна была сопротивляться — она наверняка из всех сил отбивалась, пока он срывал с нее одежду. Кеннисон представил себе, как она лежит, избитая и обнаженная, а это грубое животное удовлетворяет свою похоть.

Он вошел в кабинет Ченга и увидел ее. Она сидела одетая в высоком вращающемся кожаном кресле Ченга и молча ему ухмылялась.

«Все те же фокусы, конечно».

Кеннисон почувствовал, что его охватил гнев, словно пахнуло жаром из открывшейся дверцы топки. Он положил ножницы на стол и большими шагами подошел к ней.

— Черт возьми, Пруденс!

Он рывком повернул кресло к себе, и ее голова безжизненно упала на плечо.

Сразу несколько вещей одновременно бросились Кеннисону в глаза. Неподвижная улыбка у нее на лице. Ужасный запах, как в плохо убранном туалете. И обширное темное пятно, покрывавшее перед ее платья от груди до самого подола. В багровом свете пятно отливало черным. Кеннисон протянул руку, дотронулся до него, и рука его стала мокрой.

— О, Пруденс... — произнес он печально. Чувству, которое он вложил в эти слова, он не мог бы подобрать названия.

— Как трогательно!

Он круто повернулся к двери. Там, среди черно-багровых теней, стояла какая-то фигура. На него смотрело дуло пистолета девятимиллиметрового калибра с глушителем. Кеннисон, прищурившись, взгляделся в темноту.

— Это ты!

В кабинет шагнула Женестьева Вейл.

— Встань-ка так, чтобы я тебя видела, Дэнни, мой мальчик.

Она взмахнула пистолетом. Кеннисон медленно обошел стол. Вейл оглядела его с головы до ног, задержала взгляд на его брюках.

— Ну-ну, импотент ты несчастный. Я вижу, иногда он у тебя все-таки встанет. Невероятно. Неужели у этой толстой шлюхи есть что-то такое, чего нет у меня?

— У нее даже у мертвой этого больше, чем у тебя живой, — отрезал Кеннисон.

Лицо ее напряглось, дуло пистолета поднялось вверх, и Кеннисон пожалел о своих словах. «Спокойнее, — подумал он. — Нужно держаться спокойнее». Большой любви к Пруденс Бейкер он никогда не питал. И все же если бы эта сцена повторилась, он знал, что снова сказал бы то же самое. Любопытно.

Вейл усмехнулась и чуть опустила пистолет.

— Нет, — сказала она. — Пока не время.

«Пока не время! Значит, есть надежда!» Мозг Кеннисона заработал с бешеной скоростью.

— Так ты осталась в живых? Мы все так волновались...

— Перестань болтать чушь. Я этого не люблю.

— Но тебе, пожалуй, пока еще небезопасно показываться. Правда, массовая истерика, жертвой которой стали Бен-тон и Руис, немного спадает, но...

Вейл рассмеялась. Кеннисон чувствовал, как пот течет у него по лбу, по всему телу. Колени у него дрожали. Он знал, что от него должно пахнуть страхом.

— Ах, ты, сукин сын, — сказала она. — Всегда тебя терпеть не могла. Какая жалость, что твой папаша оставил тебе место в Совете.

— Но...

— Заткнись и слушай, дерьмо поганое! Ты хочешь знать, как я выжила, когда взорвалась моя машина? Это не так уж сложно. Просто меня в машине не было. Я знала, как публика отреагирует на то, что сделала Сара Бомонт. Я знала, что начнутся погромы. Мать мне это не раз говорила. И я знала, что кто-нибудь из моих преданных последователей постарается не упустить такого случая. В списке были ты, Ульман и Пейдж, так что, когда Пейдж явилась ко мне с этим идиотским планом, я поняла, что она что-то задумала. Не так уж трудно было выяснить, что именно. Джед — мастер своего дела.

— Мы с ней не...

Дуло пистолета снова поднялось.

— Я, кажется, велела тебе заткнуться. Председателя надо слушаться. Я в точности знаю, что ты ей говорил. У меня есть собственные уши в твоём доме.

Отчаяние заставило его продолжать:

— Тогда ты знаешь, что я никогда не говорил...

— Конечно, не говорил. Ты никогда ничего не говоришь. Ты единственный человек из всех, кого я знаю, который объясняется исключительно намеками. — Она холодно усмехнулась. — Рассказать тебе, как она орала, когда Джед её допрашивал? Жалко было смотреть. При виде крови она совсем потеряла голову. Но кому нужны все десять пальцев? Она вопила, рыдала, она предлагала перейти на мою сторону и предать тебя. Но ей это не помогло. Мне от неё нужна была только информация. Сама она мне ни к чему. Кто доверится предателю?

Кеннисон почувствовал, что страх и отчаяние понемногу сменяет гнев. Сестра Пейдж была его соперницей. Но когда она пошла к Вейл, она действовала на его стороне. Он чувствовал за неё ответственность.

— Что вы с ней сделали?

— Не будь идиотом. Ты же знаешь, что в машине нашли тело.

— Она была... — «Обугленные останки; руки, пригоревшие к рулю; широко раскрытый рот — хотела крикнуть, но не успела»... — Она была в сознании, когда это случилось?

— О, конечно.

Вейл никогда не страдала сентиментальностью. Конечно, её жертвы должны были знать. Иначе пропала бы половина удовольствия. Ей мало просто убить человека. Нужно сделать это жестоко. Кеннисон про себя проклинал её. И её мать тоже: если бы она воспитала Женевьеву иначе... «Ну ладно. Думай о том, что происходит, Дэниел. Думай. Возможно, времени на раздумье у тебя осталось совсем немного».

— Она видела, как мы присоединяли провода к взрывному устройству, — сказала Вейл. — Джед даже объяснил ей, как оно устроено и как должно сработать. О, как она корчилась и извивалась! Но ремень безопасности был приварен наглухо. Я так и вижу, какие у неё были глаза, когда я помахала ей на прощание.

Кеннисону очень хотелось сказать ей, что она страшная женщина, но он стиснул зубы и не произнес ни звука. Он попытался представить себе, что чувствовала Пейдж, при-

ввязанная в автомобиле, знающая, что ее ждет, но бессильная что-нибудь сделать.

Но Вейл все же прочла что-то в его лице.

— А что, когда это делаешь чужими руками, разве что-нибудь меняется? Разве ты лучше меня только потому, что всегда нанимал кого-то, чтобы тот нанял еще кого-то, чтобы тот это сделал?

Она расхохоталась, поглядела мимо него на труп в кресле и задумалась.

— А эта свинья, с которой ты так любил развлекаться, совсем не визжала. Надо отдать ей должное. Она понимала, что это ни к чему. Ее я могла бы использовать.

— Тогда почему...

— Почему? Ты просто осел. Потому что она в самом деле питала к тебе слабость. Я не хочу называть это «любовью», это мещанское слово. И это трудно себе представить, когда речь идет о такой мрази, как ты. Но у всякого свой вкус. Она в самом деле думала, что ты спасешь ее, словно какой-нибудь сраный рыцарь в какой-нибудь говенной сказке. С копьём наперевес. Она высказала это мне в лицо, сучка этакая.

А он не смог ей помочь. Она ждала, когда он придет и спасет ее, а вместо этого получила пулю в сердце. Кеннисону стало стыдно. Человек должен защищать своих близких, а он не смог. Отважная маленькая Пруденс! Преданная, стойкая помощница, которая ушла во тьму, как герой. Кеннисон знал, что так или иначе отомстит за нее, пусть даже это будет стоить ему жизни.

— Черт меня возьми! — сказала Вейл. — Так вот что тебя заводит. Опасность!

Она прицелилась ему в пах, и Кеннисон весь напрягся. Девять миллиметров — не двенадцать, пуля такого калибра не остановит решительного броска, если только не попадет в сердце. Так сказал ему тогда Тайлер Крейл.

Раздался щелчок — она поставила пистолет на предохранитель.

— Жалко упускать такой случай, как ты думаешь? Раз уж у тебя стоит, надо пользоваться. Вот что я тебе скажу, Дэнни, мой мальчик. Если он у тебя продержится дольше, чем твои обычные пять секунд, я убью тебя сразу и не стану мучать. А если он продержится столько, что и мне перепадет хоть что-нибудь, — я, может быть, вообще не стану тебя убивать. Оставлю тебя жеребцом-производителем. И всякий раз, когда мне вздумается на тебе прокатиться, надо будет только напугать тебя до полусмерти. Как ты на это смотришь, Дэнни, мой мальчик?

Вейл не знала, что такое искренность. Кеннисон не питал никаких иллюзий — он понимал, что его ждет. Но это предложение означало несколько лишних мгновений жизни, а Кеннисон уже понял, как драгоценно каждое мгновение.

— Да, — сказал он хриплым, надтреснутым голосом. — Да.

— Прекрасно, Дэнни, мой мальчик. Ты всегда отлично умел пресмыкаться. Теперь иди сюда. Только не забудь, пистолет все еще при мне. Если это опасность тебя так заводит, значит, у тебя будет стоять, пока у меня пистолет. — Она снова засмеялась, как будто отпустила удачную шутку.

Кеннисон двинулся к ней, лихорадочно размышляя. Вейл меньше его ростом, значит, руки у нее короче. Если они настолько короче, что... Конечно, это отчаянный риск. Но и положение отчаянное.

Он дал ей обнять себя, постаравшись скрыть дрожь отвращения. Холодный ствол пистолета упирался ему в затылок. Она подставила ему губы для поцелуя, и он стиснул ее изо всех сил. Он помнил, что она любит, когда с ней грубы.

Ее тело по-прежнему оставалось напряженным и неподатливым в его объятиях. Тогда он заставил себя вообразить, что обнимает не ее, а Пруденс. Он повернул ее спиной к себе и прижал к столу, глядя через ее плечо в мертвые глаза Пруденс Бейкер.

— Что ты делаешь?

— Принимаю на постоянную работу, — промурлыкал он. Это была старая шутка: секретаршу берут на постоянную работу только после того, как трахнут ее на столе.

Наконец она расслабилась, ее руки протянулись назад и обвили его шею. Он все еще чувствовал спиной холодный металл, но это был не ствол, а рукоятка.

Пора!

Он схватил со стола ножницы и, сжав их обеими руками, изо всех сил вонзил ей в спину. В то же мгновение он вцепился в ее правую руку, с силой опустил ее и прижал к своему боку.

Вейл подбросило, словно от удара электрического тока. Все ее тело выгнулось назад. Воздух с шипением вырвался из ее легких. Кеннисон почувствовал, как кончик ножниц скользнул по кости, он еще раз налег на них, и руки его стали горячими и мокрыми.

— Сукин сын!

Он все еще крепко держал ее, не давая согнуть правую руку, чтобы направить ствол в него. Она билась и извивалась. Наверное, точно так же билась сестра Пейдж. По ее телу пробежала судорога, и он услышал сзади выстрел. Горячие газы обожгли ему голову, пуля оцарапала спину и вонзилась в стену.

Она корчилась все сильнее, он чувствовал, что она вот-вот вывернется. Ее рука скользила вниз, сейчас она высвободится. Если она сможет повернуть пистолет...

Он резко повернулся и отшвырнул ее руку в сторону. Еще одна пуля вылетела из глушителя и разнесла диплом в изящной рамке, висевший рядом с книжной полкой. Он обеими руками схватил руку, в которой был пистолет, и изо всех сил заломил ее. Третий выстрел обжег его руку, как язык пламени. Пуля пробила ему плечо, не задев кости. Боль была невыносимой, но он знал, что ослабить хватку — это смерть. «Такому человеку, как я, боль нипочем».

Она колотила его кулаком левой руки, но он, не обращая на это внимания, все сильнее выворачивал ей правую. Наконец что-то хрустнуло, и пистолет выпал из ее разжавшихся пальцев.

— Боже! — вскрикнула она. — О боже! Мне больно! Вызови скорую!

Он отстранился от нее и ногой отшвырнул пистолет в угол. Вот уж кому не стоит призывать Бога, так это мадам Вейл. Она, шатаясь, сделала несколько шагов в сторону. На письменном столе Ченга виднелась черная, поблескивающая в свете лампы лужа. Ножницы торчали у нее из спины, она обеими руками пыталась до них дотянуться.

— Вытащи их, черт тебя возьми!

Он шагнул вперед, крепко взялся за ножницы, секунду подождал, когда она еще раз крикнет о помощи, и рывком вытащил их. Швырнув ножницы в тот же угол, где лежал пистолет, он грубо повернул ее лицом к себе. В багровом свете она казалась смертельно бледной. Из глаз текли слезы.

Великая Гарпия плакала!

Он отпустил ее, и она осела на ковер. Он победил! Он, Кеннисон, побывал на краю Великой Бездны и избежал падения! Он смотрел в глаза Смерти, прикасался к ней руками! Он одержал верх над Женеьевой Вейл!

Теперь все в его власти. Вейл и Пейдж больше нет в живых, и Общество принадлежит ему — остается только протянуть руку и взять. Просто взять. Все, чем раньше владела Вейл, теперь досталось ему.

Он подошел и посмотрел на нее сверху вниз. Она ответила взглядом, в котором уже не осталось надежды. Она понимала, что он никогда не вызовет ей скорую. Она не щадила других и не ждала пощады сама. Она знала, что ей предстоит истечь кровью здесь, в темноте.

Он оскалился.

— Ты была совершенно права, моя милая, — сказал он безукоризненно вежливо. — Действительно, жалко упускать такой случай. Раз уж у меня стоит, надо пользоваться.

Через некоторое время он позвонил из кабинета Джонсона.

— Алан? Спуститесь, пожалуйста, ко мне. Тут надо кое-что прибрать.

V

Андерсон, смотревший в зеркальце, скорчил гримасу.

— Никак не пойму, гонятся за нами или нет, — сказал он.

Джереми еще раз взглянул в заднее стекло. Голубой седан все еще ехал сзади.

— Гонятся, — заверил он Андерсона. — И очень хитро. Не бампер в бампер, как показывают в кино, а через две-три машины.

— Ну, не беспокойтесь, — сказал Андерсон. — Мы едем в Стейплтон.

— Они тоже, — заметил Джереми.

— Я не о том. Даже если люди в той машине — из Общества Бэббиджа, они не осмелятся ничего сделать. Слишком много народа вокруг. — Зажегся зеленый, и он свернул на Колфэкс-авеню. — Что они могут сделать?

— Пристрелить нас. Вы забыли про того стрелка в парке?

— Но их поймают!

— Это может их не испугать.

Тот, кто стрелял в Сару Бомонт, сделал это в самой гуще толпы. Он открыл огонь, точно зная, что погибнет и сам. Джереми содрогнулся. Подобный фанатизм был ему чужд. Он не мог представить себе, что творится в голове у такого человека. Гвиннет предположила, что он, возможно, «запрограммирован», как сестра в больнице. В чем-то это даже страшнее. Одно дело — пожертвовать собой во имя идей, которым ты фанатично предан. И совсем другое — пожертвовать собой за чужие идеи.

Херкимер Вейн с озабоченным видом обернулся к сидевшим сзади.

— Как по-вашему, что нам делать? Фирма не имеет опыта действий в таких отчаянных ситуациях. Мы никогда еще...

— Да, да. — Джереми раздраженно махнул рукой. — Мы знаем. Вы никогда ничего подобного не делали. Но почему вы спрашиваете совета у меня? Разве у меня больше опыта?

— Джереми, — сказала Гвиннет Ллуэлин, — мы должны что-то предпринять. — В голосе ее слышалось едва сдерживаемое напряжение. Джереми понял, что она близка к истерике.

— Знаю, знаю. — Джереми умолк. Как получилось, что он оказался главным? Почему не Гвинн? Или Вейн? Или Джим Донг? Или даже Андерсон? «Я же всего-навсего бухгалтер! Я никогда такими вещами не занимался!»

Впрочем, никто из них тоже такими вещами не занимался. Он оказался главным за неимением лучшего. Ему это навязали, хочет он или нет. Может быть, так всегда бывает? Может быть, лидером становится всего лишь тот, кто не успел сделать шаг назад?

— Какое у нас есть оружие? — спросил он.

Андерсон засмеялся.

— Там сзади, около запасного колеса, есть ручка от домкрата.

Прекрасно!

— Ни ножа, ни пистолета?

— Ученым они обычно не нужны, — сказал Херкимер Вейн.

— Но ведь после взрыва...

Боже, какие наивные дети! После всего, что произошло, спасательную экспедицию можно было бы вооружить и автоматами. А не посылать одного человека с мини-фургончиком. Ну, черт с ними. Он взглянул на Джима Донга.

— Ну, а вы?

— Я? — Донг удивленно посмотрел на него. — У вас есть какой-нибудь план?

— Вы сделаете то, что я вам скажу?

Математик пожал плечами.

— Такая уж, видно, у меня карма.

— Вы хорошо умеете драться?

— У меня черный пояс. Но если у этих людей есть пистолеты...

— Это пока неважно. — Джереми стиснул руки и, нахмурившись, смотрел в пол. Возможно, выход есть. Это от-

чаянный риск, но есть небольшой шанс, что все пройдет благополучно. Многое зависит от того, какие намерения у преследователей. Если у них в машине ракета «Стингер» и они ждут только подходящего момента, чтобы получить прицелиться, то уже не имеет значения, какой бы план он ни изобрел. Но о таком варианте он решил не думать. Займемся главным. Драться или бежать? Нужно выбрать. А детали — потом.

— Ладно, — произнес он через некоторое время. — Вот что мы сделаем.

Взгляд Кеннисона бесцельно блуждал по экранам телевизионных мониторов. Стена его кабинета была сдвинута в сторону, и с мерцающих экранов на него смотрели семь фосфоресцирующих лиц. Одни выражали раздражение, другие сомнение, третьи едва скрытую вражду. Еще четыре экрана не горели. Кеннисон изо всех сил старался, чтобы на его лице ничего нельзя было прочесть.

Бентон. Пейдж. Руис. Вейл. Кеннисон подумал: хорошо бы не горело еще несколько экранов. Новый режим лучше начинать с чистого листа. Нынешние члены Совета запятнаны долгим общением с Великой Гарпией. Неважно, поддерживали они ее или выступали против. Она породила всю их систему координат и стала для каждого точкой отсчета.

Кроме него, разумеется.

Что ж, приходится работать с тем материалом, какой есть под рукой. Кеннисон сделал большой глоток из чашки кофе, которую принесла ему Карин. Он всегда гордился тем, что при всех обстоятельствах оставался реалистом. Он собрался с мыслями, сложил руки на столе и серьезно посмотрел на экраны.

— Королева умерла, — объявил он. Им оставалось только продолжить про себя: «Да здравствует король». Глядя в лицо Кеннисону. Важно заронить семя. Он не стал сообщать им время ее смерти. Его знали только трое: он, Алан и Джед, и это на двух человек больше, чем надо. Но Джед надежно упрятан в деревенской хижине в глуши Висконсина, под надежной охраной, — до тех пор, пока Кеннисон не решит, что с ним делать. Если он такой мастер вести допросы, как говорила Вейл, ему может найтись место в штате. Если нет... Все зависит от того, кому и чему больше предан Джед — своей хозяйке или своему ремеслу.

Что же касается Алана... Ну, Алан будет молчать, это в его собственных интересах. Он стал сообщником и укрывателем. Кеннисона передернуло. Какой неприятный способ

избавляться от трупа! И ужасно много крови. Удивительно, сколько в человеке крови. К счастью, сток в туалетной комнате не засорился. Но все остальное... Твердые части пришлось измельчать, чтобы они не застряли в унитазе, — жесткая, тяжелая работа. Кеннисон считал, что для Вейл такой конец будет самым подходящим, и сам помогал расчленять тело и спускать его в канализацию. Но когда дело дошло до Пруденс Бейкер, это оказалось свыше его сил. А Алан... Что ж, полезно знать, на что у Алана может хватить хладнокровия.

— Мы это знаем, — ехидно сказал Фредерик Ульман, и Кеннисон очнулся. — Общество оставалось без председателя слишком долго, пока мы с Пейдж играли в эти дурацкие игры.

Кеннисон заметил, что Ульман бросил взгляд куда-то влево. Перед ним тоже ряд мониторов, и он не может понять, почему монитор Пейдж не горит. Ничего, пусть себе ломает голову.

— Но ведь ее план сработал? — сказала Монфор. — Это убедило публику, что мы не такие, какими выглядели в бомонтовской распечатке.

— Да, я дал на это согласие, — признался Ульман. — Но сомневаюсь, чтобы была такая необходимость. Публика верит только в то, во что ей велят верить. Во что она сама хочет верить.

«Гогочут, как гуси, — подумал Кеннисон. — Га-га-га...»

— Первый пункт повестки дня, — сказал он, — выборы нового председателя. Нужен центр, вокруг которого мы могли бы держаться. — Он улыбнулся и развел руками. — Прошу выдвигать кандидатуры.

— Я выдвигаю брата Ульмана, — сказала Бриджит Туи.

— Поддерживаю, — сказал Вестфилд.

— Предлагаю подвести черту, — сказала Туи.

— Поддерживаю.

— Объявляется голосование.

Это случилось так быстро, что Кеннисон не успел опомниться. Рейнолд Соренсон, который должен был выдвинуть Кеннисона, беспомощно смотрел на него с экрана. Кеннисон бросил на него сердитый взгляд. «Какого черта ты не мог заговорить раньше?»

— Ну, брат Кеннисон? Объявлено голосование.

Худое, морщинистое лицо Ульмана ухмылялось ему с экрана.

Кеннисон протянул руку и покрутил ручки своего передатчика.

— Прошу прощения, — сказал он. — У меня что-то случилось со звуком. Что вы сказали, брат Соренсон?

Соренсон понял намек.

— Я сказал, что выдвигаю брата Кеннисона.

— Что это значит, брат Кеннисон? Что вы тут пытаетесь устроить? — вмешался Ульман. — Сестра Туи объявила голосование.

— Я тоже ее не слышал, — сказал Соренсон. — Были помехи на линии.

— И я, — поддержал его Питер Льюис, крупный, широкоплечий человек с ежиком светлых волос и красноватым горнолыжным загаром на лице. За спиной Льюиса виднелись в окне заснеженные вершины гор Биттеррут. Тайное убежище Льюиса находилось где-то в Айдахо или в Монтане, и он очень редко его покидал. Служащие Кеннисона несколько лет пытались опознать эти горы, сравнивая их с аэрофотоснимками Геологической службы, но успеха не добились. Может быть, рано или поздно это им удастся — хотя Кеннисон начал подозревать, что все это лишь тонкая уловка и на самом деле фон за окном — не что иное, как голограмма.

Льюис улыбнулся.

— Я сомневаюсь в честности брата Кеннисона не больше, чем в вашей, брат Ульман.

И он еще раз улыбнулся, показав зубы — белые, ровные и идеальной сохранности. Кеннисон не мог не восхититься качеством протезов.

Значит ли это, что Льюис будет голосовать за него? Возможно. Возможно. Он понял, что шансы почти равны, раз Туи в кармане у Ульмана. До сих пор он этого не знал. Нельзя ли отложить голосование? Вряд ли, дело срочное. Ну что ж, посмотрим. Будем надеяться на лучшее, и черт с ними, с торпедами*. «Умей поставить, в радостной надежде, на карту все, что накопил с трудом...» Как там дальше? Совсем забыл Киплинга.

— Кандидатуру брата Кеннисона никто не поддержал, — заметил Ульман.

Льюис пожал плечами.

— Ну, я поддержу. В конце концов, будем играть честно. Должна быть альтернатива.

— Есть еще кандидатуры? — спросил Кеннисон и увидел,

* Вошедшие в поговорку слова американского адмирала периода гражданской войны в США Дэвида Фэррагута, сказанные перед началом одного из морских сражений, когда его предупредили, что противник может применить мины (их в те времена называли торпедами).

как их глаза забегали по экранам. Пигмеи ждут, не бросит ли кто-нибудь вызов великанам. Нет. Кишка тонка. Они никогда не решатся на то, на что решился он. Или Ульман. Никогда не поставят все на карту. Ульман из той же породы людей, что и он сам, — из обреченных на величие. Он поглядел на экран Ульмана. «Приветствую тебя, мой противник. Для меня будет большой честью тебя победить».

— Предлагаю подвести черту, — сказала Туи, бросив презрительный взгляд в сторону Кеннисона. — На этот раз вы слышали, брат Кеннисон?

— Прекрасно слышал, сестра Туи.

— Поддерживаю.

— Объявляется голосование.

— Ну что ж, голосуем? — Кеннисон протянул руку и ввел свое имя, потом нажал кнопку и откинулся назад в кресле, ожидая результатов.

Все заняло лишь несколько секунд. За Ульмана — 3, за Кеннисона — 2, воздержались — 4.

Выражение лица Ульмана доставило бы Кеннисону больше удовольствия, не зная он, что на его собственном — точно такое же.

— Вот это номер, — сказал Льюис. — Смотрите-ка, никто не получил большинства.

Он снова улыбнулся той же своей улыбкой — безукоризненные белые зубы на загорелом нордическом лице. Кеннисон подумал, с каким наслаждением выбил бы эти зубы. Только не кулаком — костяшки расшибешь. Может быть, трубкой. Или его собственной фибергласовой лыжей.

Он взглянул на специальный дисплей, который Алан строил к компьютерной сети. За Ульмана: Бриджит Туи, Фредерик Ульман, Карл Вестфилд. За Кеннисона: Дэниел Кеннисон, Рейнолд Соренсон. Воздержались: Роман Хуанг, Питер Льюис, Дана Монфор, Гретхен Пейдж.

Эта сволочь Монфор! Предательница! Он взглянул на экран, но не смог прочесть ее мыслей. Лицо ее было словно высечено из камня. Кто ее перекупил? И чем? Только не Ульман. Она ненавидит эту сморщенную старую перечницу. И поддержать Кеннисона она обещала ради того, чтобы не дать выбрать Ульмана. «Теперь я знаю цену ее обещаниям!» Кеннисон скрипнул зубами и улыбнулся.

Глаза Ульмана сузились и превратились в щелки, губы зашевелились.

— Минутку, — сказал он и отключил свой микрофон. Кеннисон видел, как он поднял телефонную трубку и набрал номер. Он поспешно включил еще один электронный подарок

брата Алана. На экране появилась надпись: «ИДЕТ ПОИСК». Ульман произнес в трубку несколько слов, молча выслушал ответ, кивнул и сказал что-то еще. «ПОИСК ЗАКОНЧЕН. НОМЕР НЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ». Из факса на столе Ульмана выполз лист бумаги. Старик выдернул его, быстро просмотрел и снова заправил в факс. «МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ... КОД 505». Факс Кеннисона издал звонок и начал печатать. Остальные члены Совета тоже смотрели по сторонам, размышляя, какой фокус изобрел Ульман, чтобы преодолеть тупик.

Код 505? Где это? Кеннисон не успел об этом подумать, как на его экране появилась мерцающая надпись: «МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ — СЕВЕР ШТАТА НЬЮ-МЕКСИКО. ТОЧНЕЕ УСТАНОВИТЬ НЕВОЗМОЖНО».

Нью-Мексико? Нью-Мексико! Руис! Наверняка это он! Проклятый испанский выродок! Откуда Ульман узнал, что Руис жив? И как смог с ним связаться? Не иначе они задумали это с самого начала. Ульман и Руис. Пока Кеннисон разрабатывал свой план вместе с Пейдж, Соренсоном и — как он думал — с Монфор, в это время Ульман, Руис, Туи и Вестфилд разрабатывали свой. Ульман предоставил Кеннисону проделать всю черную работу, а теперь собирался пожать плоды. Кеннисон стиснул кулак, но так, чтобы этого не было видно на экране.

Факс содержал поручение Ульману проголосовать от имени Бенедикта Руиса. Кеннисон едва взглянул на него — он знал, что там будет.

— Брат Руис мертв, — сказал он Ульману. — Эта доверенность недействительна.

— Не совсем так, — объявил Ульман с довольной улыбкой. — Брат Руис прекрасно понимал, что ему грозит серьезная опасность из-за непростительных утечек в нашей сети. («Ого!») Поэтому он скрылся — точно так же, как брат Льюис, только еще тщательнее. Брат Льюис хочет всего лишь, чтобы его местонахождение оставалось тайной... — Пауза, потом улыбка — намек на то, что вряд ли это тайна для такого мудрого и проницательного человека, как Ульман. Кеннисон порадовался, заметив на загорелом лице Льюиса недовольство. — ...И это ему удастся вот уже много лет. А брат Руис обеспечил себе еще большую безопасность, скрыв само свое существование. Он согласился раскрыть свою тайну только сейчас, чтобы обеспечить мне избрание. Чтобы предотвратить, как он сказал, дальнейшую деградацию Общества.

Кеннисон злобно оглядел экраны и увидел, что все смот-

рят на него. Он видел, что Монфор и все остальные про себя подсчитывают голоса. Теперь счет 4:2:4. У Ульмана большинство. Устав гласил, что если за кандидата будет подано столько же голосов, сколько воздержится, то кандидат считается избранным. Наступил решающий момент.

— Одну минуту, — сказал Кеннисон. Он отключил свой микрофон и поднял трубку личного телефона.

— Алан, — сказал он.

— Да? Как проголосовали?

— Если кто-нибудь начнет подслушивать...

— Никто не подслушает. Я все проверил.

— Лучше перестраховаться. Если кто-нибудь начнет подслушивать, вы можете сделать так, будто я говорю с каким-то номером в районе Нью-Йорка, который определить нельзя?

— Конечно. Это не труднее, чем...

Кеннисону было неинтересно знать, не труднее чего, и он отключил Селкирка.

— Теперь передайте мне этот факс.

Звонок звякнул три раза, из аппарата выполз лист бумаги. Кеннисон взглянул на него, убедился, что все правильно, и снова вложил его в аппарат, чтобы отправить копии всем остальным. Это было поручение Пейдж отдать ее голос за Кеннисона. Можно было усмотреть в этом некую изящную симметрию: Ульман голосовал от имени живого мужчины, которого считали мертвым, Кеннисон — от имени мертвой женщины, которую считали живой. Кеннисон гордился тем, как выполнена ее подпись — это был один из его шедевров.

Ульман прочел поручение и посмотрел на Кеннисона долгим, тяжелым взглядом.

— Где сестра Пейдж? — спросил он.

— Стоит ли мне повторять все, что вы только что рассказали про брата Руиса? Сейчас трудное и опасное время. Сестра Пейдж точно так же, как брат Льюис и брат Руис, решила скрыться. Я убежден, что никто из нас не будет их за это винить. Не надо принимать благоразумие за трусость.

Он нарочно противопоставил эти понятия — это подскажет им, что между ними все-таки есть связь. Особенно применительно к Льюису, который ушел в подполье задолго до того, как публика начала возмущаться. Он видел, что Льюис разозлился, но возразить ничего не может: ведь Кеннисон только что сказал, что его не следует считать трусом. К тому же слова «то, что вы рассказали» заставят всех задуматься: а можно ли верить Ульману? Кеннисон начал получать от всей процедуры выборов неподдельное удовольствие.

— Значит, скрылась? — сказал Ульман. — Я полагаю, мы можем считать, что это действительно так.

Намек — вещь обоюдоострая. Ульман не сводил глаз с Кеннисона. Его спокойствие говорило о том, что ему что-то известно. «Что он знает? — пронеслось в голове у Кеннисона. — Может ли кто-нибудь знать, что произошло в особняке Вейл? Джек клялся, даже хвастался, что больше никто не знает». Ульман не мог ничего знать о мстительных замыслах Вейл. Она ненавидела его во всяком случае не меньше, чем Кеннисона и Пейдж. Она никогда не доверилась бы Старикану. Жаль, что Вейл не избрала своей второй жертвой Ульмана. Это решило бы сразу множество проблем. Ну, что сделано, то сделано».

Теперь счет голосов стал 4:3:4. Перевес по-прежнему у Ульмана, но незначительный. Кеннисон взглянул на экран Монфор — пусть теперь попробует воздержаться! «Если ты, сука, и дальше будешь оставаться в стороне, этот старый пердун окажется избранным».

Монфор повернула голову. Смотрит на чей-то монитор, но на чей? «Черт возьми, она должна слушать меня!» Его глаза перебежали с экрана на экран, но если кто-то и подал ей сигнал, Кеннисон его не заметил.

Монфор протянула руку и нажала кнопку. Кеннисон посмотрел на табло. «За меня!» Он почувствовал огромное облегчение и разжал кулаки. Он и не замечал, в какой напряженной позе сидел до сих пор. Только через секунду он вспомнил, что это всего лишь ничья, а не победа. Еще не голосовали Льюис и Хуанг.

Некоторое время Льюис разглядывал результат на собственном экране, потом пожал плечами.

— Давайте кончать, — сказал он. — Сейчас самое лучшее время для лыж, жалко его терять.

Театральным жестом он залез в карман брюк и вытащил монетку. Подбросив монетку, он поймал ее, прижал к запястью, заглянул под руку и нажал на кнопку терминала, отдавая свой голос. Кеннисон был потрясен. Это было самое большое унижение, какое он испытал в жизни, — плевков в лицо и ему, и Ульману.

Льюис проголосовал за Ульмана. Значит, Ульману будет легче перенести этот плевков.

Теперь счет голосов стал 5:4:1. Перевес у Ульмана. Кеннисон взглянул на изображение Льюиса, но увидел все ту же всегдашнюю любезную улыбку.

Ничейный исход еще возможен — все зависит от Хуанга. Кеннисон перевел глаза на правый нижний монитор. Роман

Хуанг жил на собственном острове где-то на Гавайях. Сейчас он полулежал в шезлонге на фоне белого песка, прибоя и дымящегося вулкана. Выражения его лица не было видно из-за темных очков. Гаваец еще может спасти Кеннисона. Ничья даст ему время. Есть способы добиться, чтобы остальные изменили свое решение. Убедить их, например. Или еще что-нибудь.

На лице Хуанга он не мог прочесть ничего. «Не буду его просить, — сказал он себе. — Не буду перед ним пресмыкаться. Пруденс не просила, не могу же я быть слабее ее».

Кеннисон заметил, что остальные тоже смотрят на какой-то один монитор — наверное, на монитор Хуанга. «Вот вам и тайное голосование».

Хуанг сидел неподвижно. Ожидание затягивалось. Наконец он спросил:

— Что-нибудь еще есть в повестке дня или мы закончили?

Вот и все. Каковы бы ни были у него на то причины, Роман Хуанг по-прежнему воздержался. Кеннисон видел, что Ульман тоже рассержен. Принять решение все равно нужно, так зачем тянуть?

Кеннисон припомнил эпизод, случившийся на одном партийном съезде, когда выдвигали кандидата в президенты. Когда же это было? В 84-м? Репортер брал интервью у кого-то из сенаторов — кажется, от штата Монтана. «Кто станет кандидатом, уже решено, — сказал репортер. — Почему же вы собираетесь голосовать за человека, который наверняка проиграет?» Сенатор с Запада посмотрел на него, как на вошь, и ответил, что голосовать нужно не за победителя, а за принципы. Кеннисону не верилось, чтобы у Хуанга были какие-то принципы. Что он замышляет? Что он может замышлять?

В качестве временного председателя собрания Кеннисон символически передал председательский молоток Ульману — только что избранному постоянному председателю. Тот произнес несколько елейных фраз, поблагодарил своих сторонников, воздал должное сопернику и сказал, что настало время «крепить ряды в этот тяжелейший в истории Общества час». Кеннисон с улыбкой поздравил его с победой и пообещал во всем его поддерживать. Все делали вид, что друг другу верят. «Радуйся, Старикан, — думал он, глядя на монитор. — Годы возьмут свое. Недолго тебе осталось».

— В повестке дня осталось еще два вопроса, которые надо сегодня решить, — проквашал Ульман. — Во-первых, нужно предложить кандидатов на заполнение двух вакантных мест в Совете, о которых нам известно.

«Тонко сформулировано», — подумал Кеннисон.

— Я предлагаю Винсента Торино, которого многие из вас знают и который, как все вы помните, блестяще выполнил важное задание по противодействию разоблачениям Сары Бомонт.

«Я должен провести на эти места кого-то из своих. Но кого?» Кого он мог считать своим человеком и довериться ему? Пруденс. Да, крошка Пруденс была бы идеальной кандидатурой. Но ее уже нет. Остается...

— Предлагаю Алана Селкирка, — объявил Кеннисон. «Почему я это сделал?» Кем бы ни стал Алан в Совете, он никогда не будет послушным орудием Кеннисона. Союзником — возможно. А может быть, союзник лучше, чем орудие? В конце концов, Пейдж принесла ему больше пользы, чем Соренсон. — Не кто иной, как он, в конце концов выследил и уничтожил Бомонтова «червя». Он усилил защиту нашей базы данных, сделав ее неуязвимой для подобного проникновения.

Еще не кончив фразы, Кеннисон понял, что, расхваливая Алана, сам провозглашает себе обвинительное заключение.

Ульман кивнул.

— Да, он, правда, сравнительно недавно вступил в наши ряды, но имеет прекрасные рекомендации. Вы передадите досье на него остальным членам Совета?

— Конечно.

— Очень хорошо. Если кто-то еще хочет предложить кандидатов, прошу представить досье на них в Совет до конца завтрашнего дня, и мы рассмотрим кандидатуры на очередном заседании. Теперь последний вопрос. Я предлагаю восстановить пост вице-председателя, который моя покойная предшественница, к сожалению, фактически упразднила. Полагаю, что события последних месяцев показали нам, как важно, чтобы вакантное место председателя в критических обстоятельствах могло быть заполнено быстро и автоматически.

«Вице-председатель? — подумал Кеннисон. — Бессмысленный пост. Никому не нужный. Но он мой по праву. Я прошел вторым. Если кто его и заслуживает, так это я. К тому же это позволит мне пустить корни на самом верху. Захватить плацдарм. Смерть Ульмана — всего лишь вопрос времени, и очень короткого времени, насколько это будет зависеть от меня. А тогда... Да, я могу позволить себе ненадолго такое унижение».

— Поскольку между председателем и его заместителем

должны поддерживаться тесные рабочие отношения, — продолжал Ульман, — я полагаю, было бы правильно, если бы подходящую кандидатуру предложил на ваше рассмотрение сам председатель. Тогда мы можем быть уверены в единстве стратегии и руководства.

Кеннисон почувствовал, что волосы его поднимаются дыбом. Его Ульман никогда не предложит! Если Кеннисон и был в чем-то абсолютно уверен, то именно в этом. Он уже видел, как выхватывают у него из рук желанный приз. Как несправедливо! Он стремился к этому всю свою жизнь. Нельзя теперь это у него отнимать!

— Было бы вполне естественно, если бы я предложил на этот пост кандидатуру брата Кеннисона. Однако я считаю, что работа по сбору и анализу данных, которую выполняет для нас фирма «Кеннисон Демографикс», требует полного его внимания и слишком важна, чтобы доверить ее кому бы то ни было другому. Кроме того, положение брата Кеннисона слишком уязвимо — он единственный из нас широко известен публике. Поэтому я предлагаю назначить вице-председателем Бенедикта Руиса. Будучи официально мертвым, он обладает большей свободой действий. И если какая-нибудь неожиданная катастрофа застанет нас, остальных, врасплох, брат Руис будет иметь возможность взять в свои руки бразды правления.

Кеннисон почувствовал, что кровь отхлынула от его лица. Ульман его кастрировал! Вот хитрый старый мерзавец! Заявив, что глава фирмы «Кеннисон Демографикс» слишком известен публике, чтобы эффективно выполнять функции председателя, он дал им повод и впредь голосовать против Кеннисона. Ему показалось, что перед ним захлопнулась дверь. Все, конец. Ульман навсегда перекрыл ему путь к власти.

Кеннисон сидел с непроницаемым лицом, пока остальные выражали свое согласие. Даже предатель Соренсон. Облегчение на лице Соренсона выглядело столь же отвратительно, как и торжество на лице Ульмана. Кеннисон вместе с остальными проголосовал «за». «Зелен виноград» — это не для него. К тому же время, когда можно было без опаски выражать свое несогласие, миновало. Тысяча цветов, не успев расцвести, быстро увяли.

Кеннисон и Селкирк сидели в креслах с высокими спинками напротив друг друга, по обе стороны низкого столика. Свет послеобеденного солнца струился в окно и падал на стены, отделанные деревянными панелями глубоких темных

тонов. Карин вкатила сервировочный столик. Хрустальные графины позвякивали друг о друга. Разнообразные цвета напитков красиво выделялись на фоне ее черно-белой форменной одежды. Кеннисон почувствовал, что при виде ее начинает успокаиваться. В мире слишком много наслаждений — зрелищ, цветов, звуков, вкусов, всевозможных чувственных ощущений, — чтобы тратить время, оплакивая свое поражение. Все проходит. Важно, что будет дальше. Возмездие.

— Мне пшеничного виски, Карин. И мистеру Селкирку, чего он хочет.

— Шотландского, без содовой, пожалуйста, — Селкирк улыбнулся Кеннисону. — На самом деле я его не люблю, но как шотландец считаю своим долгом его пить.

Кеннисон тоже усмехнулся. Карин подала напитки, поклонилась и была отпущена. Селкирк пригубил виски.

— Ого, а это в самом деле неплохо, — он взглянул на свой бокал, потом на хрустальный графин без всякой этикетки на сервировочном столике.

— Это с моей винокурни на Оркнейских островах, — сообщил ему Кеннисон.

— А, — Селкирк кивнул. Помолчав немного, он сказал: — Что, все прошло не очень удачно?

Кеннисон нахмурился, не отрывая глаз от бокала.

— Да. Видеть, как все, ради чего я жил, исчезло в одно мгновение ока... Ну, ладно, — он залпом выпил виски и почувствовал, как оно обожгло ему горло.

— Неужели? — спросил Селкирк.

— Что «неужсли»?

Селкирк покрутил в руке свой бокал, потом провел пальцем по краю, и хрусталь запел.

— Неужели это было все, ради чего вы жили?

Кеннисон нахмурился.

— Не понимаю, что вы хотите сказать.

Селкирк пожал плечами.

— У вас остается «Кеннисон Демографикс», ведь так?

— И что?

— А разве «КД» — не тот самый хвост, который машет собакой? Я не очень люблю высказываться, когда меня не спрашивают, но мне представляется, что вы нужны Совету больше, чем он вам.

Кеннисон поднялся, подошел к сервировочному столику и налил себе еще. Выпив глоток, он повернулся к Селкирку.

— И что вы предлагаете?

Селкирк улыбнулся.

— Ведь они доверяют тем данным, которые вы им предоставляете, верно?

— Ничего не получится, — сказал Джим Донг.

Джереми похлопал его по спине.

— Главное — верить в успех! — Он оглянулся назад, на пыльную проселочную дорогу. — Они не могут стоять там до бесконечности. В этих местах почти всякий, кто увидит машину, стоящую на обочине, остановится и спросит, не надо ли чем помочь. Так что лезьте. — И он показал на дренажную трубу, которая уходила под дорожное полотно.

На дне стояла лужа затхлой воды, от нее поднимался запах сырости и гнили. Донг потянул носом.

— Я обещал выполнять ваши указания, но...

— Так выполняйте! — резко сказал Джереми. Донг удивленно взглянул на него. Джереми с трудом скрыл собственное удивление. Давно ли он научился командовать? Он еще раз похлопал Донга по спине.

— Не беспокойтесь. Я велел Андерсону поставить фургон так, чтобы он нас прикрывал. Пока голубая машина все еще стоит там, позади, они не могут видеть, как мы выйдем и спрячемся в трубе. А когда в конце концов подъедут и выйдут, окажутся к нам спиной. Ваше карате, моя ручка от домкрата, да еще внезапность — думаю, мы их одолеем. Во всяком случае, если их будет не больше двоих.

— Не больше троих, — поправил Донг и ткнул кулаком в воздух. Джереми засмеялся.

— Ну, троих.

Донг встал на четвереньки и полез в трубу. Джереми взялся за дверцу фургона, чтобы ее закрыть, но Гвинн остановила его.

— Оставьте ее открытой, Джереми. Если они выйдут из машины с пистолетами, я хочу иметь возможность выскочить, прежде чем они откроют огонь.

— Может быть, вам стоит выйти сейчас. И спрятаться в кювете.

— Нет, Джереми. Вы наш начальник. Действуйте, как вы решили. Самое худшее, что может сделать начальник, — это начать менять свои планы после того, как все пришло в движение. Если они подъедут и увидят, что в фургоне никого нет, они заподозрят что-то неладное.

— Ну, ладно. Если начнется заваруха, не задерживайтесь в машине.

— Не собираюсь.

— Потому что эта машина заехала за нами в такую глушь вовсе не потому, что ей оказалось по пути.

— Ну, счастливо.

Она протянула руку, которую Джереми крепко пожал. Вейн стоял у поднятого капота фургона, готовый по первому сигналу соскочить в кювет. Нервно проведя языком по губам, он кивнул Джереми. С переднего сиденья выглянул Андерсон.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, — сказал он.

— Я тоже надеюсь, — отозвался Джереми, опустил на четвереньки и полез за Донгом в трубу.

Труба из гофрированного железа шла под дорогой до противоположного кювета. Она оказалась уже, чем он думал, — только-только пролезть. Он сунул ручку от домкрата за пояс и принялся протискиваться вперед. Вонючая вода быстро промочила его брюки. «Счет за химчистку перешлю Обществу Бэббиджа», — подумал он. Камешки, лежавшие на дне, царапали ноги. Ручка от домкрата тоже царапалась, и он остановился, чтобы пристроить ее поудобнее.

Наконец он выполз из трубы в кювете на другой стороне дороги, перевернулся на спину и сделал несколько глубоких вдохов.

— Тесновато там, правда?

Он поднял голову и увидел Донга. Математик распростерся на краю кювета под кустом бурьяна, сквозь который мог видеть голубую машину, оставаясь незамеченным. Он улыбнулся Джереми, и тот ответил ему улыбкой. Это была не напускная храбрость, а всего лишь нервы.

— Ну как, все еще стоят?

— Да.

Джереми подполз к Донгу.

— Я чувствую себя словно пехотинец в фильме про первую мировую войну. В окопе перед тем, как пойти в атаку.

— Это вам не кино, — ответил Донг. — Подождите! — Он помолчал. — Едут.

Оба соскочили в канаву. Она была не слишком глубокой, и Джереми оказался так близко к Донгу, как никогда еще не был близко ни к кому в жизни.

— Надеюсь, у вас хороший дезодорант, — сказал он.

— В такие моменты всегда полагается отпускать неудачные шутки?

— Да.

— Очень хорошо. Тогда, видимо, самое время спросить — что, если наши преследователи намерены всего лишь бросить в нас бомбу? Что, если они вообще не выйдут из машины?

— Значит, у нас с самого начала не было никаких шансов, так что мы ничего не потеряем.

— А вы оптимист, правда?

— Я думаю, если бы они хотели сделать что-нибудь в таком роде, они бы это давно сделали.

— Почему они столько времени там стояли? Почему не подъехали сразу, как только мы остановились?

— Я думаю, они запросили инструкции у своего босса. Я думаю, им так же интересно знать, куда Вейн нас везет, как и... самих нас захватить.

Именно поэтому Джереми велел Андерсону выехать из города и петлять по проселкам. Он не только искал что-нибудь вроде этой трубы под дорогой. Если преследователи подумают, что, следуя за ними, смогут обнаружить какое-то тайное убежище, они не станут спешить с решительными действиями.

— А что, если у них добрые намерения?

— Тогда мы принесем свои извинения.

Они замолчали. Послышался шум мотора — машина приближалась. Она остановилась чуть ли не над самой их головой. Джереми сообразил, что, если водитель, выходя, взглянет вниз, он их увидит. Он положил руку на плечо Донгу, чтобы тот не двигался с места, но Донг лежал, как камень.

Вейн, очевидно, подумал о том же, потому что, как только дверца со стороны водителя открылась, он крикнул:

— Эй! Эй, вы! У нас тут что-то неладно с машиной. Вы что-нибудь понимаете в моторе?

Послышались шаги по асфальту.

— А ну-ка, мистер, поднимите руки.

Джереми толкнул Донга. Пора!

Они выползли из кювета и притаились за преследовавшей их машиной. Через ее стекла видны были два человека в джинсах и ковбойских шляпах. В руках у них было по пистолету. Вейн стоял у поднятого капота фургона, держа руки вверх. Джереми выругался про себя. Значит, он не успел прыгнуть в канаву. Или промедлил из-за боли в ребрах? Неважно. Не поменять ли план?

Нет. Каждый знает, чего ожидать. Даже Вейн. Если он сейчас меняет план, никто об этом не будет знать. Они растеряются. Может быть, начнут оглядываться по сторонам. Люди с пистолетами насторожатся. Наверное, это и имела в виду Гвинн, когда говорила, что нельзя менять планы.

— Можете сказать своим приятелям, — сказал человек с револьвером, — чтобы вылезали из канавы.

Джереми на мгновение охватила паника. Но говоривший

имел в виду другую канаву, куда прыгнули Гвинн и Андерсон.

— Мы вам ничего не сделаем, — сказал другой.

— Тогда почему у вас пистолеты? — спросил Вейн, и кто-то из них засмеялся.

Джереми снова хлопнул Донга по плечу. Это был условный сигнал. Они обежали машину с двух сторон — Донг слева, Джереми справа.

Человек, стоявший слева, наверное, заметил что-то краешком глаза. Он начал поворачиваться к ним, но в этот момент Донг издал леденящий кровь вопль — ничего подобного Джереми слышать не доводилось. Донг заранее предупредил его, что крикнет. Этот крик должен был заставить противника на долю секунды замереть, и Джереми подумал, что он безусловно достигнет цели.

Джереми на бегу замахнулся ручкой от домкрата. Человек, стоявший спиной с его стороны, держал пистолет в правой руке, так что удар придется как раз по ней. Джереми увидел, как Донг завертелся, словно пляшущий дервиш, поднятой ногой выбил пистолет из руки своей жертвы, а другой нанес удар в висок. В следующее мгновение Джереми опустил ручку от домкрата на запястье другого человека. Тот взвыл, выронил пистолет и попытался схватить Джереми левой рукой, но Джереми увернулся. Пистолет он отшвырнул ногой подальше, словно футбольный мяч. Донг еще раз взлетел в воздух и обеими ногами ударил человека в спину. И все было кончено.

Андерсон выскочил из кювета и подобрал пистолет, который Донг выбил у своего противника. Другой пистолет взял Джереми. Оба нападавших лежали неподвижно.

— Они случайно не убиты? — спросил Джереми. Только сейчас его начало трясти от волнения. Пистолет был тяжелым, с длинным стволом. Двенадцатимиллиметровый? Он не знал. Шершавая рукоятка удобно лежала у него в ладони.

Донг покачал головой.

— Мой оглушен ударом по голове. А ваш никак не может перевести дух. Кроме того, у него, видимо, сломаны кисть и предплечье. В остальном...

Он пожал плечами.

— Хорошо сработали, Джим, — сказал Джереми.

Донг присел на подножку фургона и вытер платком лоб.

— Спасибо. Я еще никогда не нападал на вооруженного человека. И вообще на человека, если не считать учебных боев.

Джереми взглянул на него.

— Хорошо, что вы не сказали это мне раньше. Черт возьми, где тут предохранитель?

Андерсон подошел и взял у него из руки пистолет.

— Раз вы этого не знаете, он вам совершенно ни к чему. Дайте-ка, я посмотрю. — После небольшой паузы он произнес: — Вот это да, черт меня возьми!

— Что такое?

— Он на предохранителе.

Он быстро осмотрел другой пистолет.

— И этот тоже.

Джереми перевел взгляд с пистолетов на двух человек, лежавших на земле. Тот, который достался ему, пошевелился.

— Значит, они не собирались нас убивать.

— Во всяком случае, сразу.

— Что-то не похоже это на Общество Бэббиджа. Насколько я знаю, они сначала стреляют, а потом начинают задавать вопросы, верно?

— Вся штука в том, — с трудом выговорил человек, лежавший у его ног, — что мы не из какого не из Общества Бэббиджа.

Джереми прислонился к стенке фургона и разразился хохотом.

VI

— А, мисс Бомонт, — сказал Аарон Гевирц. — Мы очень рады, что вы снова с нами. Надеюсь, вы смогли выполнить свое домашнее задание за время каникул?

Сара села на свое место, сопровождаемая взглядами Матери-Земли, Умника и всех остальных. Она-то была убеждена, что и пребывание в больнице после операции, и упражнения в стрельбе вряд ли можно считать «каникулами». Особенно если целью была она сама. Ничего не ответив, она уселась поудобнее и раскрыла тетрадь.

— Может быть, мисс Бомонт, вы все же сообщите нам, в каком состоянии ваша работа?

Она взглянула в его выцветшие от старости глаза и, как всегда, почувствовала, что один его вид действует ей на нервы.

— Видите ли, я изменила тему, — призналась она.

— Правда? Без моего ведома? Я вижу, у вас похвальная склонность к самостоятельному мышлению. Надеюсь, что новая тема столь же интересна, как и первоначальная?

— Я думаю, она покажется вам любопытной, — сказала она.

— В таком случае будьте так добры, сообщите, что вам удалось выяснить. — Гевирц указал на классную доску на стене комнаты, а сам развернулся на колесах и отъехал в сторону. — Прошу всех внимательно следить за ходом ее рассуждений и быть готовыми отметить все слабые места. Ваши оценки будут зависеть от точности и полноты ваших критических замечаний.

Сара взяла кусочек мела и начала вертеть его в пальцах. До сих пор она еще ни разу не пользовалась подсказками — в этом просто не было нужды. Но для того, что она собиралась сделать, было недостаточно голословных утверждений, поэтому Ред, Текс и кое-кто еще всю ночь помогали ей разрабатывать аргументацию.

— Хорошо, — сказала она, повернувшись к доске и принялась писать формулы, одновременно объясняя их вслух. Однако очень скоро Гевирц прервал ее.

— Одну минутку, — сказал он. — Конденсация мемов — явление хорошо известное. При ваших способностях от вас можно было ожидать большего, чем простой пересказ общеизвестных истин.

— Я полагаю, мои выводы все же должны представлять определенный интерес. Я намерена рассмотреть условия, необходимые для одновременного появления множественных центров конденсации.

Гевирц поджал губы.

— Не вижу смысла двигаться столь проторенным путем. Тем не менее продолжайте. Вы меня заинтриговали своими обещаниями.

Сара продолжала, перекрывая голосом стук мела по доске. Плотность населения, необходимая для наличия достаточного числа восприимчивых умов. Необходимость высокой пропускной способности каналов общения. Культурный момент, который определяется скоростью и мощностью транспортных потоков. Доля населения, принимающая участие в передвижениях...

Она привела множество примеров одновременных открытий: Ньютон и Лейбниц, Уоллес и Дарвин, Эдисон и Белл и так далее. Она заметила, что в доисторические времена сельское хозяйство было одновременно «открыто» весьма удаленными друг от друга культурами; что фашизм поднял голову одновременно в нескольких странах; что «демографический взрыв» наблюдался в шестнадцатом веке не только в Европе, но и в Индии и Китае. Основываясь на этих примерах, она перешла к выводам.

— Одну минутку, — сказал Гевирц. — Вы упомянули высокую пропускную способность каналов общения. В то же время вы говорили о почти одновременном появлении сельского хозяйства в Мексике и Месопотамии. Но ведь между ними не было никакого общения!

— Нет, не было, — согласилась она. — Но обе культуры общались с единой, глобальной окружающей средой, которая в то время была неблагоприятна для собирательства. Точно так же глобальное потепление в шестнадцатом веке воздействовало на все страны одновременно. Оно сделало больше земель пригодными для возделывания, и это привело к появлению большего числа едоков, которые потребляли возросший урожай.

Гевирц ухмыльнулся.

— Неплохо сформулировано, мисс Бомонт. Надеюсь, что остальные слушатели приняли это к сведению. Взаимное общение индивидуумов с единым источником информации во многом аналогично общению между самими индивидуумами. Мистер Рейнолдс, будьте так добры, подготовьте математическое описание аналогии между передачей информации и распространением заболеваний. Кроме обычных инфекционных болезней, учтите еще болезни, связанные с условиями окружающей среды, — например, холеру. — Он кивнул Саре. — Вы можете продолжать.

— Теперь перейдем к одному частному случаю, — сказала она. — А именно — к конденсации мемов, необходимой для возникновения структуры, подобной Обществу Бэббиджа, в начале девятнадцатого века.

Слушатели зашевелились, послышался шум. Она, не оборачиваясь, продолжала писать на доске.

— Как вы можете видеть из этих уравнений, в тридцатые годы девятнадцатого века создались такие условия, при которых возникновение более чем одного подобного общества абсолютно неизбежно. — Она быстро перечислила эти условия. — Проведенный недавно анализ базы данных «Клиоскоп» показал, что в стране существует группа, которая называет себя Тайной Шестеркой. Разумеется, в соответствии с дилеммой Карсона в Шестерке произошел раскол, но следы дочернего общества теряются. Или оно перестало влиять на систему — и оставлять свои «подковы», — или исчезло.

Шум усилился. Аарон Гевирц повысил голос.

— Мадам, вы вполне уверены, что ваши выводы правильны?

Она обернулась к нему.

— Да, доктор Гевирц. Вполне. Я могу продолжать?

Старик нахмурился.

— Это неприятный сюрприз.

— Совет об этом уже уведомлен.

Он поднял брови.

— Да? В таком случае... Ну да. Продолжайте, пожалуйста.

Мел летал по доске. Она чувствовала на своей спине взгляды всей комнаты. Меловая пыль щекотала ей ноздри, вызывая непреодолимое желание чихнуть.

— Однако не следует забывать и про Европу. Существовавшие там условия практически гарантировали выпадение в осадок еще по меньшей мере одного, а возможно, и трех обществ. В соответствии с дилеммой Карсона, если не учитывать возможных случаев самороспуска, развала или слияния, мы должны полагать, что сейчас там активно работают до пяти—восьми обществ.

Теперь в комнате стояла мертвая тишина. Она повернулась к слушателям. Кроме Умника, на лице у которого появилась нервная улыбка, все сидели с застывшими лицами.

— Впрочем, слияния маловероятны, поскольку обязательное условие работы общества типа Бэббиджа — секретность.

— Ясно, — сказал Гевирц. — Значит, эти предполагаемые общества так же не имеют представления о существовании друг друга, как и мы — об их существовании?

— Этого мы знать не можем. О нашем существовании они безусловно знают после появления моей распечатки. Недавно некое общество использовало компьютерные вирусы для того, чтобы переписать заметки одного репортера по имени Морган Граймз в какой-то файл «К». Граймз напал на след убийств, совершенных Обществом; но сам он не имел ни малейшего представления о том, что они означают. Эта группа «К» так или иначе пронюхала, что он обнаружил, и сделала свои собственные выводы. Поскольку все это произошло еще до того, как я написала своего «червя»...

— Все это чепуха, — заявила Мать-Земля. — Я считаю, Бомонт просто хочет уйти от ответственности за то, что она нам устроила.

Слушатели одобрительно зашумели. Один Гевирц не шевельнулся и ничего не сказал.

— Совершенно очевидно, — продолжала Сара, — что кто-то отслеживает и нас, и Общество Бэббиджа. Джимми Кальдеро... — Ей неизменно становилось не по себе, когда приходилось упоминать это новое имя. Ред Мелоун, черт возьми! И им он всегда останется! — Джимми Кальдеро,

который имеет опыт разведывательной работы, обнаружил немало признаков, на это указывающих.

— А не могли бы вы сказать нам, что это за признаки? — спросил Умник. Сара подумала, что он немного переигрывает, но этого, кажется, никто не заметил.

— Можно, доктор Гевирц? Я не хотела бы отнимать слишком много времени своей работой.

Слепой усмехнулся.

— Ну нет, моя милая. Я весьма склонен принять ваш блеф за чистую монету, но боюсь, что ваши товарищи разорвут меня в клочья, если я сейчас прекращу обсуждение. Конечно, продолжайте. — И он сделал вежливый приглашающий жест рукой.

— Хорошо. Проведенный мистером Босуортом анализ узлов с малой вероятностью и значительными последствиями позволил ему с несомненностью обнаружить Тайную Шестерку. — Услышав этот комплимент, Умник расплылся в счастливой улыбке. — Но есть и другие признаки. Я уже говорила о перекачке заметок Моргана Граймза в файл «К». Вдобавок та же группа «К» проникла в систему компании «Кеннисон Демографикс», и кто-то угрожал Кеннисону по телефону. Третье — чужой файл, обнаруженный в ходе изучения распечатки в Атлантском отделении. Он написан по-французски в квебекском узле и содержит приказ расследовать убийства, упоминающиеся в файле Граймза. Наверное, не нужно напоминать вам, что у нас нет никакого отделения в Квебеке и что Обществу Бэббиджа, очевидно, незачем затевать такое расследование. Четвертое — уничтожение группы по изучению распечатки в Денвере. Эту операцию провело не Общество. Даже Женевьева Вейл не сделала бы такой глупости, а те из руководителей Общества Бэббиджа, кто остался в живых, последние несколько месяцев притворяются мертвыми и не предпринимают никаких действий. При взрыве они потеряли ценного агента, а кроме того, это не могло не возбудить новых подозрений среди публики, как бы ни освещалось это событие в прессе. Сейчас столько людей знает про распечатку, что любое сообщение прессы вызывает подозрения. И наконец, тот факт, что во время моего отпуска в горах за мной следили и меня чем-то опоили. Джимми уверен, что было бы неразумно считать все эти события результатом действий какой-то одной организации.

Она замолчала и оглядела слушателей. Все сидели, затаив дыхание и не сводя с нее глаз. Умник ухмылялся во весь рот — хоть завязки пришивай. Мать-Земля нервно потирала

руки. Рейнолдс, прищурившись, смотрел в пространство перед собой. На лице Гевирца прочесть ничего было нельзя.

— Теперь попробуем поставить себя на место одного из этих других обществ. Что мы первым делом предприняли бы, услышав о распечатке?

Здесь должен был вступить Умник. Он поднял руку.

— Искать дверь.

— Объясните подробнее.

— «Дверь» — это информация, которую можно использовать, чтобы проникнуть в Ассоциацию или Общество, — или физически, или через посредство компьютерной сети «Дэйта-Нет» с помощью подслушивающих устройств, кроотов, организации утечек или слежки. Короче говоря, дверь. И они нашли такую дверь.

— А можно поинтересоваться, что это оказалась за дверь? — спросил доктор Гевирц.

— Я не могу отвечать за людей из Общества Бэббиджа, но что касается нас, то утечка была очень невелика. Это облегчило нам расследование. Мы проверили каждое сообщение распечатки, чтобы выяснить, позволяет ли оно проникнуть к нам. Например: было ли раскрыто расположение ранчо?

— Нет, — сказал доктор Гевирц.

— Правильно, доктор, — Сара начала получать удовольствие от перемены ролей. «Посмотрим, как это понравится ему». — Тем не менее была скомпрометирована Луиза Востин. Значит, велось либо подслушивание в ее доме, либо слежка за ней самой.

— Сестра Востин сейчас в безопасном укрытии, — сказал Рейнолдс. — Если за ней была слежка, она от них ушла.

— И к счастью — или к несчастью, — ее дом был сожжен погромщиками, так что не имеет значения, были там подслушивающие устройства или нет: все равно никто ничего не узнал.

— Короче, мисс Бомонт, — сказал Гевирц. — Ближе к делу.

— Одна открытая дверь безусловно была. Марк Лопес. Он тоже был скомпрометирован распечаткой. Если Шестерка — или кто-то еще — действовала достаточно быстро, проникнуть можно было через него: или в результате его оплошности, или по сговору с ним. С тех пор местонахождение брата Лопеса неизвестно...

— Все из-за тебя, — вставила Мать-Земля.

— Но перед тем, как исчезнуть, он прислал к нам новичка. Однако произошло ли это до того, как он исчез?

В наступившей тишине все повернулись к Морин Говард. Глаза ее забегали.

— Постойте, это же смешно. Марк тщательно меня проверил, прежде чем прислать сюда.

— Проверил ли? — спросила Сара. — Жаль, что мы не можем его найти и спросить.

Тишина в комнате стала угнетающей.

— Да зачем это нужно? Ассоциация все перепроверила после моего приезда.

— Да, еще одно, — с улыбкой сказала Сара. — Если расположение ранчо не было раскрыто в распечатке, — то кто опоил меня?

Рейнолдс резко поднял голову.

— Ты хочешь сказать, что это...

— Что это кто-то с ранчо? Да.

Она подошла к своему месту, открыла портфель, вынула подкову и подняла ее над головой.

— Это подкова с лошади, на которой ехал шпион. Доказательство — вот эта трещинка сбоку.

Сара указала пальцем на подкову. Морин протянула руку, взяла ее, внимательно разглядела и передала Рейнолдсу.

— По словам Текса Боудина, это подкова с гнедого мерина, — продолжала Сара. — Конюх посмотрел в журнале, кто ездил на этой лошади в тот день. Это была мисс Говард.

Мать-Земля резко повернула голову.

— Неправда!

— Конюх говорит, что правда.

— Да, я ездила на этой лошади, тут все верно. Но потом я привязала ее и пошла дальше пешком. Когда я вернулась к тому месту, где оставила лошадь, ее там не было. Я несколько часов искала ее и нашла только перед самым заходом солнца. Конюху я ничего не сказала — не хотела, чтобы он решил, что я плохо смотрела за лошастью.

Сара пожала плечами.

— Хорошая байка, сестра. Только я родом из Чикаго, а там на выборах частенько голосуют покойники. Поэтому мне нетрудно представить себе ситуацию, в которой рекомендацию новичку тоже дает покойник. Но бывает ли идеальная легенда? Особенно если ее готовили наспех? А что, если кто-то всерьез за нее возьмется? Какие незамеченные дефекты могут в ней обнаружиться? Какие пробелы можно найти в цепочке подложных документов? Можете мне поверить, за последние несколько недель ни у кого не было более серьезных оснований размышлять на эту тему.

И когда брат Мелоун и брат Половски углубились в твое прошлое, они обнаружили...

Продолжить она не успела. Говард выскочила из-за стола и кинулась к выходу. Умник, как и было задумано, встал и попытался ее задержать, но она перевернула стол ему под ноги, и он с воплем повалился на пол.

Говард распахнула дверь, но в коридоре стояли, преграждая ей путь, Ред Мелоун и Уот Половски. Она повернулась и бросила на Сару взгляд, дылавший такой ненавистью, какой та не встречала даже в белых кварталах Чикаго. Потом Морин изо всех сил стиснула зубы.

— Не зевайте! — крикнул Ред.

Тело Говард напряглось, глаза закатились. Она выгнулась назад, захрипела и упала. Половски успел подхватить ее, но она безжизненно повисла у него на руках.

— Черт! — сказал он и отпустил ее. Тело бесформенной грудой свалилось на пол.

Несколько секунд стояла тревожная тишина. Потом Аарон Гевирц произнес:

— Вы были совершенно правы, мисс Бомонт.

Сара повернулась к нему. Старик удовлетворенно кивнул.

— Как вы и обещали, ваши выводы получили вполне убедительное доказательство.

— Она... Мы не думали, что она это сделает, — пробормотала Сара. До нее сразу дошла вся глупость ее слов. — Мы так и не смогли расколоть ее легенду. При ближайшем рассмотрении видно было, что там что-то не так, но расколоть ее мы не смогли. Мы были уверены, что она и есть крот, но доказательств у нас не было. Оставалось только попробовать запугать ее и заставить броситься в бегство.

Гевирц повернул свое кресло на колесах так, чтобы видеть тело.

— В самом деле, никому еще не удавалось бежать дальше, чем ей.

— Чего-чего вы хотите? — Кеннисон сердито уставился на Селкирка.

Шотландец откинулся на спинку кресла и обвел глазами сидевших за столом для заседаний.

— Я хочу продублировать всю нашу систему в каком-нибудь отдаленном месте.

— Алан, я назначил вас начальником Ночной Смены, а не президентом «КД». Не превышайте своих полномочий.

— Не превышать полномочий? А как по-вашему, пра-

вильно обращаться со мной, как с простой пешкой, после всего, что я для вас сделал?

Кеннисон весь напрягся. «После всего, что я для вас сделал»... Какая бестактность. Напоминать о своих услугах не принято. Признак дурного воспитания. Он посмотрел на Джонсона, потом на Ченга, но оба старательно отводили глаза. Они не знали, что произошло в их кабинете на прошлой неделе, и не хотели этого знать. Они знали одно: Пруденс исчезла, и на ее месте сидит какая-то незнакомая женщина.

— Нам нужно переходить на двойную бухгалтерию, — сказал Селкирк. — Как только ваши бывшие коллеги заподозрят, что получают недооптимизированные данные, они полезут к нам в базы разбираться, в чем дело. Мы не можем позволить им обнаружить, что там что-то не так. Поэтому мы устроим здесь ложный фасад, а правильную информацию упрячем туда, где они не смогут ее найти.

— Может быть, в этом есть смысл, — медленно произнес Джонсон.

— Недооптимизированные данные? — переспросил Кеннисон. — Чтобы толкать их на ошибочные решения, а самим процветать? Ну да. — Он выводил пальцем какие-то узоры на столе. — Возможно, то решение было отчасти поспешным.

«Поспешись — людей насмешишь».

Ченг кивнул.

— Поспешным. Слишком поспешным. Ульман ничем нам не угрожал. Какая разница, кто сидит во главе стола, если накрываем на стол мы? Всегда лучше быть силой, стоящей позади трона.

Джонсон потер подбородок и взглянул на Селкирка.

— Хм-м м. В том, что они говорят, тоже что-то есть. Возможно, нам не следует приводить в исполнение этот план. — Он покачал головой. — Пойти против Общества... Не знаю, разумно ли это.

Ченг снова кивнул.

— Это был вопль уязвленного самолюбия, а не трезво спланированное действие. Где клиологический анализ? Какие будут последствия? Мы никогда еще не принимали решений без этого.

— Поздно, — сказал Селкирк. — Первая посылка подправленных данных ушла сегодня утром.

— Без моего разрешения, Алан?

Селкирк без колебаний встретил его пристальный взгляд. Да, Алан определенно становится проблемой.

— Вы же дали разрешение, разве вы не помните? Черт побери! — Алан стукнул кулаком по столу. — В такой ситуации надо действовать смело, а не ходить вокруг да около. Если решение принято, его надо выполнять. Нельзя без конца медлить.

Кеннисон судорожно прижал ладони к столу. Это правда. Он часто подумывал, не пора ли уйти из Общества и начать действовать самостоятельно. «КД», его собственное детище, было ему куда ближе, чем Общество. Однако сделать это нелегко по многим причинам. Ульман никогда не допустит, чтобы он ушел из Общества, — во всяком случае, пока «КД» у него в руках. Слишком ценны данные, которые Общество получает от «КД».

Впрочем, кое-какие возможности есть. Что если «КД» проглотит все Общество целиком? Не исключено. Устранить остальных членов Совета. Превратить «КД» в новое Общество по собственному образу и подобию. Улучшенное Общество. Но как проглотить такой кусок и не подавиться? Может быть, стоит поближе познакомиться с послужным списком Гровнора Вейла. Ситуация не совсем та же — Вейл стремился только захватить бразды правления, а не поменять коней, — но кое-что полезное там можно будет почерпнуть.

Макиавелли как-то заметил, что существуют только два типа государства — турецкий и франкский. В первом все подданные — слуги султана и выполняют все его приказы. Во втором все подданные — полноправные бароны, имеющие собственных подданных и приверженцев. Тогда же хитроумный флорентинец сделал одно тонкое наблюдение. Захватить власть во франкском государстве легче, но править им труднее.

Гровнор Вейл усвоил этот урок. Кроуфорд построил Общество по франкскому типу — как команду равных. Благодаря этому Вейл смог с помощью интриг пробиться на самый верх. Но, захватив власть, он приложил все силы, чтобы перестроить Общество по турецкому образцу. Старый паук действовал терпеливо и хитро. Он много лет плел свою паутину и раскинул ее только тогда, когда пробил его час. Пусть он не добился полного успеха, но сумел достичь очень многого. И все же под покровом тоталитарной власти семейства Вейл еще можно было заметить слабые контуры прежних баронств.

«Не исключено, — подумал он. — Не исключено». Наделен ли он терпением Старика Вейла? Безусловно. Он ничуть не хуже любого другого. Он и так уже слишком долго и терпеливо ждал. Он рвался к действию, он жаждал пожать

плоды победы, которую сполна заслужил. Aut Caesar, aut nihil*.

Какие еще есть варианты? Остаться. Уйти. Проглотить. Или...

Есть еще одна возможность. Это, конечно, рискованно, но можно уйти и при этом оставить себе «КД». Подобный путь намечался в плане Селкирка. Без Селкирка, черт бы его взял, из этого ничего не выйдет, тут нужно его компьютерное мастерство. Он незаметно покосился на Селкирка. Потом от Селкирка придется избавиться, держать его при себе будет слишком рискованно. Жаль, но ничего не поделаешь: лес рубят — щепки летят.

Он принял решение.

— Если мы делаем этот шаг, пути назад не будет. Это значит поднять красный флаг революции. Вы готовы идти до конца?

После недолгого колебания Джонсон кивнул. Ченг пожал плечами, как бы соглашаясь с неизбежным. Алан ответил все тем же пристальным взглядом.

— Это была моя идея.

«Да, — подумал Кеннисон. — Твоя идея».

— Прекрасно. Брат Алан, подготовьте план размещения нашей базы данных в подходящем месте, но ничего не предпринимайте, пока мы четверо его не рассмотрим. А пока никаких подложных данных. Если кто-нибудь обнаружит ошибки в сегодняшней посылке, скажите им, что случился сбой. Брат Тсу-ши, проведите клиологический анализ последствий. Да, я понимаю, лошадь следовало бы поставить впереди телеги, однако лучше поздно, чем никогда. Используйте Ночную Смену. Брат Алан, проследите, чтобы брат Тсу-ши получил в свое распоряжение сколько нужно людей. Да! — Он поднял руку. — Брат, не забудьте использовать в своем анализе информацию, которую Джимми Кальдеро предоставил нам о том, другом обществе — Тайной Шестерке. Но смотрите, чтобы эта информация не попала в общий информационный массив. Это, возможно, наше главное преимущество перед Ульманом: мы при анализе будем учитывать существование этого общества, а он нет. Переговорите с братом Аланом, он сообщит вам подробности. Он много чего о них выяснил. Вы проявили большое усердие, Алан, и заслужили благодарность. Брат Нейт, на время этой операции фирма «Джонсон и Ченг» остается на вас. Мы надеемся, что вы обеспечите обычное прикрытие

* Или Цезарь, или ничто (лат.).

и безопасный доступ к информации в дневное время. Есть какие-нибудь вопросы? — Он обвел глазами стол. — Прекрасно. Да будет так.

Все разошлись, и он остался в конференц-зале один. Теперь пути назад нет. *Alea jacta est**. Интересно, то же самое чувствовал Цезарь? Наверное. Даже великие люди должны испытывать нерешительность, когда наступает момент истины. И, конечно, воодушевление при мысли о возможном успехе, а может быть, и о возможном поражении. Азарт игрока. Прилив адреналина от сознания того, что приближается решающий узел, точка расхождения траекторий, в которой и определится будущий ход событий. Когда все известно заранее, нет никакого интереса.

То, что он собирался сделать, было куда рискованнее заговора против Вейл. Правда, узнай она, что он задумал, она бы его убила. И ведь до этого в самом деле чуть не дошло! Не прояви он такого мужества... Нет, риск не в том, что это опасно, а в том, что велика вероятность неудачи. Тогда он был убежден, что рано или поздно одержит верх. И тем не менее его план оказался неудачным. Возможно, новая операция, куда более смелая, завершится победой. Теперь он припомнил, как там у Киплинга дальше: «Все проиграть и нищим стать, как прежде, и никогда не пожалеть о том»**.

Да, вот чего ему раньше не хватало. Безрассудной отваги. Он был слишком осторожен. Хватался за соломинки. За Монфор и Соренсона. Только Пейдж доказала свое мужество — ценой собственной гибели. Бедная Гретхен! Такая героическая смерть! Он поклялся про себя, что похоронит ее останки с почестями, как только Джек осознается, куда их дели.

Впрочем... Совсем забывать об осторожности тоже опасно. Перед самым совещанием они с Селкиром тщательно проверили все помещения фирмы и этот конференц-зал; никаких подслушивающих устройств они, конечно, не нашли, но проверить следовало. Как, переходя улицу, следует посмотреть сначала налево, а потом направо — даже если ни одной машины не видно.

Он принялся писать в блокноте. Вейл. Ульман. Селкирк. Тайная Шестерка. Три вируса. Телефонный звонок. Подумав, он приписал: Бомонт и Кальдеро.

Что там говорила Великая Гарпия? Будто у нее есть

* Жребий брошен (лат.).

** Перевод М. Лозинского.

какой-то источник информации в организации Кеннисона. Он провел стрелку от Вейл к вирусам. В качестве председателя Вейл имела доступ в помещения фирмы «Джонсон и Ченг». И с нее вполне случилось бы запустить в систему вирус.

А Ульман намекнул, что знает больше, чем ему следовало бы. Он провел еще одну стрелку — от Ульмана к вирусам и еще одну, от Ульмана к телефонному звонку, поставив около нее несколько украшенных завитушками вопросительных знаков. Звонила какая-то женщина. Может быть, сама Вейл?

Так можно объяснить появление трех вирусов. Вейл, Ульман, Тайная Шестерка. И звонил тоже кто-то из них. Вероятно, не Ульман. Такое хвастовство не в его стиле. Он зачеркнул остальные стрелки, посмотрел, что получилось, и вздохнул.

Вывав две верхние страницы из блокнота, он сунул их в измельчитель. После каждого совещания полагалось уничтожать все исписанные страницы блокнотов, лежавших перед каждым местом; но только у Кеннисона хватило ума уничтожать еще и следующую, пустую страницу. Он откинулся на спинку кресла и потянулся, потом встал, обошел стол и вырвал все верхние страницы из блокнотов. Вернувшись на свое место, он осторожно начал затушевывать их боковой стороной карандашного грифеля.

Брат Натэниел Джонсон, как обычно, не делал никаких замечаний. Отчасти неплохо иметь такого ограниченного и туповатого подчиненного, но в этом есть и свои неудобства. Трудно определить, о чем он думает и думает ли вообще.

На странице из блокнота Ченга проступило несколько китайских иероглифов. Ох уж это загадочное дитя Востока! Как-то Кеннисон дал перевести иероглифы, которые нашел в блокноте Ченга, и обнаружил, что в вольном переводе они означали что-то вроде «ну что, любопытствовали?» Он улыбнулся. Неплохо иметь и умных подчиненных, но и в этом есть свои неудобства.

На странице из блокнота Селкирка оказалось несколько букв «К», переплетенных между собой, разукрашенных завитушками, листиками и цветочками. Кеннисон обожал такие красноречивые узоры и держал на договоре психиатра — вдруг в них удастся обнаружить какой-нибудь тайный смысл? Нельзя знать заранее, когда может пригодиться такая информация.

«К»? Он мысленно дописал на своей уже уничтоженной странице «Файл К». Еще одна важная подробность, касаю-

щаяся одного из этих вирусов. Того, который запустила Тайная Шестерка? Файл «Куинн»? Возможно. Возможно.

Он сложил все три листка и положил во внутренний карман пиджака.

Когда он вышел из конференц-зала, у Ночной Смены вовсю кипела работа. Он кивнул Ченгу, который сидел за терминалом в своем кабинете. Джонсон у большого компьютера просматривал с главным программистом тест-программу. Кеннисон постучал в дверь компьютерной и помахал им рукой. По пути к выходу он останавливался то у одного, то у другого из служащих и обменивался с ними несколькими любезными словами — о здоровье супруги, о детях, о любимых занятиях.

Чуткость. Это всегда полезно. Люди могут не пойти за лидером, наделенным пророческим даром, но они всегда пойдут за тем, кто не забывает про их дни рождения и памятные даты.

Он поднялся на лифте из туалетной комнаты на свой этаж, быстрыми шагами подошел к двери, ведущей из верхней туалетной комнаты в кабинет, приоткрыл ее и замер на месте.

У компьютерного терминала в его кабинете сидел Алан и оживленно разговаривал с кем-то по телефону. Кеннисон осторожно закрыл дверь и приложил к ней ухо.

— Я тебе говорю, нам понадобится вся начинка большого компьютера, — доносился до него приглушенный голос. Чтобы различить слова, Кеннисону приходилось изо всех сил напрягать слух. — Да. Подтверждаю. Они помещались в Оберлине, штат Огайо. — Пауза. — Нет, где они сейчас, не знаю. — Пауза. — Да, знаю. Дело зашло слишком далеко, но думаю, мы сможем кое-что спасти... Нет, не беспокойся. Я смогу за себя постоять. — Пауза. — Что вы сделали? А стоило это делать? — Долгая пауза. — Ах, да. Вы сделали совершенно правильно. Больше вам ничего не оставалось. Как там дела у Бернштейна? Он знает?.. Хорошо. Пусть так и будет. А Френч?.. Очень хорошо. Привет.

Кеннисон немного выждал, потом зашел в кабинку и спустил воду. Подойдя к умывальнику, он набрал пригоршню воды и плеснул себе в лицо. Ледяная вода обожгла его. Он оперся обеими руками о край раковины и перевел дух. Потом выдернул из контейнера бумажное полотенце и приложил к лицу. Отняв его, он посмотрел на оставшиеся мокрые пятна, словно ожидал увидеть запечатленными свои собственные черты. Как лик Христа на платке Вероники.

Скомкав полотенце, он швырнул его в мусорную корзину, распахнул дверь и вошел в кабинет. Там никого не было.

Он подошел к столу — тому самому, на котором они тогда разделявали мясо. «Будь осторожен, Дэниел». Он опустился в кресло — свое собственное кресло, черт возьми! За своим собственным столом! Потом он набрал номер на клавиатуре терминала. Почему Алан звонил отсюда, а не со своего телефона? И с кем он говорил?

— Берти? Это Кеннисон. Скажите, пожалуйста, чтобы подогнали мой лимузин. Я сейчас спущусь. Спасибо.

Он нажал кнопку отбоя и набрал еще один номер.

— Мадам дворецкий? Я скоро выезжаю. Будьте добры, скажите повару. Да, спасибо.

На этот раз, дав отбой, он продолжал говорить в умолкшую трубку:

— Вы не знаете, что там сегодня собирались готовить?

Одновременно он быстро набрал команду, выводившую на экран номера телефонов, с которыми велись разговоры. Одного взгляда на экран оказалось достаточно, чтобы самые худшие его ожидания оправдались. Разговор, который только что вел Алан, был не зарегистрирован.

Вот почему Алан звонил отсюда, с терминала. Уничтожить запись о разговорах, который ведется по обычным телефонным линиям, невозможно: их автоматически отслеживает телефонная компания. Компьютерная связь — другое дело: для всякого, кто наделен такими талантами, как Алан, проделать подобный фокус не составляет труда.

— Ясно, — произнес он вслух. — Наверное, получится очень вкусно. Не терпится попробовать. До свидания, мадам дворецкий.

Он положил трубку и мысленно поставил против фамилии Селкирка вопросительный знак. Очень большой вопросительный знак.

«Я смогу за себя постоять», — сказал Селкирк. «Сможешь ли? — подумал Кеннисон. — Сможешь ли?».

VII

— Мисс Беннет! — сказала дежурная. — Мы рады, что вы вернулись.

Сара внимательно посмотрела на стройную, элегантно одетую женщину, которую ни разу в жизни не видела.

— Спасибо, Хелен, — ответила она. — Обожаю Сан-Франциско. С удовольствием приезжала бы сюда чаще, но... — Она взмахнула рукой. — Вы понимаете, дела.

Она повернулась к посыльному и протянула ему ключ.

— Отнесите мои вещи в номер, пожалуйста. Серый чемодан в гостиную, черный в спальню. Мне ничего не просили передать, Хелен?

Дежурная достала из гнезда конверт.

— Звонил некий мистер Кальдеро. Просил вас позвонить, как только сможете. — Убедившись, что посыльный не услышит, дежурная тихо добавила: — Ваш номер чист. Парнишку зовут Хосе. Он не из наших, но вы с ним знакомы — он уже работал, когда «вы» были здесь в прошлом году. А брат Кальдеро въехал к нам три часа назад. Его номер как раз под вашим.

Сара решила не выходить из роли.

— Благодарю вас, Хелен. — Она взяла конверт. — Будьте добры, позвоните мистеру Кальдеро и спросите, не сможет ли он пообедать со мной через... — Она взглянула на часы. — Ну, скажем, через сорок пять минут у меня в номере. Пусть подадут легкую закуску. Бутерброды, холодная вырезка, минеральная вода. В общем, вы понимаете.

— Конечно, мисс Беннет.

— Благодарю вас.

Войдя в номер, Сара сняла перчатки и шляпку. Посыльный ждал.

— Все в порядке, Хосе. Рада снова тебя видеть.

Она протянула ему десятку. Посыльный поднес два пальца к форменной фуражке.

— Мы рады, что вы снова здесь, мадам.

Когда он вышел, она опустилась в одно из плюшевых кресел и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить сердцебиение. Вот это называется перевоплощение! Она не просто играла, не просто вжилась в роль — она превратилась в свою героиню, стала Глорией Беннет.

Лишь несколько человек во всем Сан-Франциско знали, что на самом деле она не Глория Беннет. (Хотя как раз «на самом деле» она и была Глорией Беннет.) В их числе были Хелен и человек по имени Фрэнк Чу из отдела обслуживания, который «обслуживал» номера люкс. Им обоим было известно, что раньше маской «Беннет» время от времени пользовался кое-кто из членов Ассоциации, а теперь она закреплена за определенным человеком. Им не сообщали, кем была Сара раньше, но они вполне могли об этом догадаться.

Тем не менее она не решалась выходить из роли, даже когда имела дело с ними. Нужно постоянно помнить об этом, даже с друзьями. Когда то и дело меняешь маску, рано или поздно непременно допустишь какой-нибудь промах.

Сара встала и подошла к окну. Посыльный раздвинул

шторы, и за окном был виден весь город. На переднем плане возвышались две горы — Телеграфная и Русская, первую из них венчала изящная рифленая бетонная колонна башни Койт-Тауэр с основанием, утопавшим в зелени. Вдали простирались гладкие, спокойные воды бухты, а за ними, в утренней дымке, лесистые прибрежные холмы. Справа панораму ограничивал мост Бэй, слева — мост Голден-Гейт, самый красивый мост в мире. Этой картиной Сара могла любоваться без конца. Дома были большей частью белые или каких-нибудь светлых тонов, и казалось, что весь город светится на солнце. Сара не собиралась никуда уезжать из Денвера, но всегда думала, что если придется, то переедет только сюда.

И тут она вспомнила, зачем сюда приехала.

Стук в дверь возвестил о приходе официантки, вслед за которой появился «Джимми Кальдеро».

Ред поставил свой тяжелый чемодан на пол и раскрыл объятия.

— Глория! Как долго я тебя не видел!

Сара сделала шаг навстречу, и он крепко обнял ее.

— Джимми, — сказала она, — ты негодай, где ты все это время пропадал? — Через его плечо она увидела Умника. — А это кто?

Она высвободилась из его объятий. «Прыщавый соглядатай, вот кто. Ред, ты просто...» Но найти подходящее слово она не смогла.

— Ты помнишь тот компьютерный проект, о котором мы говорили по телефону? Это один из моих лучших программистов. Познакомьтесь — Норрис Босуорт, Глория Беннет.

Умник нерешительно протянул ей руку.

— Рад с вами познакомиться, — сказал он.

— Прекрасно, — сказал Ред официантке. — Оставьте все, мы обслужим себя сами. — Он отмахнулся от Сары. — Нет уж, я очень тебя прошу.

Он щедро дал официантке на чай, и та вышла.

Как только дверь закрылась, Сара хотела было заговорить, но Ред предостерегающе поднял руку. Открыв портфель, он вынул какое-то устройство, похожее на спутниковую антенну в миниатюре. Потом надел наушники и принялся обходить всю комнату. Сара терпеливо ждала.

— Чисто, — объявил он наконец.

— Хелен мне уже сказала.

— Лучше убедиться самому. — Он бросился на диван и

закинул руки за голову. — Мне ростбиф с горчицей, сыр и ломтик помидора. Хлеб ржаной.

Сара протянула Босуорту тарелку.

— Можешь сделать себе бутерброд сам, Джимми, — сказала она через плечо. — Я тебе не горничная.

Ред усмехнулся и оглядел номер.

— Ладно уж. Как тебе нравятся апартаменты?

— Очень приличные. Я столько раз видела их по видео, когда меня готовили, что чувствую себя так, словно уже здесь была.

— И в самом деле была, — напомнил Ред. — Несколько раз. Хелен может рассказать тебе любые подробности, которые не вошли в учебный фильм. — Он встряхнулся, не спеша подошел к сервировочному столику и принялся перебирать ломтики холодного мяса на тарелке. — А получше у них тут ничего нет? Может, заказать пиццу?

Босуорт устроился в плюшевом кресле, держа тарелку с бутербродами на коленях. Сара села за письменный стол, на который поставила свою тарелку, и смотрела, как Ред сооружает себе какой-то сложный бутерброд.

— Когда у нас встреча с Кеннисоном? — спросила она.

— Скоро, — ответил он.

— Он придет сюда?

— Можно сказать, да. — Ред вгрызся в свой бутерброд. Томатный сок потек у него по подбородку, и он вытер его салфеткой. — А пока не хочешь ли послушать, что этот малец разнюхал? — Он кивнул Босуорту. — Валяй, расскажи ей. — Он снова повернулся к Саре. — Тебе будет интересно.

Умник перевел взгляд с Сары на Реда и обратно.

— Хорошо. Мы с братом Половски закончили факторный анализ европейских аномалий. У нас была довольно хорошая зацепка, с которой можно было начать, — то, что вы запомнили из французского списка. Но оказалось, что Карсон все-таки ошибся. Он думал, что идентифицировал третий фактор; на самом деле он свалил в одну кучу два других — то, что делала здесь Шестерка, и кое-какие отдаленные последствия того, что происходило в Европе и отозвалось у нас. Вы знаете, какая тонкая штука — факторный анализ. Тут не всегда можно судить по последствиям события. Бывают такие ошибки... — Он поймал взгляд Реда и осекся. — В общем, нам кажется, что мы идентифицировали на европейском диграфе четыре комплекса следов.

— Четыре? — Она рассмеялась. — Четыре? Ну, замечательно!

— Да, — кисло сказал Ред. — Похоже, в те времена клинологию изобретали все кому не лень.

— Насколько мы можем предполагать, — продолжал Босуорт, — один из них сошел на нет почти сразу же. Вероятно, группа распалась из-за внутренних распрей. Две другие раскололись где-то в последней четверти столетия. Дилемма Карсона.

— Хм-м, — произнесла Сара. — Примерно в то же время, что и Шестерка с Обществом Бэббиджа.

— Верно, — обрадованно кивнул Умник. — Распределение сроков жизни очень похоже на pdf. Распределение предельных значений. Мне кажется...

— Ближе к делу, малец. Все подробности Глория может узнать и потом, если захочет.

Босуорт покраснел.

— Хорошо, — сказал он недовольно. — Только можно было бы по этому поводу и не ехидничать.

Сара постаралась скрыть улыбку. Она еще ни разу не видела, чтобы Босуорт на кого-нибудь огрызался. Похоже, мальчик начинает обретать уверенность в себе.

— Ладно, извини, — ухмыльнулся Ред, примирительно помахав в воздухе бутербродом. — Но постарайся покороче, а? Нам скоро встречаться с Кеннисоном.

Босуорт повернулся к Саре.

— В эпоху мировых войн ушли пять следов. Один я потерял во время первой, еще два затерялись во время второй. И что вы думаете? Один из них, представьте себе, обнаружили и уничтожили нацисты.

— Что?

Сара видела, что Ред тоже удивился.

— Ты этого мне не говорил, — сказал он.

— Мой «червь» вернулся в самый последний момент перед нашим отъездом, — ответил юноша. — Я решил приберечь это и устроить вам сюрприз.

— Да? — Ред задумался. — Не люблю сюрпризов. Пожалуйста, больше никогда не придерживай информацию.

— Я не... Ладно, неважно. Вы, кажется, не цените сценических эффектов. В общем, я пошарил в старых нацистских файлах. Просто на всякий случай — не найдется ли там каких-нибудь перекрестных ссылок. И нашел толстое досье на одну группу, которая называлась «*Gemeinschaft für der historische Wissenschaft*»*, или «*GNW*». Я просто обалдел. Они помещались в Вене, и на них каким-то образом вышли

* «Общество исторических исследований» (нем.).

Рем с его штурмовиками. Как раз после этого нацисты и начали свою пропаганду насчет евреев и банкиров, которые правят всем миром. То есть они всегда были антисемиты, завоевывали таким способом популярность, но тут они как с цепи сорвались. Члены «GNW» были богаты, и кое-кто из них был евреем, однако Гиммлер загреб всех, включая чистокровных арийцев. Я думаю, Рем собирался с ними сторговаться, потому что Гиммлер тогда же загреб заодно и всех его СА.

— «Ночь длинных ножей»? — спросил Ред. — Значит, дело было не только в соперничестве между СА и СС?

— Похоже на то.

— И ты нашел этот файл в германских архивах? — спросила Сара.

— *Ganz bestimmt, gnadige Frau*, — ответил Босуорт. — *Auf Generalstaatsarchiv Bonn**.

Она взглянула на Реда.

— Значит, германское правительство должно что-то знать.

Ред нахмурился.

— Возможно, — неуверенно сказал он. — Но текст этих старых записей в Германии в свое время считывали с помощью алгоритмов, распознающих буквы, и ввели в государственную компьютерную сеть автоматически. Очень может быть, что их никто никогда и не читал. Многие немцы готовы дать любой крюк, лишь бы не подойти близко к тому, что происходило в те годы. Я даже помню, что в свое время был большой шум по поводу того, стоит ли вообще вводить нацистские архивы в сеть. В конце концов им пришлось это сделать, но только под давлением Франции, Польши и Израиля. — Он покачал головой. — Можете считать, что это еще один пункт, по которому у нас теперь нет ясности. Да, вы здорово замутили воду, мадам.

— Ничего я не мутила, вода уже была мутная, «Джим». Вы просто про это не знали.

— Да, наверное, ты права. Я думаю, это к лучшему, что теперь мы знаем. — Ред снова повернулся к Босуорту. — Ладно, заканчивай. Расскажи ей про последние два общества.

Босуорт пожал плечами.

— А больше рассказывать нечего. Один из двух следов, которые шли дальше, затерялся в шестидесятые годы.

— И остался только один, — объявил Ред.

— Такие недавние следы обнаруживаются с большим тру-

* Совершенно точно, мадам. В боннском Государственном архиве. (нем.).

дом, — напомнил Босуорт. — Последствия могут проявиться только десятилетия спустя.

— Хм-м-м, — задумчиво протянул Ред и взглянул на Сару. — Что ты по этому поводу думаешь?

— Одно из выживших обществ наткнулось на другое и уничтожило его.

— Или наоборот. Да, так и мы с Норрисом подумали. — До сих пор Ред называл Босуорта не иначе как «малец», и Сара заметила, что юноша, услышав это, приосанился.

— А потом победители принялись смотреть, нет ли у них еще каких-нибудь конкурентов, — сказал Босуорт. — Как в Северной Америке.

Ред поджал губы.

— Похоже на правду. Они шарили вокруг себя пару десятков лет, пока не появилось множество компьютерных сетей.

— Они, наверное, запустили паразита в нашу сеть, — сказала Сара. — Какая-то программа, которая случайным образом просматривает полицейские архивы, заметки репортеров и все такое и выискивает комплексы следов, которые могло оставить тайное общество. Вроде той серии трупов, которые остались после Вейлов.

— Да, А потом ты зажгла все прожектора, и они увидели нас. Что ж, по крайней мере мы теперь знаем, сколько этих других, с которыми мы имеем дело. Тайная Шестерка, их дочернее общество, если оно еще существует, и эта европейская банда.

— Называй их группой «К», — предложила Сара.

Ред задумчиво постучал ногтем большого пальца по зубу, взглянул на Сару и кивнул.

— Как? А, хорошо. Группа «К». Можно и так. — Он умолк, опустил глаза и смущенно потер руки. — Ты знаешь, Кэм велел сделать вскрытие Говард.

Перед глазами у Сары встала картина, которая навсегда запечатлелась в ее памяти: толстая женщина бьется в руках у Половски, пытаясь вырваться, потом вздрагивает, как от удара тока, и оседает на пол.

— Эй! — окликнул ее Ред. — В том, что случилось, твоей вины нет. Это она решила носить яд в зубе. Это она решила им воспользоваться.

Сара скривилась.

— Я знаю, только все равно у меня такое ощущение, словно я виновата.

— Ты слишком чувствительна, — сказал Ред. — Всякий рано или поздно умирает. Говард еще повезло, как никому, —

она выбрала момент сама. — Он взглянул на остатки своего бутерброда, сделал недовольную гримасу, поставил тарелку на столик у дивана и продолжал: — Во всяком случае, ее ДНК соответствует той, которая была зарегистрирована у «Морин Говард». Мы ничего другого и не ожидали. На кого бы она ни работала, там не дураки сидят. Но Билл Холлистер говорит, что эта ДНК, скорее всего, европейского происхождения. Правда, геномы разных популяций у человека так перекрываются, что полной уверенности быть не может, но он говорит, что у ее ДНК есть некоторые особенности, которые чаще встречаются в Эльзасе и Альпах, чем в Америке.

— Значит, ты думаешь, что она из группы «К», а не из Шестерки?

— Похоже на то. — Он повернулся к Босуорту. — Норрис, как только вернешься в Буффало-Крик, сделай все, что можешь, чтобы засечь группу «К». Если они запустили в нашу сеть паразита, как думает Сара, он должен быть очень хорошо замаскирован. Не думаю, что тамошние ребята смогут его обнаружить, так что подсоби им.

— Само собой, брат Кальдеро. Думаю, надо прежде всего перебрать всех ученых начала восьмисотых годов. Выяснить, кто из них мог затеять такое дело. Старые архивы, наверное, не так хорошо замаскированы.

— Хорошо, только будь осторожен. Смотри, чтобы они не выследили твоих «червей» до самого ранчо. Похоже, они не менее опасны, чем была Вейл. Господи, как эта Говард покончила с собой...

Он содрогнулся.

— Они наверняка уже знают, где мы, — сказала Сара. — Ведь Говард должна была об этом доложить, как ты думаешь?

Ред взглянул на нее.

— Может быть, и нет. Мы держим новичков под хорошим присмотром. Мы и близко не подпускаем их к телефону.

— Вы отпускали ее кататься в горы, — напомнила она.

— Да, но там-то телефонов нет. — Ред ухмыльнулся и снова повернулся к Босуорту. — Все равно, будь осторожен, малец, ясно? Вспомни теорию игр. Самая лучшая стратегия — благоразумие. Не люблю полагаться на случай. Последний раз я это сделал, когда в девяносто третьем купил билет нью-йоркской лотереи.

Устройство, которое Ред прикрепил к оконному стеклу, было похоже на огромную присоску. Сара смотрела, как он подключает провода, присоединяет динамик и кассетный магнитофон.

— Не могу поверить, — сказала она.

— Постарайся. Ну-ка, помоги мне прицелиться. — Он подвинулся, и Сара подошла ближе. — Так. Смотри вот сюда и скажи мне, где перекрещиваются линии.

Ред склонился над индикаторами магнитофона. Сара, закрыв один глаз, приложила другой к окуляру. Перед ней появилась Телеграфная гора.

— Вижу Койт-Тауэр, — сказала она.

— Слишком далеко к востоку. Поверни-ка вон ту рукоятку. Третью с краю.

Она повернула верньер, и панорама медленно поплыла в сторону.

— А что я должна увидеть?

— Высокое здание на горе Гринвич. Тринадцатый этаж — только у них он называется четырнадцатым. Второе окно справа.

Сара посмотрела в окно, нашла здание, потом снова прикинула к окуляру.

— Значит, это и есть «Кеннисон Демографикс»?

— Нет, — ответил Ред. — Это квартира, которую он снял под вымышленным именем.

Сара покачала головой.

— Я понимаю, что не имею опыта в этих играх, но не проще было бы поехать прямо туда? — Окно оказалось в скрещении линий. — Попала!

— Отлично, держи так. — Ред что-то сделал с динамиком, и послышалось шипение. — Нет, не проще. Потому что мы не знаем, кто за ним следит. Он не хочет, чтобы его видели с нами, потому что потом Ульман может начать задавать ему всякие вопросы. Откровенно говоря, мне тоже неохота, чтобы меня видели с ним.

— Из-за Ульмана?

— Нет. Просто я человек разборчивый и не люблю, когда меня видят с кем попало.

— Да брось, Джим. Я виделась с ним только один раз, он очень воспитанный человек.

— Для закоренелого убийцы?

— Я не говорила, что он мне нравится.

— Черт возьми, Сара, ты и мне не говорила, что я тебе нравлюсь.

Она удивленно повернулась. Он копался в аппаратуре.

— Ты вышел из роли, Ред.

Ред, не поднимая головы, скорчил гримасу и повернул какую-то ручку.

— Вот так. А наш Дэнни просто параноик. Он звонил мне из уличного автомата. Сказал, что у него больше не осталось

никого, кому он мог бы доверять, и он должен как можно скорее поговорить с нами. И не могу ли я прийти к нему со специалистом-компьютерщиком. Как я мог отказать ему в такой трогательной просьбе?

— Это я могу понять, но зачем параболические микрофоны? — Она ткнула пальцем в сторону сложных устройств, которые Ред извлек из портфеля.

— Кеннисон свою квартиру вычистил, микрофонов там нет, но у него есть сомнения насчет телефонных линий. А таким способом он сможет сидеть там и говорить прямо в воздух. Наш микрофон будет читать колебания его оконного стекла и превращать их в звук. Мы будем говорить с ним точно так же. Подслушать нас никто не сможет, если только они не поставят такие же микрофоны и не будут знать, на какое окно их нацелить.

Он включил тумблер, и из динамика раздался голос:

— ...Знаю, что вы там. Я слышу ваш разговор. Вы меня слышите? Отвечайте. Отвечайте, черт вас возьми!

В динамике послышался какой-то визг, Ред поспешно повернул ручку.

— Самовозбуждение, — пояснил он. — Его микрофон принимает его собственный голос из наших динамиков, и он снова идет к нам. — Он повернулся к окну. — Включите фильтр, черт возьми!

Визг перешел в глухое шипение.

— Так лучше?

Ред уселся на диван, откинулся на спинку и заложил руки за голову.

— Отлично, Дэнни, отлично. Нет, Глория, не трогай магнитофон. Он включается автоматически от звука голоса.

— Вы это записываете? — голос Кеннисона едва заметно дрогнул.

— Конечно. А вы разве нет?

— Лучше бы вы этого не делали.

— Хорошо. — Ред сделал секундную паузу. — Все, он отключен. Так чего вы хотите?

Не обратив внимания на негодующий взгляд Сары, он нацарапал несколько слов в блокноте, который лежал на подлокотнике, и протянул ей. Она прочла: «В любви и войне позволительно все».

«А что это — любовь или война?» — подумала Сара.

Кеннисон рассказал им все. Про выборы председателя Совета — до них об этом дошли только смутные слухи. Про план Селкирка и про то, как он был уличен в измене. Ред

написал в блокноте: «Дилемма Карсона. В Обществе очередной раскол». Вид у него был откровенно радостный. Сара отобрала у него блокнот и написала: «В Ассоциации тоже. Заговор Реда». Ред пожал плечами, явно не увидев в этом ничего смешного.

— Так зачем вам понадобилась Ассоциация, кузен? Подумываете, не вступить ли?

Ред показал знаками, что его тошнит.

— Ассоциация мне не нужна. Только вы и ваша подруга.

— Поплакаться в жилетку?

— Нет, получить кое-какую помощь. Ненадолго, лично мне.

— Понадобилась небольшая дружеская услуга?

— Вот именно.

— Эх, Дэнни, для этого нужно иметь друзей.

— Я знаю, где Деннис Френч.

Сара вздрогнула, как от удара электрического тока. Деннис? Она повернулась к окну. Утреннее солнце отражалось в окнах квартиры Кеннисона, и блеск заставил ее прищурить глаза.

— Где он? — спросила она. Было как-то странно говорить с пустотой. Как будто Кеннисон — призрак, незримо присутствующий в комнате.

— А, мисс Беннет? Как дела? Это вы и есть тот специалист-компьютерщик, которого привел с собой Джеймс?

— Неважно. Где Деннис?

— Вы мне поможете?

Ред сделал предостерегающий жест.

— Да. Говорите.

Ред с негодованием пожал плечами, но Сара не обратила на него внимания.

— Очень хорошо. Но все по порядку. — Наступила долгая пауза, потом Кеннисон продолжал: — Я решил выйти из Общества и действовать самостоятельно. А свою фирму оставить за собой.

Сара взглянула на Реда. Он поднял брови.

— Это не так просто, Дэнни. Особенно если предполагается при этом остаться в живых. И что вы думаете предпринять?

Ред лихорадочно писал что-то в блокноте.

— Я предлагаю действовать в четыре стадии. Во-первых, приобрету под чужим именем, которым я пользуюсь, какую-нибудь фирму с прочным положением, которая занимается, скажем, ценными бумагами или маркетингом. Фирму, которая могла бы под благовидным предлогом открыть филиал

для изучения общественного мнения. Во-вторых, скопирую базы данных «КД» в его базу данных. В-третьих, введу в первоначальную базу данных искажения, так что Ульману и иже с ним не будет от этих данных никакой пользы. В-четвертых, умру и воскресну под тем новым именем.

— Через три дня? — спросил Ред.

— Через столько, сколько понадобится, — ответил Кеннисон.

— Ну, а мы тут при чем?

— Сначала я предполагал использовать для работы с компьютерами своего протеже — Алана Селкирка. Его исходный план, как я вам уже говорил, состоял в том, чтобы просто подсовывать Совету фальшивые данные, а базу истинных данных держать в потайном месте. Но он не знает, что я решил пойти дальше, и сообщать ему об этом я не намерен. Я больше ему не доверяю. Я подозреваю, что он в сговоре или с Ульманом, или с вашей Тайной Шестеркой. Вот почему мне нужны ваши люди — чтобы убедиться в безопасности моей системы и помочь мне переслать туда данные.

— А нам вы доверяете?

— Да.

Этот простой, недвусмысленный ответ обезоружил Реда. Он замер с раскрытым ртом и беспомощно взглянул на Сару. Та улыбнулась ему уголком губ. Конечно, Кеннисон доверяет Реду. Вопрос в другом — могут ли они доверять Кеннисону.

— Работа как будто не слишком сложная, — сказал Ред, обращаясь к окну.

— Кроме того, я хотел бы получить вашу помощь, — ответило окно, — в оформлении сделки с новой фирмой. Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, я полагаю, лучше всего создать консорциум из нескольких партнеров.

— Хм-м-м... — Ред взглянул на Сару и Босуорта. — Можно назвать его «Кальдеро, Беннет и...»? — Он не закончил фразу, и наступила напряженная тишина.

— «Кальдеро, Беннет и Окс», — произнес Кеннисон после паузы. — Вашего младшего партнера будут звать Флетчер Окс.

— Буду рад с ним познакомиться, — сухо заметил Ред. — А вы уже выбрали фирму, которую собираетесь купить?

— Откровенно говоря, у меня на примете их несколько, но одна представляется особенно заманчивой — инвестиционная фирма с уже довольно внушительным послужным списком. Не вызовет никаких подозрений, если мы приберем ее к рукам и, пользуясь клионологическим анализом, начнем

приумножать ее прибыли. Никого не удивляет, когда богатые становятся еще богаче. Кроме того, будет вполне естественно, если они откроют филиал для маркетинговых исследований. Это вполне соответствует их профилю.

— Угу. А название у этой фирмы есть?

— Да. «Детвейлер, Бэррон и Стоун».

— Никогда о такой не слышал.

— Это старая бостонская фирма, но она работает также на биржах Нью-Йорка и Чикаго. — Последовала долгая пауза. — К сожалению, Бостон — не Сан-Франциско, но ближе к восточному побережью ничего подходящего нет.

Сара подошла к окну и поглядела в сторону квартиры Кеннисона. Горы, сверкающий белый город, Голден-Гейт. Она расслышала, как дрогнул голос у Кеннисона. Проявление искреннего чувства у чудовища — этого она не ожидала.

— Вам будет не хватать Сан-Франциско, да, Кеннисон?

— Конечно. Другого такого города нет, мисс Беннет. Нет во всем мире. Редьярд Киплинг как-то сказал, что самое трудное — это расставание.

Ред принялся напевать вполголоса старую мелодию Тони Беннета «Я оставил свое сердце...» Сара обернулась и сделала строгую гримасу. Ред ухмыльнулся и замолчал. Это проявление чувства почему-то сделало Кеннисона более человеческим, не таким похожим на чудовищную карикатуру. Со стороны Реда нехорошо издеваться над чужими привязанностями, даже если речь идет о Кеннисоне.

— Хорошо, — объявил Ред. — Я устрою деловой обед с людьми Детвейлера. Откуда вы знаете, что они собираются продавать дело?

— Я этого не знаю, но продается всё, главное — назначить цену. Нам надо только узнать, какую цену следует назначить, и сообщить ее им.

— Да? Только без всяких сюрпризов. Ясно? Это не наш стиль. Как нам связаться с «Флетчером Оксом» и дать ему знать, чем кончится встреча?

— Я сам с вами свяжусь, когда это будет безопасно.

— Имейте в виду, это вашу шкуру мы спасаем. Нам это не так уж и нужно.

— А Деннис Френч?

— Ах, да. Если только вы на самом деле знаете, где он.

— К тому времени, как дело будет сделано, буду знать.

Устройство для прослушивания они оставили на месте. На всякий случай, как сказал Ред. Кроме того, он пристроил на окно еще несколько маленьких машинок, похожих на

механических пауков. Когда он их подключил, они начали дружно колотить ножками по стеклу. Ред объяснил, что таким способом в стекле возбуждается множество несинхронных колебательных движений, и это исключает всякую попытку «прочитать» разговор, идущий в комнате: в сумме все эти случайные колебания гасят друг друга.

Оставив Босуорта стеречь номер, Ред повел Сару обедать. Босуорту он сказал, что если тому станет скучно, он может заняться компьютерной задачкой, которую задал им Кеннисон. Босуорт мрачно взглянул на него, но возражать не стал.

— Можете немного порезвиться, ребята, — сказал он. — Только приведи ее обратно не позже полуночи.

Реду это почему-то показалось остроумным.

Он взял ее под руку, и они направились к лифту. Сара сказала Хелен, что «мистер Кальдеро» пригласил ее пообедать, и Хелен пожелала им хорошо отдохнуть. Однако когда они вошли в лифт, Ред нажал кнопку своего этажа. Сара пристально посмотрела на него.

— Ты что-то забыл?

— Нет, — сказал он.

Двери лифта открылись, и он привел ее в свой номер, где в гостиной был накрыт стол на двоих под белой скатертью, с алой розой в вазе. Тарелки были прикрыты крышками и стояли под переносными инфракрасными грелками, чтобы не остыли. Шторы были закрыты, и комнату освещали свечи в золоченых подсвечниках.

Сара огляделась.

— Я думала, ты поведешь меня куда-то обедать.

— Не смог заказать столик.

— Тебе не кажется, что получается немного интимно?

— Нет, получается здорово интимно. А что, тебе что-то не нравится? Можно вызвать официанта, чтобы подавал.

Он подвинул ей стул. Она села и вздохнула.

— Только смотри, чтобы тебе ничего не взбрело в голову.

— Да я, черт возьми, ничего такого не думал с июня девяностого года!

Сара заметила, что он вдруг весь напрягся, как будто нечаянно проговорился.

— Да? А что такое случилось в июне девяностого года?

— Я принял постриг.

Он сказал это небрежно, но глаз не поднял. Сара смотрела, как он ставит кассету в проигрыватель. Ред очень многое тщательно скрывал — между ними словно стояла какая-то невидимая стена. Она его видела и слышала, могла

приблизиться к нему как угодно близко, но дотронуться до него почему-то не могла.

Ред нажал кнопку, и в воздухе поплыли звуки одинокой арфы. Не концертной арфы с ее резонирующими аккордами, а какой-то необычной, с металлическим звучанием. Мелодия была странная, почти средневековая — ей сразу пришли на ум кафедральные соборы и короли.

— Что это за инструмент? — спросила она, когда Ред сел за стол.

— Ирландская арфа с медными струнами, на ней играют ногтями. Музыка О'Каролана. Он жил в конце тысяча семисотых. Последний из великих гэльских арфистов — по крайней мере, так его всегда называют. Он был слепой; для музыканта это, наверное, лучше, чем быть глухим. Эта вещь называется «О'Флаинн» — он назвал ее в честь Лиамы О'Флаинна, который поднес ему последний стакан виски, когда он умирал.

Сара ела молча, наслаждаясь едой и музыкой. Лишь изредка Ред нарушал молчание, объявляя название мелодии: «Сэр Фестус Бэрк», «Бриджит Крус». Музыка казалась ей мучительно знакомой. Старые, полузабытые мелодии, которые переходили от одного деревенского скрипача к другому, а потом возродились в песнях горцев и в блюзах Дельты. Она посмотрела через стол на Реда, он улыбнулся ей в ответ и кивнул. Почему-то молчание казалось ей вполне естественным.

Она вспомнила, как Кеннисон призвал их на помощь. Какой странный был разговор! Кеннисон — редкая птица. Внушает омерзение и в то же время симпатию. Наполовину дьявол, наполовину джентльмен. Но ведь дьявола всегда изображают в виде джентльмена? Центральная фигура в Обществе, которая хочет выйти из Общества. Не из отвращения к тому, что оно наделало, а только потому, что его честолюбивые планы потерпели крах. А Ред согласился помочь ему — не потому, что одобряет эти планы, а потому что готов на все, лишь бы насолить Обществу. И вот они на время стали союзниками, не переставая опасаться друг друга. Враг моего врага — мой друг. Она подумала, действительно ли Кеннисон догадывается, как узнать, где находится Деннис. Когда она снова его об этом спросила, он предложил попробовать подслушать его телефон в «Кеннисон Демографикс». Но как это может помочь разыскать Денниса?

Музыка умолкла, и Ред прислушался, наклонив голову набок.

— Сейчас будет то, что я хотел тебе сыграть. Называется «Фанни Пауэр».

— А кто это?

— Фанни была дочь покровителя О'Каролана. Он написал эту пьесу к ее свадьбе. Я хотел, чтобы ты ее услышала — тогда ты поймешь, что на свете есть не только одна безупречная мелодия.

Он отложил свой прибор, облокотился на стол и устремил взор в бесконечность.

Начало было очень простое — незатейливая, грациозная мелодия, парившая в верхних регистрах. За ней следовала другая, тоном ниже, дополнявшая ее. Потом арфист начал повторять эти фразы, разукрашивая их кристально чистыми, изящными фиоритурами и арпеджио. Понемногу музыка становилась громче и величественнее, пока не наступила торжественная кульминация, из которой снова родилась первоначальная простая мелодия. Потом арфа умолкла, и только обертоны еще звучали в воздухе.

Несколько секунд Ред сидел молча. Потом, когда началась следующая вещь, он встряхнулся, встал и выключил проигрыватель.

— Ну? — спросил он. — Что ты об этом думаешь?

Сара с удивлением заметила, что глаза его стали влажными.

— Наверное, она была очень красива.

Он посмотрел на нее.

— Кто?

Голос его прозвучал резко и настороженно.

— Да Фанни, — Сара вздохнула. — Наверное, в этой музыке есть какое-то волшебство, раз она может тронуть нас до слез красотой женщины, которая умерла два столетия назад.

— Ах, Фанни, — рассеянно повторил Ред, и в голосе у него прозвучала печаль. — Да, наверное. То есть наверное была красива. Только ведь, знаешь, каждый понимает красоту по-своему. А О'Каролан был слепой, для него все женщины были прекрасны.

VIII

— Саудовская Аравия? — Адриан Детвейлер V пожевал губами и оглядел всех сидящих за столом по очереди. — Саудовская Аравия... — повторил старик.

Ред сидел с непроницаемым лицом и решил предоставить Кеннисону вести беседу и дальше. Все равно. Было уже очевидно, что старик не собирается продавать дело, да и

никогда не собирался. Ничего удивительного, если ты пятый подряд Адриан Детвейлер и твоя семья владела фирмой на протяжении полутора столетий.

Но тогда почему Детвейлер вообще согласился с ними встретиться?

Ред взглянул на Сару, которая сидела по другую сторону от Кеннисона, и недоуменно поднял брови. Она ответила взглядом, в котором ясно читалось: «Кто его знает?» Так. Значит, Сара пришла к тому же выводу. Переговоры зашли в тупик. Пустая трата времени. Только Кеннисон этого как будто не сознавал. Впрочем, для «Флетчера Окса» это, конечно, вопрос жизни и смерти.

— Саудовская Аравия, — сказал наконец Детвейлер, — считается вполне безопасным местом для капиталовложений.

Интересно, подумал Ред, почему они так прицепились к одной этой экстраполяции? Кеннисон доказывал — и Сара согласилась, — что они должны продемонстрировать свою особую проницательность, показать, что они не просто рядовые дельцы, желающие перекупить дело. Такую процветающую фирму, как «ДБС», дилетантам не продадут. Поэтому они подготовили несколько клиологических экстраполяций, достаточно эффектных, чтобы произвести на Детвейлера впечатление своей предусмотрительностью. Благодаря Саре и Босуорту работа была проделана добротнo, Ред считал, что ею можно гордиться. Поэтому его удивило, что Детвейлер и его люди стали держаться еще осторожнее.

Кеннисон улыбнулся.

— Сэр, мы не хотели бы раскрывать свои методы. Достаточно сказать, что мы исходим из весьма отчетливых представлений о том, что там происходит. Фундаменталистская революция неизбежна, и случится она не позже чем через пять лет. Мы давно уже незаметно избавляемся от наших интересов в этой стране.

— Да? — Детвейлер облизал губы, нахмурился и повернулся к своему соседу. — Мистер Стоун, что вы можете сказать?

— Сплошное шарлатанство, сэр, — ответил его молодой партнер высоким, гнусавым «гарвардским» голосом. — И если бы миссис Бэррон была здесь, я убежден, она сказала бы то же самое. — Он повернулся к Кеннисону. — Вы в Бостоне, мистер Окс. Это вам не Нью-Йорк, здесь дела делаются иначе. Все эти хитрости, которые так любят у вас на Манхэттене, нам не подходят: у вас быстро делают деньги, но еще быстрее их теряют. «ДБС» благополучно просущест-

вовала больше ста пятидесяти лет и все это время вела дела на старый манер. — Портреты, висевшие на стене зала заседаний, дружно насупились в знак согласия. Строгая, солидная новоанглийская живопись, строгие, солидные новоанглийские стены. С панелей мореного дуба с важным видом хмурились Адрианы Детвейлеры под номерами с первого по четвертый. «Интересно, как чувствует себя человек, у которого все предки пронумерованы?» — пришло в голову Реду.

Сара наклонилась вперед.

— А оскорблять гостей без особой причины — это тоже означает действовать на старый манер?

Детвейлер взглянул на нее.

— Прошу прощения, мисс Беннет?

— Мисс Беннет хотела сказать... — начал Кеннисон, беспокойно покосившись на Сару.

— Я вполне в состоянии сама сказать то, что хочу, Флетчер. — Она пристально поглядела на Стоуна. — Я согласилась участвовать в этой сделке, потому что она представляется хорошим капиталовложением и позволяет мне достигнуть определенных личных целей. Мы трое убеждены, что располагаем некоторыми ценными ресурсами, способными улучшить положение вашей фирмы на рынке. Чтобы присутствовать на этой встрече, я прервала свой отдых в Сан-Франциско, и перелет сюда был долгим и утомительным. Кроме того, я не люблю, когда меня называют шарлатанкой. Кстати, мистер Стоун, я тоже скопила свое состояние, действуя на старый манер. Но я начинала с нуля. А вы?

Детвейлер, не сводя глаз с Сары, поглаживал свою седую бороду, в точности как у commodора Вандербильта*. «О чем он сейчас думает?» — мелькнуло в голове у Реда. Потом Детвейлер кивнул и улыбнулся, как благодущный дед.

— Мистер Стоун, пожалуйста, принесите даме свои извинения. Будьте уж так добры.

Бросив на своего партнера быстрый взгляд, Стоун наклонил голову. — Прошу прощения. Я был слишком резок. Но наша фирма считает, что мания перекупки — бич американского бизнеса. Это приводит к растранижированию капиталов, которые лучше было бы использовать на исследовательские работы или на обновление оборудования, и не приносит пользы никому, кроме японцев и европейцев. Мы отказываемся принимать в этом участие.

Ред подумал, что извинение получилось не слишком удов-

* Вандербильт, Корнелиус (1794—1877) — американский финансист и промышленник, в свое время один из самых известных богачей США.

летворительным. Но он знал, что Сара подняла вопрос об оскорблении только ради того, чтобы заставить Детвейлера занять оборонительную позицию. «Хорошо, что она с нами. Деловой стаж у нее побольше, чем у нас с Кеннисоном, и тактикой переговоров она владеет лучше. Надо было всю беседу поручить ей. Детвейлер, конечно, разгадал ее уловку и решил, не упорствуя, сразу покончить с этим делом. Интересно, а не было ли так же точно рассчитано и замечание Стоуна?»

Детвейлер продолжал внимательно смотреть на Сару, и это вызывало у Реда растущее раздражение. Что такого старик в ней нашел? Он не сводит с нее глаз с тех пор, как она впервые раскрыла рот. Старый бабник? Мысль о том, что Детвейлер мог счесть Сару привлекательной, почему-то выводила его из равновесия.

«Не думай об этом, — приказал он себе. — Он из старинного бостонского рода, они считают себя высшей кастой и о цвете кожи никогда не забывают. Разве что путаются иногда со своими негротянками-горничными. К тому же мне-то какое до этого дело?»

Он подумал, что есть только одна причина пойти на встречу с предполагаемым покупателем, если не имеешь намерения продавать, — это острый интерес к самому покупателю. «Они согласились встретиться с нами не для того, чтобы продать нам свою фирму. Они хотели именно встретиться с нами».

Но зачем? Может быть, просто для того, чтобы осторожно обнюхаться. «Нет, в данный момент это ваше предложение нас не интересует, благодарим вас. Впрочем, мы не исключаем, что нам еще представится случай иметь с вами дело».

Если не удастся перекупить «ДБС» на корню, может быть, стоит предпринять с ними какие-то совместные действия. Например, демографические опросы. Реда это вполне устроило бы, но он не знал, как отнесется к этому Кеннисон. Этот человек не только рвется к власти, он еще и честолюбив. Власть для него очень важна, но не менее важны символы власти. Реду было безразлично, заполучит ли Кеннисон эту уютную норку в свою собственность или просто арендует ее у «ДБС» в качестве филиала фирмы, — лишь бы при этом он выступил против Общества. Однако Кеннисону это, вероятно, отнюдь не безразлично.

При обычных обстоятельствах Реду, разумеется, было бы наплевать, что думает Кеннисон. Но у Кеннисона есть какая-то нить, ведущая к Деннису Френчу, а это важно для Сары.

Реду было чертовски неприятно хоть в чем-то зависеть от Кеннисона. Что-то скользкое было в этом человеке. Что-то нечистое. И особенно сильное омерзение он вызывал, когда пускал в ход свое обаяние. На других он, по-видимому, не производил такого впечатления, однако никто не знал его так, как Ред.

Ред понял, что Кеннисон с каждым днем нравится ему все меньше. Его рейтинг по десятибалльной шкале давно уже опустился ниже нуля. Говорят, что близость не способствует уважению, а с тех пор, как у Реда завелись дела с Кеннисоном, он оказался с ним в слишком большой близости.

Детвейлер был вежлив, но непреклонен. Стоун был столь же непреклонен, но далеко не так вежлив. Бэррон вообще не явилась, а остальных можно было не считать. Когда в конце концов Детвейлер формально отклонил их предложение, Кеннисон начал было поднимать предложенную цену, но и Ред, и Сара одновременно лягнули его под столом, и он умолк. Никогда нельзя показывать противнику, насколько ты заинтересован. Это знал даже Ред.

Кроме того, он подозревал, что если старику Детвейлеру предложить больше денег, тот оскорбится. Первоначальная цена была вполне справедливой, это признали обе стороны. Детвейлер отказал им из принципа, а принципами ради денег не жертвуют. Ради чего-нибудь другого — возможно, но не ради денег. Если принципы можно купить за деньги, — значит, это вообще не принципы.

Встреча закончилась вполне дружески ровно в два часа. Даже Кеннисон ухитрился сохранить хорошую мину при плохой игре и был весьма любезен. Детвейлер приказал подать коктейли. Они выпили за здоровье друг друга и расстались, обменявшись сердечными рукопожатиями. Детвейлер, старый козел, даже поцеловал Сару в щеку.

Они прошли по коридору и через обширный зал, где помещалась бухгалтерия. Сара взяла Реда под руку, словно своего кавалера, и у него даже в ушах зазвенело от легкого прикосновения ее перчатки к его локтю.

Оглянувшись, он увидел, что Стоун и Детвейлер о чем-то оживленно беседуют в дверях зала заседаний. Детвейлер несколько раз провел пальцем по шее, под самым ухом.

В этот момент Ред почувствовал, что Сара стиснула его локоть. Он удивленно взглянул на нее. Она молчала, но по ее лицу было видно, что она чем-то встревожена. Ред внимательно оглядел комнату, пытаясь найти причину ее тре-

воги. Однако бухгалтеры и аналитики, сидевшие за столами, не проявляли к уходящим гостям особого интереса. Ред повернулся и вопросительно взглянул на Сару.

— Потом, — шепнула она.

Они зашли в крохотное кафе на боковой улочке в центре Бостона. Ред заказал три чашки кофе со сливками, без сахара. Когда официантка отошла, он развел руками.

— Мы сделали все, что могли. Что дальше, Флетч? У вас были какие-то другие варианты?

К кофе Кеннисон даже не притронулся.

— Было несколько, — признал он. — Но ни одного столь же подходящего. Блестящий послужной список фирмы Детвейлера был бы замечательной маскировкой. Любая другая фирма из моего списка привлечет к себе нежелательное внимание, если разбогатеет слишком быстро. Возникнут вопросы, на которые лучше не отвечать.

— Ну, главное — терпение, — сказал Ред. — Важнее всего вам основать самостоятельную компанию. Такую, где им в голову не пришло бы вас искать.

— Нет, — возразила Сара. — Важнее всего выяснить, что на уме у Детвейлера, Бэррон и Стоуна.

Этого они не ожидали. Ред взглянул на нее и увидел, что она сидит, закусив нижнюю губу, и пристально глядит в свою чашку, словно гадает на кофейной гуще.

— А что такое? — спросил он и тут же вспомнил, как она напряглась, когда они шли по рабочим комнатам фирмы Детвейлера. — Что ты там заметила?

— Я увидела Джереми Коллингвуда.

— Кого?

Кеннисон поднял голову.

— Коллингвуда? Того, из Денвера? Но ведь он погиб при взрыве, ведь так? Что он может здесь делать?

— Кажется, он был сожителем Денниса Френча? — спросил Ред.

Наступило молчание. За стойкой звякнула касса, кассирша что-то сказала уходящему посетителю, люди, сидевшие у стойки, рассмеялись. Зазвенел звонок у входной двери. Кеннисон нахмурился и отхлебнул кофе.

— Вы уверены, что это был ваш приятель?

Сара покачала головой.

— Я не так уж хорошо была с ним знакома, но ошибиться не могла.

— Сообщения печати могли быть ошибочными, — сказал Кеннисон. — Вполне возможно, что этот Коллингвуд остался

в живых и переехал сюда всего лишь для того, чтобы порвать с прошлым.

Сара отрицательно мотнула головой.

— Вы не знаете Джереми. Нет, он пытался разыскать Денниса. Он и сейчас пытается разыскать Денниса.

— В компании «Детвейлер, Бэррон и Стоун»? — спросил Кеннисон.

Сара протянула руку через стол и стиснула запястье Реда.

— Джимми, а что если они тоже играют в эти игры?

— Кто? Детвейлер? — Этот благодущный дед в костюм-тройке? Ред не мог представить себе старика в такой роли. Его на это просто не хватило бы. Другое дело — Стоун. У младшего партнера хладнокровия достаточно.

— Да. Что, если они спасли Джереми от взрыва?

— Зачем это могло им понадобиться? — спросил Кеннисон.

— Может быть, они просто не любят, когда убивают людей, — резко ответила Сара.

— Тогда почему они не спасли всех остальных? — резонно возразил Кеннисон.

— Ну хорошо, допустим, что Джереми остался в живых сам по себе. Исследовательская группа Денверского университета что-то узнала и поэтому была уничтожена, а Джереми выследил Денниса, и следы привели его в «ДБС».

— Все это сейчас неважно, — сказал Ред. Господи, об этом можно рассуждать до второго пришествия. Можно придумать и забраковать тысячу сценариев, и все это будет чепуха. Нужны точные факты. — Вот что. Нужно сделать две вещи. Переговорить с Коллингвудом и разузнать побольше про «ДБС». Наши люди в Бостоне могут выяснить, где живет Коллингвуд, и озвучить его квартиру. А я велю Босуорту поинтересоваться историей «ДБС».

— Когда? — спросила Сара.

— Давайте не будем спешить, — сказал Кеннисон. — Поспешешь — людей насмешишь. Если они играют в эти игры, мы не должны их спугнуть. А если этот... хм... сожитель вашего друга работает у них инкогнито, мы не должны его раскрыть.

Ред улыбнулся. Кеннисон беспокоится, что они заполучат другую нить, ведущую к Френчу, и тогда смогут обойтись без него. У него уже не будет возможности влиять на Сару.

«Не волнуйся, Дэнни, я ни за что не упущу случая попортить твою базу данных. Но я с удовольствием заставляю тебя попотеть от страха».

Ред одним глотком допил кофе и встал.

— Когда? — переспросил он беззаботно. — А, что, если позвонить Босуорту прямо сейчас?

Кассирша сказала ему, где находится ближайший телефон-автомат. Он сунул в щель четвертак и набрал номер. Голос, прозвучавший в трубке, не тратя времени на любезности, потребовал, чтобы он сообщил код. Ред назвал свой код, код Босуорта на ранчо и номер автомата, откуда звонит, и повесил трубку.

Несколько минут он нетерпеливо ждал, успев за это время поцапаться с какой-то дамой, которая тоже хотела позвонить. Кеннисон прав в одном: поспешишь — людей насмешишь. Если «ДБС» и есть Тайная Шестерка — или банда из Европы, — ни в коем случае нельзя махать руками наобум. Тут требуется крайняя осторожность. Когда телефон зазвонил, он снял трубку после первого же звонка.

— Босуорт? Это Кальдеро. Есть для тебя работа. Первостепенной важности.

— Брат Кальдеро, я только что оставил вам записку в отеле...

— Брось эти пустяки, малец. Я хочу, чтобы ты...

— Но это срочное сообщение, Джимми.

«Джимми»? Ред отодвинул трубку от уха и уставился на нее. «Срочное сообщение»? У него появилось нехорошее предчувствие. Он еще не знал, что скажет Босуорт, но ничего приятного не ждал. — Ладно, малец, слушаю. Валяй.

— Сегодня сработали капканы на «Кальдеро» и «Беннет».

— Что-что? Повтори.

— Кто-то без разрешения проник в сеть «Дэйта-Нет». Пытался забраться в закрытые файлы на вас. Знаете — социальное страхование, регистрация рождения и прочее.

— Знаю. А как насчет «Окса»?

— А надо было и там поставить капкан?

— Да. Никогда не знаешь, с кем сведет тебя политика.

«Иногда даже приходится якшаться с такими, как Дэн Кеннисон».

— Подождите полсекунды, я посмотрю, что можно выяснить.

— Где и когда это случилось?

— Я сказал — секунду. — Наступила пауза. — Это был какой-то общедоступный терминал в Бостоне. Как раз где вы сейчас. Сегодня в четырнадцать тридцать пять. Ни до чего особенно серьезного они не добрались.

«В четырнадцать тридцать пять. Сразу после того, как мы вышли от Детвейлера. Ну-ну, времени они не теряют,

надо отдать им должное. Как в «Алисе»: становится все страннее и страннее».

— Ага, вот, — сказал Босуорт. — Сейчас проверю. — Пауза. — Вы были правы. С того же самого терминала пытались проникнуть и в файлы «Окса». Есть предположения, кто это?

— Пожалуй, да. По крайней мере, довольно основательная догадка. Только не могу понять, зачем. — Он наспех рассказал Босуорту об их встрече с «ДБС» и о загадочном присутствии там Джереми Коллингвуда. — Ты не мог бы запустить «мышь» в их систему и там немного пошарить? Так, чтобы они не узнали?

— Будьте уверены, запросто!

— Хорошо. Выясни все, что можешь. И поскорее. Встретимся в нашем номере в Сан-Франциско... скажем, в четверг.

— Будет сделано, шеф.

Ред повесил трубку и немного постоял, пытаясь собраться с мыслями. Мимо него с ревом и гудками неслись по Стейт-стрит автомобили, но он ничего не слышал. Значит, «ДБС» их проверяет, так? Но почему? Конечно, любая фирма может наводить справки о тех, с кем имеет дело. И получить закрытые сведения из сети пытаются многие, несмотря на запрет. Но если так, почему они сделали это не до, а после того, как ответили отказом на их предложение? Нет, тут все не так просто.

Что-то заставило их насторожиться, заинтересоваться Кальдеро, Беннет и Оксом. Он не понимал, как это могло произойти: легенды у них железные, непробиваемые. Но этим можно объяснить их осторожность во время переговоров. Если в «ДБС» тоже играют в эти игры, они должны опасаться любых попыток выйти на них, особенно после того, как опубликована бомонтовская распечатка. Всем семейством уйти в подполье, как всегда делает мафия. Черт возьми, может быть, дело в той экстраполяции по Саудовской Аравии, которую продемонстрировал им Кеннисон? Они могли догадаться, что никто не сумел бы прийти к таким выводам без клиологического анализа.

Впрочем, все это пустые рассуждения. Нельзя выходить за пределы тех данных, какие у тебя имеются. Нельзя строить необоснованные догадки. Только один раз, в Джексонвилле, он пренебрег этим правилом, и вон чем это кончилось. Нет, надо идти только от фактов. А). Кто-то в Бостоне проявляет чрезмерное любопытство. В). Они занялись этим немедленно после того, как Ред и его спутники покинули «ДБС». С). Там,

в бухгалтерии, сидел Джереми Коллингвуд. А теперь, если сложить А, В и С, получится...

Кто его знает, что получится? Ред никогда не был силен в алгебре.

Коллингвуд. Ред потряс головой и направился обратно, в кафе. Как Коллингвуд попал из Денвера в Бостон? Интересно было бы услышать эту историю, даже если бы больше ничего из этого не следовало. Все страннее и страннее. Алисе такое и не снилось.

Джереми так и не знал толком, как ему относиться к тому, что его приняли на работу в компанию «Детвейлер, Бэррон и Стоун». Обе стороны не имели особого выбора. К тому же по какой-то странной случайности его взяли на что-то вроде руководящей должности — это лишь подтвердило его первоначальное мнение, что в «ДБС» ничего не понимают в людях. Счасть его подходящим на руководящую должность... Тем не менее это был еще один шаг вперед в поисках Денниса. Теперь его возможности стали куда больше. Ему помогают люди, которые сами чего-то не знают и хотят это узнать не меньше, чем он.

Но зачем Детвейлер вызвал его к себе и велел посидеть в общем зале вместе с бухгалтерами? Чем-чем, а бухгалтерией он теперь занимался меньше всего.

Как и все остальные, он с любопытством взглянул на уходящую троицу. Среди служащих компании распространился слух, будто поступило предложение ее перекупить, хотя Джереми считал, что это невозможно. «ДБС» — частная фирма, и, если учесть, чем она на самом деле занимается, невозможно себе представить, чтобы старик решился ее продать.

Тем не менее трое посетителей произвели на него необычное впечатление. Высокий джентльмен достойного вида; низкорослый, коренастый человек, который более естественно выглядел бы на стройплощадке, чем в зале заседаний; и высокая, гибкая чернокожая женщина с тщательно уложенными волосами. «Кальдеро, Беннет и Окс», — шепнула ему женщина, сидевшая за соседним столом. Джереми кивнул и принялся размышлять, кто из них — кто.

Чернокожая женщина заметила, что он смотрит на нее, и вся напряглась. «Можешь не волноваться, — подумал он. — Ты не в моем вкусе».

Когда они ушли, в дверях появился Питер Стоун и поманил Джереми пальцем.

— Коллингвуд, зайдите сюда, пожалуйста, на минутку.

Джереми встал и поправил манжеты и галстук. Питер Стоун ему не очень нравился, и он подозревал, что чувство это взаимное. У этого человека всегда такой вид, словно он держит во рту лимон. Когда Джереми проходил мимо Стоуна, тот вежливо посторонился. Джереми усмехнулся про себя. «Можешь не волноваться, ты тоже не в моем вкусе, — подумал он. — Слишком угрюм и постоянно насторожен».

Старик Детвейлер обменялся с ним быстрым рукопожатием. «Вот этот ничего не скрывает. Никакой затаенной враждебности. Почему эти потомственные богачи все такие? *Noblesse oblige**? Или просто чувствуют себя увереннее, чем любой нувориш? Детвейлер явно не боится стать жертвой нападения какого-нибудь взбесившегося гомосексуалиста. А Стоун этого так же явно опасается. Может быть, у нас со Стоуном просто не совпадают феромоны. Мы с ним из разного теста — так, кажется, говорится?»

Улыбнувшись, Джереми сел за стол рядом с Дженни Бэррон, дочерью Детвейлера. Стоун уселся по другую сторону от нее. Бэррон искоса взглянула на Стоуна и едва заметно отодвинулась от него. Джереми усмехнулся про себя. Интересно, знает ли Стоун, что действует на нее так же, как Джереми на него?

— Джереми, — сказал Детвейлер, — вы обратили внимание на высокую чернокожую женщину, которая только что вышла отсюда? На ту, что называет себя Глорией Беннет?

Джереми повернулся к Детвейлеру, сидевшему во главе стола, и осторожно кивнул.

— Не так чтобы очнь. Но я ее видел. А что?

— А то, что у моего отца какие-то шизофренические фантазии, — сказала Бэррон.

Джереми взглянул на нее через плечо.

— Разве это хуже, чем чересчур благодушные фантазии? Она недовольно фыркнула и отвернулась.

— Я вам говорю, что это Сара Бомонт, — настаивал старик. — Когда она уходила, я чмокнул ее в щеку — только для того, чтобы посмотреть на нее вблизи. У нее вот здесь шрам, — он провел пальцем под левым ухом. — Точь-в-точь как после пластической операции.

— Но, папа, в этой стране тысячи людей делают себе пластические операции! И она совсем не такая, как на фотографиях.

— А разве не для этого делают пластические операции, миссис Бэррон? — спросил Джереми.

* Положение обязывает (франц.).

— Да нет...

— Ну, хватит, дитя мое. Джереми, она не показалась вам знакомой? Обычная пластическая операция, как прекрасно знает моя дочь, сводится к тому, что убирают морщины или выправляют курносый нос, не более того. Возможности хирургии ограничены. Нос, щеки, кожа под глазами. Но строение костей при этом не меняется, если не говорить о несчастных случаях. Подумайте, Джереми.

Сара Бомонт? Партнерша Денниса? Сердце у Джереми забилося быстрее, и он почувствовал легкое головокружение. Может быть, Детвейлер прав? Он закрыл глаза и попытался восстановить в памяти лицо Сары Бомонт. Потом покачал головой.

— Как я могу сказать? Я не знал, для чего вы посадили меня там, иначе я бы...

— Я не хотел заранее влиять на ваше впечатление. — Детвейлер кашлянул и взглянул в сторону двери. — Вы привезли фотографии?

Вошли Херкимер Вейн и Гвиннет Ллуэлин. Вейн был почему-то в расшитой ливрее швейцара и фуражке с галунами и напоминал адмирала. Гвинн положила на стол глянце-вые фотографии.

— Мы хорошо их разглядели, когда они выходили из здания. Двух других мы не знаем, но высокий мужчина — без сомнения, Дэниел Кеннисон.

— Кеннисон? — переспросил Стоун. — Из «Кеннисон Демографикс»? С какой бы стати он... Ах, вот что!

— Да. Тот самый Кеннисон — не только из «Кеннисон Демографикс», но и, видимо, из Общества Бэббиджа.

— Но тогда та чернокожая женщина не могла быть Сарой Бомонт, — сказал Джереми. — Она же разоблачила Общество. Они убили ее друга, пытались убить ее и Денниса. Она не может быть заодно с ними.

Детвейлер пожал плечами.

— Я могу не сходя с места придумать вам не меньше пяти сценариев, в которых она может фигурировать рядом с Кеннисоном. Я не понимаю одного — почему они появились здесь. Наши клиометристы уверяют, что в архивных документах нет никаких следов нашего существования. Мы никогда не пытались вмешиваться в ход истории. А к нашим архивам, касающимся клиологии, нет доступа из сети «Дэйта-Нет». Так что же делает у нас на пороге Общество Бэббиджа?

— Если бы Общество Бэббиджа действительно появилось у вас на пороге, — сказала Гвинн, — то вашу дверь уже давно разнесло бы взрывом.

Внезапно раздался громкий стук. Все вздрогнули. Дженни Бэррон смущенно хихикнула. Дверь открылась, и вошел Джим Донг с каким-то человеком, которого Джереми не знал. Человек был в белом халате — ритуальном одеянии ордена ученых. Донг и Джереми обменялись кивками. С тем, с кем вместе подвергался опасности, всегда чувствуешь какую-то связь. Узы братства.

Неизвестный человек заговорил.

— Публичные досье на всех трех человек, кем вы интересовались, совершенно чисты. У всех троих непрерывная биография с самого рождения до сегодняшнего дня. Ничего подозрительного.

— Ну разумеется, ничего подозрительного, — сказал Детвейлер. — И это, должно быть, случайное совпадение, что Флетчер Окс как две капли воды похож на Дэниела Кенни-сона.

На столе замурлыкал телефон. Донг, стоявший ближе всех, подошел и снял трубку. Немного послушав, он протянул трубку своему товарищу.

— Это тебя. — Он сел за стол рядом с Вейном. — Привет, Херкимер. Привет, Гвинн.

Джереми почувствовал, что атмосфера в комнате изменилась. Бэррон и Стоун как будто насторожились. Они вежливо поздоровались с Вейном, но словно не замечали Донга и Ллуэлин. Эти люди им чужие. Слишком долго хозяева «ДБС» чувствовали себя в полной безопасности и теперь, когда их уютный мир вдруг перевернулся вверх тормашками, они очень этим недовольны. Особенно не по душе им угроза непосредственного физического действия, которую олицетворяют Джереми и его друзья. Даже Вейн запятнан тем, что связался с ними.

Лишь сам старик Детвейлер, казалось, сохранил самообладание. Больше того — неожиданные осложнения как будто вызвали у него радостное возбуждение.

Человек в белом халате положил трубку.

— Скверная новость, шеф. В нашей системе «мышь».

Стоун вздрогнул.

— Что? Когда? Что она делает?

— Как — что делает? Разнюхивает что-то.

— Она что-то уже загрузила в память? — спросил Донг.

— Нет, она в реальном времени.

Стоун вскочил.

— Так выследите ее!

— Мы этим и занимаемся. Не волнуйтесь. Мы послали за ней «кошку».

— Не волноваться? А сколько времени она там была, прежде чем ваши люди ее обнаружили?

Человек в белом халате пристально посмотрел на Стоуна и, обращаясь к Детвейлеру, ответил:

— Она не могла быть там долго, шеф. У нас есть предохранители. Тот, кто сотворил эту «мышь», кто бы он там ни был, чертовски силен, но наша «кошка» должна ее поймать.

Пока они разговаривали, Джереми протянул руку и взял со стола моментальный снимок Глории Беннет, сделанный Гвинн, когда они уходили. Он всмотрелся в нее. Овал лица... Форма черепа... Он покачал головой. Ему довелось видеть Сару Бомонт всего несколько раз, обычно вместе с Деннисом. Как мог он надеяться обнаружить ее черты в лице этой незнакомки?

— Мы можем достать фотографию Бомонт, чтобы сравнить с этой? — спросил он Гвинн. Та задумалась.

— Там у нас, в исследовательской группе, была целая фототека, как в полиции на тех, кто в розыске. На всех, чьи фамилии упоминались в распечатке и чьи фотографии мы сумели раздобыть. Вот почему мы с Херкимером узнали Кеннисона. Я знаю, что и Бомонт там была. Но теперь все это пропало. — Ее лицо погрузнело. — Впрочем, если подумать, найти ее фотографию будет не так уж сложно.

Он снова посмотрел на снимок. «Сара Бомонт, это ты? Знаешь ли ты, где Деннис?» Он отложил фотографию в сторону и подумал: неужели его поиски близятся к концу?

IX

Все в жизни Кеннисона перевернулось. Было время, когда его не тревожили сомнения, когда судьба, казалось, не готовила ему никаких сюрпризов. Теперь он сомневался во всем. Было время, когда он управлял событиями; теперь события управляли им.

Он отрезал себе кусочек и принялся его жевать, не ощущая никакого вкуса. Жареная грудка цыпленка *a la Russe**. Замаринованная с вечера в сметане с острым перцем, потом тщательно панированная сухарями и обжаренная. Рут-Энн в очередной раз превзошла самоё себя.

При обычных обстоятельствах он похвалил бы еду и попросил бы передать поварихе свою благодарность. Он наслаждался бы тем, как Карин подает блюда. Он улыбался бы

* По-русски (франц.).

ей и шутил. Теперь все это представлялось ему бессмысленным притворством. Дэниел Кеннисон, бонвиван? Нет, Дэниел Кеннисон, отпетый дурак!

Его перехитрили. Все. Бомонт с ее «червем». Ульман. Руис. Селкирк, этот наглый шантажист, будь он проклят! Даже Женевьеве Вейл удалось какое-то время его дурачить, и только потом, не устояв перед жаждой мести, она сама раскрыла свои карты.

Хотя по меньшей мере одна победа была у него на счету. И он наслаждался ею, хоть она и стоила жизни его возлюбленной Пруденс. Теперь он понимал, что Вейл тогда была совсем уже не в себе. Разоблачения Сары Бомонт, измена Ульмана и Руиса, переворот, затеянный Пейдж, довели ее до неменяемого состояния, от которого она и раньше была не так уж далека. Даже его попытки спасти и защитить Общество она в своей ярости и ослеплении истолковала неверно.

И вот заключительная комедия. 160 лет они тщательно хранили драгоценную тайну, — а теперь клиологические общества обнаруживаются под каждым камнем. Шестерка. Европейцы — те, которых Бомонт назвала группой «К». Уже не существующее «GNW», о которых рассказал ему Кальдеро. И даже эта бостонская инвестиционная фирма! Кто бы мог поверить?

Он грустно покачал головой. Кто бы мог поверить? Плотина превратилась в решето, и даже тысячи голландских мальчишек не хватит, чтобы заткнуть пальцами все течи. Чтобы сохранить тайну, сейчас пришлось бы устранять людей в таких количествах, от которых пришла бы в ужас даже Женевьева Вейл. Может быть, если бы все общества объединились... Нечто вроде Клиологической Лиги. Это не так просто. Каждое общество, очевидно, заинтересовано в том, чтобы широкая публика по-прежнему ничего о нем не знала; но в то же время все они боятся раскрыться перед посторонними, даже друг перед другом. Преодолеть этот глубоко укоренившийся страх так же нелегко, как нелегко дикобразам совокupляться. Чтобы объединить силы всех обществ в один кулак, нужен человек исключительных способностей. Такой, как Кеннисон? Возможно. Очень возможно. Он позволил себе некоторое время помечтать о том, как станет *sapo di tutti sapri**. Пусть Ульман остается председателем Общества Бэббиджа — оно будет всего лишь одним из многих членов Лиги.

* Главарь всех главарей (*итал.*); имеется в виду предводитель всех мафиозных «семейств».

Но Джимми Кальдеро как будто твердо убежден, что одно из обществ — группа «К» — сознательно вело охоту за единственным своим соперником, оставшимся в Европе, и в конце концов истребило его. Оно же, возможно, выдало «GNW» — то общество, которое уничтожили нацисты. Вероятно, Тайная Шестерка не менее опасна. Кто может это знать наверняка?

Однако в одном Кеннисон не сомневался: Общество Бэббиджа теперь совершенно беззащитно. Не только перед так называемой группой «К», но и перед Шестеркой, ЦРУ, КГБ, даже перед какими-нибудь бойскаутами, вздумай они им заняться. И все благодаря Саре Бомонт. Пока что возмущение публики как будто немного улеглось, по крайней мере внешне. Но кто знает, куда направлены подводные течения? Впрочем, невежественные массы никогда его особенно не волновали. Стоит ли бояться публики, которая думает, что Чарлз Линдберг* летал на дирижабле, и не в состоянии показать на карте, где находится Мексика? Его беспокоила только образованная элита. Агенты правительства. Ученые. Люди любознательные и проницательные.

Во всей этой истории Ассоциация тоже понесла некоторые, хоть и незначительные, потери. Один крот, разоблаченный и устраненный. Несколько публичных скандалов. Однако она как будто удержалась на плаву. А Общество — нет. Панические выходы Вейл и интриги Ульмана парализовали его, исключили всякую возможность эффективных ответных действий. Общество прочно сидит на мели. Неужели он в самом деле стремился стать капитаном этого беспомощного судна, которое годится только на то, чтобы быть мишенью для артиллерийских учений?

Конечно, нет. Пусть эту роль играет Ульман. Пусть, ни о чем не догадываясь, сидит под прицелом и радуется. Кеннисон же тем временем скроется в безопасном месте. В сущности, отказавшись от поста председателя, он совершил поистине гениальный ход.

Чем больше он об этом думал, тем заманчивее казался ему новый план. Когда оказываешься под прицелом, самое важное — двигаться, и как можно быстрее. Настало время сделать финт. Превратиться в Флетчера Окса. Переправить свою базу данных в потайное место до тех пор, пока можно будет снова показаться на людях.

Он заметил, что у него вспотели ладони, и вытер их

* Линдберг, Чарлз (1902—1974) — знаменитый американский летчик, в 1927 г. первым перелетел через Атлантический океан.

салфеткой. Флетчер Окс. «Окс Демографикс»? Нет, его новый оплот должен называться как-нибудь совсем иначе. «Кеннисон Демографикс» придется выбросить за борт. Похоронить навсегда. Жаль, но ничего не поделаешь. Что сказал бы сейчас отец? Кеннисон бросил быстрый взгляд на строгое лицо на портрете, висевшем над камином, потом поднял хрустальный бокал и отпил глоток вина. Так себе вино. Надо поговорить с Беттиной.

Беттина... Он подумал, нельзя ли будет взять с собой своих служащих. Может быть, удастся уговорить их сменить маски. Ради их же собственной безопасности.

Он вздохнул. Нет, ради его собственной безопасности Окс должен жить совершенно иначе, чем Дэниел Кеннисон. Окс должен отличаться от него во всем. Это должен быть не изысканный джентльмен, а грубый мужлан. Может быть, не отличающийся таким остроумием. Никому и в голову не должно прийти, что между Оксом и Кеннисоном есть что-то общее. Жаль. Ему будет не хватать Беттины и Карин, Рут-Энн и Греты.

Карин убрала со стола пустые тарелки. Он проводил ее взглядом. Какая осанка! Высокие каблуки всегда придают икрам и ляжкам восхитительную форму.

Карин, должно быть, почувствовала на себе его взгляд: походка ее сделалась чуть напряженной, как будто от страха. Кеннисон почувствовал удовлетворение. Способная ученица. Конечно, никогда ей не сравниться с Пруденс, не сыграть заблудившуюся, перепуганную маленькую девочку с такой убедительностью, как играла она. Но кое-чему Карин от него уже научилась. Кое-чему.

Он достал из внутреннего кармана тонкую сигару, чиркнул спичкой и закурил. Все прекрасно, решил он. Обществу Бэббиджа пришел конец. Оно уже умерло, осталось только его похоронить. Жаль, конечно. Будь во главе его я, это несчастье можно было бы предотвратить. Но теперь все враги знают о нем, обложили его со всех сторон и взяли на прицел.

Он рассмеялся. Пока еще на прицеле у них он, это он окружен врагами. Окружен со всех сторон. Но он сделает такой финт, что все они перестреляют друг друга!

В дверь постучали условным стуком. Беттина.

— Войдите.

Беттина открыла дверь и остановилась у входа.

— К вам мистер Селкирк, сэр, — сказала она.

Кеннисон сделал недовольную гримасу. Этот молодой человек становится все назойливее. Кеннисон вынул карман-

ные часы и взглянул на циферблат. Селкирк должен сейчас быть не здесь, а в конторе с Ночной Сменой. Но ничего. Раз уж он здесь, он не сможет помешать Бомонт поставить «жуток» на терминал Кеннисона.

— Пусть войдет, мадам дворецкий. Но скажите Карин, чтобы не подавала портвейн, пока он не уйдет.

— Хорошо, сэ.

Она вышла, и через мгновение появился Селкирк. Большими шагами — и, как показалось Кеннисону, с наглым видом — он подошел к столу. Отодвинув стул, повернул его к себе, сел на него верхом и облокотился на спинку. Кеннисон пристально смотрел на него. «Кто вы такой, молодой человек? На кого вы работаете? На Ульмана? На Шестерку? На группу «К»? Или играете свою собственную игру? Интересно, удалось ли Бомонт-Беннет что-нибудь раскопать в его прошлом?»

— В чем дело, Алан?

— Вас не было ни вчера, ни позавчера.

Это была простая констатация факта, но в ней таилось обвинение. Кеннисон взглянул в лицо Селкирка — холодные глаза, едва заметная нахальная усмешка — и внутренне весь ошетинился. Кто такой Селкирк, чтобы требовать от него отчета?

— А что такое, Алан? — вкрадчиво спросил он. — Появилась проблема, с которой вы не можете справиться? Я полагаю, вы должны сами решать все вопросы, которые возникают в Ночной Смене.

От этого намека Селкирк как будто растерялся и, неуверенно запинаясь, начал говорить что-то в свою защиту. Кеннисон соединил пальцы обеих рук и улыбнулся про себя. Лучшая оборона — это нападение. И наоборот. Селкирк слишком гордится своими способностями, это его слабое место. Достаточно легкого укола в эту точку, чтобы сбить его с курса. А при всякой конфронтации полезно вывести противника из равновесия.

— ...Просто я думаю, что не стоило вам так исчезать, не предупредив меня, — закончил Селкирк.

— Ах, вот что. А почему? — Кеннисон пристально поглядел на Селкирка и увидел, что в его прищуренных глазах появилось подозрение. Нервничает, не уверен в себе, раздражен. Кеннисон припомнил тот день, когда Селкирк впервые вошел к нему в кабинет с доказательствами его вины. «Я не собираюсь вас выдавать. Я хочу к вам присоединиться».

— Потому что мы с вами партнеры, — сказал Селкирк с высокомерной самонадеянностью. («Ничего себе парт-

нер!») — Я помог вам, когда это вам понадобилось, и заслужил, чтобы вы со мной хоть немного считались. И о вашем плане фальсифицировать базу данных Общества я вашим приятелям из Совета ничего не сказал.

«То есть мог бы сказать, если бы захотел. Не слишком ты хитер, Алан».

— Это был ваш план, Алан, а не мой, — сказал Кеннисон.

— Но вы согласились. Сейчас уже поздно отступить.

Кеннисон пожал плечами.

— Я не собираюсь отступить. Только глупо было бы действовать очертя голову.

— Верно, — ответил Селкирк со снисходительной усмешкой. — Но тот, кто колеблется, теряет все.

— А следовательно, *festina lente**. Ну, хватит обмениваться избитыми истинами, Алан. Зачем я вам понадобился?

— Я хотел поговорить о вашем плане переноса базы данных.

Кеннисон вынул изо рта сигару и стряхнул пепел в пепельницу.

— А что такое? Вы нашли безопасное место, которым я мог бы воспользоваться, не рискуя подвергнуться ответному удару?

«Можете быть уверены, друг мой, я десять раз подумаю, прежде чем начну действовать по плану, который предложите вы. Скорее превратится в лед адское пламя». Он вспомнил, что Данте поместил в центре ада огромное замерзшее озеро, где заключены во льду те, кто предал своих благодетелей, и едва удержался, чтобы не рассмеяться.

Селкирк неуверенно взглянул на него.

— Я, кажется, нашел безопасное убежище. Там вы сможете не только не бояться ваших прежних сообщников, но и стать важной, влиятельной персоной.

— Что же это за убежище?

Селкирк сделал глубокий вдох и выпалил:

— Есть еще одно клиологическое общество, я обнаружил его следы. Это не Шестерка — оно в Европе.

— Ах, вот что? — Кеннисон поднял одну бровь.

— Вас это как будто не удивляет.

— А почему это должно меня удивить? Это математически неизбежно, раз уж такая возможность доказана в принципе. Может существовать даже не одно такое общество.

«Поводим у него перед носом наживкой».

* Спеша медленно (лат.).

— Очень возможно, — нехотя согласился Селкирк. — Я об этом как-то не думал.

«Что там мелькнуло у него в глазах? Не послышалось ли в его голосе колебание?» Кеннисон небрежно откинулся на спинку кресла.

— Продолжайте, — сказал он.

Селкирк кивнул.

— Понимаете, меня смущали кое-какие остаточные аномалии. Даже после того, как я учел наши собственные действия и те, что мы приписываем Шестерке, аномальных узлов все еще оставалось больше, чем можно объяснить случайностью.

— Гвозди от подковы, — рассеянно произнес Кеннисон. — Глория Беннет называет их «гвоздями от подковы». — Он заставил себя сосредоточиться. — И до сих пор никто этих лишних аномалий не замечал?

— Нет. По двум причинам. Во-первых, никто их не искал. А во-вторых, пока действия Шестерки тоже числились среди остаточных аномалий, величина параметра Р преувеличивалась и поэтому...

— И поэтому преувеличивалась величина сигмы и ширина пространства сомнений. Не стоит углубляться в подробности, Алан, я ведь все это тоже проходил.

— Я хотел только сказать, что, когда разброс ошибки стал существенно меньше, эти аномалии вылезли наружу, как подводные камни во время отлива. Тогда я начал смотреть, какие из них имеют определенную направленность, а какие действительно случайны и нет ли у них общих признаков второго порядка.

— Очень разумно. И вы обнаружили, что некая существенная часть этих аномалий...

— ...Европоцентрична, — ответил Селкирк. — То есть аномальные узлы вызваны событиями, происходившими в Европе. Если бы я взялся строить по этому поводу догадки, то я бы сказал, что европейцы занимаются этим так же давно, как и мы, и Шестерка.

«Если бы взялся строить догадки?»

— Понимаю. Но к чему это все? Какое отношение имеет эта европейская группа к нашим планам, касающимся базы данных? — «И почему из этого следует, что я могу стать важной, влиятельной персоной?»

Селкирк встал и принялся шагать взад и вперед по комнате. Кеннисон остался сидеть, глядя прямо перед собой, но внимательно следя за ним уголком глаза.

— Некоторые признаки указывают на то, что эти евро-

пейцы проникли в Северную Америку. Помните, что сказал нам тогда в пиццерии Кальдеро? Что один из документов в распечатке был написан по-французски? Так вот, мы знаем, что это не мы и не люди Кальдеро. А Шестерка — группа сугубо доморощенная, с какой стати она стала бы объясняться по-французски?

— В Квебеке французский — официальный язык. Но я понимаю, что вы хотите сказать. Продолжайте.

Селкирк потер подбородок рукой и начал переставлять с места на место графины на столе.

— Я подумал, что если эта банда хочет распространить свои действия на Северную Америку, то она может предоставить некоторые привилегии тому, у кого найдется уже готовая инфраструктура.

Кеннисон насторожился.

— Привилегии?

Селкирк повернулся к нему.

— Ну да, — сказал он оживленно. — Поставьте себя на их место. Допустим, вы собираетесь открыть свои филиалы по всему континенту и кто-то является к вам не только с готовой инфраструктурой, но и с обширной, подробной базой данных. Это сэкономит им много лет работы. Как бы вы поступили, если бы единственной альтернативой было начинать с нуля?

Кеннисон в последний раз затянулся сигарой и ткнул ее в пепельницу.

— Вы думаете, можно было бы рассчитывать на их благодарность? — Кеннисон всегда верил в благодарность. Он считал ее самой полезной из человеческих эмоций. — И вы полагаете, что, если бы я вступил в контакт с этими... Как они себя называют?

— Еще не знаю.

— Ах, вот как. В общем, если бы я вступил с ними в контакт, они могли бы взять меня к себе на работу? Каким-нибудь там руководителем филиала? — добавил он с кривой усмешкой.

Селкирк подошел ближе и оперся на стол.

— Да. И подумайте вот о чем. Разве эта должность будет ниже, чем та, что отнял у вас Ульман?

Кеннисон задумался. Это ему в голову не приходило. Он посмотрел Селкирку прямо в глаза.

— Да, пожалуй, вы правы.

Он будет не менее могущественным, чем Ульман. Разве не восхитительная месть? Несправедливо отстраненный от руководства одной организацией, он вернется, имея за спи-

ной другую, еще большую. Какую рожу скорчит Ульман, когда об этом узнает!

— Очень хорошо, Алан. Примите все меры, какие сочтете нужными, чтобы выйти на эту европейскую организацию. Но постарайтесь не спугнуть их. И не пытайтесь вступить с ними в контакт, пока мы с вами не проверим все ваши расчеты.

— Будет сделано, — кивнул Селкирк и направился к двери.

— Да, еще одна вещь.

Селкирк остановился.

— Что?

Кеннисон потер пальцем нос и начал крутить в руке бокал.

— А как насчет приятеля Беннет — того архитектора? Похоже, у нее есть какая-то нить, которая может на него вывести.

Ему показалось, что Селкирк прищурился и что в голосе у него прозвучала осторожность.

— Да? А что за нить?

— Точно не знаю, но она считает, что его держит у себя какая-то другая группа, а не Тайная Шестерка.

— Другая группа?

Кеннисон пристально посмотрел на него, склонив голову набок.

— Да. Как по-вашему, не могут это быть те европейцы, которых вы обнаружили?

— Возможно, — медленно произнес Селкирк.

Кеннисон кивнул и поджал губы.

— В конце концов, мы ведь пообещали им, что поможем его разыскать.

Когда шотландец вышел, Кеннисон слегка улыбнулся. По крайней мере, теперь понятно, на кого Селкирк работает. На этих европейцев. Вполне возможно, он один из тех, кого они послали в Америку присмотреть подходящие фирмы, которые можно было бы перекупить и использовать в качестве «крыши» или убежища.

Примерно то же самое Кеннисон попытался сделать с «ДБС». Не слишком радостная картина. Как в мультфильме: большая рыба глотает рыбу поменьше, а та в это время глотает совсем маленькую. Кеннисон схватил свой бокал и залпом допил вино. Он привык быть хищником, а не добычей. Так чувствует себя тигр, неожиданно обнаруживший, что кто-то крадется за ним по пятам. Новое, не слишком прият-

ное ощущение. И для тигра куда более неприятное, чем для газели. В конце концов, для газели это дело привычное.

«Но ведь европейцы не знали, что крадутся за тигром», — подумал Кеннисон. Во всяком случае, вначале. Селкирка подослали к нему потому, что фирма, которая занимается демографией, — очень полезный источник сведений, вот и все. Нет сомнений, что они подослали своих агентов и к Гэллапу, и ко всем остальным. Селкирк не мог знать, что «КД» — совсем не то, чем она кажется. Вероятно, бомонтовская распечатка застала его врасплох: он неожиданно для себя обнаружил, что сунул голову в пасть к тигру. Неудивительно, что он был так потрясен в тот день, когда явился проситься к нему!

Да, искать себе безопасную норку, конечно, надо, но всегда есть риск, что в ней уже кто-то прячется.

Он встал из-за стола и поправил галстук. Неужели Селкирк действительно предложил ему пост североамериканского координатора группы «К»? Тут открываются кое-какие перспективы. Власть у него будет не меньше, чем он хотел захватить себе в Обществе. Должность подчиненная, это верно, но зато и организация покрупнее, чем та, с которой он расстанется. Честолюбивый человек может здесь многого добиться.

Если только предложение сделано без задней мысли. Селкирк не может персгрузить к ним мою базу данных, не имея ключей, которые разработала Пруденс. Эти ключи есть только у меня. «Как только они заполучат мою базу данных, — подумал Кеннисон, — я им буду больше не нужен». Останется ли тогда в силе это предложение? В конечном счете все будет зависеть от того, честные ли они люди; а Кеннисон не достиг бы своего нынешнего положения, если бы слишком полагался на чужую честность.

Тем не менее наживка, которую подержал у него перед носом Селкирк, выглядела заманчиво. Группа «К», несомненно, предоставит ему куда больше возможностей применить свои выдающиеся способности, чем паршивая инвестиционная фирма вроде «ДБС». Знать бы только, какие тут поджидают опасности.

Кеннисон взглянул на часы. Бомонт имела вполне достаточно времени, чтобы установить «жучок» в его терминал. Когда Селкирк вернется в контору, ее там уже не будет. А Селкирк сразу же попытается связаться со своими хозяевами — в этом Кеннисон не сомневался.

А как насчет его «партнеров»? Как будут реагировать они, если он примет предложение Селкирка?

Кальдеро на это никогда не согласится. Кеннисона не могла обмануть видимость дружеской помощи со стороны человека, который давно мечтает свести с ним счеты. Не для того Кальдеро помогает Кеннисону развязаться с Обществом, чтобы он мог вступить в другое Общество, еще более крупное и могущественное. Кальдеро будет препятствием на его пути. Но препятствие можно устранить.

А Глория Беннет? Селкирк с его организацией — нить, которая ведет к ее другу, через человека по фамилии Бернштейн. Маловероятно, чтобы группа «К» отпустила Френча. Особенно после того, как продержала его столько времени. Но Беннет не оставит поисков, пока его не разыщет. Однако разыскать Френча — значит разыскать группу «К», а эта перспектива вряд ли представится группе «К» такой уж заманчивой. Значит, группа «К» должна или захватить Беннет, или устранить ее.

А это значит, что она окажется в серьезной опасности.

В очень серьезной опасности.

Кеннисон провел языком по пересохшим губам.

— Ну и натерпелись вы страху, должно быть? — спросил Умник. На его лице было написано нетерпеливое предвкушение увлекательного рассказа. Он обожал приключения, особенно чужие.

— Конечно, немного нервничала, — сказала Сара. — Но все это было ничуть не опаснее, чем в ту ночь на горе Фалкон. — («Сара Бомонт, испытанный ветеран, повествует о своих прежних подвигах».) — Конечно, если бы кто-нибудь попытался подняться на этот этаж снизу, из конторы «Джонсон и Ченг», и обнаружил, что потайной лифт отключен... Но можешь быть уверен, я держала ухо востро и в случае чего смылась бы в одно мгновение.

Босуорт поежился.

— Не знаю, смог бы я такое сделать или нет. Очень страшно.

— Ну, дело уже сделано, я благополучно вернулась, и все тут. Даже неинтересно — просто очередное скучное задание.

Сара улыбнулась про себя. Ни дать ни взять — старый профессионал. словно она каждый день вламывается в конторы и ставит «жучки» в телефоны.

Она включила приемник и повернула ручку. Гостиничный номер становился больше похож на лабораторию сумасшедшего изобретателя из какого-нибудь кинофильма. Компьютерный терминал, машинки, колотящие по стеклам, па-

рабочий микрофон с магнитофоном, приемник подслушивающего устройства со своим магнитофоном... Хорошо, что здесь командуют Хелен и Чу. Бог знает что подумали бы, увидев все это, обыкновенные служащие отеля.

— И больше ничего? Вы так-таки ни разу не были на волосок от опасности? — На лице Умника было написано такое разочарование, что Сара почувствовала себя обязанной заставить его немного поволноваться на чужой счет.

— Только один раз, — сказала она. — Не то чтобы на волосок, но все-таки...

— И что?

— Не знаю. Какое-то странное чувство. словно мурашки по спине забегали от страха. Я зашла в умывальную, чтобы отключить лифт, и там... — Она вздрогнула. — Нет, не могу это описать. Всякий раз, когда я подходила к кабинке, появлялось ощущение... ну, какой-то невероятной злобы и ненависти. Ни разу еще ничего подобного не чувствовала.

Нет, неправда. Один раз почувствовала — в доме Уайднера, когда подошла к тому бюро с опущенной крышкой, где был заперт скелет. Давний скелет с аккуратной круглой дырочкой между глазных впадин и совсем не такой аккуратной дырой в затылке. Но ощущение, которое она испытала в туалетной комнате Кеннисона, не могло быть таким же: никакого скелета в кабинке не было.

— Ну как? Он еще не звонил?

Сара вздрогнула от неожиданности и услышала, как поперхнулся Босуорт. Голос был Кеннисона — как будто говорил его призрак. Сара склонилась над приборами.

— Пойди, отключи шумовые машинки, — сказала она Босуорту, покрутила ручки и услышала, как негромкий шум, похожий на стук градин по стеклам, прекратился. Она повернулась к окну.

— Привет, кузен Дэн, — сказала она. — Что это вы делаете в городе в такой поздний час?

Она знала, что не обязательно поворачиваться к окну — он бы ее и без этого услышал. Но как-то невежливо разговаривать с человеком, стоя к нему спиной.

— Я полагаю, наш друг захочет кое-кому позвонить сегодня вечером. И мне интересно, что он скажет.

— Нам тоже, — ответила Сара.

— А кузен Джеймс еще не вернулся?

— Нет, — призналась она. — Он еще в Бостоне, следит за «ДБС».

На другом конце континента. Хорошо бы он был здесь. Ему куда легче, чем ей, изображать из себя старого профес-

сионала. Но он прав: в их распоряжении две нити, и надо проследить обе. Естественно, ей, с ее опытом работы на компьютере, лучше действовать с этого конца. Но когда его не было рядом, она чувствовала себя какой-то странно незащитной. Она не могла понять почему: в конце концов, ей вполне под силу самой за себя постоять, да она это и делала большую часть жизни. У нее не было никакой причины чувствовать себя от кого-то зависимой. Она ведь тоже спасла Реду жизнь, так что у него ровно столько же оснований чувствовать себя зависимым от нее. Тут она вспомнила, что сказала Джейни тогда, в денверском аэропорту, и подумала: а что вообще чувствует Ред?

— От него что-нибудь слышно? — спросил Кеннисон.

— Со вчерашнего дня — ничего. Он рассчитывает быть здесь завтра. Вы знаете, они вами заинтересовались. «ДБС».

— Да, вы мне говорили. Очень жаль. Обратная сторона известности. Но у меня не было времени на пластическую операцию, а грим на близком расстоянии сразу виден.

— Они заинтересовались даже мной. — По дороге в Стейплтон ее убеждали, что все в порядке, а старик Детвейлер сразу увидел ее насквозь. Вот еще одна причина, почему в Бостон отправился Ред. Сара чувствовала, что, если ее разоблачат, она наверняка растеряется и сделает что-нибудь не то. — Но больше всего их беспокоит то, что они не могут понять, почему мы на них вышли.

— Да мы же им сказали! Мы хотели перекупить их фирму.

— Они вам не поверили. Они думают, что за всем этим стоит какая-то тайная цель.

Кеннисон презрительно фыркнул.

— Чересчур они хитры. Бывает, что на самом деле все именно так, как представляется. — Он как будто осекся, потом задумчиво повторил: — Именно так, как представляется.

— Детвейлер боится, что про них пронюхало Общество Бэббиджа. Джимми подумывает, не выложить ли нам все карты на стол. Объяснить, чего мы хотим, и посмотреть, не согласятся ли они предоставить вам убежище.

— Нет! — последовал немедленный ответ. — В конце концов, не исключено, что «ДБС» — не самое лучшее убежище. И мы пока еще не знаем, насколько можно им доверять. Давайте не будем поддаваться панике и делать поспешные шаги.

Ну и кто же теперь чересчур хитер? Сара подумала, можно ли вообще толкнуть Кеннисона на решительные дей-

ствия иначе, чем напугав его до полусмерти. Несмотря на его бесконечные интриги, ему почему-то очень мало чего удалось добиться.

— А какое еще убежище вы имеете в виду?

Кеннисон не успел ответить. Из динамика послышались монотонные звуки, прерываемые паузами. Кто-то набирал номер по телефону, который стоял в кабинете Кеннисона.

— Это он? Это Селкирк? — спросил Кеннисон, но Сара ничего не ответила. Автоматически включился второй магнитофон, и она сделала пометку в журнале. Она никогда не предполагала, сколько приходится делать бумажной работы, когда занимаешься шпионажем.

— Два — один — два, — сказал Босуорт, прислушавшись к звукам. — Это Манхэттен. — Он записал остальные цифры номера и подсел к компьютерному терминалу. — Посмотрим, кому он звонит.

Из динамика донеслась звонкая трель. Где-то звонил телефон. Раз, два... Гудок.

— Что такое?

— Он положил трубку.

— Знаю.

— Не мог он заметить ваш «жучок»? — в голосе Кеннисона звучало напряжение. — Может быть, вы оставили после себя какие-нибудь следы?

Сара молча покачала головой, но тут же вспомнила, что Кеннисона нет в комнате, и сказала:

— Нет. Я все как следует проверила.

Как странно разговаривать обычным голосом с человеком, который находится в полутора километрах от тебя!

— Спешка до добра не доводит, — сказал Кеннисон.

Сара сдержала раздражение.

— Говорю вам, я все как следует проверила!

— Может быть, вы...

Из динамика снова послышалось гудение — кто-то опять набирал номер. На этот раз трубку на другом конце сняли после первого же звонка.

— Да? — произнес голос из Манхэттена.

— Наверное, первый звонок был каким-нибудь условным сигналом, — сказал Кеннисон.

— Да ну? Не может быть! Ладно, помолчите и слушайте.

— Говорит филиал на западном побережье, — сказал Селкирк.

— Вы передали ему наше предложение? — Голос был повелительный, уверенный в себе. В паузах слышался приглушенный шум: шелест покрышек по асфальту, автомо-

бильные гудки, старомодный рэп из портативного магнитофона в руках у какого-то прохожего. Закрыв глаза, можно было представить себе всю картину. Босуорт поднял голову от терминала.

— Я его засек, — сказал он. — Это уличный автомат.

— Знаю, — ответила Сара.

— В верхней части Ист-Сайда.

Сара сердито взглянула на него, и он умолк. Конечно, потом можно будет сколько угодно прокручивать пленку заново, но ей хотелось слышать Селкирка. Он передал как-то предложение. Какое? Кому?

— ...Очень осторожен, — сказал Селкирк. — Конечно, я не сказал ничего лишнего.

— Естественно. Вы уверены, что не сможете заполучить эти данные сами?

— Нет, я же вам говорил. Чтобы открыть к ним доступ, нужно знать коды, которые только он...

— Да, да. И все же при ваших способностях... — в голосе из Манхэттена прозвучало ехидство.

— Да, я мог бы это сделать, — произнес Селкирк с безмятежной самоуверенностью. — Это нелегко, но я мог бы это сделать. Но так куда проще.

— Да, наверное.

— Послушайте, Бернстайн. Вот почему я позвонил вам, а не в Управление. Вокруг вас не происходит ничего особенного?

— А я-то думал, что вы просто соскучились по моему голосу.

Наступила недолгая пауза. Потом Селкирк негромко, размеренно произнес:

— Возможно, мы друг друга недолюбливаем, Бернстайн, но нам приходится работать вместе. Так что постарайтесь с этим смириться. Сара Бомонт все еще разыскивает своего партнера.

— Бомонт меня не волнует. С ней все уже решено.

«Со мной все уже решено? Интересно, как», — подумала Сара. Из-за небрежного тона, каким было сделано это замечание, оно прозвучало особенно угрожающе.

— А Кеннисон ей помогает.

— Кеннисон тоже меня не волнует. Он на вашей ответственности. — Саре показалось, что в голосе послышалась усмешка. — Встреча в верхах, состоявшаяся в пиццерии? Ужасные пошляки эти американцы.

— Так вот, на прошлой неделе Кеннисон на несколько дней исчез из вида. Когда я сегодня вечером с ним разгова-

ривал, он кое-что сказал, и я подумал... Но вы говорите, у вас там ничего необычного не происходит?

— Что именно сказал вам Кеннисон?

— Только то, что у Бомонт появилась новая нить к местонахождению Френча. — Сара вздрогнула и взглянула в сторону окна. Зачем Кеннисон сказал это Селкирку?

— Понимаю. А как об этом зашел разговор?

— Его завел Кеннисон. Мы говорили совсем о другом, а это он сказал, когда я уходил.

— Так и сказал?

На другом конце наступило молчание. Потом Бернстайн прошипел:

— Вы идиот. Круглый идиот!

И он швырнул трубку.

Сара слышала, как у Селкирка перехватило дыхание.

— О черт!

В динамике затрещали помехи, потом все стихло.

Сара сорвала наушники и резко повернулась к окну.

— Кеннисон, идиот вы этакий! Я потратила целый час и уйму нервов, пока ставила этот чертов «жучок»! Что вы ему сказали?

— Я? Милая моя, я совершенно ничего ему не сказал. Я сказал, что у вас есть нить, которая может привести вас туда, где находится ваш приятель. Вот и все. Я ничего не говорил ни о «ДБС», ни о том, где мы были на прошлой неделе. У меня не было желания ждать, пока он сам соберется позвонить своему начальству, и я подумал, что если намекнуть... Мне и в голову не приходило, что он придаст этому значение.

— Да он-то не придал. Бернстайн придал! — В самом деле остроумная уловка, чтобы заставить Селкирка выйти на связь. С Бернстайном. С тем, кто держит взаперти Денниса? Видимо, да. И это где-то в Манхэттене. Возможно, в верхней части Ист-Сайда, хотя необязательно автомат там же, поблизости. Сердце ее забилося чуть быстрее. Нет, он наверняка поблизости. Если первый звонок был условным сигналом, Бернстайн должен был находиться где-то рядом, чтобы вовремя поспеть к автомату. Сара чувствовала, что цель совсем близко.

Она закрыла глаза и попыталась представить себе Денниса, но не смогла. Его лицо как будто стерлось, расплылось в памяти. Она нахмурилась и постаралась сосредоточиться, но отчетливее оно так и не стало. Не могла же она его забыть! Она ощутила непреодолимое желание взглянуть на его фотографию, даже полезла в сумочку и только через секунду

вспомнила, что у Глории Беннет не может быть фотографий Денниса Френча. Она повернулась к стене, чтобы Босуорт не видел ее лица.

Позже, когда Босуорт ушел к себе в номер, а призрак Кеннисона испарился, Сара сидела в просторном кресле с мягким изголовьем и сквозь свое оснащенное разнообразной электроникой окно любовалась огнями Сан-Франциско. Башня Койт-Тауэр была вся залита светом прожекторов. Хелен говорила ей, что когда-то на том холме стояла станция телеграфа — по нему передавали на верфи сообщения о прибытии судов. Поэтому гору и называли Телеграфной. Позади нее в небе разлилось яркое зарево неона — Фишерменз-Уорф и Барбари-Кост. Вдали сказочной паутиной висел мост Голден-Гейт, под ним в сторону океана проплывали огни какого-то большого судна. Наверное, в Китай, подумала она. В Сан-Франциско она постоянно думала о Гавайях, о Китае, об океанских пассатах. Ей почему-то казалось, что отсюда до Гонолулу или до Шанхая ближе, чем до Лос-Анджелеса. Хотя совсем рядом с Лос-Анджелесом лежит порт Сан-Педро, самый крупный на тихоокеанском побережье, сам город всегда представлялся ей сухопутным.

Лучи прожекторов, омывавшие Койт-Тауэр, внезапно погасли, и она вдруг сообразила, что уже очень поздно. Она встала, потянулась и подавила зевок. События уже начались или вот-вот начнутся. Селкирк сделал Кеннисону какое-то предложение. В этом она не сомневалась. Но какое? Вступить в группу «К»? Может быть, поэтому Кеннисон уже не сильно стремится завладеть фирмой «ДБС»? Но если так, то зачем Кеннисон хитростью заставил Селкирка позвонить по телефону, который они подслушивают?

Она потрясла головой, чтобы в мозгах немного прояснилось. Что замышляет Кеннисон? Не собирается ли он сравнить оба края с центром? Или он, как тот осел, просто стоит в растерянности между двумя охепками сена?

«Бомонт меня не волнует. С ней уже все решено».

Вспомнив этот ровный, самоуверенный голос, она невольно вздрогнула. Ей снова захотелось, чтобы здесь был Ред.

По пути к кровати она остановилась у компьютерного терминала и лениво провела пальцами по гладкому пластиковому корпусу. Потом протянула руку к задней стенке и включила его. Пискнул динамик, загорелся экран. Она подвинула стул и села. Через несколько секунд она уже вошла в базу данных Ассоциации.

База данных была хорошо защищена — теперь, после

публикации распечатки, защитой были снабжены все базы данных. Но у нее, конечно, теперь был к ней свой ключ. Войти в нее ничего не стоило. А дальше...

Она дала команду системе провести поиск корреляции между Редом Мелоуном и Джексонвиллом, штат Флорида.

Несколько секунд спустя на экране появился запрос: нужно было набрать в рамке входной код. Сара откинулась на спинку стула и некоторое время задумчиво смотрела на экран, постукивая ногтем по зубам. Потом она снова склонилась над клавиатурой и набрала: «ФАННИ ПАУЭР».

«ДОПУСК РАЗРЕШЕН», — ответил ей компьютер, и она улыбнулась про себя.

На экране появился каталог файлов. Названия их ничего ей не говорили — они состояли из бессмысленных букв и цифр. Кроме одного. Этот файл назывался «САРА, ПРОЧТИ».

— Черт возьми! — удивленно пробормотала она, подвела к файлу курсор и нажала клавишу. Открылось окно, где было всего несколько строчек текста:

«САРА, ОСТАЛЬНЫЕ ФАЙЛЫ В ЭТОМ КАТАЛОГЕ ТОЖЕ РАЗБЛОКИРОВАНЫ. МОЖЕШЬ ПРОЧИТАТЬ ИХ, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ. ТОЛЬКО Я ТЕБЯ ПРОШУ — ПОЖАЛУЙСТА, НЕ НАДО. РЕД».

Она долго сидела, не сводя глаз с экрана и барабанила пальцами по столу. Потом с силой стукнула по столу костяшками пальцев, сделала глубокий вдох и выдохнула через нос.

— Сукин ты сын, — произнесла она, обращаясь к отсутствующему Реду, вышла из каталога и выключила компьютер. Все равно уже поздно, она устала.

Х

— Они все еще молчат, — сказал Херкимер Вейн.

Джереми отпер своим ключом дверь квартиры.

— Думаю, и дальше будут молчать.

Он открыл дверь, и все вошли. Это была обыкновенная, просто обставленная квартира — временное пристанище до тех пор, пока «ДБС» не решит, что с ними делать. В данный момент все они считались мертвыми, но эта импровизированная на месте версия долго не продержится. А пока Детвейлер поместил их в эту квартиру в принадлежащем ему доме в Чарльстоне. Джереми оглядел потертую, безликую мебель и с грустью вспомнил о своих вещах, оставшихся в

Денвере, — о книгах, об уютном мягком кресле, о Мондриане. Эта квартира никогда не станет для него домом.

Джереми закрыл за ними дверь.

— Значит, мы до сих пор не знаем, на кого они работают, — сказал он.

Те два человека, захваченные в округе Дуглас, так и не сообщили о себе никакой информации — даже имени, звания и личного номера. Если не считать того, что они не из Общества Бэббиджа, — этому Джереми был склонен верить хотя бы потому, что эти слова вырвались у них невольно. Сейчас их держали взаперти в поместье Детвейлера — ничем более подходящим под тюрьму «ДБС» не располагало. Как напомнил Вейн, «ДБС» никогда не нуждалось ни в безопасных укрытиях, ни в масках.

Джереми уже слышал, что Дженни Бэррон требовала допросить их «с пристрастием», но Детвейлер это запретил, сказав, что человек при любых обстоятельствах, даже если ему грозит смерть, обязан вести себя цивилизованно. Так что вряд ли удастся чего-нибудь добиться от задержанных — разве что их стойкость будет сломлена роскошью обстановки и регулярной выдачей икры.

Вейн бросил на кофейный столик конверт из толстой бумаги и прошел на кухню, где налил себе стакан молока. Гвинн взяла конверт и вынула из него фотографии Глории Беннет и Сары Бомонт. Держа их рядом, она долго всматривалась, шевеля губами, потом наложила одну на другую и посмотрела на свет.

— А хирург сказал что-нибудь дельное? — спросила она.

— Только одно, — ответил Вейн. — В принципе возможно, что одно из этих лиц было трансформировано в другое.

— Осторожный человек.

— А что бы ты сказала на его месте?

— Джим, а как насчет той «мышы», что гуляла по системе вчера? — спросил Джереми. — Чем кончилось дело?

— Ничем, — ответил Донг. — Они гонялись за ней минут пятнадцать и в конце концов поймали. Потом попробовали проследить, откуда она появилась, но она прошла через подлюжины промежуточных терминалов сети, и след потерялся. Она могла появиться откуда угодно. — Он покачал головой. — Стоун готов с Тима шкуру за это снять — он считает, что с его стороны это халатность.

— Как ты думаешь, есть какая-нибудь связь между этой «мышью» и визитом Кеннисона?

«Конечно, связь есть, но какая? — подумал Джереми. — Все это слишком запутано. Вокруг болтаются тысячи концов,

повсюду дурные приметы и предзнаменования, но ухватить ничего не удастся. За какую нить ни потяни, она тут же обрывается и никуда не приводит».

Донг пожал плечами.

— Я думаю, когда мы занялись этими тремя персонами — Беннет, Оксом и Кальдеро, — где-то сработал тревожный сигнал. Очевидно, так устроены все уязвимые файлы, которые приходится держать в сети. Тим сказал, что, когда в следующий раз отправится на охоту, замаскирует свой запрос под официальную правительственную переписку. Таким способом можно проникнуть куда угодно.

— Кто-нибудь хочет пиццы? — спросила Гвинн, стоявшая у телефона. — Я делаю заказ.

— Закажите и на мою долю, — сказал Джереми. — Никто не возражает против перца? — Он оглядел остальных. Вейн покачал головой и потер рукой живот. — Значит, одна с перцем, одна без. В чем дело, Гвинн?

Гвинн застыла на месте, уставившись на телефон. Ее глаза постепенно сужались. Обернувшись к ним, она ткнула пальцем в трубку. Джереми вместе с остальными подбежал к Гвинн. Увидев выражение ее лица, он внимательно рассмотрелся в телефонный аппарат, но ничего особенного не заметил. Гвинн как-то говорила ему — Господи, это было целую вечность назад! — что научилась распознавать, не лазил ли кто-нибудь в ее телефон.

Он неожиданно мысленно перенесся в тот день, когда, войдя к себе в квартиру, обнаружил, что в ней кто-то побывал. Это было сразу после того, как Деннис исчез из больницы. Он вспомнил, каким беспомощным чувствовал себя тогда, как был напуган и бессилен. Он надеялся, что больше никогда не испытает этого ледяющего ощущения в животе. И вот оно появилось снова, настигнув его на этой квартире. Как привидение, как чей-то призрак.

Призрак... Он поежился. Ему пришло в голову, что он уже несколько дней не вспоминал о Деннисе. А еще недавно больше ни о чем и думать не мог.

Донг с удивленным видом хотел что-то сказать, но Гвинн приложила палец к губам. Она взглянула на Вейна, но тот не сводил глаз с телефона, недоверчиво трясая головой.

Джереми вдруг захотелось достать где-нибудь четыре полицейских свистка и всем разом свистнуть, чтобы у того, кто там подслушивает, уши отвалились. Его охватил небывалый гнев. Жаркая волна поднялась и ударила ему в голову. Он выхватил из руки Гвинн телефонную трубку и поднес ко рту, как микрофон.

— Эй, вы там! — заорал он. — Мне уже поперек горла эти игры! Вы меня слышите? Если Деннис Френч у вас, отпустите его! Или приходите сюда, возьмите меня и отведите к нему! Бомонт! Кеннисон! Вы меня слышите? Кто дал вам право причинять мне эти адские муки?!

Он швырнул трубку с такой силой, что телефон звякнул.

Потом он повернулся к своим товарищам.

— Простите, — пробормотал он, чувствуя, что лицо его побагровело, но уже не от гнева, а от стыда. А что, если на самом деле их никто не подслушивает? Он чувствовал себя идиотом.

Гвинн похлопала его по спине.

— Ничего, Джереми. Мы все понимаем. — Остальные смотрели в сторону, стараясь не встретиться с ним взглядом. — Ничего, — повторила она.

Она подвела его к стулу. Он сел и вытер лицо рукавом.

— Это очень легко, — объяснил он. — Очень легко потерять голову от всех этих интриг и опасностей. Забыть, чего ради я все это затеял. Даже гордиться тем, что забыл. Убедить себя, что тебе совсем не нужен... не нужен... — он понял, что не сможет закончить фразу, и закрыл лицо руками.

Он ничуть не удивился, когда через несколько секунд телефон зазвонил.

— Ну, не знаю, — сказал Ред Мелоун с усмешкой. Он снял форменную фуражку посыльного и швырнул ее в сторону. — Мне показалось, что получится смешно. — Он поставил на стол две пиццы. — Вы ведь заказывали пиццу, верно?

Он выбрал самое удобное кресло и со вздохом уселся.

Все остальные тесной кучкой сгрудились вокруг стола. «Черпают силу и утешение в сплоченности, — подумал Мелоун. Четыре мушкетера». Конечно, общая опасность сближает. Кто может знать это лучше его?

Коллингвуд пристально смотрел на него, стиснув кулаки. Сара рассказывала ему про Коллингвуда, однако этот человек, смело встретивший его взгляд, совсем не похож на того растяпу. А по тому, как стоят остальные, видно — они ждут, что будет делать Коллингвуд.

Гвиннет Ллуэлин по очереди открыла коробки с пищей и осмотрела их содержимое.

— Именно это мы и заказывали. — Она снова закрыла коробки и повернулась к нему. — Вероятно, это должно служить доказательством, что вы нас подслушивали.

Коллингвуд в это время читал надписи на коробках.

— Где вы взяли эти пиццы?

Ред снова усмехнулся.

— Вы ни за что не поверите. Я их заказал на стороне.

Коллингвуд скрестил руки на груди.

— Это что, какая-то шутка? Мне не смешно.

Вейн засопел и шагнул к телефону.

— Я думаю, надо сообщить нашим партнерам.

— На вашем месте я бы не стал это делать.

Вейн застыл, держа руку на трубке.

— Почему?

— Потому что мы отключили ваш телефон.

Вейн с досадой кашлянул и поднял трубку. Нажав несколько кнопок, он подождал, потом постучал по рычагу.

— Молчит, — сообщил он.

Ред недовольно поморщился.

— Ну конечно, молчит. Я же вам сказал.

«Впрочем, со стороны Вейна это было вполне разумно, — подумал он. — С какой стати они должны верить мне на слово?»

Вейн шумно вздохнул, большими шагами подошел к двери и распахнул ее. У лифта, на расстеленном перед открытой дверцей замасленном брезенте, стояли два рослых человека в рабочей одежде. На поясе у них болтались какие-то инструменты, в темной пустой шахте была подвешена переносная лампочка. Один из рабочих повернулся и сказал:

— Простите, сэр, лифт не работает.

Вейн закусил губу и взглянул на Реда.

— Лестница, вероятно, тоже не работает?

— Как раз сейчас ее чинят, — ответил Ред. — Думаю, скоро приведут в порядок.

— Успокойтесь, Херкимер, — сказала Ллуэлин. Она прикрыла дверь, взяла Вейна под руку и привела обратно в комнату. — Я уверена, что мистер Кальдеро не собирается причинить нам никакого вреда. — Она взглянула на Реда. — Насколько я понимаю, вы из той, другой группы — из Ассоциации утопических изысканий?

— Молчание — золото. — «Господи, я, кажется, начинаю вещать точь-в-точь как этот сукин сын Кеннисон — живое воплощение избитых истин». Однако он слишком о многом проговорился в тот раз, когда впервые встретился с Сарой. Он по ошибке считал, что она знает больше, чем на самом деле, и это чуть не стоило им обоим жизни. Второй раз допускать такую же ошибку он не собирался. Чем меньше человек знает, тем для него же лучше.

— Понятно, — сказала Ллуэлин после паузы. — А та женщина, которая была с вами вчера, — это Сара Бомонт?

Он прослушал пленку, где были записан их разговор об этом, так что вопрос не застал его врасплох. Он вспомнил, как убеждал Сару не беспокоиться, что ее могут узнать, и непременно усмехнулся бы над юмором ситуации, если бы она не касалась его так близко.

— Ее зовут Глория Беннет, — отрезал он. Ассоциация потратила немало сил на то, чтобы эта «крыша» была надежной, и он не собирался протыкать в ней дыры только ради того, чтобы удовлетворить их любопытство. Если Сара захочет им сказать... Впрочем, он постарается ей это отсоветовать. Самый крепкий секрет — тот, который никому не известен. — Можете прочитать все про нее в «Кто есть кто».

— Она чернокожая.

— Ну и что? Не она одна.

— У нее на лице шов, как после пластической операции. Ред пожал плечами.

— У меня тоже.

Ллуэлин внимательно посмотрела на него.

— Очень может быть, что и у нас тоже они появятся прежде, чем вся эта история кончится. Но я думаю, вы пришли сюда не для того, чтобы не отвечать ни на один вопрос. Для этого вам не стоило выходить из дома.

Ред подумал, что ему нравится, как она держится. Он напомнил себе, что эти люди ему не враги, хоть и не совсем друзья. Мир не делится лишь на друзей и врагов. Большинство людей нейтральны или вообще ни к чему непричастны. У них собственные желания и цели, собственные кружки друзей и врагов. Иногда эти кружки пересекаются.

— Я пришел, чтобы немного поторговаться, — сказал он. — Я хочу больше знать про «ДБС».

— А почему мы должны вам что-то сообщить? — спросил Вейн.

Ред сдержался. Наверное, естественно, что Вейн стремится держать про себя все, что касается его организации, но принимать такие ритуальные позы — значит попусту терять время. Оба они понимают, что в конце концов придется обменяться информацией. Какой смысл оттягивать? Ред улыбнулся историку, но ответ его предназначался для Коллингвуда.

— Потому что у нас есть нить, которая ведет к Деннису Френчу.

В этом тоже была какая-то ирония судьбы: Ред помнил,

как Кеннисон воспользовался той же самой приманкой, чтобы заручиться помощью его и Сары.

Коллингвуд приоткрыл рот от удивления, опустил руки и подался вперед.

— Где он?

Ред развел руками.

— Пока еще точно не знаю.

— Замечательно!

Коллингвуд с досадой хлопнул руками по коленям и отвернулся к стене.

— Но я знаю человека, который знает другого человека, который может знать.

Коллингвуд пристально посмотрел на него через плечо. От этого взгляда Реду стало не по себе. Он не имел в виду шутить по такому поводу, это у него получилось случайно. Сара постоянно попрекает его тем, что он ничего не принимает всерьез. Может быть, она права. Коллингвуду и без того скверно, не стоит растравлять его раны.

— Прошу прощения, — буркнул он. — Это не такая уж надежная нить, но ничего лучшего у нас нет.

— Зачем вы хотите купить нашу помощь? — вдруг спросил Донг.

До сих пор математик не проронил ни слова, и его неожиданный вопрос удивил Реда. Он повернулся к Донгу.

— Если мы найдем Денниса Френча, такая цена вас устроит?

Донг мотнул головой.

— Если вам нужна наша помощь, попросите нас помочь. Не пытайтесь нас купить.

Ред молча вытянулся и положил ногу на ногу. Люди, выставляющие напоказ свой альтруизм, всегда его раздражали. В трудную минуту лучше положиться на того, кто в тебе заинтересован, а не просто оказывает любезность. Правило, не имеющее исключений. Однажды — только однажды за всю свою жизнь — он им пренебрег.

— Ну, мою помощь за эту цену вы получите, — сказала Ллуэлин, вызывая выпятив челюсть и обведя всех взглядом. — Мы с Джереми вместе заварили всю эту кашу, нам вместе ее и расхлебывать.

Она на мгновение встретилась взглядом с Коллингвудом. Тот улыбнулся ей, она покраснела и опустила глаза.

— Мою тоже, — признался Донг. — Мы с Джереми дрались плечом к плечу. И как иначе могу я вернуться к семье? — Он отошел от стола и встал перед окном. Вдали мерцали огни Бостона. Над рекой полз из аэропорта Логан

вертолет, похожий на светлячка. — У меня нет никакого желания исчезнуть, — продолжал он. — Я не хочу, чтобы вся моя жизнь перевернулась вверх тормашками. Я хочу снова увидеть своих братьев и сестер. — Он повернулся к остальным. — Я не желаю прятаться и скрывать свое имя или свое лицо.

При этих словах он взглянул на Реда.

Вейн вздохнул.

— А если я скажу, что отказываюсь помогать, получится, что я трус и лицемер. — Он скрестил руки на груди. — Я помогу Джереми, чем смогу; но только если это не будет означать, что мне придется идти против своих товарищей.

Ред облокотился на ручку кресла и подпер подбородок рукой.

— Вот это другое дело, — сказал он. — Вы хотите знать, что вы с этого будете иметь. Скажем, вот что: мы не прочь выяснить, кто это поднял на воздух ваших друзей и коллег. Вас это интересует?

Вейн резко поднял голову.

— Кто? Мы и так знаем, кто. Общество Бэббиджа. Эти проклятые убийцы.

Ред напряженно улыбнулся.

— Не буду спорить, проклятые они или не проклятые и почему. Только именно это убийство — не их рук дело. В данный момент Общество Бэббиджа практически парализовано. В Совете у них разброд. Треть членов Совета боится, что другая треть намерена их прикончить.

— А третья треть? — спросила Ллуэлин.

— А этих уже прикончили, — буркнул Ред. — Нет, они не те люди, кого вам нужно бояться. — Ему показалось странным, что его давние враги теперь абсолютно бессильны. Если и не безобидны, то по крайней мере заняты тем, что причиняют вред друг другу. — Кроме того, в вашей группе был их агент. Некто по фамилии Бэндмейстер.

Эти слова потрясли всех.

— Генри?

— Я не могу верить...

— Вы хотите сказать...

Ред поднял руку, и все замолчали.

— Да. Он был один из них. И он представлял для них слишком большую ценность, чтобы им пожертвовать.

— Ценность, — повторила Ллуэлин. — Ненавижу, когда одни люди назначают цену другим. — Она тяжело вздохнула. — Господи, как мне не хватает моей трубки!

— Между прочим, — осторожно заметил Джереми, — им приходилось и раньше жертвовать кое-какими... ценностями.

Ред мотнул головой.

— Это были жертвы пешек. Не слонов.

— Я не могу поверить, чтобы такой человек, как Генри Бэндмейстер, был шпионом тайного общества, — возмущенно произнес Вейн.

Джереми посмотрел на него с насмешливой улыбкой.

— Уж кто бы говорил, но только не вы.

У Вейна хватило совести покраснеть.

— Но если это сделало не Общество Бэббиджа, — перебила их Ллуэлин, — то кто?

Ред одобрительно посмотрел на нее.

— Вы всегда стараетесь сразу взять быка за рога, да?

— Это экономит время, — ответила она.

— Хорошо, — сказал он. — Я рискну. Вот кое-какая дармовая информация. Существуют и другие общества, помимо тех, о которых вы знаете из бомонтовской распечатки. Мы подозреваем, что одно из них и уничтожило вашу группу.

— Зачем? — спросила Ллуэлин.

Он пожал плечами.

— Если бы мы знали, зачем, мы бы знали, кто.

— Мы полагали, — начал Донг неуверенно, — что из-за того, что я провел математический анализ...

Ред рассмеялся.

— А вы думаете, больше никто этого не делал? Вы думаете, все остальные математики и социометристы, сколько их только есть в этой стране, не корпели над этой распечаткой, как правоверный еврей над Талмудом? — Он ткнул пальцем в сторону коробок, лежавших на столе. — Между прочим, пицца остывает. Вы как хотите, а я бы немного поел.

Коллингвуд молча достал из буфета несколько картонных тарелочек, положил на одну из них ломоть пиццы и протянул Реду. Больше никто не шевельнулся.

— Спасибо. Нет, — продолжал Ред, обращаясь к Донгу, — ценность математических фрагментов распечатки ни для кого не секрет. Нужно быть дураком, чтобы не обратить на них внимание, а теперь, когда Вейл нет в живых, дураков среди них не осталось. — Он откусил кусок пиццы, и ему тут же вспомнилось, как они с Сарой беседовали с Кеннисоном в пиццерии Тони. Запах сыра и томатного соуса; голоса людей за стойкой; острое крысиное лицо Кеннисона напротив; Сара, сидящая рядом, не совсем вплотную, но достаточно близко, чтобы ощущать ее присутствие. «Как она сейчас там, на западном побережье?» — подумал он и почувствовал

непонятную тревогу. — Нет, должна быть какая-то другая причина, почему вас решили убрать с дороги, — продолжал он, размахивая в воздухе ломтем пиццы. — Насколько я знаю, — он кивнул на телефон, — мы с вами можем работать вместе. Что вы на это скажете? Согласны обменяться информацией?

Коллингвуд взглянул на Вейна.

— Я предлагаю отвезти Кальдеро в поместье Детвейлера. Вейн сморщился, как будто попробовал лимон.

— Вы думаете, от этого может быть толк?

Ллуэлин пожала плечами.

— Хуже не будет.

— О чем вы говорите? — раздраженно спросил Ред. Отвезти его в поместье Детвейлера? Не собираются ли они захватить его в плен, несмотря на то что его люди стерегут в коридоре?

Вейн чуть улыбнулся.

— Об обмене информацией. Мистер Кальдеро, вы играете в покер?

— Немного. А что?

— Так вот, у нашего мистера Детвейлера есть на руках пара, которую мы хотели бы перебить.

— Ну-ну, — сказал Ред Мелоун, глядя сквозь полупрозрачное зеркало на двух человек, сидящих в библиотеке Детвейлера. — Ну-ну.

Один из них, с гипсовой повязкой на правом запястье, раскачивал по комнате, доставая с полки то одну, то другую книгу и рассеянно их перелистывая. Другой сидел в мягком кресле в стиле королевы Анны и раскладывал на карточном столе пасьянс.

— Похоже, им тут не очень нравится, — заметил он.

Адриан Детвейлер V усмехнулся.

— Бывает, что самая страшная пытка — пытка скукой. Они даже не разговаривают между собой — боятся, что мы их подслушаем.

Ред хотел заметить, что именно этим они в данный момент и занимаются, но промолчал. Впрочем, пленники ведут себя правильно. Профессионалы. Но чьи они?

— Как можно скучать, когда под рукой столько книг?

— Мне кажется, я их раскусил. Они не из книголюбов.

У старика был неразборчивый, гнусавый новоанглийский выговор, напоминавший конское ржание. «Теледиктор из него никакой, — подумал Ред. — Интересно, он специально так выучился?»

— Ну, насмотрелись? — Детвейлер протянул руку, чтобы задержать зеркало шторой, но Ред удержал его.

— Еще минуту.

Он пристально взгляделся в обоих пленников. Через некоторое время тот, кто раскладывал пасьянс, заерзал в кресле, выровнял карты, которые держал в руках, постукав их боком по столу, и медленно оглядел комнату. Когда его взгляд упал на зеркало, он нахмурился и снова принялся нервно постукивать колодой по столу. Ред усмехнулся.

— Дайте мне поговорить несколько минут с этим вот картежником, — сказал он.

Человек с картами подозрительно взглянул на вошедшего Реда. Тот улыбнулся ему и подошел, протягивая руку.

— Я вижу, вас тоже взяли? А кто вообще эти чудачки?

Человек вытянул из колоды три карты и открыл верхнюю. Это была восьмерка треф.

— Тебе не кажется, что этот трюк уж очень очевиден? — спросил он.

— Ну, я думал, попытка не пытка. — Ред подставил стул и сел напротив человека с картами. — Попробуй положить ее на девятку. — Он показал на стол.

— Пошел ты... — сказал человек, но положил восьмерку на девятку. — Что вы сделали с моим приятелем?

— Это с тем парнем, которому руку малость ушибли? А как его зовут?

Человек пристально посмотрел на него.

— Никак. Где он?

— В сортир пошел. А даму клади сюда.

— Кто раскладывает, ты или я? — Человек швырнул карты на стол, смешал их в кучу и подвинул к Реду. — Вот, можешь попробовать сам.

Он еще раз посмотрел на Реда и вдруг прищурил глаза.

— Я тебя где-то видел.

Ред собрал карты.

— Возможно. Мир не так уж велик. — Он аккуратно сложил карты и перетасовал их. — Мне как раз то же самое пришлось в голову. — Он снял карты, соединил обе половинки колоды и начал сдавать. — Ну как, Чарли, сыграем партию в рамми?

Чарли вздрогнул и уставился на Реда. Лицо его исказилось.

— О господи! — сказал он. — О господи!

Детвейлер, конечно, сразу же созвал совещание в верхах.

Ред смотрел, как Чарли, взяв в руку стопку бренди, покосился на нее, потом обвел глазами стол и, встретившись взглядом с Детвейлером, сказал:

— Послушайте, а пива у вас нет?

Стоун поднял глаза к потолку, но Детвейлер, улыбнувшись, поманил к себе пальцем слугу:

— Пиво для Чарлза, — сказал он. — И для Бада тоже? Хорошо. Два пива. «Сэм Адамс Лагер» годится?

— Давайте уж три, — сказал Ред.

— Ты знаешь, они явились и начали про тебя расспрашивать, — сказал Чарли Реду. — Эти козлы из Департамента внутренних дел. Спасибо. — Слуга поставил перед ними три высоких бокала с пивом. Оно было приятного золотистого цвета, с белоснежной шапкой пены. Чарли поднял свой бокал. — Они хотели знать все, что мне про тебя известно.

Ред посмотрел на свой бокал. По стенкам бежали вверх вереницы пузырьков, становившихся по мере подъема все крупнее и крупнее. Он отхлебнул пива. Пузырьки возникают на крохотных, незаметных трещинках и дефектах стекла. Мы даже не знали бы о существовании этих трещинок, если бы на них не появлялись пузырьки. Реду пришлось в голову, что эти скрытые дефекты похожи на тайные клиологические общества. Подходящее сравнение. Он отхлебнул еще пива.

— И что ты им сказал? — спросил он.

— Какая разница? Все равно тебе нельзя возвращаться. — Чарли сделал большой глоток и поставил бокал на стол. — Я сказал им, что ничего про тебя не знаю, кроме одного: ты никогда не передергивал, когда играл в рамми.

— Да нет, передергивал, конечно, — сказал Ред. — Просто ты не успевал заметить.

Чарли засопел.

— Ну и ну, — он повернулся к своему приятелю. — Пять лет мы с ним сидели в одной комнате, напротив друг друга, так что могли бы целоваться через стол — будь он немного смазливее, а я неразборчивее, и я так ни о чем и не догадался.

— Ты думай, что говоришь, — сказал Бад. — Мы тут не со своими сидим. — Он мрачно взглянул в сторону Коллингуда и потер запястье.

— А, не беспокойся, — ответил Чарли. — Ред, так что по этой части все в порядке. Наверное, я должен теперь звать тебя Джимми?

Ред пожал плечами.

— Что в имени тебе моем? Ты же знаешь.

Пять лет они работали вместе, и ему тоже в голову не пришло, что Чарли не просто правительственный агент. Дурное положение. Интересно, как чувствует себя Чарли. Если посмотреть со стороны — чистая комедия.

Стоун постучал по столу костяшками пальцев.

— Может быть, займемся делом? — спросил он. — Мы хотим услышать от каждого из вас полный отчет. Кто вы, черт возьми, такие и кого представляете?

Чарли поднял одну бровь, взял в руки бокал и взглянул на Реда.

— Сегодня у нас бенефис дилетантов, а?

Бад усмехнулся, а Стоун покраснел. Ред улыбнулся Чарли и поднял свой бокал, показывая, что пьет за его здоровье. До чего приятно снова иметь дело с профессионалами! Он откинулся на спинку стула.

— Я думаю, настало время наконец разобраться, что к чему. — Он обвел взглядом стол. Детвейлер с дочкой. Стоун. Четыре мушкетера. Чарли с Бадом. — Меня зовут Джимми Кальдеро, я представляю Ассоциацию утопических изысканий — истинную наследницу первоначального Общества Бэббиджа. — Стоун засопел, и Ред подался вперед. — У нас позади история, которая насчитывает больше 150 лет, Стоун, только сейчас нет времени о ней говорить, да вам и нет нужды все это знать. Если вы не читали бомонтовскую распечатку, лучше уж молчите.

Ред произнес это, почти не повысив голоса, но Стоун смущенно заерзал в своем кресле. Дженни Бэррон посмотрела на него, презрительно скривив губы. На Реда она не смотрела, но он время от времени чувствовал на себе ее быстрый, холодный, оценивающий взгляд. «Крутая сучка», — подумал он. Стариковское добродушие Детвейлера выглядело резким контрастом по сравнению с жесткой бесцеремонностью обоих младших его партнеров. «Даже здесь, — подумал он. — Даже сюда проникла гниль». Сара права — есть в клиологии что-то такое, что лишает человеческого облика тех, кто ею занимается. Должно быть, все дело в отстраненности. Когда человек из субъекта превращается в объект. А от отстраненности до господства всего один маленький шаг. Когда не терпится заставить людей вести себя так, как они должны бы себя вести согласно твоей науке. Разве редко случается, что психиатр злоупотребляет состоянием своего больного, а работники социальных служб обижают тех самых людей, которым обязаны помогать? За спиной у «ДБС» было полтора столетия весьма прибыльной

пассивности; тем не менее он чувствовал, как чешутся руки у Стоуна, а может быть, и у Бэррон. Как им не терпится потянуть за ниточки, приводящие в движение марионеток. Что это — опьянение властью? И чем это отличается от его намерений воспользоваться Ассоциацией? Тем, что у него-то цели благородные?

Он вспомнил, как тогда, во время панического бегства в горах к дому Уокера, Сара сказала: «Все та же старая история». Та же старая история. Цель оправдывает средства. Но у него по крайней мере есть смягчающее обстоятельство — он взялся за эти ниточки против своей воли.

— А это мой старый боевой товарищ, — Ред показал на Чарли, который допивал свое пиво. — Он представляет Тайную Шестерку.

Это была, конечно, всего лишь догадка. Может быть, Тайную Шестерку, а может быть, группу «К». Или еще какую-то группу, о которой он никогда и не слышал. И если так, то вполне можно собирать вещички и отправляться домой.

Бад со стуком поставил бокал на стол.

— Откуда ты знаешь?

Чарли удовлетворенно вздохнул, осторожно поставил свой бокал и вытер губы салфеткой.

— Замечательное пиво, — сказал он Детвейлеру, скрестил руки на груди и улыбнулся Реду. — Он не знал. Он угадал. Это ваши люди забрались в файлы Лайсэндера Спунера, да?

Ред увидел, что глаза Чарли зловеще сощурились. Чарли насторожился. Не знает, насколько можно доверять мне, да и вообще Ассоциации. Если уж на то пошло, что я на самом деле знаю про Шестерку? Что Чарли ее член? А кто такой Чарли? «Как обманчив внешний вид, не все золото, что блестит», — мелькнули у него в голове строчки из Гильберта и Салливана.

— Наши подлинные враги, — сказал он всем остальным, — не люди Чарли. («Во всяком случае, я на это надеюсь».) Это банда из Европы, которую мы называем «группой К».

Он рассказал им про чужой файл, про Говард, про то, как опоили чем-то Глорию Беннет.

Чарли поджал губы.

— Значит, вы о них знаете.

— Слишком длинный у тебя язык, — сказал ему Бад.

Чарли ткнул большим пальцем в Реда.

— Да он уже о них знал.

— Верно, но остальные не знали.

Чарли опять поджал губы.

— Нет, Джимми прав. Эта его «группа К» — действительно наш враг. Смотри, что они сделали с нашим отделением в Оберлине. Не беспокойся, Бад, с Кругом я потом все улажу, но я думаю, они меня в этом поддержат. — Он повернулся к остальным и положил руки плашмя на стол. — Дайте я начну с самого начала. Распечатка перепугала нас до полусмерти. Мы всегда считали... Да нет, что я вам буду говорить, сами понимаете. Мы решили выяснить, в чем дело. — Он взглянул на Реда. — Одна из утечек, которые обнаружил твой приятель Кеннисон, была наша. И телефонный звонок тоже. — Он стиснул кулаки и принялся их разглядывать. — Ну, звонок — это было сверх утвержденной программы, но Ора... В общем, люди из Общества Бэббиджа прикончили одного ее приятеля, репортера из «Таймс».

Ред поднял бровь.

— Гуваниса?

Чарли удивленно взглянул на него.

— Ты что, все списки в голове держишь? — Он повернулся в кресле и поманил к себе слугу. — Будьте добры, повторите, пожалуйста. — Он описал пальцем в воздухе несколько кругов, потом обратился к Детвейлеру: — Я полагаю, этот ваш человек в курсе всего?

Детвейлер улыбнулся и развел руками, но ничего не сказал.

— Давайте дальше! — сердито сказала Бэррон. Чарли усмехнулся.

— Спокойнее, спокойнее. Так вот, как я и говорил, мы пошарили в базах данных Кеннисона, и как вы думаете, что мы там нашли? Еще три утечки. Ничего себе, а? Помните ту сцену из «Хватай деньги и беги», где Вуди Аллен хочет ограбить банк, а тут появляется другая банда, которая тоже хочет ограбить тот же банк?

Он покачал головой. Слуга поставил перед ним бокал пива.

— Кеннисон обнаружил всего три утечки, — заметил Ред.

— Да? Так мы оказались умнее его. — Чарли сделал большой глоток, и Ред почувствовал раздражение: слишком уж он тянет. Он видел, что и остальные сидящие за столом нетерпеливо ждут. Коллингвуд заметил его взгляд и криво ему улыбнулся, как будто хотел сказать: «Теперь вы понимаете, каково это?» Ред почувствовал, что слегка краснеет, и вспомнил, как морочил головы Четырем мушкетерам, а

еще раньше — Саре. Но от этого он, конечно, только проникся к Чарли еще большей симпатией: он понимал, что тот отчаянно старается собраться с мыслями и сообразить, что можно сказать, а что нельзя.

— Один из вирусов мы проследили до инвестиционной фирмы в Сент-Луисе, — продолжал Чарли.

— «Глобал Инвестмент Стратеджиз», — вставил Ред.

— Ты их знаешь?

— Это «крыша» Фредерика Ульмана.

— Я их знаю, — сказал Стоун и самодовольно усмехнулся. — Если они на самом деле те, кем вы их считаете, то они должны бы добиться куда больших успехов.

Ред взглянул на него, улыбнулся и почесал нос.

— Да они их и добились, Стоун. Добились. — Стоун побагровел, а Ред снова повернулся к Чарли. — Готов спорить, что этот вирус был встроен в саму архитектуру системы, так что детектор вирусов Кеннисона не распознал его как «лишние» биты.

Чарли пожал плечами.

— Кто тут рассказывает, ты или я? — Он подтолкнул локтем своего товарища. — Видишь, Бад? Эти чудачки из Общества Бэббиджа шпионят друг за другом. Вот чего мы раньше не знали. Мы подумали, что в Сент-Луисе сидит еще одна независимая группа, — сказал он, обращаясь к остальным. — Так вот, третий вирус им запустило, конечно, ФБР, и... А что тут смешного?

Ред вытер слезы.

— Ну, наконец-то! На сцене появляется законное правительство. Я уж начал думать, неужели все до единого, кто замешан в этой истории, так или иначе связаны с клиологией?

— Клиология? — сказал Чарли. — Это слово мне нравится. Мы называли это мета-политэкономией. Наши отцы-основатели были по большей части профессора колледжей. — Он выпил еще пива. — А почему ты думаешь, что они-то не связаны?

— Кто?

— «Законное правительство», как ты выразился. Почему ты думаешь, что оно не занимается клиологией?

— О чем ты говоришь?

Чарли усмехнулся во весь рот.

— Разве где-нибудь еще есть группа, которая занималась бы социальным строительством в таких масштабах, как правительство? Или ты думаешь, что списки налогоплательщиков нужны только для сбора налогов?

— Тедди Рузвельт! — неожиданно произнесла Ллуэлин. Все посмотрели на нее. — Тедди Рузвельт и его партия прогрессистов! Вот когда впервые была высказана идея о правительстве как менеджере. Прогрессисты провозгласили цель — цитирую: «применять рациональные, научные методы в управлении бизнесом, трудовыми отношениями и самим правительством». Правда, любопытно, что никто не поймал их на слове?

Ред потер нос. «Выдвижение Тедди Рузвельта в вице-президенты». Так, кажется, было написано в перечне Френча? И Уолт предположительно записал эту операцию на счет Шестерки. Но Шестерка раскололась на две организации, как и Общество Бэббиджа. Значит...

— Одна из двух ваших группировок хотела проникнуть в правительство, — сказал он Чарли, — а другая нет.

Неудивительно, что они потеряли след дочернего общества, которое выделилось из Шестерки! Он был просто слишком замечен. Как на старой картинке-загадке, где охотник в лесу не видит никакой дичи, а зрителю видно, что стволы некоторых деревьев точь-в-точь похожи на чьи-то лапы.

— Это сейчас неважно, — отмахнулся Чарли. — Они всего лишь крохотная группа в правительстве и к тому же, должно быть, уже забыли большую часть того, что знали. Сейчас нам нужно что-то делать с европейцами, и поскорее.

— А почему, Чарлз? — спросил Детвейлер, совсем утнувшийся в глубоком кресле коричневой кожи.

Чарли принялся вертеть в пальцах пустой бокал.

— Четвертый вирус в системе Кеннисона был их — тот, который переписывал информацию в файл «К». Мы начали его отслеживать... — Он покачал головой. — Это была ошибка. Не надо было будить спящего зверя. Когда мы обнаружили их вирус, они, видимо, обнаружили наш. Наша операция велась из Оберлина. Когда мы увидели, что секретность нарушена, мы смылись. — Он еще раз повернул бокал. — Двумя часами позже все здание было в огне.

Ред поежился.

— И они даже не попытались выяснить, кто вы? Вам надо было установить слежку за домом. Пустить хвосты за всяким, кто появится поблизости.

Чарли взглянул на него.

— Ты думаешь, мы дилетанты? Конечно, мы это сделали. Но никто из наших хвостов не вернулся. — Он хмуро посмотрел на свой бокал. — Единственное, что мы о них смогли узнать — через их вирус, — это то, что они называют себя «ОСФК».

— И что это означает? — спросила Бэррон.

Чарли не отрывал глаз от бокала, и Ред подумал, что исчезнувшие агенты были, наверное, его друзья. Нелегкая у нас все-таки жизнь. Ни с кем нельзя заводить дружбу — а как без этого? Лучше всего держать людей на расстоянии. Тогда, если придет время отправляться в Джексонвилл...

— «Общество социальной физики имени Кетле», — сказал Чарли наконец.

— Кетле? — переспросил Коллингвуд. Ред взглянул на него — он сидел белый как мел. — Кетле? О боже!

Ллуэлин озабоченно посмотрела на него.

— Что с вами, Джереми?

Коллингвуд низко опустил голову.

— Это моя вина. Моя вина. — Он поднял глаза. — Гвинн, что еще было в повестке дня того заседания, в день взрыва? Кроме математического доклада Джима?

— Только твое короткое сообщение про Кетле и Бокля... — Она осеклась и тихо произнесла: — Ох... — И еще раз повторила, как будто откуда-то издалека: — Ох...

Ред подался вперед.

— Погодите, давайте разберемся. Вы собирались сделать какое-то сообщение об Адольфе Кетле?

Коллингвуд кивнул.

— Да, после Джима. Если бы осталось время.

Ред откинулся назад и вытянулся так, что оперся затылком о спинку стула. Вполне возможно. Кетле пробовал заниматься «социальной физикой». Изучал статистические закономерности преступности и писал о них. Вызвал среди европейских интеллектуалов целую дискуссию о свободе воли и детерминизме. Не вдохновил ли он подражателей так же, как и Бэббидж? Жаль, что в свое время мы не присмотрелись повнимательнее к тому, что происходило в Европе. А все наше проклятое самодовольство!

— Я собирался сделать сообщение о связях между Кетле и Боклем, — продолжал Коллингвуд. Он поднял глаза, провел языком по губам и снова опустил голову. — Вы знаете, что Бокль умер скоропостижно? Он был еще молод.

— Вы ни в чем не виноваты, — сказала Ллуэлин. — Откуда вы могли знать?

На мгновение Реду пришла в голову дикая мысль — она хочет сказать, что Коллингвуд не виноват в смерти Бокля? Он растерянно взглянул сначала на нее, потом на него, прежде чем опомнился.

— Мы не можем с уверенностью утверждать, — сказал

Вейн, — что группа была уничтожена с целью не дать ей коснуться Кетле.

Все переглянулись.

— Нет, не можем, — согласился Ред. — Но совпадение чертовски странное, а я никогда не любил совпадений. В этом стоит разобраться.

— Мы тоже так подумали, — сказал Чарли. — И когда Пенелопа рассказала нам...

— Пенелопа? — переспросила Ллуэлин. — Пенни Куик?

— Интересно, был ли во всей группе хоть один настоящий ученый? — задал вопрос Коллингвуд, ни к кому не обращаясь.

Ллуэлин пристально посмотрела на него.

— Мы все настоящие ученые, — сказала она, и Коллингвуд прикусил губу.

— Пенелопа рассказала нам, чем занимался Коллингвуд, — продолжал Чарли. — Поэтому мы послали на заседание своих людей. Мы планировали захватить Коллингвуда и выяснить, что ему известно. После взрыва мы продолжали наблюдение, следили за больницей и установили слежку за вами, когда вы попробовали улизнуть. Остальное... — Он взглянул на забинтованную руку своего товарища. — Остальное вы знаете.

— Погодите минуту, — сказал Коллингвуд. — А разве не сестра вас предупредила?

— Какая сестра? Нет. Мы все время были снаружи, на автостоянке.

Коллингвуд и Ллуэлин рассказали про дежурную сестру в больнице. Ред заметил, как все забеспокоились. Если человек поддается программированию под гипнозом, то можно ли доверять кому бы то ни было?

«Сестра звонила в группу «К», — решил Ред. — Это единственное разумное объяснение. Только оно все равно кажется не слишком разумным. Если группа «К» действительно устроила взрыв в Денверском университете, у них там непременно должны были быть свои агенты. Но тогда почему группа «К» не появилась, когда Коллингвуд и его товарищи удирали из больницы? Они беспощадны, они подложили бомбу, как только поняли, что группе может просто прийти в голову поинтересоваться Кетле. Что-то не похоже, чтобы они могли упустить Четырех Мушкетеров».

С двух сторон вокруг особняка Детвейлера шла веранда. Ред стоял на ней, облокотившись на перила и наслаждаясь прохладным ночным ветерком. Перед ним расстилались пре-

красно ухоженные владения хозяина. Немного поодаль виднелась залитая лунным светом каменная лестница, которая вела вниз, в парк. Стены, окружавшей его, отсюда не было видно. Из темноты доносился собачий лай. Ред глубоко вдохнул ночной воздух и потер руки. Здесь, на северо-востоке, ночами совсем прохладно. Из рта у него поднимался пар.

Огромная рыжая луна опускалась в проплывавшие над горизонтом бурные облака. Ред подумал, что на ту же самую луну, может быть, сейчас смотрит в Сан-Франциско Сара. Мистическая связь. Нет, вряд ли. Она — человек разумный и сейчас, должно быть, уже в постели.

Он услышал сзади какой-то шорох и резко повернулся. Там стоял Джереми Коллингвуд, сунув руки в карманы.

— Прохладная ночь, — сказал он Реду.

Ред еще раз окинул взглядом парк.

— Да, скоро осень. Она приходит каждый год, но каждый год мы этого не ожидаем. Вся теплая одежда еще в кладовой, и приходится наспех ее доставать.

— Мне сказали, что вы пошли прогуляться.

Ред ткнул пальцем в темноту.

— Слышите, как собаки лают? Не люблю гулять в обществе доберманов. Как идет компьютерный поиск?

— Неплохо. Тот номер, который вам сообщил... Кто там, говорите, у вас на том конце модема?

Ред обернулся через плечо.

— Один паренек. Са... Глория Беннет зовет его Умником. Толковый парень. Хакер из хакеров.

Коллингвуд внимательно посмотрел на него, потом пожал плечами.

— Так вот, домашний адрес этой женщины, Говард, который он нам дал... В общем, в день появления распечатки из уличных телефонов-автоматов в Сан-Диего было сделано несколько звонков в Брюссель и Париж. На плане города они образуют аккуратный маленький кружок вокруг ее дома.

Ред кивнул. Этого он и ожидал. Хорошая идея пришла в голову Чарли — проделать кластерный анализ телефонных разговоров с франкоязычными странами и сопоставить их с событиями, последовавшими за появлением распечатки. Правда, найти корреляцию между данными о Морин Говард из файлов Ассоциации и результатами кластерного анализа, уже проведенного Шестеркой, оказалось не так просто: ни он, ни Чарли не хотели идти на риск привлечь внимание к базам данных друг друга. В конце концов они решили использовать нейтральную территорию — терминал в публичной библиотеке в Омахе.

— Я предложил им проанализировать телефонные переговоры между Сан-Диего и Сан-Франциско. Выяснить, выходила ли Говард на связь с кротом, который проник в систему Кеннисона.

— Да кто только не проник в систему Кеннисона! — проворчал Ред. — К тому же... — Он повернулся к Коллингвуду, который, раскинув руки, сидел на деревянном диване-качалке. — К тому же проникнуть в систему можно из любой точки страны. Достаточно пришить «червя» или вирус к какой-нибудь коммерческой программе, или к биржевому бюллетеню, или к рекламному объявлению.

Коллингвуд мотнул головой.

— Не знаю. Я человек простой, и запросы у меня простые. Да, конечно, я пользуюсь компьютерной почтой, но наверняка не использую всех ее возможностей. А Деннис... Ну, он... он просто боялся компьютеров.

— Какая глупость. Компьютер — это инструмент. С таким же успехом можно бояться рейшин или пылесосов. Или гусиных перьев.

Коллингвуд криво усмехнулся.

— Падение Западной Римской империи иногда связывают с изобретением письма гусиными перьями. Когда приходилось вырубать написанное на камне, люди, должно быть, больше задумывались над тем, что пишут.

Ред улыбнулся.

— Возможно, вы правы.

Коллингвуд оттолкнулся ногами, и диван начал раскачиваться.

— У моей бабушки был такой диван-качалка. Я чувствую себя совсем как в детстве. — Он раскачивался медленно, как маятник. — Вы расскажете мне, что вам известно про Денниса Френча?

Ред скрестил руки на груди.

— Ведь вы только потому и занялись этим делом? Чтобы разыскать своего друга? А действительно серьезные вещи вас не интересуют?

— Разве? Я всегда думал, что дружба — одна из самых серьезных вещей.

— Я не то хотел сказать. Я хотел сказать... Ну, го, что выходит за пределы вашего беспокойства за друга. Разве вас не интересуют философские проблемы? Или политические последствия? Неужели вы хотите, чтобы вашей жизнью управляла какая-нибудь тайная элита?

Коллингвуд фыркнул.

— А вы хотите сказать, что до сих пор ею никто не

управлял? — Диван тихо раскачивался взад и вперед. — Разве начиная с эпохи фараонов было когда-нибудь такое время, чтобы горсточка честолюбцев не стремилась заправлять всеми делами? Пока они делают это более или менее толково и оставляют меня в покое, я ничего против них не имею. Насколько я понял, вы все от них отличаетесь только тем, что попробовали внести в это немного научного подхода. Пожалуй, это ничуть не хуже, чем метод проб и ошибок, с которым нам приходилось мириться испокон веков.

Ред ожидал чего угодно, но только не такого безразличия. Он положил руки на перила.

— Вам действительно все равно? — спросил он, слегка наклонившись вперед и не скрывая удивления. — Вы увязли в этом деле чуть ли не глубже, чем все остальные, и все же самые принципиальные вещи ничего для вас не значат?

— Это что, обвинение? Когда кто-нибудь призывает сбросить ярмо угнетения, он по большей части недоволен только одним: что угнетатель не он. — Коллингвуд уперся ногами в дощатый пол и остановил диван. — Но я сделал одну оговорку. Я сказал, что мне все равно, если только вы оставите меня в покое. А этого вы не сделали.

Хотя Коллингвуд даже не повысил голоса, Реду стало не по себе. Он не выдержал обвиняющего взгляда и отвернулся, обхватив рукой столбик веранды и прижавшись к нему щекой. Дерево было гладким и прохладным.

— Нет, этого мы не сделали. — Неважно, что не Ассоциация все затеяла, что это была Женевьева Вейл с ее паранойей. Это могло случиться по-всякому. Все здание было пронизано трещинами — их было слишком много, чтобы возложить вину на ту из них, из-за которой оно обрушилось.

— Так вы мне не расскажете?

Ред оглянулся через плечо.

— Что?

— Что вам известно про Денниса.

— Я не говорил, что не расскажу.

— Нет, вы перевели разговор на другую тему.

Ред снова отвернулся.

— Прошу прощения, — сказал он. — Это уже вторая натура. — Он провел рукой по столбику, нащупал трещинку и принялся ковырять ее пальцем. — Вы себе не представляете, как это происходит, — продолжал он, все еще стоя спиной к Коллингвуду. — Когда вступаешь в тайное общество вроде нашего. Постоянно боишься проговориться. Даже о самом существовании тайны. Даже родителям. Да-

же ближайшим друзьям. Учишься давать уклончивые ответы, недоговаривать, иногда просто лгать. Изобретать правдоподобные истории про какую-нибудь «левую работу на лето», но никогда не говорить правды. А через некоторое время... — Длинная серебристая полоска краски отломилась, и он начал вертеть ее в пальцах. — Через некоторое время осторожность становится второй натурой. На всякий случай никогда не говоришь всего. А еще лучше — не говоришь вообще ничего. Но в клиологии дистанция измеряется частотой общения между двумя точками. — Он горько улыбнулся. — Это мы усваиваем в ходе обучения. Так что дистанция между тобой и всеми, кого ты когда-либо знал, начинает расти. И хуже всего то, что ты знаешь, почему это происходит. Можешь даже написать уравнение. Очень скоро единственными твоими друзьями остаются такие же, как ты. Вы живете в никому не ведомом, замкнутом кружке и утешаетесь тем, что в конечном счете вы подлинные властители мира. А все остальные — так, никто. — Он отшвырнул полоску краски в темноту, облокотился на перила и переплел пальцы. — Зачем я все это вам говорю?

— Не знаю, — сказал Коллингвуд. — А кому еще вы можете это сказать?

Ред взглянул на него через плечо и поджал губы.

— Вы уверены, что вы всего лишь бухгалтер?

— Скажите мне, Кальдеро, — сказал Коллингвуд, — а как вы попадаете на такую работу? Ведь объявления о ней в газетах как будто не печатают?

Ред провел рукой по столбику.

— Нет, — сказал он. — Не печатают. — Ему припомнилось, как завербовали его. Эммет Блейн. Давно он не вспоминал этого сварливого старика с его галстуками-бабочками в горошек и с пробором посреди головы. Полная противоположность привычному образу тайного агента — и в то же время учитель и проповедник, способный зажечь человека идеей. — Мы постоянно... ну, можно сказать, присматриваемся. К людям, которые проявляют к этому интерес. И способности.

Например, к студентам, которые чем-то выделяются из общей массы. К робким квадратным шпенькам, которые не могут ужиться в стандартных круглых дырках. К тем, кто способен попасть под влияние харизматического учителя. К достаточно независимым, чтобы не дать обтесать и скруглить свои грани, и достаточно прозорливым, чтобы догадаться попробовать растесать дырки под квадрат.

Эммет Блейн... Давно он не вспоминал этого учителя истории. Их долгих споров о том, как построить лучший мир. Как многое может изменить даже один человек... если только сделает то, что нужно, и тогда, когда нужно.

Ред с удивлением обнаружил, что у него в ушах только что прозвучал голос Эммета Блейна, словно это были его слова. Он насторожился. Что, если все его нынешние планы, касающиеся Ассоциации, — всего лишь далекие отголоски мыслей, подсказанных в давно прошедшие времена его старым учителем? Что, если он всего лишь орудие, с помощью которого Эммет пытается управлять будущим? Такой тонкий замысел вполне в духе клиологического мышления. И разве не такова на самом деле цель всякого учителя и гуру на этой планете? Управлять будущим через посредство своих учеников?

«Нет, черт возьми! Эммет был не такой! И глаза у него были совсем не такие, как у Джейн Хэч или у Кэма Бетанкура. Наши учителя нас учат, а не управляют нами!»

— Это уже второй раз, — услышал он слова Коллингвуда.

— Что второй раз?

— Вы уже два раза уклонились от того, чтобы рассказать мне про Денниса.

Ред потер руки. Ночи становятся холоднее. «Осень — самое грустное время года», — подумалось ему.

— Он, видимо, в руках группы «К», — сказал он. — До сегодняшнего вечера я не знал, кто это — группа «К» или Шестерка. Кто-то в организации Кеннисона знает, где он. Кеннисон как-то подслушал этого человека, когда он говорил по телефону. Он не сказал нам, кто этот крот, но у меня есть кое-какие догадки. Там сейчас Беннет, она прослушивает его телефон, чтобы мы могли напасть на след. — Он выпрямился и повернулся к Коллингвуду лицом. — Вот. Ну и как, теперь я был с вами достаточно откровенен?

Коллингвуд кивнул.

— Вполне. А почему Беннет так заинтересована в том, чтобы разыскать Денниса?

Ред пожал плечами.

— Ей дано такое задание, — тут же нашелся он.

Коллингвуда это, казалось, позабавило.

— Снова осторожность? Ну, неважно. Не буду добиваться от вас ответа. Если пообещаете, что, как только узнаете, где Деннис, немедленно сообщите мне.

Ред колебался только несколько мгновений.

— Конечно.

Сзади него открылась дверь, и на веранду упала полоса света. Из двери выглянула Ллуэлин, щурясь в темноте.

— Джереми? Вы здесь? А, вот вы где. И, я вижу, мистер Кальдеро тоже.

Ред вздохнул.

— Какого черта, зовите меня Джимми.

— Чарли закончил сопоставление. — Она взглянула на Реда. — Не хотите проверить?

— В этом нет необходимости.

— Вы ему доверяете?

— В этом тоже нет необходимости. Умник следит за ним со своего конца.

— Понятно. Так вот, они обнаружили кластер уличных автоматов в Сан-Франциско, куда звонила эта ваша Говард, и наоборот. Молодой человек, который сидит на том конце модема, проверил их по базам данных «Кеннисон Демографикс» и выяснил, что в самом центре этого кластера живет Алан Селкирк.

Селкирк. Ред не удивился. Все сходится. Кеннисон говорил, что больше не доверяет Селкирку; впрочем, Кеннисон вообще мало кому доверяет. Но теперь стало понятным нападение на автомобильной стоянке. Кто еще знал, что они там будут, кроме Кеннисона и Селкирка? Он попытался представить себе, что этот молодой человек и есть беспощадный убийца, но не смог. Однако разве такие люди не подходят для этого лучше всего? Он вспомнил, как потрясен был шотландец, когда они сказали ему, что существует третье общество. (Только третье? Господи, каким простым все казалось им тогда!) И еще он вспомнил, какое облегчение было написано на лице Селкирка, когда ему рассказали о Тайной Шестерке. Ну конечно! Он, наверное, боялся, что они докопались до группы «К».

— И вот что, Джереми, — продолжала Ллуэлин. — Мистер Умник просил передать вам кое-что от Глории Беннет.

Коллингвуд часто заморгал, но лицо его осталось спокойным.

— Да? Что она сказала?

— Только то, что Денниса Френча держит у себя где-то в Манхэттене человек по имени Бернстайн.

Коллингвуд кивнул и взглянул на Реда.

— Быстрое обслуживание.

Ред не мог не ухмыльнуться.

— Я всегда выполняю свои обещания.

Кеннисон впустил ее в помещение фирмы «Джонсон и Ченг».

— Не беспокойтесь, моя дорогая, — промурлыкал он, — в это время здесь никого не будет.

«Два часа ночи, — подумала Сара. — Ну, по крайней мере, эта их Ночная Смена уже разошлась». Она неожиданно зевнула, прикрыв рот рукой.

— А нельзя было это сделать дистанционно? — спросила она еще раз.

Кеннисон обернулся и посмотрел на нее.

— Дистанционно? О, конечно нет. Там нужно отключать защиту.

Примирившись со своей участью, она вошла вслед за ним в темный зал. Если дело касается железок, то с Кеннисоном лучше было бы отправить Умника. Однако Кеннисон настоял, чтобы пришла она. Больше он никому не доверяет.

Ну что ж, зато можно полюбоваться на потрясающую луну. В прошлую ночь Сара наслаждалась этим зрелищем из окна своей квартиры, и оно почему-то оказало на нее успокаивающее действие. Она надеялась снова испытать это ощущение сегодня вечером, пока ждала звонка Кеннисона, но оно оказалось неуловимым, как дым. Луна была та же самая, но... не та.

В компьютерном зале стоял полумрак, но машина была включена. Красные и зеленые огоньки подмигивали из темноты, похожие на глаза многоглавой гидры, дремлющей и бодрствующей в одно и то же время.

— У нас есть несколько программ, которые работают всю ночь, — объяснил Кеннисон, — но людей мы обычно здесь все время не держим.

Сара взглянула на него, но не смогла разглядеть выражение его лица. В темноте виднелась лишь черная тень. Почему-то она ощутила страх. Она попыталась убедить себя, что это нелепо, но вокруг действительно было темно, а Кеннисон в самом деле напоминал привидение.

— Зажгите какой-нибудь свет, — сказала она. — А то я не вижу, что делаю.

— Нет. Вдруг кто-нибудь увидит свет снаружи и заинтересуется, что здесь происходит?

— Но в комнате нет окон, — возразила она. — А дверь мы можем закрыть.

— Если дверь будет закрыта, мы не услышим, когда кто-нибудь войдет в главный зал.

Она взглянула на него. Голос у него был, как у капризного ребенка.

— Да господь с вами! Кто может сюда войти в такой поздний час?

— А если грабитель? — Это был наполовину вопрос, наполовину предположение.

Она фыркнула.

— Не говорите глупостей.

— Ну, ладно, — недовольно ответил он и дотронулся до панели на стене у самой двери.

Флюоресцентные лампы мигнули и зажглись, залив комнату жемчужным светом. Она увидела, что Кеннисон, обиженно выпятив нижнюю губу, по-детски надулся. «Что это с ним?» — подумала она.

Они работали целый час. Кеннисон отвинчивал задние панели и отключал тумблеры, Сара следила за его действиями по экрану терминала. (ФАЙЛ РАЗБЛОКИРОВАН. ФАЙЛ РАЗБЛОКИРОВАН) «Он мог сделать все это и сам, — подумала Сара. — А после отключения защитных схем я могла бы работать из дома».

Зачем он настоял, чтобы она пошла с ним? Потому что он параноик и кто-то должен все время держать его за ручку?

Кеннисон показался из-за левой крайней консоли — без пиджака и галстука, с закатанными рукавами и расстегнутым воротничком. Изображает тяжелую физическую работу? «Хватит играть в игрушки, кузен Дэниел!»

— Это последняя защита, — объявил он. — Теперь кто угодно может залезть сюда и украсть все файлы. — Он слегка нахмурился, закусил нижнюю губу и уставился на машину. — Кто угодно, — повторил он грустно. — *Alea jacta est**.

— А это, значит, ваш Рубикон? — добавила она.

Он повернулся к ней и улыбнулся.

— Ах, мисс Беннет! К сожалению, так мало кто в наши дни разбирается в классике...

— Да? А кто в этом виноват?

Кеннисон покачал головой.

— Теперь вы уже прекрасно знаете, мисс Беннет, что мы можем поощрять и поддерживать какую-нибудь тенденцию, но мы не можем внедрить ее насильно. — Он еще раз взглянул на панели драйверов, которые только что снял. — Я бесповоротно встал на этот путь. И все же кто может устоять перед искушением оглянуться? Кто может поставить крест

* Жребий брошен (лат.).

на своем прошлом — даже на прошлом своего отца — без малейшего признака сожаления?

— Ну-ка, расскажите мне все как есть, — сказала она, не скрывая иронии. Кеннисон снова повернулся к ней.

— Да. Вы поймете, не правда ли? Мы с вами — не то что Джимми Кальдеро и ему подобные. Мы не можем так просто, ради удобства, отбросить все, чем были и чем еще могли бы стать. Это нас с вами и связывает. Мы с вами как брат с сестрой. — Он просиял, как будто ему пришла в голову свежая мысль. — Как брат с сестрой.

«Ну и ну!» — подумала она и не без труда заставила себя вспомнить, что вот этот самый симпатичный опечаленный человек, который сейчас стоит перед ней, не раз отдавал приказ об убийстве людей — в том числе Моргана и Денниса. Что поиски Денниса интересуют его только потому, что ему надо знать, кто его похитил. Почему он не похож на жестокого, высокомерного психопата, как все убийцы в кинофильмах? Почему он вызывает такое сочувствие и жалость?

Она повернулась к экрану терминала. Нужно было изучить всю архитектуру системы, чтобы быстро продублировать ее и скопировать в систему Детвейлера, пока никто не успеет об этом догадаться. Только Селкирк, Джонсон и Ченг знают, что решено сохранить копию исходных файлов. Если это заметит кто-нибудь из Ночной Смены, хлопот не оберешься.

— Скажите-ка мне, братец, вы уверены, что Детвейлер дал согласие спрятать у себя вашу систему?

— Да, сестренка. — («О господи! Он серьезно!») — Джимми Кальдеро звонил сегодня вечером и это подтвердил.

Она не подняла глаз. Почему Ред звонил Кеннисону, а не ей? Был слишком занят? Судя по тому, что рассказывал Босуорт, в Бостоне хватает дел с «ДБС» и Тайной Шестеркой. Он мог забыть. Его могли оторвать.

А почему, собственно, она подыскивает ему оправдания? Кеннисон поднял перед собой руки.

— Пожалуй, я пойду умоюсь, а вы пока начинайте, сестренка.

Руки у него были совсем чистые. Сара проводила его взглядом. Перед тем как выйти из компьютерной, он погасил свет. Когда дверь за ним закрылась, Сара решительно подошла к панели и зажгла свет снова.

«Сестренка»!

Только час спустя она сообразила, что он что-то очень долго не возвращается.

Она прекратила работу и огляделась. Часы показывали три

тридцать. Какого черта, где он там? Она склонила голову набок и прислушалась, но ничего не услышала, кроме скрипов и шорохов, какие всегда слышатся в ночном доме. Кроме негромкого жужжания терминала и гудения ламп дневного света.

Она щелкнула «мышью» и отключила экран, потом подошла к двери и нерешительно остановилась, взявшись за ручку. Ей вспомнились страхи Кеннисона, она вздохнула и погасила свет.

Зал погрузился в темноту. Ее рука замерла на дверной ручке. У нее мелькнула мысль, что за дверью ее поджидает что-то страшное. Да нет, чепуха. Это все плод воображения. Расплата за все фильмы ужасов, виденные в детстве. «Тут тебе не какая-нибудь дурацкая страшилка», — сказала она сама себе.

Нет, эти ужасы вполне реальны. Убийцы в парке, одурманенные наркотиками и загипнотизированные. Неизвестные машины, скрежещущие покрышками. Нож под ребра на автостоянке. Бомбы, которые превращают конференц-залы в бойню, а автомобили — в море пламени. Невозмутимый убийца с мертвыми глазами. Где сейчас Тайлер Крейл? Если верить Кеннисону, исчез из вида. Разыскивает того, кто убил его брата? Охотится за ней? Стоит по ту сторону двери, держа наготове нож, обогранный кровью Кеннисона?

«Ну нет, черт возьми!» — одернула она себя. Настоящие убийцы ничего такого не делают. Если бы там был Крейл, он бы не ждал, пока она откроет дверь. Он бы ворвался в комнату и кинулся на нее. Чтобы убедиться окончательно, она распахнула дверь.

И еле сдержала крик.

Там никого не было.

Она прислонилась к косяку. «Давай, заводь себя дальше. Немного истерики тебе не повредит. Прочистит мозги и избавит от чрезмерной рациональности».

Она вышла в главный зал. В темноте слабо светились таблички «ВЫХОД». Перегородки между отсеками были похожи на лабиринт. Она взглянула вверх перегородок. Большой зал, весь разгороженный на укромные уголки и закоулки. Что-то скрипнуло — здание качнулось от порыва ветра.

Большое открытое пространство, пустое и погруженное в темноту. Почему оно вызывает такой ужас? Даже больший, чем мысль о тесном, замкнутом помещении. Она вспомнила, что точно такое же ощущение испытала на четвертом этаже дома Уайднера. Вспомнила, какой ужас охватил ее, когда она приблизилась к тому закрытому бюро. Вспомнила, что в нем нашли скелет.

«Ну, хватит этих глупостей», — подумала она и протянула руку назад, за дверь, к стенному выключателю в компьютерной. Полоса света выплеснулась в зал и осветила перегородки между отсеками.

Из-за ближайшей перегородки выскочил Кеннисон.

— Что вы делаете? — прошипел он.

На этот раз она испуганно вскрикнула.

В мгновение ока Кеннисон был уже около нее и крепко ее обнимал.

— Не бойтесь, сестренка, — говорил он. — Я вас в обиду не дам.

Он прижался к ней чуть сильнее, чем полагается «братцу». Она оттолкнула его.

— Не прикасайтесь ко мне! — предупредила она. — С какой стати вы вздумали меня так пугать? Заводитесь вы от этого, что ли?

Он как будто смутился.

— Я... Нет... Конечно нет. Это было бы омерзительно.

— Тогда зачем вы тут прятались?

Он огляделся вокруг и наклонился к ней. Сара попятилась.

— Селкирк идет сюда, — сказал он.

«Селкирк?»

— Тогда нам лучше смыться, пока он нас здесь не застал. Он не должен видеть нас вместе.

— Нет, нет! — возразил Кеннисон. — Он ищет вас. Он знает, что вы знаете про него и про группу «К». Про Бернстайна и Френча. Он знает, что вы не откажетесь от поисков своего партнера, а найти его — значит обнаружить группу «К».

Она вцепилась ему в рубашку на груди.

— Тогда зачем он идет сюда? — спросила она, приблизив лицо вплотную к его лицу.

Кеннисон оторвал от себя ее руки. Хватка у него оказалась неожиданно сильной.

— Потому что я вызвал его и все ему рассказал.

— Что?!

— Не бойтесь, я защищу вас.

— Вы с ума сошли!

— Нет. Селкирк мне доверяет, он предложил мне важный пост в группе «К». Ну, может быть, не совсем так, но он хочет, чтобы я скопировал все материалы Общества в компьютеры группы «К». Взамен я стану уполномоченным их организации по Северной Америке.

— Ах, вот как! — Она попыталась высвободить руки, но не смогла. — Говорила я Реду, что вам нельзя доверять.

— Я... Тссс! — У входа в зал послышался какой-то шорох. На матовое стекло в двери упала снаружи тень. Кеннисон подтолкнул Сару к ближайшему отсеку. — Спрячьтесь там. Под столом.

И он быстро пошел прочь по проходу между столами.

Сара двинулась было за ним, но тут же заставила себя остановиться. Что задумал Кеннисон? Выдал ее Селкирку, чтобы доказать, что ему можно верить? Тогда зачем он велел ей спрятаться? Может быть, он надеется, отдав ее в руки группы «К», продолжать оказывать ей покровительство, потому что будет занимать важный пост? Она вспомнила, как Ред говорил ей, что для Кеннисона положение не менее важно, чем власть.

Никакой Ред ему не звонил. Все это была ловушка — эти рассказы про Детвейлера, будто бы предложившего спрятать у себя материалы. Как могла она сюда с ним пойти? Как могла позволить злобному убийце усыпить ее бдительность? Только потому, что на время у них совпали интересы и они оказались союзниками? А теперь их интересы разошлись...

Она слишком многого не знала, но одно знала точно. «Никогда не прячься в таком месте, откуда есть только один выход» — так говорил ей Ред. Одно из правил для тайных агентов. А на Реда, пусть он и в пяти тысячах километров, можно скорее положиться, чем на Кеннисона.

Она выползла из-под стола в отсеке, откуда был только один выход, и бесшумно пошла по проходу, стараясь убедить себя, что это всего лишь игра. Что она отслеживает в лесу воображаемую дичь. «Не делай шума и держись с наветренной стороны». Если притаиться где-нибудь у самой двери, то, может быть, удастся удрать, пока Кеннисон с Селкирком дойдут до того места, где Кеннисон хотел ее «спрятать».

Дверь открылась и тихо закрылась. Сара услышала шорох одежды и шаги по ковру.

Вдруг раздался чей-то вскрик и звук удара. Что-то с треском ударилось в перегородку, сдвинув ее.

«Пора!» Сара метнулась к двери.

Но там, у выключателя, стоял Кеннисон, и она застыла как вкопанная. Зажглась лампа над дверью и, как прожектором, высветила тело Селкирка, привалившееся, словно мешок с мукой, к сдвинутой в сторону перегородке. Кеннисон увидел Сару и улыбнулся.

— Привет, сестренка. Я так и думал, что вы попробуете подкрасться к нему сзади. — Он показал на неподвижную

фигуру на полу. — Но ваша помощь не понадобилась. Я же говорил, что управлюсь сам.

Сара посмотрела ему в глаза. Ей всегда было интересно, как выглядят сумасшедшие. Теперь она знала. Они откровенны и чистосердечны. Ей вдруг стало страшно. Страшнее, чем при виде Орвида Крейла.

Она взглянула на Селкирка. Зачем? В надежде на его помощь? Но разве скорпион поможет спастись от ядовитой змеи? Иногда помогает. Но Селкирк помочь уже не мог. Он лежал в беспомощной позе, разбросав руки и ноги, а на лице у него, там, где оно ткнулось в плечо, виднелась кровь.

— Он...

Кеннисон показал ей окровавленное пресс-папье.

— Я ударил его вот этим, — сказал он, как будто ожидая похвалы. — Он хотел вас обидеть.

Сара не нашла, что ответить. Кеннисон сделал шаг в ее направлении, она попятилась и уперлась в стоявшую сзади кадку с пальмой. Кеннисон протянул руку и схватил ее за запястье.

— Не волнуйтесь, — сказал он ласково. — Все уже кончено. Со мной вам ничто не грозит.

Он попытался притянуть ее к себе, чтобы обнять, и Сара вдруг вся похолодела: она с несомненностью догадалась, что он намерен делать.

— Погодите! Нет! — («Думай, Сара! Думай!») — Не здесь! Что если Селкирк очнется?

Не отпуская ее руки, Кеннисон изогнулся и изо всех сил ударил Селкирка ногой по ребрам. Безжизненное тело соскользнуло на пол.

— Не очнется. Еще долго не очнется. И потом... — Он зловеще улыбнулся. — Разве это не добавит немного пикантности?

«О боже!»

— Нет! Нет, ни в коем случае. Я... Я так не смогу. Только не при нем. — Она вцепилась в его руку. — Отвезите меня домой, братец. Там мы будем в безопасности.

Там Хелен и Чу. И Босуорт. И Половски, он утром прилетел из Колорадо.

Однако Кеннисон если и сошел с ума, то не потерял сообразительности. Он покачал головой.

— Нет, сестренка. Слишком много людей могут нас увидеть.

— Тогда к вам. Отвезите меня к себе.

Он просиял.

— Да. Конечно. Поедем домой. — Он обхватил ее за

плечи и повел по коридору к лифту. Хватка у него была стальная. — Поедем домой.

Она рассчитывала по пути до квартиры Кеннисона как-нибудь привлечь внимание таксиста. Но Кеннисон приехал на своей машине, и такси не понадобилось. Машина стояла в подземном гараже под зданием, и ни в лифте, ни в гараже, ни в караульной будке на выезде никого не было. Металлические ворота автоматически открылись. Машина выехала на Стоктон-стрит и свернула налево, к Телеграфной горе.

Кеннисон положил руку на ее колено и сжал его.

— Не волнуйтесь, — еще раз сказал он. — Теперь вам ничто не грозит.

Когда Ред вернулся в свой номер в Сан-Франциско, Половски и Босуорт спали. Босуорт свернулся клубком на диване, а Половски захватил себе всю огромную кровать. Ред растолкал их.

— Я только что прилетел, — сказал он. — Опоздал на пересадку в Чикаго. Из-за погоды вылет из Бостона задержали, пришлось ждать следующего рейса. О господи! — Он зевнул и потянулся. — Совсем вымотался. Только и думал о том, как наконец улягусь в теплую, уютную постель.

С этими словами он многозначительно посмотрел на Половски.

— Ладно, можешь подать на меня в суд, — сказал тот. — Тебя же не было. Чего ради мне было лечь на раскладушке или на диване? У меня в спину вступило.

Ред ничего не ответил и прошел в гостиную. Половски и Босуорт покорно побрели за ним, как собачонки.

Гостиная была превращена в центр управления. Со стен гроздьями свисали распечатки. Ред нахмурился, швырнул на диван свою дорожную сумку, подошел к ближайшей стене и оглядел ее.

— Вы что, не знаете, какие следы оставляет на обоях липкая лента?

— Ты только его послушай, — сказал Уолт Босуорту, ткнув через плечо большим пальцем. — Лучше прочти-ка вот это, Ред. Тот «жучок», который Кеннисон дал нам поставить в свой телефонный терминал, — это что-то особенное. У нас полная запись всех разговоров. — Он покачал головой. — Похоже, кузен Дэн всерьез собирается развязаться со своим Обществом. Судя по информации, которую мы имеем...

Ред принялся водить пальцем по распечаткам.

— Вы переправили копии в Совет?

— Да они просто очумели от восторга. Брат Бетанкур

считает, что, зная наперед все их ходы, мы сможем увеличить ценность наших акций процентов на пятнадцать, не меньше.

Ред взглянул на него.

— Если мы дадим им сделать эти ходы. Мы ведь можем их и остановить. Не забудьте, в чем наша главная цель.

«Или это была главная цель Эммета Блейна?»

Половски ответил сердитым взглядом.

— Само собой.

Босуорт отвернулся и склонился над экраном терминала.

Ред сунул руки в карманы и принялся вертеть в пальцах ключи. Машинки, укрепленные на оконных стеклах, издавали тихий шум, как будто на окна сыпался мелкий град. Через щели в шторах пробивались лучи вечернего солнца. Ред подошел к окну и пальцем чуть сдвинул одну из штор. На Телеграфной горе жемчужным ожерельем горели уличные фонари. Кое-где в окнах зажегся свет.

— Я думал, Текс приедет.

— Да? Хватит с вас и меня, — сказал Уолт. — Джейни куда-то уехала и оставила его командовать на ранчо.

Ред что-то проворчал про себя, но не ответил.

— Как там в Бостоне? — спросил Уолт.

Ред повернулся спиной к окну.

— Дождливо. Между прочим, я там встретил кое-кого из наших конкурентов.

— Да, я слышал, — Половски кивнул в сторону Босуорта. — Малец мне говорил. — Он уселся в кресло и протер глаза. — Ну и что мы с ними будем делать?

— С кем?

— Со всеми. И что насчет той бостонской группы? За кого они?

— Их опасаться нечего, по крайней мере сейчас. Я говорил с их человеком — Вейном, и он сказал, что никто не может на самом деле изменить ход истории, но каждый может убедить себя, что это ему удалось.

Половски усмехнулся и взглянул на Босуорта.

— Да? Слышишь, малец? Ну, пусть и дальше так думают. Пока они считают, что это невозможно, они ни во что не будут вмешиваться. А как они объясняют то, что мы обнаружили Шестерку и группу «К»? Или думают, что это тоже плод нашего воображения?

Ред медленно прошелся по комнате.

— Ну, им пришлось признать, что Шестерка действительно существует. У них сейчас гостят двое оттуда. — Он сокрушенно покачал головой. — С одним я проработал много лет, когда был в службе контроля за сетью. Я уж начал

думать, есть ли в правительстве хоть один человек, который действительно работает на правительство?

— Что мы с ними будем делать?

— Пока ничего. Мы союзники в поисках «ОСФК». Все в свое время.

— А как же с дальней перспективой?

— Дальняя перспектива — только для тех, кто до нее доживет. А это означает, что надо пережить группу «К» — ребят из общества имени Кетле. Я думаю, Женевьева Вейл чувствовала бы себя с ними как дома. Вот дьяволы... — Он махнул рукой. — Чего стоила одна эта Говард, которую они к нам подослали.

Он вспомнил, как эта женщина покончила с собой. Какая глупость! Нелепый фанатизм. Как могут люди дойти до того, чтобы считать такие вещи разумными?

— Ну что ж... — Ред снова потянулся. — Я, пожалуй, прилягу. Если только найду, где, — добавил он с намеком.

Половски ткнул большим пальцем в потолок.

— А почему бы тебе не попробовать наверху? Там есть прекрасная теплая постель.

Ред сердито покосился на него.

— Думай, что говоришь, Уолт. Твои родители потратили слишком много денег, чтобы выправить тебе прикус, жалко будет, если я его опять попорчу.

Половски мотнул головой.

— Да нет, ее же там нет. Она около полвторого ночи отправилась в «Кеннисон Демографикс». Он хотел, чтобы она проверила архитектуру мега-вируса, которого собирается запустить в его базу данных.

Ред нахмурился и взглянул в сторону завешенного окна.

— Пошла к нему? Так поздно?

— Надо было подождать, пока разойдется Ночная Смена.

— Не надо было ей ходить.

— Почему? Ведь в этом деле Кеннисон на нашей стороне, разве нет?

— Все равно мне это не нравится.

— Ревнуешь?

Ред бросил на него свирепый взгляд, отошел к окну и снова чуть раздвинул занавески.

— Поехать мне, что ли, туда?

— Да брось. Может, она уже вернулась, пока мы спали. Да она все равно бы к нам не заглянула.

Жилище Кеннисона было освещено каким-то мерцающим светом, словно где-то горело пламя. Холодное пламя, не дающее тепла, и пахло там как будто остывшей золой. Сара

остановилась в дверях, поняв, что не может сделать ни шагу дальше, несмотря на то что его рука настойчиво давила ей на спину. Казалось, вот-вот произойдет что-то сверхъестественное — в давно забытом прямом значении слова. Что Кеннисон — не кто иной, как Дьявол, а она стоит у входа в преисподнюю и, как только войдет, ощутит весь жар адского пламени.

Кеннисон подтолкнул ее сзади, и она неуверенно шагнула в мерцающий полумрак.

Перед ней была самая обыкновенная комната, только освещена она была каким-то странным светом из невидимого источника. Сара огляделась. Вид у комнаты был нежилой, но это естественно, ведь Кеннисон и в самом деле здесь не жил. Тем не менее она ожидала увидеть здесь хоть что-то личное: фотографию, книгу, еще что-нибудь. Однако все казалось голым, безымянным, не видно было и намека на что-то человеческое. Только у окна стояли какие-то электронные устройства и к стеклам были прилеплены маленькие механические пауки, чтобы глушить звуковые колебания. Однако ощущение сверхъестественности всего происходящего ее по-прежнему не покидало.

Кеннисон запер за собой дверь, прислонился к ней и сделал глубокий выдох.

— Вот. Теперь мы в безопасности.

Только тут Сара увидела то, что до сих пор скрывала дверь, и у нее перехватило дыхание. Она невольно сделала шаг вперед, чтобы лучше это разглядеть.

Там был алтарь.

На извитой медной подставке стояли в ряд ритуальные свечи в чашечках из красного и синего стекла. Все свечи были зажжены, и огоньки их плясали в чашечках, бросая на стену и потолок дрожащие разноцветные отсветы — это и был источник того мерцающего света, который создавал ощущение холодного пламени.

Над свечами висела на стене фотография круглолицей белой женщины со смеющимися глазами. Радужные пятна света от свечей окружали ее разноцветным ореолом. По обе стороны от фотографии стояли вазы с пышными букетами цветов, отчасти уже увядающих. В маленькой почерневшей чашечке перед фотографией виднелись остатки сожженных благовоний.

«Боже милосердный, — подумала она, — куда я попала?»

Она резко обернулась и увидела, что Кеннисон все еще стоит, прислонившись к двери, ссутулившись и понурился головой. Он не двигался с места. Сара попятилась и задела ногой

кофейный столик. Кеннисон восторженно вскрикнул. В глазах у него стояли слезы. Он был похож на маленького ребенка.

— Все, — жалобно сказал он. — Уже ничего не осталось. — Он зажмурился и стиснул кулаки. — Но мы его заставим, — продолжал он почти нормальным голосом. — Я знаю как. Тебе... тебе будет нелегко, но это стоит того. Ты увидишь. Ты поймешь.

Это был спокойный, размеренный голос маньяка. Он двинулся к ней.

Сара ничего не понимала, да и не хотела понимать. Она мгновенно обежала кофейный столик и остановилась по другую его сторону, готовая броситься к двери. Но Кеннисон с неожиданной легкостью перепрыгнул через столик и отрезал ей путь.

— Нет, сестренка. Так не пойдет. Если ты мне поможешь, тебе будет не очень больно.

— Я вам не сестренка! — крикнула она. Он протянул к ней руки, и она попятилась к дивану. — Что с вами? — «Главное — чтобы он не мог меня схватить». Она вспомнила, какие сильные у него руки.

— Тебе страшно? — спросил он с какой-то странной усмешкой. — Это хорошо. Я защищу тебя.

— Страшно? — Она схватилась за подлокотник дивана и подвинула его вперед, чтобы загородиться. — Конечно, страшно, черт возьми! — Она запустила в него диванной подушкой, но он отшвырнул ее в сторону. Что бы еще в него бросить?

Сара метнулась влево, к окну, и провела обеими руками по стеклу. Механические паучки посыпались на ковер, продолжая плясать и дергаться. Она набрала полные пригоршни их и кинулась под защиту дивана как раз в тот момент, когда Кеннисон подбежал к окну. Повернувшись к нему, она из всех сил швырнула одного паучка прямо ему в лицо. Кеннисон попытался увернуться, но машинка угодила ему в щеку. Он вскрикнул от боли и прижал руку к щеке. Когда он ее отнял, ладонь была в крови. Сара швырнула в него еще одну машинку и кинулась к двери, крича через плечо:

— Уолт! Норрис! Помогите кто-нибудь!

Хелен покачала головой.

— Она не возвращалась, брат Кальдеро. Я здесь с тех пор, как она ушла, я бы видела.

— Черт, не нравится мне это. — Ред задумался, грызя ноготь. — Пустите-ка меня к ней в номер.

Хелен стояла в нерешительности. Ред не выдержал.

— Черт возьми, сестра, я же не подглядывать за ней собираюсь! Это серьезное дело. Наша сестра ушла в одиночку, без прикрытия, и до сих пор не вернулась. Пустите вы меня к ней в номер или нет?

Его вспышка не смутила Хелен.

— А какой будет толк от того, что я пушу вас к ней в номер? — спокойно спросила она.

Но Ред был не в настроении рассуждать спокойно. Он облокотился на конторку дежурной, так что Хелен пришлось податься назад.

— Не знаю, — сказал он. — Может, она вернулась, пока вы отлучались в туалет. Я хочу посмотреть. — Он еще несколько секунд смотрел прямо в лицо Хелен, потом выпрямился и отвернулся. — Пожалуйста.

Хелен протянула руку в ящик стола, схватила кольцо с ключами, встала и разгладила юбку.

— Идите за мной.

Ред последовал за ней.

— Я знаю, где ее номер, — сказал он. Очень может быть, что она уже там и спит сном праведницы. Ну, конечно. Пришла поздно, Хелен не было на месте, а остальных будить не стала. Тихонько прошла к себе и легла спать. Если она там, он устроит ей хорошую выволочку, чтобы неповадно было больше отправляться на операцию без прикрытия, да еще не ставить никого в известность о своем уходе и приходе.

А если ее нет...

Ну, в конце концов, она уже взрослая, верно? И вполне способна сама за себя постоять. Это мог бы подтвердить хоть Орвид Крейл.

Хотя нет. Нет такого человека, который мог бы постоять сам за себя в одиночку. Вот почему появилась эта идея всеобщего братства. Французы не ограничились свободой и равенством — этими диаметрально противоположными понятиями. Им пришлось добавить еще и братство, иначе ничего не получилось бы. Мы нуждаемся друг в друге. Или должны нуждаться — это, может быть, еще важнее. Дело не в том, чтобы всегда был прикрыт тыл, а в том, что, когда тыл прикрыт, не чувствуешь себя таким дьявольски одиноким. Я сторож сестре своей, а она сторож мне самому. Иначе ни в чем нет никакого смысла.

В номере ее не было.

Ред обошел все комнаты, зовя ее. Хелен терпеливо ждала в дверях. Вернувшись, он беспомощно взглянул на нее.

— Я же вам говорила, что ее еще нет.

— Но где она?

— У кузена Кеннисона. — Поджатые губы Хелен ясно показывали, что она думает о кузене Кеннисоне. — В «Кеннисон Демографикс». — Она приказала на телефон. — Можете позвонить туда, если вам от этого станет легче.

— Я... — Реду пришло в голову, что и выглядит он, наверное, таким же идиотом, каким себя чувствует. — Да, конечно. — Он взял трубку и набрал трехзначный номер. — Фрэнк? Что? Да, я знаю, который час. Это важное дело. Сделай для меня одну вещь, а потом можешь идти домой. Соедини меня с «Джонсоном и Ченгом». Правильно. Так, чтобы это не попало в счет за номер. — Он прикрыл трубку рукой. — Завтра, должно быть, об этом будет знать каждый член Ассоциации.

Хелен пожала плечами.

— Вы не первый, кого волнует статья девятнадцатая.

Ред предостерегающе нахмурился, но тут в трубке послышался гудок. Потом еще один.

— Черт, никто не подходит.

Но кто может там подойти? Ни Кеннисона, ни Сары там официально нет. Они просто не станут снимать трубку. Правда, Сара могла бы посмотреть на определитель номера и увидеть, что звонят от нее. Он бросил трубку.

Может быть, они пошли к Кеннисону. Правда, он не мог себе представить, зачем, да и не хотел об этом думать. Но это не исключено. Он приложил глаз к окуляру подслушивающего устройства. В поле зрения появилось окно квартиры Кеннисона, но расстояние было слишком велико, чтобы что-нибудь разглядеть.

— Прицел все еще верный, — сказал он и включил динамик, но слышно был только постукивание машинок-глушителей. Он понурился.

— И все равно это мне не нравится.

Хелен ничего не ответила. Он провел пальцем по телефонной трубке.

— Скажите-ка, брат Уолт появился до того, как Сара ушла?

На этот раз она обеспокоенно взглянула на него.

— А что? Да. Он прилетел где-то после обеда.

Ред стукнул кулаком по телефону, и аппарат со звоном полетел на пол. Из трубки послышался громкий гудок.

— Черт возьми, но он-то знает! Он должен был взять все в свои руки. Чтобы она знала, когда сообщить о себе и кому,

Он должен был обеспечить прикрытие. Скажем, Чу. И следить за ней! А он дал ей уйти в одиночку!

Хелен ничего не ответила. Она кусала губы, стараясь не смотреть на него.

— Он... Он ее не очень любит. За то, что она сделала. Ну, вы знаете. За распечатку.

— За распечатку? Господи, да какое это имеет отношение к делу? Было решение Совета. И совсем необязательно любить человека, чтобы с ним работать. Если бы без этого нельзя было обойтись, ни один оркестр никогда не смог бы сыграть.

Брату Половски придется за многое ответить. Не перед ним — перед Бетанкуром. Если он сам сделает Уолту выговор, все подумают — он сводит личные счета. Нет, пусть уж все будет по правилам. А потом он сможет отозвать Уолта в сторонку и заняться личными счетами.

Настойчивое гудение из трубки напомнило ему о телефоне, валявшемся на полу. Он нагнулся и поднял его.

— Вот это да, — сказал он, кладя трубку на рычаг. — Крепкая штука.

— Должно быть, многие швыряют телефоны на пол.

Он взглянул на Хелен.

— Да, должно быть.

Он сделал глубокий выдох, повернулся и сел на диван лицом к окну. За окном спал город. Машинки-глушители неумолчно барабанили по стеклу, как будто возвещая о том, что вот-вот начнется гвоздь программы. Ред скрестил руки на груди.

— Вас оставить здесь? — спросила Хелен.

— Хммм... Что? — Он взглянул на нее через плечо. — Ах, да. Да, я буду ждать ее здесь. Может быть, вздремну на диване. Позвоните мне, когда она появится на этаже.

Хелен тихо затворила за собой дверь, и в комнате стало темно. Ред подумал, не зажечь ли свет, но для этого пришлось бы встать, а у него не было сил. Устал. Если немного подождать, она придет. Завтра оба они как следует над этим посмеются.

Он не знал, сколько времени так просидел. Стук градин по стеклу становился то громче, то тише. Он задремал.

Внезапно какой-то новый звук заставил его очнуться. Из динамика несся шум, как будто волны бьются о галечный берег. Включился магнитофон, слышались еще какие-то звуки: топот бегущих ног, крик боли, потом голос: «Уолт! Норрис! Помогите кто-нибудь!»

Казалось, все на мгновение застыло в неподвижности. Ледяная рука сжала его сердце. Джексонвилл. Снова Джексонвилл!

Кеннисон оказался у двери раньше ее. Сара швырнула в него еще одного паучка, но промахнулась, и его крохотные ножки вонзились в дверь, как миниатюрные кинжалы. Еще один повис у Кеннисона на руке, но он, не обращая внимания, направился к Саре.

— Нет! — сказал он умоляющим голосом. — Все не так. Тебе должно быть страшно. Ты не понимаешь, играть нужно по правилам.

— Вы сошли с ума, Кеннисон. Уолт! Он хочет меня изнасиловать!

Она знала, что магнитофон в ее номере включится автоматически. Но что, если там никто за ним не следит? Они думают, что она в «Кеннисон Демографикс», а не здесь. И, наверное, сейчас спят.

Ну, по крайней мере она оставит им сообщение. Они будут знать, что произошло. Она швыряла паучков одного за другим в лицо Кеннисону, чтобы он не подходил, и, задыхаясь, отрывисто выкрикивала:

— Он заманил к себе Селкирка. Застал его врасплох. Без предупреждения.

Кеннисону, казалось, даже не приходило в голову, что ее слова кто-то может слышать. Он остановился и с недоумением посмотрел на нее.

— Но он же был из группы «К», сестренка. Он хотел тебя обидеть. Я тебя защитил. Разве ты не испытываешь благодарности?

«Благодарности!» Паучки кончились. Она снова отбежала к окну, чтобы подобрать с ковра еще несколько штук, но Кеннисон кинулся за ней, и задерживаться у окна было нельзя. Паучки захрустели у нее под ногами.

Пальцы Кеннисона вцепились в ее плечо. Она круто повернулась и изо всей силы ударила его в ухо. Потом вырвалась у него из рук, порвав блузку.

— Это неправильно, — жалобно сказал Кеннисон. — Ты не должна от меня убегать.

— Вы больны, Кеннисон. Очень больны. И жалки. — Это была правда. Ей все еще было страшно. Кеннисон — человек сильный, если ему удастся ее схватить, он сделает с ней все, что захочет. Но оцепенение, вызванное ужасом, прошло. Она видела перед собой уже не того шеголя с изысканными манерами, какого знала. Ее враг превратил-

ся в жалкого, несчастного человечешку. Она не испытывала к нему ненависти — невозможно ненавидеть больного.

Она увидела, что ее слова достигли цели. Кеннисон остановился и нахмурился, рот его приоткрылся.

— Болен?

Теперь вместо металлических паучков она швыряла в него словами и видела, что они ранят его глубже и опаснее, чем палка или камень.

— Да, больны. Вы отвратительны и гнусны. Вы выродок. — Она внезапно повернулась и указала на алтарь у двери. — Что сказала бы сейчас она?

Кеннисон вскрикнул и закрыл лицо руками.

— Нет! Пруденс! Она все видела. Но я должен был... Все шло не так, как надо. Вейл, Ульман, Селкирк, Бомонт. Ничего у меня не получалось, как надо. Я должен был показать, что еще могу что-то сделать. — Руки его опустились. — Пруденс понимает. Она мне помогала. Может быть, я выродок... Да. Мне это было мерзко. Но я не мог без этого. Без того, чтобы сознавать свою мерзость.

Он сделал шаг вперед, умоляюще глядя на нее.

— Останови меня. Пожалуйста.

Она изо всех сил ударила его ногой в пах. Он задохнулся и согнулся пополам, охватив себя руками и издавая такие звуки, словно его вот-вот вырвет.

— Всегда рада помочь другу, — сказала она, прыгнула к двери и распахнула ее.

Из груди ее вырвался вопль ужаса.

За дверью стоял Селкирк. И он был очень-очень зол.

XIII

Ред изо всех сил ткнул пальцем в кнопку вызова лифта. Сразу же зажглась стрелка «вниз», но он снова и снова нажимал на кнопку. Чем чаще нажимаешь, тем быстрее идет лифт; а может быть, и нет, но просто так стоять и ждать он не мог.

— Хелен, — сказал он дежурной, — вызовите сюда Босуорта и Половски. Скажите им, пусть сидят на подслушивании. Сара у Кеннисона дома, и там идет какая-то драка. Я еду прямо туда.

А прикрытие? Никогда не выходи на операцию без прикрытия! Но Уолт слишком разжирел, а малец — всего-навсего малец. Звякнул звонок, дверь лифта открылась, Ред

вошел в кабину и обернулся. Хелен уже разговаривала по телефону. Он придержал дверь.

— И скажите Фрэнку Чу, пусть меня прикроет. Объясните ему, в чем дело.

Лифт наконец остановился. Ред выскочил в вестибюль, пробежал мимо удивленно взглянувшего на него ночного портье и дремавшего тут же мальчишки-посыльного, выбежал на улицу и остановился. Надо поймать такси. Но терять время на ожидание казалось почти преступлением. Его подмывало пуститься бегом прямо на Телеграфную гору. Нелепость, конечно, но он не мог оставаться в бездействии.

Посыльный, движимый любопытством, вышел за ним.

— Не могу ли я помочь вам, мистер Кальдеро?

Конечно, посыльный знает, как его зовут, — все служащие стараются запомнить имена тех гостей, кто побогаче. Ред обернулся.

— Добудьте мне такси.

Мальчишка достал из кармана свисток и вышел на середину улицы. Ред подошел к нему и положил руку ему на плечо.

— Свисти, сколько хватит духу, сынок. Дело такое важное, что тебе и во сне ничего подобного не снилось.

На лице Селкирка почти весь правый висок занимал кровоподтек от удара Кеннисона. Струйки подсохшей крови спускались по щеке и подбородку на воротник рубашки. Из-под вздувшихся, почерневших век глядели злые, безжалостные глаза.

В руке у него был пистолет.

— С дороги, девка, — прорычал он. — Где эта гадюка? — Он оттолкнул ее и шагнул в комнату. — А, вот ты где! — Он усмехнулся; от этого рана на губе, уже начавшая затягиваться, лопнула, и по подбородку потекла кровь. Он поднял пистолет.

— Нет, не надо!

Сара вцепилась в его руку, державшую пистолет. Селкирк отмахнулся.

— Все по порядку. С тобой будем разбираться потом. Посмотрим, что ты знаешь про Societe*.

Он уперся ногой ей в живот и оттолкнул ее. Сара покатилась на пол. Селкирк навел пистолет на Кеннисона.

* Общество (франц.).

Ее рука нащупала на ковре что-то колючее. Это был один из паучков, которыми она швыряла в Кеннисона. Она схватила его и изо всех сил запустила Селкирку в лицо. Он вскрикнул и повернулся к ней.

И тут — Сара не поверила своим ушам — звякнул звонок лифта.

Дверь все еще стояла открытая настежь. Сара сделала отчаянный бросок, выскочила в коридор и вцепилась в дверную ручку. Она услышала позади испуганный возглас Селкирка:

— Эй! погоди...

Дверь за ней захлопнулась.

— Не отпускайте лифт! — крикнула она и кинулась бежать по коридору. До лифта было шагов десять. Около него стоял в нерешительности какой-то подвыпивший парень, только что вышедший из кабины. Он уставился на нее оловяными глазами и ухмыльнулся.

— Привет, крошка, — сказал он. — А как насчет...

Дверь квартиры Кеннисона открылась, в коридоре показался Селкирк. Увидев Сару с парнем, он поднял пистолет. Парень выпучил глаза. Сара влетела в кабину лифта, втащив его за собой. Он потерял равновесие и свалился у задней стенки кабины. Она нажала кнопку нижнего этажа.

За мгновение до того, как створки двери сомкнулись, что-то вроде рассерженного шершня пролетело по воздуху и раскололо пластиковую панель у самой головы парня.

— У него пушка, — выговорил он.

— Это точно, — отозвалась она.

— Эй, сестренка, что это за белый с пушкой и чего ради он по тебе палит? — сердито спросил парень. При слове «сестренка» Саре вспомнился Кеннисон с его гнусными играми.

— По-моему, он палил по тебе, — сказала она.

— Ах, вот как?

Больше он ничего не сказал. В кабине слышался только гул мотора.

Селкирку ничего не стоило пристрелить ее, когда он ворвался в комнату. Но он этого не сделал. Хотел допросить ее? Но тогда почему он не застрелил ее, увидев, что она вот-вот скроется?

Как раз в тот момент, когда лифт со вздохом остановился, ей пришла в голову неожиданная мысль, от которой Сара, не удержавшись, даже хихикнула. Парень поднял глаза от

разбитой пулей панели, которую удивленно созерцал, и в недоумении уставился на нее.

«Смотри-ка, какая я важная птица, — ведь это за мной идет охота!»

Когда они вышли, Сара повернула красный выключатель, отключающий лифт. Зазвенел звонок, как будто где-то вдалеке сработал будильник. Сара прикинула, сколько может пройти времени, прежде чем кто-нибудь соберется посмотреть, в чем дело. Конечно, есть еще лестничная клетка, а квартира Кеннисона всего лишь на пятом этаже, так что Селкирк вполне может пуститься в погоню, но по крайней мере она получила кое-какую фору.

Дежурного швейцара в этом доме не держали. Сара увидела, что дверь расщеплена, из нее торчат погнутые куски металла — это Селкирк взломал замок, чтобы войти. Она выбежала на тротуар.

Холодный ночной воздух ударил ее по легким, как ножом, она задохнулась и, съехившись, обхватила себя руками. Резкий ветер с моря ворвался через дыру под блузку, и у нее сразу замерзло плечо. Она растерянно оглядела темную, пустую улицу. Из рта ее густо валил пар.

Она услышала голос парня из лифта:

— Ты в порядке? Что это был за тип? В чем дело — наркота?

Парень опасливо смотрел на нее. От ночного воздуха он сразу протрезвел и только теперь сообразил, какой опасности подверглся.

— Нет, — ответила она, лихорадочно изобретая какое-нибудь короткое, правдоподобное объяснение. — Разведка.

Ждать здесь было нельзя: вот-вот появится Селкирк.

— Я с тобой, — заявил парень. Это прозвучало так искренне и в то же время так явно нелепо, почти самоубийственно, что она на секунду задержалась и дотронулась до его руки.

— Нет, спасибо. Мне... Мне не впервой. («Господи, а ведь верно — не впервой!») Оставайся здесь. Спрячься. Сейчас сюда кое-кто приедет.

С этими словами она кинулась бежать сломя голову по улице, не оглядываясь. «Наверное, он уже убил Кеннисона», — подумала она, и ей стало его жалко. Только недавно она сама желала смерти Кеннисону, но приступ ярости уже прошел, сменившись трезвым пониманием реальности. Перед ней проплыли мертвые, неподвижные глаза Орvida Крейла, устремленные в ночное звездное небо, и застывшее в них удивление. «В следующий раз будет легче», — шепнул

его призрак. Легче устоять перед искушением. Одно дело — защищаться, другое — исполнить приговор. Она не хотела ничьей смерти.

Особенно своей собственной.

Небо впереди слабо светилось, но это был не рассвет, а всего лишь отблеск городских огней. Туман, наползавший от Золотых Ворот, ласково обволакивал город, словно призрачный любовник. Сирена на маяке в проливе выла, как загубленная душа.

Слава богу, что она сохранила форму. Все эти выходные в горах и тренировки на выживание. Кто бы мог подумать? Она начала задыхаться, но не замедлила бега.

В ушах у нее что-то непрерывно щелкало. Что это? Она остановилась, звуки прекратились. Тяжело дыша, она прислушалась, потом побежала дальше. Щелчки возобновились. Она сообразила, что это ее собственные каблучки стучат по асфальту. Их стук звонко разносился по пустынной улице в туманном ночном воздухе.

Не останавливаясь, она сбросила сначала одну туфлю, потом другую и осталась босиком. Ей показалось, что теперь она бежит быстрее — так бегали по затянутым жарким туманом африканским джунглям ее крепконогие и выносливые предки-воины. Сейчас они, невидимые, бежали рядом, ободряя и поддерживая ее. Только здесь туман тянулся с Тихого океана, джунгли были бетонные, а под ногами лежал сырой, холодный асфальт.

Она услышала сзади бегущие шаги. Кожанные подметки шлепали по тротуару. Шаги удалялись. Она с облегчением закрыла на мгновение глаза и остановилась передохнуть, согнувшись, упираясь руками в колени и лоя ртом воздух.

Но тут она услышала, что шаги изменили направление и стали приближаться. Она побежала дальше, стараясь не думать о том, что уже выбилась из сил.

Ей пришлось в голову — не стоит ли крикнуть, разбудить кого-нибудь в этих спящих домах, позвать на помощь. Но кричать было нельзя. Селкирк сразу поймет, где она, и догонит ее раньше, чем кто-нибудь успеет проснуться. К тому же скорее всего никто не отзовется. А если и отзовется, то спросонья, не понимая, что происходит, вряд ли будет в состоянии помочь ей справиться с Селкирком.

Она увидела справа открытое место. Парк. Она пересекла улицу и побежала по газону. Трава, обильно покрытая росой, хлестала ее по щиколоткам, ноги сразу вымокли и онемели от холода. Она наступила на камень, громко вскрикнула от внезапной боли, но тут же подавила крик. Однако в ночной

тишине он прозвучал отчетливо, и преследователь свернул за ней. Она выругалась про себя и из последних сил побежала дальше, слегка прихрамывая на ушибленную ногу.

Неожиданно она выбежала на автостоянку у памятника Христофору Колумбу. Четырехметровая бронзовая фигура стояла неподвижно, вперив орлиный взор куда-то вдаль. За ней поднималась высокая ребристая колонна башни Койт-Тауэр. Сара поняла, что оказалась на дальнем, глухом краю Телеграфной горы.

Ред остановился у двери квартиры Кеннисона и приложил к ней ухо. Ничего не было слышно. Никаких звуков борьбы. Значит, все кончилось. Но чем?

Кто-то покинул здание, убегая от погони. Об этом свидетельствовал отключенный лифт на первом этаже. «Хоть бы это была Сара, — подумал он. — Хоть бы это Сара успела убежать».

Он сунул руку под пиджак и ничего там не нащупал. «До чего же я устал, — подумал он. — Пойти на дело без оружия!» Он точно вспомнил, где остался его пистолет, — в запертом и перевязанном веревкой чемодане, который посылный отнес к нему в номер.

Замок в дверях квартиры Кеннисона был с секретом, но Реду понадобилось всего несколько секунд, чтобы его отпереть. Будь у него ключ, на это ушло бы не меньше времени.

Из-за двери торчали чьи-то ноги. Реда шатнуло, он схватился за дверную ручку, перевел дух и шагнул в комнату, закрыв за собой дверь.

В два прыжка он оказался около тела, опустился на одно колено и вгляделся в лицо лежавшего человека. Это был Кеннисон. Глаза его были устремлены в потолок, весь перед рубашки залит кровью, на ковре под ним растеклась липкая лужа. Как ни странно, Ред не почувствовал никакого облегчения. По дороге сюда он только и думал о том, как отколотит Кеннисона до потусмерти, но увидев это... «Не Сара ли его застрелила? — подумал он. — Она прекрасно обходится без меня»..

Он встал с колена, отряхнул брюки и включил динамик подслушивающего устройства.

— Босуорт, что случилось?

— Мы сейчас прокручиваем пленку обратно...

Его перебил Половски.

— Эй, Джимми! Прости, что так получилось. Это я во всем виноват. Я тут был старший и должен был присмотреть, но...

— Ладно, перестань. Скажи мне только, что произошло.

Ред быстро осмотрел комнату. Добравшись до душевой кабинки, он несколько секунд колебался, прежде чем отдернуть занавеску. Ему стало страшно — что он увидит за ней? Но там было пусто. Сары нигде не было. Он на мгновение прикрыл глаза. Слава богу!

— Мы прослушали пленку, — сказал Половски, когда Ред вернулся в гостиную. — Насколько можно понять, в тот момент, когда Сара отбивалась от Кеннисона, явился Селкирк. — Уолт понизил голос. — Боже мой, Джимми, послушал бы ты, что там нес ей Кеннисон! Вот это фрукт! Но у этого Селкирка на Кеннисона какой-то зуб, и пока он расправлялся с нашим приятелем, Сара удрала. Он побежал за ней. Один раз выстрелил — видимо, в коридоре. Звук был какой-то другой.

— В кабине лифта дырка от пули. Крови нет. Наверное, промазал. Она, должно быть, побежала на восток, по Ломбард-стрит. Если бы она бежала в другую сторону, я бы ее видел. Где Чу?

— Он уже ехал домой, но мы связались с ним в машине, сейчас он едет обратно. Будет примерно через полчаса.

— Черт! Я не могу ждать.

— Пусть малец дежурит тут, Джимми. Я сейчас поймаю машину и приеду.

— Хорошо. Но я ждать не буду. Очень может быть, что счет идет на секунды.

Ред кинулся к двери, но протянутая рука Кеннисона схватила его за штанину. Ред вскрикнул от испуга и неожиданности и попробовал вырвать ногу. Потом он наклонился над Кеннисоном и поглядел ему в глаза.

— Джеймс... — раздался хриплый, задыхающийся шепот. — Джеймс, простите меня...

— Вот черт! Этот сукин сын, оказывается, еще жив!

— Кто? — спросил Половски. — Кеннисон?

— А сколько тут, по-твоему, еще сукиных детей? Конечно Кеннисон. Скажи Хелен, пусть поскорее пришлют врачей. — Ред стряхнул руку Кеннисона, сжимавшую его ногу железной хваткой. — Возьми на себя эту точку, Уолт. Вместе с Хелен. Вы знаете, что делать. Нельзя, чтобы здесь что-нибудь обнаружили.

А стоит ли? С того самого момента, когда появилась на свет бомонтовская распечатка, они только и делали, что в панике откачивали воду. Но в стране хватает людей вроде Донга и Ллуэлин. Пытливых и настойчивых. Историков и

математиков, неожиданно оказавшихся бок о бок. Стоит ли пытаться скрыть то, что произошло здесь?

Стоит. Потому что, черт возьми, дистанцию надо бежать до конца.

— Я ей ничего не сделал, Джеймс.

Ред взглянул на Кеннисона и подумал — не умирает ли он?

— Я хотел. Я пытался. Но я ничего не сделал.

— Ладно, считайте, что я наградил вас за это медалью.

Ред повернулся, чтобы уйти.

— Нет... — Рука снова потянулась к его ноге, дрогнула на полпути и упала. — Джексонвилл.

Ред думал только об одном — нужно скорее бежать вслед за Сарой и Селкиром. Но тут он замер на месте.

— Что Джексонвилл? — переспросил он, не глядя на Кеннисона.

— И за это тоже меня простите.

— Я вам не священник. Хотите, чтобы вам отпустили грехи, — просите прощения у Алисы. Похоже, вы скоро с ней увидите. Хотя вам, вероятно, прямая дорога в другое место.

— Простите.

Ред повернулся и крикнул:

— Черт вас возьми, мы играем по правилам! Я за нее отвечал! Мы договорились, что ее не тронут! Но вы забыли отозвать своего человека. Она положила на меня, а я из-за вас ее погубил!

В уголках рта у Кеннисона пузырилась пена.

— Вы меня ненавидите. И за дело. Один раз... Один раз я оставил врага умирать, — признался он. — Одного. В темноте.

«Чего он от меня хочет?» Ред повернулся к двери. «Саре я нужен больше, чем ему». Взявшись за дверную ручку, он остановился.

— Помощь едет сюда. Я не настолько вас ненавижу, Дэн. Голова Кеннисона повернулась к нему.

— Тогда... останьтесь... со мной.

Ред отворил дверь.

— Но и не настолько вас люблю.

Как только Ред вышел на улицу, какой-то молодой чернокожий выскочил из кустов и преградил ему путь. В руках у него был нож, который он держал так, чтобы Ред его видел. От парня несло перегаром — видимо, немало выпил.

— Твое такси уехало, мистер. Они долго ждать не любят.

Реду было не до разговоров. Он отступил на шаг и встал в стойку.

— Это тебя она ждала?

— Что?

Ред настолько не ожидал услышать такое от этого пьяницы, что задержал удар.

— Дамочка, что выбежала отсюда. Она сказала, что сейчас сюда кто-то приедет. Это ты и есть?

Ред медленно разжал кулаки.

— Высокая, чернокожая?

Парень кивнул.

— Это я. Я ее друг.

Парень подозрительно взглянул на него.

— Ты белый.

— Ну и что из этого? Разве черный и белый не могут быть друзьями?

— Человек, который за ней гнался, тоже был белый.

— Небольшого роста, молодой? Лохматый, рыжий, бородатый?

— Ага, он самый. Он выбежал через минуту или две после нее. С пистолетом, гад. Выстрелил в меня в лифте. Черт, никогда я так быстро не трезвел. — Он усмехнулся и подбросил на руке нож. — Скажи-ка мне, светлокожий, это из-за наркоты? Из-за маминых слезок?

— Слезок? А, нет. Мы... из разведки. Показать мой значок? Настоящий. Правительство США.

— Она то же самое сказала. Разведка и все такое. Нет, не надо мне твоего значка. — Он убрал нож. — Белые целых сто лет изводят нас наркотой. Но я тебе верю. Она затащила меня в лифт. Спасала свою шкуру и все-таки затащила меня в лифт. А могла оставить меня там умирать.

— Не могла она это сделать. — Ред вспомнил про Кеннисона, лежащего там, наверху. — Послушай. Поднимись в пятьсот десятую квартиру. Дверь я оставил открытой. Там один человек, с огнестрельной раной. Возможно, он умирает. Он... Не надо ему быть одному. Мой человек сейчас приедет. Такой рослый, толстый белый. Скажи ему, что тебя поставил там Джимми. Его зовут Уолт. Он сделает все, что надо.

Ред повернулся, чтобы идти.

— Эй, погоди. Я пошел за ними. За этим бороатым и сестренкой. Они побежали через Парк Первопроходцев к Койт-Тауэру.

Ред остановился.

— Ты шел за ними?

— Ага. Немного, только посмотреть, куда они побегут.

Потом вернулся сюда и стал ждать. Я решил — какого черта, почему бы и нет? Не так уж это много, но я подумал — ведь она спасла мне шкуру.

— Да, — сказал Ред. — Она это любит.

Она замерзла, промокла; пораненная о камень подошва болела и сочилась кровью. Дыхание судорожно вырывалось у нее из груди. Она поняла, что дальше бежать не может. Нужно где-то спрятаться. Над ней возвышалась колонна Койт-Тауэра, массивная и в то же время стройная. Круто поднимавшиеся вверх бетонные ребра увлекли ее взгляд далеко в вышину, туда, где на макушке колонны сидела бетонная птица, раскинув крылья в торжествующем полете. Феникс, восставший из пепла. Смерть и воскресение. Сара, шатаясь, побежала вверх по ступенькам. Смерть и воскресение.

Вход в башню преграждала вращающаяся дверь. Сара схватилась за ручку и потянула, но дверь была заперта. Она всхлипнула от отчаяния и всей тяжестью тела с размаху ударилась в дверь. Дверь задребезжала, но не поддавалась. Боль пронизала ее плечо, она, шатаясь, сделала шаг назад, согнулась, охватив плечо другой рукой, и оглянулась. Сел-кирка еще не было видно.

Она снова повернулась к двери и увидела, что с той стороны на нее кто-то смотрит сквозь стекло. Она вскрикнула от неожиданности и тут же зажала себе рот. Там стоял пожилой человек в форме охранника, в руке он держал термос.

— Эй, дамочка, что это вы тут задумали? — донесся до нее голос, приглушенный стеклом.

Она прижалась лицом к двери.

— Впустите меня, прошу вас. У него пистолет.

— Что? — Старик нахмурился, взглянул через ее плечо, потом снова на нее. — В чем дело?

Она только молча умоляюще смотрела на него. Решившись, сторож вытащил из кармана кольцо с ключами и отпер замок. Сара толкнула дверь и протиснулась внутрь. Навстречу ей вырвался воздух, резиновые пластины двери шлепнули по дверной раме. Она упала на четвереньки.

— Заприте дверь, скорее!

— Что случилось, мисс? А где ваши туфли?

— За мной гонится человек. У него пистолет. Здесь есть телефон?

Сторож выпрямился, заморгал глазами и ткнул термосом вправо.

— Вон там. Эй, погодите.

Сара остановилась.

— Что?

— Вот.

Сторож порывлся в кармане, вытащил четвертак и сунул ей в руку.

— Это автомат.

— Спасибо. Послушайте, если он начнет ломиться в дверь, не отвечайте. Он подумает, что тут никого нет и впустить меня было некому, и пойдет искать меня куда-нибудь еще.

— Вы говорите, мисс, у него пистолет? Меня поставило здесь управление парков, чтобы сюда не лазили мальчишки и не портили росписей. Ни в какую перестрелку я ввязываться не собираюсь. Это дело полиции. Если этот тип явится сюда, я буду сидеть тихо. — Он усмехнулся, показав выщербленные зубы. — Что-что, а это я умею — еще во Вьетнаме научился.

Сара двинулась в глубь вестибюля, сжимая в кулаке четвертак, но тут же остановилась. Все стены внутри были покрыты росписью. Повсюду работали огромные, больше натуральной величины, люди. Одни пахали, другие размахивали молотом, третьи собирали апельсины. Колорит росписей был мрачный, лица насупленные и сердитые. На правой стене был изображен заросший бурьяном двор верфи и угрюмые безработные докеры. Прямо впереди, по обе стороны двери, виднелись сцены из жизни фермеров: слева — идиллический пейзаж девятнадцатого века, справа, в резком контрасте с ним, — современная механизированная ферма с бульдозером, вгрызающимся в склон холма. А с панели над дверью глядела пара всевидящих глаз в окружении солнца, луны, грозowych туч и молний.

Ничего подобного она еще не видела. Росписи шли вокруг всей башни, покрывая сплошным ковром стены кольцевого коридора.

«Социалистический реализм», — подумала она. Гимн труду, пропетый теми, кто никогда сам не работал руками. Вряд ли художник изобразил бы в таких идиллических тонах доиндустриальную ферму, доведись ему на ней попотеть.

За дверью, перед которой стояла Сара, виднелся лифт и начало лестницы, вход на нее преграждала металлическая загородка. Подойдя к двери, Сара попробовала ее открыть и обнаружила, что дверь открывается только изнутри. Она сложила ладони трубкой, всмотрелась сквозь стекло и разглядела турникет и какую-то нишу.

— Я сказал, что телефон справа, — раздался позади нее голос подошедшего сторожа. Он подвел ее к небольшой нише во внутренней стене коридора. — Я буду в лавке сувениров, если понадобится.

Сара опустила монетку и набрала свой номер в гостинице. На втором гудке трубку снял Босуорт.

— Норрис? Норрис! — Она обеими руками сжимала трубку. Как приятно услышать дружеский голос! — Это Глория. Я...

— Сестра Беннет! Мы так беспокоились... Брат Кальдеро уже там?

— Ред? Он вернулся? — Почему при этой мысли она почувствовала такое непонятное облегчение? Ведь здесь его все равно нет. — Что значит — там? Откуда он знает...

Она услышала громкий стук в дверь башни. Кто-то звякнул замком. Сара попятилась поглубже в нишу и понизила голос до шепота. — Слушай, Норрис. Я в Койт-Таузере. За мной гонится Алан Селкирк. Кажется, он убил Кеннисона...

— Нет, брат...

— Слушай, Норрис! — настойчиво продолжала она. — Может быть, он не видел, как сторож меня впустил...

Раздались два приглушенных выстрела. В воздухе провизжали пули. Послышался звон разбитого стекла.

— А может быть, видел. Он только что разбил дверь выстрелом.

Сара отшвырнула трубку, выбежала из ниши и побежала наискосок вправо, подальше от входной двери. На нее бесстрастно смотрел со стены огромный строитель, рядом, глядя в сторону, стоял топограф. Она пробежала мимо группы мрачных литейщиков.

— Пс-с-с! Сюда!

Сторож, стоявший у входа в лавку сувениров, делал ей знаки. Она нырнула за ним в дверь. Прямо перед ней оказался прилавок, справа касса для продажи жетонов — «НА ЛИФТЕ ДО САМОГО ВЕРХА», слева турникет, который вел к лифту. Оба забились в угол, который не просматривался от главного входа.

— Где второй выход? — спросила она шепотом.

— Второго выхода нет.

— Нет? — («Значит, мы в западне».) — Простите, что впутала вас в историю.

Он пожал плечами.

— Это я сам вас впустил.

«Или не в западне? Коридор идет по кругу. Если не попасться на глаза Селкирку, пока он не окажется на север-

ной стороне...» Сара вспомнила, как увертывалась от Крейла на горе Фалкон, стараясь, чтобы кирпичная стенка всегда оставалась между ней и убийцей. Может быть, это удастся и сейчас? Она снова ощутила весь ужас, который испытывала тогда, и холодный пот выступил у нее на лице и руках. Рана на ноге болела.

Задребезжала внутренняя дверь. Селкирк пытается открыть ее, как это только что делала она. Но это выход для тех, кто уже побывал на верху башни. А вход там, где прячутся они со сторожем.

Старик прижался к стене рядом с ней. Его глаза большими белыми пятнами выделялись на темнокожем лице, дыхание было неровным и прерывистым. Сара дотронулась до его руки, показала в ту сторону, где был Селкирк, и описала в воздухе дугу. Потом ткнула пальцем в себя и сторожа и показала в сторону турникета. Старик проглотил слюну, провел языком по губам и кивнул.

Она вслушивалась в почти бесшумные шаги Селкирка, пытаясь мысленно представить себе все его передвижения. Пауза. Какой-то звук. Он обнаружил телефонную трубку, болтающуюся на шнуре, и повесил ее. Теперь он знает точно.

Открылась какая-то дверь. Какая? Она зажмурилась и начала лихорадочно припоминать. Прямо напротив ниши с телефоном — мужской туалет. «Какая методичность, — подумала она. — Проверяет все места, где можно спрятаться, начиная от главного входа. Войдет он в туалет? Нет. Откроет дверь и заглянет внутрь. Чтобы никто не мог проскользнуть мимо. Сиди тихо, Сара. Сиди тихо. Дальше женский туалет. По другую сторону от входа. А потом... Он идет по коридору по часовой стрелке. Значит, до входа в лавку сувениров доберется в последнюю очередь». Она осторожно сделала выдох. Стоило ему пойти против часовой стрелки, и он обнаружил бы их раньше, чем они смогли бы хоть что-нибудь предпринять.

Она подождала, пока его шаги не затихли. Потом метнулась босиком к турникету и перескочила через него, приземлившись на носки. От этого рана на ее подошве раскрылась, и ногу пронизала острая боль. Сторож протиснулся через турникет вслед за ней.

Теперь — прямо, через дверь, которая ведет от лифта к выходу, а там — через вращающуюся дверь главного входа и вниз по ступеням. Босиком по битому стеклу. Успеют они выскочить раньше, чем Селкирк услышит их и прибежит по коридору с той стороны? Но другого шанса не будет.

Тихо, но быстро. Она на цыпочках подошла к двери и осторожно открыла ее. Потом бросилась к главному входу...

И не успела сделать трех шагов, как оказалась в крепких объятиях Селкирка.

Вращающаяся дверь была разбита выстрелом. В пустой раме торчали маленькие, острые, как зубья пилы, осколки стекла. Ред внимательно разглядывал дверь, пытаясь сообразить, какого калибра пистолет у Селкирка. Впрочем, какая, к черту, разница? Что шесть миллиметров, что десять — и то и другое одинаково смертельно. Конечно, разумнее всего было бы подождать, пока не появится Уолт. Он-то будет при оружии, тогда шансов станет побольше.

Это, безусловно, куда разумнее, чем штурмовать Койт-Тауэр с голыми руками.

— Какого черта, когда это я отличался благоразумием? — проворчал он вслух и, не раздумывая больше, прыгнул вперед, через разбитую двойную панель двери. Приземлившись внутри башни, он откатился в сторону, вскочил на ноги, осмотрелся и скользнул в нишу с телефоном.

Выстрела не последовало. Хорошо это или плохо? Может быть, это значит, что Селкирка здесь больше нет? Он мог уже прийти и уйти. А если так...

Он вздрогнул. Об этой возможности он думать не желал. Надо верить, что Сара еще жива, а это значит — надо верить, что Селкирк все еще внутри, с пистолетом, и поджидает его.

«Он не знает, что я без оружия». Если бы он остался у входа, чтобы стеречь дверь, он мог бы с таким же успехом попасть под выстрел мне. Не у каждого хватит духу стоять так и ждать. Но если он не стережет у главного входа, то где он? Думай, Мелоун! Три возможных варианта: или на той стороне, или наверху, или вообще его здесь нет.

Он взглянул вниз и увидел кровь на полу. У него замерло сердце. Кто-то стоял у телефона, и с этого человека на пол капала кровь. Ред встал на колени и внимательно поглядел на кровавое пятно. Это был след ноги. Судя по размеру — ее ноги. Он посветил фонариком и обнаружил еще два следа.

Когда она вошла в дверь, ее нога уже кровоточила. Она подошла к телефону. Конечно, она постарается позвонить при первой же возможности. Значит, Босуорт уже знает, что она здесь, и сообщил Уолту по рации. Чу поедет сюда сразу же, как только вернется.

«А пока действовать приходится мне».

Лежа на животе, он осторожно выглянул из-за угла. Ничего не видно. Поглядел в другую сторону — тоже ничего.

Он пожалел, что плохо знает Селкирка: тогда было бы понятно, чего от него можно ждать. Ну, ладно — вперед. Он вышел из ниши и распластался по внутренней стене коридора. «Ты спятил, Мелоун. Ты это понимаешь? Подожди Уолта. Какой толк будет Саре, если тебе сейчас прострелят твою дурацкую голову?»

Ред начал красться вдоль стены, пока не добрался до входа в лавку сувениров. Он прыгнул внутрь и сразу откатился вправо.

И наткнулся на тело.

XIV

Селкирк плотно зажимал ей рот рукой, хотя она и не пыталась кричать. Они стояли на смотровой галерее, больше чем на половине высоты башни. Ночной ветер свистел в открытых арках по бокам башни, рвал на них одежду и трепал волосы. Сара сразу закоченела и стояла, съжившись и крепко обхватив себя руками. Зубы у нее стучали. Арка, под которой они стояли, приходилась над входом в башню, и время от времени Селкирк поглядывал поверх перил на автостоянку, лежавшую метрах в тридцати внизу.

— Не беспокойся, — сказал он. — Он уйдет, как только увидит, что здесь никого нет.

Именно это ее и беспокоило, но предпринять она ничего не могла. Ключами, отобранными у сторожа, Селкирк запер лифт, а лестница перегорожена железной решеткой. Ред решит, что подняться наверх никто не мог.

Селкирк отнял руку от ее рта.

— Прошу прощения, моя красавица. Что ты сказала? Только тихо, — он многозначительно помахал пистолетом.

— Не надо было убивать старика, — сказала она, стиснув зубы. «И почему его, а не меня?»

Селкирк знал, что из башни нет второго выхода. Поэтому он ждал сбоку от наружной двери, пока Сара там не появилась. Он схватил ее и пригрозил сторожу пистолетом. Но когда он тащил ее к двери, на автостоянке показался Ред. Тогда Селкирк вернулся и хладнокровно выстрелил старику прямо в сердце.

Селкирк удивленно взглянул на нее.

— Как же не надо? Подумай сама. Не мог же я тащить его сюда. Если бы Кальдеро не нашел сторожа на первом этаже, он решил бы, что все мы здесь, наверху. Но и просто так оставить его внизу я тоже не мог — он сказал бы Каль-

деро, где мы. Даже если бы лежал без сознания, мог бы прийти в себя. А так... — Селкирк умолк и снова взглянул через перила. — Так Кальдеро решит, что я побывал здесь, застрелил сторожа и увел тебя с собой еще до его прихода. Я действовал всего лишь логично. Мы ведь не чудища какие-то, без всякой цели мы людей не убиваем.

Самым ужасным в словах Селкирка Саре показалось то, что он произнес это совершенно искренне. Конечно, без цели они не убивают — но только цели у них гнусные. Конечно, он рассуждал логично, — но когда логические рассуждения основываются на гнусных посылках, они приводят к гнусным выводам. «Пришлось уничтожить деревню, чтобы ее спасти». Все верно, все логично. И гнусно. Мирное, цивилизованное общество возможно только тогда, когда все разделяют некие общепринятые взгляды. А когда кто-то исходит из иных предпосылок, то выводы, к которым он приходит, отдают безумием. Она поглядела Селкирку в глаза и увидела в них младенческую невинность социально больного человека.

— Тогда почему вы не убили и меня тоже? — спросила она.

Он взглянул на нее.

— В этом нет нужды, моя красавица. Ты нам поможешь.

— Никогда.

— Но ведь мы поможем тебе выручить твоего друга.

— Что?

— Тихо, моя красавица. — Он снова зажал ей рот рукой и огляделся. — Твоего друга — Френча. Он у Бернштейна в Манхэттене, только мы никак не можем к нему подобраться. Его квартира — как крепость. Но тебя он, может быть, впустит.

— Не понимаю. А зачем вам думать о том, как выручить Денниса?

Он пожал плечами.

— А я об этом не думаю. Я думаю о том, как добраться до Бернштейна. Он опасен. Он бросил вызов Cabinet Cachee*. Действовал вразрез нашей политике. Ты поможешь нам до него добраться, а мы в награду выручим твоего друга.

Сделать выбор было нетрудно. Бернштейн — противник Селкирка в борьбе за власть внутри группы «К». Это не значит, что он хороший. Но это значит, что он враг того, кто только что выстрелил в сердце старику, потому что это логично.

* Тайный кабинет (франц.).

— Почему вы думаете, что я захочу вам помочь, какая бы ни была награда?

— Это упростит нам дело, — загадочно ответил он. — Хотя необходимости в этом нет.

Тело принадлежало пожилому чернокожему в черно-серой форме охранника. Одного взгляда на рану было достаточно, чтобы Ред понял: этот готов. Выстрел в сердце. Пол и часть стены были забрызганы кровью. Ред привстал, чувствуя дурноту. Черт возьми, этот охранник был безоружен, но Селкирк все равно его застрелил. Зачем? И куда делась Сара?

Проклятый Кеннисон, все это его рук дело.

Ред быстро осмотрелся. Лавка сувениров, касса для продажи жетонов. Он долго не решался заглянуть за прилавок, но потом все же собрался с духом и посмотрел, опершись на него дрожащими, подламывающимися руками.

Убедившись, что там ее нет, он прислонился к будке кассы, чувствуя облегчение и в то же время тревогу. «Возьми себя в руки, Мелоун. Если ты будешь в таком состоянии, когда ее найдешь, от тебя толку не будет».

Он обошел тело сторожа и пролез через турникет к лифту. «Селкирк — не маньяк-убийца, он не прикончил бы сторожа зря. Старик не защищался — ему лет шестьдесят, и он был без оружия. Но тогда зачем? Потому что сторож видел что-то такое, что Селкирк хотел скрыть. Лицо Селкирка? Возможно. Его связь с группой «К»?» Ред сердито встряхнулся. Пустые рассуждения, ни к чему они не приведут.

«Начнем сначала. Внизу, наверху или еще где-то. Внизу — отпадает. А наверху? Туда можно проникнуть двумя способами». Ред потряс решетку — она была на замке. Нажал кнопку лифта — никакого результата. Лампочки не горят, значит, лифт отключен. Наверное, его всегда отключают после закрытия.

«Значит, здесь Селкирка нет. Наверное, ушел до моего прихода. Или с Сарой, или вслед за ней». Ред уже подошел к выходу, но, взявшись за ручку двери, остановился. Он оглянулся через плечо, потом тихо вернулся к лифту и опустил на четвереньки.

Да. Еще один кровавый след. И еще несколько. Перед самым лифтом. И поверх некоторых — отпечатки обуви. Ред вернулся к трупам сторожа и обшарил его карманы. Ключей не было. Он присел на корточки, положив руки на колени. Потом посмотрел в потолок, вытер руки о штаны и тыльной стороной ладони утер рот. Она там, наверху. Теперь

он знал это точно. И Селкирк тоже там. Затаился. Хочет избежать стычки. «Не так уж ты храбр, когда думаешь, что твой противник вооружен?»

Если только он там. Ладно, подумаем. Оценим шансы. По Клаузевицу*, исход битвы определяется произведением $N \times Q \times V$: численность сражающихся, их боевой дух и все переменные, влияющие на ход сражения. Тот, у кого произведение $N \times Q \times V$ больше, остается победителем. Клаузевиц даже выразил свою теорию в виде математической формулы. Уж не был ли старый генерал тайным клиологом? Вся заковыка в этом проклятом V — в переменных, влияющих на ход сражения. Так что мы имеем? Минусы: я без оружия; Селкирк вооружен и убивает не раздумывая. Он занимает позицию наверху, оба подхода к ней перекрыты. У него в руках Сара — потенциальный заложник. Плюсы...» Ред едва удержался, чтобы не усмехнуться. «Мое природное обаяние. И отмычка». Он взглянул на металлическую решетку, преграждавшую вход на лестницу. Если бесшумно отпереть замок, у него появится преимущество внезапности. Этого Селкирк не ожидает.

Ред достал из кармана отмычку и принялся за работу. Замок был большого размера, не рассчитанный на то, чтобы противостоять умелому обращению. Один за другим штифты становились в нужное положение.

Селкирк переступил с ноги на ногу и взглянул на часы. — Когда же он, такой-сякой, уберется восвояси?

Никакого ответа он не ждал, и Сара промолчала. Она не знала, чего ей больше хотелось: чтобы Ред пришел и спас ее или чтобы он ушел невредимым.

Сзади!

Уголком глаза Сара уловила едва заметное движение на лестнице. Кто-то приближался к ним. О боже, это Ред! Сара тут же отвернулась, чтобы его не выдать. Показав пальцем через перила, она разочарованно воскликнула:

— Он уходит!

Селкирк, конечно, посмотрел в ту сторону.

Реду больше ничего и нужно не было. Он пробежал несколько шагов и прыгнул на Селкирка. Схватив обеими руками кисть его руки с пистолетом, Ред дернул ее вниз и в сторону. Прозвучал выстрел, пуля с визгом ударилась в балюстраду — осколки бетона полетели во все стороны. Не

* Клаузевиц, Карл (1780—1831) — немецкий генерал, военный теоретик и историк.

обращая внимания на удары, которые наносил ему левой рукой Селкирк, Ред снова и снова колотил его правую руку о перила, пока пистолет не выпал из пальцев. Ред оттолкнул пистолет ногой, он отлетел от балюстрады и заскользил вниз по лестнице. Сара бросилась вдогонку, схватила его и, держа обеими руками, навела на них. Она не так уж хорошо умела стрелять из пистолета: это оружие она недолюбливала и в стрельбе упражнялась куда меньше, чем в метании ножа.

Ред и Селкирк сплелись в тесном объятии, и стрелять Сара боялась. Она увидела, как Ред поставил Селкирку подножку, и оба, кряхтя от натуги, покатались на пол. Селкирк сумел высвободить руку и попытался выдавить Реду глаз, но Ред увернулся и боднул его головой. Затылок Селкирка ударился об пол.

Селкирк взглянул на Сару, увидел, что она держит их под прицелом, и неожиданно обмяк. Широко улыбнувшись, он поднял обе руки вверх.

Ред поднялся и отступил на шаг назад, не сводя с Селкирка глаз.

— Давно бы тебе появиться, — сказала ему Сара.

Он взглянул на нее.

— Да? Так вот, хватит нам с тобой встречаться таким способом.

Она хрипло рассмеялась, и Ред нахмурился.

— С тобой все в порядке?

— Если не считать множества ушибов и царапин? Так вот, меня чуть не изнасиловал один маньяк, за мной была погоня, меня захватили и угрожали смертью, и на моих глазах хладнокровно застрелили симпатичного пожилого человека только за то, что он хотел мне помочь. А в остальном у меня все прекрасно.

Ред что-то проворчал и посмотрел на Селкирка, который все еще стоял с улыбкой на лице, сцепив руки на голове. Его улыбка Сару не понравилась. Чему он так радуется?

— Где твой пистолет? — спросила она Реда.

Тот усмехнулся и пожал плечами.

— Я так спешил, что забыл его дома.

Она пристально посмотрела на него.

— Ты пришел без оружия?

— Я решил, что тебе надо малость помочь.

Она не знала, что и подумать. Сердце у нее защемило. А что, если бы Селкирк оказался проворнее? Что, если бы он следил за лестницей, а не за главным входом?

— Он ждал, когда ты сдашься и уйдешь.

— Еще немного, и я бы так и сделал — если бы ты там

не наследила. Кроме того, он убил сторожа. Зачем бы ему это понадобилось, если не для того, чтобы тот не рассказал мне, где вы? А если бы вы ушли из башни и исчезли в ночи, зачем было его убивать? — Ред пожал плечами. — Железная логика. С таким же успехом он мог бы оставить мне записку, что отправился наверх.

Сара видела, как потрясли Селкирка его слова. Улыбка на его лице дрогнула.

— Мне и в голову не могло прийти, что вы будете без оружия, — сказал он. — Я был бы рад обойтись без перестрелки.

— Ну да, — ответил Ред, — расстреливать случайных прохожих больше по вашей части. — Он неодобрительно покачал головой и повернулся к Саре. — Ну, а теперь, когда мы его заполучили, что с ним делать?

— Сдать полиции. Преднамеренное убийство. Я свидетельница.

— Открытый суд? Слишком рискованно. Кто-нибудь может наговорить лишнего. К тому же зачем вообще устраивают суд? Чтобы установить виновного. У тебя есть какие-нибудь сомнения, что он виновен? Единственное, чем может кончиться суд, — тем, что двенадцать болванов-присяжных отпустят его на свободу. Я вижу по меньшей мере два вполне правдоподобных сценария, как можно оправдать его и вместо этого обвинить меня или тебя. Это тебя устроит?

«Неужели Ред хочет сказать, что его надо казнить прямо тут, на месте? Взять правосудие в свои руки?»

— Я не могу его пристрелить, как он пристрелил сторожа.

— Это куда проще, — сказал Ред. — Меньше возни.

Она стояла прищурившись и держа Селкирка на мушке.

— Да, это было бы самое логичное, — грустно сказала она и увидела, что на лице Селкирка появилась кривая усмешка. — Только если я так сделаю, значит, я такая же, как он, а я так не могу.

— А ты должна остаться самой собой. — Она взглянула на Реда. — Я ведь тебе уже как-то говорил: это грязная работа, но кто-то должен ее делать.

Она снова посмотрела на Селкирка.

— Я пообещала, что больше никого не убью, если без этого можно будет обойтись.

— Пообещала? Кому?

— Духу Крейла.

— Ты права, — проворчал Ред. — Нельзя нарушать обещание, которое дал покойнику. У тебя строгие принципы. Мне это нравится. Не знаю, что бы я сказал, если бы ты его

пристрелила. Наверное, попытался бы понять. Черт... Если кто и имеет право рваться к курку, так это ты — после всего, что тебе пришлось перенести.

— Как трогательно, — сказал Селкирк.

Ред повернулся к нему.

— А вы придержите язык. У нас есть для вас подходящее местечко. Оно очень далеко отсюда, и нежиться на солнце там не придется. Пища здоровая, но простая, и обстановка скорее спартанская. Но это куда лучше, чем кататься по земле в предсмертных корчах. — Он оглянулся через плечо на Сару и сделал шаг назад. — Давай отведем его вниз. Вот-вот придет Уолт. Мы доставим его самолетом в Северное Убежище, запрем, а ключ выбросим. Годится?

— Годится.

— А если он что-нибудь попробует выкинуть...

— Ред, ты сказал, что у меня строгие принципы. Так вот, один из них состоит в том, что не надо делать совсем уж исключительных глупостей. Я всегда готова защищаться и защищать кого угодно. Я даже готова убить его, если другого выхода не будет. Но я думаю, что с таким же успехом можно прострелить ему коленную чашечку.

Она не была уверена, что попадет в коленную чашечку бегущего человека, но Селкирк этого знать не может.

Тогда чему он все-таки радуется?

В тот момент, когда Ред находился примерно посередине между ними, Селкирк вдруг заговорил громко и отчетливо:

— Сара! Сара Бомонт! Кетле велит тебе исполнить твой долг!

Его голос эхом отдался у нее в мозгу. Каждое слово гремело, как раскаты грома. У нее внезапно появилось ощущение, будто она оказалась где-то на огромном расстоянии отсюда. Две фигуры, стоявшие перед ней, остались такого же размера, но стали вдруг казаться совсем крохотными. Звуки извне доносились к ней, словно сквозь вату. И последняя ее сознательная мысль была о том, что той ночью в горах Морин Говард, оказывается, не только допросила ее...

— Убей его, — прозвучал голос у нее в голове. — Убей Джимми Кальдеро.

Ред увидел, как напряглась Сара при этих словах, и мгновенно понял, что произошло. Она повернулась и навела пистолет на него. Дульное отверстие показалось ему огромным, как у пушки. Поверх прицела смотрели на него мертвые, пустые глаза, в которых отражались первые золотистые лучи утренней зари.

У него еще оставался шанс. Если прыгнуть на нее, можно выбить пистолет из ее руки, и он, описав дугу, полетит через перила.

И Сара за ним.

В этом все дело. Прием состоял из нескольких последовательных движений, и он не был уверен, что сможет, выполнив первую его часть, вовремя остановиться.

Эта мысль заняла столько же времени, сколько длится один удар сердца. Целую бесконечность.

Потом Селкирк иступленно крикнул:

— Брось мне пистолет, сука!

Сара повернулась к нему, как зомби, и, опустив пистолет, перебрала ему. Селкирк ловко поймал его и навел на Реда. Тот застыл, не успев броситься вперед.

— У меня тоже есть свои принципы, — заявил Селкирк. — И один из них — не оставлять свидетелей. Я не знаю, что там случилось с ее программой, но теперь от нее нам уже не будет никакой пользы.

Пот, стекавший по спине Реда, сразу становился ледяным на холодном ветру. Через плечо Селкирка он видел пролив Голден-Гейт.

— Подождите, — сказал он. — Сначала приведите ее в себя.

— Зачем?

— Чтобы... чтобы мы могли попрощаться.

Казалось, эта просьба почему-то огорчила Селкирка. Он перестал улыбаться и попятился назад, пока не оказался у самой балюстрады. Но пистолет в его руке не дрогнул.

— Хорошо. Я это сделаю. Я все-таки не такое уж чудовище. Но я выполню свой долг, даже если это мне не доставит удовольствия. Вы-то меня понимаете, а она нет. — Он кивнул в сторону Сары.

Ред вздрогнул. Селкирк хочет сказать, что у них много общего. И самое скверное — то, что он действительно его понимал. Не мог он понять только одного — что должен сделать человек, чтобы Селкирк счел его чудовищем.

— Я никогда никого не убивал только по обязанности, — сказал Ред. С гордостью? Но действительно ли он мог этим похвалиться или просто обстоятельства никогда не ставили его перед таким выбором?

— Ну, еще убьете. Или могли бы убить.

Неужели Селкирк прав? Неужели он просто старается не заглядывать так далеко в будущее? Неужели именно этим кончится, если он возродит к жизни Ассоциацию?

— Вы ее приведете в себя? — спросил он снова.

Селкирк кивнул.

— Только без фокусов. Все равно до меня достать не успеете. — Он кашлянул и взглянул на Сару. — Сара Бомонт! Кетле тебя отпускает.

Сара вздрогнула, бросила взгляд на Селкирка, повернулась к Реду и разрыдалась, закрыв лицо руками. Ред шагнул вперед и обнял ее. Она уткнулась лицом в его плечо.

— Ох, Ред! Все-таки мне надо было его застрелить.

— Нет, нет. Ты была права. Одно дело — умереть за свои принципы, а совсем другое — убивать ради них. Месть — это для сопляков. Она только оправдывает все, что сделал тебе враг, и служит ему сигналом, что снова наступила его очередь.

Он ласково погладил ее. Она подняла голову.

— Ред, поцелуй меня. Я... Морган хотел... Но я никогда еще...

Видя ее смущение, он не дал ей договорить.

Поцелуй оказался совсем не таким, какого он ожидал. Прощальные поцелуи всегда совсем не такие. У Алисы губы уже успели похолодеть, когда он... Но у Сары они были теплые и податливые. Прикосновение к ней потрясло его, голова у него бешено кружилась, но во всем этом не было ни капли эротики. Чувство, охватившее его, было намного сильнее. Не выпуская ее из объятий, он заметил, что сердца их бьются в такт. Как странно — в последнюю минуту обратить внимание на такую мелочь.

— Я всегда был против долгих прощаний, — сказал Селкирк.

Ред еще крепче прижал Сару к себе.

— Не смотри туда.

— Нет. — Она повернулась лицом к Селкирку. — Нет, никогда нельзя отворачиваться.

Ему не хотелось, чтобы Селкирк стал последним, что он увидит в жизни, и он не отрывал глаз от ее лица. Когда прозвучал выстрел, он дернулся.

— Боже мой! — произнесла Сара. Он еще крепче стиснул ее, но она потянула его за рукав и повернула лицом к Селкирку. — Нет, смотри!

На белой рубашке Селкирка как будто распустился большой алый цветок. Глаза его побелели и расширились, рот был полуоткрыт. Он приложил руку к груди, отвел ее и увидел, что она покрыта кровью. Он изумленно показал им окровавленную ладонь. Губы его дрогнули, но не издали ни звука, лицо смертельно побледнело.

Второй выстрел пришелся ему в шею. Он выгнулся назад и перевалился через балюстраду, словно его небрежно пере-

бросила туда чья-то гигантская рука. Звук падения донесся до них три секунды спустя, но эти три секунды показались им вечностью.

Ред кинулся к перилам и поглядел вниз. Селкирк лежал на ступенях, разбросав руки и ноги, как тряпичная кукла. Чу и Уолт стояли рядом, удивленно глядя на него. Посредине автостоянки стоял фургон Чу с распахнутыми дверями. В руках у них были пистолеты. Уолт увидел, что Ред смотрит на него сверху, и сунул свой пистолет в кобуру.

Ред повернулся к Саре и заметил, что она пристально смотрит на ряд одинаковых жилых домов, стоящих на склоне холма напротив.

— Подмога пришла, — сказал он.

Она не ответила. Ред подошел к ней и обнял ее за плечи.

— Я одного не понимаю, — сказал он. — Стреляли не из пистолета. И Уолт стоял не в той стороне. Что же это было?

Сара зябко обхватила себя руками.

— Винтовка для всякой нечисти, — сказала она.

XV

Джереми поднял голову и посмотрел на верхушку небоскреба. Сколько в нем этажей? Слишком много. Манхэттен подавлял его. Здесь слишком холодно. И слишкомлюдно. Он проверил адрес по бумажке, которую держал в руке, и посмотрел на номер дома. Четыреста тридцать два. На первом этаже здания был бар-ресторан. Он взглянул на Гвинн.

— Ну, я пошел.

Она положила руку ему на плечо.

— Желаю удачи.

Он пожал плечами.

— Этот малец Босуорт ухитрился связаться с Бернстайном таким же способом, как делал Селкирк. Насколько я понимаю, Бернстайн был удивлен — хотя и не слишком, — что это оказались мы. Он признался, что Деннис все это время находился у него. Говорил что-то о том, что разошелся во мнениях с Cabinet Cache. Я не стал даже делать вид, что понял хоть что-нибудь. Эта... Как Кальдеро это называет?

— Дилемма Карсона, — сказала Гвинн.

— Вот-вот. Очевидно, у этих ребят до сих пор ничего подобного не происходило. Чистая случайность, но раскол у них начался только сейчас. И что это я так разболтался?

— В записке сказано, что нужно встретиться с ним здесь?

Он еще раз взглянул на бумажку. Хорошо он будет, если перепутает номер.

— Да. Да, это то самое место. В баре. Третье сиденье справа. Черт возьми, Гвинн, я чувствую себя так, словно впервые иду на свидание.

— Вы давно его не видели.

— С тех самых пор. Мы... Мы никогда так надолго не расставались.

Гвинн слегка подтолкнула его.

— Так нечего больше тянуть. Я буду ждать вон в том кафе на углу.

Он вытащил из накладного кармана на груди платок и вытер лоб.

— А вы не думаете, что это западня?

Она мотнула головой.

— Нет, в этом не было бы никакого смысла. Если бы Бернштейн хотел от нас скрыться, он просто перенес бы свою штаб-квартиру куда-нибудь в другое место. И либо захватил бы Денниса с собой, либо... либо нет. — Она взглянула на верхний этаж небоскреба. — Я думаю, он ищет союзников.

— Таких крутых парней вроде нас с вами, должно быть.

В баре стоял полумрак и было довольно много народу — обычной публики, какая заполняет бары в центре города в пятницу после обеда. Это были по большей части бизнесмены, которые засиделись за обедом в ожидании, пока не настанет пора отправляться домой, и торговцы, которые с преувеличенным энтузиазмом расхваливали свой товар скупающим покупателям, польстившимся на дармовую выпивку. Джереми остановился в дверях и огляделся. Несколько посетителей равнодушно взглянули на него. Он не имел ни малейшего представления, каков на вид Бернштейн, но ему говорили, что тот примет все меры предосторожности. Как это называется — «залег в подполье»? Все это здание, видимо, представляло собой крепость. Джереми не сомневался, что в баре находится телохранитель, и не один. Наверное, это были те, кто сидел, немного отодвинувшись от стола, расстегнув пиджак и держа правую руку свободной.

Один из посетителей посмотрел на него с явным сексуальным интересом. Джереми улыбнулся ему и едва заметно мотнул головой. Человек пожал плечами и отвел глаза. Джереми стянул с рук перчатки и подошел к стойке. Вдоль нее стояли высокие сиденья. Большая часть их была не занята, но на третьем справа кто-то сидел.

Сзади этот человек был похож... Нет. У него слишком

широкие плечи, гораздо шире, чем у Денниса. Может быть, это Бернштейн? Джереми подошел к нему и дотронулся до его руки.

— Простите, но...

Человек бросил на него ледяной взгляд, и Джереми осекся. Маленькие глазки, смотревшие на него с обеих сторон огромного, изрытого оспинами носа, пригвоздили его к полу. Человек молчал ровно столько времени, чтобы Джереми успел как следует испугаться, потом кивнул:

— Извините. Это ваше место?

Не дожидаясь ответа, человек взял свой стакан и ушел. Джереми показалось, что он заметил у него под пиджаком что-то черное и блестящее. Человек подсел к кому-то еще за столик у входа, и оба начали с одинаковым интересом смотреть на Джереми и на дверь. Джереми перевел дух и взгромоздился на освободившееся сиденье. Стойка была чистая, он положил на нее перчатки и шляпу, сцепил пальцы и приготовился ждать.

Бармен, худой смуглый человек со шрамом над глазом, увидел Джереми и, хромя, подошел к нему.

— Вам что-нибудь подать?

Джереми взглянул через плечо в сторону двери.

— Да. Все равно, что. Я тут жду.

— Все мы чего-нибудь ждем, — философски заметил бармен, отошел и достал бутылку и бокал. Джереми смотрел, как он наливает коктейль, пунктуально отмеряя все составные части.

Уголком глаза он заметил какое-то движение у входа и обернулся. Но это были всего лишь две молодые женщины, увешанные яркими браслетами, с длинными, замысловатыми прическами «джерси». Они, смеясь, о чем-то перешептывались. Несколько человек внимательно смотрели, как они уселись в отдельной кабинке, а один из торговцев поправил галстук и подошел к ним. Все было так обычно, что Джереми стало не по себе.

Он снова повернулся к стойке. Коктейль уже стоял перед ним. Он лениво поболтал в бокале зубочисткой с насаженной на нее маленькой луковкой, глядя, как по поверхности прозрачной ледяной жидкости расходятся круги. Взглянув на часы, он снова посмотрел в сторону двери. Ему казалось, что он слишком замечен. Сидеть было неудобно — чтобы следить за дверью, приходилось поворачиваться всем телом.

Как узнать Бернштейна, когда он войдет? Может быть, по тому, как на это прореагируют другие сидящие в баре? Но нет, большая часть их — обычные люди, занятые своими

обычными делами: накручиванием счетов на представительство, мелкими супружескими изменами. Джереми чувствовал себя среди них чужим. Как будто последние месяцы он прожил в каком-то тайном мире, стеной отделенном от реальности. В мире, состоявшем из безымянных меблированных комнат и потайных ходов. В мире, где принимались решения о будущем человечества и где политики, публика и даже крупные корпорации получали указания, как эти решения выполнять. Словно он жил за кулисами и теперь, наверное, никогда уже не сможет ни спокойно сидеть в зале среди зрителей, ни принимать участие в действии, которое разворачивается на сцене.

Джереми отхлебнул из бокала. Это был martini с водкой, и очень неплохой. Потом он продолжал мысленно развивать аналогию с театром. Когда-то он говорил Кальдеро, что ему все равно, живет мир по кем-то задуманному сценарию или нет. Но сейчас ему почему-то очень захотелось увидеть подлинную импровизацию.

В дверях слышались шаги. Он обернулся и увидел худощавого человека средних лет с сединой на висках, одетого в дорогой костюм из темного сукна. На руках у него были серебристые лайковые перчатки, а под мышкой он держал, как офицерский стэк, трость с золотым набалдашником. Человек встретился взглядом с Джереми.

У Джереми подкатил комок к горлу. Он увидел в этом взгляде рассеянный интерес к себе, чуть сексуально окрашенный, но холодный и отчужденный. Взгляд отнюдь не дружелюбный, но и не враждебный.

Человек — может быть, это и есть Бернстайн? — холодно кивнул и сел за свободный столик. Джереми заметил, что со всех сторон за соседними столиками сидят здоровенные мужчины, держа бокалы в левой руке.

Он повернулся к стойке и поспешно сделал глоток. Бернстайн это или нет? Что означал его кивок — приглашение подойти? Что он должен делать?

Джереми разглядывал остатки своего коктейля, медленно вращая бокал между ладоней, как бойскаут, добывающий огонь трением. Вдруг он замер. Мартини с водкой? Он сказал бармену, чтобы тот подал ему все равно что, и тот подал martini с водкой?

Он поднял голову и уставился на бармена. Он увидел, что тот пристально смотрит на него. Шрам, смуглая кожа, хромота... Бармен подошел, остановился напротив него и вытер стойку полотенцем.

— Еще один, сэръ? — спросил он.

— Деннис? — прошептал Джереми, наполовину боясь, что угадал, наполовину — что ошибся.

Бармен кивнул.

— Привет, Джерри. Давно не виделись.

— Ты... изменился.

— Конечно, Джерри, изменился. Все мы меняемся. Но чтобы это заметить, нужно уехать и потом вернуться. Или... вспомнить. — Его взгляд, казалось, устремлен куда-то внутрь себя. — Ты тоже изменился. Пол меня предупреждал.

— Пол?

Деннис кивнул человеку, который только что вошел в бар.

— Пол Бернстайн. — Человек сидел, положив на столик перед собой руки с переплетенными пальцами и глядя на них. Он тоже кивнул в ответ — один раз.

Джереми снова повернулся к Деннису.

— Может быть, я и изменился, но не настолько. Ты...

— Изменил внешность? Да. Пластическая операция. Это было ужасно, но ты ведь понимаешь, что после того несчастного случая им пришлось восстанавливать мне черты лица почти с нуля. Ты меня не спросил, что со мной было.

— Что с тобой было? — с трудом выдавил Джереми.

Деннис вытер руки полотенцем.

— Сначала это был кошмар. Я проснулся и увидел, что я не в городской больнице, а в какой-то частной клинике. Все у меня болело. Через некоторое время боль прошла, появились какие-то люди и стали меня расспрашивать. Что я знаю, откуда знаю, кому это говорил, и все такое. Я думал, меня захватило Общество Бэббиджа. — Он медленно покачал головой. — У них был тот перечень, что я нашел в особняке Куинна на Эмерсон-стрит. Он очень их заинтересовал и очень встревожил. Они решили — это означает, что их тайна раскрыта и что они попали в западню. — Он взял бокал. — Дай-ка я налью тебе еще. — Он отошел в сторону, вновь наполнил бокал из графина, принес и поставил перед Джереми, который молча смотрел на него.

— Так вот, я думаю, ты кое-что знаешь, может быть, даже почти все. Организация Пола решила распространить свои действия на Соединенные Штаты. Они ни перед чем не останавливаются. Часть их хотела... — Он закусил губу и опустил глаза. — Они хотели избавиться от меня, когда кончат меня допрашивать. Это были те, кто пытался убить и тебя тоже. Но Пол ухитрился вывезти меня и спрятать здесь, где они не могли... В общем, так. — Он вытер руки полотенцем. — Главным образом поэтому мне и понадобилось новое лицо.

Джереми вертел в руках зубочистку с луковкой.

— А почему Бернштейн решил тебя спасти?

Деннис бросил быстрый взгляд через плечо Джереми.

— Почему? Наверное, сразу по многим причинам. У него какой-то зуб на Sachette. Что-то связанное с его отцом и уничтожением евреев в Германии. Я не знаю всех подробностей. Он мне не говорил, но у меня такое впечатление, что он вынашивал этот план очень давно.

— А почему это могло заставить его выступить против своих собратьев? — Джереми покачал головой. — Ему не было никакой нужды тебя спасать.

Деннис отвел глаза в сторону и пожал плечами.

Джереми взглянул на Бернштейна, который слегка улыбнулся ему. Значит, вот оно что. Он подумал, что должен был бы испытывать ревность. Но не так легко возбудить в себе недоброе чувство к человеку, который спас Денниса. Джереми отвернулся и уткнулся в свой коктейль. Неприятно, когда люди за спиной следят за каждым твоим движением.

— Все получается совсем не так, как я ожидал.

— А чего ты ожидал? Что я брошусь к тебе в объятия? — Деннис снова пожал плечами. — Люди меняются. Мне хотелось выжить, Джерри. А для этого пришлось обрубить все нити, которые связывали меня с прошлым.

— Все?

— Да.

— И ты... никогда об этом не жалеешь?

— О чем? О прошлом? — Деннис скрутил полотенце в тугой узел. — Каждый день жалею. О тебе. О нашей квартире. О Саре. О моей работе. Ничего этого уже нет. Ничего, что я знал, чем я владел. И что я любил. Как же об этом не жалеть? — Он поглядел на полотенце, развязал узел и разгладил его. — Ну, что сделано, то сделано.

— Понимаю.

— Не думай, я представляю себе, что ты пережил. И ради чего. Я тебе признателен, я тронут. Только...

— Неважно. — Джереми слез с сиденья и взял со стойки шляпу и перчатки. — Я пойду. Не буду больше тебя тревожить..

— Погоди. — Деннис положил руку ему на запястье. — Ты еще вернешься. Пол этого хочет.

Джереми взглянул на Бернштейна.

— Ну, раз уж Пол хочет...

— Не надо так. Ему нужен связной. Кто-нибудь, через кого можно поддерживать контакт между его группой и... ну, группой, с которой связан ты.

Джереми скривил губы.

— Это с какой? Их так много...

— Отчасти в этом все и дело. Мы должны как-то согласовать свои действия.

— Разве? А почему именно я?

Деннис поглядел ему в глаза.

— Пол считает, что у тебя с ним есть некоторые общие интересы.

— А почему я должен во все это впутаться?

— Потому что есть такие люди, кто сбивает машинной безобидных архитекторов и взрывает профессоров-историков, и есть другие люди, которые хотят их остановить.

— Вся проблема в том, что многие хотят их остановить и у всех разные мотивы.

— Тем больше оснований попробовать навести мосты.

Джереми натянул перчатки и взял шляпу.

— Хорошо. Я поговорю об этом с моими... друзьями. Прощай, Деннис. Я передам от тебя привет Саре.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Джерри!

— Да?

— Знаешь, ты тоже изменился. Если бы этот наш разрыв происходил в июне прошлого года, ты бы сейчас был уже вне себя от отчаяния. Ты стал другим. Более уверенным в себе. Более независимым.

Джереми остановился и оглянулся. Деннис крутил в руках полотенце.

— Да, должно быть, так и есть. Ты прав. Люди меняются. Иногда они при этом становятся более независимыми. — Он надел шляпу. — Увидимся.

— Ну как? — спросила его Гвинн в кафе на углу.

Джереми задумчиво посмотрел на небоскреб, поднимавшийся в середине квартала.

— Я только что встретился с человеком, который когда-то был Деннисом Френчем.

XVI

Струны пианино рыдали. Оно было слегка расстроено, и звуки блюза раздирали ей сердце. Пальцы ее легко скользили по клавишам, рождая печальные звуки. Она подпевала вполголоса, медленно покачивая головой из стороны в сторону. Мистер Мяу сидел на крышке пианино и слушал, полускрыв

глаза. Казалось, все подземное убежище отступило куда-то далеко-далеко.

— «Я пою, я от счастья пою», — напевала она тихо, потому что, когда поешь для себя, нет нужды петь громко. — «Я свободен, и я пою». — Ее слегка дрогнувший голос задержался на этой фразе. — «И только Господь на небе знает, как я его люблю».

— Ну еще бы, конечно, знает. Он все знает, кто кого любит.

Из-под пальцев Сары вырвался диссонирующий аккорд.

— И давно ты тут подслушиваешь, Ред? — Она повернулась на стуле и увидела, что он собирает свой кларнет. — Не смущай меня, — продолжала она. — Не так уж я хорошо пою. Не люблю, когда кто-то слушает.

— Ну, примадонна из тебя не выйдет, это точно. Но иногда душа важнее, чем голос. — Он сунул мундштук кларнета в рот и смочил его слюной. — Как, например, у меня. — Он вынул мундштук и помахал им в воздухе. — Хорошую песню ты пела. Правильно, Господь все знает. И то, что нас сейчас, по всем правилам, не должно бы быть в живых, тоже. Ты можешь объяснить, как все это получилось?

— Джейни не осознается, что была в Сан-Франциско. Говорит, ездила на охоту.

— На охоту, — проворчал Ред. — Это можно толковать по-разному.

— Ред, что за человек Джейни Хэч? Я никак не могу ее понять.

— Никто не может. Она делает, что ей вздумается, а потом придумывает себе оправдания. Может быть, ты просто ей приглянулась.

— Подумай только, какая ирония судьбы. Селкирк мог не согласиться на твою последнюю просьбу. Может, это был первый действительно добрый поступок в его жизни, и от него он погиб.

— Хорошие люди умирают молодыми, — философски заметил Ред. — Что ты хочешь этим сказать? Что если бы он был добрее, он бы умер куда раньше?

— Если бы он был добрее, он вообще не оказался бы на той башне. — Ее пальцы снова тихо прошлись по клавишам. — Я думаю, он хотел доказать, что он все-таки не чудовище.

— Зачем было доказывать это нам? Он же собирался убить нас, верно?

— Нет. Доказать самому себе.

— Ах, вот что. — Ред поставил мундштук. — Ну, ладно. —

Он сыграл несколько пробных пассажей, снова вынул мундштук и начал его разглядывать. — А почему ты меня не застрелила?

— Ничего себе вопрос.

— Там, на башне. Когда Селкирк привел в действие твою программу. Ты не стала стрелять. Не думай, я рад, что ты этого не сделала. Но я не понимаю. Я ведь знаю, как сильно действует такое внушение.

Она сыграла несколько тактов блюза, и ее пальцы замерли в воздухе над клавишами.

— Знаешь, это очень странно. Я могу припомнить все, что тогда произошло. Во всех подробностях. Холодный ветер. Соленый запах с моря. Как все словно засветилось, когда появилась заря. Но это как сон. Все нереально, как будто я была совсем не там, а глядела откуда-то издалека. — Она повернулась на стуле и посмотрела на него. — Он приказал мне убить Джимми Кальдеро, и я помню, что глядела и глядела на тебя, но видела только Реда Мелуона.

Ред вздрогнул.

— Семантическая тонкость, — сказал он. — Но это не должно было помешать.

— Нет, дело не в семантике, Ред. В глубине души я никогда не воспринимала тебя как «Джимми Кальдеро». Селкирк велел мне убить человека, который, насколько это меня касалось, никогда не существовал.

— Ах, вот что, — сказал он, рассеянно перебирая клапаны. — Ну, ладно.

— Чем ты недоволен?

— Я-то надеялся, что это просто любовь пересилила внушение.

— Ты серьезно?

— Нет. Не совсем. Но было бы здорово, а?

Она повернулась к нему спиной и медленно, тихо сыграла хроматическую гамму.

— Любовь пересилила внушение? — повторила она. — Может быть... А ты когда-нибудь был влюблен?

— Да. Один раз.

Она на секунду остановилась, потом продолжала играть гамму.

— Понимаю. Джексонвилл, да?

— Тебе кто-то рассказал.

Она мотнула головой так, чтобы он видел.

— Нет. Но я не такая уж дура — когда ветер с нужной стороны, могу кое-что сообразить. И если вижу шрам от

старой раны, могу понять, в чем дело. Как ее звали? Не Фанни Пауэр?

— Нет. Алиса Маколиф. Ее звали Алиса Маколиф.

Алиса Маколиф. Имя из перечня.

— А что произошло?

— Ну, она была вроде тебя. Знала больше, чем надо. Была системным аналитиком, заинтересовалась историей. Толкнулась сюда, толкнулась туда и не успела опомниться, как оказалось, что она знает слишком много. Вейл закатила истерику и приказала ее убить, а Кэм послал меня, чтобы я ее предупредил. Мы вдвоем несколько недель прятались в хижине в Скалистых горах, пока Кэм торговался с Советом, чтобы ее допустили к нам, в Убежище. Это были... это были долгие недели, за это время мы хорошо узнали друг друга. Переговоры кончились успешно, все шло благополучно, только Кеннисон забыл отозвать своих псов. Или просто не подумал об этом. Они настигли нас в Джексонвилле.

Он умолк. Она оглянулась на него через плечо.

— И дальше?

— Что дальше? Дальше получилось не так гладко, как у нас с тобой. У нее не было твоего опыта и твоих талантов. Я доверился кое-кому, кому доверяться не следовало, и мы... В общем, кончилось плохо. Давай больше об этом не будем.

— Значит, вот о чем говорила Джейни...

— О чем?

— В тот день, когда привезла нас в Стейплтон. Она сказала тогда, что моя безопасность важнее для тебя, чем для меня. Тогда я подумала, что в этом нет никакого смысла.

— Я тоже в этом смысла не вижу, — сказал он. — Джейни всегда была для меня загадкой. А зачем тебе все это нужно знать?

— Потому что я должна понять, почему вроде бы разумный человек может полезть на Койт-Тауэр безоружным, зная, что там его поджидает вооруженный убийца.

— Тогда мне показалось, что это неплохая мысль.

— Ты действительно способен шутить по поводу самых серьезных вещей?

Он посмотрел на нее и печально усмехнулся.

— Бывают вещи такие серьезные, что иначе нельзя.

— Ты думал, кто там на башне — Алиса или я?

— Дурацкий вопрос. Какая тебе разница? Ведь тебе никакая помощь никогда не требуется. Ты сама по себе.

Она поглядела на Мистера Мяу, протянула руку и почесала ему между ушей. Перед глазами у нее промелькнула вереница лиц. Мама. Папа. Эйб. Морган. Деннис.

— Да, иногда. Бывает, я даже это понимаю. Не у тебя одного есть шрамы.

— Может быть...

Он заколебался, она снова обернулась и посмотрела на него.

— Почему ты никогда не пытался меня поцеловать? — спросила она.

Он удивленно взглянул на нее.

— Я... Джейни как-то меня об этом спросила. Не знаю. А если бы ты меня оттолкнула?

— А если бы нет?

Внезапно Саре пришла в голову невероятная мысль — неужели Джейни подстроила всю эту историю на башне только для того, чтобы заставить их поцеловаться? А если бы они этого не сделали? Застрелила бы она тогда Селкирка? Да нет, что за чепуха!

— Ред, а если бы в заложниках на башне оказался Уолт Половски, ты бы все равно полез на башню без оружия?

Он усмехнулся.

— Ну, может быть, не так резко.

Она рассмеялась.

— Но ты бы все равно это сделал. Правильно, всегда надо делать то, что следует, неважно, ради кого. Загляни ко мне сегодня часов в семь, у нас есть еще одно неоконченное дело. Я человек честный, обед за мной. Джейни обещала допустить меня на кухню. А пока... — Она кивнула на кларнет. — Это ты для красоты держишь или чтобы играть?

Ред посмотрел на кларнет.

— Дай-ка мне ля.

Она нажала на клавишу, Ред извлек ноту, нахмурился и покачал головой.

— На полтона выше, — заметила она.

— Знаю. Но у тебя нота тоже не совсем правильная. — Он подкрутил мундштук. — Попробуй еще.

— Так лучше. Что ты хотел сыграть? «Хай Сосайети»?

— Может быть, твой любимый? «Мэйпл-Лиф Рэг»?

— Я не знала, что ты его выучил.

— Я посмотрел ноты, но я хочу сыграть его по-твоему — на слух.

Она улыбнулась ему.

— Для тебя это довольно необычно.

— Да. Только прошу тебя, сначала сделай вот что. Сыграй его весь, чтобы я послушал.

Сара начала играть. Ред сидел, подавшись вперед и вслу-

шиваясь в мелодию. Через минуту или две она сказала деловым тоном:

— В следующий вторник я встречаюсь с Деннисом.

Ред проворчал что-то невнятное.

— Судя по тому, что рассказывает Джереми, он сильно изменился за то время, что мы не виделись. Наверное, заключение так на него подействовало. Заложник со временем проникается любовью к тому, кто его захватил. Не знаю. Слушай внимательно этот переход.

Она сыграла его дважды, чтобы он мог запомнить. Она видела, что он беззвучно перебирает клапаны кларнета.

— Не знаю, — повторила она. — Возможно, он сам сделал выбор. Возможно, благодарность переросла во что-то другое, а возможно, этот Бернстайн имел в виду не просто насолить своим коллегам. А может быть, Деннису устроили промывание мозгов — запрограммировали его, как меня. — Она покачала головой. — Со мной, кажется, в жизни не было ничего ужаснее и никогда не будет. Сама мысль о рабстве для меня связана с такими ассоциациями, каких у тебя быть не может. А это самая последняя степень рабства — когда в рабстве не только тело, но и душа.

— Это нехорошо. Я этого не одобряю.

Она перестала играть.

— А чем это отличается от того, что делают «они» или Шестерка? Или от того, что ты собираешься заставить делать Ассоциацию? Это все равно управление, манипулирование. Одни это делают оптом, другие в розницу, но разве это так уж существенно?

Он отвел глаза.

— Не знаю. Раньше мне казалось, что да, но теперь я поумнел.

— Чем больше умнеешь, тем меньше знаешь. Или тем больше сомневаешься. Вот почему фанатики всегда добиваются своей цели. Они все знают наверняка. Ты готов? Ну, вступай за мной.

Она сыграла первую фразу рэгтайма, и Ред повторил ее. Несколько раз он сфальшивил, но Сара старалась не морщиться, и в конце концов он взял верный тон.

— Был такой момент, — сказала она, продолжая играть, — когда я думала, что клиологических обществ развелось слишком много. Общество, Ассоциация, группа «К», Шестерка, «ДБС», даже правительство Соединенных Штатов или, во всяком случае, какая-то часть его, если верить твоему приятелю Чарли. Но в последнее время я начала подумывать, а не мало ли их.

Он перестал играть.

— Мало?

— Мало. Что, если бы каждый знал, как это делается? Что, если бы клиологию преподавали в МИТ и в Калтеке*? Ты как-то сказал мне, что каждый старается изменить будущее. А что, если бы у каждого был в руках инструмент, чтобы делать это лучше?

— Получился бы хаос. У всех свои представления о том, каким должно быть будущее. Все тянули бы в разные стороны.

— Ну и что? По крайней мере, все играли бы на равных. А жизнь менялась бы в том направлении, куда потянет больше людей. Когда играют миллионы игроков, случайные вариации взаимно уничтожаются. Это же основы теории вероятностей, верно? Нормальное распределение ошибок. Может быть, Общество Бэббиджа и наделало столько глупостей потому, что занималось инбридингом. Должно происходить что-то вроде дрейфа генов.

Он встал, подошел, положил ей руку на плечо и наклонился поближе.

— Сыграй этот рэг опять, — сказал он. — В первый раз я слишком много врал. И погромче, — шепнул он.

Она вопросительно посмотрела на него, но он приложил палец к губам. Она ударила по клавишам, он наклонился еще ближе и шепнул ей на ухо:

— Давай не будем здесь об этом говорить. Завтра поедem кататься верхом. Ты покажешь мне эту свою Альтафлору.

— Не говори глупостей. Сейчас она вся засыпана снегом.

— Ну, что-нибудь еще покажешь.

Он наклонился еще ближе и поцеловал ее в щеку.

— Я могу зайти попозже, если надо, — сказал Текс Боудин, стоявший в дверях.

Сара помахала ему рукой, не сбившись с ритма. Ред снова взял в руки кларнет.

— Какого черта, Текс, присоединяйся, — сказал он.

Сара продолжала играть, но немного тише.

— Сейчас. Дайте мне только позвонить.

Текс подошел к телефону на стене и сказал в трубку несколько слов. Потом направился к шкафу и вынул из него тромбон. Собрав его несколькими уверенными движениями, он подвигал кулису.

* Массачусеттский технологический институт (МИТ) и Калифорнийский технологический институт (Калтек) — крупнейшие и наиболее известные технические вузы США.

— Что будем играть?

— Рэгтайм, — сказала Сара. — Может быть, немного диксиленда.

— А по-чикагски вы умеете?

— Может быть, позже, если будете хорошо себя вести.

Она сыграла финал «Мэйпл-Лиф» и начала вступление к «Хай Сосайети». Ред с улыбкой взглянул на нее.

— Спасибо, — сказал он.

— Чем богаты, тем и рады, — отозвалась она.

Они заиграли втроем. Текс довольно уверенно вел на своем тромбоне басовую партию, хотя Саре и показалось, что мелодию он слышит в первый раз. «Хорошо импровизирует», — подумала она.

Через несколько минут в комнату вбежал человек с большой лысиной и курчавой бородой во всю грудь. В руке у него была труба. Он хлопнул Текса по спине и уселся рядом с ним. Некоторое время он вслушивался, притопывая в такт ногой, потом поднес к губам трубу и надул щеки. Серебристый звук трубы уверенно подхватил мелодию.

Когда Ред без единой ошибки сыграл свое сложное соло, Текс испустил радостный ковбойский клич, а из дверей раздались дружные аплодисменты. Сара оглянулась и увидела, что там собралась небольшая толпа.

Они уже приближались к финалу, когда она услышала:

— Прошу прощения. Пропустите, пожалуйста.

Она увидела, что через толпу проталкивается Уолт Половски, таща за собой Умника. Пробившись в комнату, Половски показал ему на ударную установку, стоявшую в углу.

— Вот, я же тебе говорил, что у нас все есть. Теперь не зевай, тебе вступать после Джимми.

Босуорт поглядел по сторонам, зардевшись от смущения, сел за ударные, взял в руки палочки, примерился и сыграл на пробу короткую трель.

— Спасибо, что меня позвал, Текс. Привет, Стош, Джимми, Гло... то есть Сара. — Половски водрузил на колени помятую тубу и объявил: — «Джо Эвери». Возражений нет?

— Делай, что он говорит, Сара, — сказал ей Ред. — Это его коронный номер. Заходи, Кэм. Тоже хочешь сыграть с нами?

Человек, которого Сара еще ни разу не видела, занял место у стены. У него было худое лицо с резкими чертами, а волосы его давно выбелила седина.

— Посмотрим, — сказал он, перебирая струны банджо. — А вы что, позировать собрались или играть?

«Джо Эвери» начинается с громкой, веселой басовой фразы, и Половски сыграл ее свободно и уверенно. Звуки лились с легкостью, необычной для тубы. Когда мелодию подхватила труба, Половски заиграл тише, создавая мерный ритмический фон.

Все солировали один за другим, и каждый вкладывал в музыку что-то свое. Звонкая труба местами лишь намекала на мелодию, выводя одни ноты и заставляя угадывать другие. Тромбон в руках Текса звучал мягко и сочно, а Кэм Бетанкур выделял на банджо такие вещи, каких никогда еще никому не доводилось слышать даже в низовьях Миссисипи. Когда очередь дошла до Сары, она прикрыла глаза и заиграла так, будто вокруг никого нет. Ее пальцы порхали по клавишам, и ей казалось, что музыка уносит ее куда-то вдалеку и ввысь.

Ред играл старательно, почти не импровизируя, но это не портило дела, потому что он играл сразу в двух регистрах: в нижнем вел главную тему и тут же в верхнем — ее контрапункт. Долгие, мелодичные ноты в дискантовом ключе плыли в воздухе, оттеняемые настойчивым скачущим ритмом, который держал Уолт.

Когда Ред отыграл, настал черед Норриса. Парнишка обращался с ударными так, словно в дверях не толпилось десятка два слушателей, а лицо его не заливал румянец густо-свекольного цвета. Его пассажи были больше похожи на рок, чем на джаз, но исполнял он их без сучка и задоринки.

Сара заметила среди толпы Джейнни Хэч — лицо у нее, как всегда, было каменное, губы поджаты. Она мерно покачивала головой в такт музыке. Сара поймала ее взгляд и беззвучно произнесла «Спасибо», но Джейнни только пожала плечами в ответ, вытерла руки о штаны и шагнула в комнату.

У дальней стены комнаты лежал на боку большой контрабас. Джейнни поставила его стоймя и пробежала пальцами по ладам. Когда Норрис закончил свое соло на ударных, она склонилась к грифу и подхватила партию тубы, вторя ей с неукоснительной точностью. Ее суровое, невозмутимое лицо до комизма не соответствовало веселой, игривой мелодии.

Сара ждала, держа пальцы над клавишами. Когда Джейнни кивнула, все заиграли разом. Басы ноты Уолта, контрапункт Реда, все остальные инструменты слились в радостной неразберихе, такой характерной для диксиленда. Слушатели, толпившиеся в дверях и в коридоре, невольно

разразились аплодисментами, а они продолжали играть. Сара чувствовала, как у нее мурашки бегут по спине от волнения.

Когда музыка умолкла, все несколько секунд сидели, глядя друг на друга, а из коридора неслись аплодисменты и восторженный свист. В ушах у Сары все еще звучали аккорды, она сидела неподвижно, не в силах отвести взгляда от клавишей. Потом закрыла глаза, расслабила напряженные мышцы, глубоко вздохнула и обернулась. Аплодисменты разразились с удвоенной силой. Она никак не могла понять, почему: сама она играла не лучше, чем обычно, и к тому же она была не одна, это волшебство творили все вместе. Тем не менее она с улыбкой приняла хвалу.

— Вот это да! — произнес Текс, и трубач по имени Стош звонко треснул его по спине. Уолт тряс руку Норрису, а другой рукой показывал на него, приглашая публику аплодировать. Босуорт, улыбаясь во весь рот, встал, судорожно кивнул и тут же снова уселся на место.

Джейни Хэч стояла, прислонившись к контрабасу. Поймав взгляд Сары, она пристально посмотрела на нее, потом на Реда, потом снова на нее и подняла одну бровь. Сара кивнула ей, и на каменном лице Джейни Хэч на мгновение промелькнула улыбка.

Ф 72 В стране слепых. Пер. с англ. —
М.: «Александр Корженевский»,
Смоленск: «Русич»;
1995. — 544 с.

ISBN 5-87917-012-8 (А.И.Корженевский)
ISBN 5-88590-188-0 («Русич»)
ISBN 0-671-69886-9 (США)

Редакторы:
А. Корженевский, Л. Птушкина

Корректор:
Г. Аванесова

Технический редактор:
У. Пал

Подписано в печать с оригинал-макета 21.02.95.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Печ. л. 17. Тираж 30 000 экз.
Заказ 292. Цена договорная.

«Александрия» — Лицензия ЛР № 063156.
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская, 43/24, оф. 31.
Фирма «Русич» — Лицензия ЛР № 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.
АО «Ключ». 214016, Смоленск, ул. Победы, 20.

Издание выпущено при участии
МП «Веди». ЛВ № 57.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Издательство
«АЛЕКСАНДР КОРЖЕНЕВСКИЙ»

и
фирма **«РУСИЧ»**
представляют
новую серию

« С П Е К Т Р »

совместные издания новых фантастических произведений
самых известных писателей США и Великобритании:

Джоан Виндж
«СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА»

Майкл Флинн
«В СТРАНЕ СЛЕПЫХ»

Барбара Хэмбли
«ТЕ, КТО ОХОТИТСЯ В НОЧИ»
«ДРАКОНЬЯ ПОГИБЕЛЬ»

Роберт Столлман
«СИРОТА» «ПЛЕННИК» «ЗВЕРЬ»

Грегори Бенфорд
«ПАНОРАМА ВРЕМЕН»

Джордж Мартин
«ГАВАНЬ ВЕТРОВ»

Джордж Мартин
«УМИРАЮЩИЙ СВЕТ»

Люциус Шепард
«ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ»

Роберт Силверберг
«СИЛВЕРКЛАССИКА»

Кэролин Черри
«ПОСЛЕДНЯЯ БАЗА»

Издательство «АЛЕКСАНДРИЯ»

и

фирма «РУСИЧ»

представляют

в серии

**«СОКРОВИЩНИЦА БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ»**

совместные издания новых фантастических произ-
ведений самых известных американских писателей:

Дэвид Брин

«ЗВЕЗДНЫЙ ПРИЛИВ»

(премии «Небьюла-83» и «Хьюго-84»)

Дэвид Брин

«ВОЙНА ЗА ВОЗВЫШЕНИЕ»

(премия «Хьюго-88», продолжение романа
«Звездный прилив»)

Джеймс Хоган

«КОДЕКС ТВОРЦА»

Дейв Волвертон

«НА ПУТИ В РАЙ»

(первый лауреат конкурса «Писатели будущего»)

Дэвид Брин

«ПОЧТАЛЬОН»

(премия «Локус»)

